

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
Центр интеллектуальной истории

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF UNIVERSAL HISTORY
Centre for Intellectual History

DIALOGUE WITH TIME

**Intellectual History
Yearbook**

1/99

Editors:

L.P.Repina, V.I.Ukolova

**Moscow
IUH RAS
1999**

**Будем же измерять время
мерой духовной!
(Р.Эмerson)**

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ

Кандидат исторических наук М.В. УКОЛОВА

Альманах
интеллектуальной истории

В альманахе представлены материалы, посвященные проблемам интеллектуальной истории, ее методологии, философии, а также ее роли в современном обществе. В альманахе опубликованы материалы, посвященные проблемам интеллектуальной истории, ее методологии, философии, а также ее роли в современном обществе.

1/99

Dialogue with time. Intellectual History Yearbook

The yearbook "Dialogue with Time" is the first Russian historical yearbook intended for consideration of the problems of intellectual history. This intellectual history field of research is broadly understood as containing history of ideas and ideologies, history of philosophy and religion, history of social and political thought, history of sciences and humanities, history of culture and history of art, music and literature, and so on — that is, the sphere of spiritual activity of all kinds of human creative activity.

**Под редакцией
Л.П.Репиной, В.И.Уколовой**

**Москва
ИВИ РАН**

1999

Институт всеобщей истории РАН, 1999

ББК 63.3

Под редакцией

Л.П.РЕПИНОЙ и В.И.УКОЛОВОЙ

Рецензенты:

доктор исторических наук Е.И.ПИВОВАР
кандидат исторических наук М.В.ВИНОКУРОВА

Д ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ. Альманах интеллектуальной истории. Под редакцией Л.П.Репиной и В.И.Уколовой. – 1/99. – М.: ИВИ РАН, 1999. – 370 с.

Предлагаемый читателям альманах "Диалог со временем" – первое в России научное периодическое издание, специально посвященное проблемам интеллектуальной истории, исследовательское пространство которой охватывает историю идей и идеологий, философской, общественной и политической мысли, естествознания и техники, социальных и гуманитарных наук, историю книги и историю религии, историю историографии и историю литературы, историю искусства и музыки и т.д. – словом, изучение исторических аспектов всех видов творческой деятельности человека, включая ее условия, формы и результаты.

Dialogue with time. Intellectual History Yearbook. – 1/99. 370 p.

The yearbook "Dialogue with Time" is the first Russian periodical specially intended for consideration of the problems of intellectual history. This interdisciplinary field of research is broadly interpreted as embracing history of ideas and ideologies, history of philosophy and religion, history of social and political thought, history of sciences and humanities, history of historiography and history of art, music and literature, and so on – that is the study of historical aspects of all kinds of human creative activity, including its conditions, forms and products.

Д 0503010000-7

45ж (03)-99

ISBN 5-201-00519-5

© Коллектив авторов, 1999

© Институт всеобщей истории РАН, 1999

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Л.П.Репина

Что такое интеллектуальная история?

Историческое знание – это тот особый случай памяти, когда объектом мысли настоящего оказывается мысль прошлого...
(Р.Коллингвуд. *Идея истории.*)

"Обнаруживая в законе времени внешний предел гуманитарных наук, История показывает, что все то, что уже было некогда осмыслено, еще будет подвергаться дальнейшему осмыслению в мысли, которой пока еще нет."
(М.Фуко. *Слова и вещи.*)

Время от времени полезно задуматься о понятиях, смысл которых, казалось бы, давно не вызывает сомнений и представляется чем-то неизменным. Поставленный в заголовок вопрос о том, что такое интеллектуальная история, – вовсе не риторический. Сегодня им задаются многие историки – и те, что давно завоевали прочные позиции в этой области исторического знания, и те, кто в одночасье, подобно мольеровскому герою, обнаружили, что "говорят прозой". И это не удивительно, поскольку "эпистемологическая революция", в которую история оказалась вовлечена позднее других социально-гуманитарных наук, вновь поставила не только историографию в целом, но и ее отдельные субдисциплины, в состояние активного переопределения своих методологических и содержательно-предметных оснований.

Именно в связи с этими процессами интеллектуальная история в 1980-90-е гг. существенно обновила свою проблематику и уверенно выходит на авансцену современных исторических исследований. Это нашло отражение и в расширении ее места в учебных программах университетов, и в росте числа периодических изданий, специально посвященных ее сюжетам или имеющих соответствующие постоянные рубрики, и в тематике международных и национальных научных форумов, и, наконец, в создании в 1994 г. Международного общества по интеллектуальной истории (ISIH), задача которого – наладить взаимодействие между учеными, занимающимися интеллектуальной историей, и специалистами из смежных дисциплин, таких как история естественных, социальных и гуманитарных наук, история книги и история религии, ис-

тория философии и история политической мысли, история историографии и история литературы, история искусства и музыки.

В создании такого сообщества воплотилось стремление объединить усилия тех специалистов, чьи профессиональные интересы связаны с исследованием всех видов творческой деятельности человека, включая ее условия, формы и результаты, – в долгосрочной исторической перспективе. В этой намеренно расширительной трактовке понятия "интеллектуальная история" есть место и для тех, кто определяет им свое проблемное поле, и для "новых интеллектуальных историков", обозначающих им свой особый подход к прошлому.² Столь же "просторной" интерпретации интеллектуальной истории придерживаются авторы и редакторы настоящего издания.

Будучи одним из подразделений исторической науки, интеллектуальная история исследует исторические аспекты других областей знания, каждая из которых имеет собственные традиции исследования своего развития. Сегодня интеллектуальная история не является исследовательским направлением, опирающимся на какую-то одну научную парадигму. Нынешняя историографическая ситуация не просто возродила интеллектуальную историю: качественно изменив проблематику, она широко раздвинула свои прежние горизонты. Исходной предпосылкой этого выхода исторической субдисциплины за свои собственные пределы является осознание неразрывной связи между историей самих идей и идейных комплексов, с одной стороны, и историей условий и форм интеллектуальной деятельности, с другой, – того, казалось бы, очевидного факта, что их невозможно изучать раздельно.³ Таким образом, принципиальным становится учет взаимодействия, которое существует между движением идей и их отнюдь не абстрактной исторической "средой обитания", теми социальными, политическими, религиозными, культурными контекстами, в которых идеи порождаются, распространяются, извращаются, модифицируются, развиваются.

Эта исследовательская установка, по самой своей сути, является междисциплинарной и интегральной. По определению Дональда Келли, "интеллектуальная история – это скорее не раздел истории, а спо-

¹ В руководящий комитет этого научного сообщества вошли ведущие ученые из разных стран. С 1996 г. им издается обзорение *"Intellectual News. Review of the International Society for Intellectual History"*.

² Подробнее о "новой интеллектуальной истории" см.: *Зверева Г.И. Реальность и исторический нарратив: проблемы саморефлексии новой интеллектуальной истории // Одиссей-1996. М., 1996. С.11-24.*

³ Эту мысль в более общей форме предельно четко выразил П.Уинч, подчеркнув, что "отношение между идеей и контекстом является *внутренним*", и то, что "интеллектуальные и социальные предметы и события" существуют как таковые "только путем отсылки к критериям, управляющим такой системой идей или способом жизни". – *Уинч П. Идея социальной науки. М., 1996. С.81-82.* Еще в 1969 г. в своей программной статье о задачах интеллектуальной истории Х.Уайт подчеркивал, что последняя нуждается в "опоре на социальную реальность, которой ей так долго недоставало". – *White H. The Tasks of Intellectual History // The Monist. 1969. V. 53. № 4. P.606-630. (P.626).*

соб (или способы) целостного рассмотрения прошлого человечества., задача интеллектуального историка – изучить все области человеческого прошлого, в которых сохранились его поддающиеся расшифровке следы (как правило, письменные и изобразительные), и придать им современный смысл средствами языка. Интеллектуальные историки всегда могут обращаться к таким дисциплинам, как экономика, социология, политология, антропология, философия, и особенно – с учетом герменевтики и целей своего предприятия – гуманитарных дисциплин, начиная с литературы и критики, но одновременно они не должны забывать о своей задаче и об ограничениях, налагаемых их культурным кругозором и дисциплинарными нормами”.⁴

Вместе с тем, здесь неизбежна здоровая толика эклектизма. Современная интеллектуальная история включила в себя весьма разнородные составляющие, которые до сих пор сохраняют свои “родовые” субдисциплинарные черты: речь идет не только о традиционной философски ориентированной истории идей и идейных систем, об истории естествознания и техники, об истории общественной, политической, философской, исторической мысли, которые по большей части сводились к их “внутренней истории”, отвлекаясь от изучения общеисторического контекста, но также и о той социально-интеллектуальной истории 1970-80-х годов, которая акцентировала социологический и организационный аспект познавательной деятельности. С одной стороны, все они продолжают свое относительно мирное сосуществование. Но, с другой стороны, постепенно происходит переосмысление предмета исследования на эпистемологических и методологических принципах современного социокультурного подхода, усвоившего уроки постмодернистского вызова и предложившего ему альтернативу. В новейшей историографии различные по своему происхождению течения переплавляются в ту “новую культурно-интеллектуальную историю” (термин принадлежит Р.Шартье), которая видит свою основную задачу в исследовании интеллектуальной деятельности и интеллектуальных процессов (в сфере гуманитарного, социального и естественно-научного знания) в их конкретно-историческом социокультурном контексте.

Новейшая историография подхватила вызов, брошенный “интерпретативным поворотом” символической антропологии и “лингвистическим поворотом” постструктурализма, которые сделали приоритетным анализ опосредований между исследователем и изучаемой им исторической реальностью. Эта проблема стала центральной и в культурной, и в интеллектуальной истории. Базовой характеристикой нового культурологического подхода к истории, под которым обычно понимают совокупность некоторых наиболее общих теоретических и методологи-

⁴ Kelley D.R. Prolegomena to the Study of Intellectual History // Intellectual News. 1996. №1. P.13-14.

⁵ Chartier R. Intellectual or Sociocultural History? The French Trajectories // Modern European Intellectual History: Reappraisals and New Perspectives / Ed. by D. LaCapra, S.L.Kaplan. Ithaca, 1982. P.34.

ческих принципов, разделяемых новой культурной и интеллектуальной историей, является признание активной роли языка, текста и нарративных структур в созидании и описании исторической реальности.

Новый подход, по существу, нацелен на мобилизацию всего наиболее жизнеспособного в арсенале социокультурной истории. Большие надежды возлагаются на переориентацию последней "от социальной истории культуры к культурной истории социального"; или "к культурной истории общества", предполагающей конструирование социального бытия посредством культурной практики, возможности которой, в свою очередь, обусловлены практикой повседневных отношений. Главная задача исследователя состоит в том, чтобы показать, каким именно образом субъективные представления, мысли, способности, интенции индивидов включаются и действуют в пространстве возможностей, ограниченном объективными, созданными предшествовавшей культурной практикой коллективными структурами, испытывая на себе их постоянное воздействие.

При этом, что существенно важно в интересующем нас плане, "новая культурная история" заменяет сложившуюся в историографии 1970-80-х годов бинарную модель культурных форм более сложной и подвижной моделью, отвергает жесткое противопоставление народной и элитарной культуры, производства и потребления, создания и присвоения культурных смыслов и ценностей, подчеркивая активный и продуктивный характер последнего. Таким образом, с точки зрения нового подхода, человеческая субъективность выступает в ее истинной целостности, неразрывно соединяющей категории сознания и категории мышления. Именно в этом варианте культурная и интеллектуальная история как бы сливаются воедино. И все же последняя сохраняет свою специфику в том, что касается ее ориентации на изучение человеческого интеллекта, интеллектуальной деятельности в историческом контексте и особого внимания к выдающимся умам прошлого, к текстам "высокой культуры".⁶

Итак, если новая культурная история, являясь по существу историей представлений, акцентирует свое внимание на дискурсивном аспекте социального опыта в самом широком его понимании, то домен собственно интеллектуальной истории — *исторические категории мышления, интеллектуальная деятельность и продукты человеческого интеллекта, а также историческое развитие интеллектуальной сферы* (включая ее художественные, гуманитарно-социальные, натуралистические, философские компоненты) в рамках общекультурной парадигмы. Таким образом, в исследовательское поле интеллектуальной истории включается и изучение разнообразного мыслительного инструментария, конкретных способов концептуализации окружающей природы и социума, т.е. история субъективности "интеллектуалов" разных

⁶ Подробнее см.: *Репина Л.П.* Вызов постмодернизма и перспективы новой культурной и интеллектуальной истории // *Одиссей-1996*. М., 1996. С.25-38.

уровней, и всех форм, средств, институтов (формальных и неформальных) их общения, а также их все усложняющихся взаимоотношений с "внешним" миром культуры.

Значительное место в современной интеллектуальной истории, как и в ее предшествовавших инкарнациях в историографической традиции XIX в., занимает история политической мысли, как в жанре биографий ее выдающихся представителей, так и в противоположной перспективе – в рамках историко-антропологических исследований, которые иногда называют "интеллектуальной историей снизу". Последние изучают не одни лишь "сияющие вершины", а весь разноуровневый интеллектуальный ландшафт того или иного исторического периода. Особое внимание отводится, с одной стороны, выяснению того, что из более ранних идейных комплексов воспринималось и удерживалось (пусть избирательно и непоследовательно) не претендующим на оригинальность массовым сознанием. А с другой стороны, исследуются пути и способы распространения новых идей, в частности через популярную литературу, прежде всего в переломные периоды. Например, ряд фундаментальных работ по истории революций посвящен изучению их интеллектуальных и культурных истоков на базе анализа сотен памфлетов и дешевых изданий для народа, вполне в духе вольтеровского высказывания о том, что "никогда двадцать огромных томов не сделают революции, ее сделают маленькие карманные книжки в двадцать су". Тот же подход применяется и в исследованиях по истории литературы и искусства предреволюционных и революционных эпох.

Если история естествознания и техники, как правило, выделяется в специальную дисциплину, то история социального и гуманитарного знания, составляет важную часть интеллектуальной истории, которая осуществляет реконструкцию прошлого знания, выявляет исторические изменения фундаментальных принципов, категорий, методов и содержания наук, формирование научной картины мира, стиля научного мышления, различных средств и форм научного исследования – на фоне общей духовной культуры, социально-организационных и информационно-идеологических условий конкретной эпохи. В нашем альманахе предполагается регулярно публиковать статьи по истории общественных наук и гуманитарных дисциплин.

Приоритетное место в современной интеллектуальной истории занимает анализ истории исторического познания, сознания и мышления. Это связано с тем, что под влиянием "лингвистического поворота" и конкретных работ сторонников "новой исторической критики" радикальным образом преобразилась история историографии, которая неизмеримо расширила свою проблематику и отвела центральное место изучению дискурсивной практики историка. Отклоняясь в сторону литературной критики, она имеет тенденцию к превращению в ее двойника – историческую критику, а возвращаясь – обновленная – к "средней", или умеренной позиции, получает шанс стать по-настоящему самостоя-

тельной и самоценной исторической дисциплиной, которую сегодня, стремясь обозначить ее новое качество в самом имени, предпочитают называть клиографией, или – в сочетании с изучением методологических и эпистемологических проблем исторической науки – клиологией.

Здесь уместно также отметить формирование весьма перспективного нового направления исторической критики, все дальше уходящее от описания и инвентаризации исторических концепций, направлений и школ к анализу, главным предметом которого становятся качественные перемены в исследовательском сознании историков. В поле зрения новой исторической критики оказываются не только результаты профессиональной деятельности историка, но вся его творческая лаборатория, исследовательская психология и практика, и в целом – культура творчества историка. Историк погружен не только в современную общекультурную среду, но и в более узкую профессиональную культуру, которая имеет собственные традиции, несмотря на регулярно повторяющиеся в историографии самоназвания направлений, в конструировании которых главным является слово “новая”. Именно в связи с этим постоянно возникает необходимость всестороннего анализа и четкого определения того комплекса установок, который собственно и создает *новое качество*. И это, безусловно, касается не только задач и методов исторического познания, но и самого способа *историописания*.

Целостный подход к изучению сложного исторического явления может быть направлен на последовательный и систематический анализ конкретных форм существования истории как социально-гуманитарного знания, как определенной интеллектуальной системы, которая переживает со временем неизбежную трансформацию.⁷ Как бы то ни было, новые пути открываются там, и только там, где ответом на постмодернистский вызов является не огульное отрицание-отторжение, а углубленные рефлексии над основами собственной интеллектуальной и дисциплинарной программы, стратегия обновления и преобразования.

Интересной областью применения постмодернистских теорий, имеющей большое практическое значение, является история исторических представлений и исторического сознания, в предметном поле которой в полной мере раскрываются многообещающие перспективы плодотворного синтеза новой культурной и интеллектуальной истории. “Воссоединение” истории с литературой пробудило повышенный интерес к способам производства, сохранения, передачи исторической информации и манипулирования ею, превращения исторической памяти в мощный фактор не только групповой консолидации, но также общественно-политического размежевания и идеологической борьбы.⁸

⁷ Ярким примером являются те метаморфозы, которые претерпело содержание понятия междисциплинарности, представлявшей собой одну из опорных установок “новой исторической науки” (наряду с проблематизацией истории и признанием активной роли историка в диалоге с источником).

⁸ Крупномасштабная работа в этом плане еще только разворачивается, у ней заявляется главным образом в форме исследовательских проектов. Тем более

Речь идет, в первую очередь об изучении проблем исторической памяти, т.е. памяти социума и отдельных его общностей о своем прошлом, в том числе ключевого и малоисследованного вопроса о соотношении индивидуального и коллективного исторического сознания и их роли в формировании персональной, групповой, национальной идентичности, воздействия на этот процесс исторической науки и исторической публицистики. Кроме того, назрела необходимость провести научный анализ качественных сдвигов, произошедших в понимании задач истории как академической дисциплины, в историографической практике и в исторической новеллистике на рубежах XVIII/XIX, XIX/XX и XX/XXI веков. Важным направлением исследовательского поиска должно стать также выявление динамики состояний исторического сознания на обоих его уровнях: и на профессионально-элитарном, и на обыденно-массовом.

Место интеллектуальной истории в профессионально-историческом образовании тоже, несомненно, будет расти. На пороге третьего тысячелетия нет нужды доказывать роль интеллектуального труда в развитии человеческой цивилизации. Столь же аксиоматичным представляется и значение истории исторического, гуманитарного, социального знания для формирования всесторонне подготовленного историка-профессионала. Это становится еще более актуальным в свете того, что именно в данной сфере исторической науки происходит наиболее интенсивный пересмотр ее основополагающих принципов и разрабатываются новые подходы.

Важное место в интеллектуальной истории занимает интенсивный микроанализ, будь то анализ конкретного текста или ситуации, отдельной творческой личности или межличностных отношений в интеллектуальной среде. Персонализированный, или биографический, подход является традиционно приоритетным в истории мысли и науки, не говоря уже об истории художественного творчества, с учетом роли личностного начала в этих областях человеческой активности. Более того, персональные аспекты интеллектуальной истории получают продолжение в оригинальном жанре интеллектуальных автобиографий и даже интеллектуальных "исповедей", к которому, отнюдь не случайно, обратился целый ряд крупных историков второй половины XX в.⁹ Существенно важно то, что свои профессиональные автобиографии, свою персо-

---

важно не упустить из виду эту тенденцию. Она, в частности, проявилась в докладах, представленных на 18-м Международном конгрессе исторических наук в Монреале (1995 г.), и, несомненно, подтвердит свой приоритетный статус на 19-м Конгрессе в Осло (2000 г.).

⁹ *Essais d'ego-histoire* (Maurice Agulhon, Pierre Chaunu, Georges Duby, Raoul Girardet, Jacques Le Goff, Michelle Perrot, Rene Remond) / Re-unis et presentes par Pierre Nora. P., 1987; *Beloff M. An Historian in the Twentieth Century: Chapters in Intellectual Autobiography*. New Haven - L., 1992; *Stone L. Lawrence Stone - as seen by himself // The First Modern Society: Essays in English History in Honour of Lawrence Stone / Ed.by A.L.Beier et al. Cambridge etc., 1989.*

нальную интеллектуальную историю ведущие современные историки, испытавшие немало поворотов на своем жизненном и творческом пути, вписывают в динамичный социокультурный контекст, в котором аккумулируются все вызовы времени и ответы на них. Речь идет, таким образом, о совмещении традиций социально-интеллектуальной и персональной истории в особом предметном поле, которое можно условно определить как "историю историографии в человеческом измерении".

Во всяком обществе и при любом политическом устройстве глубокая и тесная зависимость историков от современной эпохи, их укорененность в окружающей действительности проявляются в полной мере. Под воздействием внешних импульсов и в результате осмысления событий и проблем своего времени им неизбежно приходится пересматривать взрастившую их историографическую традицию, опыт и знания, накопленные предшественниками, менять перспективу своего видения прошлого, искать новые пути и методы его познания. Вот почему так необходимо рассматривать изменения в проблематике исторических исследований, развитие и смену научных концепций, подходов, интерпретаций в контексте личных судеб и общественных процессов, сквозь призму индивидуального и профессионального восприятия как социально-политических и идеологических коллизий, так и интеллектуальных вызовов эпохи. В связи с этим особое значение приобретает вопрос о соотношении в историографии и в социально-гуманитарном знании в целом – научной объективности и идеологических пристрастий.

Разобраться в том, где кончается суверенитет науки и начинается диктат политики и идеологии – непростая задача. Конечно, абсолютная объективность недостижима. Те вопросы, которые каждое поколение историков ставит перед прошлым, неизбежно отражают интересы, проблемы и тревоги этого поколения. Зависимость исследователя от своего общества и культуры, от всего того, что происходит вокруг него, неискоренима. Политическая ориентация, социальная позиция, иерархия ценностей так или иначе находят выражение в интеллектуальном творчестве обществоведа, гуманитария, историка. Однако существует корпоративный "кодекс чести", а также отчетливо выраженные и воспроизводимые в процессе профессиональной подготовки дисциплинарные нормы и критерии достоверности, которые позволяют выявить фальсификацию, используя критический аппарат традиционной и современной историографии против нового "мифостроительства".

Рубрики, выделенные в первом выпуске нашего альманаха, отражают основные направления, аспекты и проблемы современной интеллектуальной истории. В следующих выпусках их дополняют новые перспективные темы и исследовательские разработки, в том числе, как мы надеемся, и те, что будут предложены нашими читателями.

ИДЕЯ ВРЕМЕНИ

П.П.Гайденко

Понятие времени в античной философии*

Время относится к тем реалиям, которые издревле определяли смысловое поле человеческого мировосприятия. Отсюда множество мифологем времени; одна из них – древнегреческий миф о Кроносе, порождающем, а затем пожирающем своих детей. Во времени много загадочного. Загадка времени не могла не привлечь внимания философов. Нет, по-видимому, ни одного из значительных философов, который бы не пытался ответить на вопрос, что такое время. И редко кто из них не свидетельствовал о том, что решение этого вопроса сопряжено с большими трудностями. Хорошо известны слова Августина об удивительной природе времени: "Что же такое ...время? Пока никто меня о том не спрашивает, я понимаю несколько не затрудняясь; но коль скоро хочу дать ответ об этом, я становлюсь совершенно в тупик".¹ Между непосредственной интуицией времени и ее понятийным выражением – трудно переходимый рубеж, и не одному Августину приходилось поражаться тем парадоксам, с которыми сталкивается человеческая мысль, стремясь постигнуть в понятиях эту трудноуловимую реальность – время. Тем не менее уже в античности были созданы весьма глубокомысленные концепции времени. Мы остановимся на трактовке времени у Платона, Аристотеля и Плотина.

Время является формой протекания всех механических, органических и психических процессов, условием возможности движения, изменения и развития; всякий процесс, будь то пространственное перемещение, качественное изменение, возникновение и гибель, происходит во времени. Анализ природы времени уже с первых шагов греческой мысли связан с попытками решить одну из сложнейших философских проблем – проблему континуума, или непрерывности. В самом деле, время, так же как и пространство, и движение представляет собой континуум, который можно мыслить либо как совокупность некоторых неделимых элементов (моментов времени, частей пространства или "частей" движения), либо же как бесконечно делимую величину. Однако при первых же попытках теоретически рассмотреть природу континуума греческая философия в лице Зенона из Элеи (V в. до н.э.) столкнулась

* Работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ.

¹ Творения Блаженного Августина, епископа Иппонийского. Киев, 1880. Ч.1. С.340.

с парадоксами (апориями), разрешению которых посвящено немало трудов философов, логиков и математиков, начиная с Платона и Аристотеля – в античности, Галилея, Декарта, Лейбница и Канта – в новое время, и кончая А.Бергсоном, Г.Кантором, Р.Дедекиндом и др. – в новейшее время. И это лишь самые известные среди тех, кто пытался разрешить задачу, поставленную греческим философом.

Зенон из Элеи: парадоксы континуума

Прежде чем перейти к анализу понятия времени, коснемся вкратце парадоксов континуума, как они были сформулированы Зеноном. Их содержание передает Аристотель в "Физике": "Есть четыре рассуждения Зенона о движении, доставляющие большие затруднения тем, которые хотят их разрешить. Первое, о несуществовании движения на том основании, что перемещающееся тело должно прежде дойти до половины, чем до конца... Второе, так называемый Ахиллес. Оно заключается в том, что существо более медленное в беге никогда не будет настигнуто самым быстрым, ибо преследующему необходимо раньше придти в то место, откуда уже двинулось убегающее, так что более медленное всегда имеет некоторое преимущество... Третье... заключается в том, что летящая стрела стоит неподвижно; оно вытекает из предположения, что время слагается из отдельных "теперь"... Четвертое рассуждение относится к двум разным массам, движущимся с равной скоростью, одни – с конца ристалища, другие – от середины, в результате чего, по его мнению, получается, что половина времени равна его двойному количеству" (Физика, VI, 9). Первая апория – "Дихотомия" – доказывает невозможность движения, поскольку движущееся тело, прежде чем преодолеть определенное расстояние, должно сначала пройти его половину, а соответственно, половину этой половины и т.д.: ведь любой отрезок можно делить пополам – и так до бесконечности. Другими словами, если пространственный континуум рассматривается как актуально данное бесконечное множество элементов, то движение в таком континууме невозможно мыслить, ибо занять бесконечное число последовательных положений в ограниченный промежуток времени невозможно. Строго говоря, движение при такой постановке вопроса не может даже начаться. В основе апории "Ахиллес" лежит то же затруднение, что и в основе "Дихотомии": пока Ахиллес преодолевает расстояние, отделяющее его от черепахи, последняя пройдет еще один отрезок пути и т.д. до бесконечности. Таким образом, чтобы догнать ее, он должен занять бесконечное множество "мест", которые до тех пор занимала черепаха. В обеих апориях Зенон предполагает континуум делимым до бесконечности, но при этом мыслит эту бесконечность как актуально существующую.

В третьей апории – "Стрела" – философ доказывает, что летящая стрела покоится. Здесь предметом рассмотрения оказывается время. Зенон исходит из понимания времени как суммы неделимых моментов, неделимых "теперь", и соответственно, пространства – как суммы не-

делимых точек. Он рассуждает примерно так: в каждый момент времени стрела занимает определенное место, равное своему объему (ибо в противном случае стрела была бы "нигде"). Но если занимать равное место, то двигаться невозможно (движение предполагает, что предмет занимает место, большее, чем он сам). Значит, движение можно мыслить лишь как сумму состояний покоя (сумму "продвинутостей"), а это невозможно, ибо сумма нулей не дает никакой величины. Таков результат, вытекающий из допущения, что пространство состоит из суммы неделимых "мест", а время – из суммы неделимых "теперь". Он показывает, что решить проблему изменения, движения с помощью атомистически конструированного континуума невозможно.

Все апории имеют целью доказать невозможность движения, поскольку его нельзя мыслить, не впадая в противоречие. Будем ли мы рассматривать континуум как делимый до бесконечности ("Дихотомия" и "Ахиллес и черепаха") или же как состоящий из неделимых моментов ("Стрела"), движение в равной мере окажется невозможным. Смысл апорий Зенона – в стремлении доказать, что чувственный мир, или, как его называли греческие философы, мир становления, где все множественно, текуче и преходяще, не обладает подлинным бытием, которое едино, вечно, неизменно и неподвижно, всегда тождественно самому себе. Именно бытие есть предмет научного знания; что же касается становления, то оно недоступно знанию и всегда остается предметом всего лишь мнения, столь же изменчивого и непостоянного, как и сам чувственный мир. Противоречия и парадоксы, возникающие при попытке мыслить движение, свидетельствуют, по убеждению Зенона, об иллюзорности множественного и изменчивого эмпирического мира.

Платон: время и вечность

Как видим, первые попытки теоретически осмыслить природу времени привели к парадоксам, которые и попытались в дальнейшем разрешить греческие философы. Наиболее интересные решения проблемы континуума вообще и, в частности, проблемы времени мы находим у Платона, Аристотеля и Плотина. Платон пересматривает сами предпосылки, лежавшие в основании парадоксов Зенона: он отвергает понимание бытия как единого, не имеющего никакого соприкосновения с миром множественности и становления. Не случайно тема "единое и многое" становится центральной в диалоге Платона "Парменид": здесь он ведет полемику с злеатами и дает свое понимание соотношения единого и многого, которое предполагает *установление связи* между ними. Бытие и единое, согласно Платону, не суть синонимы, как это полагали Парменид и Зенон. Как показывает Платон, единому невозможно приписать никакого предиката, ибо всякое высказывание о нем уже делает его многим. Так, утверждая, что "единое существует", мы приписываем ему предикат бытия, и, следовательно, мыслим "два" – единое и бытие, а двоица – это начало множественности. "Единое, раздробленное бытием, представляет собой огромное и беспредельное множе-

ство" (Парменид, 144 е). Отсюда Платон делает вывод: раз "существующее единое" уже не едино, значит единое не есть бытие, оно сверхбытийно. В качестве такового оно не может быть и предметом мысли. Ибо мысль о едином раздробляет его на "два". Единое, говорит Платон, непостижимо для мышления, предметом которого может быть только бытие. Но в качестве сверхбытийного и непостижимого начала единое есть необходимая предпосылка как бытия (множественности), так и познания. Ибо множественность может быть только множественностью единых (единиц), и без единого оно превратилось бы в беспредельность, хаос, небытие. В свою очередь познание предполагает отнесение к единству, объединение многообразия в единстве понятия: "тождество единства и множества, обусловленное речью" (Филеб, 15 d). Таким образом, будучи по ту сторону бытия и знания, единое составляет условие возможности того и другого. "Единое сущее", т.е. бытие – это, по Платону, сфера умопостигаемых сверхчувственных идей, образующих соотнесенное множество – целостность идеального мира. Каждая идея несет в себе начало единства, поэтому Платон называет их "монадами" или "генадами" (Филеб, 15 а – б).

Здесь возникает вполне естественный вопрос: как связано это суждение Платона с проблемой времени? Не ушли ли мы в сторону от нашей темы? Нет, не ушли. Ведь время представляет собой последовательность моментов, оно предстает всякий раз как движение от прошлого через настоящее к будущему. А всякая последовательность есть *множество*. Стало быть, без понимания того, что такое множество и как оно связано с единством, мы не можем осмыслить и природу времени. Платон исходит из того, что, как всякое множество, время не существует и не может быть мыслимо безотносительно к единому, ибо время есть такая реальность, в которой множество сопряжено с единым. А как оно сопряжено? Вот что мы читаем в диалоге Платона "Тимей", где он рассматривает проблему времени в контексте своей космогонии: "Когда Отец усмотрел, что порожденное им, это изваяние вечных богов, движется и живет, он возрадовался и в ликовании замыслил еще больше уподобить (творение) образцу. Поскольку же образец являет собою вечно живое существо (*zoon aidion on*), он положил в меру возможного и здесь добиться сходства; но дело обстояло так, что природа того живого существа вечна, а этого нельзя полностью передать ничему рожденному. Поэтому он замыслил сотворить некое движущееся подобие вечности (*eikona kineton tina aionos*); устроив небо, он вместе с ним творит для вечности, пребывающей в Едином, вечный же образ, движущийся от числа к числу, который мы называли временем. Ведь не было ни дней, ни ночей, ни месяцев, ни годов, пока не было рождено небо, но он уготовил для них возникновение лишь тогда, когда небо было устроено. Все это – части времени, а "было" и "будет" суть виды возникшего времени, и, перенося их на вечную сущность, мы незаметно для себя делаем ошибку... Тому, что вечно пребывает тождественным и неподвижным, не пристало становиться со временем стар-

ше или моложе... либо вообще претерпевать что бы то ни было из того, чем возникновение наделило поток данных в ощущении вещей. Нет, все это – виды времени, подражающего вечности и бегущего по кругу согласно закону числа" (Тимей, 37- 38 с).

Какие важнейшие моменты мы можем здесь выделить в рассуждении Платона? Во-первых, время было не всегда, оно сотворено демиургом вместе с космосом. Во-вторых, оно было создано с целью "еще более уподобить творение образцу". В-третьих, природа образца вечна, а этого нельзя полностью передать сотворенному, поэтому демиург создал подобие вечности, ее подвижный образ – время. Оно, в-пятых, движется от числа к числу, таким образом подражая вечности своим бегом по кругу по закону числа. И, наконец, чтобы блюсти числа времени, демиург создал Солнце, Луну и пять планет.²

Создатель учения об умопостигаемом мире идей, принципиально отличным от чувственного мира, Платон впервые в истории философской мысли попытался дать метафизическое обоснование понятия времени, сопоставив его с вневременной вечностью. Время, таким образом, предстало как подобие вечности в эмпирическом мире становления и, стало быть, как нечто не только отличное от вечности, но и причастное ей. Не случайно Платон называет время "вечным же образом": время создано для того, чтобы по возможности уподобить творение-космос его сверхчувственному образцу. При этом Платон обозначил "вечность" словом *aion*, которое раньше, у досократиков, означало "бесконечное время жизни"³, прежде всего жизни космоса. У Платона же понятия *aion* (вечность) и *chronos* (время) строго различаются: вечность есть образец, или прообраз, а время – только ее образ, который не может быть понят безотносительно к прообразу. Для обозначения вечного умопостигаемого бытия Платон употребляет и другое слово, так же как и *aion* образованное от наречия *aei* (всегда) – *aidion*. *Aion* и *aidion* употребляются Платоном как синонимы, обозначающие вечно-сущее бытие, в отличие от временного бывания, т.е. становления. Вот так у Платона при осмыслении природы времени сопрягаются множественное с единым: время не может ни существовать, ни быть постигаемым без связи с вечностью.

Мысля время соотношенным с вечностью, Платон рассматривает его как категорию космическую: оно возникает вместе с космосом, явлено в движении небесных тел и подчиняется закону числа. Поскольку космос не вечен, а только создан по вечному образцу, то он может иметь также и конец своего существования; правда, как подчеркивает Платон, его может уничтожить лишь тот, кто его создал. Однако демиург, как полагает греческий философ, не может захотеть разрушить свое создание,

² Отсюда платоновы выражение "орудия времени" по отношению к небесным телам (Тимей, 41 е).

³ См.: Festugiere A. J. Le sens philosophique du mot AION // La parola del Passato. Napoli, 1949. 10. P.172-189; Degani E. AION da Omero ad Aristotele. Padova, 1961.

потому что оно – благое, а поэтому космос можно считать бессмертным.⁴ То же самое можно сказать и о космической стихии времени. Вопрос о возможном конце времени, так же как и космоса, остается у Платона в сущности открытым: время, говорит он, "возникло вместе с небом, дабы, одновременно рожденные, они и распались бы одновременно, если наступит для них распад" (Тимей, 38).⁵

Платоновское рассмотрение времени сквозь призму понятия вечности сохраняется на протяжении многих столетий в традиции платонизма и получает дальнейшее развитие в работах Плотина, Прокла, Ямвлиха, Симпликия и др.

Принцип непрерывности

Решение Аристотелем парадоксов Зенона

Наиболее обстоятельный и развернутый анализ времени среди античных философов мы находим у Аристотеля в IV книге его "Физики". Как и его учитель Платон, Аристотель исходит из предпосылки, что единое есть условие возможности множества. Однако, не признавая единое самостоятельной сущностью и не разделяя платоновское учение об идеях как сверхчувственных прообразах вещей, Аристотель ищет иной способ объяснить природу времени: он не рассматривает акт порождения времени и не соотносит время с надвременной вечностью. Он не принимает платоновское учение о создании космоса демиургом; согласно Аристотелю, космос существовал всегда, он не имел начала и не будет иметь конца. Тем более важным является для Аристотеля предложить свое понимание времени и дать свою интерпретацию связи единства и множественности в нем. Если мы примем во внимание, что Аристотелю принадлежит создание первой в античности системы физики – науки о природе как начале движения и, стало быть, первой строго продуманной теории движения, то нам станет ясно, насколько важной для него была необходимость в определении того, что такое время: без этого нельзя объяснить понятия движения. И не случайно он рассматривает проблему времени именно в "Физике", где она оказывается связанной с величиной, движением и его *измерением*. Вот почему Аристотель обращается к апориям Зенона и предлагает свое решение проблемы континуума и, в частности, тех парадоксов, которые связаны с понятием времени. Непрерывность, по Аристотелю, есть определенный тип связи элементов системы, отличающийся от других форм связи – последовательности и смежности. Последовательность, или следование по порядку – условие смежности, а смежность – условие непрерывности. "Следующим по порядку, – пишет Аристотель, – называется предмет, находящийся за начальным по расположению или

⁴ Вечное живое существо, по образцу которого демиург сотворил космос, названо у Платона *zoön aidion* (Тимей, 37 d).

⁵ "Это однородное небо, возникши, пребывает и будет пребывать" (Тимей, 31 b). Ср. также: "возникшее от меня пребудет неразрушимым" (Тимей, 41 a – b).

по природе или отделенный от него другим способом, если между ним и тем, за чем он следует, не находится в промежутке предметов того же рода, например линии или линий в случае линии, монады или монад в случае монады, дома в случае дома. Но ничто не препятствует находиться в промежутке чему-нибудь иному... "Смежное" есть то, что, следуя за другим, касается его. "Непрерывное" есть само по себе нечто смежное: я говорю о непрерывном, когда граница, по которой соприкасаются оба следующих друг за другом предмета, становится для обоих одной и той же и, как показывает название, не прерывается..." (Физика, V, 3, 226б в – 227 а). Непрерывными, по Аристотелю, могут быть не только части пространства и времени, но и движения; более того, подлинно непрерывным он считает то, что непрерывно по движению. Чтобы движение было непрерывным, должны быть выполнены три условия: единство (тождественность) вида движения, единство движущегося предмета и единство времени.

Вводя понятие непрерывности, Аристотель с его помощью решает парадоксы Зенона. Непрерывное, по определению Аристотеля, это то, что делится на части, всегда в свою очередь делимые. А это значит, что непрерывное исключает какие бы то ни было неделимые части и уж тем более не может быть из них составлено. "Невозможно ничему непрерывному состоять из неделимых частей, например линии из точек, если линия непрерывна, а точка неделима". Исходя из определения неделимого как того, что не имеет частей, Аристотель аргументирует свой тезис, тем самым раскрывая содержание ключевых для его метафизики и физики понятий *неделимое* и *непрерывное*: "Ведь края точек не образуют чего-нибудь единого, так как у неделимого нет ни края, ни другой части; и крайние границы не находятся в одном месте, так как нет у неделимого крайней границы, ибо крайняя граница и то, чему она принадлежит, различны. Далее. Точкам, из которых было бы составлено непрерывное, необходимо или быть непрерывными или касаться друг друга (то же самое рассуждение применимо и ко всяким неделимым). Но непрерывными они не будут на основании сказанного; касаются же друг друга все предметы или как целое целого, или своими частями, или как целое части. Но так как неделимое не имеет частей, им необходимо касаться целиком, но касающееся целиком не образует непрерывного, так как непрерывное заключает в себе от одного предмета одну часть, от другого другую и таким образом разделяется на различные, разграниченные по месту части" (Физика, VI, 1, 231а -231б).

Данное Аристотелем определение понятий непрерывного и неделимого составляет категориальную основу не только античной метафизики, но и физики, и математики: непрерывное – это то, что имеет части, всегда, в свою очередь, состоящие из частей, и потому может быть делимо до бесконечности; неделимое же – это то, что не имеет частей. Важно также введенное Аристотелем понятие "соприкосновения", которое предполагает делимость на части: соприкасается то, что делимо, ибо только оно имеет "края", которые могут находиться вместе. И самое

главное: непрерывное не может быть составлено из неделимых, ведь неделимое не может быть частью чего бы то ни было. Однако при этом неделимое как граница непрерывного составляет его конститутивный момент: именно с помощью неделимого непрерывное приобретает начало формы, благодаря которой оно может быть познано как нечто определенное: так, отграниченный двумя точками отрезок прямой получает определенную величину, которая может быть выражена числом.

Создавая новую систему понятий, Аристотель, таким образом, разрешает те трудности, которые возникают при допущении, что пространство и время состоят из неделимых. Именно непрерывность является условием возможности движения и, соответственно, условием его мыслимости. Как показал Зенон, движение определяется через путь и время. Если либо путь, либо время, либо то и другое вместе считать состоящими из неделимых, то движение, как показал Зенон в апории "Стрела", окажется невозможным. "По неделимому пути, — пишет Аристотель, — ничто не может двигаться, а сразу является продвинувшимся... Движение будет состоять не из движений, а из моментальных перемещений и продвижений чего-нибудь не движущегося... Следовательно, возможно будет прибыть куда-нибудь, никогда не проезжая пути: проехал его, не проезжая" (Физика, VI, 1, 232 а). Чтобы избежать этого парадокса и объяснить возможность движения именно как процесса, а не как суммы "продвинутостей", Аристотель и постулирует непрерывность пути, времени и самого движения.

Остаются однако две первые апории Зенона — "Дихотомия" и "Ахиллес", основанные на допущении актуальной бесконечности любого отрезка пространства и времени. Здесь Аристотель разрешает возникшее противоречие, различая потенциальную и актуальную бесконечности. И понятие непрерывности опять играет важную роль. Если любой отрезок пути в силу его непрерывности делим до бесконечности, то движение окажется невозможным только при забвении того, что и время, в течение которого тело проходит этот путь, тоже непрерывно, т.е. делимо до бесконечности. А если учесть, что непрерывности пути соответствует непрерывность времени, то парадокс снимается. "Поэтому ошибочно рассуждение Зенона, что невозможно пройти бесконечное, т.е. коснуться бесконечного множества отдельных частей в ограниченное время. Ведь длина и время, как и вообще все непрерывное, называются бесконечными в двояком смысле: или в отношении деления, или в отношении границ. И вот бесконечного в количественном отношении нельзя коснуться в ограниченное время, бесконечного согласно делению — возможно, так как само время в этом смысле бесконечно. Следовательно, приходится проходить бесконечность в бесконечное, а не в ограниченное время и касаться бесконечного множества частей бесконечным, а не ограниченным множеством" (Физика, VI, 2, 233 а). То, что Аристотель называет "бесконечным в отношении деления", мы теперь называем "интенсивной бесконечностью", а "бесконечное в количественном отношении" — это экстенсивно беско-

нечное. То и другое однако есть потенциально бесконечное, только первое возникает в результате деления, а второе – в результате сложения, как, например, числовой ряд.

Принцип непрерывности опирается на признание потенциальной бесконечности. Что же касается бесконечности актуальной, то ее Аристотель не допускает так же, как и античные математики. Потенциально бесконечное всегда имеет дело с конечным и есть не что иное, как беспредельное движение по конечному; независимо от того, имеем ли мы дело с экстенсивной бесконечностью, например, в процессе счета, или с интенсивной (при делении отрезка на все более мелкие части), мы каждый раз получаем как угодно большую или как угодно малую, но конечную величину. "Вообще говоря, бесконечное существует таким образом, что всегда берется иное и иное, и взятое всегда бывает конечным, но всегда разным и разным" (Физика, III, 6, 206 a – 206 b). Потенциально бесконечное в качестве бесконечно делимого, будучи проходным по своей природе, не имеет однако конца прохождения, то есть предела. Сказать, что бесконечное существует только как потенциальное, а не как актуальное – значит сказать, что оно *становится*, возникает, а не есть нечто действительное, заверщенное в себе, не есть *бытие*. Потенциально бесконечное всегда имеет дело с конечным и есть беспредельное движение по конечному. Но отсюда с очевидностью следует, что бесконечное для Аристотеля есть материя, ибо материю Аристотель определяет как возможность. "Бесконечное есть материя для завершенности величины и целое в потенции, а не актуально, оно делимо и путем отнятия и путем обращенного прибавления, а целым и ограниченным является не само по себе, а благодаря другому; и поскольку оно бесконечно, не охватывает, а охватывается" (Физика, III, 66, 207 a). Но будучи только потенциальностью, возможностью, оно, по словам Аристотеля, "и не познаваемо как бесконечное, ибо материя не имеет формы" (там же). И в самом деле, имея дело с потенциальной бесконечностью, мы всегда, как уже отмечалось, схватываем (т.е. познаем) лишь конечное; бесконечность же проявляется тут в том, что это конечное – "всегда иное и иное". Поэтому Аристотель определяет бесконечное как то, вне чего всегда еще что-то есть.

А может ли существовать нечто такое, вне чего больше ничего нет? И если да, то как его назвать? "Там, где вне ничего нет, – говорит Аристотель, – это законченное и целое: это то, у которого ничто не отсутствует, например, целое представляет собой человек или ящик... Целое и законченное или совершенно одно и то же, или сродственны по природе: законченным не может быть ничто, не имеющее конца, конец же граница". (Физика, III, 6). Итак, бесконечное – это материя, т.е. нечто неопределенное, лишённое внутренней структуры и связи. Целое же – это материя оформленная, и "конец", "граница", структурирующая его и превращающая в актуально сущее, действительное, – это форма. (Именно потому, что началом актуально сущего является форма, т.е. нечто определяющее, ограничивающее, превращающее аморфное и

беспредельное в нечто единое (целое), Аристотель не может принять понятие актуальной бесконечности; такое понятие содержит в себе противоречие). Как видим, греческая философия делает акцент именно на "конце", "границе", ибо тут – начало оформления, а вместе с тем и познания: неоформленное, беспредельное непознаваемо. Поэтому и бесконечное, число или величина, не может быть бесконечным "в обе стороны": у числа имеется "нижняя" граница (единица), а верхней оно не имеет; у величины есть только "верхняя" граница (величина не может быть бесконечно большой, поэтому и космос – тело наибольшей величины – мыслится как конечный).

Понятие времени у Аристотеля

Вот теперь, рассмотрев понятия непрерывности, бесконечности, потенциального (материи) и актуального (формы), мы можем перейти к анализу категории времени, как ее разработал Аристотель. Ибо время, как мы уже говорили, так же как и пространство, и движение, представляет собою непрерывность, а стало быть, определение непрерывности относится и к времени. Однако время имеет и свои специфические черты, отличающие его от других видов непрерывного, например от пространства. И важнейшая из этих специфических черт – это невозможность воспринимать время как непосредственно наличное, данное нашему восприятию так, как даны ему определенные части пространства или движущиеся в пространстве предметы. Когда мы делим пространственный отрезок, то разделенные его части явлены нашему взору как рядоположные и мы можем видеть их перед собой; что же касается времени, то его "части" – прошлое и будущее – не существуют: первого уже нет, второго еще нет, а настоящее, в свою очередь, ускользает от нас, потому что при попытке "схватить" его "стягивается" в бесконечно малое мгновение, длительность которого почти неуловима. Поэтому вполне понятно, что некоторые философы могли считать время вообще не существующим. Аристотель отмечает эту особенность времени: "Что время или совсем не существует, или едва существует, будучи чем-то неясным, можно предполагать на основании следующего. Одна часть его была и уже не существует, другая – в будущем, и ее еще нет; из этих частей слагается и бесконечное время, и каждый раз выделяемый промежуток времени. А то, что слагается из несуществующего, не может, как кажется, быть причастным существованию" (Физика, IV, 10). Но время все же каким-то образом существует, и задача состоит в том, чтобы постигнуть способ его существования и дать определение его понятия.

Время, как отмечает Аристотель, представляется прежде всего каким-то движением и изменением, и не случайно некоторые философы отождествляли его с движением небосвода. Но тем не менее его нельзя отождествить с движением, ибо движение может быть быстрее и медленнее, а время нет, так как медленное и быстрое (сама медленность и скорость) определяется временем. Значит, время не есть дви-

жение, но, с другой стороны, оно не существует и без движения. "Ведь мы вместе ощущаем и движение и время; и если даже темно и мы не испытываем никакого воздействия на тело, а какое-то движение происходит в душе, нам сейчас же кажется, что вместе с тем протекло известное время" (Физика, IV, 11). Значит, если время само и не есть движение, то оно неразрывно связано с движением: мы распознаем время, когда разграничиваем движение, воспринимая один раз одно, другой раз другое, а между ними — нечто третье. "Когда мы мыслим крайние точки отличными от середины и душа отмечает два "теперь", тогда это именно мы называем временем, так как отграниченное моментами "теперь" и кажется нам временем" (там же).

Обратим внимание на то, какую роль при описании феномена времени Аристотель отводит душе. Мы в собственной душе воспринимаем течение времени, даже не наблюдая никакого движения в пространстве, но замечая изменения, происходящие в самой душе. Тем самым душа как бы членит время на части, отмечая два разных "теперь", подобных вещкам на пространственном отрезке. К вопросу об отношении времени к душе, как его понимает Аристотель, мы вернемся ниже. А сейчас продолжим рассмотрение времени в его связи с движением. Как мы уже знаем, время, по Аристотелю, не есть движение, но оно связано с движением и связано постольку, поскольку движение имеет число. Больше или меньше мы оцениваем числом, а большее или меньшее движение — временем; следовательно, время есть некоторое число. Вот аристотелевское определение времени: "Время есть не что иное, как число движения по отношению к предыдущему и последующему" (Физика, IV, 11). Но тут естественно возникает вопрос: поскольку время, в отличие от арифметического числа как совокупности дискретных единиц, непрерывно, то ему скорее подходит определение величины (в античной математике число и величина строго различаются между собой).⁶ Движение потому обычно и связывается в сознании с представлением о времени, что оно тоже непрерывно. "Так как движущееся движется от чего-нибудь к чему-нибудь и всякая величина непрерывна, то движение следует за величиной; вследствие непрерывности величины непрерывно и движение, а через движение и время" (там же). По отношению же к величине встает задача ее измерения, почему время обычно и ассоциируется именно с измерением движения, изменения, но также и покоя. При этом характерно, что не только движение измеряется временем, но и время движением "вследствие их взаимного определения, ибо время определяет движение, а движение — время" (Физика, IV, 12).

Аристотель вводит определение времени как меры движения, учитывая как раз то обстоятельство, что и время, и движение суть непрерывные величины. Некоторые исследователи полагают, что эти два оп-

⁶ См. об этом Комментарий Д. Д. Мордухай-Болтовского к "Началам" Евклида. В книге: *Евклид*. Начала. Кн. 1-1У. М.-Л., 1948.

ределения времени — как числа движения и как меры движения — сознательно различены у Аристотеля: дефиниция времени как числа движения выражает сущность времени, а определение его как меры движения касается его функции. Такую точку зрения высказывает, в частности, П.Конен. Согласно Конену, "число и мера имеют разное отношение к движению: мерой время является только по отношению к "первой мере" — круговращению небесного свода, а числом время будет по отношению к любому движению. Определение времени как числа движения онтологически первичнее, чем определение его как меры движения".⁷ И действительно, Аристотель говорит, что время есть число всякого движения, "число непрерывного движения вообще, а не какого-нибудь определенного вида" (Физика, IV, 13). Что же касается времени как меры, то в качестве таковой выступает обращение небесной сферы, ибо "равномерное круговое движение является мерой по преимуществу, так как число его является самым известным. Ни качественное изменение, ни рост, ни возникновение не равномерны, а только перемещение. Оттого время и кажется движением сферы, что этим движением измеряются прочие движения и время измеряется им же" (Физика, IV, 14).

Определяя время как "число движения по отношению к предыдущему и последующему", Аристотель следует за Платоном: ведь и по Платону, как мы помним, "время бежит по кругу согласно законам числа". Как и Платон, он связывает время с физическим движением, а меру времени — с равномерным движением небосвода. Однако, в отличие от своего учителя, Аристотель нигде не сопоставляет время с вечностью, а потому и не прибегает к тем выражениям, которые употребляет Платон. Так, говоря о том, что существует не во времени (как, например, математические и логические истины, сохраняющие свою значимость независимо от времени), Аристотель никогда не употребляет слово *aion* (вечность), а предпочитает слово *aei* (всегда). То, что русский переводчик "Физики" В.П.Карпов перевел как "вечно существующее" (Физика, IV, 12, 222 а), у Аристотеля называется "всегда сущее" (*aei onta*). Поскольку Платон соотносит время с трансцендентным ему (и вообще всему сущему) образом — вечностью, то соответственно он различает три онтологических уровня: то, что существует *вечно* (не рождено, не создано), то, что существует *всегда* (создано, но не подвержено гибели), и то, что существует *временно* (что создано и погибнет). Первое — это "вечный образец", подражая которому, демиург сотворил космос; второе — это сам космос, а третье — это эмпирические явления, мир становления, возникающий и исчезающий во времени. В отличие от Платона, у Аристотеля нет трансцендентного космосу бытия, которое является вечным: Аристотель не признает ни идей Платона, ни потус-

⁷ *Conen P. F. Die Zeittheorie des Aristoteles // Zetemata. Munchen, 1964. Heft 35. S.141.*

стороннего всякому бытию единого, а все сущее делит на то, что существует всегда, и то, что существует временно.

Не забудем, что свой анализ времени Аристотель проводит в контексте физики как науки о природе, о движении и изменении, а потому на первом плане у него оказывается проблема измерения времени с помощью числа. В отличие от Платона, для которого число несет в себе субстанциальный момент и связано с жизнью души, Аристотель освобождает число от того метафизического смысла, который оно имело у пифагорейцев и Платона, и трактует его сквозь призму измерения: не случайно и единое (единица) для Аристотеля есть прежде всего "мера". "Сущность единого, — пишет Аристотель, — в том, что оно известным образом представляет собою начало числа; дело в том, что началом является первая мера; ибо первая мера во всяком роде [бытия] есть то первое, с помощью которого мы этот род познаем; следовательно, единое является началом того, что может быть познано относительно каждого предмета" (Метафизика, V, 6). А мера есть то, что должно быть неделимым (т.е. единым). Понятно, что и у времени должна быть такого рода "мера"; как бы единица, с помощью которой мы его познаем. Что же это за "единица"?

Неделимый момент "теперь"

Отвечая на этот вопрос, Аристотель оказывается перед необходимостью обосновать реальность времени, а для этого ввести такое понятие, которое было бы началом самотождественности в самом времени и без которого время потеряло бы свою определенность и превратилось в чистую материю, лишенную всякой оформленности и потому неуловимую. В качестве такого начала, как мы уже видели выше, у него выступает момент "теперь". Самое главное и существенное в моменте "теперь" составляет его *неделимость*, в силу которой он может служить границей между прошедшим и будущим, а граница, или предел, как мы знаем, есть начало формы, позволяющее любой реальности — в том числе и времени — получить определенность. "Необходимо, чтобы "теперь", взятое не по отношению к другому, а само по себе, первично, было неделимым; и это свойство было присуще ему во всякое время. Ведь оно представляет собой какой-то крайний предел прошедшего, за которым нет еще будущего, и обратно, предел будущего, за которым нет уже *прошедшего*" (Физика, VI, 3). Как и точка на линии, момент "теперь" не является частью, каким-то — пусть минимальным — отрезком времени, как это нередко мы представляем себе, так что время не состоит из моментов "теперь", как и линия не может быть составлена из неделимых точек.

Таким образом, время, так же как число и величина, имеет свой "конец", "предел", границу, только эта граница не "внизу", как у числа, и не "вверху", как у величины, а в "середине". И в самом деле, ведь время представляется бесконечным "в обе стороны" — и в прошлое, и в буду-

щее; поэтому его "концом" является момент настоящего, который является одновременно началом будущего и концом прошлого, тем самым обеспечивая непрерывность времени. "...Невозможно, чтобы время существовало и мыслилось без "теперь", а "теперь" есть какая-то середина, включающая в себя одновременно начало и конец – начало будущего и конец прошедшего" (Физика, VIII, 1, 251b). Подобно тому как точка на линии и разделяет линию, и связывает ее (поскольку в точке совпадает конец предыдущего отрезка с началом следующего), обстоит дело и с моментом "теперь" на "линии" времени. Но то обстоятельство, что "теперь" и соединяет и разделяет прошлое и будущее, "не так заметно, как для пребывающей на месте точки. Ведь "теперь" разделяет потенциально. И поскольку оно таково, оно всегда иное и иное, поскольку же связывает, всегда тождественно, как точка в математических линиях" (Физика, IV, 13). Однако никакого противоречия здесь нет. "Теперь" тождественно самому себе в одном отношении, а различно в другом. Оно, как поясняет Аристотель, тождественно по своему субстрату, а различно по бытию, аналогично тому, как движущийся предмет остается одним и тем же – камнем, человеком и т.д. по своему субстрату, но различен потому, что каждый раз находится в другом месте. Поясняя свою аналогию, Аристотель делает весьма важное замечание: движение и перемещение, пишет он, "едино благодаря перемещаемому телу, которое едино не по тому, что оно есть по содержанию (ибо тогда могут быть перерывы), а по понятию: ведь оно разграничивает предыдущее и последующее движение" (Физика, IV, 11).

Аналогия "теперь" с движущимся телом, которое составляет как бы предпосылку единства движения (соответственно "теперь" – условие единства времени), поясняет нам, что движется не время, а "теперь", которое относится ко времени так, как движущийся предмет – к движению. Как пишет Д.В.Никулин, "теперь" представляет собой "как бы засечку, пробегающую, вычерчивающую, промеряющую и разграничивающую непрерывное неподвижное статичное время... При этом ощущение потока, течения времени создается у нас постольку, поскольку мы движемся вместе с "теперь", открывающим для нас в данный момент данный срез событий".⁸ В этой связи представляется очень интересным рассмотрение времени и особенно понятия "теперь" у Бозция. Различая божественную вечность и время тварного мира, Бозций, как и Аристотель, выделяет настоящее время как преимущественное среди трех измерений времени. "Бог, – пишет он, – действительно есть всегда (*semper*), поскольку это "всегда" относится к настоящему времени в Нем. Однако между настоящим наших (сотворенных) вещей, которое есть как "теперь", и божественным настоящим – большая разница: наше "теперь" как бы бежит и тем самым создает время и беспрестанность (*sempiternitas*), а божественное "теперь" – постоянное, неподвиж-

⁸ Никулин Д.В. Основоположения новоевропейской рациональности и проблема времени // Исторические типы рациональности, М., ИФРАН, 1996. С.104.

ное и устойчивое – создает вечность (*aeternitas*) ; если к слову "вечность" прибавить "всегда", то и получится как раз "беспрестанность" (*sempiternitas*) – имя того беспрестанного, неутоми-мого и потому беспрерывно продолжающегося бега нашего "теперь"⁹. Бозций, как и Платон, сопоставляет время с вневременной вечностью и различает неподвижное "теперь" как божественное настоящее и вечно бегущее "теперь" тварного мира, т.е. непрестанно изменяющейся кар-тины становления.

Из сказанного ясно, что у Аристотеля "теперь", будучи неделимым, вообще не есть время, а лишь граница времени, которая осуществляет непрерывную связь между прошлым и будущим. Настоящее, т.е. "теперь", есть как бы вневременное начало времени, подобно тому как внепространственная и потому неделимая точка есть начало протяжен-ной и непрерывной линии, а неделимая единица (единое) – начало множественного числового ряда. Симпликий в своем комментарии к "Физике" Аристотеля поясняет, что различные "теперь" можно сравнить с окнами, сквозь которые человеку видны как бы проблески, просветы в вечность, которая есть прообраз, лишь подобием, образом которой яв-ляется момент "теперь"¹⁰.

Аристотель об отношении времени к душе

Как мы уже отмечали выше, Аристотель поднимает еще один важ-ный вопрос, рассмотренный ранее Платоном, а именно об отношении времени к душе. "Может возникнуть сомнение, будет ли в отсутствии души существовать время или нет? Ведь если не может существовать считающее, не может быть и считаемого, ясно, следовательно, и числа, так как число есть или сочтенное или считаемое. Если же по природе ничто не способно считать кроме души и разума души, то без души не может существовать время, а разве то, что в каком-нибудь смысле яв-ляется временем, например, если существует без души движение, а с движением связано "прежде" и "после", время же и есть это самое, по-скольку оно подлечит счету" (Физика, IV, 14). Из текста явствует, что Аристотель имеет в виду индивидуальную душу, наделенную разумом, то есть душу человеческую, которая способна "считать" время, а тем самым устанавливать число движения. Поскольку же время определя-ется философом как число движения, то в строгом смысле слова без считающей души времени нет, ибо некому установить это число; но движение-то существует и без наблюдающей его души, а потому Ари-стотель и вынужден признать, что и без нее существует то, что "в ка-ком-то смысле является временем". Для мыслителя, связывающего время с жизнью космоса, считающая индивидуальная душа не может

⁹ Бозций. Каким образом Троица есть единый Бог, а не три Божества // "Утешение философией" и другие трактаты. М., 1990. С.153.

¹⁰ См. Sambursky S. Der Begriff der Zeit im späten Neuplatonismus // Die Philosophie des Neoplatonismus. Darmstadt, 1977. SS. 475-495.

быть последней инстанцией, обуславливающей реальность времени. И хотя формально без души трудно говорить о времени, поскольку оно связано с измерением, а значит – со счетом, но в определенном смысле Аристотель считает, что говорить все-таки можно.

В "Физике" Аристотель, как видим, связывает время с деятельностью разумной души, которой ведомо число и которая может считать. Но в других своих работах он отмечает, что и чувствующая душа, например, душа животных способна к восприятию времени. Так, в работе "О памяти и воспоминании", пытаясь объяснить природу памяти, Аристотель пишет: "...Память не есть ни чувство, ни мышление..., но склад или состояние чего-либо из этих, когда прошло время. О "теперь" в "теперь" нет памяти..., но о присутствующем – чувство, о предстоящем – надежда, о прошедшем же память. Поэтому всякая память – через время (*meta chronou*). Так что сколько чувствуют время, только те из животных помнят, и именно тем же, чем чувствуют (время)".¹¹

Каким образом чувствующая душа может воспринимать время, Аристотель здесь не поясняет. Однако в трактате "О душе", говоря о необходимости различать отдельные чувства, например, видение цвета, слышание звука и т.д., и общее чувство, он именно общему чувству приписывает способность воспринимать движение, величину и число. "Каждое чувство, различая ощущаемое и не ошибаясь в том, что это есть цвет, звук, может обмануться относительно того, что именно имеет цвет и где оно находится или что издает звук и где оно находится. Такого рода ощущаемое называют воспринимающим лишь одним каким-то отдельным чувством. Общее же ощущаемое – это движение, покой, число, фигура, величина. Они воспринимаются не одним лишь отдельным чувством, а общи всем им. Ведь движение воспринимается и осязанием и зрением" (О душе, II, 6). Таким образом, именно общее чувство, присущее не только человеческой душе, но и душам высших животных, воспринимает движение и даже число, а потому способно к восприятию времени. В силу этого животные могут обладать и памятью, хотя и не в столь развитой форме, как ею обладает человек.

Как видим, в связи с анализом памяти Аристотель намечает такой подход к рассмотрению времени, который впоследствии будет углублен христианскими мыслителями и прежде всего Августином. Однако вопрос о природе времени в связи с памятью и чувственной душой скорее лишь поставлен Аристотелем, чем до конца им разрешен; и не удивительно, что к нему возвращались многие философы как в античности и в средние века, так и в новое и новейшее время.

Интересны в этом отношении размышления о природе времени австрийского философа, последователя Аристотеля Франца Brentano (1838-1917), под влиянием которого формировалась феноменология Э.Гуссерля. Brentano упрекает греческого философа в непоследова-

¹¹ О памяти и воспоминании, 449 в. Пер. О.С.Гаврюшкиной, В.Л.Иванова // Вестник Русского Христианского Гуманитарного Института. 1997. №1. С.159-166.

тельности, указывая на то, что определение времени в "Физике", с одной стороны, и в работах "О душе" и "О памяти и воспоминании" не соотносены друг с другом. "Говоря здесь (в трактатах "О душе" и "Об ощущении и ощущаемом". – П. Г.) об ощущении времени, Аристотель, – пишет Brentano, – отступает от своей теории времени, изложенной в IV книге "Физики", согласно которой, времени не было бы, если бы не было разумной души. По этой теории, животные не могут иметь никакого знания о времени".¹² Упрек Brentano Аристотелю вполне понятен: если без разумной души не было бы никакого времени, то как же может воспринять время (и тем самым иметь память) душа неразумная, животная? Вероятно, для уяснения этого вопроса необходимо более основательно рассмотреть аристотелевское понятие "общего чувства" и его связь с разумом, с одной стороны, и отдельными чувствами, с другой. Но это – самостоятельная тема, которой мы не сможем здесь раскрыть.

Трудности, которые обнаружились у Аристотеля при анализе связи времени с душой, обозначили то направление, в котором пошли последующие философы, в частности неоплатоники, в исследовании проблемы времени. У них было средство для того, чтобы попытаться справиться с этими трудностями, а именно понятие мировой души, которое не принимал Аристотель, но из которого, как мы видели, исходил Платон в своем учении о времени. Среди неоплатоников наиболее продуманную концепцию времени мы находим у Плотина.

Плотин: время как жизнь души

Плотин выступил с критикой аристотелевского понятия времени как "числа движения по отношению к предыдущему и последующему". Согласно Плотину, Аристотель не может сказать, что такое время *само по себе*, не может постигнуть сущность времени, а говорит лишь о том, что такое время *по отношению к другому*, а именно к движению. "Утверждение, что время есть последовательность движения, ничего не говорит о сущности времени, пока не определено, что такое это следующее "после", ибо, может быть, это и есть время" (Эннеады, III, 7, 10), – замечает Плотин, имея в виду Аристотеля.

Объектом критики Плотина является прежде всего аристотелево рассмотрение времени сквозь призму проблемы его измерения. Разбирая определение времени как "числа движения по отношению к "прежде" и "после", Плотин выдвигает против него целый ряд аргументов. Так как ни движение само по себе, ни число не являются временем (число ведь, говорит Плотин, монадично, а время непрерывно), то что же тогда такое время? Далее, так как время бесконечно (*apeiros*), то как могло бы быть для него число? Говорить, что время есть число движения, можно, по Плотину, только применительно к определенному отрез-

¹² Brentano F. Philosophische Untersuchungen zu Raum, Zeit und Continuum. Hamburg, 1976. S.147.

ку времени, а ведь существование такого отрезка уже предполагает существование времени как такового.

Плотин не видит принципиального различия между определением времени как числа движения и определением его как меры движения: оба определения, по его убеждению, получены путем рассуждения о том, как измеряется время (или как измеряется движение с помощью времени), а не о том, что такое время само по себе, безотносительно к его измерению. Характерно также возражение Плотина Аристотелю касательно связи времени и души. "Почему, далее, не будет времени, пока нет измеряющей души? Это все равно, как если бы кто сказал, что время возникает из души. Однако тут нет никакой надобности в душе – во всяком случае ради измерения; ибо время будет по величине таким, как оно есть, даже если никто его не измеряет. О душе можно было бы сказать, что она-то как раз и использует величину для того, чтобы измерять; но что общего это имеет с понятием времени?" (Эннеады, III, 7, 9). Тут наглядно видно различие между Плотиним и Аристотелем в понимании времени. С точки зрения Аристотеля, роль индивидуальной души конститутивна по отношению к времени, ибо лишь разумная душа, зная законы числа, может вести счет времени. Правда, душа не создает время – оно все-таки всегда связано с движением, а потому объективно. Но акт измерения, – а он осуществляется именно душой, – составляет необходимый момент понятия времени. Напротив, Плотин подчеркивает, что индивидуальная душа как измеряющая инстанция не важна для конституирования времени, "ибо оно будет по величине таким, как оно есть, даже если его никто не измеряет". Плотин, таким образом, вообще отделяет вопрос о природе времени от проблемы его измерения, а потому связь времени и числа, столь существенная для Аристотеля и Платона, уходит у него на задний план.

Для понимания сущности времени Плотин обращается к Платону с его определением времени через вечность. И потому анализу времени он предпосылает подробное рассмотрение того, что такое вечность. "Только если познано то, что является образцом (*paradeigma*), можно уяснить и сущность образа (*eikōnos*)" (Эннеады, III, 7, 1). Что же такое, по Плотину, вечность? Это прежде всего – умопостигаемое бытие (*noete ousia*)¹³, которому свойственна неизменность и неподвижность (*stasis*), тождество с самим собой. К вечности неприменимы слова "была" или "будет" – она всегда "есть". Как и у Платона, у Плотина нет терминологического различения слов *aionion* и *aidion* – оба употребляются для обозначения вневременного, вечного.¹⁴ Позднее в неоплатонизме эти два слова терминологически закрепляются и получают разные значения. Так, у Прокла *aion* означает вечность, тогда как *aidion*

¹³ Для характеристики вечности Плотин употребляет также выражения: *aidios physis* (вечная природа), *kosmos noetos* (умопостигаемый космос), *sphaira noete* (умопостигаемый шар) или просто *nous* – ум.

¹⁴ Так, умопостигаемый мир, о вечности которого ведет речь Плотин, называется им *aidios physis*.

имеет смысл "всегда сущего", отличающегося от "вечного". В средневековой теологии соответственно различаются *aeternitas* – вечность Бога (*aion*) и *perpetuitas*, или *sempiternitas* (*aidiotes*).

У Плотина вечность есть всегда самотождественная жизнь, завершённое целое, не имеющее частей, абсолютно самодовлеющее и самодостаточное (Эннеады, III, 7, 5). Впервые в античной философской традиции Плотин не просто объявляет вечность священной, но мыслит ее как Бога. Позднее и Прокл, следуя здесь за Платином, в комментарии на "Тимея" тоже отождествляет вечность и Бога: *aion*, согласно Проклу, есть *theos noetos* – умопостигаемый Бог.¹⁵ Плотин соотносит понятия "вечность" и "единое": вечность, говорит он, "покоится в едином", которое составляет ее основу и центр. При этом, отождествляя вечность с единым, он в то же время называет ее "бесконечной жизнью" (*zoe apeiros*). Бесконечное (*to apeiron*), как подчеркивает Плотин, "не есть недостаток" (*to te an epileipein*) (Эннеады, III, 7, 5).

Философу не случайно приходится давать такое пояснение относительно бесконечного. Как мы уже видели, в классической греческой философии от пифагорейцев и элеатов до Платона и Аристотеля единое (*to hen*) противопоставляется бесконечному, беспредельному (*to apeiron*). Если единое Платона есть высшее начало, условие возможности бытия, т.е. умопостигаемого мира идей, то беспредельное – это материя, которая и обуславливает текучесть и изменчивость чувственного мира как становления, а не бытия.¹⁶ Платинова же характеристика вечности как беспредельной представляет собой начало пересмотра традиционного для классической греческой традиции понимания бесконечного.¹⁷ Ни греческая наука в лице математиков (Евдокса, Архита, Евклида и др.), ни греческая астрономия и механика (Птолемей, Архимед, Папп), ни философия в лице Платона и Аристотеля не признавала понятия актуальной бесконечности, а допускала только бесконечность потенциальную, что мы уже отмечали при рассмотрении континуума у Аристотеля. Как известно, Плотин испытал влияние Александрийской школы, в частности Филона Александрийского, пытавшегося в своем учении о Логосе соединить греческую философию (прежде всего платонизм) с ветхозаветной религией и рассматривавшего платоновское

¹⁵ Proklus // Platonis Timaeum commentarii / Ed. E. Diehl. Leipzig, 1906. Bd.3, 13, 23.

¹⁶ Характерно, что Карнеад (214 – 129 г. до н.э.), платоник, основатель третьей Академии, "доказывал против стоиков, что Божество нельзя мыслить ни ограниченным, ни безграничным: в первом случае оно обращается в часть, которая меньше целого, а во втором – теряет свою жизнь и индивидуальность, поскольку определенное живое существо, имеющее в себе средоточие жизни, нельзя мыслить бесконечным. Это последнее соображение прекрасно характеризует греческое представление о божестве..." – Трубецкой С. Н. Учение о Логосе в его истории. М., 1916. С. 124.

¹⁷ Проблема единого и бесконечного и способ ее решения в античной философии и науке подробно рассматривается в моей работе: Гайденко П. П. Эволюция понятия науки. Формирование и развитие первых научных программ. (VI в. до н.э. – XVI в.). М., 1980.

понятие единого в новом контексте, видя в нем абсолютное всемогущество и абсолютную бесконечность.¹⁸ Вероятно, именно учение Филона сказалося в платиновском понимании бесконечного и в частности в его определении вечности как бесконечной жизни. Правда, нельзя не отметить, что в целом Плотин еще не совершил пересмотра указанных понятий, в основном он здесь следует Платону и его школе, однако начало новой трактовки бесконечного у него уже намечается, хотя, конечно, и не проводится последовательно.

Как же, однако, переходит Плотин от вечности к времени? Подобно Платону, он хочет понять сущность времени через "метафизическую историю" его рождения. Но эта "история" не совпадает с той, какую рассказал Платон в "Тимее". Как могло из вечности возникнуть время, из неподвижности – движение и изменение, из тождественного – всегда различное, из самодостаточного – постоянно нуждающееся в другом? Оказывается, "там (в умопостижимом вечном бытии. – П.Г.) была некоторая природа, беспокойно-деятельная (*polupragmatos*) и стремящаяся господствовать над самой собой и принадлежать самой себе. Она хотела обрести больше, чем у нее было; так она пришла в движение, а вместе с ней в движение пришло время, и мы стали двигаться к всегда-будущему и позднейшему, т.е. все время к иному, а не к тождественному..." Вечность неразрывно связана с умопостижимым миром, а время – с душой, которая "сама сделалась временем, которое заменило вечность, и... отдала во власть времени возникший видимый мир..." В результате появилось "вместо тождества, равномерности и постоянства – нечто непостоянное, создающее один раз одно, а другой раз другое; вместо неделимого и единого – отражение единого, единство которого проявляется только в непрерывности; вместо бесконечного и целостного – бесконечная смена явлений; вместо замкнутого целого – ряд частей, стремящихся образовать целое" (Эннеады, III, 7, 11).

Таким вот образом, по Плотину, душа в подражание единому создала чувственный мир – мир многого, в подражание вечности создала ее подвижный образ – время. Отсюда вытекает и определение времени, данное Плотинем: "Время есть жизнь души в некотором движении, а именно в переходе из одного состояния в другое" (там же). Давая такое определение, Платон выполняет поставленную им перед собой задачу – указать сущность времени, а не его отношение к чему-то другому.

Таким образом, мир, по Плотину, "движется в душе, ибо кроме души нет другого места для этого" (там же). Время возникло вместе с космосом, как и полагал Платон, ибо, поясняет Плотин, "душа породила его вместе с космосом". И небесная сфера не есть время, но "движется во времени; даже если бы она остановилась, но душа пребывала бы в деятельности, мы могли бы измерить тот отрезок времени, когда небесная сфера пребывала неподвижной" (Эннеады, III, 7, 13). Итак, движение – во времени, а время – в душе. Таков итог исследования Пло-

¹⁸ Трубецкой С.Н. Учение о Логосе в его истории, с.122-130.

тина. О какой же душе говорит здесь греческий философ? Об индивидуальной душе человека, которую в связи с временем имел в виду Аристотель, или о душе мировой, душе самого космоса? Чтение третьей Эннеады не оставляет сомнения в том, что у Плотина речь идет о душе мира, которой причастна любая отдельная душа. Так, на вопрос: "Каким образом время может присутствовать везде?" – Плотин отвечает: "Ведь и душа не удалена ни от какой части мира, подобно тому как наша душа не удалена ни от какой части нашего (тела)" (Эннеады, III, 7, 13). Отсюда понятно, что и время, которое укоренено в душе и есть как бы сама *длительность мировой души*, не теряет от этого своего космического характера и не становится чем-то субъективным. Понимая время как длительность мировой души, Плотин тем самым пытается определить саму сущность времени, которую, на его взгляд, не понял Аристотель, сконцентрировав свое внимание на проблеме *измерения* времени и потому связав понятие времени с исчислением его, а тем самым – с индивидуальной разумной душой, способной произвести это исчисление. Стоит однако принять платиновское определение времени как "жизни души", отвергнув (или переосмыслив) его учение о мировой душе, как возникает возможность различных форм уже внекосмического истолкования времени – от трансцендентального до различных вариантов историцистского и психологического.

В своем стремлении постигнуть сущность времени из соотношения его с вечностью Плотин, как мы уже отмечали, возвращается от Аристотеля к Платону. Однако, связывая время с жизнью мировой души, он идет дальше того, что непосредственно выражено у Платона. Как справедливо отмечает большой знаток Платона и неоплатонизма, немецкий философ Вернер Байервальтес, сам Платон на связь души с временем прямо не указал, так что идея связать время с жизнью души принадлежит именно Плотину, который, таким образом, по-новому интерпретирует платоновское понятие времени.¹⁹ Байервальтес прав: у Платона мы не встречаем прямого отождествления времени с "жизнью души", однако косвенно на основании текстов Платона можно заключить, что определенная связь между ними есть, поскольку, прежде чем создать тело космоса, демиург, согласно Платону, создал его душу, которая со всех сторон объемлет тело космоса. Но нельзя не отметить и отличие платиновской трактовки времени от платоновской: так, вряд ли мы могли бы встретить у Платона рассуждение, что душа "пребывала бы в деятельности, даже если бы небесная сфера остановилась": вращение небесной сферы, по Платону, как раз и есть жизнь мировой души. И не случайно мы видим у него тенденцию к отождествлению того движения, в котором как бы воплощено время (круговое движение небосвода) и с помощью которого мы его измеряем, с самим временем. У Плотина на-

¹⁹ См. Комментарий В.Байервальтеса к его переводу Плотина: *Plotin. Über Ewigkeit und Zeit / Übersetzt, eingeleitet und kommentiert von W. Beierwaltes*. Frankfurt a. M., 1967. S.261.

мечается ослабление того космозизма в толковании времени, который характерен для Платона и, в определенной мере, для Аристотеля.

Другое, не менее важное различие между Платоном и Плотиним состоит в том, что у Платона, как мы помним, время творит демиург, причем творит его с целью еще более уподобить творение его вечному образцу. Если у Платона сделан акцент на подобии времени вечности, то у Плотина, тоже признающего это подобие, все же больше подчеркнута их отличие: не случайно же время у него возникает вместе с "падением" души, отпадением ее от единого умопостигаемого бытия в силу ее деятельно-суетной, беспокойной, рассредоточенной природы. След этого падения, печать этой рассредоточенности лежит на времени. Интересно, что другой неоплатоник, Прокл, не вполне согласен с платиновым пониманием времени как "жизни души". Не принимая идею "падения" времени из вечности по вине "беспокойной природы", он возвращается к платоновскому понятию времени как созданного демиургом "подвижного образа вечности".²⁰ Нельзя не отметить и еще один момент в платиновской концепции времени: будучи убежденным, что определение времени через "число движения" не затрагивает сущности времени, Плотин мало занимается вопросом о связи времени и числа. Однако если по отношению к Аристотелю критика Плотина до определенной степени справедлива, то по отношению к Платону она не имеет достаточной силы: ведь у Платона число имеет онтологический статус, а потому определение времени через число, с точки зрения Платона, не тождественно определению его через измерение. По Платону, число есть та реальность, которая лежит в самой основе мира, его место – в сфере умопостигаемых идей, а потому через число космос устрояется, а не просто измеряется его движение.

Философия Плотина вообще и его теория времени в частности представляет для исследователей тем больший интерес, что влияние этого мыслителя было очень сильным и вышло далеко за пределы его эпохи. Учение Плотина оказало воздействие как на позднейших неоплатоников, так и на греческих и латинских отцов церкви. Так, следы платиновской философии можно заметить у Евсевия, Василия Великого, Григория Нисского, а среди латинских авторов – у Марии Викторина, переведившего сочинения Плотина на латинский язык, у Амвросия, Бозция и Августина.

Рассмотренные нами концепции времени – Зенона Элейского, Платона, Аристотеля и Плотина – являются, пожалуй, наиболее значительными в античности. Они не утратили своего теоретического значения и по сей день. Учитывая ту актуальность, которую проблема времени приобрела в XX веке в связи прежде всего с созданием теории относительности в физике, приведшей к пересмотру классических представлений о времени, а также с попытками философов разработать концепцию исторического времени как фундамента новой онтологии (я имею в

²⁰ Proklus // Platonis Timaeum commentarii. Bd. 1, 20, 22-23, 28.

виду В.Дильтея, М.Хайдеггера, Г.Гадамера и др.), обращение к античным концепциям времени имеет не только чисто исторический интерес. Размышления о времени Платона, Аристотеля, Плотина по своей глубине превосходят многое из того, что на этот счет высказывалось в новое и новейшее время, и могут пролить дополнительный свет на те вопросы, которые волнуют нас сегодня.

Греческое слово *хронос* (время) имеет два значения: хронос — это время, которое течет, хронос — это время, которое измеряется. В античной философии время рассматривается как нечто, что существует независимо от человеческого сознания. В платонизме время рассматривается как нечто, что существует независимо от человеческого сознания. В аристотелизме время рассматривается как нечто, что существует независимо от человеческого сознания. В неоплатонизме время рассматривается как нечто, что существует независимо от человеческого сознания.

Аристотель. *Физика*. М.: Мысль, 1987. С. 240-241.
Платон. *Тимей*. М.: Мысль, 1987. С. 38-39.
Плотин. *Эннеады*. М.: Мысль, 1987. С. 10-11.
Дильтей В. *Введение в философию жизни*. М.: Мысль, 1987. С. 10-11.
Хайдеггер М. *Бытие и время*. М.: Мысль, 1987. С. 10-11.
Гадамер Г. *Вечность и принадлежность*. М.: Мысль, 1987. С. 10-11.

О.Г.Колосова

Восприятие времени в диалоге Тацита “Об ораторах”

Пишу историку дает время: он пишет о времени, творит во времени и, более того, сам зачастую стремится творить время. Понять мироощущение человека, живущего интересом к прошлому, едва ли можно, не вникнув в суть его отношений с настоящим и помыслов о будущем.

Корнелий Тацит в этом отношении один из самых загадочных античных историков: сравнительно поздно обратившись к опыту минувшего¹, он оставил последующие поколения в недоумении перед открытым вопросом: чем же объясним бесспорно мрачный взгляд, обращенный им в прошлое – было ли его позднее творчество безнадежным укором современникам, следствием коллективного чувства вины за содеянное в настоящем² или тоски по давно ушедшему прошлому³?

Репутация сугубого пессимиста, взиравшего на окружающую его действительность взглядом, исполненным тоски по золотому веку римской республики – эпохи расцвета свободы слова и римской *virtus*⁴, – укрепилась за Тацитом. Принято думать, будто он не просто оценивал империю исходя из республиканской системы ценностей, усвоенных им как представителем сената, но и отчетливо сознавал их архаичность в новых условиях. Он испытывал неодолимую, болезненную ностальгию по идеализируемому им⁵ прошлому и – одновременно – вполне практично и реалистично принимал настоящее⁶. Мысль о разрыве традиций, переломе в ходе истории шаг за шагом, от произведения к произведению овладевает сознанием Тацита, захватывая его целиком и определяя ту мрачность восприятия деяний первых римских принцевов,

---

¹ Syme R. *How Tacitus came to History // Idem. Ten Studies in Tacitus.* Oxford, 1970. P.11 ff.; *Idem. Tacitus as Senatorian Historian // Ibid.* P.2.

² О чувстве коллективного стыда, охватившего его поколение, за содеянное на веку Домициана см.: *Albrecht M. von. Geschichte der Römischen Literatur.* München, 1994. S.871.

³ *Klingner F. Römische Geisteswelt.* Munich, 1961. S.463. См. также: *Wirszubski Ch. Libertas as a political idea at Rome during the Late Republic and Early Principate.* Cambridge, 1968. P.161; *Flach D. Tacitus in der Tradition der antiken Geschichtsschreibung.* Göttingen, 1973. S.207; *Vielberg M. Pflichten, Werte, Ideale: Eine Untersuchung zu den Wertvorstellungen des Tacitus.* Stuttgart, 1987. S.74 f.

⁴ *Mellor R. Tacitus.* N.Y.-L., 1993. P.89.

⁵ *Mellor R. Tacitus.* P.89; *Albrecht M. von. Op.cit.*, S.882.

⁶ *Goodyear F.R.D. Tacitus.* Oxford, 1970. P.16. Успешность карьеры Тацита при Флавиях – лучшее тому свидетельство (*Alföldy G. Bricht der Schweigsame sein Schweigen? Eine Grabinschrift aus Rom // MDAI (R).* 102. 1995. S.263 f.). Оставаясь “республиканцем” в теории, Тацит был неизменным “монархистом” на практике: *Albrecht M. von. Op.cit.*, S.871; *Klingner F. Op.cit.*, S.490-513.

которая столь очевидна в "Анналах", венчающих творчество историка⁷. Пессимизм его проступает отчетливо уже в ранних, "малых" произведениях – "Германии" и "Жизнеописании Агриколы"⁸. Что же касается диалога "Об ораторах", занимающего центральное положение в череде трудов Тацита и по времени написания, и по роли, отводимой этому сочинению в формировании его как историка⁹, то как раз тогда, когда речь заходит об этом трактате, традиционная концепция усугубляющегося с годами пессимизма Тацита наиболее наглядно утрачивает свою безусловность, хотя именно в работе над диалогом, как считается, начинающий автор приходит к постижению "диалектики" истории, к осознанию закономерности смены республики империей, понимает и принимает неизбежность прошедшей перемены¹⁰.

"Антитеза между республиканским прошлым с его ораторским величием и императорским настоящим с упадком ораторского искусства"¹¹ – такова, как принято считать, основная идея диалога Тацита. Выраженная в предисловии в форме вопроса, она составляет суть дискуссии, передаваемой автором спустя три десятилетия как ответ более молодому современнику. "Ты часто спрашиваешь меня, Фабий Юст, почему предшествующие столетия отличались таким обилием одаренных и знаменитых ораторов, а наш покинутый ими и лишенный славы красноречия век едва сохраняет самое слово *оратор*"¹²:

"Saepe ex me requiris, luste Fabi, cur, cum priora saecula tot eminentium oratorum ingenii gloriaque floruerint, nostra potissimum aetas deserta et laude eloquentiae orbata vix nomen ipsum oratoris retineat" (Dial. 1. 1).

Исходный пункт дискурса, заданный автором с отсылкой к мнению недоумевающей "молодежи", передан в переводе как противопоставление "предшествующих веков" "нашей эпохе". Именно интерпретация, отраженная этим традиционным переводом, становится отправной точкой рефлексии: с какого же момента следует начинать отсчет

⁷ Reitzenstein R. Tacitus und sein Werk // Neue Wege zur Antike. IV. Leipzig – Berlin, 1926. S.8.

⁸ incuriosa suorum aetas (Tac.Agr.1); dum vetera extollimus recentium incuriosi (Tac.Ann.2.88).

⁹ Гаспаров М.Л. Греческая и римская литература I в. н.э. // История всемирной литературы. Т.1. М., 1983; Heilmann W. 'Goldene Zeit' und geschichtliche Zeit im Dialogus de oratoribus // Gymnasium. 1989. 96. S. 385.

¹⁰ Кнабе Г.С. К биографии Тацита. Sine ira et studio // ВДИ. 1978. №2. С.126, 129 сл.; он же. Корнелий Тацит. Время, жизнь, книги. М., 1981. С.156; Штаерман Е.М. От гражданина к подданному // Культура древнего Рима. Т.1. М., 1985. С.68; Döpp S. "Zeitverhältnisse und Kultur" Im taziteischen Dialogus // Prinzipat und Kultur im 1. und 2. Jhd. Bonn, 1995. S.223; idem. Nec omnia apud principes meliora: Autoren des früheren Prinzipats über die eigene Zeit // RhM. CXXXII. 1. 1989. S.91.

¹¹ Крюков А.С. Летопись первого века. Историческая проза Тацита. Воронеж, 1997. С.15. Ср. также Крюков А.С. Пролог в "Анналах" Тацита // ВДИ. 1983. №2. С.141; Лосев А.Ф. История античной эстетики. Ранний эллинизм. М., 1979. С.506; Кнабе Г.С. Понимание культуры в древнем Риме и ранний Тацит // История философии и вопросы культуры. М., 1975. С.122; Wickert L. Princeps (civitatís) // RE. Sp. 2092ff.; Murphy J.P. Tacitus on the Education of the Orator // ANRW. II. S.2291.

¹² Цит. по: Корнелий Тацит. Сочинения. 2-е изд. Т.1. М., 1993.

“предшествования”? Сколь долгов тот “век”, который имеется в виду, сопоставим ли он со столетием, прошедшим со времени утверждения принципата? Иными словами, где следует провести грань между временем “своим” для Тацита и “веками предшествующими”? Литература дает недвусмысленный ответ: эта грань – переход от республики к империи, приведший к утрате свободы слова и угасанию ораторского искусства¹³. Но ощущалась ли самим автором и его современниками эта грань именно там и именно в такой форме, в какой это следует из традиционной интерпретации?

Значение латинских *priora saecula* и *nostra aetas* более конкретно и не имеет выраженного арифметического¹⁴ оттенка, столь очевидного в соответствующих им лишь отчасти понятиях “век”, “столетие” в новых языках. *Aetas* – это и время, отпущенное одному человеку, и некая пора этого времени – человеческий возраст, и определенная полоса истории – время жизни и активной деятельности одного поколения. Одно из значений латинского *saeculum* тоже связано с веком человеческим, а не современным “столетием”, хронологически исчисляемым (100 лет) и сменяющим одно другое независимо от существования рода людского.

Однако переводческая традиция удивительно единодушна. Предпочтение более общих и, как следствие, более расплывчатых формулировок характерно не только для русских, но и для новоевропейских переводов диалога в целом: *aetas* предстает в них как “наш век” или “наше время”, а *priora saecula* – как “предшествующие столетия”¹⁵. Единодушие это не случайно, ибо передаваемая переводами интерпретация восходит к существующим комментариям к диалогу, в первую очередь, классическому комментарию А.Гудемана, согласно которому *saecula* у Тацита всегда употребляется в своем “обычном” значении – “время, эпоха”. Как частный случай он приводит три места, где это слово может обозначать “столетие”¹⁶. *Aetas* вовсе не привлекает внимания комментатора, что предполагает восприятие этого слова как понятия соподчиненного, второстепенного в паре *aetas* – *saeculum*¹⁷. Бросается в глаза, что примеры, приводимые А.Гудеманом, неполны и иллюстра-

¹³ Heldmann K. Antike Theorien über Entwicklung und Verfall der Redekunst, München, 1982. S.4.

¹⁴ “...Для древнего сознания пространство и время существуют не как абстрактные, лишь количественно исчисляемые расстояние и длительность, а в неразрывной связи с наполняющим их содержанием” (Кнабе Г.С. Историческое пространство и историческое время в культуре древнего Рима // Культура древнего Рима. Т.2. М., 1985. С.108).

¹⁵ Корнелий Тацит. Сочинения. Т. 1. Пер. А.С.Бобовича. С.373; Кнабе Г.С. Корнелий Тацит..., с.144; Büchner K. Tacitus. Die historischen Versuche. Stuttgart, 1985. S.228; Tacite. Dialogue des Orateurs. Vie d'Agriкола. La Germanie. Paris, 1922. P.5; Tacitus. Agricola. Germania. Dialogus. L., 1980.

¹⁶ Tac. Dial.16.6; Hist. 1.2; Ann. 6.28.

¹⁷ Gudeman A. Cornelii Taciti Dialogus de oratoribus mit Kommentar. Leipzig, 1914. S.185. Синонимичность этих понятий в диалоге (1.1 и 16.5) подчеркивалась и другими комментаторами (Sörbom G. Variatio sermonis Tacitei aliaeque apud eundem quaestiones selectae. Uppsala, 1935. S.28; Günzinger R. Kommentar zum Dialogus des Tacitus. Leipzig; Göttingen, 1980. S.6).

тивны. Так, не принимаются в расчет случаи совместного употребления, а стало быть, не анализируются и соотношение и соподчинение этих понятий ни в самом диалоге, ни у современных ему авторов, в первую очередь у Квинтилиана, писавшего почти одновременно с Тацитом и на ту же тему, что и будущий историк. Впрочем, исследование такого рода и не входило в задачу комментатора – А. Гудеман в иной связи особо подчеркивает, что чередование временных обозначений зачастую в рамках одного предложения в диалоге Тацита и соответствующие параллели у Квинтилиана заслуживают особого внимания¹⁸.

Помимо предисловия, *saeculum* и *aetas* дважды появляются в диалоге в одном ряду, причем употребляются как понятия близкие, почти синонимичные¹⁹. *Aetas*, судя по контексту, – сознательная жизнь человека²⁰; к одному *saeculum* (обозначающему явно "поколение") принадлежат те, кого могли бы видеть и слышать на своем веку одни и те же люди²¹. Сопоставимо с этим словоупотреблением и обычное у Тацита "*nostrum*"²² в значении "*homines nostri aetatis*"²³. "*Nostrum*" – это не обязательно люди одного возраста – ровесники – но скорее современники в широком смысле, те, кто проходит перед глазами человека на протяжении его жизни²⁴, будь они юны²⁵ или стары²⁶. Человек выступает здесь не просто как точка отсчета времени: именно его индивидуальное восприятие того, что могло случиться на его веку, становится критерием периодизации – а вовсе не абстрактные процессы, как-то: ход истории, эволюция политических структур или ораторского искусства.

Аналогичное представление обнаруживается у Квинтилиана. *Aetas* – даже не поколение, это некая полоса времени, объединяющая всех, кого человек мог застать на протяжении своей сознательной жизни. Горгий из Леонтин, проживший 109 лет, мог повидать многих выдающихся людей: *beneficio longissime aetatis... cum multis simul floruit* (Quint. Inst. 3.1.9). Идея одновременности – сосуществования во времени лиц

¹⁸ Ibid., S.296. Речь идет, в первую очередь, о чередовании соответствующих временных обозначений в 16.6, вызванном явно не стилистическими причинами (Persson P. Kritisch-exegetische Bemerkungen zu den kleinen Schriften des Tacitus. Uppsala, 1927. S.25 f.; Sörbom G. Variatio sermonis, S.28).

¹⁹ Non enim... inauditum et indefensum saeculum nostrum patiar... sed hoc primum interrogabo, ...quam oratorum aetatem significatione ista determinetis... (Tac. Dial. 16.4; ср. также 17.4 и 17.6).

²⁰ Unius hominis aetas (Tac. Dial. 17.4); cp. magna in hoc pars aetatis absumitur (Quint. Inst. 12.11.15); his omnis aetas consumitur (ibid. 8 proem. 16).

²¹ Ne dividatis saeculum et antiquos ac veteres vocitetis oratores, quos eorundem hominum aures agnoscere ac velut coniungere et copulare potuerunt (Tac. Dial. 17.6). Ср. *saecula* как персонифицированное понятие: quot saeculis Aristoteles didicit (Quint. Inst. 12.11.22); perpetua saeculorum admiratione celebrantur (ibid. 11.1.13); saeculorum memoria (ibid. 10.1.104); dicent haec plenius futura saecula (10.1.92).

²² Gudeman A. Cornelii Taciti Dialogus de oratoribus mit Kommentar, S.375.

²³ Cp. oratores nostri (Tac. Dial. 26.3).

²⁴ vobis utique versantur ante oculos isti ... qui rhetorum nostrorum commentarios fastidiunt (ibid. 23.2).

²⁵ posterum nostrum (ibid. 23.6).

²⁶ senes nostri (Tac. Hist. 4.42.5).

разного возраста, разных поколений – преобладает в этом понятии²⁷. Прославленные десять афинских ораторов – современники в том смысле, что все они пересеклись во времени в какой-то, пусть даже краткий момент, – образуют *aetas* Демосфена²⁸; точно так же *aetas* Цицерона славна тем, что она объединяет многих красноречивых современников²⁹. Именно число выдающихся ораторов, их концентрация во времени поражает Квинтилиана, когда он говорит об эпохе Цицерона³⁰. Не случайно поэтому для него не “Цицерон жил в эпоху гражданских войн”, а “гражданские войны пришли на век (*aetas*) Цицерона”³¹.

Схожесть словоупотребления в “Наставлениях оратору”³² и во введении к диалогу³³ очевидна и наводит на мысль о схожести значений *aetas* и *saeculum* в соответствующих контекстах у обоих авторов³⁴. Общность темы³⁵, установленные уже в литературе многочисленные текстовые параллели³⁶ и практическая одновременность создания их сочинений позволяют предполагать если не прямую, то косвенную полемику между авторами³⁷. Более того, отмеченная схожесть в словоупотреблении не случайна, ибо оно происходит из общего источника – интеллектуальной жизни конца I в. н.э. Диалогизм используемой Тацитом в предисловии к его сочинению вполне традиционной для римской литературы формы – якобы ответа на вопрос, – позволяющей ему начать разговор, почему-то недооценивается специалистами, исследовавшими диалог “Об ораторах”. Согласно Т.Янсону, сама постановка вопроса и форма обращения к Фабию Юсту есть не более чем условность, за которой вряд ли скрывается что-то более серьезное, чем желание отдать дань традиции, следуя общепринятой практике, или, самое большее, уважить самого Фабия; но в ней ни в коем случае нельзя видеть некий реальный содержательный фон, намек на споры, которые велись в то время в действительности³⁸. Но каков же смысл самой этой

²⁷ De omnibus aetatis suae, quiqui convivebant (Quint.Inst.10.1.38).

²⁸ Sequitur oratorum ingens manus, ut cum decem simul Athenis aetas una tulerit (ibid.10.1.76).

²⁹ tum deinde efflorescat non multum inter se distantium tempore oratorum ingens proventus (ibid.12.10.11).

³⁰ haec manus quasi quibusdam sacris initiata (ibid.12.10.14.)

³¹ civilibus bellis, quae in aetatem eius gravissima inciderunt (Quint.Inst.12.1.16).

³² tum deinde efflorescat non multum inter se distantium tempore oratorum ingens proventus (ibid.12.10.11).

³³ Priora saecula tot eminentium oratorum ingeniis gloriaque floruerint (Tac.Dial.1.1).

³⁴ Особенно важен принцип противопоставления *nostra aetas* и *priores* у Квинтилиана в некоторых пассажах, которые напрямую и во многих отношениях перекликаются с диалогом (ср. Колосова О.Г. Судьба человека и империи в диалоге Тацита “Об ораторах” (К интерпретации текста) // ВДИ. 1998. №3. С.184).

³⁵ Barwick K. Der Dialogus de oratoribus des Tacitus (Motive und Zeit seiner Entstehung). Berlin, 1954.

³⁶ Güngerich R. Der Dialogus des Tacitus und Quintilians Institutio Oratoria // CPh. 1951. 46. P.159-164.

³⁷ Колосова О.Г. Судьба человека и империи. С.182 сл.

³⁸ Janson T. Latin Prose Prefaces. Studies in Literary Conventions. Stockholm; Gøteborg; Uppsala, 1964. P. 60 f.

общепринятой практики? Не скрывается ли за ней желание автора показать существующую, по его мнению, актуальность избранной им темы, даже если в реальности вопрос и не был задан? Согласно М.М. Бахтину, любая условность, касающаяся формы, не случайно, она призвана адресовать произведение если и не конкретному собеседнику, то, в любом случае, современникам в широком смысле слова, ведь найти опору в их сознании – задача всякого автора, желающего быть понятым³⁹. Не только предисловие, но и первая речь в диалоге апеллирует к широкому общественному мнению⁴⁰, указывая на связь дискурса с реальностью того времени, обнаруживая если не событийную, фактическую подоплеку его, то, по крайней мере, основу его в интеллектуальной жизни эпохи. В силу этого оба трактата – Тацита и Квинтилиана – едва ли можно рассматривать изолированно. Словоупотребление "Наставлений оратору" может помочь составить более точное представление о том, что имел в виду его автор, формулируя – от лица адресата своего сочинения! – тему диспута.

И из Тацита, и из Квинтилиана явствует, что как период времени *aetas* имеет четко очерченные границы, определяемые не некоей объективной хронологической сеткой, а субъективным, личным восприятием того, чья память берется за основную точку отсчета. *Aetas* – это пора начиная с первых лет юности⁴¹, когда человек впервые на практике обращается к активному познанию той или иной деятельности, и кончая годами глубокой старости, когда он стоит уже на пороге смерти⁴². Именно рождение для общества и физическая смерть образуют естественные рубежи *aetas*. *Aetas* в этом смысле словно островок в вечности, полоска, отделяющая человека от той бездны, когда его еще не было для других и уже не будет⁴³.

Глубокая укорененность этого представления в религиозных понятиях римлян отчетливо видна из Квинтилиана. Речь, произносимая по умершему, должна четко члениться на две части: всегда следует отделять то, что было до удостоившегося посмертной хвалы, от того, что случилось на его веку⁴⁴. Ведь и сама похоронная процессия следует в том же порядке: впереди несут изображения предков⁴⁵. Трудно пред-

³⁹ Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т.5. Работы 1940-х – начала 1980-х годов. М., 1996. С.204.

⁴⁰ Колосова О.Г. Марк Аппр как типичный римский оратор I в. н.э. (Tac. Dial. 5.3–10): к вопросу о композиционной роли и идентификации одного литературного персонажа // Древний Восток и античный мир: Труды кафедры истории древнего мира исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. М., 1999. (В печати).

⁴¹ Приблизительно от 16-20 лет, когда, по римским понятиям, заканчивалась *iuventus* и начиналась *adulescentia* (Cousin J. Introduction // *Quintilien. Institution oratoire*. T.1. P., 1975. P.I-XVI).

⁴² *si aetatem nostram non spatio senectutis, sed tempore adulescentiae metiamur* (Quint. Inst.12.11.13).

⁴³ *iam ultimae senectutis aevum saeculorum omnium consecutus* (ibid.11.1.10).

⁴⁴ *nam primum dividitur in tempora, quodque ante eos fuit quoque ipsi vixerunt, in iis autem, qui fato sunt functi* (ibid.3.7.10).

⁴⁵ *ante hominem patria ac parentes maioresque erunt* (ibid.3.7.10).

ставить себе большее соответствие образа словесного, создаваемого самой композицией погребальной речи, образу зримому. Прошлое изымалось из сферы профанного⁴⁶; оно скорее находилось во власти неких мистических сил, нежели людской воли: память об умершем обретала "священный" ореол⁴⁷, как сакральный элемент воспринималось имя – то, что сохраняется после смерти в первую очередь⁴⁸. Умерший, удостоившийся возвеличивания в памятной речи, оказывался благодаря этому публичному акту в одном ряду с богами⁴⁹. "Laudes funebres" относятся Квинтилианом к разряду "божественных почестей"⁵⁰; человек приравнивается к богам – "рожденным бессмертными" – если он тоже достиг бессмертия благодаря своей "доблести" ("virtus").⁵¹ В еще большей мере подвержено мистификации будущее, о котором могли дать представление лишь предсказания оракулов⁵².

Многообразии обозначений предшествующих поколений (*priores*, *veteres*, *antiqui*) не меняет сути: "древность", "старина" – это не столько давно ушедшее время, сколько противостоящее "нашему"⁵³. Эти обозначения вовсе не ассоциированы ни с эпохой республики, ни, тем более, конкретно Цицерона. Напротив, сам великий римский оратор оказывается и в числе *priores* (Quint.Inst.9.2.41; 3.74), и среди *veteres* (*omnes veteres et Cicero praecipue* – *ibid.*9.3.1). И хотя один из цитируемых пассажей обнаруживает присущее Квинтилиану исключительное преклонение перед Цицероном, после которого "скромнее всего было бы молчать"⁵⁴, следовавшие за великим оратором авторы риторических сочинений, жившие уже при Империи, ничуть не отделяются от гения римского форума в особый период истории красноречия. Напротив, все они – и Цицерон, и те, кто следовал за ним, – противопоставляются ав-

⁴⁶ О резком отделении мира мертвых от мира живых как особенности римской религии см. *Piccaluga G. Aspetti e problemi della religione romana*. Firenze, 1975; *Штаерман Е.М.* Социальные основы религии древнего Рима. М., 1987. С.19.

⁴⁷ *sacra quaedam patris eius memoria* (Quint.Inst.11.1.59).

⁴⁸ *Iulio Secundo si longior contigisset aetas, clarissimum profecto nomen oratoris apud posteros foret* (*ibid.*10.1.120).

⁴⁹ Ср. название самого жанра – *laudes deorum virorumque, quos priora tempora tulerunt* (*ibid.*3.7.3). См. также *Зелинский Ф.Ф.* Рим и его религия // *Он же.* Соперники христианства. Статьи по истории античных религий. СПб., 1995. С.76; *Kierdorf W.* *Laudatio funebris: Interpretationen und Untersuchungen zur Entwicklung der römischen Leichenrede*. Hain, 1980.

⁵⁰ *divini honores* (*ibid.*3.7.17).

⁵¹ *laudandum in quibusdam, quod geniti immortales, quibusdam, quod immortalitatem virtute sint consecuti: quod pietas principis nostri praesentium quoque temporum decus fecit* (*ibid.*3.7.9).

⁵² *ex eo, quod ante ipsum, fuit, tempore trahentur, quae responsis vel auguriis futuram claritatem promiserint* (*ibid.*3.7.11).

⁵³ Ср. постоянно встречающуюся в "Наставлениях" оппозицию *priores* – *nos* (5.10.121); *adhuc, veteres* – *nos* (1 prooem.19); *antiquitas* – *nos* и тотчас же *priores* – *nostra aetas* (12.11.22); *veteres* – *nostris temporis* (1. prooem.15); *apud antiquos* – *nostris temporis* (8.5.2).

⁵⁴ *post quem tacere modestissimum foret* (*ibid.*3.1.21).

тором "Наставлений" его современникам, которых он старательно выделяет в общем ряду имен, среди тех, кого ни видеть, ни слышать он не мог, тех, кто для него был всего лишь историей: уточнение *aetate nostra* для Квинтилиана столь же необходимый элемент при перечислении⁵⁵, сколь обязательно и отмежевывание от *priores*: грань проходит по поколению "стариков", которых ритор мог застать, будучи юношей⁵⁶. Виденное, слышанное, пережитое естественным образом выделяется им из общего потока истории⁵⁷; принцип "периодизации" у него тот же, что у Тацита в диалоге, – исключительно субъективный, личный. И если из пропасти прошлого для Квинтилиана оказались вырванными те, кого он знал или мог знать в юности стариками, то и себя самого автор, работавший над "Наставлениями" уже в летах, ощущает своего рода рубежом⁵⁸ между концом своего и началом иного времени; он уже словно не среди живущих "сегодня", а на грани между ними и теми, кто придет "после"⁵⁹, он уже почти принадлежит прошлому. Причастность к опыту предшествующих поколений – личная⁶⁰ или достигаемая хорошим знанием *exempla* – примеров выдающихся деяний предков⁶¹ – придавала большую авторитетность речи оратора. Поэтому собирание *exempla*, создающих иллюзию касательства к освященному религией прошлому, понималась как наипервейшая задача молодого человека⁶². Общение стариков с молодежью становится в таком мировосприятии основой связи времен; не случайно поэтому идея диалога поколений – одна из наиболее общих черт, присущих предисловиям к близким тематически трактату Тацита сочинениям латинской литературы⁶³. Сенеке Старшему приходится отвечать на расспросы сыновей, жаждущих узнать о тех

⁵⁵ Alii... secuti sunt, ut Aristarchus et aetate nostra Palaemon (ibid.1.4.20); nostris temporibus... Vibius Crispus (ibid.10.13.48); scripsit de eadem materia ... pater Gallio, accuratus vero priores Gallione Celsus et Laenas et aetatis nostrae Verginius, Plinius, Tutilius (ibid.3.1.21).

⁵⁶ nobis iuvenibus doctissimi senes... dicere solebant (Quint.Inst. 1.5.24); nobis adolescentibus seniores in agendo facti praecipere solebant (ibid.5.6.6); о Никострате – quem adolescentem senem vidimus (ibid.2.8.14); о Домиции Афре – quem adolescentulus senem colui (ibid.5.7.7); meminisse iuvenis admodum (ibid.8.3.31); clarum actorem iuvenis audivi (ibid.8.5.21); ex Afro Domitio iuvenis excipi (ibid.10.1.86).

⁵⁷ vidi multos (1.11.10); ut de Germanis dicentem quendam audivi (8.5.24); eorum quos viderim (10.1.118); quos ipsi vidimus (12.10.11); vidi ego... quos mihi cognoscere contigit (12.11.3) ; о Трархоне – in basilica Julia... et auditum eum et intellectum et... laudatum... meminisse (12.5.6).

⁵⁸ ultima aetas (Quint.Inst.12.4.2); ultima senectus (ibid.11.1.10).

⁵⁹ Parco nominibus viventium: veniet eorum laudi suum tempus; ad posterum enim virtus durabit, non perveniet invidia (Quint.Inst.3.1.21).

⁶⁰ unde etiam senibus auctoritas maior est, quod plura nosse et vidisse creduntur (Quint.Inst.12.4.2)

⁶¹ cum studia praestent... etiam praeteritis saeculis vixisse videamur (ibid.)

⁶² in primis vero abundare debet orator exemplorum copia cum veterum tum etiam novorum (ibid.12.4.1).

⁶³ Janson T. Latin Prose Prefaces...

декламаторах, коих их отцу довелось увидеть и услышать⁶⁴. Те, кто принадлежит к одной с ним *aetas*, для сыновей его – уже *priores*; как и Квинтилиан, Сенека Старший остро чувствует, что время его уходит⁶⁵.

Косвенно идея эта выражена и в диалоге “Об ораторах” – сама композиция его говорит в пользу подобного предположения. Четверо собеседников, обрисованных Тацитом в диалоге, да и сам автор, по сюжету безмолвно присутствующий при разговоре, – люди разного возраста⁶⁶. Фактически же они словно намеренно представляют, по выражению П.Грималя⁶⁷, “все возрастные классы, активно действовавшие в 75 г.”⁶⁸ Думается, что ввод Фабия Юста, обращающего расспросы к автору, бывшему, видимо, десятью годами старше него⁶⁹, не оставляет сомнений в том, что Тацит сознательно задумал свое сочинение как диалог поколений. Сам подбор персонажей – и прямых участников, и того, чьи слова даны в тексте в форме косвенной речи – свидетельствует о внимании автора к идее преемственности, а не разрыва времени.

Задача молодого поколения – не просто сохранение абстрактных культурных ценностей, подражание поколению старшему, которое у них перед глазами, но и умножение примеров доблести⁷⁰, которые могут быть оставлены потомству⁷¹. С этой точки зрения для римской культуры характерна постоянная рефлексия: выполнило ли нынешнее поколение свое предназначение? Отсюда – и постоянство сравнений: не “века”

⁶⁴ *Exigitis rem magis iucundam mihi quam facilem; iubetis enim quid de his declamatoribus sentiam, qui in aetatem meam inciderunt* (Sen. Contr. 1. Praef. 1).

⁶⁵ *Facitis autem, iuvenes mei, rem necessariam et utilem, quod non contenti exemplis saeculi vestri priores quoque vultis cognoscere* (ibid. 1. Praef. 6).

⁶⁶ Grimal P. Le Dialogue des Orateurs – Témoin de son temps // *Arctos. Studia in honorem Iiro Kajanto*. Helsinki, 1985. P. 34 ff.; Колосова О.Г. Судьба человека и империи..., с. 171 сл., 184.

⁶⁷ Grimal P. Tacite. P., 1990. P. 161.

⁶⁸ Время сценического действия диалога – 74-75 гг.

⁶⁹ Syme R. The Friend of Tacitus // *Idem*. Ten Studies in Tacitus..., p. 117.

⁷⁰ *pulchrum superasse maiores* (Quint. Inst. 1.2.22); *eminere inter aequalis* (ibid. 12.5.5); *consummati iam patroni veteribus aemulantur et eos iuvenum... imitatur industria* (ibid. 10.1.122); *dum volumus esse meliores veteribus* (ibid. 8.5.34); *nam erit haec quoque laus eorum, ut priores superasse, posteros docuisse dicantur* (ibid. 10.2.28); *qui non modo proximum tempus lucemque praesentem intueri satis credat, sed omnem posteritatis memoriam spatium vitae honestae et curriculum laudis existimet* (ibid. 12.2.31).

⁷¹ *Qui memoriam posteritatis speraverit* (ibid. 10.1.41); *orandi maiestatem... qua remota muta sunt omnia et luce praesenti ac memoria posteritatis carent* (ibid. 12.11.30); *a Servio Sulpicio... commentarii ita sunt exacti, ut ab ipso mihi in memoriam posteritatis videantur compositi* (ibid. 10.7.30); *et quando ab hominis sui temporis parum intellegebantur, posterorum se iudiciis reservavit, brevi detrimento iam ultimae senectutis aevum saeculorum omnium consecutus* (ibid. 11.1.10); *superest adhuc et exornat aetatis nostrae gloriae vir saeculorum memoria dignus* (ibid. 10.1.104); *Julio Secundo si longior contigisset aetas, clarissimum profecto nomen oratoris apud posteros foret* (ibid. 10.1.120); *an Pollio et Messala, qui iam Cicerone arcem eloquentiae agere coeperunt, parum ad posteros gloriae tradiderunt* (ibid. 12.11.28). Даже слово записывается, по логике Квинтилиана, не для современности, а для потомства (*nobis pueris... orationes ferebantur* – 10.1.24; *diligentissime scripta posteris reliquisse* – I pr. 1; *commentarii ita sunt exacti, ut ab ipso mihi in memoriam posteritatis videantur esse compositi* – 10.7.30).

нынешнего и минувшего, а поколений – ушедших, уходящих, живущих. Обнаружимо оно и у Квинтилиана, и у Тацита. Оба автора загадочным⁷² образом совмещают положительные оценки своих современников⁷³ с критическими замечаниями по их адресу⁷⁴. Именно в этом культурном контексте следует воспринимать предисловие к диалогу "Об ораторах", для автора которого, как и для всех его современников, было характерно восприятие времени как стихийного потока, в котором вновь и вновь рождаются и умирают люди, приходя ниоткуда и уходя в никуда, и цикл времен не просто повторим⁷⁵, но и воспринимаем и измеряем лишь субъективно, исходя из ракурса, в основе которого – человеческая жизнь, а не абстрактные процессы. К ощущению времени в диалоге "Об ораторах", вполне приложимы слова М.М. Бахтина, отнесенные философom к особенностям мировосприятия, господствовавшего до XVIII в.: "...Весь мир был своеобразным символом, который не мог быть адекватно отображен никакой моделью... В этом символе... зримое и познанное, плотно-реальное было... небольшим разорванным отрезком реального времени, все остальное зыбко терялось в тумане, перемешивалось и переплеталось с потусторонними мирами, с отрешенно-идеальным, фантастическим, утопическим"⁷⁶.

⁷² Недоумение не оставляет исследователей, пытающихся увидеть в словах Тацита в предисловии к диалогу указание на признание им «исторической необходимости» разрыва в ходе истории: почему же он тут же, во второй главе, расхваливает своих учителей, Марка Анра и Юлия Секунда, если в первой над ним довлеет идея упадка римского ораторского искусства?

⁷³ sunt alii multi disert, quos persequi longum est (ibid.10.1.118); habuit oratores aetas nostra copiosiores (ibid.12.5.5); sunt clari hodieque et qui olim nominabuntur (ibid.10.1.94); sunt enim summa hodie, quibus inlustratur forum ingenia (ibid.10.1.122); clarissimi nostrorum auctores (ibid.8.5.35); superest adhuc et exornat aetatis nostrae gloriam vir saeculorum memoria dignus (ibid.10.1.104); о Домиции Агре – quem in numero veterum habere non timeas (ibid.10.1.118); о Трахале, Вибии Криспе – erant clara et nuper ingenia (ibid.10.1.119); о Сервиллии Нониане и Ауфидии Бассе – quam paulum aetate praecedens cum Bassus Aufidius (ibid.10.1.103); is erit, quem quaerimus, perfectus orator: quem nunc consummari potissimum oporteat, cum tanto plura exempla bene dicendi supersunt, quam illis, qui adhuc summi sunt, contigerunt (ibid.10.2.28); possit videri... nulla... aetas felicitior quam nostra (ibid.12.11.22).

⁷⁴ Критика современников у Квинтилиана ограничивается стилистическими замечаниями: sententias, quae minus celebratae apud antiquos nostris temporibus modo caerent (Quint.Inst.8.5.2). "Самокритичность" Тацита во введении к диалогу объяснима требованием скромности (*modestia*) от всякого пишущего и говорящего (О *modestia* как о принципе римской социальной практики см. Burck E. Drei Grundwerte der römischen Lebensordnung (labor – moderatio – pietas) // Gymnasium. 58. 1951. S.161–183; Scheidle K. Modus optimum. Die Bedeutung des «rechten Maßes» in der römischen Literatur (Republik–frühe Kaiserzeit), untersucht an den Begriffen Modus–Modestia–Temperantia. Frankfurt am Main, 1993).

⁷⁵ Luce T.J. Reading and Response in the Dialogus // Tacitus and the Tacitean Tradition. Princeton (N.J.), 1993. P.11-38; Idem. Tacitus' Conception of Historical Change: the Problem of Discovering the Historian's Opinions // Past Perspectives: Studies in Greek and Roman Historical Writing. Eds. I.S.Moxon, J.D.Smart, A.J.Woodman. Cambridge, 1986. P.143-157.

⁷⁶ Бахтин М.М. Время и пространство в произведениях Гете // Он же. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С.224.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

В.В.Петров

Эпилог *Aulae sidereae* Иоанна Скотта (vv. 72-101) и предшествующая поэтическая традиция

Проблема соотношения типологического и индивидуального в художественных произведениях редко имеет однозначное решение. Еще более непростым вопрос о следовании традиции и новаторстве, об источниках и заимствованиях становится применительно к поэтическим произведениям. Поэт и вообще учится, подражая своим предшественникам. Но автор, пишущий на неродном языке (в данном случае, латинском), исходно с необходимостью обращается к моделям и образцам: сначала в школе, заучивая отрывки из антологий, разбирая особенности лексики, просодии и пр. у классических авторов, затем в процессе собственного творчества, сверяясь с книгами, словарями рифм, метрическими антологиями¹. Определение источника или модели, которой следует автор, ценно тем, что сразу очерчивает для анализируемого отрывка его контекст. Иногда это позволяет лучше понять структуру произведения, частью которого является отрывок (например, провести границы пролог/ядро/эпилог), а то и прояснить его общий смысл.

Предметом этой статьи является эпилог одной из наиболее известных поэм² Иоанна Скотта (Эриугены) (fl. 3-я четв. IX в.), стихотворения, которое часто именуется по двум своим начальным словам – *Aulae sidereae* (*Звездный храм*). Поэма была написана между 870 и 877 гг. и предназначалась в дар покровителю Иоанна Скотта, королю западных франков и внуку Карла Великого Карлу II Лысому (823-877)³. В 101 гек-

---

¹ Например, каролингские поэты пользовались антологией стихотворных цитат, составленной Миконом из Сен-Рике. Она представляла собой коллекцию стихотворных строк из классических авторов, иллюстрирующих те или иные размеры, см. MGH, *Poetae latini III*, 279-94 (строка *Aeneadam genetrix* из Лукреция, о которой пойдет речь ниже, в ней отсутствует).

² Foussard M. *Aulae sidereae: Vers de Jean Scot au Roi Charles*. Introd., texte, trad. et notes // *Cahiers archeologiques* 21 (1971), 79-88; Vieillard-Troiekouroff M. *La chapelle du palais de Charles le Chauve a Compiègne // Cahiers archeologiques* 21 (1971), 89-109; Петров В. Иоанн Скотт Эриугена и дворцовая церковь Карла Великого в Ахене // *Вестник Международного Славянского Университета* 2 (1997), 26-31.

³ Долгое время считалось, что в *Aulae sidereae* воспевается освящение церкви св.Марии в Компьне 5 мая 877 г. Эта дата служила также *terminus ad quem* для жизни Эриугены. Но М.Херрен показал, что поэма была написана на праздник Рождества Христова (*Herren M. Eriugena's 'Aulae sidereae', the 'Codex Aureus', and the Palatine Church of St. Mary at Compiègne // Studi Medievali* 28 (1987), 593-608

замете воссоздана христианская вселенная. В начальных строках говорится о Титане (Солнце), который правит своим зодиакальным двором-дворцом-храмом⁴ и совершает годовой круг, разбитый на четыре части двумя солнцестояниями и двумя равноденствиями. Космические и сакральные ритмы совпадают⁵. Четыре узла годичного пути Солнца закреплены в восьмью частях соответствующих созвездий, но осьмеричаи размечена и земная жизнь Христа⁶, да и сам наш мир закончит свою историю на Восьмой Век – век вечной жизни. В центре поэмы (vv.50-71) – таинство воплощения Слова, в котором человек имеет залог своего спасения.

Эпиграф поэмы – это традиционное завершение посвященных стихотворений – обращение сначала ко Христу, а затем к деве Марии с просьбой защитить адресата поэмы, короля Карла. Впрочем, конкретика момента придала *Aulae sidereaе* исторический драматизм. После договора в Мерсене (870 г.), когда Карл окончательно утратил надежду осуществить заветную мечту – завладеть средоточием каролингской империи, Ахеном, и сесть на императорском троне своего деда в легендарной дворцовой базилике Ахена (посвященной деве Марии)⁷, он принимает решение основать новую столицу в Компьене, где началось строительство церкви девы Марии. Поэтому в финале *Aulae sidereaе*, когда Иоанн Скотт призывает Богоматерь быть покровительницей и защитницей своего патрона, он отмечает, что Карл строит в ее честь прекрасную церковь и дает подробное описание церкви⁸:

Nate dei patris, cui mater virgo	О Ты, порожденье Бога Отца, чья
beata,	мать – блаженная Дева,
Cui genus egregium David rex atque	Чей род – несравненный Давид, царь
sacerdos	и священник,
Cuique remota domus septenis fulta	Чей вышний дом укреплен на семи
columnis,	колоннах,
75 Sanctae scripturae cui fulget candida	75 для Кого блещет ослепительно-

[601]). Согласно Херрену, описываемая в эпиграфе поэмы сцена является зарисовкой реального события – Рождества 869 г. Лишь тогда Карл Лысый мог отметить этот праздник в ахенской дворцовой церкви и воссесть на высоком троне Карла Великого (р. 603): он захватил Ахен поздней осенью 869 г., а уже весной 870 г. его брат по отцу, Людовик Германский, вернул Ахен себе.

⁴ *Aula* имеет много значений: "царский двор", "дворец", "храм", "внутренний дворик дворца или храма". В *Aulae sidereaе* оно также полисемантически.

В поворотные моменты года Солнце находится в Козероге, Овне, Раке и Весах. Но те же созвездия отмечают события священной истории: Рождество Господа (Козерог, 25 декабря), зачатие Христа (Овен, 25 марта), рождение Иоанна Крестителя (Рак, 24 июня) и зачатие Иоанна Крестителя (Весы, 24 сентября).

⁶ Христос был рожден в восьмой день перед январскими календами, был зачат в восьмой день перед календами апреля, восстал из мертвых на восьмой день недели, был обрезан на восьмой после своего рождения день.

⁷ Dutton P., Jeauneau E. The Verses of the 'Codex Aureus' of Saint Emmeran // *Studi Medievali* 24.1 (1983): 115-20; Dutton P.E. The Politics of Dreaming in the Carolingian Empire. Lincoln, L.: University of Nebraska Press, 1994. P.53.

⁸ Лат. текст см. MGH, *Poetae latini aevi Carolini III* // Ed. L.Traube. Berlin, 1894. P.550-552; а также Iohannis Scotti Carmina / Ed. M.Herren // *Scriptores Latini Hiberniae* 12. Dublin: Dublin Institute for Advanced Studies, 1993. Pp.116-120.

- vestis,
Sanguine quem redimis cui mundus
subditur omnis,
Vita, salus hominum, caelorum gloria
summa:
Da nostro regi Karolo, cui sciptra
dedisti,
Ut semper famulus tibi vivat mente
benigna,
- 80 Prospera labentis vitae revolumina
praesta
Atque simul tecum caelestis gaudia
regni.
Magna dei genitrix, ter felix, sancta
Maria –
Te laudant caeli, te votis inclyat
orbis:
Proxima sis Karolo tutrix, munimen et
altum,
- 85 Qui tibi mirifice praeclaram fabricat
aedem.
Aedes marmoreis varie constructa
columnis,
Alta domus pulcre centeno normate
facta.
Aspice polygonos flexus arcusque
volutos,
Compages laterum similes, capitella
basesque,
- 90 Turres, luriculas, laquearia,
daedala tecta,
Obliquas tyridas,
ialini luminis haustus,
Intus picturas, lapidum pavimenta
gradusque,
Circum quaque stoas, armaria,
pastaforia,
Sursum deorsum populos
altaria circum,
- 95 Lampadibus plenas faros altasque
coronas.
Omnia collucent gemmis auroque
coruscant;
Pallia, cortinae circumdant undique
templum.
Ipse throno celso fultus rex prospicit
omnes
Vertice sublimi gestans diadema
paternum,
- 100 Plena manus sciptris enchiridon aurea
bactra:
Heros magnanimus longaevus vivat in
annos.
- белая завеса святого Писания,
перед Кем расстилается мир,
который Ты искупаешь кровью,
о Жизнь, Спасение человекoв,
высшая Слава небес,
дай благодушно нашему королю
Карлу, крeму Ты дал скиптры,
вечно жить твоим
слугою.
- 80 Обеспечь ему удачу в поворотах
ускользающей жизни
и радости небесного Царства вместе
с Тобой.
Великая Богородица, трижды
благодатная, святая Мария,
тебя славят небеса, тебя величит
молитвами вся обитаемая земля,
будь неотлучной заступницей и
крепким заслоном Карлу,
85 который возводит тебе чудесный,
пресветлый храм.
Храм, уставленный разными
мраморными колоннами,
высокий дом, прекрасно
сооруженный по правилу сотни.
Взгляни на многоугольные
сочленения, своды арок,
на ладные соединения сторон,
на капители и цоколи,
90 на башни, парапеты, наборные
потолки, искусную кровлю,
расточенные [вовнутрь] окна,
стекло, пьющее свет,
внутри – на картины, мозаичный пол
и ступени из камня,
портики, шкафы, пастофории, что
кругом повсюду,
на людей, [движущихся] вверх и вниз
вкруг алтарей,
95 на полные лампад светильники,
и высокие короны.
Все сверкает драгоценными камнями
и мерцает золотом,
отовсюду храм укутан завесами и
покрывалами.
Сам король, восседая на
приподнятом троне, замечает всех,
его возвышенное чело несет
диадему отцов,
100 рука его полна скиптров,
она сжимает золотые посохи.
Пусть живет великий душою герой
долгие годы!

Рассмотрим строки 72-101 и их включенность в поэтическую традицию. Я собираюсь показать, что непосредственной моделью для них послужили посвященные стихотворения Алкуина⁹. Однако, начать целесообразно с более удаленного и экзотического источника. Парадоксальным образом, он мог повлиять на рассматриваемые строки и опосредованно (поскольку оказал мощное влияние на вокативные мотивы в латинской поэзии в целом), и напрямую (так как не исключена возможность того, что он был известен Иоанну Скотту). Речь идет о Лукреции и прологе его поэмы *De rerum natura* (*О природе вещей*).

Лукреций

На первый взгляд, у поэм Лукреция и Иоанна Скотта не должно быть много общего: они созданы в разных культурах (средиземноморской языческой и христианской кельтской/германской), их авторов – Лукреция (ок.96-55 гг. до н.э.) и Иоанна Скотта – разделяет время (почти тысяча лет), место (Рим и королевство западных франков), религиозно-философские предпочтения (эпикуреизм и христианский неоплатонизм). Тем не менее, налицо ряд существенных параллелей, которыми невозможно пренебречь и которые заслуживают внимания. Рассмотрим начальные строки *De Rerum Naturae* Лукреция, в которых восхваляется богиня Венера:

<p>1 Aeneadam genetrix, hominum divumque voluptas, alma Venus, caeli subter labentia signa quae mare navergerum, quae terras frugiferentis concelebras, per te quoniam genus omne animantum 5 concipitur visitque exortum lumina solis: te, dea, te fugiunt venti, te nubila caeli adventumque tuum, tibi suavis daedala tellus summittit flores, tibi ridet aequora ponti 9 placatumque nitet diffuso lumine caelum.</p> <p>21 quae quoniam rerum naturam sola gubernas...</p>	<p>1 Родительница энеадов, услада людей и богов, о благая Венера! Под небом скользящих созвездий жизнью ты наполняешь и все судоносное море, и плодородные земли; тобою зачинается всякий род 5 живущих и видит, возникнув, свет солнца. С тобою и твоим приближеньем, богиня, убегают ветры; с тобою тучи [уходят с] небес, тебе искусница земля пышные стелет цветы, тебе улыбается морская гладь, 9 и успокоившееся небо блистает разлившимся светом.</p> <p>21 ибо одна ты управляешь природой вещей...</p>
---	---

⁹ Хотя следует помнить, что в целом, специфический словарь этих строк восходит к лексике описаний храмов в Вульгате, к которой сознательно обращаются и Алкуин, и Иоанн Скотт; но различимо и влияние латинских комментаторов соответствующих мест Библии, особенно Беды. – Petroff V.V. The *De templo of Bede as the Source of an Ideal Temple Description in Eriugena's Aulae Sidereaе II Recherches de Théologie et Philosophie médiévales* 65, 1 (1998), pp. 97-106.

Рассмотрим лексические соответствия этих двух отрывков. Эпикурейский философ Лукреций восхваляет “благую”, “благодатную” (дословно, “питающую”, “живительную”) [*alma*] Венеру, “родительницу” [*genetrix*] энеадов, т.е. римлян. У Иоанна Скотта Богоматерь также является “благодатной” (дословно, плодородной, благополучной) [*felix* – от *fecundus*] родительницей Бога [*dei genetrix*], и “крепким (высоким) заслоном” [*munimen et altum*] для короля¹⁰. Небеса блистают Венере разлитым светом [*lumine caelum*], искусница земля [*daedala tellus*] рассыпает цветы, ей улыбается морская гладь [*aequora*]. И Деву Марию мир славит своими молитвами. Посвященный ей прекрасный сияющий храм имеет наборные потолки [*laequaria*], покрыт искусно изготовленной крышей [*daedala tecta*] (иной вариант перевода: “имеет сложную структуру внутренних помещений”). Традиционное трехчастное деление мира у Лукреция – *caeli... mare... terras...* – соотносится с таковым у Эриугены – *caeli... orbis... altum...*¹¹

Здесь, помимо сходства в описании сцены явления богини, мы видим прямые соответствия в метре (гексаметр), в лексике (*genetrix* – *genetrix*, *caeli* – *caeli*, *luminis* – *lumine*); здесь встречается видоизмененная, но легко узнаваемая формула Лукреция *daedala tecta*, которая в античной поэзии кроме Лукреция и Эриугены, встречается лишь однажды, у Вергилия¹²; имеются пары родственных или созвучных слов (*alta* – *altum*, *laequaria* – *aequora*). Помимо сходства мизансцен в обоих отрывках, совпадает сюжет: поэт, восхваляющий и просящий богиню. Схожа последовательность изложения: первая строка это прямой призыв к божеству от лица самого поэта, затем идет описание всего благодарного богине мира. У Лукреция богиня “славная” (v. 40, *incluta*) и у Эриугены мир “славит” (*inclutat*) Марию. Затем следуют: детали храма у Эриугены¹³ или атрибуты летних земли, воды и неба у Лукреция. Характерной чертой обоих отрывков является создаваемая атмосфера свежести и новизны; света, сияния и радости в присутствии богини. Далее Лукреций говорит о своем (реальном или желаемом) патроне Меммии, которого богиня Венера выделила из всех людей, украсив всяческими достоинствами, а Иоанн Скотт, соответственно, просит Богоматерь за короля Карла, который “восседает на высоком троне”, “несет на возвы-

¹⁰ Ср. Милон из Сен-Аманда (ок. 810-872 гг.) в *De sobrietate* хвалит *alithroni genetrix*, именуя ее *protectrix*, *dominatrix*, *auxiliatrix* (MGH, Poetae latini III, 645).

¹¹ Одно из значений *altum* – “открытое море”, “глубина”, а в общем, это слово имеет коннотации вертикального протяжения. Будучи дериватом от глагола *alo* (“вскармливать”, “выращивать”) оно родственно *alma*, использованному Лукрецием.

¹² *Георгики* IV, 179. Из каролингских поэтов это словосочетание заимствует у Вергилия Валафрид Страбон, говоря о строительстве монашеского скита. – *Vita s. Mammae monachi* IV: *struit antra magis quam daedala celsis/ tecta tholis* (PL 114, 1048B).

¹³ Здесь наблюдается примечательное перемещение внимания с естественных (земля, море, небо) на художественные (башни, парапеты, крыша) объекты.

шенном челе диадему отцов", чья "рука полна скиптров, сжимает золотые посохи".

Богиня у Лукреция

Рассмотрим пролог поэмы *О природе вещей*, чтобы уяснить, чем являлась Венера для Лукреция и то какую трансформацию эта фигура, возможно, претерпевает в *Звездном храме* у Эриугены. Некое представление об этом можно составить исходя из заглавия поэмы – *De rerum natura*. Скорее всего оно принадлежит самому Лукрецию (см. I, 24: *versibus... quos ego de rerum natura pangere sonor*¹⁴; а также IV, 969 и V, 535). В именовании поэмы Лукреций следовал перипатетической традиции, в которой, например, сочинения Эпикура и Эмпедокла именовались *Περὶ Φύσεως* (*О природе*). Термин "природа" имеет здесь самый широкий смысл, означая "все вещи", и так же он понимался читателями Лукреция. Например, Вергилий в *Георгиках* II, 490 очевидно ссылается на Лукреция, когда пишет: *felix qui potuit rerum cognoscere causas* (блажен, кто смог познать причины вещей), и Овидий в *Метаморфозах* XV, 6 говорит, что древний царь Рима Нума *quae sit rerum natura requirit* (разыскивает, какова природа вещей).

Но Лукреций также обращается к Венере как к традиционной мифологической фигуре. В греческой поэзии нередки призывы к Афродите: в гомеровском гимне *К Афродите* (IV, 1-5) и в орфическом гимне *Природе* LV, 4¹⁵, у Еврипида в *Ипполите* 447-50, 1272-81¹⁶; у Парменида это "богиня, которая всем правит" (Diels, fr. 12, 3-6)¹⁷. Вообще, лукрециево введение является примером традиционной формы греческого гимна: восхваление богини (vv. 1-20), просьбы (vv. 21-29), основания для просьб (vv. 31-40, 44-49). Лукреций персонифицирует природу, именуя ее *rerum natura creatrix* (творящей природой вещей) (I, 6229; II, 1117; V, 1362); его Венера единолично правит природой всего (Пролог, 21: *rerum naturam sola gubernas*). Как замечает Сирил Бейли¹⁸, уже начальные слова поэмы – *Aeneadum genetrix* – принадлежат мифологии. Венера является сразу и творящей силой природы и мифологическим персонажем. Во второй части Пролога богиня приносит покой Марсу – в этой сцене они олицетворяют два эмпедокловых принципа, Любовь и Рас-

¹⁴ Лукреций, *О природе вещей* I, 24: "в строках, которые я собираюсь сложить о природе вещей".

¹⁵ Античные гимны. М., Изд-во Московского университета, 1988. С.89, 190.

¹⁶ Еврипид, *Ипполит*, vv. 511-13: "И в высоте эфирной, и в морской/ Пучине – власть Киприды, и повсюду/ Творения ее..."; vv. 1444-62: "О Киприда, суровую душу людей/ И богов железную волю/ Ты, богиня, сгибаешь./ ...с тобой... Эрот.../ А чары его.../ Зверей укрощают и все,/ Что дышит в сиянии солнца.../ Твоя, о Киприда,/ Весь мир наполняет держава." (пер. И.Ф. Анненского).

¹⁷ Парменид, фр. 12; v. 3 // Фрагменты ранних греческих философов. Часть I / Изд. А.В. Лебедев. М.: Наука, 1989. С. 293.

¹⁸ Titi Lucreti Cari De Rerum Natura Libri Sex / Ed. with Prolegomena, Critical Apparatus, Translation and Commentary by C.Bailey. V.2: *Commentary, Books I-III*. Oxford: Clarendon Press, 1963. P.590.

прю¹⁹: творческий дух любви склоняет дух вражды даровать римлянам прекращение войн, обеспечивая стихам внимание слушателей.

Есть у поэмы Лукреция и социальное измерение: культ *Venus Physica* (природной Венеры) ассоциировался с родом Меммиев, одному из представителей которого и посвящена поэма²⁰. Таким образом, Венера у Лукреция сочетает в себе черты творящей силы природы, богини греческой и римской религии и мифологии, а также покровительницы патрона поэта.

***Daedala tecta* Иоанна Скотта: эхо *daedala tellus* Лукреция**

Теперь еще несколько слов о лексических соответствиях двух поэм. Знаменательным является прилагательное *daedala*. У Лукреция оно часто имеет активное значение "искусник", например, в I, 228 ("искусница земля"); IV, 551 ("искусный язык") и V, 234 ("природа готовит искусство"). Но оно может иметь и пассивное (как у Эриугены) значение "изукрашенный", "затейливый", например, в II, 505: *Phoebaeque daedala chordis carmina* ("и напев искусный Фебовой лиры") и в V, 1451: *daedala signa* ("искусное ваение").

Майкл Херпен²¹ замечает, что формула *daedala tecta* взята Эриугеной из *Георгики* IV, 179 Вергилия, где пчелы озабочены тем, чтобы *et munire favos et daedala fingere tecta* ("укреплять соты и лепить искусные укрытия"). Характерно, что как и в поэме Иоанна Скотта, Вергилий описывает строительную активность. Иоанн Скотт хорошо знал Вергилия, который был одним из наиболее читаемых в то время классических поэтов, и, вероятно, действительно взял эту формулу из *Георгики*.

Здесь важно, однако, что *daedala tecta* Вергилия является отзвуком *daedala tellus* Лукреция²². В каролингских манускриптах сочинения Вергилия сопровождался комментарием Сервия, в котором содержатся

¹⁹ Эмпедокл (Diels, frs. 17, 22, 35). Рус. пер. Лебедев, сс. 344, 362, 358 (фр. 31, 231, 201).

²⁰ Посвящена Гаю Меммию, претору 58 г. до н.э. О его карьере трибуна см.: Ryan F.X. The Tribune of C. Memmius L.f. // *Hermes: Zeitschrift für Klassische Philologie* 123.3 (1995): 293-302.

²¹ *Helen M. Eriugena's Aulæ Sidereæe, the Codex Aureus, and the palatine church of the St Mary at Compiigne // Studi Medievali* 28 (1987): 599-600.

²² Ср. Sellar W.Y. *The Roman Poets of the Augustian Age: Virgil*. Oxford, 1877, p.199: "Влияние прямое или косвенное, оказанное Лукрецием на мысль, композицию и стиль *Георгики* было, возможно более сильным, чем когда-либо, до или после, оказывалось одним великим поэтом на работу другого. Это влияние того рода, что чаще встречается в истории философии, чем в литературе. Отчасти оно идет от симпатии, отчасти от антагонизма. Вергилиевы ощущения и концепция природы ведут прямое происхождение от ощущения и мысли Лукреция..., который первым не только открыл в мире новую силу, красоту и тайну, но также сообщил поэзии умозрительный импульс, ставящий в более страстном вопрошании, чем может дать философия, великие проблемы, лежащие в основе человеческой жизни: такие, как истинность религиозной традиции как целого, положение человека во вселенной, склад ума и линия поведения, диктуемые этим положением. Ср. Wormell D.E.W. *The Personal World of Lucretius // Dudley D. R. Lucretius*. Basic Books, 1965, p.67, n. 23: "одна строка из двенадцати у Вергилия сознательно или бессознательно вторит Лукрецию".

прямые ссылки на Лукреция, и современники Иоанна Скотта могли иметь представление о степени духовной близости двух поэтов. Впрочем, читали и самого Лукреция, особенно в кругу, близком к Иоанну Скотту²³: сохранилось два принадлежащих IX веку кодекса с его поэмой. Один из них имеет на полях пометки, сделанные "островным" почерком. Этот известный "продолговатый" (*oblongus*) манускрипт *De rerum naturae*²⁴, содержащий более шестидесяти пометок такого рода, принадлежал библиотеке Лана, где в то время размещалась ирландская община. Главой школы Лана был коллега Эриугены Мартин Ирландский (*Hiberniensis*). Учитывая это, можно с большой степенью вероятности предположить для Эриугены если не прямое использование, то знакомство с этим кодексом. Соответственно, Иоанн Скотт вполне мог рассматривать вергилиево словосочетание *daedala tecta* как отсылающее к *daedala tellus* из пролога поэмы Лукреция. Но хотя возможные заимствования Иоанном Скоттом у Лукреция несколько раз указывались²⁵, в целом вопрос о непосредственном знании Эриугеной текста *De rerum natura* еще не получил окончательного разрешения.

Aeneadum genetrix в античной традиции

Как бы то ни было, одна введенная в широкий оборот Лукрецием формула – *dei genetrix* (родительница бога) – оказалась чрезвычайно живучей, войдя в поэтический лексикон множества авторов. Содержится она и в рассматриваемых здесь строках *Aulae sidereae* Иоанна Скотта. Трансформация этого словосочетания при переходе из классической культуры в христианскую весьма любопытна. История эпитета *genetrix*, прилагавшегося к Венере в античности хорошо изучена²⁶. Это божество было древней родовой богиней всех римлян. Ее культ был распространен в Кампании и южном Лацио (а в Помпеях сохранилось несколько надписей, в которых Венера имеет титул *Fisica*, что может быть простой транслитерацией греческого *physica*; а потому, отождествляя Венеру и Природу, Лукреций следует давней традиции).

В классической латинской поэзии Венеру именовали *Genetrix* со II в. до н.э. Она также имела эпитет *Felix*. Имплицидно формула *aeneadum genetrix* присутствует уже в анналах Энния (239-169 до н.э.) (Vahlen, fr. 52): *te, sae nata, precor, Venus, et genetrix patris nostrae*²⁷. Но знаменитой она стала именно после Лукреция. В *Скорбных элегиях* II, 261 на эти

²³ Savage J. Two Notes on Johannes Scotus // *Scriptorium* 12 (1958), 228-237; Петров В. Accessus Iohannis Scotti // Иоанн Скотт Эриугена. Гомилия на пролог Евангелия от Иоанна. М.: Греко-латинский кабинет Ю.А.Шичалина, 1995. С.14-19, 56, 65-66.

²⁴ MS Leiden Voss. lat. F.30(O).

²⁵ Помимо Сэвиджа (*supra* сн.23), ср.: O'Meara J.J. Eriugena. Oxford: Clarendon Press, 1988. P.193; Jeaneau E. в: Iohannis Scotti Eriugena Periphyseon (De Divisione Naturae). IV // Ed. E.Jeaneau. Dublin, 1995. P.333, n.278.

²⁶ См. недавнюю публикацию Rives J. Venus Genetrix Outside Rome // *Phoenix* 48,4 (1994): 294-306.

²⁷ Энний fr. 52: "молю тебя, о Венера, рожденную в море, родительницу нашего отца" (имеется в виду Эней).

знаменитые, начинающие поэму Лукреция слова, ссылается Овидий (43 г. до н.э.-ок.18 г.н.э.), говоря о книгах, доступных матронам: *sumpserit Aeneadam genitrix ubi prima, requireret Aeneadam genitrix unde sit alma Venus*²⁸, позднее их вспоминает Авсоний (ок.310-ок.395) в *Эпиграммах* 33: *Aeneadam genitrix hic habita alma Venus*²⁹. Слова *Aeneadam genitrix* присутствуют в настенных граффити помпейской базилики (*Corpus Inscriptorum Latinorum* IV, 3072).

После того, как Цезарь учредил культ *Venus Genetrix* в качестве официального культа дома Юлиев, *Venus* стала "богиней наиболее тесно ассоциируемой с самым могущественным человеком в римском мире"³⁰. Был ли Иоанн Скотт осведомлен об имперском характере имени *Genetrix*? Ведь не было бы лучшего способа начать поэтическую строку поэмы, адресованной стремящемуся стать императором королю Карлу иначе, чем *Magna dei genetrix*...

***Dei genetrix* в христианской традиции**

Разумеется, вышеупомянутые имперские коннотации эпитета *Genetrix* были хорошо известны не только Иоанну Скотту, но каждому каролингскому интеллектуалу. Однако, в этот период *Genetrix* было помещено в совершенно особый контекст, по видимости, не имеющий ничего общего с древним римским. Теперь этот эпитет принадлежал Богородице, матери Христа (который в каролингской иконографии изображался еще не в виде младенца на руках дэвы Марии, но в образе всесильного императора, пантократора). Тем не менее, фактически это была та же самая, непрерывная – хотя большинством не воспринимавшаяся в качестве таковой – традиция использования словосочетания *dei genetrix*, которая зародилась в классическом Риме.

Новое содержание наполнило старую форму. Эта формула была рождена заново в христианском контексте на соборе в Эфесе (431 г.) как эпитет θεοτόκος (Богородица), прилагавшийся к Деве Марии. Однако, хотя буквальный перевод этого слова на латинский должен был звучать как *dei para*³¹, у римлян повсеместное распространение снискала иная формула – древнее *dei genetrix*. Соответственно, была унаследована и вся богатая история этого словосочетания, тем более, что "*Aeneadam genitrix*..." Лукреция, почти как "*Arma virumquecano*..." Вергилия, навсегда осталась хрестоматийной стихотворной строкой.³²

²⁸ *Скорбные элегии* II, 261: "как только [жена] возьмет [для чтения] "родительницу энеадов", тотчас узнает, откуда благая Венера стала "родительницей энеадов".

²⁹ Авсоний, *Эпиграммы* 33: "родительница энеадов, здесь я, благая Венера, живу".

³⁰ Rives J. Op.cit., p.305.

³¹ Латинским эквивалентом греч. τίκτω ("рожать") является глагол *pario* ("рожать"), а не *gigno* ("производить на свет").

³² О том, что поэтические корни слова *genitrix* продолжали ощущаться и в V в. говорит фраза священника Клавдия Мамерта (фок474): "*Matrem Domini appellare mavis poetarum more genitricem*" (ты предпочитаешь называть мать Господа на поэтический лад *Genitrix*). – Цит. по: Scheffczyk L. Das Mariengeheimnis in

На латинском Западе в утверждении словосочетания *dei genitrix* как догматической формулы важнейшая роль принадлежит Алкуину (ок.732-804)³³. История ее использования в борьбе Алкуина против адопцианистов и ее функционирование у каролингских авторов подробно рассматривались³⁴. Прибегнув к электронным текстovým базам данных³⁵, можно найти многочисленные примеры ее использования в прозе³⁶. Фульгенция Руспийского (ок.467-533), Кассиодора (ок.490-ок.585), Григория Великого (ок.540-604), Юлиана из Толедо (ок.642-690), Досточтимого³⁷ Беда (672/3-735). Во времена Каролингов эту формулу можно встретить у Агобарда Лионского (769/79-840), Пасхазия Радберта (ок.785-ок.860) и др.³⁸

В грамоте Карла Лысого от 5 мая 877 г., выпущенной по случаю освящения церкви Девы Марии в Компьене, – той самой, о которой, как теперь думают, идет речь в рассматриваемых нами строках Иоанна

Frömmigkeit und Lehre der Karolingerzeit. (Erfurter Theologische Studien 5.) Gamburg-Heilbronn: St Benno-Verlag, 1959. P.100, n.2.

³³ Bullough D.A. Alcuin and the Kingdom of Heaven: Liturgy, Theology, and the Carolingian Age // Carolingian Essays: Andrew W. Mellon Lectures in Early Christian Studies / Ed. U.-R.Blumenthal. Washington, D.C.: The Catholic University of America Press, 1983. P.53-56.

³⁴ Scheffczyk L. Op. cit., pp. 58-59.

³⁵ В этой работе использованы Patrologia Latina Database (Web edition, Chadwyck-Healy, 1997), CETEDOC Library of Christian Texts (CLCLT-2, Brepols, 1994), POESIS (Zanichelli, 1995); Aureae Latinitatis Bibliotheca (Zanichelli, 1991), BibleWorks for Windows (M. Bushell, 1993).

³⁶ Вот некоторые из них. Фульгенций Руспийский, *Epistula* 17, 2, 49: *beatam quoque Mariam proprie... vos credere assertis genitricem dei*; *ibid.*, *Epistulae ad Fulgentium* 16, 4, 53: *beatam vero virginem Mariam... credimus theotocon, id est dei genitricem*; Кассиодор, *Expositio psalmodum*, Ps. 58, 36: *ex Maria virgine natum, graece theotokon, id est dei genetrice*; Григорий Великий, *Dialogorum Libri quattuor* I, 12, 1: *ecclesiae beatae Mariae dei genitricis et semper uirginis sacerdos*; Досточтимый Беда, *De locis sanctis* 2, 37: *beatae dei genitricis ecclesia quadrangula*; Алкуин, PL 101, 46D: *"Et sic facta est beatissima virgo Maria theotocos, sicut et christotocos"*.

³⁷ В русской традиции нет единообразия в переводе латинского *Veda Venerabilis*. Если для имени собственного имеется два варианта – Беда и Бэда (что, помимо прочего, отвечает чтению манускриптов: *Veda, Baeda*), то эпитет *Venerabilis* передают, как "достопочтенный", "досточтимый", "почтенный". Ср. мнение О.А. Добиаш-Рождественской: "Для нас всегда было непонятным, почему даже нынешний язык наш, ставящий идеалом чистоту и простоту Пушкина, переводит простое слово *venerabilis* (почтенный) ухищренным "достопочтенный" (1938, опубл. в кн.: *Культура западноевропейского средневековья* (М.: Наука, 1987), с. 191, сн. 18). Если помнить о том, что монах Беда был прозван *venerabilis* в церковной среде (это и титул, присваеваемый св.Престолом, и синоним слова "монашеский", см. *Lexicon Latinitatis Medii Aevi*, ed. A.Blaise), то веский аргумент предоставляет православная традиция, в которой к священнику обращаются "досточтимый". Согласно ей, правильным будет порядок святого Досточтимый Беда, тем более, что он принадлежит и к сонму святых Русской Православной Церкви. – Ненарокова М.Р. Смиранный монах и учитель // *Альфа и Омега* 4 (18) (1998), сс. 238-246 [с. 246].

³⁸ Агобард Лионский, *Adversus dogma Felicis* 14, 6: *non est usus catholicus, hominis eam genitricem nominare, sed semper dei genitricem*; Пасхазий Радберт, *De assumptione sanctae Mariae virginis* 440: *Hinc etiam theotocon eam ueraciter confitemur, Del scilicet genitricem*.

Скотта, – также указано, что церковь была построена “*in honore beate Dei genitricis et virginis Mariae*”:

“поскольку известно, что божественной памяти император, то есть наш дед Карл..., приказал возвести в ахенском дворце в честь блаженной Богородицы и девы Марии часовню..., и пожаловал ей немалое количество реликвий, и почитил ее множеством украшений, то мы также, желая подражать поступкам его и других королей и императоров, наших предшественников, в пределах наших владений, то есть в компьенском дворце – поскольку та [ахенская] часть нашего королевства по жребию разделения [территорий] нам еще не доступна – заложили основание монастыря в честь славной Богородицы и приснодевы Марии, которому даем статус королевского, и пожаловали ему с Божией помощью множество даров, и там же, для обеспечения святой Церкви Божией, поставили клириков числом сто... Кроме того, в день, когда мы праздновали освящение этой святой базилики, 5 мая, мы [наседлили] упомянутый монастырь братией, неустанно служащей там Богу...”³⁹

Для нас важно, однако, что устойчивое выражение *dei genitrix* использовалось не только в богословских текстах (и в прозе вообще), но в поэзии. Оно прекрасно соответствовало ритму гексаметра, хотя его использование не ограничивалось шестистопником⁴⁰. В христианской поэзии, плавно продолжившей поэзию античную, формула *dei genitrix* никогда не переставала иметь хождение, но, как представляется, образцом для рассматриваемых строк Иоанна Скотта послужила поэзия Алкуина⁴¹.

³⁹ Actes de Charles le Chauve // Ed. G. Tessier. T. II. P., 1952, №425, грамота от 5 мая 877, р.451-3: “Proinde quia divae recordationis imperator, avus scilicet noster Karolus... in palatio Aquensi cappellam in honore beate Dei genitricis et virginis Mariae construxisse... ac congerie quamplurima reliquiarum eundem locum sacrasse multiplicibusque ornamentis excoluisse dinoscitur, nos quoque morem illius imitari ceterorumque regum et imperatorum, decessorum scilicet nostrorum, cupientes, cum pars illa regni nobis sorte divisionis nondum contigerit, infra tamen potestatis nostre dicionem in palatio videlicet Compendio, in honore gloriose Dei genitricis ac perpetue semper virginis Marie monasterium cui regium vocabulum dedimus fundotenus extruximus et donariis quamplurimis Domino juvante ditavimus, atque clericos inibi numero centum, pro statu sanctae Dei Ecclesiae... Praeterea memorato sancto monasterio et fratribus inibi assidue Domino Famulantibus, in die qua dedicationem ipsius sanctae basilice celebravimus, hoc est III nonas maias...”

⁴⁰ См., напр.: Венанций Фортунат (ок.540-ок.600), *Caminum libri octo* VIII, 3, 25: inde dei genitrix pia uirgo Maria coruscat; Досточтимый Беда, *De die iudicii*, v. 139: quae traxit alma dei genitrix, pia virgo Maria; Алкуин (ок.730-804), MGH, Poetae latini I, 305: virgo dei genitrix, nostrae regina salutis; Рабан Мавр (ок.780-856), *Carmina*, MGH, Poetae latini II, 212 (а также, 214; 216): “virgo dei genitrix”; ibid., 217: “Clara dei genitrix, sanctissima virgo Maria”; Валафрид Страбон (809-849), *Carmina*, MGH, Poetae latini II, 366: “Virgo Dei genitrix de corpore ducta pudico/ In requiem domini transiit ecce sui” (на Успение Богородицы); Гинкмар Реймский (ок.806-882), MGH, Poetae latini III, 409, 10: sancta dei genitrix et semper virgo Maria.

⁴¹ Несколько случаев имитации Иоанном Скоттом поэтических строк Алкуина отмечены М. Херреном в предисловии к его изданию *Carmina* Эриугены – Iohannis Scotti Carmina // Ed. M. Herren // *Scriptores Latini Hiberniae* 12. Dublin: Dublin Institute for Advanced Studies, 1993. P.45). Одно из указанных заимствований – v. 74 из *Aulae sidereaе*.

Алкуин

Сохранился большой корпус стихотворений Алкуина (283 стихотворения); все они напечатаны в т.101 латинской серии *Патрологии*⁴². Хотя это собрание наверняка не является полным⁴³, оно весьма репрезентативно. Помимо интересных инсультарных особенностей, отличительной чертой поэзии Алкуина является наличие внушительного раздела *Inscriptiones* – стихотворных посвящений архитектурным памятникам: церквям, алтарям, отдельным помещениям (рефекторию, библиотеке, dormitorio и т.д.)⁴⁴. Характерно, что интересующее нас словосочетание *dei genitrix* встречается в шести такого рода надписях⁴⁵.

Надпись для Библии⁴⁶ следует тому же правилу: сначала (vv.1-12) хвала Библии (как таковой и конкретному тому), далее говорится (vv.11-15), что том этот заказал епископ Герфрид во славу Христа и его благой родительницы (*genitricis et illius almae*), дабы он был в церкви под рукой у чтецов; потом идет хвала Герфриду и читателю (vv.16-22). Затем описывается сама церковь (vv.23-35): прежде этот *domus alma Dei, Christi et venerabilis aula* лежал в руинах, но когда его настоятелем стал Герфрид, он обновил храм *parietibus, tectis, picturis atque columnis/ vestibus et vasis...* и наладил в нем службу. В заключение Алкуин просит Христа принять упомянутый дар (церковь), а Богородицу – *Dei genitrix sanctissima virgo Maria* – ответить молитвам ее рабов, потому что храм посвящен ее имени (*haec sacra tua quoniam sunt nomine templa*).

Только дважды *dei genitrix* призывается не в архитектурном контексте. В пространной *inscriptio*⁴⁷ (204 строки) для Библии повествуется (vv.

⁴² Flaccus Albinus seu Alcuinus. *Opera omnia. Pars sexta. Carmina*. PL 101. P., 1863; см. также MGH, *Poetae latini aevi Carolini I* (1881; repr. 1978), 160-350.

⁴³ От раннего, йоркского, периода почти ничего не осталось: сохранившиеся стихотворения написаны уже на континенте после 781/2 гг. См. *Godman P. Poetry of the Carolingian Renaissance*. L.: Duckworth, 1985; Introduction, 16-17.

⁴⁴ В собрании его поэзии (*Patrologia Latina t. 101*) эти разделы так и называются: *Inscriptiones variae ecclesiarum, altarium, sepulcrorum, etc.* и *Inscriptiones aliae locorum sacrorum*. Десятки стихотворений озаглавлены *Ad ecclesiam (templum); De ecclesia (aedibus, cella); Ad aram (sepulcrum, oratorium, dormitorium, hypocaustum, coenaculum), Ad portam basilicae (ecclesiae); Ubi libri custodiuntur* и т.д. Эти надписи должны были помещаться на соответствующие архитектурные объекты.

⁴⁵ Алкуин, *Carmina, Ad aram beatae Virginis et sancti Clementis* (53, v. 1): "Hoc altare Dei genitrix pia virgo Maria/ Aspiat...; *Ad ecclesiam beatae virginis Mariae Nobiliaci* (86, vv. 5-6): "Virgo Maria, Dei genitrix, tua intacta Tonantis,/ Tu, regina poli, vitae spes maxima nostrae...; *Ad aram beatae Virginis et aliorum sanctorum* (134, v. 1): "Hic regina Dei genitrix pia virgo Maria..."; *In limine templi beatae Virginis, sancti Michaelis et sancti Stephani* (149, v. 5): "Virgo Dei genitrix clemens et sancta, benigna...; *Ad aram beatae virginis Mariae* (173, v. 1): "Virgo Dei genitrix, nostrae regina salutis..."; *Ad ecclesiam et aram beatae Virginis* (174, vv. 1-4): "Haec tibi sancta domus sancta est, sanctissima Virgo,/ Virgo Maria, Dei ac genitrix intacta Tonantis./ Perpetuam mundo genuisti virgo salutem,/ Quapropter mundus totus te laudat ubique; *Ad aram beatae Virginis* (203, v. 1): "Virgo Maria Dei genitrix, castissima Virgo..."

⁴⁶ *In codicem jussu Gerfridi episcopi scriptum, 729D-730C.*

⁴⁷ Это стихотворение без титула (731C-735C) присоединено к поэме *In sacrum Codicem cura Radonis abbatis monasterii S. Vedasti scriptum*. В его прологе (vv. 1-

115-16) о псалмопевце Давиде, ... *Semine de cujus regali stemmate felix/ Alma Dei genitrix Virgo Maria fuit*⁴⁸. Наконец, в стихотворном послании к ученому Паулину Аквилейскому (до 750-802), Алкуин призывает Христа и деву Марию оберегать своего корреспондента, обращаясь к последней *"Tuque Maria, Dei Genitrix, sanctissima Virgo..."*⁴⁹

В поэзии Алкуина, храм (*templum, aedes*) – это, как правило, *domus alma* (благословенный дом) или *aula* (чертог)⁵⁰. Благочестивый (*pious*) епископ или король строит ее, украшает и обновляет (*fecit, ornat, aedificavit, fabricans, construxit, renovavit*)⁵¹. Лексика стихотворных описаний храмовых интерьеров у Алкуина типична и восходит к словарю Вульгаты, когда там описывается сооружение Моисеем Скинии (Исх 35-40), строительство храма Соломона (3 Цар 6-7; 2 Пар 3-4) и воспроизведение последнего в видении Иезекииля (Иез 40-42)⁵². Часто при описании некоей церкви говорится о молитвах, которые будут возноситься в этом храме, и которые поэт просит услышать⁵³.

20) говорится, что когда первый человек был изгнан из Рая в полную страданий смертную жизнь, божественная милость не совсем оставила его, продолжая нисходить к его мольбам. Одним из высших ее даров являются книги Библии, которые "воспевают череду событий и времен". В них по наущению Божию сохраняется память о начале мира, предсказано пришествие Христа, человеку показано, как именно нужно поклоняться Богу, и в этом залог спасения и вечной жизни со Христом *in arce poli* (на небесах). Далее (vv. 21-170) перечисляются книги Ветхого и Нового Заветов и дается их краткое описание. Строки 63-71 посвящены книге Исхода, они завершаются описанием сооружения Скинии: Моисей (vv. 74-76) *condere praecipiens atria sancta Deo./ Cum mensis, vasis, tabulis simul atque lucernis,/ Sanctaque Sanctorum, quo fuit arca Dei;* "повелел соорудить Богу святой двор [для скинии],/ вместе со столами, сосудами, брусьями [скинии], лампадами,/ и святая святых, где был ковчег Бога".

⁴⁸ *Ibid.*, 734A: "от семени которого по царской линии происходила отрадная благая Богородица дева Мария".

⁴⁹ *Ad Paulinum patriarcham Aquileiensem* (241, v. 12).

⁵⁰ *Ср. In codicem jussu Gerfridi episcopi scriptum* v. 23: "Haec domus alma Dei, Christi et venerabilis aula" (730B); *Ad ecclesiam sancti Martini* (34, v. 5): "Haec domus alma Deo prima est fundata Tonanti" (739C); *De ecclesia sancti Vedasti a Radone abbate renovata* (41, v. 1): "Haec domus alma Dei flammis crepitantibus olim/ Arsit..." (741A); *Ad aram sancti Petri apostoli* (115, v. 11): "Haec est alma domus donis solidata supernis" (756B); *In ecclesiam et in laudem beatae virginis Mariae* (151, v. 1): "Hanc aulam Domini servat tutela Mariae" (762C) и т.д.

⁵¹ *Ср. Ad aram sancti Petri apostoli* 114, v. 1-3: "Rex Carolus Christi magno devotus amore,/ Jusserat hanc aram sacris vestire metallis/ Ad decus Ecclesiae, propriam sibi metque salutem" (756B); *De sancto Vergilio episcopo Salisburgensi* 130, v. 1-2: "Quae cernis veniens, lector... inlyta tecta/ Virgilius fecit, Domini deductus amore..." (759B).

⁵² *Ср. In codicem jussu Gerfridi episcopi scriptum*, vv. 23-35 (730BC); 733A (о Скинии, см. supra сн. 49); *De ecclesia sancti Vedasti a Radone abbate renovata* (41, vv. 4-14) (741AB).

⁵³ *Ср. Ad oratorium sanctorum Martini et Gelasii* (85, v. 5-6): "Ut Deus omnipotens famulorum vota suorum/ Impleat" (749A); *Ad ecclesiam et aram beatae Virginis* (174, v. 16): "Accipe clementer famulorum vota tuorum" (771B); *In codicem jussu Gerfridi episcopi scriptum* (vv. 36-37): "Suscipe Christe Deus clemens haec omnia grate,/ Deque tui famuli manibus haec vota precatur" (730C).

Стихотворения Алкуина оказали заметное влияние на каролингскую поэзию, их отзвуки можно обнаружить не только у Иоанна Скотта⁵⁴.

Заключение

Вышеперечисленные черты посвятительных стихотворений Алкуина полностью воспроизводятся в эпилоге поэмы Иоанна Скотта (см. приведенный в начале статьи латинский текст); они очевидны и не требуют развернутых сопоставлений. Уяснение важности той роли, которую имеют поэмы Алкуина для понимания эпилога *Aulae sidereae* Иоанна Скотта, имеет еще одно следствие. Становится ясным смысловое деление поэмы на части. Ее эпилог начинается не со слов *Magna dei genitrix...* (v. 82), но раньше: *Nate dei patris...* (v. 72). Следовательно, гипотеза, согласно которой строки 82-101 некогда представляли собой независимую поэму, должна быть отвергнута.

Добавим, что при описании интерьера церкви девы Марии Иоанн Скотт помимо прямых библейских аллюзий, обращается к соответствующим комментариям Досточтимого Беды (к работам *О Скинии* и *О храме*). Но его замысел имеет и практическую направленность. В отличие от М. Херрена (см. выше сн. 5), я полагаю, что в эпилоге поэмы речь идет не о реальной рождественской службе, однажды прошедшей в ахенской базилике. Скорее, Эриугена предлагает королю программу того, как должен выглядеть храм христианского императора, повторяющий храм Соломона и предвосхищающий Новый Иерусалим. В *Aulae sidereae*, черты ахенской базилики⁵⁵, добавленные к описанию тогда еще недостроенной церкви в Ахене (король "строит", v. 85) призваны напомнить о родословной короля, восходящей к Карлу Великому. Не случайно, чуть выше в поэме для Христа указан его царственный предок Давид; таким образом создавалась параллель между Царем небесным и царем земным. Помимо всего прочего, эта многоплановая поэма Иоанна Скотта предоставляла идеологическое обоснование императорским притязаниям Карла, имея смысл политической программы, целью которой было воодушевить, а не констатировать, — как то и было у Иезекииля, когда тот воплощал в слова свое видение⁵⁶.

⁵⁴ В частности, Гинкмар Реймский упоминает в своем стихотворении храм, построенный "in domini genitricis honore" (MGH, Poetae latini III, 409, 1). Ср. "Hinc genitrix domini, parvum tibi, magna, libellum/ Hincmarus praesul, virgo Maria, dedi" (ibid. 410).

⁵⁵ Так, "polygonos flexus" (v. 88) может отсылать к центральному объему ахенской часовни, восьмиугольному в плане (здесь опять высвечивается восмерица); в "Sursum deorsum populos altaria circum" (v. 94) может содержаться ссылка на практику там же служить литургию одновременно на двух алтарях, размещенных на двух этажах. Соответствующий рисунок см.: *Clemen P. Die romanische Monumentalmalerei in den Rheinlanden. Düsseldorf, 1916. P.9, fig.2* (воспроизведено в *Dutton P. The Politics of Dreaming...*, fig. 12 [pp. 161-2]).

⁵⁶ *Tuell S.S. Ezekiel 40-42 as Verbal Icon // The Catholic Biblical Quarterly* 58, 4 (1996), 649-664.

И.В.Ведюшкина

Библейское предание о разделении земли в раннехристианской и византийской традиции

"...Да прострет екзагетика руку свою истории, и если кто скажет, что такое и такое происшествие написано в Библии, тому да отвечает она: вы невежды, вы не так до сих пор его изъясняли ..."
(А.Шлёцер. Нестор)¹

В современной историографии на теоретическом уровне давно уже преодолен характерный для классической школы нигилизм по отношению к компиляции как творческому методу средневековых авторов. Но на уровне конкретных исследований анализ идейного содержания фрагментов, имеющих глубокие литературные корни и текстологические параллели в предшествующей книжности, зачастую ограничивается источниковедческим изучением, безусловно, совершенно необходимым, но явно недостаточным. Исследования, раскрывающие новаторство средневековых книжников, преломляющих *традиционные темы* применительно к новым условиям, все еще достаточно редки и сами зачастую воспринимаются как новация². И совсем уже экзотически выглядят работы, которые анализируют оригинальность взглядов компиляторов, манипулирующих *традиционными текстами*³, особенно если эти тексты восходят к библейской и святоотеческой традиции.

В настоящей работе предпринимается попытка рассмотреть многообразие идей и представлений, выражаемых раннехристианскими и византийскими авторами через библейский сюжет о разделении земли сыновьями Ноя. При этом мы стараемся как можно меньше упрощать и схематизировать связанный с данной темой комплекс сложных источниковедческих проблем. Спорные датировки и атрибуции, фрагментарная сохранность и другие превратности рукописной традиции памятни-

¹ Пер. Д.Языкова. Ч. 1. СПб., 1809. С.439.

² В качестве примера успешного исследования новаторства средневековых книжников в разработке традиционных тем можно привести монографию: Чичуров И.С. Политическая идеология средневековья: Византия и Русь. М., 1990.

³ Не случайно попытки отказаться от предложенного еще в конце XIX в. К.Крумбахером разделения произведений византийского историографического жанра на созданные высоколобыми интеллектуалами авторские "Истории" и написанные скверным языком "тупыми и бездумными компиляторами" монашеские "Хроники" растянулись уже на десятилетия и, несмотря на появление ряда оприлюдняющих схему Крумбахаера блестящих исследований по конкретным авторам и произведениям, в целом успехом пока не увенчались. Об этих попытках см.: Ljubarskij J.N. New Trends in the Study of Byzantine Historiography // *Dumbarton Oaks Papers*. V.47. 1993. P.131–138.

ков, конечно же, создают объективные трудности при решении поставленной задачи. Но пренебрежение источниковедческим моментом в данном случае еще более недопустимо, чем его абсолютизация.

Генеалогическая «Таблица народов» Ветхого Завета (Быт. X, 1–32), как и многие другие библейские сюжеты, послужила античным и средневековым книжникам поводом для создания обширной и разветвленной традиции преданий о разделении земли сыновьями Ноя. На протяжении веков иудейские, христианские, мусульманские экзегеты, ересиологи, историки, географы, составители всевозможных энциклопедий, руководств, флорилегиев неоднократно обращались к этой теме в своих трудах. Разнообразные варианты этногеографического экскурса, созданные в разные эпохи в русле различных традиций и жанров, достаточно сильно отличаются по объёму, способам организации материала, характеру связи с остальным изложением и месту в композиции произведения. Несмотря на это, сопоставление текстов позволяет заключить, что в их основе лежит весьма ограниченный круг источников. При этом собственно библейский фрагмент к числу этих источников не относится. Подавляющее большинство средневековых книжников, обращаясь к проблемам, связанным с разделением земли и происхождением народов, текстологически опирались не столько на Библию, сколько на переработки библейского сюжета в эллинистической и раннехристианской традиции.

Насколько нам известно, первым исследователем, обратившим внимание на общность происхождения этногеографических экскурсов в произведениях разных языковых и книжных традиций – греческой, латинской, восточной, древнерусской – был А.Шлёцер. Правда, это важное для нас наблюдение было сделано знаменитым ученым XVIII в. как бы мимоходом, вскользь, при решении совершенно иной исследовательской задачи. Анализируя этногеографическое введение Повести временных лет (далее – ПВЛ), Шлёцер писал:

“Сею сказкою, соединенною с Вавилонским столпотворением и рассеянием народов, начинаются с IV в. произведения всех греческих и латинских писателей истории; а за ними толпою следуют даже до XV столетия позднейшие восточные (*Abulfaradsh* Syr. Стр.8), западные и северные хронографы: вот причина для чего во всех сих временниках, древняя космография предшествует короче или пространнее настоящей истории. **Но удивительно то, что все сии космографии проистекают из одного источника** (выделено нами – И.В.), которого однако же не мог я еще отыскать. Иные именно ссылаются на Юлия Африкана (ок.228 г.), Арновия (ок.303 г.) и Евсевия (†340 г.); но, насколько мне известно, этого нет в оставшихся сочинениях сих писателей.”

Свою мысль Шлёцер аргументировал пространными выписками из византийских (Пасхальная хроника; Георгий Синкелл; Георгий Кедрин) и западноевропейских (одна из латиноязычных переработок Хроники Ипполита Римского; т.н. *Excerpta latino-barbara*; Адон Вьеннский) авторов.

⁴ Шлёцер А. Нестор. Ч.1. С.13.

В какой-то мере вынужденная широта Шлёцера (в то время еще не был открыт непосредственный источник значительной части введения ПВЛ – древнерусский перевод Хроники Георгия Амартола) придала этой части его труда такую фундаментальность, которая делает ее актуальной и спустя более двух столетий. И, конечно же, нет никакой его вины в том, что в приведенном высказывании сохранившиеся до сего дня научную значимость наблюдения тесно переплетены с устаревшим, характерным для науки того времени пренебрежительным отношением к компиляции⁵. Отсюда акцент на традиционности автора ПВЛ, новаторство которого становится очевидным лишь при скрупулезном анализе особенностей этого широко распространенного сюжета в предшествующей ПВЛ раннехристианской и византийской книжности.

Такой анализ был предпринят нами первоначально именно в русле исследования вводной части ПВЛ⁶, но постепенно перерос рамки собственно древнерусских штудий и приобрел самостоятельное значение, связанное с упомянутой выше проблемой идейного своеобразия компилятивных памятников, актуальной для средневековой книжности в целом. Вот почему, сосредоточившись в данной работе преимущественно на византийских и раннехристианских памятниках, содержащих интересующий нас сюжет, мы не стали освобождать текст и от “родимых пятен” древнерусского материала, поскольку он, в свою очередь, позволяет оттенить особенности своих источников. К этому же располагала и заложенная Шлёцером историографическая традиция.

По-видимому, независимо от Шлёцера к выводу о единстве происхождения различных вариантов экскурса о разделении земли в составе произведений греческих, латинских и восточных авторов пришел в середине XIX в. А. Гутшмит. Он посвятил этой проблеме специальное исследование, которое, хотя осталось в некоторых частях незавершенным, а в других опиралось на устаревшие издания и атрибуции, в целом, безусловно, сохраняет научное значение⁷. После Гутшмита никто, насколько известно, не прибегал к такому глобальному и широкому сопоставлению текстов этногеографического предания из разных языковых традиций. Отдельные уточнения и поправки в заложенную им схему вносились исследователями и издателями разных памятников.

⁵ У Шлёцера такое отношение понятно и несколько не умаляет научной значимости его труда. Другое дело – современный ученый, который не должен подменять исследование ничего не объясняющими ссылками на традиционность. См., например: Толстой Н.И. Тема библейского происхождения славян у славянских хронистов XII – XVIII вв. // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. 1995. №2, С.5–12.

⁶ См., например, нашу работу: Борцова И.В. Легендарная традиция о разделении земли в византийских источниках “Повести временных лет” // Кавказ и Византия. Вып.6. Ереван, 1988. С.53–60.

⁷ Gutschmid A.v. Untersuchungen über den Διαμερισμός τῆς γῆς andere Bearbeitungen der Mosaischen Völkertafel // Kleine Schriften von Alfred von Gutschmid. Herausgegeben von Franz Rühl. Bd. 5. Leipzig, 1894. S.585–717; Idem. Zur Kritik des Διαμερισμός τῆς γῆς // Ibid., S.240–273.

Поскольку предметом настоящего исследования является не сам библейский фрагмент, а лишь разработка его сюжета в последующей традиции, мы позволим себе не останавливаться на той поистине необозримой историографии, которая посвящена "Таблице народов" в различных областях библеистики. Отметим лишь некоторые черты текста о разделении земли в книге Бытия, важные для нашей темы.

Этот библейский фрагмент, если подходить к нему формально, относительно беден как этнографической, так и географической терминологией: его основным содержанием является генеалогия от сыновей Ноя до Фалека; и лишь восприятие антропонимов в качестве эпонимов превращает его в "генеалогию народов"⁸. Именно к такому, эпонимическому, пониманию антропонимов 10-ой главы книги Бытия подталкивает не только их созвучие с известными с древности этнонимами, хоронимами, топонимами и политонимами, но и включенные в эту часть библейской генеалогии этногеографические заметки (Быт. X, 5; 10-12; 18-20; 30-32). После генеалогических перечней "антропонимов" речь в Библии все время идет о "племенах", "языках", "народах" и "землях", что, по-видимому, во многом должно было предопределить структуру будущих пространственных переработок этого сюжета. Как нам представляется, указанная особенность библейского текста позволяет предположить, что основной задачей позднеантичных и раннесредневековых книжников стала расшифровка эпонимов во всей их многозначности, т.е. не одним, а несколькими перечнями: "по племенам", "по языкам", "в землях", "в народах", "по островам". Причем ввиду множественности перечней расшифровка эта не могла быть чисто "этимологической" — по созвучию, — так как ее предстояло согласовать не только с восточной, но и с греко-римской ономастической традицией. Кроме того, эта новая, "расшифрованная" "Таблица народов" должна была бы, в отличие от прежней, библейской, содержать четкое обозначение границ всех трех наследственных владений сыновей Ноя, а не только Хананеев (Быт. X, 19) и Семитов (Быт. X, 30). Более того, границы эти, конечно же, должны были бы пролегать не только через ближневосточные географические реалии, а затрагивать весь Средиземноморский Мир в самом его "широком" варианте — до Индии.

Забегая вперед, отметим, что именно по этим, намеченным нами сугубо умозрительно (исходя только из логики библейского текста) направлениям и пошло бурное развитие этого сюжета в раннехристианской книжности — развитие по схеме взрыва с далеко расходящимися всплесками: абсолютный максимум объема был достигнут, по-видимому, сразу же, а дальнейшие переработки, за редчайшими ис-

⁸ Естественно, что эта черта библейского текста не была оставлена без внимания библеистами. Крупнейший в прошлом веке отечественный семитолог А.Я. Гаркави предложил классификацию уже тогда огромной историографии и разобрал три основные системы объяснения имен сыновей Ноя: мифологическую, этнографическую и географическую. — *Гаркави А.Я. О первоначальном обитании семитов, индоевропейцев и хамитов.* СПб., 1872. С. 5–13; 68–80.

ключениями, приспособляли этот сюжет к своим нуждам путем сокращения. Добавления, если они и были, представляли собой, как правило, замены или дополнения в уже существовавшие рубрики. Однако, задолго до глобальной разработки библейского предания о разделении земли в духе христианской экзегезы, еще в лоне иудейской и эллинистической литературы, началось его видоизменение именно в тех направлениях, логичность и вероятность которых мы предположили исходя из характера данного отрывка в первой книге Пятикнижия. Почти не вызывает сомнения, что из-за неполной сохранности практически всех звеньев рукописной традиции эволюцию рассматриваемого сюжета можно проследить лишь приблизительно, вынужденно пропуская какие-то важные ступени. Тем не менее, мы попытаемся это сделать, не претендуя на исчерпывающую полноту.

Следующей после книги Бытия известной нам версией excursus о разделении земли является соответствующий фрагмент апокрифической *"Книги Юбилеев"* или *"Малого Бытия"* (далее – КЮ). Некоторые отрывки древнееврейского оригинала этого ветхозаветного апокрифа были обнаружены среди свитков Мертвого моря⁹. По содержанию КЮ является историей еврейского народа от Творения до Исхода. Она отличается от канонического Бытия акцентами, мелкими – и не очень – подробностями, а также формой организации излагаемого материала – по *"юбилеям"*¹⁰, служащим основой хронологии данного апокрифа.

О времени создания КЮ делались самые разные предположения. Некоторые исследователи даже считали ее древнее канонического Бытия. Долгое время большинством специалистов принималась широкая датировка I в. до н.э. – I в. н.э. В свете последних находок и исследований она была несколько удревнена и в настоящее время датируется серединой II в. до н.э.¹¹, что не противоречит и нашим наблюдениям: по характеру интересующего нас сюжета КЮ, вероятнее всего, стоит между каноническим текстом книги Бытия и соответствующим фрагментом в *"Иудейских древностях"* Иосифа Флавия (93 – 94 гг. н.э.)¹².

⁹ Dupont-Sommer A. Les Ecrits Esséniens découverts près de la Mer Morte. P., 1959. P.310-318; Rost L. Einleitung in alttestamentlichen Apokryphen Pseudepigraphen einschliesslich der grossen Qumran Handschriften. Heidelberg, 1971. S.98-101.

¹⁰ Юбилей – см.: Иосиф Флавий, *"Иудейские древности"*, кн.III, гл.12.3.: *"Такой пятидесятый год [после "семи седмиц" лет – И.В.] называется у евреев юбилейным. В такой год должники освобождаются от своих обязательств, единоверцы же, которые совершили какое-нибудь преступление против закона и потому были наказаны рабством, а не смертью, отпускаются на свободу. Равным образом в это время возвращаются и земельные участки их первоначальным владельцам."*

¹¹ Vanderkam J.C. Textual and Historical Studies in the Book of Jubilees. Montana, 1977. Pp.207-287; Franklin S. Byzantine Historiography in Kievan Russia: A Study in Cultural Adaptation. Oxford, 1981, Thesis D.Phil., unpublished, p.109. Датировка Вандеркама заслуживает, на наш взгляд, предпочтения, поскольку он учитывает новые данные, появившиеся после 1947 г. в результате Кумранских находок.

¹² А.Бауэр уже в начале XX в. (еще до Кумранских находок) датировал КЮ II в. до н.э. и назвал ее *"иудео-эллинистической переработкой Ветхого Завета"*. – См.: Bauer A. Vom Judentum zum Christentum. Leipzig, 1917. S.45.

Предполагается, что непосредственно с древнееврейского оригинала КЮ была переведена на сирийский и греческий языки¹³, а затем, уже с греческого, на армянский, латинский и эфиопский¹⁴. Полный текст КЮ сохранился только в эфиопской версии, открытой и изданной в середине XIX в.¹⁵ С нее сделаны переводы на многие новые языки, включая русский. Использование КЮ древнерусскими книжниками было, вопреки мнению Г.М. Бараца¹⁶, опосредованным: через переводные византийские памятники, содержащие фрагменты из нее¹⁷.

Изложение КЮ ведется от лица ангела, рассказывающего Моисею историю евреев от Творения до Исхода. По мнению С. Франклина, "...при переписывании Бытия автор Юбилеев был менее озабочен этногенетическими деталями, а скорее моральными и культурными императивами, которые должны управлять человеческим поведением. Он сокращал Бытие в значительной части связного повествования и распространял те эпизоды, где говорится о Божественных установлениях по организации человеческого общества: о субботе, о праздниках, о браке, о принципах и практике правосудия... Династический мир и соглашения собственности санкционированы Богом..."¹⁸ В соответствии с отмеченными Франклиным установками автора КЮ при переработке книги Бытия, в его описании разделения земли сыновьями Ноя появляются следующие тенденции и детали, отсутствующие в каноническом Ветхозаветном тексте:

– Границы подлежащей дележу территории расширяются до пределов известной в то время ойкумены. Мы не рискуем идентифицировать все упомянутые географические названия, разделяя в этом вопросе осторожность А.В. Смирнова, но очевидным представляется присутствие Индии в качестве крайней восточной земли во владениях Сима, а также

¹³ Tisserant E. Fragments syraques du Livre des Jubilés // Revue Biblique, T.30. 1921. pp.55-86, 206-237; Denis A.-M. Fragmenta Pseudepigraphorum quae supersunt Graeca. Leiden, 1970. Pp.70-102; Denis A.-M. Introduction aux pseudepigraphes grecs l'Antien Testament. Leiden, 1970. Pp.150-162; Millik J.T. Recherches sur la version Greque du Livre des Jubilés // Revue Biblique. T.78. 1971. Pp.545-557.

¹⁴ Lipscomb W.L. A Tradition from the Book of Jubilees in Armenian // Journal of Jewish Studies. V.XXIX. 1978. Pp.149-163; The Ethiopic Version of the Hebrew Book of Jubilees / Ed. Charles R.H. Oxford, 1895. Издание и перевод Чарльза на сегодняшний день считаются самыми авторитетными, но они, к сожалению, остались нам недоступны. Мы судим о содержании excursus о разделении земли сыновьями Ноя в составе КЮ на основании русского перевода: Смирнов А.В. Книга Юбилеев или Малое Бытие. (Ветхозаветные апокрифы. Вып. 2). Казань, 1895. С.82–87. Перевод Смирнова был выполнен с предварительного немецкого перевода Дильмана (также недоступного), сделанного еще до окончательной расшифровки темных мест и публикации эфиопской версии. Среди Кумранских находок, равно как и среди греческих экскерптов из КЮ, фрагмента о разделении земли нет.

¹⁵ Rost L. Einleitung..., p.98.

¹⁶ Барац Г.М. О составителях Повести временных лет и ее источниках, преимущественно еврейских. Берлин, 1924. С.83-84. Автор полагал, что КЮ была непосредственным источником рассказа о жребиях сыновей Ноя в ПВЛ.

¹⁷ Franklin S. Byzantine Historiography..., pp.109-125.

¹⁸ Ibid., p.124.

Гадира (Кадиса) как крайнего северного пункта владений Хама и западного – Иафета¹⁹.

– Важнейшей составной частью самой процедуры разделения земли впервые становятся упоминания о жребии и присутствии ангела (“одного из нас”).

– Подчеркивается очевидная для Ноя справедливость жребия, при котором наследственная часть Сима оказалась наилучшей во всех отношениях.

Первая из названных тенденций закрепились и получила дальнейшее развитие в эволюции рассматриваемого сюжета (хотя о непосредственном воздействии КЮ на какой-либо из сохранившихся памятников говорить сложно – нет данных), а две другие, будучи воспринятыми древнерусскими книжниками как свидетельство святости “династического мира и соглашений собственности”, способствовали включению отрывков из этого фрагмента КЮ в древнерусские сочинения²⁰.

Следующим этапом в развитии и интерпретации сюжета о разделении земли сыновьями Ноя стали “Иудейские древности” Иосифа Флавия. Общая задача труда Иосифа – доказать не меньшую, если не большую древность иудейской культуры по сравнению с эллинской (и уж во всяком случае, большую древность иудейской историографии)²¹ – рельефно проявилась и в этногеографическом экскурсе: Иосиф не удерживается от едкой иронии в адрес греков, изменивших и искаживших исконные названия народов по своему усмотрению и нарушивших, таким образом, эпонимические связи. Своеволие и самонадеянность

¹⁹ Не исключено, что уже КЮ, а не Иосиф Флавий, впервые называет Танаис при описании границ владений Иафета. Во всяком случае, А.В.Смирнов не исключает такой интерпретации гидронима Тона или Тина, упоминаемого КЮ и на границе владений Сима, и на границе Иафета: *Смирнов А.В. Книга Юбилеев...*, с.81–83.

²⁰ *Franklin S. Some apocriphal sources of Kievan Russian's historiography // Oxford Slavonic Papers. New ser. V.XV. 1982. Pp.1–27.* С. Франклину удалось показать, что привлекательность для древнерусских книжников идей КЮ помогла им безосновочно предпочитать фрагменты именно из нее в составленных по десяткам источников переводных византийских компендиумах.

²¹ Эта установка Иосифа характерна для всех его трудов, но объясняется она отнюдь не только его “иудейским патриотизмом” или необходимостью борьбы с антисемитизмом. В данном случае проявилась как раз эллинистическая сторона образования и самосознания Иосифа Флавия: на рубеже нашей эры среди эллинистических авторов широко распространился мотив “Мудрости Варваров” – брахманов, буддистов, гимнософистов, персидских магов, египетских жрецов и иудейских первосвященников. Не только Иосиф пытался в то время доказывать, что восточная философия древнее Сократа, и бичевать греческую философскую и историографическую традицию. Исследователи склонны объяснять это явление нарастающим кризисом античной идеологии, заставившим писателей, накрытых волной пессимизма и разочарования в ценностях греко-римской цивилизации, обратить взоры на Восток. См., например: *Бонгард-Левин Г.М., Карпук С.Г. Сведения о буддизме в античной и раннехристианской литературе // Древняя Индия. Историко-культурные связи. М., 1982. С.42–52; Штаерман Е.М. Кризис античной культуры. М., 1975; Momigliano A. Alien Wisdom. The limits of Hellenisation. Cambridge, 1975.*

греков становятся у Иосифа чуть ли не единственным объяснением того, почему современные, греческие, названия народов уже не являются однокоренными с именами их прародителей – сыновей и внуков Сима, Хама и Иафета.

Несмотря на декларацию автора “Иудейских древностей”, что “все это я нашел в священных книгах” (ИД, Предисл.4), точные источники многих его фрагментов, имеющих минимальное сходство с библейскими текстами, до сих пор остаются неизвестными, а сами свидетельства – уникальными. Это в полной мере относится и к легенде о разделении земли²², которая отличается в ИД оригинальной композицией, а также некоторой то ли непоследовательностью, то ли незавершенностью.

С одной стороны, у Иосифа этногеографическое предание четко делится на три части, в каждой из которых описываются по строго определенному плану сначала общие географические границы расселения потомков каждого из сыновей Ноя, а затем перечисляются имена сыновей и внуков Иафета, Хама и Сима (последовательность именно такая, как в Библии) с указаниями, прародителями каких народов они стали (такие перечни имён потомков Ноя с названиями произошедших от них народов мы будем называть в дальнейшем “генеалогиями народов”, в отличие от перечней народов без прародителей). В большинстве случаев (и это одна из ярких индивидуальных особенностей данного сюжета у Иосифа) для каждого народа приведено два названия – “исконное”, этимологически созвучное имени прародителя, и “теперешнее” – “греческое”. Таким образом, Иосиф освободил авторов последующих переработок от необходимости согласовывать звучание названия народа с именем “прародителя”, положил начало традиции включать в экскурс о разделении земли отождествления народов и подготовил почву для объяснения и истолкования будущими христианскими экзегетами того факта, что число этнонимов, известных эллинистическим авторам, далеко превосходит семьдесят два.

С другой стороны, Иосиф не утруждает себя последовательным перечислением результатов “этногенетической деятельности” всех без исключения сыновей и внуков Иафета, Хама и Сима. Так, из семи названных им сыновей Иафета сыновья перечислены лишь у двух – Гомара и Явана, а о сыновьях Магора, Мада, Фовеля, Мосоха и Фираса вообще ничего не сказано, т.е. всего потомков Иафета с народами перечислено 13: семь сыновей и шесть внуков. О части потомков Хама – сыновьях Местраима и части сыновей Ханаана – сказано, что о них ничего не известно. После перечисления пяти сыновей Сима с народами речь далее идёт о потомках лишь двух из них – Арама и Арфаксада. При последующих переработках экскурса о разделении земли в раннехристианской традиции соблюдению числа потомков каждого из сыно-

²² Leiman S.Z. Josephus and the Canon of the Bible // Josephus, the Bible and history / Ed. Feldman L.H., Hata G. Detroit, 1989. P.50-58.

вей Ноя уделялось большее внимание, хотя полной унификации достигнуть так и не удалось, ни по количеству, ни по именам.

Кроме того, Иосиф, видимо, не придает решающего значения вопросу о том, действительно ли те или иные народы произошли от соответствующего отпрыска Сима, Хама или Иафета, или же они получили свои названия от них по другим причинам. Во всяком случае, выражения типа "владеть народом" и "стать родоначальником народа" употребляются Иосифом синонимично.

Описание границ наследственных частей в ИД отличается краткостью и чёткостью. В отличие как от КЮ, так и от последующей раннехристианской традиции, у Иосифа нет в описании ни одного упоминания о сторонах горизонта. Кроме того, для него почти совсем не характерно стремление КЮ дать общие пограничные области, объекты и реки, во всяком случае, кроме Амана, который упоминается и на границе владений Иафета, и на границе Хама.

Текстологическое воздействие этногеографического экскурса Иосифа на некоторые более поздние переработки этого сюжета было, во-первых, неоднократным (следствие авторитета Иосифа у многих Отцов Церкви, а также всплесков интереса к нему на протяжении всей византийской истории), а во-вторых, далеко не всегда непосредственным (благодаря все тому же интересу, в византийской книжности имели хождение выжимки и экскерпты из него²³). Ещё А. Гутшмид показал, что от версии Иосифа Флавия зависят соответствующие фрагменты Евсевия Кесарийского, Иеронима Стридонского и Иоанна Зонары. При этом он подчеркнул весьма вероятную опосредованность такой зависимости²⁴. Как нам представляется, опыт Иосифа Флавия был учтён при создании в III в. н.э. развернутого варианта предания о разделении земли, которому суждено было стать "базовым" в раннехристианской, византийской, древнерусской, восточной и, отчасти, западноевропейской книжности.

Прежде всего, влияние Иосифа Флавия на дальнейшее развитие текста предания о разделении земли проявилось в стремлении раннехристианских авторов компактно обозначить в самых общих чертах границы наследственных частей, хотя бы даже и не по тексту Иосифа. Правда, композиционная основа этногеографического экскурса Иосифа была при этом изменена: вместо членения материала по трем наследственным частям у Иосифа предпочтение было оказано тематическому принципу, когда по трем сыновьям Ноя делится не экскурс в целом, а последовательно каждая из его тематических частей: общие границы и реки, генеалогия народов, земли и острова и т.п.

Труды Иосифа, особенно "Иудейские древности" и "Иудейская война", долгое время оставались для раннехристианских и византийских

²³ Schreckenberg H. Die Flavius Josephus – Tradition in Antike und Mittelalter. Leiden, 1972.

²⁴ Gutschmid A.v. Untersuchungen... S. 598-603.

авторов важнейшими источниками по истории Святой земли. Они были признаны авторитетными Евсевием Кесарийским и широко использовались хронистами. Для Иоанна Златоуста Иосиф был любимым языческим автором после Платона²⁵. Патриарх Фотий (IX в.) считал его образцом стиля. В Эксерптах Константина VII Иосиф упомянут 119 раз. Возможно, что уже в IX–X вв. по его сочинениям было скомпилировано “Эпитоме”, использованное в XII в. Иоанном Зонарой²⁶ (вот почему мы не можем точно сказать, сам ли Зонара, в остальном довольно точно следующий в данном отрывке тексту Иосифа²⁷, исключил все антигреческие выпады, или же это произошло на более раннем этапе истории текста).

“Иудейские древности” и “Иудейская война” были рано переведены на латынь, предположительно Руфином (ок. 345–410 гг.) и Кассиодором (ок. 487–583 гг.). Возможно, что именно на основе латинских версий в Италии в IX в. была создана еврейская рецензия трудов Иосифа – т.н. “Книга Иосиппон”, которая, впрочем, если в чем и восходит к Иосифу, то только не в части экскурса о разделении земли, который настолько своеобразен, что заслуживает отдельного исследования.

В древнерусской книжности в полном виде была известна лишь “Иудейская война”, переведённая на Руси предположительно в XII в., сохранившаяся как в отдельной редакции, так и в составе древнерусских хронографов²⁸. “Иудейские древности” не были переведены на Руси ни в полном виде, ни в эксерптах, но они входили в число источников некоторых византийских оригиналов славянских переводов; так что текст, частично восходящий (через неизвестное число переработок и перевод) к этногеографическому экскурсу “Иудейских древностей” читается, например, в т.н. славянском переводе Хроники Симеона Логофета²⁹.

Переходя от иудейской и иудео-эллинистической традиции переработок ветхозаветного предания о разделении земли к раннехристианской, мы сразу сталкиваемся с тем взрывообразным развитием этого сюжета, о котором уже вскользь упоминалось выше. Разумеется, мы опять не застрахованы от утери промежуточных звеньев. Еще одной проблемой, особенно острой именно при изучении данного этапа эволюции рассматриваемого сюжета, являются анонимность и псевдэпиграфика многих рукописей, содержащих сочинения раннехристианских

²⁵ Krawczynski S., Riedinger U. Zur Überlieferungsgeschichte des Flavius Josephus und Klemens von Alexandria im 4. – 6. Jahrhundert // BZ 57. 1964. S.8.

²⁶ Bowman S. Josephus in Byzantium // Josephus, Judaism., pp.362–385.

²⁷ CSHB, Ioannis Zonarae Annales. Vol. 1. Bonnae, 1841; 1,5. Pp. 30.13–33.18.

²⁸ Мещерский Н.А. Источники и состав древней славяно-русской переводной письменности IX–XV вв. Л., 1978. С.94–108. Там же см. библиографию.

²⁹ Симеона Метафраста и Логофета Описание мира от Бытия и летожник собран от различных летописец: Славянский перевод Хроники Симеона Логофета с дополнениями / Изд. В.И.Срезневский. СПб., 1905. С.12 (см. перечень народов Иафета, остальные части предания о разделении земли восходят к другим источникам).

авторов, порождающие большие сложности с атрибуциями и датировками, следствием каковых почти неизбежно становятся ошибочные интерпретации.

Сочинение, о котором речь пойдет ниже, атрибутируется *Ипполиту Римскому*, автору первой половины III в.н.э., достаточно гипотетически, но гипотеза эта, насколько нам известно, серьезных возражений в литературе не встретила. В то же время, многие исследователи, по-прежнему, как и в XIX в., при необходимости обратиться к тексту "Хроники" Ипполита пользуются не изданным в 1906 г. А.Бауэром греческим текстом (воспроизведенным потом и в IV томе издания трудов Ипполита)³⁰, а предполагаемой латинской переработкой "Хроники", т.н. "Книгой поколений" ("Liber Generationis"), изданной Т.Моммзенем³¹. Таким образом, атрибуция Бауэра, не вызвав серьезных возражений, избежала в то же время и широкого признания³².

Привлекший внимание Бауэра текст содержится в анонимной Мадридской греческой рукописи 4701 (Matr. 4701), которую исследователи прошлого века, в том числе Гутшмит, знали по старому номеру – 121 (Matr.121). Бауэр пришел к выводу, что это начальный фрагмент "Хроники" Ипполита. Материалом для сопоставлений послужили памятники, давно уже считавшиеся в историографии латинскими переводами и переработками несохранившегося Ипполита. Исследователь издал этот текст вместе с примыкающим к нему в рукописи анонимным "Периплом Великого моря", судя по всему, другого автора. Гутшмит, крупнейший в XIX в. знаток рукописной традиции экскурсов о разделении земли, знал эту рукопись, но, во-первых, не связывал ее с Ипполитом, а во-вторых, не находил текстологической зависимости (на наш взгляд, очевидной) между текстом "Matr.121" и обработкой того же сюжета у Епифания Кипрского. Видимо, поэтому то место в формировании традиции, которое мы отводили Ипполиту³³, он приписывал Епифанию³⁴. Ипполит же (в латинском варианте "Книги поколений"), равно как и "Matr.121", остались на составленном Гутшмитом родословном древе

³⁰ Bauer A. Die Chronik des Hippolytos im Matritensis 121. Texte und Untersuchungen zur Geschichte der altchristlichen Literatur. Neue Folge 14. Leipzig, 1906; Hippolytus Werke IV. Die Chronik. Hergestellt von Adolf Bauer / Ed. Rudolf Helm. Die griechischen Schriftsteller der ersten Jahrhunderte 46. Berlin, 1955.

³¹ Liber generationis I // MGH. Auct. Antiquiss. T.IX. Chronica minor. Saec.IV–VII. 1892. Vol. I; [fasc. 1]; P.78–140.

³² Обоснованность атрибуции А.Бауэра, очевидно, еще будет обсуждаться специалистами по раннехристианской хронистике; тем не менее, нам его доводы представляются убедительными. Выводы Бауэра принимает и такой крупный современный специалист в области раннехристианской и раннесредневековой европейской книжности, как В.Гоффарт. – Goffart W. The supposedly "Frankish" Table of Nations: an Edition and study // *Idem*. Rome's Fall and After. L., 1989. P.133–165.

³³ Борцова И.В. Легендарная традиция ... С.53–60.

³⁴ Gutschmid A.v. Untersuchungen ... , S.613.

этногеографических экскурсов о разделении земли практически без по-росли³⁵.

Бауэр первоначально согласился с Гутшмитом и в издании 1906 го-да отрицал зависимость Епифания от Ипполита. Однако, при подготов-ке "Хроники" к изданию в Трудах Ипполита (задолго до того, как эти Труды увидели свет) исследователь пересмотрел свою точку зрения и написал новое предисловие, в котором признал заимствование Епифа-ния из Ипполита³⁶. Кроме того, Бауэру удалось показать плодотвор-ность влияния Ипполита на дальнейшее развитие этого сюжета в гре-ческой, латинской, армянской, и сирийской традициях; хотя, безуслов-но, остался нерешенным ряд вопросов о возможных источниках самого Ипполита и о количестве промежуточных ступеней между ним и после-дующей традицией.

В обширной и многогранной историографии творческого наследия Ипполита Римского проблема возникновения и развития экскурса о разделении земли тесно переплетается с оживленной дискуссией о том, кого же из раннехристианских писателей следует признать "отцом жанра" всемирной христианской хроники. Разброс мнений диспутантов достаточно велик, что не удивительно при анализе памятников, сохра-нившихся либо в эксерптах (отчасти анонимных), либо в переложени-ях и переводах, отношении которых к первоначальному тексту остается невыясненным. В центре дискуссии – имена трех авторов: Секста Юлия Африкана (первые десятилетия III в.н.э., современник Ипполита), Ип-полита Римского и Евсевия Кесарийского (ок.260–340 гг.н.э.). При этом некоторые исследователи, в том числе А.Бауэр (в этом он отчасти опи-рался на авторитет К.Крумбахера³⁷), вообще не видели никакой разни-цы (в отношении охвата и содержания) между трудами Африкана, Ип-полита и Евсевия³⁸. Другие основателем жанра всемирной христиан-ской хроники называли именно и только Юлия Африкана, отводя Евсе-вию (Ипполит даже не упоминается) роль "простого" компилятора³⁹ (с тем неоправданным пренебрежением к компиляции как творческому методу средневековых авторов, которое в современных исследованиях можно считать преодолённым). В работах последних десятилетий пальма первенства почти единодушно отдается Евсевию, как создате-лю не только жанра Церковной истории, но и Всемирной хроники⁴⁰. И

³⁵ *Idem.* Zur Kritik... S.242.

³⁶ *Bauer A.* Die Chronik des Hippolytos., S.163–167; Hippolytos Werke IV, S.IX, n.1.

³⁷ *Krumbacher K.* Geschichte der byzantinische Literatur von Justinian bis zum Ende des oströmischen Reiches (527–1453). München, 1897. S.321.

³⁸ *Bauer A.* Ursprung und Fortwirken der christiischen Weltchronik. Graz, 1910. S.12.

³⁹ *Schoene A.* Die Weltchronik des Eusebius in ihrer Bearbeitungen durch Hieroni-mus. Berlin, 1900. S.275.

⁴⁰ *Momigliano A.* Pagan and Christian Historiography in the 4th Century A.D. // The Conflict between Paganism and Christianity in the 4th Century. Oxford, 1963. P.85 (repr. in: Essays in Ancient and Modern Historiography. Oxford, 1977); *Croke B.* The

все это несмотря на то, что "Хроника" Евсевия сохранилась только в латинском пересказе Иеронима, а также в армянском переводе, найденном в конце XVIII в., отношении которых к первоначальной греческой версии также является предметом дискуссии⁴¹. При этом вовсе не отрицается использование Евсевием Юлия Африкана, возможно даже через Ипполита⁴².

Для нашей темы важна не вся эта дискуссия, а лишь те ее аспекты, которые могут быть связаны либо с происхождением раннехристианской легенды о разделении земли, либо с ее местом в композиции произведения и тем значением для Священной истории, которое придавал этому сюжету его предполагаемый автор. Рассмотрев в отношении экскурса о разделении земли все, что было нам доступно из предполагаемых хроник Африкана, Ипполита и Евсевия, получаем следующие наблюдения:

– Среди опубликованных фрагментов, приписываемых Юлию Африкану, интересующего нас сюжета нет⁴³.

– В армянской версии "Хроники" Евсевия (самой полной) предание о разделении земли намного короче, чем в Мадридской 121, и испытывает явное влияние Иосифа Флавия (без антигреческих выпадов)⁴⁴.

– Атрибутированный Ипполиту текст Мадридской рукописи формально начинается "от Адама", но основным его содержанием является текст пространного экскурса о разделении земли сыновьями Ноя. Композиция, объём, общие обозначения границ наследственных частей и некоторые другие детали не имеют аналогов в известной нам части дохристианской традиции; зато они близки типологически к соответствующим разделам "Анкората" Епифания Кипрского, "Вопросоответов" Анастасия Синаита, Пасхальной хроники, "Хроники" Георгия Синкелла и многих других памятников, восходящих к названным. В целом ряде произведений византийской литературы, содержащих значительно менее пространные экскурсии о разделении земли, обозначения общих границ наследственных частей (к которым часто и сводятся краткие экскурсии) и другие составляющие их фрагменты текстологически близки именно экскурсу Мадридской рукописи; сюда относятся соответствующие отрывки Арнобия Младшего, Иоанна Малалы, отдельные чтения у Козьмы Индиколлова, Георгий Амартол и др.

– В другом сочинении Ипполита Римского – "Опровержении всех ересей" – обнаруживается краткий рассказ о разделении земли, состоящий из обозначения общих границ наследственных частей (а это,

Originality of Eusebius' Chronicle // *Idem*. Christian Chronicles and Byzantine History, 5th–6th Centuries. L.: Variorum repr., 1992. V.1. P.195–200.

⁴¹ Mosshammer A.A. The Chronicle of Eusebius and Greek Chronographic Tradition. Lewisburg, 1979. Pp.29–83.

⁴² Barry B. Africanus, Sextus Julius // ODB. V.1. P.33.

⁴³ Sextus Julius Africanus. Chronographiae // *Patrologia cursus completus; Series Graeca* (далее – PG; латинскую серию Патрологии далее обозначаем – PL). V.10. P. 1857. Col.63–94.

⁴⁴ Eusebi Chroniconum libri duo. Vol. 1 / Ed. A.Schoene. Berolini, 1875. Col.73.

по нашим наблюдениям, наиболее устойчивая, “видообразующая” часть экскурсов о разделении земли) и относящийся к тому же типу, который в более пространной форме представлен в Matr. 4701⁴⁵.

Приведенные данные свидетельствуют, на наш взгляд, о том, что созданный в раннехристианской литературе тип повествования о разделении земли возник до Евсевия Кесарийского, и Ипполиту Римскому он был по крайней мере известен. Все это позволяет нам принять атрибуцию Бауэра и относиться к Ипполиту как к создателю “базового” раннехристианского предания о разделении земли⁴⁶.

Принятие атрибуции А.Бауэра, подкрепленной дополнительными, пусть и косвенными, аргументами в пользу авторства Ипполита Римского, имеет неформальное значение. Хотя по-прежнему почти ничего нельзя сказать о месте и значении экскурса о разделении земли в “Хронике” Ипполита из-за плохой сохранности остального ее текста (кроме того, что по объему место это было не так уж мало), но теперь есть возможность рассматривать экскурс в широком контексте всего творческого наследия Ипполита. При таком подходе выясняется, что детализация сюжета о разделении земли и происхождении народов шла рука об руку с решением насущнейших в III в. задач христианской экзегезы: истолкованием событий Ветхого Завета как прообразов Нового (сошествие Св.Духа на Апостолов и возможность понимания христианской проповеди всеми народами рассматривалось как преодоление последствий разделения языков); что интерес к этому сюжету как-то связан с углубленным изучением христианской хронологии с целью вычисления дня Творения и определения правильного способа вычисления Пасхи (не случайно на найденном при раскопках 1551 г. недалеко от Рима памятнике Ипполит изображен с пасхальным кругом своего изобретения); что разделение земли и происхождение народов имеют непосредственное отношение к христианской ересиологии. Взаимосвязь сюжета о разделении земли с основными вопросами христианской хронологии пока можно попытаться объяснить лишь весьма приближенно: христианская хронология предполагает особую тщательность поколенной росписи библейских персонажей, что порождает интерес и к потомству сыновей Ноя. Но мы в полной мере осознаем, насколько недостаточно такого объяснения для той роли, которую играет рассматриваемый экскурс у Ипполита.

Экскурс о разделении земли составляет в Matr. 4701 основное содержание “Хроники”, ей предшествует формальное упоминание об

⁴⁵ Hippolytus. Refutatio omnium Haeresium / Ed. M.Marcovich. Berlin–N.Y., 1986. P.407–408 (Refutatio X.31.1–6).

⁴⁶ Следует отметить, что сам А.Бауэр, видимо, был далек от предположения, что роли отца-основателя жанра всемирной христианской хроники и создателя распространенного раннехристианского варианта легенды о разделении земли непременно должны совмещаться в одном лице. “Хронику” Ипполита Римского он считал второй по древности христианской всемирной хроникой после Юлия Африкана. – См.: Bauer A. Vom Judentum zum Christentum..., S.126.

Адаме, но вся история от Адама до разделения земли занимает менее половины страницы. После экскурса сразу начинается "Обмер в стадиях или перипл Великого моря" другого автора. Одной из особенностей композиционного построения этногеографического экскурса Ипполита является наличие повторов (с небольшими вариациями) обозначений общих границ наследственных частей, которые служат и для связывания, и для членения текста; объединяют и организуют разнородный материал, одновременно структурируя его.

Последующие авторы составляли свои этногеографические экскурсии чаще всего на основе Ипполита (как правило, опосредованно). Они почти ничего не добавляли, лишь выбирали необходимое для себя⁴⁷: благодаря разнообразию и множественности приводимых у Ипполита обозначений границ – а эта деталь пользовалась наибольшим "спросом" – на его основе можно было составить почти не совпадающие друг с другом рассказы о разделении земли. Кроме того, широко практиковалась перестановка и перекомпоновка частей.

В русле Ипполита следует, составляя свой вариант предания о разделении земли, знаменитый автор второй половины IV в. *Епифаний Кипрский*⁴⁸, оказавший большое влияние на развитие грекоязычной традиции этого сюжета. К сожалению, ересиологическое сочинение Епифания "Анкорат" сохранилось в единственной рукописи (вот один из примеров скудной рукописной традиции авторитетного и цитируемого автора!), которая передает не самый пространственный вариант экскурса – только с общими обозначениями границ и перечнями народов. Скорее всего, первоначальный вариант был полнее: по крайней мере два автора, поместившие в своих произведениях более пространственные этногенетические легенды, чем та, что сохранилась в рукописи Епифания, называют его своим источником, – анонимный автор "Пасхальной хроники" (30-е гг. VII в.)⁴⁹ и Псевдо-Анастасий Синаит (рубеж VIII–IX вв.)⁵⁰. Но, возможно, ссылка перекочевала в "Пасхальную хронику" из ее источника, или появилась просто потому, что Епифаний стал у средневековых книжников признанным авторитетом в области разделения земли: даже Равеннский аноним, который вообще не содержит, а лишь упоминает

⁴⁷ Из византийских хронистов лишь анонимный автор "Пасхальной хроники" добавляет в экскурс новый раздел, которого нет в Matr.4701 – список городов семи климатов. Остальные, каждый по-своему, варьируют материал, восходящий к Ипполиту, или же, не нарушая заложенных Ипполитом общих обозначений границ, решаются на дозированное введение новой актуальной терминологии.

⁴⁸ Eriphanus. Ancoratus und Panarion / Ed. K.Holl. Leipzig, 1915. Bd.1; Ancoratus. 112,3–113,7. Pp.136.18–141.4.

⁴⁹ Chronicon Paschale // Corpus scriptorum historiae Byzantinae (далее – CSHB) Bonnæ, 1832. P.44.18–20.

⁵⁰ PG. T.89. Col. 556–561; Richard M. Florilèges spirituels grecs // Dictionnaire de spiritualité. V.5. P., 1964. Col. 500. Ришар обосновывает гипотезу о том, что 28-й восьмой вопрос, в котором находится экскурс, не принадлежит первоначальному тексту Анастасия Синаита, автора VII в., а появился в ходе более поздней редакционной обработки его труда.

об этом сюжете, ссылается именно на Епифания⁵¹. И это несмотря на то, что основным авторитетом в этом вопросе для многих латинских книжников стал все-таки современник Епифания Иероним Стридонский⁵² (в наиболее существенных чертах воспроизводящий, хотя и с сильными редакционными изменениями, традицию Иосифа Флавия), а затем основательно переработавший Иеронима Исидор Севильский⁵³ (ок.570–636 гг.). В его “Этимологиях” – этой основной энциклопедии средневекового Запада – экскурс о происхождении народов удивительно органично, без шероховатостей, свойственных фрагментам, скомпилированным из источников, посвященных совершенно другим вопросам, включен в IX книгу⁵⁴. И если даже у весьма прилежных компиляторов мы всегда обнаруживаем идейную самостоятельность при очевидной текстологической зависимости, то Иеронима с Исидором, активно вмешивающихся в тексты своих источников и решающих при их помощи собственные задачи, вообще трудно назвать компиляторами. Иероним использует фрагменты Иосифа Флавия (наряду с другими источниками) для построчного комментария к тексту канонического Бытия, попутно сравнивая отдельные фрагменты Септуагинты с древнееврейским текстом Ветхого Завета. Видимо, эта работа была необходима ему для латинского перевода Библии. Исидора же в IX книге “Этимологий” не интересовали географические аспекты разделения земли. Поэтому, посвятив первый ее раздел языкам – единство первоначального языка,

⁵¹ Ravennatis Anonymi Cosmographia et Guidonis Geographica / Ed. M.Pinder et G.Parthey. Berolini, 1860. P.116.17–117.3.

⁵² Eusebii Hieronymi Liber Hebraicarum Questionum in Genesis // PL. T.23. P., 1865. Col. 999–1005.

⁵³ Isidori Hispalensis Etymologiarum libri XX // PL. T.82. P., 1862. Col.73–728. Более позднее издание: Isidorus Hispalensis. Etymologiarum sive originum.../ Ed. W.M. Lindsay. Oxford, 1911. V.1. Lib.IX.II.3–135. Характерно, что в других произведениях Исидора экскурсы о разделении земли отсутствуют (даже там, где они уместны). См.: (Sancti) Isidori (Hispalensis episcopi) Chronicon // PL. T.83. P., 1862. (T.7). Col. 1018–1058. В “Хронике” Исидора нет разделения земли; Столпотворение и разделение языков лишь упомянуты без списков (col.1022–1023); но вся библейская генеалогия после Ноя сопровождается замечаниями по ходу о том, какой народ произошел от данного потомка; нет экскурса и в комментариях Исидора на книгу Бытия, где говорится о Потопе, Ковчеге, опьянении Ноя, Нимроде и Вавилонском столпотворении; см.: (Sancti) Isidori (Hispalensis episcopi) Mysteriorum expositiones sacramentorum: Questiones in Vetus Testamentum. In Genesis // PL. T.83. P., 1862. (T.5). Col.229–238; отсутствие экскурса у Исидора в таком контексте особенно показательно, поскольку один из непосредственных источников этого фрагмента в “Этимологиях” – повествование о разделении земли у Иеронима – происходит как раз из комментария Иеронима на книгу Бытия.

⁵⁴ Специально этому сюжету у Исидора посвящена работа: *Немировский А.И.* Каталог народов в “Этимологиях” Исидора Севильского (IX.1.1.–2.135) [VII в.] // ВДИ. 1994. № 4. С.158–167; правда, автор, по-видимому, склонен недооценивать роль предшественников Исидора – Иосифа Флавия, Иеронима и других авторов – в установлении соответствий между библейской и античной этнологическими традициями, целиком относя ряд отождествлений библейских и античных этнонимов к творчеству самого Исидора, что неверно. Кроме того, автор много внимания уделяет вопросу о соотношении представлений, отразившихся в “Этимологиях”, и современной научной картины этнологии Древнего мира.

три священных языка, пять диалектов греческого языка (Etim.IX.I.), во втором разделе он переходит к названиям народов и, пропуская даже обозначения общих границ наследственных частей, пересказывает своими словами только “генеалогии народов” – имена потомков сыновей Ноя с произошедшими от них народами (Etim.IX.II.).

Но та степень свободы, которую проявляют в обращении с данной проблематикой Иероним и Исидор, всё-таки не являлась в то время преобладающей. Их современники в подавляющем большинстве более бережно относились к букве своих источников. Тем не менее, устойчивость текста, как мы пытаемся показать, не мешала этому элементу повествования играть в разных произведениях разную роль. Ещё один наглядный тому пример – *Арнобий Младший* (сер.–втор.пол. V в., жил в Риме). Комментируя 104 Псалом (хвалу Богу за сотворение мира), он использовал восходящее к традиции Ипполита обозначение общих границ наследственных частей сыновей Ноя. В том, что территория земли была разделена именно на три наследственные части, он видит еще одно проявление троичности Божества⁵⁵, проецируя тем самым новозаветную проблематику на ветхозаветный материал.

Козьма Индикоплов (VI в.), также вкратце обозначивший границы владений Сима, Хама и Иафета (хотя и не без влияния традиции Ипполита, но всё же с известной долей оригинальности) увидел в трехчастном разделении земли сыновьями Ноя причину того, что античные географы делили мир на Азию, Ливию и Европу⁵⁶. Казалось бы, от “Христианской топографии” можно было бы ожидать большего внимания к этому “географическому” сюжету и, соответственно, большего его объёма. Но у Козьмы этот фрагмент предельно краток и сводится к общему обозначению границ.

Наибольший же объем этногеографического экскурса дают, как уже было видно из круга интересов самого Ипполита, произведения либо озабоченные христианской хронологией – вычислением дня Творения и правильным способом вычисления даты Пасхи (“Пасхальная хроника”), даты Рождества Христова (Георгий Синкелл), либо ересиологические, либо посвящённые толкованию Св.Писания. *Псевдо-Анастасий Синаит* помещает этногеографический экскурс в ответе на 28-ой вопрос: “Зачем повелел ему [Аврааму] обрезаться?”. Очевидно, для наилучшего объяснения причин богоизбранности еврейского народа в ветхозаветный период необходимо было обратиться к “генеалогиям народов” – перечням потомков сыновей Ноя с произошедшими от них народами. К сожалению, мы можем лишь осторожно предполагать, что именно эта деталь этногеографического экскурса (а не перечни стран и островов) доминировала в первоначальном варианте экскурса у Псевдо-Анастасия, поскольку чрезвычайно богатая рукописная традиция

⁵⁵ Arnobii Junioris Commentarii in Psalmos. (Psal. CIV) // PL. V.53. Col.481.

⁵⁶ The Christian Topography of Cosmas Indicopleustes / Ed. E.O.Winstedt. Cambridge, 1909.

“Вопросоответов” дает разные варианты в составе и объеме экскурсов о разделении земли. Частично наше предположение подтверждается тем, что и в экскурсии того варианта греческого текста Псевдо-Анастасия, который опубликован в греческой Патрологии (хотя эта публикация не отвечает, конечно же, требованиям, предъявляемым к современным научным изданиям источников и не отражает многообразия редакций)⁵⁷, и в славянском переводе “Вопросоответов” в составе Изборника Святослава 1073 года общие обозначения границ дополнены “генеалогиями народов” и перечнями народов, а перечни стран каждой наследственной части отсутствуют⁵⁸.

Различия текстов экскурсов о разделении земли у некоторых авторов, следующих традиции Ипполита, настолько незначительны, что Ю.Пиилонен счел возможным реконструировать нарушенный в силу превратностей рукописной традиции (когда копиист построчно считывает этнонимы, записанные в оригинале/протографе столбцами или наоборот) порядок перечисления семитов у Епифания Кипрского по “Вопросоответам” Псевдо-Анастасия Синаита⁵⁹ (рукописная традиция которого – более двухсот рукописей – выгодно отличается от единственной рукописи “Анкората” Епифания).

К заложенной Ипполитом традиции принадлежат экскурсии о разделении земли у большей части византийских хронистов: Иоанна Малалы (хотя он и ссылается в этом фрагменте на Евсевия), анонимного автора “Пасхальной хроники”, Георгия Синкелла, Георгия Амартола, Георгия Кедрина и др. Именно экскурсии о разделении земли в составе византийских монашеских хроник дают самый благодарный материал для сравнения с древнерусской традицией подобных преданий. Ведь несмотря на то, что древнерусские книжники через славянские переводы были знакомы и с версиями экскурсов, созданными Козьмой Индикопловом и Псевдо-Анастасием Синаитом, для собственных компиляций они использовали соответствующие фрагменты хроник. Этногеографическое введение ПВЛ является сложным переплетением мозаичной компиляции Малалы и Амартола⁶⁰ с оригинальными древнерусскими источниками. Самый объемный в древнерусской книжности и совершенно загадочный по своему происхождению экскурс содержится в Толковой Палее на иудея (далее – ТП) – составленном не позднее XIII в. по десяткам (если не сотням) источников древнерусском экзегезо-

⁵⁷ PG. V.89. Col.557 – 561.

⁵⁸ Изборник 1073. Лист 137 об., столб.2, строка 8 – лист 139 об., столб.1, строка 29.

⁵⁹ Piilonen J. Hippolytus Romanus, Epiphanius Cypriensis and Anastasius Sinaita (a study of the Διαμερισμός τῆς γῆς // *Annales Academiae scientiarum Fennicae*, ser.B, T.181. Helsinki, 1974. Pp.5–41.

⁶⁰ Соединение в тексте ПВЛ экскурсов Малалы и Амартола доказано А.А.Шахматовым. См.: Шахматов А.А. “Повесть временных лет” и её источники // ТОДРЛ. Т.IV. М.-Л., 1940. С.72–73.

полюемическом трактате⁶¹. Ближайшие параллели традиционным чтениям этногеографического предания ТП обнаруживаются в Пасхальной хронике и Хронике Георгия Синкелла, при этом первая вообще не известна в славянском переводе (да и греческая рукопись только одна), а т.н. славянский перевод хроники Георгия Синкелла (особенно в его начальной части) представляет совершенно иную, нежели греческий текст, редакцию, в которой экскурс о разделении земли отсутствует⁶². Казалось бы, включение на древнерусской почве пространного варианта экскурса в памятник экзегезо-полюемического жанра подтверждает наблюдения, сделанные нами на византийском материале, об общей проблематике памятников, проявляющих наибольший интерес к этому сюжету. Но необходимо отметить, что текст экскурса в составе ТП имеет весьма существенную особенность, по сравнению со своими предполагаемыми источниками: наряду с традиционной частью, он включает относящиеся к Руси оригинальные фрагменты, имеющие существенные параллели текста во вводной части ПВЛ. Трудно даже представить, чтобы посвященная определению дня Творения и обоснованию правильного способа вычисления Пасхи Пасхальная хроника или скрупулезно высчитывающая дату Рождества Христова Хроника Георгия Синкелла озаботились бы включением территории и населения Империи Ромеев в "Таблицу народов". Как нам представляется, и в Византии, и на Руси наиболее пространный вариант экскурса о разделении земли использовался при решении самых глобальных проблем, но проблемы эти были в разных традициях разными.

Сопоставление более компактных вариантов этногеографических экскурсов в составе ПВЛ и её византийских источников также позволяет говорить о различии авторских установок. "Хронография" Иоанна Малалы, очень популярная в Византии, сохранилась в единственной дефектной греческой Оксфордской рукописи XI в. без начала и конца, а также в нескольких фрагментах в других рукописях⁶³. Зато у неё велик уровень цитирования в византийских хронографических компиляциях. Исследователи справедливо отмечают, что "Хронография" Малалы

⁶¹ См.: Палея Толковая по списку, сделанному в Коломне в 1406 г. / Труд ученых Н.С.Тихонравова. М., 1892–1896. Вып. 1 / 2. Стб.230–243.

⁶² Историография изучения этого фрагмента ТП представлена в нашей работе: Борцова И.В. Легендарные экскурсии о разделении земли в древнерусской литературе // Древнейшие государства на территории СССР. 1987. М., 1989. С.178–185.

⁶³ В Оксфордской рукописи Малалы Первая книга его "Хронографии", содержащая интересующий нас сюжет, не сохранилась. Ее греческий текст был обнаружен в конце прошлого века в Парижской греческой рукописи № 82. Он был опубликован В.М.Истриным параллельно с фрагментами славянского перевода Малалы из древнерусских компилятивных хронографов: Истрин В.М. Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе // Репринтное издание материалов В.М.Истрина / Подготовка издания, вступительная статья и приложения М.И.Чернышевой. М., 1994. С.23 (11). Этногеографический экскурс Малалы в славянском переводе не сохранился (есть лишь сильно сокращенный пересказ Софийского хронографа, по которому трудно судить о греческом оригинале).

принадлежит к числу произведений, оказавших наибольшее влияние на историографию христианского Востока. Переведённая на славянский и грузинский языки, она широко использовалась в исторических компиляциях многих авторов⁶⁴. Её славянский перевод сохранился лишь в составе древнерусских компилятивных хронографов, ни одной полной рукописи нет. Очевидно, и в Византии, и на Руси Малала был более популярен среди "пишущих", чем среди "читающих" (при всей зыбкости такого разделения для средневековых книжников), поэтому его почти не переписывали целиком, а пользовались им как собранием забавных анекдотов и удобных описательных шаблонов и формул, легко вписывающихся в контекст любого произведения и украшающих его. Мы полагаем, что такое отношение последующих поколений книжников к труду Малалы было до некоторой степени обусловлено рядом композиционно-стилистических особенностей "Хронографии". В значительной своей части она построена как серия новелл, нанизанных на общую хронологическую канву без каких бы то ни было внутренних причинно-следственных взаимосвязей. Да и сами эти новеллы сплошь и рядом составлены из больших и малых "блоков", устойчивых клише, каждое из которых представляет собой "законченное структурное единство"⁶⁵. Не исключено, что многие пишущие пользовались Малалой опосредованно, через своих предшественников, и набор набор нужных фрагментов был достаточно ограничен.

Малала подошел к экскурсу творчески: он один из немногих византийских авторов, который при составлении excursus использовал не только книжную традицию, но и добавил в перечни ряд актуальных этнических и географических наименований, не встречающихся у других авторов. Например, родная для Малалы Сирия упомянута во владениях Сима на первом месте, сразу же после обозначения общих границ его наследственной части; в долю яфетитов включены Дунай, земли у Кавказской горы, Авазги. Спорность ряда источниковедческих вопросов, связанных именно с текстом первой книги Малалы, отсутствующей в Оксфордской рукописи, не позволяет нам сейчас делать предположения о возможных причинах такого, безусловно, неординарного явления, как включение византийским автором актуальной этно- и топонимики в традиционный элемент повествования. Отметим лишь, что это явление совершенно иного порядка, нежели введение актуальной терминологии в экскурс автором вводной части ПВЛ. Малала (или его источник?) добавляет в Иафетову часть названия, периферийные по отношению к основной территории Империи, в то время как ПВЛ озабочена включением Руси в систему известных с библейских времен государств и народов. Кроме того, попытка введения актуальной терминологии так и осталась в византийской традиции без продолжения, в то время как

⁶⁴ Любарский Я.Н. Герои "Хронографии" Иоанна Малалы // Кавказ и Византия. 1988. №6. С.110.

⁶⁵ Там же, с.113–114. См. также: Любарский Я.Н. Хронография Иоанна Малалы (проблемы композиции) // Festschrift für Fairy Lilienfeld. Erlangen, 1982. S.411 ff.

вводная часть ПВЛ "тиражировалась" в составе различных летописных сводов по крайней мере до XVI в. и оказала влияние на состав экскурсов в памятниках хронографического и экзегезо-полемического жанров.

Хорошим контрастом скудной рукописной традиции Хронографии Иоанна Малалы может служить необыкновенная популярность в Византии и странах "Византийского культурного круга" *Хроники Георгия Амартола*: самое большое число греческих рукописей из всех монашеских хроник⁶⁶, два независимых друг от друга славянских перевода⁶⁷, также с представительной рукописной традицией⁶⁸, древнегрузинский перевод; активное использование во всякого рода компиляциях. Георгий Монах писал свою всемирную хронику вскоре после окончательной победы иконопочитания, стремясь разобраться в причинах, предыстории иконоборческой ереси, подвести итоги борьбы с ней. Этим отчасти объясняется его повышенное (даже на фоне других монашеских хроник) внимание к церковно-исторической и богословской проблематике, интерес к зарождению верований, религий, ересей. В произведении Георгия как бы слились жанры всемирной хроники и церковной истории, при этом предмет последней оказался расширен до предела (характерный для ранневизантийской историографии жанр церковной истории постепенно отмирает, одновременно всемирные хроники накапливают церковно-исторический материал). Отсюда отмечаемая исследователями относительная бедность "Хроники" событиями, стремление позднейших редакторов дополнить событийную сторону и сократить богословскую.

⁶⁶ Уже Муральту было известно 27 рукописей: Хронограф Георгия Амартола. Греческий подлинник, подготовленный к изданию Э.Г. фон Муральтом. СПб., 1859. С. XVI – XXIX; К. Крумбахер отмечал, что Хроника Георгия Монаха дает самую богатую в византийской хронистике рукописную традицию, но при этом и наибольшее число разночтений, что затрудняет выделение редакций вообще и древнейшей редакции в частности: *Krumbacher K. Geschichte der byzantinischen Litteratur von Justinian bis zum Ende des oströmischen Reiches (527–1453)*. München, 1891. S.352–358. Древнейшая сохранившаяся рукопись Амартола относится к X в., по ней греческий текст был издан К. де Боором с разночтениями по 16 рукописям в 1904 г.; в 1978 г. П. Вирт повторил это издание, добавив разночтений ещё из ряда рукописей: *Georgii Monachi chronicon / Ed. C. de Boor, P. Wirth*. V.1–2. München, 1978; наиболее авторитетная библиографическая и справочная информация: *Hunger H. Die Hochsprachliche profane literatur der byzantiner*. München, 1978. Bd.1. S.347–351.

⁶⁷ Древнерусский перевод Хроники Амартола XI в. был издан и исследован В. М. Истриным: *Истрин В. М. Книги временьяныя и образныя Георгия Мниха*. Т. 1–3. Пг., 1920–1930. Древнеболгарский перевод XII в., сохранившийся в сербских рукописях XIV в. был издан Обществом любителей древней письменности: *Летовник съкращень от различных летописьць и поведателии избрань и съставлень от Георгия Грешнаа инока / Вып. 1–2*. М., 1878–1880 (ОЛДП №№ XXVI, LXVI).

⁶⁸ Об открытии новых рукописей древнерусского перевода Амартола, не учтенных изданием В. М. Истрина, см.: *Творогов О. В. Древнерусские хронографы*. М., 1975. С. 12–13; *Водолазкин Е. Г. Хроника Георгия Амартола в вновь найденных списках // ТОДРЛ*. Т. 45. СПб., 1992. С. 322–332.

Попытка разобраться в корнях иконоборческой ереси и роли императоров-иконоборцев в происходивших событиях привела к актуализации вопроса о взаимоотношениях церкви и государства вообще. Возможно, эти же причины заставили глубже задуматься о месте Империи Ромеев в мировой истории, среди всемирно-исторических монархий. Очевидно, что интерес Амартола к таким проблемам, как взаимоотношения государства и церкви, характер власти императора, значение державы Ромеев, оказался весьма актуален не только для второй половины IX в., но и для последующего периода византийской истории, что, возможно, и привело к созданию столь богатой рукописной традиции. Парадоксально, что такая популярность выпала на долю автора, который остался либо в полном неведении относительно фотианской "схизмы" 860 г. (при его-то интересе к богословским и церковно-историческим сюжетам на всем протяжении мировой истории!), либо не был с ней согласен, почему и сохранил более чем приязненное отношение к Римской кафедре⁶⁹. Так или иначе, но в период интенсивных споров с Римом между "схизмой" Фотия и Схизмой 1054 г. в Византии читали, продолжали и переписывали такого лояльного к Риму автора, как Георгий Амартол.

Этногеографический экскурс в составе хроники Георгия ничем примечательным не выделяется: Амартол (или его источник?) просто сократил большую часть "рубрик" традиции Ипполита, оставив только две: общее обозначение границ трех наследственных частей и перечни земель и островов. Несмотря на то, что экскурс в составе вводной части ПВЛ более чем на две трети составлен по материалам славянских переводов Малалы и Амартола (из 140 упомянутых в нем географических и этнических наименований не менее 100 восходят к Малале и Амартолу), первое, что бросается в глаза при сопоставлении экскурса ПВЛ и ее византийских источников – различное место этого элемента повествования в композиции произведения. У Малалы и Амартола экскурсии находятся на положенном им по библейской хронологии месте, композиционно почти не выделены, имеют небольшой, сравнительно с этими же частями других хроник, объем, и не играют той роли, которая отведена этой легенде в ПВЛ. Это тем более заметно, поскольку вообще прием композиционного выделения тематически важных фрагментов путем вынесения их в начальную часть произведения (даже и в ущерб исторической хронологии) был, по крайней мере, Георгию Монаху хорошо знаком и резко выделяет его среди авторов других византийских монашеских хроник. Его труд начинается от Адама дважды, и это не небрежность компилятора, а сознательный авторский прием, специально оговоренный во введении. Описывая в прооимии общую схему

⁶⁹ См. об этом подробнее: *Афиногенов Д.Е.* Об идейно-политической ориентации Хроники Георгия Амартола // *Византийские очерки.* М., 1996. С.88–96.

своей "Хроники", он говорит: "...Ибо, начав от Адама и сжато изложив до смерти Александра, после этого сызнова от Адама..."⁷⁰

И действительно, начав в 1-ой книге от Адама и закончив разделом державы Александра Македонского, Георгий наполняет ее историческими курьезами, на первый взгляд, мало связанными между собой. Здесь есть сведения о легендарных основателях Ассиро-Вавилонской монархии, изобретении псовой охоты, магии, астрономии, происхождении зороастризма и культа Ваала, роли придворных льстецов в Ассирии при Сарданапале; без видимых причин вдруг декларируется тождество Вавилонской, Ассирийской и Персидской монархий, которые, по мнению Георгия, вместе составляли одну первую всемирно-историческую монархию. Далее описано основание державы египтян и происхождение титула ее правителей. Легендарные этимологии названий Египта, Европы и др. дают повод перейти к легенде об изобретении и применении царственного пурпура. Повествование о Ромуле и Реме содержит несколько легенд о происхождении традиций и институтов, связанных с жизнью царя и столицы: основание Рима, происхождение названия месяца март, постройка ипподрома, образование и символика партий цирка, происхождение "тронного Мы" и традиции Брумалий, причины краткости февраля и происхождение его названия. После этого доказывается магическое и к тому же египетское (связь с Египетской державой) происхождение Александра Македонского, и уже ничто не мешает перейти к пространному рассказу о нем. С Александром связывается легендарная топография Константинополя и окрестностей (связь Македонской державы с будущей державой Ромеев через "иконографию столицы"). Особое внимание уделяется встрече Александра с иудейским первосвященником и эсхатологическому сравнению его с крылатым барсом. От доблестей Александра "плавный" переход к добродетелям Брахманов (призванный доказать интуитивное стремление некоторых народов к идеалу монашеской аскезы еще в дохристианское время) и нравам других экзотических народов. Завершив 1-ую книгу описанием многовластия после смерти Александра, хронист напоминает о своем намерении начать 2-ую книгу вновь "от Адама". Вторая книга начинается от Адама, в последовательности изложения не дает бросающихся в глаза отступлений от библейской хронологии и содержит этногеографический экскурс о разделении земли сыновьями Ноя на положенном ему месте.

Очевидная неординарность такого композиционного решения пока не была по достоинству оценена в современной историографии, несмотря на наличие специального исследования, посвященного этой теме. Д.Е.Афиногенов видит смысл такого двойного начала лишь в противопоставлении языческой (1-ая книга) и священной (2-ая книга) истории, причем "хаотичность" изложения 1-ой книги, по его мнению, свидетельствует о ее меньшей важности для хрониста. Афиногеновым вели-

⁷⁰ Georgii Monachi Chronikon, p.4.3-5.

колепно показано полное отсутствие в 1-ой книге всех приемов, лежащих в основе композиционной структуры остальных частей⁷¹. Но в таком случае возникает закономерный вопрос: зачем тогда вообще хронисту 1-ая книга? Для отображения сюжетов, которые его настолько не интересуют, что он даже не попытался придать им сколько-нибудь упорядоченный вид? И все это в самом начале произведения?! А ведь такую структуру он оговаривает в Прооймионе, напоминает о ней в конце 1-ой книги, ссылаяется на “уже речённое” вновь, дойдя до Александра. На наш взгляд, 1-ая книга – не хаотичная “языческая история”, а способ композиционного выделения внешне разрозненных сюжетов, внутренне связанных с происхождением держав, престолов, династий, столиц, их названий, обычаев по оформлению и организации царской власти, верований, отношений “царства” и “священства”, зарождением идеалов монашества в дохристианское время, – с темами, которые важны и для других частей хроники. Мифы, легенды и предания, изложенные в 1-ой книге, не являются “просвещающим туром светской истории”, а вскрывают глубинные взаимосвязи между Ассиро-Вавилоно-Персидской, Египетской, Македонской и Ромейской всемирно-историческими монархиями.

Скромный объем этногеографического экскурса в составе Хроники Георгия Монаха, отсутствие каких-либо нововведений в традиционный текст, который только сокращается, ничем не выдающееся место в композиции (по сравнению с сюжетами, вынесенными в первую книгу, это особенно бросается в глаза) – все это свидетельствует, на наш взгляд, о том, что для Амартола этот сюжет не имел того значения, которое он приобрел в использовавшей его в качестве источника ПВЛ⁷². Не только Хроника Амартола, но и ни одно другое известное нам произведение византийского историографического жанра *не начинается* с традиционного этногеографического экскурса о разделении земли сыновьями Ноя⁷³, хотя почти все они этот сюжет содержат. И тем более нет среди реальных и предполагаемых византийских источников древнерусской книжности таких, которые бы воспользовались именно этим элементом повествования для включения своего народа и государства в систему других народов и государств, как это сделал автор вводной части ПВЛ в начале XII в. Компильативность текста и в данном случае не является проявлением несамостоятельности и идейной зависимости.

⁷¹ Афиногенов Д.Е. Композиция хроники Георгия Амартола // ВВ. 1991. Т.52, С.102–112. Примерно так же – как “просвещающий тур светской истории” – оценивает 1-ую книгу и С.Франклин: *Franklin S. Byz. Hist.*, p. 151.

⁷² В этом отношении мы частично пересмотрели наши прежние предположения. Ср.: Борцова И.В. Легендарная традиция ... С.59–60.

⁷³ Вопреки приводившемуся высказыванию А.Шлёцера: см. прим.3.

О.М.Козик

Понятие “богатства” в контексте истории: учение св. Кирилла Туровского

Святой Кирилл Туровский (1130–ок.1182) сейчас и известен, и мало известен. Его знают как одного из “святителей” Земли Древнерусской. Практически во всех изданиях, посвященных литературе Древней Руси, упоминаются его творения, и с точки зрения литературного мастерства оцениваются очень высоко. Но читают ли сейчас его “Слова” так, как читают, например, “Слово о полку Игореве”? В различного рода специальных изданиях упоминания о св.Кирилле порой оставляют ощущение поверхностности, односторонности, недосказанности. Иногда – осторожной отстраненности. Может быть, причины тому – необычный характер его произведений, особенности времени, когда он жил и творил. Иные люди и обстоятельства, иные задачи и проблемы. И тем не менее времена иной раз сходятся.

О жизни Кирилла Туровского известно не так уж много. В литературе обычно пишется, что он вырос в городе Турове, происходил из “богатой семьи”, но “отринул, однако же, богатство”, и ушел в монастырь. В монастыре Кирилл избирает для себя подвиг столпничества. Со временем появляются “слова” Кирилла Туровского, списки которых пользуются большой популярностью в Новгороде, Владимире и Киеве. По желанию именитых горожан и князя, и по освящению киевского митрополита, Кирилл становится епископом Туровским и пребывает им 30 лет. Кирилл был духовным наставником князя Андрея Боголюбского, писал наставнические письма игумену Киево-Печерского монастыря (Лавры). В конце жизни Кирилл удалился в уединение.¹

Что касается стиля творчества Кирилла Туровского, то пишут о великолепии его языка, о том, что его творения наследуют византийскому литературному красноречию (что соответствует действительности: влияние византийской религиозной литературы на творчество Кирилла весьма велико). У автора этой статьи свое видение стиля Кирилла: его стиль на первый взгляд кажется простым и безыскусным, но это лишь кажущаяся простота, близкая манере народного сказания. Строки творений Кирилла богаты образными сравнениями, сложными аллегориче-

---

¹ Евгений, епископ Астраханский и Енотаевский. Предисловие к изданию творений св.Кирилла Туровского // Творения святого отца нашего Кирилла епископа Туровского. Киев: тип. Киево-Печерской Лавры, 1880. С.1-LXXVII; Святый Кирилл, епископ Туровский (“Издание редакции журнала “Русский паломник”). СПб.: Тип. В.И.Штейна, 1893.

скими смыслами. А сила образно-эмоционального воздействия строк этого "русского златоуста" порой достигает невероятного уровня.

То, что Кирилл называют одним из "святителей" земли Древнерусской, в немалой степени объясняется его просветительской христианской деятельностью, его борьбой с еще мощными в народном сознании элементами языческого мировоззрения. Борьбе Кирилла Туровского с языческим мировоззрением, главным образом, и посвящена эта статья.

Но сначала – несколько слов о язычестве, как о типе религиозности, типе мировоззрения. На мой взгляд, лучшее определение отличия язычества от христианства дал в свое время Д.С.Мережковский. Христианин устремлен к миру будущему, язычник – к миру этому. Христианин (конечно, истинный) глубоко милосерден. Язычник тоже может проявить милосердие, однако для него не существует понятия милосердия абстрактного и обязательного всегда. Для язычника милосердие, забота обязательны тогда, когда речь идет о членах его семьи, рода, клана, но милосердие и забота в отношении чужаков – это уже "лишнее". К чужакам язычник чаще именно что жесток.

Разработанная мной теория "витальности" и "витального богатства"² дает возможность углубить определение Д.С.Мережковского.

"Витальность", "витальное богатство"

В научной литературе давно утвердилась концепция "дарственно-престижных" отношений (развитие и интерпретации теории "престижной экономики" К. Дюбуа) и связанный с этими отношениями важный аспект понятия "богатства", позволяющий объяснить ряд явлений культурной и социальной жизни различных народов в разные исторические эпохи. В упомянутой статье "Понятие богатства в контексте истории: витальный аспект богатства" представлен сравнимый по потенциальному значению аспект "богатства" и показано, как на основе анализа языковых единиц ретроспективы развития индоевропейских языков мной было выделено некое понятийное поле, в котором понятие "благо" в индоевропейских языках оказывается синонимичным понятию "богатство"; в частности, по следующим параметрам: 1)то, что дает человеку пропитание (включая собственно пищу); 2)то, что относится к области здоровья; 3)то, что относится к соотношению жизни и смерти; 4)то, что относится к силе и слабости, потенции распространения и развития, потенции деятельности; 5)то, что относится к области счастья/несчастья, го-

---

² Козик О.М. Понятие "богатства" в контексте истории. "Витальный" аспект "богатства" // Стратум: структуры и катастрофы. СПб.: Нестор, 1997. С.200-210. Обнародованные в научном мире в 1993 г., но еще не опубликованные мной в печати материалы по различным вопросам теории "витальности" были использованы авторами книги "Астрология и мифология" (С. и В.Вэташ, СПб.: Атон, 1998 (1-е изд. 1994), которым удалось без ведома и разрешения автора получить доступ к упомянутым материалам и использовать их для создания астролого-мистического коммерческого проекта. Теория "витальности" предстала в этой книге в чудовищно искаженном виде. При этом никаких упоминаний автора самой теории, на которой построена вся книга, в ней не оказалось.

ря; б)то, что относится к области удовольствия (включая удовольствие эстетическое). Это понятийное поле я условно назвал "витальным" (от лат. *"vitalis"* – относящийся к жизни).

В статье были определены следующие характеристики понятийного поля "витальности". Одно из проявлений "витальности" – желание, выражение потребности. На одном из полюсов "витальности" – смерть (ее, "витальности", абсолютно отрицательное отображение). Смерти противостоит жизнь, атрибут которой – действие. Действие выступает и в паре с понятием желания (выражения потребности): первое определяется (чаще всего) вторым (лицо желающего здесь не принимается во внимание). Положительный атрибут "витальности" – сила, отрицательный – слабость (слабая потенция деятельности и достижения того, что соответствует потребности). Потребность порождает желание. Желание порождает действие, направленное на достижение желанного. Действие, порожденное потребностью, направлено на достижение комфортного состояния: состояния удовлетворенности в обладании соответствующей потребностью; с этим же связаны удовольствие, радость и счастье. Неудовлетворенность порождает страдание. "Благополучие" есть выражение некоего условно приемлемого уровня общей витальной удовлетворенности; "бедствие" выражает крайнюю степень витальной неудовлетворенности: общей, либо связанной с каким-либо частным аспектом крайней неудовлетворенности.

В упомянутой статье были определены следующие элементы понятийного поля "витальности": 1)жизненные потребности: от базовых (инстинкты) – до достаточно сложных; 2)то, что соответствует удовлетворению этих потребностей; 3)качественные характеристики удовлетворения жизненных потребностей (качественные характеристики "предметов" и "средств" удовлетворения потребностей, характеристики положительные и отрицательные). Я высказал мнение, что понятийное поле "витальности" в языковом сознании формируется действием того, что в теории Гюстава Гийома определено как "самовоспроизводящееся механизмы языкового сознания". Считаю, что понятийное поле "витальности" соответствует важному механизму языкового сознания, благодаря действию которого (на уровне фона, но в довольно существенном для отражения мировых явлений масштабе) явления оцениваются языковым сознанием в соответствии с тем, каковы они для человека с точки зрения различных сторон жизненной самореализации. "Витальный" механизм языкового сознания работает в совокупности с другими его механизмами, а воплощения понятийного поля "витальности" в языковых, культурных, мировоззренческих реалиях варьируют в зависимости от времени, культуры, конкретных условий и обстоятельств жизни носителей языка. Понятие "витального" богатства вторично по отношению к понятийному полю "витальности", и является одним из его важнейших обобщающих отражений.

“Витальность” как стержневая основа язычества

Если задаться вопросом, в чем глубинная суть язычества как типа религиозности (или предрелигиозности), то следует признать, что это – не понятие бога или богов. Как известно, в системе язычества понятие богов не занимает ключевого места. Это – и не понятие Природы, при всем значении ее для язычества. И, конечно, не понятие единой жизни, понимать ее мистически или нет. В сущности, именно понятийное поле “витальности”, “витальная” ориентированность мировоззрения (на аспекты личной жизненной самореализации, плюс, возможно, жизненной самореализации рода, племени) и составляет основу язычества.

Суть язычества составляет религиозное (или предрелигиозное) выражение желания “витальных” благ и положительных “витальных” характеристик: благополучия, силы, здоровья, удачи в обретении насущных жизненных благ, крепости, силы – и самой жизни. Иными словами, те или иные аспекты жизненной самореализации, в их положительных воплощениях, составляют фундамент языческого мировоззрения. В основе его лежит “витальное” “я хочу”, или “мне нужно” (что может быть трансформировано в “моему роду нужно”). Сама религиозность или предрелигиозность здесь вторична: она отражает поиск тех или иных магических и т.п. средств достижения “витально” желанного. Язычество не обязательно исключает идею послесмертной жизни или жизни в иных мирах, однако в целом все же именно тяготеет к тому, чтобы быть ориентированным на “витальность” этой жизни, “этого мира”.

Объект поклонения в язычестве наделяет насущными “витальными” земными благами или помогает их обрести. Эти же сущности (насущные “витальные” блага) стремятся получить, участвуя в разного рода обрядах помощи вселенским природным процессам, обеспечивающим плодородие.³ И эти же сущности стоят за различного рода заклинаниями, вызываниями или изгнаниями дождя. Природа здесь играет важную роль постольку, поскольку жизнь общества периода язычества раскрывается в неизбежной (по уровню развития производительных сил) крайней близости к Природе и ее плодам.

Природа для этого времени – четко осознаваемая среда “витальной” самореализации. Ориентация на “витальную” самореализацию в Природе определяет как осознание своей включенности во взаимосвязанные процессы некоей единой жизни, так и исходный “витально” потребительский критерий в оценке всех природных реалий и явлений (свет – тьма, жизнь – хаос). В “витальном” понятийном поле – корень языческих понятий Красна Солнышка, Бела Света, Земли Матери – и сил тьмы. Культ предков – одно из проявлений “витальной” ориентированности предрелигиозности: род подобен растущему дереву, он живет в сочетании его прошлого, настоящего и будущего, предки помогают живущим сейчас в их “витальной” самореализации.

³ Кейпер Ф.Б.Я. Древний арийский словесный поединок // Кейпер Ф.Б.Я. Труды по ведийской мифологии. М.: Наука, 1986. С.47-101.

Одно из главных понятий язычества – сила, как характеристика “витальных” потенциалов, и средство самореализации в жизненно важных вопросах. Сила в язычестве, казалось бы, неморальна. Однако сила здесь все же соответствует особой морали, где морально то, что дает жизненно важное. Само понятие добра здесь сливается с достижением жизненно важного (для себя, для своего рода). И если для достижения жизненно важного необходима жестокость – жестокость моральна.

Проявления положительных характеристик “витальности” в язычестве – понятия крепости, прямостояния, стояния, высоты.⁴ Эти понятия отражают жизнестойкость, силу в противовес бессилию, слабости, вялости. Понятия силы и крепости связаны в языческом мировоззрении с понятием молодости (в противовес старости, вялости, увяданию). Важное в системе языческого мировоззрения понятие Весны сочетает в себе целый сгусток “витального” смысла: молодость, растущая крепость, расцвет сил, расцвет “жизненного пространства”, отступление угрозы смерти и расцвет самой жизни. Оживляющая вода, молодильные яблоки – все это сказочное отражение мечты языческого воображения, пришедшей из глубины веков. Это перечисление можно продолжать и продолжать...

Понятийное поле “витальности”, ориентированное преимущественно на эту жизнь, и составляет тот фундамент, на котором зиждятся различные формы предрелигиозности и религиозности язычества.

Борьба христианства с язычеством и ее методика

При Владимире Русь была крещена, при Ярославе – фундаментально укреплено положение православной церкви на Руси. Но это не означает, что в XI-XII вв. язычество на Руси было окончательно побеждено. А.Сахаров писал о русской православной церкви в XI-XV вв.: “Еще в самом конце XI века... было отмечено появление волхва в Ростове, там же упорно сохранялось почитание языческого бога Велеса; языческие верования долго держались в Муроме. Проповедники волхвы появлялись в конце XI века и в Киеве, угрожая страшными пророчествами. В массе людей, формально крещенных, продолжали бытовать старые обычаи и верования. Во многих случаях люди уклонялись от церковного брака, считая его обязательным для князей и бояр. Больных детей по-старому носили к волхвам. Киевский летописец сетовал на то, что во время богослужения церкви оставались пустыми, тогда как на народные “игрища” со скоморохами, гуслиями, трубами, плясками собирались толпы. Традиционный кулачный бой тоже привлекал куда больше, чем церковь...”⁵ Только в XII в. христианство распространяется в районы Вологды, Северной Двины, Камы.⁶ “Судя по одной ру-

⁴ Козик О.М. Понятие “богатства” в контексте истории..., с.207.

⁵ Сахаров А. Церковь в период феодальной раздробленности // Христианство в Русь. Москва: Наука, 1988. С.47-67.

⁶ Сахаров А. Указ. соч., с.52.

кописи XII-XIII веков”, — писал С. Бахрушин, — “[в этот период на Руси] у многих “был спрятан идол, выдолбленный и нарисованный”⁷.

О том, насколько язычество на Руси во времена Кирилла Туровского сохраняло свой опасный для христианства потенциал, свидетельствуют слова самого св. Кирилла — в его похвале Иосифу, богатому человеку из Аримафеи. [(Марк 15;43-46): Иосиф Аримафейский попросил после казни Христа тело Его у Пилата для погребения, купил плащаницу, и сняв Его, обвинил плащаницею и положил его во гробе, который был высечен в стене”]. Кирилл Туровский славит именно *подвиг* Иосифа Аримафейского, славит его за верность вере и бесстрашие в ней.

“Слово о мироносицах”⁸: “[Иосиф, услышав просьбу пойти к Пилату.] не рече: Жърци на мя въстануть и озлоблять, иудеи въскрамолять и побиють мя, фарисеи разграбять мое богатство, буду же и сборища отлучен”... “...Похвалим ныня Иосифа приснопамятнаго, благообразнаго же и досто-чуднаго... толика блага и велика богатства на земли и на небеси сподобился)... Блажен еси паче [пуще] Давыда цесаря, великий Иосифе! Давыд бо ... кивот [ковчег] с божием словом принесе, н[о] въ своемъ убоя[л]ся поставити его до[ме]...”: “...Кую [какую] похвалу створим достойну твоего блаженства, ли кому уподоблю сего праведника?... Небом ли ты прозову? Н[о] того свѣтълей бысть богочестьемъ [верностью, служением Богу]... Землю ли ты благоцветущу нареку? Н[о] то[й] чстынѣй [верней в служении] с[ебя] показ[л]... Апостол[ом] ты именую? Н[о] и тѣх вѣрнѣе и крѣпчею обрѣтлся: они страха ради разбегаются, т[о]гда ты без боязни [и сомнения] послужил еси Христови... не убоявьяся гнѣва [людей], ни прещения [угроз] жречьска...”

Возможны два варианта “войны” с язычеством: метод репрессий и запретов (“силовой” вариант) и метод “мирной войны”: убеждение. Что касается убеждения: поскольку именно понятия земного “витального” благополучия, земных насущных обретений, земного здоровья, силы составляют святая святых язычества, как типа мировоззрения, то в борьбе с язычеством именно по этой языческой святая святых христианству и следовало наносить наиболее эффективные удары. Здесь опять же возможны два метода действий — показывать ничтожность, тщету земного благополучия, земных благ, или поступить иначе: захватить эту святая святых, сделать ее христианским достоянием, показать, что не у волхвов, и не у языческих божков, и не у рек надо просить земного “витально” важного, а у Бога, что только от Бога зависит земное “витально” важное, и что только Бог его дает.

Князь Ярослав демонстрирует сочетание упомянутых методов борьбы с язычеством, когда, прибыв в волнующуюся Суздаль в 1024 г., велит схватить волхвов, указывавших на виновность в неурожае неких “старых людей”, кознями своими “державших” гобино” (крадущих, отнимающих изобилие, урожай, благополучие, способствующих неурожаю, различного рода бедствиям, включая болезни). При этом Ярослав не только применяет репрессии к волхвам, но и убеждает горожан, что *никто кроме Бога* не в силах наказать неурожаем или болезнью; неуро-

⁷ Бахрушин С. К вопросу о крещении Киевской Руси // Христианство..., с.31.

⁸ Список цитируемых творений св. Кирилла Туровского см. в конце статьи.

жаем же и болезнью Бог наказывает людей за их грехи.⁹ Второй из примененных Ярославом в Суздали методов (убеждение в том, что от Бога зависит земное “витально”-важное) можно обнаружить в “Сказании о чудесах Владимирской иконы Богородицы” (XII в.)¹⁰, где описываются многочисленные чудеса от Владимирской иконы Богородицы в *этой жизни* людей: охранение от бедствия, спасение от неминуемой гибели, исцеление больных, слепой, умирающей, благополучное завершение тяжелейших родов. Этот же метод борьбы с язычеством ярко отражен в учении Кирилла Туровского о богатстве и бедности.

"Мертв есть в живых и жив есть в мертвых"

"Дерзновение имѣя ко всемогущему и богатых богатѣшему на высокихъ сѣдящему Богу помилуовати братью свою, подати им побѣду на противныѣ и мирную державу и царство честно и многолѣтно во вся вѣки вѣкомъ".
 ("Повесть об убиении Андрея Боголюбского", XII в.)¹¹

"...послушанье, покорение, нищелюбие; мнози бо суть путье Спасения."
 (Кирилл Туровский. "Притча о душе и теле")¹²

Кирилл Туровский, из "Слова на святую пасху": "...мы же вѣрою божествен[ой] пасхи причастимся, помажем уста божиею кровью... Тѣло Христово прием[и]те, [от] чистаго источника бессмертнаго вкусите. Сим бо тѣлом глава адова с[о]крушена бысть, и жало ее притуплено; сим тѣлом держава его и власть погублен[ы] бысть; сим чрево его просажено [прорвано] бысть; [ибо не через уста его вышел] Христос, но, само чрево раздрав адово, [вывел] души чл[о]вѣч[е]ски..."¹³

Этот фрагмент не содержит в себе абсолютно ничего нехристианского по духу. Он просто несколько необычен для христианского, православного текста. Есть легкий элемент обращений к языческим мотивам. В языческой культуре различных народов средоточие жизненной силы человека относилось к области пояса, живота, солнечного сплетения. Таким образом, в соотношении с языческой традицией, "раздраение" именно чрева адова телом Христовым подчеркивает масштабность победы Христа над силами ада. В таинстве Пресуществления вино превращается в кровь Христову, но данный контекст уж очень соотносится с языческой традицией мазать уста истуканов жертвенной кровью. Что это? Стремление автора выразить мысль образом, привычным для жителей Древней Руси XII в. (культура которых сохраняла еще многое от языческой традиции)? Усилить образное воздействие слов обращением к привычным и значимым для общества понятиям, чтобы подчеркнуть

⁹ Грушевский М. История Украины-Руси. Львов: Н.Т. им.Т.Шевченко, 1905. Т.2. С.41.

¹⁰ Сказание о чудесах Владимирской иконы Богородицы // Библиотека Древнерусской литературы. СПб.: Наука, 1997. Т.4. С.218-224 (четн.).

¹¹ Повесть о убиении Андрея Боголюбского // Библиотека..., т.4, с.216.

¹² Кирилл Туровский. Притча о душе и теле // ТОДЛ. 1956. Т.ХII. С.344.

¹³ Кирилл Туровский. Слово на святую пасху // ТОДЛ. 1957. Т.ХIII. С.412.

значение Подвига Христова? Или здесь сказывается то, с чем вырос сам Кирилл: влияние культурной традиции, “впитавшейся” с детства?

Кирилл, христианин, облакает свои мысли в привычные для общества категории и образы, языческие по происхождению. При этом сама его *мысль* соответствует христианскому учению, правильно понятому *сердцем*. Каков бы из ответов на эти вопросы ни соответствовал действительности, истинно то, что речь идет о *молодой* христианской стране, и о *молодой* христианской литературе. Смелое и частое обращение к языческим мотивам, по сути, составляет важную часть почвы для борьбы Кирилла с язычеством. Он не просто отвергает языческую традицию, а интерпретирует языческие мотивы в христианском духе, и тем самым лишает их языческого наполнения. Или использует важные понятия языческого происхождения для того, чтобы через эти понятия вывести полуязычника на путь истинно христианский.

***

Не счесть, сколько раз на страницах творений Кирилла повторяются важные для язычника понятия “силы”, “крепости” (в противовес “слабости”), и связанные с ними понятия “твердости”, “высоты”, “взъстания” (в противовес “падению”). Это один из понятийных комплексов, которые служат Кириллу Туровскому в его борьбе с язычеством: истинная сила, истинная крепость, истинная высота – с Богом, говорят его “Слова” и “Молитвы”. Например:

[5]¹⁴: С.423: “Солнце незаходячий, Христе... Како пречистѣм прикоснуса тѣлѣ твоём, неприкосновѣнну ти сущу небесным *силам*, служащим ти [тебе] страшно!”; [5]: С.423: “...в[о]скрѣсиши мѣртвѣца, своего божества *силою*...”; [5]: С.423: “...сега ради хочеть бог от[ъ]яти болѣзни от душ[и] его и дати ему *крепких* корысть...”; [2]: С.351: “...Зело же *высок* есть – понеже сын с[ей] божий... стоит же на *тверд[о]м* наша вѣры камени”; [2]: С.352: “...и не спасеть бо с[ебя], рече, царь *многую силою*...”; [2]: С.348: “...предстояешь же ему нѣкто красен и *высок*, на *твердом* камени, питая и вино черпая...”; [8]: С.412: “...изыде днесь в *силѣ* божи”; [11]: С.344: “...и възвеличать мужествовавшая *крѣпко*...”; [11]: С.344: “храбром и великим воеводам божиям, *крѣпко* подвизавъшимся по сынѣ божи...”; [11]: С.344: “...Авраам пять царев с *силами* их погуби...”; [11]: С.345: “...ни пакы же врѣменьныя чести *ослабѣше*...”; [10]: С.340: “...Сам бо господь наш Исус Христос един възплчися на вся бѣсовская *силы*...”; [10]: С.340 “...*крѣпостию* мышцы моя...”; [10]: С.341: “...тамо бо ангелския *силы*...”; [10]: С.342: “*възнесися силою* твоею, Боже! Поем и възпоем *силы* твоя!”; [10]: С.342: “[Христос] рек: “*въстан[ь]*те, възидем в вышний Сион, се же есть небесный Ерусалим...”; [10]: С.342: “...ангелы же повѣдаду сына божия *силу*...”; [10]: С.342: “...познавъше глас господень вся СИЛЫ небесныя... поклонишася...”; [7]: С.336: “...*расслаблена востави*...”; [7]: С.338: “...Моиси, глаголя: “Пророка вам *въставитъ* Бог...”, “[О Христе]: Тобѣ бо дасться... *всяка сила* на небеси и на земли...”; [7]: С.340: “...но не познаша завистию *божия силы* в тобѣ

¹⁴ Цифры в квадратных скобках соответствуют номерам творений Кирилла Туровского из списка в конце данной статьи.

являемая..."; [7]: С.340: "...о *крепкии* христов воине...!"; [6]: С.332: "...и *силою мощн...*"; [6]: С.334: "...како ти ся брате, жылы *укрѣпиша* и телесные уди [члены] *утвѣрдиша?*"; [6]: С.334: "...зло не есть – *моє въстание...*"; [6]: С.335: "Разумейте же вси слова *силу...*"; [4]: С.411: "...бѣсовския *силы* ужа-сошася..."; [3]: С.357: "...ни чюдеса бо *слабых* от погибели изыша..."; [3]: С.358: "...аще и обѣщанаго нам царствия небеснаго *слабостью* не наследуем..."

***

Теперь от понятий силы, крепости, твердости, высоты, "встания" – перейдем к понятию "богатства", очень важному для языческого мировоззрения. Это – одно из отражений собственно понятийного поля "витальности" как фундаментальной основы языческого мировоззрения. Мощную атаку на язычество на почве этого понятия Кирилл предпринимает в "Слове о расслабленном" ¹⁵, которое строится на евангельском упоминании о чуде исцеления, сотворенном Иисусом Христом в Иерусалиме на праздник Иудейский, в субботу (Иоанн. 5).

"Слово о расслабленном". У "Соломони вододержи" [Соломонова водоема] ("иже называется Вифезда, сирѣчь Овьяча [Овечья] купель"), лежало множество "болящих: хромых же и слепых, и ин[ы]ми недуг[ами] болящи". Они ждали "движения вод[ы]": приходил ангел господен и "возмущал" ("вмущаше") воду, и первый после того в воду вошедший исцелялся. Но – только один, и происходило это редко.

Придя к Овечьей купели, Христос увидел там "человѣка расслаблена, долго врѣмя на одре в недуг[е] лежаща".

Хочешь ли исцелиться? – спросил его Христос.

Хотел бы, но "не имѣю человѣка", кто бы помог мне по возмущении воды погрузиться в купель.

Расслабленъ рассказывает Христу, что он лежит на сем одре у купели уже тридцать и восемь лет. Грехи его все члены его тела "расслаб[или]", а душа его еще прежде была "страсти поношении бодома" ["уязвлена позорными страстями" ¹⁶]. Все "имѣние" свое он отдал врачам, но выздоровления не нашел ("нести бо земля могуща божию казнь прѣменити" [лит. перевод – "...от Божьей кары избавить"]). Знакомые гнушаются его, смрад от него лишил его утешений, ближние стыдятся его.

"Мертва ли себя нареку?" [назову ли себя мертвым], – жалуется Расслабленъ, – но чрево мое пищи жelaет, а язык сохнет от жажды. Жива [живым] ли себя помыслию? Но не только встать с одра, двинуться не могу: "[ноги] имѣю непоступн[ы]!", руки не только не помогают мне, но даже себя ими не осязаю. "Непогребень" я мертвец, "и одр с[ей] – гроб м[н]е есть". "М[е]ртв есмь в живых и жив есмь в мертвых". Изнутри "болѣзнь клѣщит" меня, снаружи терплю досады, укоризны, глумления. А коли достанется мне что от остатков трапезы людей в милостыню, тотчас "притекуть приставни[ки]" Овчей купели и милостынное мое "пожирають". Нет у меня имения, – говорит Расслабленъ, – чтобы вознаградить человека за попечение обо мне, ибо "зле

¹⁵ "Человек расслабленъ" на современный русский язык можно перевести как "человек больной, немощный", но при этом перевод что-то потеряет. Это "что-то" заключается в том значении, которое для жителя Древней Руси XII в. имело двойное понятие "сила/слабость".

¹⁶ Перевод фразы – митрополита Евгения // Творения святого отца нашего Кирилла епископа Туровского...

расточи[л] да[н]ное м[не] в ра[ю] богатство, и зм[еем] в [э]дем[е] украдена у меня] бысть чистоты одежда, и [здесь] лежо [лежу] наг [без] божия покрова".

"И си вся от уст расслабленного слышав, благий наш врач господь Иисус Христос отвѣщав к расслабленому": Что говоришь человека не имею? "Аз тебе ради человек бых", щедр и милостив, не нарушив обета Моего вочеловеченья. Слышал же пророка: как отрок родится, сын вышнего, "и дан бысть нам, и те недуги наш[и] понесет". Тябя ради, горнего царства "скипетры" оставив, "нижним служа обихожю"... Тебя ради, Бесплотный, воплотился, чтобы все душевные и телесные недуги исцелить. Тебя ради... всем человеком явился: не хочу ибо образа Моего в тлени презреть лежащего, но хочу спасти и в разум истинный привести. Ты же говоришь – человека не имею!

Кто вернее меня служит тебе? Тебе "всю тварь [сотворенное] на работу створи[л]", небо и земля тебе служат: "[небо] влагою, а [земля] плодомъ". Тебя ради солнце светом и теплою служит, и "луна с[о] звездами ночь облѣяет". Для тебя "облаци д[о]жд[е]м землю напаяют, и земля всяку траву с[р]менити и д[р]ва плодovitа на твою службу в[э]ращает. Тебе ради р[ы]б[и] рыбы носят, и пустыни зв[ѣ]р[ей] питают". Ты же говоришь – человека не имею!

[Я] клялся Аврааму, говоря: ... створю же бр[ѣ]жу [родниковую] воду, многа чада поражающую крещением], о ней же глаголет Исайя: Яко протрѣжеса вода в пустыни [лит. перевод – "пробилась вода в пустыне"], жаждущие, на воду живу ид[и]те! Аз есмь животное озеро [озеро жизни], и се породный ["живоносный"¹⁷] источник из уст Моих на тя изливаю, а ты – Овч[ей] купл[и] жаждешь!..."

"Встан[ь], в[о]з[ъ]ми одр свой" и ходи! Пусть слышит тебя Адам, и "обновиться нын[е] с тобою от истлѣния"¹⁸ ибо в лице твоём Я снимаю проклятие за первое Евино преступление"¹⁹ "Лаз[аря], уже разложившегося в гробе и четыре дни имуща [пребывающего] в м[е]ртвых, [Я] словом [своим] живым створи[л], и т[е]б[е] нын[е] глаголю: в[стан]ь, и в[о]з[ъ]ми одр свой, и иди в дом свой".

И Расслабленный исцеляется, но люди не порадовались его исцелению: они, "аки звѣрие на оружника нападыше [встретив вооруженного человека] отб[о]гоша и богохульная словеси аки стрѣлы... пуцающе", "изволиша [желая] неправду паче, нежели глаголати прав[д]у. И начали грозить носящему одр: "суббота есть и недостойно ти взяти одра. Почто в[стан]ал ...от немощи? Почто исцѣлѣл от недуга? ... не лепо ти б[о] нын[ѣ] одра своего носити". Гневный ответ Расслабленного: "...будучи мудры, вы обезумели от злобы... вы ослепли умом и хромаете, спотыкаясь о неправду..."²⁰

Люди стараются узнать у Расслабленного – кто исцелил его. На что тот отвечает: не! "в[о]лхв, н[е] чародей... н[о] сам господь бог Израилев... слово его д[ѣ]лом бысть, рече бо мне: Встан[ь] и ходи! И всъледова слову д[ѣ]ло, и [э]дравие телеси"... "Господним чуд[е]с[е]м суб[б]оту почестите, и бога прослав[ь]те, праздник украс[ь]те". Но люди не слушали его, а все пытались выяснить, кто исцелил его в субботу, нарушив закон.

Расслабленный встречает "в церкви Христа, и Христос говорит ему: "Се *цѣл* еси, кому *не с[о]грешай*, да *не горе* ти что будет". "Се в т[е]бе всего Адама [всего рода человеческого] мозоли [Я] исцели[л]". И падшего из-за преступления его поднял, и проклятие со всего рода его снял, омыл северну всякого прегрешения крещением, взыскав, нашел шедшего в *пути неблаги кумирслужения*... раны уязвленного бесовскими разбойниками перевязал, возлил на язвы его Моей крови вино и масло... и внес его в "гостиньницу" – *святую церковь*.

"Разумѣйте же вси слов[с]их силу", – пишет Кирилл Туровский, – "яко по крещении не велит] нам Господь [опять] с[о]грешат[ь], [дабы мы опять] не

¹⁷ Подстрочный перевод термина – И.П.Еремина // ТОДЛ. 1958. Т.15. С.334.

¹⁸ Перевод фразы – митрополита Евгения.

¹⁹ Перевод слова – митрополита Евгения.

²⁰ Перевод фразы – митрополита Евгения.

истп[е]ли обновленаго богом[ъ] человека...". "Се цел еси, ктому не с[о]грешай, горе бо, рече, в разумѣ с[о]грешающ[е]му!"

***

Итак, само понятие "богатства" встречается в тексте "Слова о раслабленем" два раза. В первом случае речь идет о "богатых" в привычном нам понимании этого слова. Здесь может добавляться и смысл "дарственно-престижного" богатства (весьма значимый для Древней Руси XII в.²¹): тогда получается "первые", "уважаемые". Но общий смысл "Слова о Раслабленем" связан с иным смыслом "богатства" – с широким спектром богатства "витального": это то богатство, которое Раслаблень "злѣ" расточи[л], это то богатство, которое дает ему Христос ("имение", которого, по словам Раслаблена, у него не было).

Тематика "Слова о Раслабленем" насыщена обращениями к важным языческим понятиям и мотивам: сила, крепость и "раслабленность", здоровье, исцеляющая вода [сравнить "живая и мертвая вода"], "проторгающийся" из недр живительный источник, животворный водоем, волхв-целитель, солнце и его свет и теплота, луна и звезды, облака и дождь, земля, деревья, "травы семениты". И все эти понятия расматриваются в соотношении с обобщающей категорией "богатства".

Главный смысл "Слова о Раслабленем" – путь к земным богатствам, истинный путь к обладанию ими. Исцеление, богатство здоровья дает не "овча купель" сама по себе, но ангел господен "возмущает воду", и только оттого она обретает исцеляющую силу. Исцеляет не волхв – исцеляющая сила у Бога. Не обереги оберегают человека *от бедствий* (аспект "витального" богатства), а покров Господней защиты: по грехам своим Раслаблень лишился этого покрова – потому он лишился богатства истинного, потому он уязвлен болезнями и бедствиями.

Высшее проявление "витального" богатства – жизнь, живительные силы: Господь есть *животворный источник*, Господь есть *озеро жизни*. Не надо просить жизненных благ-богатств у солнца, рек, земли, не надо творить "древесные культы": вся Природа подчиняется Богу, и коли Господь дает человеку истинное богатство, как "имение" (дает и солнце, и облака с дождем, и луну со звездами, и "всяко древо плодovито и всяку траву семениту" человеку "в работу", в услужение), то все это – стороны истинного земного богатства, которые может дать только Бог. Не "кумирослужение" есть путь к истинному земному богатству и благополучию, а славление Бога, несотворение грехов, пребывание в Святой Церкви. Кто не понимает этого – ослеп умом и хромает, спотыкаясь о неправду.

Завершая этот параграф, можно привести еще соотносимый по смыслу фрагмент из "Повести о белоризце-человеке" Кирилла Туров-

²¹ См., например: Горемыкина В.И. Классовый и политический характер "нищелюбия" древнерусских князей // Вопросы истории. Минск, 1975. С.22-31.

ского²²: "...[внимайте благоразумному советнику], еже не искати [ни] чар[], ни волхвов, но вѣрою глаголати: Благо мнѣ яко смирил мя еси, да научуся оправданием твоим. И паки: Яко годѣ [как угодно] Господеви, так и бысть. Господь живит и мертвит, богаты и убожить, смиряет и высит, и от болезни устрабляет [исцеляет] немощн[ого]..." [Здесь характерна, в частности, оппозиция "богатит – убожит"].

"Добра и силна богатства"

Очищение Земли и человека

До вочеловечения Христова земля, реки, небо, звери, люди были под властью диаволовой, служили Дьяволу, несли печать греховности, "истлели во грехе". Христос подвигом Своим очистил людей и очистил землю, снял с них грех, отнял их у Дьявола. В этом контексте объединены единым смыслом приводимые ниже фрагменты из "Слова о мирноносицах" и "Слова в неделю светоносную" Кирилла Туровского.

"Слово о мирноносицах": "...того бо ради с небесе с[ошел] и в[оплотился] бысть человек, да истлѣвшаго обновит и на небесе в[о]зъве[сти]... Христос... на крестѣ руцѣ простер, [от] осужд[ения] грѣховнаго и от смерти человека свободи [освободил]. Неповинь сы продан бысть [неповинен продан был], да проданья грѣхом [дабы проданных за грехи их] от дьявола работы [от порабощения диавольского] да избавить²³... Солнце помрачи[л] и землю потрясе, и твари всей плакати ся створи ["тварь" всю плакать заставил], да адская разрушит с[о]кръвища²⁴, и тамо [в плену адовом] сущих душа свѣт видѣша [увидела]... погубил естъ князя тмы и все его всхытил [отнял] с[о]кръвища; разби[л] смертный... град, адово чрево, извоева [отвоевал] плѣнник[ов]..."

"Слово в неделю светоносную": "Велик[и] и ветх[и]²⁵ с[о]кръвища, дивно и радостно откровение, добр[ы] и сил[ьн]ы[е] богатства, нескудно ближним даемии дарове [обильны дары]... Радость же нам, братие, днесь и веселье всему миру пришедшаго ради праздника... Днесь Христос от Вифания в Ерусалим входит... Днесь народи противу Исусу изидоша, вайа [ветви] в руках держаща и тем почесть творяща, егда Лазоръ из гроба возва и от мертвых воскреси... Предобро народа послушество, сына божия познаша... языком [язычникам/народам] спасение и благодать дарова[л]... языци прияша... и языци [у]вѣровавшая в небесное царство въведе[т]... [Непринявшим Христа] – падение, соблазн, а странам – вѣра, въстание"... "Днесь народи постилають по пути ризы [одежды] своя, друзи [другие] же от древа рѣзачу вѣтвѣ постилаше... Добр убо и прав путь... [-] Христос... Аз бо, рече, есмь путь, истина и живот [жизнь]... Днесь тварь [сотворенное] веселится, свобожается от работы вражия, и адская врата и веревя [запоры, засовы] потрясоша, и бѣсовския силы ужасошася. Днесь горы и холмы точать сладость,

²² Кирилл Туровский. Повесть о белоризце-человеке // ТОДЛ. 1956. Т. XII. С. 350.

²³ Здесь и далее – обращение к тексту книги пророка Исаяи.

²⁴ В системе значимых для Древней Руси дарственно-престижных отношений понятия "сокровище" и "богатство" имеют плоскость синонимичности.

²⁵ Древнерус. "ветхий" – старый, древний. Этот же термин ("ветхий") употреблен в древнерусском переводе евангельского фрагмента: (Матф. [13:52]): "...всякий книжник, наученный Царству Небесному, подобен хозяину, который выносит из сокровищницы своей старое и новое..." – Срезневский И.И. Словарь..., т. 1, ч. 1. Обращения к этому фрагменту в творениях св. Кирилла наиболее вероятны.

удолья и поля плоды богови приносять: горнии възспѣвають, а преисподня рыдають... Днесь старѣйшина жречьский гневаѣться на творящаго великая чюдеса... Пѣсньми, яко цветы [цветами], святую церковь вѣнчаем и праздник украсим...

“Слово в неделю светоносную” – удивительно светлый и радостный гимн всеобщего преображения после очищающего все сотворенное Подвига Христова. Все на Земле, люди и вся “тварь” (сотворенное) преображаются благодаря Подвигу Христову. Все это, бывшее в сущности “истлевшим”, возрождается к истинному существованию, к истинной жизни. Христос Подвигом Своим освободил Землю от власти адовой. Христос разрушил сокровища (богатства), дающие силу Дияволу [“Слово о мирносоицах: см. “силн[ы] богатства”] служением [см. “работой”] ему; отнял [восхитил] земные богатства у Диявола, и богатства Земли теперь “добры”, “удолья и поля теперь плоды богови приносить”.

“Слово в неделю светоносную” дает образ всеобщего ликования “отвоеванных” Христом от дъявольского “плена” и “работы” – Природы и людей – вокруг самого сошедшего на Землю Христа:

“...Ангелы дивятся, видящи на земли невидимаго на небесѣх, и на жребяти сидяща [на осле сидящего] сущаго на прѣстоле..., обиступаема народ[ами] [Христа]... Ныня путь съшествуетъ в Ерусалим измѣрив[ший] пядью небо, и землю дланью, в церковь вводитъ...”.

“От сотворенного – Творца познай и разумей:

не качество, но величие и силу, славу же и благодать”

Теперь панорама взгляда на богатства расширяется, точка обзора выше. Кирилл как бы предлагает взглянуть на земные “богатства” в соотношении с небесными, увидеть верное место земного в этом едином обзоре. Есть “богатства” “телесные”, “видимые” – они преходящи. Есть и другие “богатства”, которые “паче” их (“святых ду[ш]и паче естества обогат[ились]”²⁶), – богатства, сокровища “неизреченные”, непреходящие, вечные, богатства вечной жизни. Путь к этим богатствам – через учение божественного писания.

“Притча о душе и теле”: “Добро убо нам, братье, и зело полезно, еже разумѣвати нам божественных писаний ученье; се и душу цѣломудрену стваряеть... и на небеса ко владычним обѣщанием мысль приводить... и... богатства творить... Того ради молю вас, потщитесь [постарайтесь, стремитесь] прилѣжно почитати святыя книги, да ся божиих насытивше словес, и будущего вѣка неизреченых благ желание стяжите: [они хотъ] и невидим[ы] суть, но вечн[ы] и конца неимущ[и], тверд[ы] же и недвижим[ы]... Сладки бо медв[я]н[ого] меда] соты, и добро сахар, обо[их] же добрѣ книгий разум [мудрость книг]: Си[у] [у]бо суть с[о]кровища вѣчн[ой] жизни... [Вот если бы кто нашел земное сокровище, но из него взял бы себе только один] честный²⁷ камень, – [и тот уже без] печали питається, яко до конца богатство имый [имущий]: тако[во] обрѣт[ение] божественных книг с[о]кровищ[а]...”

²⁶ Кирилл Туровский. Слово на святую пасху // ТОДЛ. 1956. Т. XII. С. 412.

²⁷ Приблизительный перевод – драгоценный, точный перевод – ценный в сфере дарственно-престижных отношений.

Итак, Христос Подвигом своим отнял у Дьявола земные богатства, они теперь добры. Но при этом необходимо видеть верное соотношение вселенских богатств, в котором земные, телесные, преходящие богатства – неизмеримо ниже богатств неизреченных, невидимых, вечных. Неизреченные, невидимые, вечные богатства неизмеримо *выше* богатств земных, телесных – это с одной стороны. С другой же стороны, между этими группами богатств *абсолютного* противопоставления нет. Эта диалектика рельефно отражена в “Притче о душе и теле” Кирилла Туровского. Последняя часть диалектического соотношения подчеркнута Кириллом в “Притче о душе и теле” дважды.

1. “...Бог, всевидець и вседержитель, с[о]твори[л] вс[е] словом [своим], [и] видим[ое]... и невидим[ое]... [Его] суть небеса и [Его] есть земля, вселеная и конец ея [Он] есть основа. И паки: Небо [Ему] престол, а земля подножие ногам[] [Его]... разумеи: в[с]зде с[уть] дома божии, не токмо в твари [сотворенном], но и в челоуѣцѣх”.

Так идея всеобщего очищения и преображения земных “богатств” Подвигом Христовым подкрепляется словами о том, что Небо – Божий престол, а Земля – подножие ногам Его, и земное сотворенное суть дома Божии. Богатства видимые, телесные неизмеримо ниже богатств “будущего века”, невидимых, неизреченных “богатств”, но и они не плохи, в них тоже – благодать от Господа, они – дома Господни.

2. Собственно притча из “Притчи о душе и теле” повествует о некоем “Человеке Домовитом”, насадившем виноград и оградившем виноградник, а сторожить вход поставившем Хромца и Слепца. Они должны были защищать виноградник от воров (хромец увидит, а слепец услышит [почует]). Сами же они украсть виноград не могли (слепец заблудится, а хромец не сможет дойти). Оставив Хромца и Слепца сторожить виноградник, Человек Домовит дал им все необходимое (“пищю и одѣнья нетрудну сготова”). Но Хромец и Слепец возжелали “насытитися благынъ” виноградника. Они сговорились, что Слепец сядет на Хромца, и так они смогут добраться до винограда, а потом скажут “господину”: не делали того, так как я слеп, а я хром. Так они “окрадоша все внутренняя господина своего благая”. Хромец есть тело человека, пишет Кирилл, а слепец – душа. Когда согрешит человек, душа говорит, что в том виновато тело. Но когда время придет, и судимы они будут – не позорнь их будут судить, *а вместе*.

***

Теперь – другая часть наставления притчи о Хромце и Слепце: благодать земных, телесных богатств (“дома божии”) требует понимания *смысла* отношения к ним. Этот смысл глубинно связан с собственно смыслом жизни человека на Земле. Смысл жизни человека на Земле, рисуемый Кириллом Туровским в “Притче о душе и теле”, сокрыт в понятии “*оземствия*”.

“Оземствие” явилось следствием греха Адама, кто по “высокомыслию” “неповеленного ему коснулся”, “прежде освящения на святая дерзнул” (из “Едема бо вниде в рай”). Адам нарушил заповедь Господню – и Бог изгнал его из рая, и повелел ему “делати [возделывать, обрабатывать] землю, от нее же взят бысть. Вижь [видишь], яко не тамо повелено ему б[о] жити, от[куда] его изгна”.

Современная жизнь людей на Земле (“все [и]бо род[ы] язык от единой быша крови рожден[ы], и рассѣяшася жити по лицу всея земли”) есть следствие нарушения Адамом заповеди Господней. Бог наказал Адама смертью за то, что тот коснулся древа познания добра и зла. Однако Бог не хочет смерти грешника, Он хочет, чтобы тот вернулся, и чтобы “быти [ему] живу”.

Жизнь на земле есть испытание праведного и нечестивого. Всем Бог дает возможность себя [славить], давая им “дождь с небеси и времена обильная”. У всякого человека, живущего на Земле, есть возможность достичь “богатств вечной жизни”. В этом и есть, в сущности, аксиологическая цель жизни человека на Земле, рисуемая “Притчей о душе и теле” Кирилла Туровского. Человек должен пройти “оземствие”, как испытание, и если это испытание будет успешным, он может надеяться на вечную жизнь и “ее богатства”.

Земное сотворенное – окружение человека в “оземствии”. Плоть – ранний этап дороги к божественному: “...в утробе женской “перво от сѣмени зижеть [созидает] тѣло, по пяти мѣсяць творити душу. Во крещении же первое поражает водою, потом же обновляет духом от тлѣнья грѣховнаго. Тако и в послѣдни день: первое обновить землю и сбереть персть человекѣку и съзиждеть всѣх нас телеса в мгновеньи ока, потом душа наша в кокожда внидуть храмину²⁸...” Плоть – первый этап, потом она не отвергается, но отходит на второй план. Сотворенное (“тварь”) есть средство познания Бога (“незатворенная же врата [виноградника] – дивныя божия твари устроенье, и над теми божия существа познатье; от твари бо, рече [Моисей], творца познай и разумѣй: не качество [качество], но величество и силу, славу же и благодать...”).

Итак, смысл жизни человека на этой земле – прохождение испытания “оземствия”. Если испытание пройдет успешно, человек достигнет богатств вечной жизни. Отношение к земным богатствам должно быть подчинено этой цели. Сфера земных богатств – это и “территориальный этап” продвижения к вечным богатствам, и средство познания Бога по творениям Его. Не качества земных богатств должны ставиться во главу угла, а величие Творца, создавшего их.

***

²⁸ Древнерус. “храмина” – вместилище, горница, дом, храм; в образных выражениях “храмина тѣлесная” – тело. – Срезневский И.И. Словарь..., т.1, ч.2.

В "Притче о душе и теле" Кирилл вновь использует языческий мотив: мотив **Древа Жизни** ("древо животное").²⁹

Что есть "древо животное"? – спрашивает Кирилл Туровский – и отвечает: смиренномудрие [истинная мудрость в смирении пред Богом]. Ему же ["животному древу"] корень – исповедание, как признание беззакония своего – в надежде получить отпущение нечестья [неблагодарности и неверности] сердца своего. Корень "животного древа" – признание нарушения **заповедей** господних и готовность исполнять их в земной жизни.

В притче о Хромце, Слепце и винограднике одно из толкований Кириллом образа виноградника – рай. Виноградник же "остенен" оплотом: страхом Божиим. Страхом Божиим движется земля, расседается каменная, животные трепещут, горы курятся, светила раболепно служат, облака и "воздушная тварь" повеленное им творят. Стена эта законом речется. Закон же – всему **заповедь** божия есть. Ствол ("стебло") истинного "животного древа" – благоверие.

"Вера бо твоя... спасет тя, все бо вѣрующему дается. Того стебла многи и различны вѣтви, мнози бо... образ[ы] покаяния: слезы, пост, молитв[ы] чист[ые], милостыни, смирение, вздыхания и прочее]. Тех вѣтвей-добродѣтелей плод: любы [любовь, милость, согласие], послушанье, покорение, нищелюбие – мнози бо суть путье спасения. Вижь, яко не в рае... – животное древо, [и не] в [э]деме, но во оземьствию..."

"Разумейте же, братье, сией) притч[и] сказание. Чѣловек домовит – бог отец, всячьских творец... А виноград – земля и мир нарицають. Оплот [ограда виноградника] же – закон божий и заповеди. Хромец же – тѣло чѣловече. Слѣпца же душу его мнит. А иже [их] посади[л] у врат – челоуѣку бо предасть бог в область всю землю, дав ему закон и заповеди... Егда [когда] же придет обновити землю и в[о]скресити вся умершая... [обретут] створ[ившие] благ[ое] – в[о]скресение живота [жизни], ["вѣчную жизнь"], а створ[ившие] зл[ое] – в[о]скресение суда... [и] бесконечную смертную муку..."

Так стремитесь же быть с живыми, а не с мертвыми – призывает "Притча о душе и теле" св. Кирилла. "...Кто суть [истинно] мертвии? Все языци [язычники/народы], не быв[шие] под божиим закономь, не пр[инявшие] крещенья... Елико [поскольку] бо, рече [Павел], без[з]аконьно съгрѣшиша, без[з]аконьно погибнуть. Живы[ми] же [хри]ст[и]ян[и] нарицаеть..."

"Узрели светлую зарю, оконцем из пещеры исходящу" Благодсть христианского нищелюбия. Миряне и монахи

"Притча о белоризце-человеке": "В нѣкоем граде [был] царь, зело кроток, милостив и [добр]". У царя было много друзей и советников, один из которых был "мудр и благоразумен".

Как-то ночью, "внезапу", "бысть молва по граду великая", и царь с друзьями и советниками отправились "походи[ть] по граду, [чтобы] [найти] творя-

²⁹ О связи мотива Древа Жизни, или Мирового Древа, с темой "витальности" см.: Козик О. М. Понятие "богатства"..., с. 206.

щего... в граде мятеж". Но не нашли, видели лишь "движение граду" (смятение, беспокойство).

Тогда благоразумный советник привел царя к "вели[кой] горе, в ней же [у]вид[ели] свѣтлую зарю, оконцем от пещеры исходящ[у]. И к тому прикнув оконцю, [у]вид[ели] внутр[и] вертѣпа [пещерное] жилище, в [котором] сид[ел] муж [человек], в послѣдней нищетѣ жив[ущий], худыми обл[аченный] рубищами, [рядом сидела "жена", сла[ще] брашна ["брашно" – мучное кушанье; пища, снедь в целом] поющ[ая] песнь. Мужу сему предстоял "нѣкто красен и высок, на твѣрдом камени, питая и вино черпая". И когда принимал человек чашу, венчали его похвалами, к радости его великой ("многую радостию мужа").

"...[Какое] чудо", – сказал царь друзьям, – "видите, как[и] худое с[ие] и потаенное житие честнѣе наше[и] державы веселится, и свѣтлѣе вн[е]шн[его] внутр[еннее] сия[ет]".

Град сей, объясняет Кирилл, есть "составленье человек[е]скаго телесе, ему же творецъ и зижд[атель] Бог". Населяющие град люди – "чувствен[н]ые уды [члены]... [то есть] слух, видѣние, обоняние, вкушение, осязание и нижняя теплоты св[и]рельство". Царь граду – ум, обладающий телом.

Милостивый и добрый для града царь – значит "паче всего печется [заботится] о "своем телеси"... , который от слышания добра – возносится, очами творит похоть, руками "несытьство бранья богатства[а] [т]ворит, с теми и нижняго св[и]рельства с[о]вершает похоть".

Чем неразумен сей царь? "Не так[и] печ[е]т[ся] [заботится] о душ[е], [как] о телеси, н[е] помышляет [о] готовящихся муках для живущих здесь зле [неправедно], н[е] готовится [к] будущаго вѣка праведник[а]м уготован[ной] жизн[и]..."

"А еже в един час бысть велика по граду молва – то есть не[счастн]ая на человек[а] напасть: ли недуг, ли потоп, ли язва, ли к власти обида зла. Тогда всѣ житийския о[т]стануть мысли, и ис[с]тупление бывает уму..."

"Гора же есть монастырь, в нем же – духовн[ые] оружи[я] на противнаго дьявола... [Гора та] – гора божи[я], гора тучна, гора усырена, гора, юже бог жити в ней".

"Приничение к оконцю – ...слышати душеполезное учение... Пещера глупока – церкв[и] монастырск[ие], пророками дозрим[ы], апостолами устроен[ы], е[ван]гелист[ами] украшен[ы]".

"Внутренний же вертеп [пещерное жилище] – устав апост[о]льского предани[я] келейного жития... А еже в нем с[и]дящ[ий] муж, в послѣдн[ей] жив[ущий] нищете – се есть весь чернеч[е]ский чин..."

"В послѣдн[ей] нищете жит[и]е – сиречь от бллориз[цев] осужд[енье], досады и укоризны, хула и [нас]ме[шки], опытани[я]... Того ради Павел глаголаше: бог ны апостолы послѣдняя яви, яко насмертники..."

Сидящая рядом с "мужем" "жена" – неотлучная смертная память, поющая сладкую песнь: "Глас радости и весел[ья] в селѣх [селениях, жилищах] праведных. Пр[а]ведник[и] в вѣк[ах] живут, и мзда [вознаграждение] им от Господа. Смерть праведнику покой. Богатство иже мимо течеть – не прилагаете сердца..."

Предстоит же "мужу" тому – Христос. "Пита[ет] и черп[ает] вино – [значит] всѣм вѣрным пода[ет]... свое тѣло в оставление грѣхов, и святую свою кровь в жи[знь] вечн[ую]..."

"А [ко]гда приметъ муж чаш[у], похвалами вѣнчаютъ его – се разумѣй очистившихся покаяниемъ и прин[явших] животворную чаш[у] в освящение души и в очищение телеси..."

"Притча о белоризце-человеке" коротка, но весьма сложна в своих аллегорических смыслах. Написана она была для монахов, как объяснение фундаментальных основ существа монашеской жизни. Однако смысловые поля притчи выходят дальше темы только монашества,

смысла его существования и его задач. В сущности, это размышления Кирилла о человеке и его жизни на этом свете.

***

“Повесть о черноризничьем чине”. Покидание мира ради “черноризьчества” (иночества, монашества) не есть покидание телесного. Истинный монах – “а[н]гельского образа”. Но – не “образа” небесных ангелов, не бесплотных существ (“они [и]бо свѣтообразни, существом невидими”), но земного ангела: “в телесн[ой] чистотѣ богоугодно послужиша”: это “образ” священ[ного] и чист[ого] жити[я]. “[Монахи], ако человек[и] – умирають: м[е]ртва бо сут[ь] они душами... и телеси быша ум[е]рли”. Пояс, усеянный кожаными ризами, “явля[ет] м[е]ртьвость” черноризца.

Как сочетается это сохранение телесности – и телесное и душевное умирание? Ключ к пониманию этого – в понятии “**красного сего света**”, играющем важную роль в смысловой ткани “Повести о черноризничьем чине” и “Сказания о белоризце-человеке”.

Вновь в текстах Кирилла Туровского мы встречаемся с обращением к важным понятиям и образам языческого мировоззрения.

Понятие Бела Света часто встречается в русских народных сказках. В понятийном поле “витальности” Свет – одна из важнейших основ жизни. Одновременно это – “территориальная среда” жизненной самореализации (“Бел Свет”). Сфера света, добра противопоставляется сфере Тьмы, как сфере смерти и зла (ночь – время могущества злых сил). Бел Свет – средоточие “витально”-влекущего (можно вспомнить поговорки “бел свет не мил”, “жизнь не мила”). Источник Света – Солнце: Красно Солнышко. Вот здесь мы выходим на важную категорию славянского языческого мировоззрения: понятие “**красного**”.

В тексте “Притчи о белоризце-человеке” Кирилла Туровского понятие “красное” используется как определение того, что: 1) привлекает, влечет; 2) дает желанное. С точки зрения современного нам восприятия с этим спектром смыслов можно соотнести: а) понятие “красна девица”: не только красивая, но и привлекательная; б) поговорку “не красна изба углами – красна пирогами”. Что же касается собственно древнерусского языка, то в “Словаре древнерусского языка” И.И.Срезневского³⁰ можно найти следующие значения: “**красьный**” – прекрасный, красивый, **приятный**; “**красьяная земли**” – **плоды**; “**краситися**” – **радоваться**; “**красити**” – **обкрадывать, смущать, соблазнять**.

Понятие “красного сего света” у Кирилла оказывается критериальным понятием отличия истинного и неистинного взгляда на мир. Неумеренная увлеченность (“печение”) “красным света сего” синонимизируется у него с понятием “мирское” – в смысле, осуждаемом христианством. Само по себе сотворенное (мир, свет, тварь) – не зло. Зла **увлеченность** (“печение”) мирским, заставляющая **забывать** Бога, забывать “неизреченные и вечные богатства”, и творить несправедное.

³⁰ Срезневский И.И. Словарь..., т.1, ч.2.

“Красное сего света” может сказываться как колоссальная притягательность в уме человека. Оно ярко, и эта яркость может помешать концентрации помыслов на божественном. (В этом смысле Кирилл упоминает в притче евангельское “Не можете служить Богу и Маммоне” [Матф. 6:24] (“...дондеже [пока] бо человек не оста[вит] телесных похоти и житийския печали [заботы], душа его с богом не смирится: не можно и богу работати, и мамоне”). Поэтому мирская жизнь кроет в себе препятствия к истинной праведности, которые полностью преодолеть трудно, оставаясь в миру. Такую опасность отражает емкая и сложная собирательная категория “*сего света*” притчи Кирилла Туровского, которая совмещает в себе смыслы *опасности* излишней подверженности “красному свету сего”, – и самой *подверженности* “красному свету сего”. Комментируя притчу о царе и “нищем муже” (“Повесть о белорицце-человеке”), Кирилл пишет:

“ночь же, [ночь, когда происходят события, описанные в притче] есть *свѣта сѣго* мятежь, в нем акы в[о] т[ь]ме мятутся, друг чрез друга в погибель сами себе порѣваем [толкаем, низвергаем], ли яко сном одержими, не в[о]здержимся от грѣха...”

“...С[о]глядание [царем жития нищего мужа] – помышление есть благо[е], еже остатися [отказаться] от грѣховных обыча[ев] и научит[ься] благоугодны[м], собрати же сего суетнаго жити[я] помыслы, и окаяти *сего свѣта* пестнаго *красная*, [ибо сказал Соломон]: О суетие, суетою буди! Всяк бо человек, сих ради [сего света лѣстнаго красная] нудяю[щий] себя трудом, изнажа[ющий] себя в погибель – ... чюдится [восхищается] богонабдимому [богохранимому] и *ночьскому* житию, и все оставляет, и ту саму телесную *печаль* [лечение, заботу], и тщится всяк человек по искушению телесных вещей [после искушения телесными вещами] о душ[е] попещися [позаботиться]...”

“А еже от нея [пещеры] *свѣтлая сияющая* заря – [то есть] богохвальная жертва, немолчная алил[уй]... тако, рече[ть], да *просвѣтит*ся *свѣт* ваш пред человекы, яко да узрять дѣла добрая ваша и прославять отца вашего, иже есть на небесех”.

Итак, свет противопоставляется ночи, и два света противопоставляются двум ночам. Противопоставляются два света, как два понимания жизненных основ – понимания языческого и понимания христианского, как два понимания сфер раскрытия жизненной самореализации (сфер, облаченных в свет и “питающихся” светом).

“Повесть о белорицце-человеке”: Личное прощание с земным светом для язычника – смерть, которая его страшит. Христианину-“праведнику смерть – покой...”, ибо “...пр[а]ведни[к]и в вѣк[ах] живут...” В притче “предстоя[щий]” нищему “мужу” *красный* – Христос есть... [Он] *красен* добротой паче сын[а] человек[аго], щедр бо есть и милостив Господь”... “близ бо господь всех боящихся его, *хотѣние их исполнить*...” “Питай и черплай вино – всѣм вѣрным подавая честное свое тело и святую кровь в живот вѣчный [жизнь вечную]...” “Господь не лишит добра [блага] ходящих не злобою зде[сь]...” “и небесная отверзетъ двери, и огненное отложить оружие, и в горний [в]ведеть Иерусалим, и десницею вѣнчаеть, и трапезу представить, и чашу веселия и радости подастъ”. Мирская жизнь слишком опасна излишней увлеченностью “красным светом сего”. В ней трудно избежать греха. (“...Всяка власть к греху

причтена есть. А торгующим, егда [когда] купля сдѣется, ту и грех свершится.³¹ И ины вся житийския вещи в нищете же и в богатствѣ спону [препону, препятствие] имеют к спасению: сѣмью и дом. Того ради глаголет апостол: оженив[шийся] печется женою, како угодити женѣ, а не оженив[шийся] печется, како угодити богу; она [одна] печаль [печение, забота] ведеть в муку, а си [другая] печаль – в вѣчную жизнь”).

***

Монахи в лучшем положении, чем миряне, ибо телом и душой они умирают для “красного света сего”. Отказавшись от “житийския печали” “сего света”, душа человека полностью открывается Богу. Жизнь монаха есть “бедное”, “худое” и “потаенное” житие. Потаенное, потому что монах оставляет мир. Худое же и бедное (в мирском понимании) житие – житие, когда монах “только о бозѣ веселится”, оставляет “красное света сего”, так что жизнь его тому, кто видит только “красное сего света”, кажется ночью и смертью. Потому что он живет в Претерпевании, терпя “осуж[д]енье, досады и укоризны, хулы и посмѣси, опытаня” от тех, кто не видит в его жизни смысла, а видит в чернецах-монахах “прелестник[ов,]... своя погубляша душ[у]”.

“Сказание о черноризничьем чине”. [Монаху:] “Подвизайся, не разру[ши] своего обѣта, мужайся, егда укоризны приемлещи... крест свой [страданием от зла] понеси, и расп[ни] с[ебя] [добр]ов[о]льным терпѣнием, и тако врага побѣдиши... М[о]н[а]х живу ж[е]ртву с[е]б[я] господеву приносить... яко муку, молитву господеву принося; [вместо] масла [ему, монаху] – слезы, [вместо] сала – в[з]дыхания от сердца”.

Покидание “красного света сего” с концентрацией всего себя на божественном, жизнь в Претерпевании есть часть основы добродетели монашеской.

“Повесть о белоризце-человеке”: “...и древо [дерево] бо не въраста дѣля высока [не за то, что выросло высоким], ни листвѣи [и не за листву], но плоды дѣля [но за плоды] хвалимо бываетъ: тако и мнихи [монахов] не манастырь славны[ми] творить, но добрая дѣтель [добродетель] мнишеская”.

Претерпевание есть важная часть того, что Кирилл считает колоссально важным для монаха: *Подвига*.

Кирилл пишет (“Притча о белоризце-человеке”) об ошибке “новоосвященных” монахов, которые “...держаше бо ся обѣта и слабости не сдолевше святынѣ просят, писание почитающе, бе[з] подвига велять спасти я; не бо разумѣем Павла глаголюща: Бе[з] подвига никто же не вѣнчается, никто бо же спя победит, ни лѣнийся спасти можетъ”. [К монахам:] “...Яко же кони, текуще в стадѣ друг другу ретяжеса, преспѣвають [соревнуясь, друг дружку превосходят] – тако и вы ревнуйте [подражайте] святых отцев подвигу и друг друга преспѣвайте” в алкании, и в бѣднѣи, и в молитвах, в слу-

³¹ Здесь автором статьи конец и начало предложений перенесены по сравнению с тем, как они представлены в тексте, подготовленном к публикации И. П. Ереминым: речь явно идет об ошибке средневекового переписчика.

³² Древнерус. “преспевать” – превосходить; помогать, споспешествовать; восходить на высшую ступень. – Срезневский И. И. Словарь..., т. 2, ч. 2.

жебных труд[а]х, да не раслабѣаше..." "Внутренняя добродѣтель святых калу-гер [монахов] житиа паче мирскоѣ власти сияють чудесы, и т[ого] ради мирьскы[е] велможи свою поклоняють [пред] м[о]н[а]х[а]м[и] главу"... В монастырях – "духовн[ы]е оружи[я] на противнаго дьявола... суть..."

Монастырская жизнь для мирянина – поучение примером более высокого типа жизни. Добродетельные отцы-монахи добродетельной жизнью и молитвами помогают спастись мирянам.

"Сказание о Черноризничьем чине": Куколь монаший – это "на с[ебя] мира грѣхы на крестѣ пригвозди..."...монаху: "...священное и чистое житие... не держи словом то[лько], но... добродѣтел[ями] украс[ь]... ризы, [что носишь]; Адамова преступлени[я] грѣхи себе обложив, да потчиши [подвигнишь] Христовым терпѣнием... да не только спасеш[ь], но и впадшего в греховныя разбойники исцѣлиш[ь]".

***

Понятия Света и Тьмы, Жизни и Смерти, Красного света сего – и понятие *Нищелюбия, Нищего Жития* – сливаются в едином контексте "Слов" "О человеке-белоризце" и "О черноризничьем чине".

Это можно выразить через образное сравнение: солнце и звезды. Многие звезды намного крупнее солнца, и светимость их больше. Однако они далеко, а солнце близко. И днем свет солнца полностью заслоняет свет звезд (увидеть их днем можно только из глубокого колодца). Ночью же, в ясную погоду, мы видим звезды очень хорошо.

Земля и ее "богатства" после Подвига Христова не злы, говорят тексты Кирилла Туровского. Зло – не в них. Зло – в излишнем увлечении ими ("печении" о них, "печали" о них), заставляющем забывать о Боге. Характерно: царь в притче именно *паче всего* печется о своем телеси. Увлеченность привлекательным (красным) мира (света) сего, которая ведет к забыванию о Боге, которая ведет к ослепленности в непонимании истинного соотношения земных, телесных, преходящих – и вечных, "неизреченных" "богатств", которая ведет к творению противного Богу, к безудержному достижению "красного света сего", к безудержному пользованию им, к "пореванию" людьми друг друга из-за него – вот зло. И нищелюбие, как отказ именно от "печали, печения" о красном свете сего, помогает приблизиться к Богу и "богатствам неизреченным".

Монах, житие которого "бедное и худое", и который оставляет "житийские" "печали" света сего, не отказывается полностью от земных благ – он пользуется ими умеренно. *Умирает* он именно для *привлекательно*го света сего, и от "печалей" о нем. Тому, у кого представление о жизни связано на достижении благ этого мира, жизнь такого монаха кажется тьмой и смертью. Но такой человек в ослеплении своем не видит яркого света "неизреченных" богатств – поэтому это именно он живет во *тьме*.

Земные "богатства" преходящи, земное благополучие скоротечно. То, что такой человек определяет для себя как полноценную жизнь – в свете того, что впоследствии, оборачивается образом предстоящей

смерти. В этом – корень учения Кирилла Туровского о благодати христианского нищелюбия. И в этом – главное направление его удара по основам языческого мировоззрения, по его направленности на достижение благ этого мира, по языческим представлениям о том, что хорошо и что плохо.

***

Теперь – о нищелюбии и **монашеской жизни.** Монастыри и житие монахов, житие “бедное, худое и потаенное” суть свет в ночи для мирян. Мирянину трудно не думать о “житийских печалях”, о “красном света сего”. Монахи же, умирая для “красного света сего”, являют мирянам **пример** высшего жития. Умирая для “красного света сего”, они становятся ближе сиянию “неизреченных богатств”, и передают это сияние мирянам. Житием своим они являют мирянам **поучение**, помогают увидеть свет и благодать “неизреченных богатств”.

Это – первое. Второе – связь “бедного, худого и потаенного” жития монахов с понятием христианского **подвига.** Того подвига, который Кирилл считает необходимым для каждого монаха. Житие в добровольном претерпевании от “осужд[е]ния, досады и укоризны, хулы и посм[е]хи, опытания”, житие в добровольном принесении себя в жертву, в терпении мук – все это, будучи элементами жития бедного, жития в отказе от привлекательного света сего и в добровольном претерпевании от невзгод [один из обратных параметров “витального” богатства], есть один из элементов того христианского подвига, который совершает монах; подвига, который составляет часть основы “внутренней доброд[е]тели святых калугер [монахов] жития, паче мирско[е] власти сияющ[ей] чудес[ами]”, того, благодаря чему истинные монахи спасают и себя – **и мирян.** (“Сказание о черноризничьем чине”: [монаху]: “...да не только спасешься, но и впадшаго в грѣховныя разбойники исцѣлиши”).

Некоторые итоги

Весьма интересен исторический феномен христианской апологии святости бедности, пик массового почитания которой, как идеала, приходится на XI-XIII вв. Один из ярких примеров этого феномена – победное шествие по Европе легенды о святом Алексее, сыне знатных родителей, отринувшем богатство и проведшем свою жизнь в нищете.

В XI-XIII вв. литературные версии этой легенды (восточного происхождения, воплотившейся в византийском варианте), в последующих переводах проходят через Италию, Германию, Англию, Францию, Польшу³³. Не позднее XII в. эта легенда попадает и в Древнюю Русь³⁴,

³³ Little L. Religious Poverty and Profit Economy in Medieval Europe. Ithaca: Cornell University Press, 1978; История зарубежной литературы. Средние века и Возрождение. М.: Высшая школа, 1987. С. 18.

³⁴ Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л.: Наука, 1987. Вып. I. С. 129-130.

где пользуется огромной популярностью. Причем характерно: считается, что литературная версия этой легенды попадает на Русь через Болгарию, но при этом, как вероятный, допускается и другой путь, "западный" – через Рим и Чехию.³⁵ Уже этот пример приводит к тому выводу, что во взаимоотношениях Западной и Восточной христианских церквей для XII в., конечно, большое значение имел произошедший между ними раскол. Однако разрыв между христианскими мирами Запада и Востока Европы в это время не следует представлять себе большим, чем он был в действительности.³⁶ Есть определенная степень, в которой можно рассматривать и изучать историю Римско-Католической и Греко-Православной церквей в XII в. – в единстве: как историю христианства в Европе.

Творения Кирилла Туровского наводят на мысль о целом ряде сравнений с трудами западных христианских авторов.

Русь XII в., Италия конца XII – начала XIII в.: учения апологета христианского нищелюбия св.Кирилла Туровского (1130-ок.1182) и апологета святости бедности св.Франциска Ассизского (ок.1181-1226) отличаются во многом (и по смыслу, и по направленности). Но насколько близки они друг другу в светлом, радостном взгляде на Природу! Насколько творения Кирилла и творчество Франциска наполнены подлинным литературным талантом и силой образов! В этом они как братья: светлый Франциск, светлый Кирилл.

Русь XII в., Франция начала XII в.: удивительно соотносится между собой целый ряд теоретических положений учения св.Кирилла и апологета Святой бедности св.Бернара из Клерво (1091-1153). Здесь и идея превосходства незыблемого, неподвижного над подвижным, и идея неизбежной связи торговли и греха. Взгляд св.Бернара на телесное, земное не тяготеет к той цельности единого взгляда на вселенские блага-богатства, который характерен для св.Кирилла. В учении св.Бернара есть немалая доля в целом характерного для его времени в западной христианской мысли уничижительного отношения к земному и телесному.³⁷ Но удивительно сходится в теориях св.Кирилла и св.Бернара то, чему оба придавали важное значение: *христианский подвиг и нищелюбие* (добровольная бедность). Весьма и интересно соотносятся, в связи с апологией нищелюбия, добровольной бедности, – учение

³⁵ *Мурьянов М.Ф.* Алексей, человек божий, в славянской рецензии // ТОДЛ. 1968. Т.23. С.125.

³⁶ С этим мнением соотносится, например, то, что писал С.Бахрушин: официальному разрыву между Византией и Римом предшествовало назревание этого разрыва в течение более двух столетий, что отразилось на Руси, испытавшей "греческое крещение"; но, с другой стороны, произошедший официальный раскол между Византией и Римом отнюдь не означал для Руси резкого прекращения связей с католическим миром, прежде всего и особенно — с такими его частями, как Польша, Венгрия и Чехия. — *Бахрушин С.* К вопросу о крещении..., с.43.

³⁷ *Бицилли П.М.* Элементы средневековой культуры. Одесса: Гносис, 1919; *Карсавин Л.П.* Основы средневековой религиозности в XII-XIII веках, преимущественно в Италии. Пг.: Тип. "Научное Дело", 1915.

св.Бернара о ступенях восхождения к небесному (от одного вида "любви" – к другому³⁸), и учение св.Кирилла о познании Бога, об этапном соотношении телесного и духовного. Несколько отличаются в нюансах, но весьма соотносятся по общей теме взгляды Кирилла и Бернара о взаимоотношениях духовенства и мирян, светских властей – в связи с понятиями нищелюбия, добровольной бедности.³⁹

В контексте сложного соотношения линий, которое очертил Ж.Ле Гофф в развитии западной средневековой христианской дидактики отношения к земному⁴⁰, интересны соотношения св.Кирилл – св.Франциск, св.Кирилл – св.Фома Аквинат, св.Кирилл – Джон Уиклиф.⁴¹ Интересен анализ этих соотношений, с последующими выводами об общем и отличиях в древнерусской и западноевропейской религиозной дидактике отношения к земному: в чем-то Русь отстает от Западной Европы, в чем-то опережает ее. Точнее сказать: отставая – опережает.

Есть и еще один аспект учения св.Кирилла о бедности и богатстве: в контексте единой европейской христианской истории. Дело в том, что учение о богатстве и бедности Кирилла Туровского представляет собой пример ясно и четко выраженного "витального" аспекта богатства в христианском дидактическом учении. В западных апологиях святости бедности XI-XIII вв. этот аспект, хотя и весомо присутствует, но выражен не так отчетливо. Это объясняется прежде всего двумя обстоятельствами. В основном Западная Европа была христианизирована раньше Руси, и традиции языческого мировоззрения сохранились там (в частности в XII в.) в менее отчетливом по сравнению с Древней Русью виде. Иными словами, на Западе было больше времени для рудвижения по пути христианизации. И в аспекте государственности Русь стремительно нагоняла Западную Европу, но древнерусская государственность была моложе, и сохраняла больше элементов родоплеменной традиции, связанной с тем миром, которому органически присущ языческий тип мировоззрения. Тем не менее влияние "витального" аспекта богатства на Западе в массовых системах мировоззрения в XI-XIII вв. оставалось еще достаточно серьезным, и существенные следы его можно обнаружить в мировоззренческих фундаментах практически всех западных апологий святости бедности этого времени.

Учение о богатстве и бедности св.Кирилла Туровского подтверждает "правомочность" применения теории "витального" богатства для реконструкции мировоззренческих смыслов средневековых христианских

³⁸ Chydenius J. The Symbolism of Love in Medieval Thought. Helsinki: Societas Scientiarum Fennica, 1970. P.32-45.

³⁹ Huber R. A Documented History of the Franciscan Order (1182-1517). Washington: Catholic University of America, 1944. P.94.

⁴⁰ Ле Гофф Ж. С небес на землю // Одиссей: человек в истории. М.: Наука, 1991. С.25-47.

⁴¹ Учение Уиклифа очень отличается от учения св.Кирилла, и все же у них много общего. См.: Козик О.М. Концепция Святой бедности Джона Уиклифа // Дисс...уч.ст. к.и.н. М.: ИВИ РАН, 1998.

апологий "нищелюбия". Этот "способ реконструкции смыслов" может применяться и в западной медиевистике (наряду, например, с применением теории "дарственно-престижного" богатства). Его применение может сделать более понятными целый ряд учений апологетов христианской святости бедности и нищелюбия эпохи Средневековья.

Учение о бедности и богатстве св. Кирилла Туровского позволяет лучше понять и апологию святости бедности в учениях св. Иоанна Златоуста (ок.347-407) и Блаженного Августина (354-430). У обоих апология святости бедности находится в своеобразной "тени" их учений о благе, она выражена не столь уж и отчетливо, зеркально отражая их учения о благе. В соотношении с массовыми типами мировоззрения поздней античности эта "зеркальность" объяснима. С одной стороны, позднее античное мировоззрение было связано с мощными традициями государственности. С другой же стороны, позднее античное язычество было куда более сложным, развитым, утонченным, чем язычество древних германцев или более поздних язычников-славян. В изысканном и сложнейшем позднеантичном язычестве увидеть грубую, жестокую и, в сущности, примитивную основу "витального" взгляда на мир уже сложнее. Но она там была. И обращение Иоанна Златоуста и Блаженного Августина к теме бедности и богатства было связано с главным смыслом их деятельности: утверждением христианского мировоззрения.

Список цитируемых творений Кирилла Туровского (Изд. И.П.Еремина // ТОДЛ. Т.Т.XII, XIII, XV. 1956,1957,1958)

1. Притча о душе и теле. Т.XII. С.341-347.
2. Повесть о белоризце-человеке. Т.XII. С.348-354.
3. Сказание о черноризничьем чине. Т.XII. С.354-361.
4. Слово в неделю светоносную. Т.XIII. С.410-411.
5. Слово на святую пасху. Т.XIII. С.412-414.
6. Слово в новую неделю. Т.XIII. С.415-419.
7. Слово о мироносицах. Т.XIII. С.419-426.
8. Слово о ослабленном. Т.XV. С.331-335.
9. Слово о слепце. Т.XV. С.336-340.
10. Слово на вознесение Господне. Т.XV. С.340-343.
11. Слово памяти отцев Никейского собора. Т.XV. С.344-348.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ И ОБЩЕСТВО

П.М.Смирнов

Защищая права художника: Бернард Шоу об отношениях Искусства и Власти

Бернард Шоу получил известность прежде всего как драматург, но место, которое занял в английском обществе этот "Чудак № 1"¹ заслужено не в последнюю очередь и тем, что его гражданская позиция не менее ярко и парадоксально выразилась в реальной общественной жизни, помимо и вне театральных или сценических условностей. Шоу-драматург был возмутителем спокойствия в каждой пьесе, но еще активнее он "взрывал" обстановку в повседневной жизни, обнаруживая ее драматизм, и выступал в этой реальной драме в качестве действующего лица. Упрямый ирландец не признавал негласных табу и говорил то, что считал нужным. Журналист "Дейли Ньюс" А.Гардинер отмечал: "...Мистеру Шоу нравится причинять боль, потому что он знает, что это идет вам на пользу. Он препарирует вас с ученым спокойствием опытного хирурга, который любит свой нож. Он, вероятно, за всю свою жизнь не сказал ничего лестного ни о ком, кроме как о мистере Бернарде Шоу... Он тонизирующее лекарство своего времени..."²

Острый диалог-дискуссия, развивающийся в парадоксах и "неожиданных ходах" – не только доминанта поэтики пьес Шоу или их жанровая особенность. Это органически присущая способу мышления Шоу форма, независимо от того, выступает ли он как автор-драматург или как общественный деятель, полемист, критик, т.е. как действующее лицо другой, реальной драмы. Именно поэтому полемика вокруг той или иной пьесы Шоу на страницах печати становилась, если в ней действовал автор, как бы продолжением драмы, сыгранной на театральных подмостках. Начинаться же вся эта полемика в том же жанре могла еще до поднятия театрального занавеса, – тон ей задавал сам Шоу в своем прозаическом вступлении к пьесе.

Шоуведение представляет собой обширную, хорошо разработанную область со своими устоявшимися связями между отдельными темами и основными источниками к ним. Благо, есть из чего выбрать. Например,

---

¹ "Многие считали меня "Станк № 1"... , но я не обижался". – См.: Майский И.М. Б. Шоу и другие. Воспоминания. М.: "Искусство", 1967. С.29.

² Хьюз Э. Бернард Шоу. М.: "Молодая гвардия", 1968. С.126, 127.

тема "Шоу и эволюция" – "Человек и Сверхчеловек", "Назад к Мафусаилу", тема "Шоу и Америка" – "Ученик дьявола", цикл публичных лекций, прочитанных Шоу в США, или тема "Шоу и цензура" – пьеса "Газетные вырезки", посвященная движению суфражисток начала XX в. Она в известной мере спровоцировала в ноябре 1909 г. конфликт Шоу с так называемым Совместным комитетом, созданным, чтобы разрешить противоречия между государством-цензором и драматургами.

"Преобразование Бланко Поснета" (одна из "иконоборческих" мелодрам Шоу) и "Газетные вырезки" сразу же по написании в 1909 г. были представлены лорду-камергеру, в ведении которого находилась театральная цензура. Сам лорд-камергер всегда был занят более серьезными проблемами, и пьесы обычно прочитывал специальный чиновник ("examiner of plays"). Г.А.Редфорд, который занимал тогда этот пост, прежде был управляющим банка и мало что понимал в пьесах. Он запретил постановку "Эдипа-царя" Софокла, чтобы не смущать королевскую семью incestом. Напротив, "Лисистрата" с более откровенными эротическими сценами была Редфордом разрешена.³

Скандал разгорелся после запрета пьес Э.Гарнета ("The Breaking Point") и Г.Баркера ("Waste"), в которых депутаты парламента были изображены в неприглядном виде.⁴ Запрет вызвал протест со стороны наиболее активных драматургов, вдохновленных еще в 1890-х гг. идеями Г.Ибсена, который был переведен на английский язык критиком У.Арчером и "истолкован" Б.Шоу. Среди протестовавших были Б.Шоу, Г.Гренвилл-Баркер, Э.Гарнет, Д.Голсуорси. Кроме того, даже те драматурги, которые не разделяли взглядов представителей постибсеновской драмы, выступили на стороне коллег в силу цеховой солидарности (А.Пинеро).⁵ Был создан общественный комитет в защиту драматургов, послано открытое письмо Редфорду, под которым подписались не только представители новой волны, но и "патриархи" английской литературы А.Беннет и Т.Харди, – всего семьдесят одна подпись.⁶ 22 февраля 1908 г. пять представителей встретились с Р.Гладстоном, тогдашним министром внутренних дел. Но он отказался что-либо менять в системе цензуры. "Общество защиты драмы" ("Play Protection Society"), как называли себя подписавшиеся под письмом, не сдавалось. По предложению Гренвилл-Баркера и Голсуорси был разработан проект закона о цензуре. Либеральные депутаты палаты общин Ч.Тревелиян и Р.Харкур представили законопроект в нижней палате. Кроме того, Голсуорси заручился поддержкой двух других депутатов-либералов – вид-

³ Gindin J. John Galsworthy's Life and Art. An Alien's Fortress. L.: Macmillan, 1987. P.194-195.

⁴ Hynes S. The Edwardian Turn of Mind. Princeton: Princeton University Press, 1968. P.216-218.

⁵ Marrot H. The Life and Letters of John Galsworthy. L.: Heinemann, 1935, p. 214.

⁶ Gindin J. J. John Galsworthy's Life., p.196.

ного теоретика либеральной партии Ч. Мастермана и редактора журнала "Панч" Р. Лемана.⁷

По результатам парламентских слушаний о законопроекте в декабре 1908 г. премьер Асквит распорядился создать совместный комитет по законопроекту из депутатов обеих палат и начать слушания с лета 1909 г. Возглавил его депутат-либерал Г. Сэмьюэл, который симпатизировал молодым драматургам. Всего с июля по ноябрь 1909 г. состоялось четырнадцать заседаний комитета. На заседаниях выслушивались все заинтересованные стороны: драматурги, критики, владельцы театров, антрепренеры и представители клерикальных кругов.

В разгар этих событий Г. А. Редфорд запретил сначала "Бланко Понсета", а затем и "Газетные вырезки". Выступление Шоу на заседании совместной комиссии привело к обсуждению запрещенных пьес, которое превратилось в бурную дискуссию вообще о допустимости изображения политических и религиозных разногласий в драматургии.

Исследователь творчества Д. Голсуорси Д. Гиндин считает, что у противников цензуры было две проблемы.⁸ Во-первых, некоторые влиятельные владельцы театров и антрепренеры втайне мечтали сохранить цензуру, на словах солидаризируясь с авторами "новой волны". Эти, выражаясь современным языком, "акулы шоу-бизнеса" понимали, что положительное решение в пользу драматургов "новой волны" вызовет резкое уменьшение их прибылей, так как в рядах "борцов за новую драму" были не только "теоретики" Б. Шоу и У. Арчер, но и "практики" Г. Гренвилл-Баркер (он был в 1904–1907 гг. главным режиссером *The Court Theatre*), и Ч. Ведренн – блестящие режиссеры-постановщики, пользовавшиеся огромной симпатией в актерской среде и с избытком наделенные деловой сметкой. Во-вторых, "не все драматурги... были своими лучшими адвокатами".⁹ Последнее можно было бы отнести и к Шоу, который настолько не стеснялся в выражениях, столь яростно полемизировал, что был даже удален из зала заседания комитета. Он принес с собой пространный черновик выступления, который ему не дали зачитать даже на треть.¹⁰ Д. Конрад назвал его поведение "сумасбродным".¹¹

Иначе считает Х. Пирсон, биограф Шоу, изучивший стенограммы заседания комитета: "Шоу... выступил с показаниями, после которых комитету уже было не оправиться".¹² Шоу цеплялся к любому слову оппонентов как заправский юрист. Х. Пирсон приводит любопытный отрывок диалога Шоу и председателя комитета: "Шоу признал, что "очень большой процент спектаклей, идущих сейчас на лондонской сцене под по-

⁷ Ibid., p. 197.

⁸ Gindin J. J. John Galsworthy's Life..., p. 197.

⁹ Ibidem.

¹⁰ Gindin J. J. John Galsworthy's Life..., p. 197.

¹¹ Karl F. Joseph Conrad: The Three Lives. N.Y.: Farrar, Straus & Giroux, 1979. P. 113-117.

¹² Пирсон Х. Бернард Шоу. Ростов-на-Дону: "Феникс", 1997. С. 318.

кровительством закона о цензуре, имеют своей целью возбудить половое влечение”, после чего поправил председателя: речь нужно вести не о “половой аморальности”, а о “половом грехе”. Председатель спросил Шоу: “Могу ли я заключить из сказанного, что, требуя свободы театра от контроля религиозного и политического, вы ждете вмешательства правосудия, если на сцене имеет место возбуждение половой распущенности?” “Нет, – отвечал Шоу, – я не могу с этим согласиться, потому что, обращая правосудие против введения во грех, вы тем самым уже поощряете преследование антрепренера, выпускающего ведущую актрису в хорошенькой шляпке или просто с хорошеньким личиком. У меня вызывает яростный протест все, что лишено ясного определения. Вы можете создать какой угодно закон, определяющий, что значит ввести во грех, но употреблять закон, не знаящий, что же это в действительности такое, – это, согласитесь, слишком. Тогда такой, скажем факт, что женщина умывается, или носит приличное платье, или что-нибудь еще в этом роде, может вызвать восхищение у досужего прохожего, и он объявит: меня возбудили! Такие обобщения совсем небезопасны. Мне представляется, что ни одному служителю закона они не могут прийти по вкусу”.¹³

Либеральные депутаты хотели выглядеть защитниками свободы творчества. Большинство авторов пьес приняли эти “правила игры” и, не желая быть заподозренными в меркантилизме, говорили исключительно о недопустимости произвола в сфере творчества. Это было понятно, естественно и отвечало стереотипам общественного мнения, но для Шоу, очевидно, представлялось рутинной, даже не заслуживающей опровержений. Он и не стал делать этого, а обратился к конкретной проблеме нарушения цензурой права драматурга зарабатывать себе на жизнь. Он заявил, что считает нелепым и неприемлемым такое положение, когда цензор может “целиком распорядиться моим бюджетом, не руководствуясь при этом решительно никаким законом. Такой контроль, как мне кажется, превосходит худшую из деспотий.”¹⁴

Таким “приземлением” процедуры слушаний были шокированы и депутаты, и драматурги. Они готовились совсем к другой и ожидаемой публикой постановке вопроса о свободе творчества. Шоу недвусмысленно дал понять и тем, и другим, что с властью, которую представляют депутаты, нужно говорить о проблемах, входящих в ее компетенцию, и что свобода творчества к числу этих проблем не относится. Поставленные таким образом на место, либералы были оскорблены в своих лучших чувствах. У них не осталось даже возможности ответить Шоу обвинением в личной заинтересованности: все знали, что запрещение “Бланко Поснета” и “Газетных вырезок” не уменьшит стабильного дохода, который приносят Шоу американские и европейские постановки его пьес.

¹³ Там же, с.318-319.

¹⁴ Пирсон Х. Указ. соч., с.318.

Драматурги также были крайне недовольны: Шоу, считавшийся "своим", оказался вдруг третьей стороной, несогласной со всеми. И такая реакция со стороны тех, вместе с кем Шоу подписал открытое письмо, не была неожиданной. Дело в том, что, к этому времени в литературных кругах сформировались определенные мнения по проблеме изменения системы цензуры. В письме Д.Голсуорси к Э.Гарнету от 19 августа 1907 г. будущий певец Форсайтов раскритиковал точку зрения нескольких коллег-драматургов, считавших, что вопросы цензуры должны находиться в ведении библиотек. Д.Голсуорси убедительно доказал, почему этого делать нельзя, однако сам в свою очередь выдвинул еще более странную идею – цензурой должна заниматься группа наиболее квалифицированных и признанных авторов.¹⁵ Вопрос ставился опять-таки в духе стереотипов общественного мнения: кому доверить цензуру, какой именно цензор сможет выполнять свои обязанности, не покушаясь на свободу творчества? Для Шоу нет такого вопроса. Он и не спрашивает ни о чем, а утверждает, что компетенция цензуры должна быть строго определена и что автор-драматург должен знать, какие именно требования вправе предъявить ему цензор.

Билль был отклонен, но Редфорда на посту цензора сменил Ч.Брукфилд, бывший актер и драматург, автор многочисленных "bedroom farces", такой же косный и ограниченный, как его предшественник. Питая подозрение ко все пьесам, которые затрагивали темы религии, политики и секса, он все же избегал запрещать пьесы Б.Шоу, Д.Голсуорси и других представителей постибсеновской драмы, сосредоточившись на преследовании И.Зангвилла по религиозным причинам (подозрительно много пишет о евреях и иудаизме) и И.Филлпотса (без объяснения причин).¹⁶ Кроме того, комитет допустил неразрешенные пьесы к постановке в клубах и частных заведениях, чем сразу же воспользовались суффражистки: "Газетные вырезки" были поставлены в их частном клубе.¹⁷ С этого же времени наметился явный крен в предпочтениях публики в пользу новой остросоциальной драматургии.

Замысел пьес Шоу складывался по-разному, но его отправной точкой неизменно оказывалось некое реальное переживание или ситуация. Комедия "Волокита" – это почти автобиографическое произведение, основанное на ссоре двух женщин, которые претендовали на руку и сердце Шоу.¹⁸ Впечатления сборщика квартплаты в трущобах Дублина породили "Дома вдовца".¹⁹ Став кассиром, Шоу ежедневно общался с заглядывавшими в офис земельными агентами. Именно это придало неповторимый колорит обличительному монологу пастора Кигэна в финале "Другого острова Джона Буля", который замечателен не столько

¹⁵ Edward Garnett. Letters from J.Galsworthy. N.Y.: Scribner's, 1934. P.154.

¹⁶ Gindin J. Op. cit., p.240.

¹⁷ Пирсон Х. Бернард Шоу..., с.318.

¹⁸ Хьюз Э. Бернард Шоу. М.: "Молодая гвардия", 1968, сс. 29-31. См. также: Пирсон Х. Бернард Шоу..., с.121.

¹⁹ Хьюз Э. Бернард Шоу..., с.59.

кельтским пафосом, сколько хорошим знанием юридического механизма афер с недвижимостью.²⁰

Конфликт с государством-цензором и с коллегами-драматургами как реальное переживание не мог не отразиться в последующем творчестве Шоу: не каждый же день он выступал перед депутатами обеих палат парламента, из которых состоял Совместный комитет.

Ни одна из написанных после ноября 1909 г. пьес напрямую тему цензуры не затрагивает. Но личный опыт, полученный в ходе этих событий, на мой взгляд, все-таки нашел отражение в одной из пьес 1910 г., хотя в ней ни разу не упоминается слово "*ensorship*". Речь идет о маленькой одноактной пьесе "*Смуглая леди сонетов*". По сравнению с "*Цезарем и Клеопатрой*" и "*Другим островом Джона Буля*" пьеса прошла незамеченной. Она считается этюдом, капризом мастера.²¹ Но внимательное прочтение этой не самой известной пьесы Шоу показывает, как он понимал природу и подоплеку конфликта цензуры и драматургов, Власти и Искусства. Шоу знал, что королева Елизавета никогда не встречалась с Шекспиром, но в "*Смуглой леди сонетов*" он заставил их встретиться, сведя таким образом Власть и Искусство. Все это сообщило известный историзм как проблеме взаимоотношений Власти и Искусства, так и репертуарным и финансовым проблемам.

Уже в самом начале пьесы гвардеец на посту у Уайтхоллского дворца отказывается пропустить Шекспира во внутренний двор за четыре билета на любое представление "Глобуса", так как он предпочитает "всем этим новомодным пьесам, где только говорят"²², потоки крови "*Испанской трагедии*" Кида. Шекспир дает солдату золотой со словами: "*Испанскую трагедию*", смотрят за деньги, приятель. Вот получите.²³ В дальнейшем по ходу пьесы положение о коммерческой прибыльности пустых, но броских, потакавших самым низменным инстинктам публики пьесок разбивается в диалоге Шекспира и Елизаветы. Драматург сознается в своем страшном грехе: он был вынужден написать две "гнуснейшие комедии", чтобы увеличить сборы и поддержать актеров, занятых в серьезных пьесах. Речь идет о "*Двенадцатой ночи, или Как вам угодно*" (Шекспир хотел подчеркнуть, по мнению Шоу, что ему не так угодно) и "*Много шума из ничего*".²⁴

Елизавета не возражает против государственной поддержки театра, униженного пошлым и избитым репертуаром. Но говорит, что появится такая поддержка еще не скоро, позднее, чем в "варварской Московии" и у "невежественных германцев".²⁵ Шекспир в "*Смуглой леди сонетов*"

²⁰ Шоу Б. Избранное. М.: ОГИЗ, 1946. С.248-249.

²¹ Wisenthal J. Shaw's sense of history. Oxford: Oxford University Press, 1988. P. 157.

²² Билеты – намеренный анахронизм Шоу, деньги в театрах XVI в. отдавали у входа. – Шоу Б. Избранное..., с.306.

²³ Шоу Б. Избранное., с.306.

²⁴ Там же, с.312.

²⁵ Там же, с.313.

изображен несколько карикатурно. Он постоянно жалуется на плохую память и записывает ряд понравившихся ему высказываний часового и королевы. По ошибке приняв Елизавету за смуглую леди, он, искренне восхищаясь ее голосом и манерой выражаться, моментально влюбляется (именно в голосе и стиле речи, по его мнению, заключается истинная красота женщины) и пытается обнять ее. В результате драматург и Елизавета становятся жертвами нападения ревнивой смуглой леди, которой Шекспир назначил свидание.

Шекспир вовсе не удивляется, что перед ним королева. Напротив, все карикатурное и нелепое отлетает прочь. Он не спускает правительнице Англии пренебрежительного определения "*безродный слуга*". Ловко используя в полемике самоопределение Елизаветы ("*дочь Генриха VIII*"), Шекспир советует ей не упоминать "*имени этого развратника*" рядом с именем его отца Джона Шекспира, "*самого достойного олддермена Стрэтфорда*".²⁶ Наконец, он интересуется, почему Елизавета так уверена, что Генрих VIII действительно ее отец? Вообще, она не Тюдор, и то, что трон заняла она, а не "*эта дрянь*" (смуглая леди) или какая-нибудь скотница – вовсе не заслуга ее ума и государственных дарований, а игра случая, везение, счастье и ...ее необычайная красота.²⁷ За последний пункт Елизавета прощает дерзкого актера, хотя чуть раньше готова была убить его.

Нельзя сказать, что Шекспир уступил королеве в смертельно опасном по меркам XVI века словесном поединке. Во-первых, Елизавета не отличалась блестящими внешними данными, и слова о ее красоте – злая сатира, замаскированная под лесть, с учетом женской психологии. Во-вторых, выше драматург заявил, что красота женщины – голос и стиль речи.

Если Конрад определил поведение Шоу как "сумасбродное"²⁸, то Шекспир в "*Смуглой леди сонетов*" ведет себя героически. Разница между героем и сумасбродом в данном случае зависит от точки зрения. Шоу и Шекспир (глазами Шоу) естественны, прямы, говорят неприятные вещи не ради выгоды, а потому что не могут не говорить, и говорят то, о чем все остальные предпочитают молчать.

Сам факт участия Шоу в заседании Совместного комитета сравним по степени целесообразности с часовым выступлением Шоу перед тремя полисменами под проливным дождем.²⁹ В просьбе героя "*Смуглой*

²⁶ Шоу Б. Избранное., с.310.

²⁷ Там же.

²⁸ См. сн.12.

²⁹ Из беседы Шоу с биографом об упражнениях в ораторском искусстве в 80-х гг. XIX в.: "Одну из моих лучших речей я произнес в Гайд-парке, перед шестью полицейскими, посланными наблюдать за мной, и секретарем общества, по просьбе которого я выступал, – он держал надо мною зонтик. Я решил во что бы то ни стало заинтересовать полицейских, хотя слушали они меня лишь по долгу службы, – обычно, как только они убеждались, что оратор безвреден, они тут же забывали о нем. Я развлекал их больше часа. И по сию пору мне стоит только

леди сонетов" к Елизавете об учреждении королевского театра и оказании ему финансовой помощи критики видят лишь адекватное отображение современной Шоу ситуации.³⁰ Напротив, в контексте взглядов Шоу на взаимоотношения Власти и Искусства все это служит лишь одной цели – подвести к кульминационной фазе прошения:

“Елизавета. Мистер Шекспир, я поговорю с лордом-казначеем.

Шекспир. Тогда я пропал, ваше величество, ибо не было еще лорда-казначея, у которого нашелся бы сверх необходимых правительственных расходов хоть один пенни на что-либо, кроме войны или жалованья собственному племяннику.”³¹

В контексте этих слов, отражающих глубокое понимание “государственных интересов”, сама просьба о помощи выглядит довольно странно. Но Шекспир просит не для себя лично, а, как и Шоу, указывавший на недопустимость ограничения права драматургов зарабатывать, для “актерской братии”, заранее зная, что ему откажут:

“Елизавета. Вы сказали истинную правду, но не в моих силах как-либо помочь делу. Я не могу обидеть моих беспокойных пуритан, взвалив на их плечи расходы по такому развратному учреждению, как театр; и есть тысяча вещей, которые нужно сделать здесь у меня, в Лондоне, прежде чем в казне найдется хоть пенни для вашей поэзии <...> Одно я скажу: если б было в моей власти обратиться через века к нашим потомкам, я искренно посоветовала бы им исполнить вашу просьбу, ибо правильно сказал шотландский менестрель, что создающий песни народа могущественнее, чем создающий его законы.”³²

Из всего этого можно заключить, что Искусство не представляет для Власти предмета первой степени важности, именно для Власти, а не человека – носителя ее. Это понимают и Елизавета, и Шекспир, и... Шоу. И когда это так, то нелепая и непродуманная система цензуры – всего лишь следствие такого положения вещей.

Суровая правительница XVI века оказалась разумнее либеральных депутатов. Шекспир не ждет от нее помощи, но получает – понимание. Установление хороших отношений Елизаветы и Шекспира в пьесе во многом совпадает с реальной исторической ситуацией начала XX в. Будучи не самым любимым “клиентом” цензора пьес при лорде-камергере, Шоу был любимым драматургом королевской семьи.³³ В 1905 г. Эдуард VII так смеялся на премьере “Другого острова Джона Буля”, что сломал стул под собой.³⁴

Шумиха вокруг слушаний о цензуре привела к росту интереса публики к “новой драме”. Случались и впоследствии небольшие недоразуме-

закреть глаза, чтобы увидеть перед собой их макинтоши”. – Цит. по: Хьюз Э. Бернارد Шоу..., с.23.

³⁰ Wisenthal J. Shaw's sense of history..., p.157.

³¹ Шоу Б. Избранное..., с.312.

³² Шоу Б. Избранное..., с.312, 313.

³³ Пирсон Х. Бернارد Шоу..., с.319.

³⁴ Хьюз Э. Бернارد Шоу..., с.114.

ния, но страсти 1906-1909 гг. навсегда ушли в прошлое. Все последующие дискуссии о приемлемости или неприемлемости того или иного произведения разворачивались теперь без участия государства, в основном между Шоу и клерикалами (1920-й год — *“Назад к Мафусаилу”*, 1925-й — *“Святая Иоанна”*, 1936-й — *“Черная девушка в поисках Бога”*), иногда между Шоу и всеми остальными (1912-й — печатная полемика с А. Конан-Дойлем по поводу гибели *“Титаника”*, 1914-й — фельетон *“Здравомыслящий о войне”*). Борьба литературной общественности и Шоу с *государственной* цензурой постепенно перешла в противостояние Шоу цензуре *общественной*.

Возражающий Шоу не оперирует в пределах схемы “да — нет” или “правда — неправда”. Он сбивает оппонента с позиции, «приземляя» его, обращая внимание на нечто более конкретное, более реальное, лежащее в основании или предыдущее в причинно-следственной связи. Шоу по-прежнему указывал на то, чего не хотели видеть, продолжал утверждать, что дело не в том, что не дают писать (не дать писать — невозможно), а в том, что не дают зарабатывать. Гибель *«Титаника»* в 1912 г. — повод не для восхищения героизмом спасшихся и соболезнования семьям погибших, а для того, чтобы на время отказаться от рекордомании в пересечении Атлантики и для обновления спасательных средств.³⁵ Самое разумное, что могут сделать солдаты во время мировой войны — это застрелить офицеров и разойтись по домам³⁶, что, собственно, и случилось в несколько усложненном виде в одной из стран Антанты.

Взаимосвязи личной и творческой биографии любого крупного художника напоминают сложный узор из причудливо переплетенных линий. Это в высшей степени справедливо по отношению к Шоу. Еле уловимые, едва ли не метафизические связи биографии и драматургии позволяют глубже проникнуть в творческую лабораторию Шоу, понять взаимодействие драматургического замысла и общественной позиции и, в частности, может быть, переоценить значение “этюда”. По аналогии с основным критическим трудом Шоу *“Квинтэссенция ибсенизма”*, *“Смуглая леди сонетов”* — квинтэссенция взглядов Шоу на социальное положение художника. Во всяком случае, если это “этюды”, то в нем проявились все свойства Шоу-смутьяна, Шоу-раздражителя, Шоу-“тонизирующего лекарства”. В определенном смысле это относится к любой пьесе Шоу, но ситуация с историко-литературной “перекличкой” ноябрьского заседания Совместного комитета и *“Смуглой леди сонетов”* любопытна именно тем, что раскрывает взгляды Шоу на природу взаимоотношений Власти и Искусства.

³⁵ Bernard Shaw in Lecturers and Speeches / Ed. by Weintraub S. N.Y.: Appleton, 1958. P. 87-89.

³⁶ Shaw B. A Commonsense about the War // New Statesman. Special addition. November, 1914.

На слушаниях в комитете Шоу не стал рассуждать в терминах своих коллег-драматургов и занял позицию третьей стороны. Словосочетание «третья сторона» можно толковать по-разному. Писатель и публицист русского зарубежья М.Алданов называл так политика, «стоящего над схваткой», умеющего воспользоваться плодами раздора двух противостоящих сторон. М.Алданов выразил это политической формулой «*tertius gaudens*» – «третий радующийся».³⁷ Применительно к Шоу точнее будет «третий жертвующий» – жертвующий собой.

Скандалное заявление или сенсационный поступок заставляли «все здоровые силы общества» обрушиваться на драматурга с критикой, призывать театры к бойкоту его пьес и т.д. Острой и нелицеприятной критикой Шоу выводил драматургию за рамки сцены и предлагал всем желающим перестать быть зрителями и стать действующими лицами, реагируя на выходки "рыжебородого ирландского Мефистофеля".³⁸ Драматическое видение мира, выразившееся в стремлении видеть всегда реальный, а не кажущийся конфликт, стало и его общественной позицией. Он отдавал себе отчет в этом своем качестве и называл его «здравым смыслом», другие – «Шовианской мудростью».

Именно оно – драматическое видение мира – подталкивало Шоу к тем рискованным обобщениям в области теории эволюции, которые заставляли читателя балансировать на грани, если не за гранью современной (на момент написания второго предисловия к пьесе «Назад к Мафусаилу» – 1944 г.) биологии.³⁹ В другое время и в другой обстановке по той же причине он решился сделать предложение перестать водить советскую молодежь по музеям революции теперь (1931 г.), когда революция – это само правительство. Необходимо выбросить из музеев всю эту опасную чепуху (революционные экспонаты) и превратить их в музеи закона и порядка.⁴⁰

Узкие специалисты воспримут все это скептически. Профессиональный биолог посчитает эволюционные теории Шоу псевдоинтеллектуальной и антинаучной заумью, попыткой скрестить биологию с религией, предпринятую человеком, который несерьезно относился как к биологии, так и к религии. Специалист по истории России может обвинить Шоу в рационализме, доведенном до абсурда и отражающем полное непонимание того, что проходило в СССР в 30-е годы. Однако любая гармония покажется хаосом, если хоть одна ее деталь скрыта от наблюдателя или если он видит только одну ее деталь.

Драматическое же видение мира – не деталь, а каркас конструкции. Шоу высказал свои пожелания экскурсоводу Музея Революции, ожидая экспрессивной реакции (дождался лишь молчаливого удивления). В

³⁷ Алданов М. Предисловие к книге М.А.Осоргина "Письма о незначительном" // Алданов М. Сочинения в 6 книгах. – Кн. 6: Ульяновская ночь. Литературные статьи. М.: АО "Издательство "Новости", 1996. с.540.

³⁸ Хьюз Э. Бернад Шоу... с.128.

³⁹ Shaw B. Back to Methuselah. L.: Penguin books, 1990.

⁴⁰ Хьюз Э. Бернад Шоу... с.140.

этом случае он предложил "сыграть в театр" одному человеку, обычно "зрительный зал" бывал не меньше Англии. Разумеется, понимание драматического видения мира как особенности интеллекта не объясняет всего в Шоу. Но оно чрезвычайно важно, поскольку раскрывает не только смысл странных и эксцентричных поступков Шоу, но и его место и роль в культурной и общественной жизни Великобритании.

В английской литературе весьма широко представлены оригиналы, которые вызывали всеобщее удивление своими идеями и поступками. Здесь и Седрик из *"Айвенго"* В.Скотта, неприязнь которого ко всему нормандскому граничит с болезнью, и второстепенный персонаж *"Собаки Баскервилей"* А.Конан-Дойля мистер Френкленд, астроном-любитель, который постоянно судился со всеми соседями не ради выгоды, а из-за того, что был помешан на британском законодательстве, предоставляющем такую возможность. Френкленд регулярно применял свои юридические знания как в интересах жителей деревушки Фернворси, так и наперекор им. Жители деревушки то проносили его с почетом по деревне, то сжигали его чучело.

В реальной жизни таким Френклендом общенационального масштаба был Джордж Бернард Шоу, с той разницей, что он был гениальным драматургом, а не юристом-любителем. Нельзя сказать, что массовая любовь и интерес британцев к Шоу вызваны тем, что не будь этого социокультурного феномена, жизнь в Англии была бы хуже. Здесь неуместны категории "хуже" и "лучше". Просто это была бы другая страна. Примерно как деревня Фернворси без мистера Френкленда: ее притихшим и скучным жителям некого было бы проклинать и восхвалять.

И.А.Андронов

Интеллектуалы Неаполя: Фаусто Николини, его друзья и герои

Один из крупнейших представителей итальянской историографии XX в. Фаусто Николини занялся историей случайно, благодаря стечению ряда обстоятельств. Более того, он никогда не считал себя историком и тем более не называл себя так публично. Тем не менее, совершенно уместно говорить о нем как об ученом национального масштаба, крупном специалисте по ряду проблем социальной и интеллектуальной истории Неаполя в XV-XVIII вв. За пределами этой проблематики Николини известен прежде всего как друг и биограф великого неаполитанского философа и историка Бенедетто Кроче¹, однако такое определение грешит однобокостью и ограниченностью. Гений великого друга затмил реальные заслуги и славу крупнейшего "эрудита" итальянской исторической науки, и, видимо, настало время рассказать о нем.

Фаусто Николини родился в 1879 г. в семье, принадлежащей к неаполитанской служилой знати. Предки его были весьма известными людьми в юридических или административных кругах. Среди династий юристов, ведущих подчас свою родословную с XV-XVI вв., семья Николини занимала особенное положение. Родословная семьи Николини из области Аbruццо (древний Брутий) прослеживается до XV века.

Первым приехал в Неаполь прадед Фаусто Николини – Никола. Как и многие его предшественники-земляки, Никола Николини прибыл в столицу Королевства Обеих Сицилий с намерением изучать право. В XVIII в. это был единственный способ выбиться в люди для молодого человека, располагающего некоторыми средствами. Традиционно для Неаполя правоведа имели большие шансы: попасть не только на работу в суды, но и в королевскую администрацию. Окончив один из самых известных в Европе юридических факультетов – неаполитанского Университета имени Фридриха II, Никола Николини сделал успешную карьеру и вскоре стал известнейшим специалистом. Началу продвижения по административной лестнице способствовали политические пристрастия: молодой юрист был активным якобинцем и участвовал в неаполитанской революции 1799 г., а позже активно поддерживал Мюрата. Отсутствие симпатий к Бурбонам сказалось на карьере юриста лишь в

---

¹ См., например, Dictionary of Modern Italian History / Ed. Frank J.Coppa. Westport; L., 1985. *Ad vocem* Croce.

1821 г., после поражения карбонарской революции в Неаполе, когда в ходе масштабной чистки государственного аппарата Никола Николлини был уволен с высокой должности Генерального Адвоката Верховного Суда Королевства, оставаясь Ординарным профессором уголовного права и процесса в университете. Впрочем, уже через 10 лет он вышел из опалы² и ему были возвращены все должности и регалии.

Славный юрист отличался широтой взглядов и политическою терпимостью. Среди его друзей были и ярые сторонники Бурбонов, как, например, его земляк Советник Его Величества Бенедетто Кроче, дед великого философа, пострадавший за свои политические взгляды в 1848 г. Друзья были известны в городе, очень богаты (им принадлежали обширные земельные владения в различных областях Южной Италии). Прибыв в Неаполь из провинции, они сумели проникнуть в высший свет и закрепиться там настолько, что их потомки Фаусто Николлини и Бенедетто Кроче ("младший") спустя полвека были с молодых лет допущены в те же круги. Обе семьи имели большие дома в самой престижной части города³, содержали салоны и активно общались между собой.

Детство Фаусто Николлини следовало в целом схеме, принятой для отпрысков самых аристократических фамилий Неаполя. Поначалу он воспитывался дома, где родители дали ему первые знания. Большим почетом в семье пользовался городской фольклор и особенно песни. Неаполитанская песня повсеместно признана уникальным явлением; насчитывается более 600 только "классических" песен, то есть распространенных на народном уровне. Эта своеобразная и очень богатая музыкальная культура произвела настолько глубокое впечатление на маленького Фаусто, что им овладело желание, невзирая на уже известные ему традиции семьи, стать музыкантом. В более зрелом возрасте Фаусто продолжал питать мечты, так и оставшиеся несбыточными.

В возрасте 9 лет Фаусто направляется в известный в городе коллеж иезуитов⁴, имевший вековые традиции в воспитании детей из лучших семей города. Здесь он знакомится с представителями славных семей высшей аристократии Южной Италии: Филанджьеры, Колонна, а также легендарных "трех К" Неаполя – Карафа, Капече, Караччоло. Юноша получил характерное для учебных заведений этого типа воспитание.

² Н. Николлини не участвовал непосредственно в карбонарском движении, и опала его была связана, конечно, с увлечениями молодости. Уже в 1831 г. король просит (!) его вернуться к исполнению прежних обязанностей и даже назначает в 1841 г. министром без портфеля. В должности министра был склонен к умеренности, но далек от либерализма; в 1847 г. он предложил проект радикальных реформ, предусматривавших некоторую свободу печати и критики. Умер в 1857 г. В 1906 г. правнук юриста Фаусто Николлини посвятил своему славному предку книгу "Nicola Nicolini e gli studi giuridici nella prima metà del secolo decimonono", почти сразу же ставшую библиографической редкостью.

³ Дом семьи Николлини, в котором и родился Фаусто, находился на улице Инфраската (совр. улица Сальватора Розы) и сильно пострадал в 1943 году.

⁴ Convitto gesuitico di Napoli.

Прошло почти 30 лет после объединения Италии, в ходе которого была ликвидировано самостоятельное Королевство Обеих Сицилий. Находившийся в руках Ордена иезуитов коллеж был пропитан духом недоверия к новому государству и почти не скрывавшейся ненавистью к "чужому" королевскому дому. Дети жили в пансионе при коллеже, находясь под круглосуточным наблюдением "дядек" – малограмотных клириков. Священники на проповедях и даже на занятиях не стеснялись прямо призывать к "крестовому походу" против "отлученного узурпатора, с помощью насилия и обмана разбившего лагерь в Квиринальском дворце"⁵. Итальянская идея присутствовала в подобных учебных заведениях на уровне выхолащенного неогвельфизма, демагогическая сущность которого не вызвала сомнений в итальянском обществе на протяжении уже четырех десятилетий. В коллеже поддерживались сложившиеся в течение предшествовавших трех столетий традиции закрытого образования для мальчиков благородного происхождения. Главную роль в общении воспитанников с внешним миром играли так называемые "академии" – благотворительные концерты учеников с беспомощной игрой на фортепиано, скучнейшим декламированием, пением гимнов, любительскими спектаклями на благочестивые темы и т.п. Концерты устраивались администрацией коллежа в честь дня того или иного святого, а также в память какого-нибудь особо дорогого для отцов-иезуитов исторического события, как, например, битва при Леньяно. Церковь открыто пыталась вернуть себе монополию на воспитание детей и образование, что – хотя бы в отношении аристократической верхушки – ей до поры вполне удавалось.

Семья настояла, чтобы по окончании коллежа и лицея при нем Фаусто – в соответствии с семейными традициями – поступил на юридический факультет. Сам молодой человек рассматривал свое пребывание в университете как временное явление и отнюдь не собирался предпринять карьеру по стопам многочисленных предков. Через 62 года после получения университетского диплома *"in utroque"*, то есть и по гражданскому, и по церковному праву, Фаусто Николини признается, что ходил на занятия "через силу", а диплом получил "Бог знает каким образом"⁶. Тем не менее, в 1900 г. он получил "бумагу с печатью" (так неаполитанские бурши уже 250 лет называли диплом доктора права) и был этому очень рад – теперь ничто не должно было отвлекать его от главной страсти. Молодой юрист с достойным лучшим применением взялся за изучение гармонии, композиции и контрапункта. Семейное предание гласит, что пределом мечтаний его в те годы был пост дирижера симфонического оркестра⁷. Как показывает пример Фаусто Николини и многих его товарищей по юридическому факультету, обучение праву было, с одной стороны, очень желательным для молодого-

⁵ Nicolini F. Croce. Roma, 1962. P. 40.

⁶ Ibid., p. 183.

⁷ Nicolini F. Scritti di archivistica e di ricerca storica raccolti da Benedetto Nicolini. Roma, 1971. Introduzione di B. Nicolini, p. VII.

го человека "из хорошей семьи", а с другой – совершенно ни к чему его не обязывало⁸. Впрочем, пренебрегать влиянием Университета на идейное формирование неаполитанского интеллектуала не стоит.

Последняя четверть XIX в. – время особенного подъема Университета Фридриха II. Кафедрой итальянской литературы заведовали известнейшие специалисты, авторы первых комплексных исследований Луиджи Сеттембрини и Франческо Де Санктис⁹. "Науку финансов" в университете преподавал Ф.С.Нитти¹⁰. Любопытно, что преподавателей юридических дисциплин Фаусто Николини впоследствии вспоминал менее охотно, а вспомнив, никак себя с ними не отождествлял¹¹.

До поры Фаусто жил обыкновенной жизнью праздного молодого бонвивана. Интересна характеристика этой среды, которую дал однажды он сам. К наиболее распространенным достоинствам молодых представителей благородного сословия он относил "сильнейшее чувство чести, естественное отвержение всего хоть сколько-нибудь вульгарного; определенную сдержанность, но не сочетающуюся со спесью, высокомерием, зазнайством, а наоборот, смягченную за счет сердечной, благородной, чаще всего радостной обходительности". К другим распространенным недостаткам молодежи своего сословия, как мы еще увидим, Фаусто не имел никакого отношения. Среди них он выделял недостаточную любовь к культуре, компенсируемую избыточной страстью к лошадям и женщинам, а в целом – сознательное стремление к прожиганию жизни¹². Одногодки Николини воспринимали жизнь как нечто мимолетное и служащее исключительно для увеселения. Как доказывают произведения неаполитанцев Эдуардо Де Филиппо, Антонио Куртиса (более известного у нас под именем Тото), а из наших современников – Лучано Де Крешенцо и особенно Федерико Сальваторе, эта

---

⁸ В частности, о философе и историке Гвидо Де Руджеро было сказано: "Бесполезным оказалось правовое русло, в которое он, как настоящий неаполитанец, направил свое образование". – *Gily Reda C. Guido De Ruggiero: un ritratto filosofico. Napoli, 1981, p. 15.*

⁹ Франческо Де Санктис (1817-1883) – крупнейший историк итальянской литературы XIX века. Поддержал революцию 1848 г., за что сидел в тюрьме в 1850-53 гг. Будучи выпущен на свободу, уехал в Турин, а в 1855 г. – в Цюрих преподавать итальянскую литературу. Близок к Кавуру в конце 50-х, министр образования в 1861 г. и – уже в эпоху "исторической левой" – в 1878 г. Член парламента.

¹⁰ Франческо Саверио Нитти (1868-1953) – крупный политик и общественный деятель. Профессор, депутат парламента с 1904 г., министр сельского хозяйства в 1911-14 гг., финансов в 1917-19 гг. (кабинет Орландо), премьер-министр в 1919-20 гг. Бежал из Италии в 1924 г. и был арестован немцами во Франции в 1943 г. С 1948 г. – пожизненный сенатор Республики. Теоретик "меридионализма", движения за экономический и культурный подъем Южной Италии.

¹¹ *Nicolini F. Croce. Roma, 1962. P.100-101.*

¹² *Nicolini F. Scritti di archivistica e di ricerca storica raccolti da Benedetto Nicolini...* p.338. Цитируется речь, прочитанная Ф. Николини по национальному радио 23 июля 1959 г. в память о скончавшемся друге и коллеге Риккардо Филанджери, однако Николини сам подчеркнул типичность приведенного портрета.

представленная Фаусто Николіни картина достоинств и пороков "золотой молодежи" столицы Южной Италии более чем типична.

Перелом, столь же неожиданный, сколь и закономерный, обозначился в 1901 г. Еще в лицейские годы Фаусто узнал из "Лекций по истории итальянской литературы" Л. Сеттембрини¹³, что личный архив одного из крупнейших представителей итальянского Просвещения Фердинандо Галиани¹⁴ принадлежат его семье. Никто, впрочем, дома не отвечал на его заинтересованные расспросы, считая, видимо, что всему должно прийти свое время. В 1901 г. умер отец, и среди наследства Ф. Николіни обнаружил бесценный архив, значительную часть которого составляла переписка аббата с Тануччи, мадам д'Эпине и другими французскими друзьями. Еще в 1806 г. этот архив был приобретен Николой Николіни у адвоката Аццарити, племянника и наследника великого просветителя, и потому хранившиеся в нем документы не могли войти в парижское издание эпистолярного наследия Галиани 1818 г.

Сначала Фаусто Николіни занимался архивом "для развлечения", переписывая наиболее ценные, на его пока еще любительский взгляд, письма. За этим занятием прошли два года. Наконец, уже достигший известности 37-летний Бенедетто Кроче в своем журнале "Критика" опубликовал статью о наследии Галиани, где попенял известной в городе семье за сокрытие такого богатства от исследователей¹⁵. 1 июня 1903 г., всего через несколько дней после выхода в свет статьи Кроче, Николіни преодолел граничащую со страхом робость¹⁶ и направился к ее автору. Этот день стал поворотным в судьбе молодого человека.

Кроче хорошо его принял, а беседа их закончилась предложением Кроче помочь Николіни разобрать и привести в порядок доставшийся в наследство архив. Уже на следующий день они вдвоем принялись за работу, и в течение двух или трех недель занимались ею почти ежедневно. То обстоятельство, что Николіни в эти недели переживал медовый месяц, нисколько не помешало двум энтузиастам. В результате этой работы архив был упорядочен, к нему был составлен каталог. По окончании работы Кроче предложил Николіни написать для "Критики" статью об архиве Галиани, и тот (никогда ничего не писавший до этого) с радостью согласился. Из 60 страниц рукописи редактор оставил 8, однако Николіни был счастлив – такие это были страницы¹⁷.

Сначала Николіни стал учеником Кроче, затем – сотрудником, наконец они начали встречаться ежедневно, вместе гулять и даже довольно часто вместе обедать.¹⁸ Отношения Кроче и Николіни очень скоро пе-

¹³ *Settembrini L. Lezioni di storia della letteratura italiana. Roma, 1869.*

¹⁴ Аббат Фердинандо Галиани (1728-1787) – экономист, друг Дидро и Гримма, автор ряда работ на о торговле и земледелии.

¹⁵ См. "La Critica", fasc. 3, an. 1 (1903).

¹⁶ Об этом страхе Николіни вспоминал благоговейно вплоть до глубокой старости. См. Nicolini F. Croce..., p. 184.

¹⁷ "La Critica", fasc. 5, an. 1 (1903).

¹⁸ Тогда (до 1912 г.) Кроче жил еще в палаццо Арианелло. В этом доме жили в разное время и поддерживали знакомство с Кроче такие люди, как Де Санктис и

перосли в искреннюю дружбу, которая длилась почти 50 лет и закончилась смертью первого из них. Основанием для этой дружбы Николини признавал разделяемую обоими любовь к родному городу и к его истории. Не стоит также недооценивать их одинаково аристократическое происхождение и готовность младшего уступить в споре.

В том же 1903 г. Николини (с подачи Кроче) стал членом двух общественных организаций, внесших значительный вклад в изучение и популяризацию неаполитанских древностей. Первая из них – Неаполитанское общество отечественной истории¹⁹. Хотя проект такой организации был выдвинут историком Карло Тройа еще в 1848 г., Общество было основано 28 лет спустя, в 1876 г. У основания его стояли крупные неаполитанские историки Бартоломмео Капассо, Джузеппе Де Блазиис, Камилло Миньери-Риччо и Шипионе Вольпичелла. Увлеченность этих ученых "краеведческими" сюжетами была исключительной. Так, про первого председателя Общества Б.Капассо говорили, что в разговорах с ним "не следует задевать его друзей из арагонской эпохи"²⁰. Де Блазиис заведовал кафедрой новой истории Университета, а когда вышел на пенсию, полностью посвятил себя работе в Обществе²¹.

Большинство членов Общества принадлежало все же к аристократии и крупной буржуазии. Их средства позволяли меньшинству профессиональных ученых публиковать результаты своих "регионалистских" исследований. Это большинство – "люди, которые, не сделав из исторических исследований главной цели своей жизни, были увлечены событиями истории их родного города или хотя бы в душе гордились им"²². Была основана и библиотека Общества, которая росла благодаря дарениям, завещаниям, обмену, а также приобретениям. В результате удалось скопить практически все необходимое для исследований по истории итальянского Юга, в том числе – манускрипты. Б.Кроче стал членом Общества в 1886 г., в возрасте 20 лет. Профессор новой истории Микеланджело Скипана протяжении нескольких десятилетий издавал "Исторический архив неаполитанских провинций"²³, орган, в котором публиковались результаты работы активных членов Общества. Ос-

---

семья Филанджери. К слову, именно туда Гете ходил в гости к одному из крупнейших представителей итальянского Просвещения Газтано Филанджери.

¹⁹ *Societa' Napoletana di Storia Patria*. Следует отметить, что подобные организации создавались после объединения страны и в других итальянских городах. Наиболее известны, кроме неаполитанского, аналогичные общества во Флоренции и Венеции, а также "Депутация" в Турине.

²⁰ *Nicolini F. Croce...*, p. 104.

²¹ Дж.Де Блазиис (1822-1914) прожил бурную жизнь. Отпрыск аристократического семейства, в 23 года он отправился добровольцем в составе экспедиционного корпуса Сардинского королевства на Крымскую войну. Попав в плен, был вынужден даже петь тенором, поскольку русские офицеры были убеждены в том, что каждый неаполитанец – певец от рождения. Только в 1857 г. его удалось освободить дипломатическим путем. В 1860 г. Де Блазиис вступил в армию Гарибальди, освобождавшую Южную Италию от Бурбонов.

²² *Nicolini F. Croce...*, p. 103.

²³ *Archivio Storico per le Provincie Napoletane*.

новными направлениями их исследований были разнообразные сюжеты истории Неаполя и Южной Италии XIV-XVIII вв., особое внимание уделялось жизни интеллектуальной и аристократической элиты.

Другим важнейшим центром бережного восстановления неаполитанских древностей была Академия Понтаниана. Она существует и поныне, являясь самой старой из выживших в Италии²⁴ (сегодня ее официальное название – Национальное общество наук, литературы и искусств в Неаполе). С 1903 г. Фаусто Николини был допущен к ее заседаниям, выступил с рядом докладов, публиковался в "Актах академии", а в 1908 г. стал ее действительным членом.

В 1903 г. Ф.Николини становится активным сотрудником журнала "Благороднейший Неаполь"²⁵, основанного выдающимся неаполитанским поэтом и писателем Сальваторе Ди Джакомо в 1891 г. Группа энтузиастов, в которую входили Б.Кроче, М.Скипа, Б.Капассо, а также представители аристократической элиты, такие, как Филанджери, создала на собственные средства печатный орган, призванный популяризировать старинные произведения изобразительного искусства, прежде всего неаполитанского. Большое внимание также привлекала топография древнего Неаполя. Само название журнала являлось парафразом названия известной книги Д.А.Паррино²⁶. Увлеченность авторов "чистым" искусством и "эрудитскими" студиями может иллюстрировать тот факт, что члены редакции журнала часто называли себя "*collegli in Apollo*", то есть приблизительно "товарищами по служению Аполлону".

Вхождение Ф.Николини в круг историков, краеведов, издателей, поэтов и писателей было настолько быстрым и глубоким, что все остальные увлечения молодости уступили место углубленному изучению истории Неаполя. Занятия музыкой были отставлены, а вскоре и совсем забыты; полное отсутствие музыкального слуха у Кроче не мешало общению двух друзей. Довольно быстро определились и профессиональные предпочтения: тщательная работа с источником, упор на его толкование, отказ от обязывающих дефиниций и от уязвимых обобщений.

²⁴ Понтаниана старше, хоть и всего на несколько лет, римской Академии Рысьеглазых (*Accademia dei Lincei*) и известнейшей флорентийской Круски; была основана в 1443 г. В 1542 г. была закрыта за антимонархические настроения. Многочисленные попытки возродить эту Академию предпринимались даже властями (так, испанский вицекороль Мединачели учредил ее вновь, дав ей свое имя, и она просуществовала в 1698-1701 гг.). Окончательно воссоздана она была только в 1808 г. при Мюрате. Среди возродителей – Джустино Фортунато (прадед известного политика-меридионалиста), Никола Николини, Винченцо Куоко. С 1892 г. среди ее членов (по классу истории) – Кроче, который стал в 1912 г. вице-президентом, а в 1917 и 1923 гг. был президентом Академии. – Об истории Академии см. *Nicolini F. Della Societa' nazionale di scienze, lettere e arti in Napoli. Napoli, 1974.*

²⁵ Журнал "*Napoli Nobilissima*" выходил с 1891 по 1906 и с 1920 по 1922 гг.

²⁶ Имеется в виду роскошное иллюстрированное издание с видами Неаполя, прославившее город далеко за пределами Италии: *Parino D.A. Napoli città nobilissima. Napoli, 1700.*

Перелом в судьбе Николини, который сам он связывал исключительно с Кроче, на самом деле был подготовлен как интеллектуальной атмосферой в Неаполе, так и представлениями о "классовом достоинстве" вкупе с постоянными поисками себя. Знакомства в доме Кроче убедили Николини в том, что занятия историей и изучением древностей – вполне благородное дело; после смерти отца необходимость следовать семейным традициям в выборе профессии можно было понимать расширительно.

Особой статьей повседневной жизни высшего общества Неаполя были салоны, мода на которые прошла лишь после первой мировой войны. По воскресеньям в доме Кроче собирался весь интеллектуальный Неаполь. На этих встречах свои новые произведения читал Сальваторе Ди Джакомо. Частыми гостями были известный художник Франческо Галанте, географ Роберто Альмаджа; нередко были и визиты титулованных особ. Николини присутствовал почти на каждой такой встрече, и беседы с другими гостями оказывали на него непосредственное влияние. Вот лишь один пример такого влияния.

Завсегдатаем воскресных встреч в доме Б.Кроче был один исключительно богатый молодой человек, интересовавшийся историей и культурой родного города, однако весьма далекий от серьезных научных занятий. Он был членом всех организаций, споспешествовавших развитию элитарной культуры города, поддерживал знакомства в высшем свете и особенно гордился вхождением в дом историка и философа, который уже тогда имел национальную известность. Собственные же интеллектуальные занятия были прихотью, но не страстью. Кроче предложил ему заняться – от избытка времени и, главное, средств – издательской деятельностью, а его друзья во главе с Николини поддержали предложение. Что из этого вышло, станет понятным, если принять во внимание, что молодого человека звали Риккардо Риччарди.

Риччарди начал издательскую деятельность, публикуя работы самого Кроче и людей его круга, в том числе Николини. Затем круг печатаемой литературы постепенно расширялся, включая в себя произведения неаполитанских писателей, ученых и философов XVII-XVIII вв. После печально известной экспроприации 1946 года издательская деятельность стала единственным источником средств к существованию для целой семьи. Пика известности издательство достигло в 50-60-е гг., когда было предпринято титаническое издание "Итальянская литература. История и тексты"²⁷, содержащее 75 томов комментированных текстов и 8 томов развернутых историко-литературных обобщений. Издание, вышедшее огромным тиражом, послужило базой для уже совершенно не поддающихся подсчету публикаций для школ и лицеев.

Обилие славных имен среди ближайшего окружения Фаусто Николини не должно вводить в заблуждение. Речь идет все же об очень ограниченном круге людей, о некоей касте, только принадлежность к ко-

²⁷ Letteratura italiana. Storia e testi. Napoli, Riccardo Ricciardi ed.

торой могла дать человеку моральное право и практическую возможность заниматься "эрудитскими" штудиями на тему неаполитанской истории или искусства. Эти люди были тесно связаны друг с другом, находились в постоянном контакте, а не попавший в их круг не мог считаться "полноценным" неаполитанским ученым или интеллектуалом. Эти контакты обеспечивали, помимо уникального духовного климата, и возможность постоянного сотрудничества. Кроме прочего, такие формы общения интеллигенции и аристократической верхушки составляли одну из наиболее славных традиций неаполитанской культуры.

Кроме сумел убедить друга сдать в библиотеку Общества полностью организованный и описанный архив Галиани, сделав его доступным более широкой публике. Правительство не оставило этот жест незамеченным, и уже в октябре того же 1903 г. Фаусто Николини получил королевское назначение на работу в Миланский Архив. Не без помощи друзей он добился разрешения подождать другого назначения и в конце концов получил направление в Неаполитанский Архив.

Научные занятия Николини продолжались, и в 1904 г. он издал – впервые в полном объеме – автобиографию неаполитанского юриста и политического писателя первой половины XVIII в. Пьетро Джанноне. В сопроводительных материалах историк, обрушившись на предыдущие неудачные, неаккуратные и недобросовестные попытки издания архивных документов, касающихся Джанноне, сформулировал собственные критерии качественной работы с источником. "Профессор Пьерантони (редактор публикации жизнеописания Джанноне – И.А.) совершенно не интересовался тем, что было главнейшей из его обязанностей редактора, а именно скрупулезно и мелочно строгой выверкой публикуемого текста. ...Этот текст очевидно показывает, что издатель не дал себе иной заботы, кроме как добавить то там, то здесь какие-то замечания, не всегда точные, и допустить несколько своевольностей..."²⁸

Неизвестно, сколько времени требовалось Николини на подготовку той или иной публикации. Уже тогда он, как и Кроче, проводил за письменным столом по 10-12 часов в рабочий день и избегал праздных выходных. Работа шла одновременно в различных направлениях, что стало правилом после первой мировой войны, когда историк много ездил по Италии. По мере накопления материала он публиковался, и, как увидим, попытки издать его по частям не всегда доводились до конца. Еще не менее двух лет ушли у Николини на подготовку уже упоминавшейся монографии о прадеде²⁹.

28 декабря 1908 г. на Сицилии произошло разрушительное землетрясение, практически стеревшее с лица земли Мессину. В частности, был полностью разрушен Мессинский архив, и Николини уже через не-

²⁸ Vita di Pietro Giannone scritta da lui medesimo per la prima volta integralmente pubblicata a cura di Fausto Nisolini. Napoli: Societa' Napoletana di Storia Patria, 1904. P. 186.

²⁹ Такая практика была довольно распространена. Сам Кроче занимался изучением и описанием истории родовых поместий своей семьи в Абрुццо.

сколько дней был направлен туда для того, чтобы возглавить работы по его спасению и приведению в порядок. Приказ был подписан министром внутренних дел, а эту должность с должностью главы кабинета совмещал тогда Джованни Джолитти. Хорошо зарекомендовал себя в этом деле, Николини и в дальнейшем занимался восстановлением архивов, в частности, архива Анжуйского дома и дома Фарнезе (оба архива, как и часть архива Галиани, погибли в известном пожаре 1943 г.).

Обычной проблемой для этого "золотого века" неаполитанского регионализма был поиск издателя. История с Риччарди объясняется потребностью круга неаполитанских интеллектуалов в публикациях собственных произведений, что, в свою очередь, упиралось в отсутствие производственных мощностей. В начале века в Италии издавалась в основном школьная или развлекательная литература, и далеко не каждый владелец типографии был готов связаться с публикацией эрудитских штудий или философского журнала. В 1906 г. в кругу неаполитанских ученых появился новый человек – апулиец Джованни Латерца (1873-1943). Его маленькое издательство испытывало большие трудности, но Кроче поддержал его, доверив издание "Критики", и число публикаций сразу выросло, в чем далеко не последнюю роль сыграло участие Ф.Николини и его коллег. С 1910 по 1926 г. Николини был директором серии "Писатели Италии". Сегодня можно с уверенностью сказать, что издательство "Риккардо Риччарди" в Неаполе и "Латерца и сыновья" в Бари на протяжении XX столетия были в Италии – наряду с возникшим после второй мировой войны туринским "Эйнауди" – самыми престижными для публикации гуманитарного характера.

Рост авторитета Николини не замедлил сказаться на карьере, и уже в 1915 г. он был назначен директором Государственного архива в Сиене. Вынужденный отъезд из Неаполя оторвал Николини от круга друзей и единомышленников, но на его трудах это почти не сказалось. Именно к сиенскому периоду его биографии относится единственный эпизод, связанный с преподаванием исторических дисциплин. Новый директор архива лично ходатайствовал перед министерством внутренних дел (в его ведении находились тогда все итальянские архивы) об открытии в Сиене Школы палеографии – первого в Италии специализированного учебного заведения для подготовки архивных кадров, но самому сделать первый выпуск Николини не удалось – с 1918 г. он являлся директором уже венецианского Государственного архива.

Мировая война обозначила начало конца "золотого века" неаполитанской региональной историографии. Резкое вздорожание жизни повлекло за собой возросшие сложности при публикации новых работ. Вовлечение все более широких масс в политику отвлекало некоторые силы от "благородных" занятий, да и спрос на "эрудитские" исследования значительно понизился. Позже проявилось сильнейшее недоверие фашистских идеологов к регионализму во всех его проявлениях, что не замедлило сказаться и на внешнем "оформлении" неаполитанской исторической науки. Так, новая власть сразу же начала создавать трудно-

сти для общественных организаций, а со временем закрыла некоторые из них окончательно. В 1933 г. было распущено Неаполитанское общество отечественной истории, восстановленное при участии Николини в первые дни после вступления в Неаполь англо-американских войск. Впрочем, прежнего размаха Общество так и не смогло достигнуть. В 1935 г. была закрыта и Академия Понтаниана. Уникальную библиотеку удалось хитростью перевести в отдельный фонд Национальной библиотеки Неаполя, где она и сгорела во время пожара 1943 года. Академия также была восстановлена сразу по приходе союзников.

В Венеции Николини работал четыре года, и за это время он значительно расширил круг своих исследований. Увлечись материалами венецианского архива, посвященными малоизвестным мыслителям и политикам эпохи Возрождения, он принялся за их публикацию. Теперь Николини понимал свою задачу широко, посвятив немало труда созданию целостных образов "солдат Возрождения" из разных городов Италии. Не забывал он и о родном Неаполе. В частности, ему удалось отыскать в венецианском архиве безрезультатно разыскиваемую уже на протяжении шестидесяти лет копию (и не одну!) обширного послания неаполитанца Пьетро Суммонте (20 марта 1524 г.) к венецианскому гуманисту Маркантонио Микьелю. В письме содержалось описание многих новых неаполитанских произведений живописи, скульптуры, архитектуры, других городских древностей³⁰. Одним из направлений работы историка стало исследование очень полно сохранившихся реляций послов Светлейшей Республики при дворе неаполитанских королей и вице-королей. Начало этого увлечения восходит к 1912 г., когда Николини предпринял ряд публикаций донесений венецианских послов в серии "Писатели Италии".

С поста директора венецианского Государственного Архива Николини взошел на вершину служебной лестницы, став в 1922 г. (еще до "марша на Рим") Генеральным инспектором архивов Италии (эту должность он занимал вплоть до ухода на пенсию в 1947 г.). Теперь Николини подчинялся непосредственно министру внутренних дел. Известные политические события сделали его пребывание на этой должности весьма насыщенным. Уже в 1924 г. он получил лично от министра странное поручение, о котором никогда впоследствии не распространялся. Правнук Николини Бенедетто в статье памяти предка писал, что тот "провел также некоторые исторические исследования для политических целей, будучи побуждаем одной значительной политической фигурой... В 1924 г. министерство внутренних дел по представлению министерства общественного образования доверило ему деликатное исследование по поводу предполагаемого обнаружения полного текста

³⁰ Николини писал об этом послании в *Napoli nobilissima* (1922), в статье с продолжением, которая позже была опубликована полностью в отдельном издании. — *Nicolini F. L'arte napoletana del Rinascimento e la lettera di Pietro Summonte a Marcantonio Michiel*. Napoli: Ricciardi, 1925.

Декад Тита Ливия"³¹. Николини, конечно, легко доказал, что речь шла о подделке, однако деликатность ситуации усугублялось тем, что о ней уже широко говорилось как о самой крупной находке века.

Что же это за "значительная политическая фигура"? Ряд обстоятельств позволяет сделать вывод, что речь идет о выдающемся итальянском философе Джованни Джентиле, в те годы – министре общественного образования. Джентиле был близким другом Кроче, разрыв с которым произошел на почве лояльности фашистскому режиму. Как известно, Джентиле являлся одним из авторов "Манифеста фашистской интеллигенции", а всего через 10 дней Кроче издал "Манифест антифашистской интеллигенции". Таким образом, два друга, два крупнейших итальянских мыслителя возглавили противоположные политические лагеря. Особенно тяжело этот разрыв переживал Николини, настолько, что в биографии Кроче, написанной почти 40 лет спустя, отказался высказываться на эту тему. В 1910-е гг. он считал и Джентиле, и Кроче своими наставниками и старшими друзьями, посвящал им обоим свои публикации, в частности, титанический комментарий к изданию "Новой науки" Вико. Будучи очень привязан к Джентиле, Николини не мог разделить священного негодования Кроче и сумел простить Джентиле активную поддержку режима Муссолини.³²

Если последнее либеральное правительство Факта (1922 г.) разрешило Николини проживать в Неаполе, чтобы облегчить его исследования по неаполитанской истории, то фашисты, наоборот, всячески пытались изолировать Кроче от единомышленников: дважды (в должности регента Государственного архива) Николини направлялся в долгосрочные командировки: один раз на 10 месяцев в Болонью, второй – на более долгий срок – в Венецию.

Николини широко использовал свой пост Генерального инспектора для поиска в архивных фондах. Бывая в Риме, он, в частности, имел возможность заниматься в Ватиканском Архиве даже тогда, когда для публики он был закрыт. Это было организовано чисто по-неаполитански – благодаря личному знакомству с префектом архива Анджело Меркати. По работам этого периода заметно, что основные силы Николини были отданы руководству архивами. Он продолжал издание начатых ранее (нередко еще в довоенный период) трудов, в то время как новые сюжеты становились менее масштабными. В 30-40-е гг. Николини создает ряд персоналий, причем выбор тем поражает своей широтой – от культа отдельных католических святых до биографий палачей.

В 1943 г., когда союзники готовились к высадке на Апеннинский полуостров, многие неаполитанцы, опасаясь американских бомбардировок, бежали из города. Несмотря на то, что Неаполь был оккупирован немцами, Николини и Кроче с помощью английского разведчика

³¹ Nicolini F. Scritti di archivistica..., p. XI.

³² Убийство Джентиле в 1944 г. партизанами из "Групп патриотического действия" Николини переживал очень тяжело.

(сказалась мировая слава друга) сумели выбраться на уже занятый американцами остров Капри. Именно там друзья узнали трагическую новость о пожаре, который устроил какой-то немецкий офицер накануне оставления нацистами города. В огне погибли ценнейшие книги и манускрипты, хранившиеся в библиотеке, в том числе – столь дорогой Николини архив Галиани. Последним ударом, уничтожившим остатки дорогого для Николини мира, была экспроприация земельных излишков в 1946 г. Этот шаг, направленный на решение земельной проблемы, практически ликвидировал интеллектуальную аристократию Южной Италии, лишив большинство тех ученых, кто сумел пережить две войны, средств к существованию. Безвозвратно в прошлое ушли салоны, меценатство, да и сам интерес к неаполитанским "древностям" уступил в обществе место другим страстям. Был уничтожен класс людей, считавших занятие науками чем-то внутренне присущим их среде и неотделимым от семейных традиций.

Выйдя на пенсию в 1947 г. Николини не оставил научных занятий. Он сумел передать руководство итальянскими архивами своему другу еще по неаполитанским салонам начала века Риккардо Филанджери. Вскоре Николини подготовил к публикации библиографическое исследование о Вико³³. С 1949 г., помимо участия в различных общественных организациях, он работает также председателем комиссии Исторического Архива Неаполитанского Банка (*Archivio storico del Banco di Napoli*). Самое главное достижение его на этом посту – основание полугодового бюллетеня, в котором охотно публиковались многие историки, в том числе – и Франко Вентури. До самой кончины историк продолжал работу. В 1962 г., к 10-летию со дня смерти Кроче, он выпустил прекрасную книгу – эпилог к жизни друга³⁴. Последние месяцы перед смертью он занимался подготовкой издания французской переписки аббата Галиани и даже написал итальянское предисловие.

Неаполитанский историк и архивист Фаусто Николини скончался в возрасте 85 лет 1 марта 1966 г. Его опасения были напрасны: смерть не застигла его в момент "глупого безделья".

II

Пытаться перечислить все публикации Фаусто Николини или хотя бы их основные темы – дело крайне неблагодарное. В его трудах освещались самые разнообразные проблемы интеллектуальной истории Неаполя XIV-XIX вв., отдельные вопросы истории итальянского Возрождения; он подготовил к публикации множество архивных документов, часть из которых впоследствии была утрачена. В любом случае, речь идет о многих десятках научных трудов различного формата. Области научных интересов Николини – это и классическая "эрудиция", и филология, и литературная критика, и философия, и, конечно, история.

³³ Nicolini F., Croce B. *Bibliografia vichiana*. Bari: Laterza, 1947-1948.

³⁴ Nicolini F. Croce. Roma, 1962.

Стиль Николини несколько напоминает стиль Кроче: они оба не любили пафоса и риторики, имея склонность к спокойному повествовательному и даже подчас разговорному стилю. Его работы – это всегда диалог. Со своей первой публикации в "Критике" историк стремился максимально заинтересовать читателя; он вообще считал излишне строгий стиль типичным недостатком молодых авторов. Не следует забывать, что среди читателей ранних работ Николини большинство было представлено все-таки непрофессионалами, финансировавшими публикации и популяризацию истории, а умение легко делать серьезные дела в целом характерно для неаполитанской культуры.

Увлеченность историка сюжетом обнаруживается практически в каждой публикации Николини. Он не стеснялся этого, считая вполне допустимым³⁵ для историка быть захваченным страстями, описываемыми им в своих сочинениях. При этом Николини никогда не "помещал" себя мысленно в описываемую эпоху, оставаясь очень заинтересованным, но все же посторонним наблюдателем. Его собственная идентичность во времени прослеживается во всех произведениях. Видна увлеченность, но это – увлеченность профессионала.

Эрудиция в том смысле, который вкладывали в это слово любимые герои Николини Пьетро Джанноне и Джамбаттиста Вико, была главной отличительной особенностью произведений историка. Нет недостатка в эрудированности и у Кроче в его работах по истории. Глубокая фактологическая фундированность – характеристика целой научной школы неаполитанского "краеведения", региональных исследований конца прошлого и особенно начала нынешнего столетия. "Чистого эрудита", как утверждал сам Николини, в природе не существует; информационная база, считал историк, должна быть оплодотворена мыслью, содержащейся в историографии или в философии. Отмечая, что "многие профессиональные историки имеют обыкновение работать с эрудитскими материалами, собранными другими"³⁶, Николини для себя считал это абсолютно невозможным. Именно ему обязаны сегодняшние итальянские историки традицией, подразумевающей непосредственное знакомство авторов исторических сочинений с архивным материалом.

Особенно удавались Николини произведения средней формы. Подчас материала могло хватить и на многотомное исследование, однако историку редко удавалось несколько лет осуществлять один и тот же проект. Так получилось, что некоторые публикации Николини, задуманный как многотомные, не были, к огромному сожалению коллег и последователей, доведены до конца. Это относится к "Европе во время войны за испанское наследство" (вышли только первые три тома) и к биографической энциклопедии неаполитанской жизни первой половины XVIII в. (вышел только первый том)³⁷. Помешало работе и то обстоя-

³⁵ Ibid., p.87.

³⁶ Ibid., p.83s.

³⁷ Nicolini F. L'Europa durante la guerra di successione di Spagna con particolare riguardo alla citta' e regno di Napoli. Note di cronaca lavorate sugli inediti dispacci

тельство, что она пришлась на годы второй мировой войны, когда сильно сказывался недостаток средств на публикацию. После войны наблюдалось также и падение общественного интереса к "эрудитским" исследованиям. По иной причине историку не удалось завершить новый проект – библиографию неаполитанских писателей³⁸.

Благодаря таким методологическим принципам, прежде всего – установке на "следование за документом", Николини известен среди итальянских историков как специалист по ряду самых разных тем из истории Неаполя XV-XVIII вв. Его произведения – это нескончаемая галерея героев и персонажей, зачастую малоизвестных даже серьезным исследователям; анализ их деятельности всегда основывается на глубоком знании среды, в которой они воспитывались, эпохи, в которую они жили, города, в котором они работали. Подавляющее большинство героев Николини – это "люди действия"; среди них немного титулованных и еще меньше коронованных особ. Это врачи, поэты, юристы, университетские профессора, крупные торговцы и путешественники, – словом, в большинстве своем представители ранней буржуазии всех калибров.

Особой любовью Николини пользовалась эпоха неаполитанской истории, непосредственно предшествовавшая Веку Просвещения. Сложившаяся в городе в конце XVII в. особая интеллектуальная атмосфера, широкие связи неаполитанских мыслителей в европейской "республике ученых", возникновение особой идеологии – юрисдикционализма – привлекали внимание историка. Немаловажно и то обстоятельство, что этот период особенно широко был представлен в итальянских архивах, по крайней мере до пожара 1943 года.

Интеллектуальной истории Неаполя XVII-XVIII вв. посвящены десятки трудов историка (Паоло Росси насчитал их более 100³⁹). Работа Николини с этим периодом сфокусировалась в основном вокруг двух главных имен. Сначала он заинтересовался самым, пожалуй, известным автором неаполитанского Предпросвещения – Пьетро Джанноне. Джанноне родился в 1676 г. в семье торговца специями в местечке Искителла в Северной Апулии, на мысе Гаргано. Получив начальное образование у местного священника, семья приняла решение направить юношу на учебу в столицу; Джанноне, как и Никола Николини много лет спустя, приехал в Неаполь изучать юриспруденцию. Через несколько лет после окончания университета он начал вести самостоятельные судебные дела, среди которых преобладали споры относительно церковного имущества или имущественных прав. Молодой юрист вскоре зарекомендовал себя ярким противником различного рода узурпаций, допущавшихся клиром по всей Южной Италии.

degli ambasciatori, residenti e consoli veneti. Napoli, 1937-1940; *Idem*. Uomini di spada di chiesa di toga di studio ai tempi di Giambattista Vico. Milano, 1942.

³⁸ Nicolini F. Saggio d'un repertorio bibliografico di scrittori nati o vissuti nell'antico regno di Napoli. Napoli, Riccardo Ricciardi, 1962.

³⁹ См. Rossi P. *Bibliografia // Giambattista Vico. La scienza nuova*. BUR, 1997. P.55.

Но не только судебные дела занимали молодого юриста. Пользуясь архивами и библиотеками своих друзей и университетских наставников, он начал собирать и систематизировать материал, относящийся к истории государственных и юридических учреждений Неаполитанского королевства. Плодом двадцатилетней работы стала "Гражданская история Неаполитанского королевства", книга, в свое время нашумевшая во всей Европе. Она явилась своеобразным манифестом неаполитанских интеллектуалов, так называемого гражданского сословия, в борьбе против папских претензий на владычество в Южной Италии. В этом четырехтомном произведении на основе скрупулезно подобранного материала, прежде всего юридического характера, доказывалось, что папские претензии на право назначать и смещать государей в Неаполе и многие другие необоснованны. Более того, идеальным порядком, с точки зрения Джанноне, было положение дел при римских императорах доконстантиновой эпохи, когда правители в своей практической деятельности опирались на юристов, а основной функцией жречества было поддержание центральной власти. Книга была настолько ясно написана, а тезисы были изложены так убедительно, что книга произвела большое впечатление на европейскую "республику ученых".

Не заставила себя ждать и реакция клира. Книга была объявлена с амвона еретической, и церковники всячески подстрекали неаполитанский плебс против автора. Среди многих средств манипуляции общественным сознанием в Неаполе выделялось так называемое "чудо святого Януария".⁴⁰ "Гражданская история Неаполитанского королевства" вышла в апреле 1723 г., а между тем приближалось "чудо". Церковники вполне могли бы объяснить несовершенство чуда присутствием в городе такого исчадия ада, как Пьетро Джанноне. Ему, само собой, не было смысла дожидаться расправы фанатичного плебса, и он бежал в Вену, ко двору императора Карла VI, под чьей короной с 1707 по 1734 г. находилось неаполитанское королевство. Джанноне искал государственной должности, которая сделала бы его жизнь в Неаполе безопасной, но

---

⁴⁰ Дважды в год – в начале мая и в день святого (19 сентября) – в городском соборе у статуи Януария производилось "обращение в жидкость" и "закипание" в герметично запаиваемых стеклянных трубках красного порошка, представлявшего собой кровь святого. Согласно официальной церковной доктрине, "закипание" происходит при представлении калсул пред очи золотой статуи святого. Иногда "чудо" производится 19 декабря, в годовщину извержения Везувия 1631 года, а также при постигающих город особых бедствиях. Несовершенство чуда было знаком приближающейся катастрофы. Священники не раз пользовались этим в конкретных целях. Например, французский генерал Шампюанне в 1799 г. быстро завоевал доверие и расположение народных масс, когда после его приезда "в виде исключения было совершено чудо Св. Януария" (после угрозы применения корабельной артиллерии). – *Кандэлоро Дж.* История современной Италии. т. 1, с. 310. Любопытно, что позже, когда антифранцузские настроения взяли верх, неаполитанцы в память об этом эпизоде всем городом "переизбрали" покровителя, и им стал Св. Антоний. Достаточно было, впрочем, первого намека на возможное извержение Везувия, как все вернулось на свои места.

нашел лишь ежемесячное содержание, прекратившееся сразу же после того, как Неаполь стал в 1734 г. независимой монархией.

Теперь Джанноне принужден бежать в Венецию, где ему не удается получить разрешения на проезд через папские владения. В конце концов Инквизиция выдворила его и оттуда, и он бежал в Модену, где, в частности, встречался с другим крупным итальянским ученым – Л.А.Муратори. Оттуда Джанноне перебрался во владения Савойской короны, затем – в Женеву. Как только Джанноне оказался в протестантском городе, римская Курия приостановила преследования, поскольку создалось впечатление, что Джанноне хочет принять кальвинизм. Если бы это произошло, то в глазах правоверных католиков Джанноне автоматически стал бы еретиком, что, конечно, снижало остроту тезисов его "Гражданской истории". Но вскоре стало известно, что Джанноне в Женеве заканчивает новое произведение – "Троецарствие", попутно готовя полный французский перевод "Гражданской истории". В новом произведении Джанноне намеревался (сохранились рукописи первых двух томов и конспект третьего) более последовательно, нежели в "Гражданской истории", показать складывание механизма светской власти римских пап, постепенное искажение религии Христа, которое привело к бесчисленным злоупотреблениям со стороны церковников различного ранга. Этого Курия уже допустить никак не могла, однако арестовать Джанноне ей не удается – его арестовывают агенты Сардинского королевства. Проведя без суда в казематах нескольких городов Пьемонта почти 13 лет, Джанноне умирает от воспаления легких в туринской Цитадели в 1748 г.

Несмотря на глубокий интерес к этой проблематике, в творчестве Николлини Джанноне посвящены лишь несколько работ. Молодой Николлини подготовил первое добротное издание "Жизни Пьетро Джанноне, написанной им самим". В начале XX в., когда одна часть историков обвиняла автора "Гражданской истории" в некритическом отношении к источникам и даже в плагиате, а другая пыталась найти аргументы в его оправдание, решающее слово также принадлежало Николлини, который представил Академии Понтаниана специальный доклад.

В этом докладе Николлини, в частности, утверждал, что в начале XVIII в. нормы цитирования были совершенно иными и отличались от современных. Он скрупулезно подсчитал все имеющиеся в "Гражданской истории" отсылки и сравнил их численное соотношение с пропущенными. Картина получилась действительно впечатляющей: "Во всей Истории, чем цитировать, допустим, несколько пар тысяч раз Кьоккарелли – на что кое-кто из нас оказался бы способен, – он цитирует его лишь 180 раз, 159 раз Пеллегино, 117 – Топпи, 91 – Тутини, 81 – Костанцо ..., и если бы у меня было лишнее время, я мог бы продолжить список всех 790 авторов, на которых Джанноне утруждал себя ссылаться, чтобы потом быть названным вором. То, что из около 800 авторов кто-то цитировался из вторых рук, – вполне вероятно; но с этой точки зрения, Джанноне оказался бы в столь многочисленной ком-

паний, что если бы он мог воскликнуть с того света "кто без греха, пусть первый кинет в меня камень", все его критики... были бы вынуждены поступить по-фарисейски и оставить обвинение"⁴¹. Вспомним, что текст первого издания "Гражданской истории Неаполитанского королевства" – это четыре толстых тома *in quarto*, и для того, чтобы произвести такой скрупулезный подсчет, потребовалось, конечно, очень много времени.

В 1937 г. Николини вновь обращается к творчеству Джанноне и готовит хрестоматию по "Гражданской истории", которая должна была стать началом подготовки полной публикации, что, к сожалению, осталось невыполненным. Надо сказать, что до сих пор нет удовлетворительного во всех отношениях издания главного произведения Джанноне.⁴² Наконец, Николини внес ясность в еще один спорный вопрос, волновавший историков на протяжении многих десятилетий. Встречался или нет Джанноне с Муратори в Модене в 1735 г.? Дело в том, что последний на протяжении всей жизни категорически отвергал сам факт их знакомства, который, видимо, мог повредить его репутации. И здесь выступление Николини позволило историкам прийти к заключению, что встреча все-таки состоялась, а Муратори заведомо лгал, когда утверждал обратное⁴³.

Любимым объектом исследований Фаусто Николини был другой великий неаполитанец, современник Пьетро Джанноне Джамбаттиста Вико. Творчество и научные интересы Вико, на первый взгляд, не вписывались в характерную для неаполитанских и итальянских авторов той эпохи проблематику. Вико родился в семье бедного неаполитанского книгопродавца в 1668 г. Он тоже по желанию семьи поступил на юридический факультет Неаполитанского университета, однако занятия посещал мало и остался без диплома. Юридические знания Вико получил самостоятельно, участвуя иногда в судебных процессах. С 1695 г. он был вынужден зарабатывать себе на жизнь частными уроками риторики и грамматики. Несколько опубликованных речей по торжественным поводам позволили Вико участвовать в конкурсе на звание университетского профессора риторики, каковое он и получил в 1699 г. На протяжении более двух десятков лет Вико писал и публиковал рассуждения на философские темы, речи, оды. Наконец, в 1725 г. увидел свет первый вариант его главного произведения – "Основания новой науки об общей природе наций"⁴⁴. Впоследствии была подготовлена вторая, а затем и третья редакция "Новой науки". Вико прославился в Неаполе и как специалист по латинскому красноречию, и как деятель образования и ли-

⁴¹ Nicolini F. L' "Istoria Civile" di Pietro Giannone ed i suoi critici recenti. Appunti presentati all'Accademia Pontaniana nella tornata del 9 dic. 1906 // Atti dell'Accademia Pontaniana. V. XXXVII, ser. II – Vol. XII.

⁴² Giannone P. Stato e Chiesa. A cura di F. Nicolini. Bologna, 1937.

⁴³ Una bugia pietosa di Lodovico Antonio Muratori // *Biblion* (1959). Pp. 219 – 229.

⁴⁴ Principii di una scienza nuova d'intorno alla natura delle nazioni. Napoli, 1725. Рус.пер.: Вико Д. Основания новой науки об общей природе наций / Под ред. М.А.Лифшица. Л.: "Художественная литература", 1940.

температуры. Работу над "Новой наукой" он продолжал вплоть до самой смерти в 1744 г.

В 1910 г. Б.Кроче предпринял анализ философии Джамбаттиста Вико на основе материалов собственного архива (так наз. "*collectio vichiana*")⁴⁵. Серьезно опасаясь, что исследование творчества Вико может отнять слишком много времени, Кроче передал эту тему Николини, и тот сразу же начал работу по комментированию "Новой науки". Следует отметить, что Николини занялся темой тогда, когда Кроче уже очертил свою концепцию, и никогда особенно ей не противоречил. Впрочем, самостоятельная работа над огромным пластом источников позволила ему в ряде монографий значительно обогатить концепцию своего друга-учителя⁴⁶. Помимо исследования творчества Вико Николини уделил большое внимание реконструкции духовной среды, в которой появились и в некотором смысле плодом которой стали такие разноплановые произведения, как "Гражданская история Неаполитанского королевства" и "Новая наука". Достаточно привести два примера: в 1942 г. он опубликовал пятнадцать подробных биографий людей круга Джанноне и Вико⁴⁷. Пять лет спустя вышли еще четырнадцать подробных биографических исследований, опубликованные как приложения к тексту "Автобиографии" Вико⁴⁸.

Скрупулезная реконструкция идейной атмосферы Неаполя позволила Николини убедительно доказать связь между проблематикой сочинений Вико и общими тенденциями неаполитанской и итальянской культуры. В этом отношении Вико был более благодарной для Николини темой, коль скоро имя его при жизни не гремело в Европе, а реальная роль в исторических событиях ограничивалась родным Неаполем. Произведения и Джанноне, и Вико вполне укладываются в восприятие истории Николини как "повествования о фактах этико-политического характера"⁴⁹. Этим, видимо, и следует объяснить особый интерес, который испытывал Николини к двум выдающимся итальянским мыслителям на протяжении практически всей своей творческой биографии.

⁴⁵ Croce B. *La filosofia di Giambattista Vico*. Bari: Laterza, 1910.

⁴⁶ Среди множества работ Николини, посвященных Вико, можно выделить следующие: Nicolini F., Croce B. *Bibliografia vichiana*. Bari: Laterza, 1947-1948; Nicolini F. *La giovinezza di Giambattista Vico (1688-1700)*. Saggio biografico. Bari: Laterza, 1932; *Idem*. *La religiosita' di Giambattista Vico*. Bari: Laterza, 1949; а также посмертное издание Nicolini F. *Vico storico / A cura di F. Tessitore*. Napoli, 1967.

⁴⁷ Nicolini F. *Uomini di spada di chiesa di toga di studio al tempo di G. Vico*. Milano: Hoepli, 1942.

⁴⁸ Vico G. *Autobiografia*. Milano: Bompiani, 1947.

⁴⁹ См. Nicolini F. Croce., p. 381.

ИСТОРИЯ И ПОЛИТИКА

М.П.Айзенштам

Исторические взгляды британских утилитаристов

Группа интеллектуалов, сплотившихся вокруг философа-утилитариста Иеремии Бентама, сыграла значительную роль в становлении идеологии радикализма и оказала влияние на политику правительства в 30-е гг. XIX в.¹ Исследование взглядов британских утилитаристов на историю, на прошлое человечества и своей страны, которые являлись частью их мировоззрения, представляется важным как с точки зрения изучения развития исторической мысли, так и для более глубокого и всестороннего анализа такого феномена как радикализм.

Как политическое течение радикализм формировался в Великобритании с 60-х гг. XVIII в. К нему современники причисляли всех сторонников проведения радикальной реформы избирательного права и системы парламентского представительства, которая предполагала ликвидацию "карманных" местечек, введение равных избирательных округов, всеобщего избирательного права для мужчин, тайного голосования, оплаты труда депутатов и отмены для них имущественного ценза. Впоследствии платформа радикалов была расширена за счет требований свободы предпринимательской деятельности и невмешательства государства в дела граждан. Следует отметить, что радикализм нельзя характеризовать как однородное политическое течение: к радикалам принадлежали как представители демократического крыла британского общества, так и фритредеры и утилитаристы, отстаивавшие интересы торгово-промышленной буржуазии. Позднее часть радикалов, объединившись с вигами, образовала либеральную партию.

Различие в идейно-политической платформе определяло и отношение радикалов к проблемам истории. Группа утилитаристов, основываясь на философии И.Бентама – Д.Милль, Д.С.Милль, Д.А.Робак, У.Мольсворт, Ч.Буллер, Д.Грот, Э.Чедвик и другие – довольно активно отстаивала свою позицию в прессе, различного рода трактатах и переписке, участвуя в политической борьбе.

И.Бентам, юрист по образованию, посвятил свою жизнь разработке нового законодательства, так как полагал, что только закон может обеспечить права собственности и безопасность граждан. В основе его

¹ Так автором проекта нового Закона о бедных (1834 г.) был Э.Чедвик, ученик и последователь И.Бентама.

философии лежал принцип "наибольшего счастья для наибольшего числа людей". Критерием счастья, целесообразности всякого учреждения для него стал принцип "полезности" (*utility*). Он утверждал, что государство должно свести до минимума вмешательство в жизнь отдельных граждан, требовал отмены пошлин на ввоз товаров, рассматривая их как помеху для развития предпринимательской деятельности. На рубеже XVIII-XIX вв. он пришел к выводу, что только представительное собрание выражает интересы большинства граждан, и это заключение способствовало его приходу в ряды радикалов.

Бентам не оставил исторических произведений. Однако, судя по его переписке, он не просто был осведомлен о публиковавшихся книгах исторического характера, покупал и читал их², но и прекрасно знал европейскую историю. Отношение Бентама к тем или иным историческим событиям можно определить по его высказываниям, разбросанным как в серьезных философских трактатах, так и в работах памфлетного характера. Вместе с тем среди его учеников и последователей встречаются авторы довольно известных для своего времени исторических произведений. Так, Джеймс Милль является автором многотомной "Истории Британской Индии", Джордж Грот – "Истории Греции", а Уильям Мольсворт написал ряд книг по истории Великобритании первой половины XIX в. Немало внимания разработке философии истории уделил и Джон Стюарт Милль, долгое время разделявший взгляды И.Бентама. С детских лет чтение трудов по истории Греции, Рима, Франции и Германии наряду с изучением языков являлось важной составной частью его воспитания, которым занимался его отец Д.Милль.

Становление радикализма совпало с формированием исторической науки в Великобритании – в современном понимании, которое связано с началом изучения и систематизации документов. В 1800 г. первая парламентская комиссия, созданная для рассмотрения состояния, хранения и использования документов, составила отчет о своей деятельности, но в архивном деле мало что изменилось: история как предмет не преподавалась в университетах, не существовало ни каталогов, ни описей. Новая комиссия, которую возглавлял утилитарист Ч.Буллер, была назначена в 1836 г., а по ее рекомендации правительство в 1838 г. учредило Государственный архив (*Public Record Office*).

В исторических работах XVIII – первой половины XIX в. авторы, обращавшиеся к написанию летописи прошедших событий, придерживались, как правило, одного из двух основных направлений – "философского" и "критического", что диктовалось различными взглядами на цели и задачи их труда. В этом свете весьма интересна позиция либерального историка Т.Б.Маколея, который придерживался первого направления и трактовал историю как средство политического воспитания населения, воздействия верхушки общества на остальную

² *Bentham J. The Collected works of Jeremy Bentham. The correspondence 1752-1776. L., 1968. V.1. P.253, 370 etc.*

часть нации. Маколей утверждал, что обязанность историка заключается в "извлечении" из фактов прошлого философии для того, чтобы формировать и направлять представления о людях и событиях, вывести из прошлого уроки нравственности и политической мудрости³. Как и Маколей, утилитаристы принадлежали скорее к философскому, чем критическому направлению, однако их взгляды на цели и задачи труда историка значительно отличались.

Джон Стюарт Милль утверждал, что "история имеет два аспекта, представляя научный и моральный, или биографический интерес"⁴. Относительно последнего он писал: "Современная, если таковая имеется, биография жизни человека даст нам, или поможет получить, законченность, совершенство всей истории, рассматриваемой через биографию, и то же относится к истории нации и истории века"⁵. В отличие от химии или математики, писал он в 1845 г., история еще не превратилась в общепризнанную науку, а интерес к ней не носит научного характера. "Наша история еще не перешагнула ту грань, за которой ее развитие является лишь плодом литературного или познавательного труда. Она изучается ради фактов, но не их объяснения. Она пробуждает воображение, биографический или антикварный, но не философский, интерес. До сих пор только очень немногие осознают, что исторические факты подчиняются научным законам точно так же, как и факты мира естественного."⁶ Сам он, увлекшись в 1820-е гг. философией истории, пытался, основываясь на исторических фактах, выявить и объяснить законы, прогрессивного развития, и в свете этих законов рассматривать факты. Однако это увлечение прошло, и серьезного труда по философии истории Д.С. Милль не написал. Тем не менее у него осталось убеждение, что история – это наука, подчиняющаяся в своем развитии законам, которые можно определить лишь с философских позиций.

Его отец Джеймс Милль писал, что в распоряжении историка имеются два рода свидетельств: факты, изложенные другими авторами, и документы, подтверждающие или опровергающие их реальность. Задача же историка заключалась во всестороннем критическом исследовании значения и достоверности каждого документа, на основе которого он должен прийти к выводам и определить те причины, которые привели (или не привели) к тем или иным последствиям, и внести свой собственный вклад в изучение прошлого⁷. Д.С. Милль, отмечал, что историк должен передать дух того времени, которое он описывает, нарисовать картину жизни людей, их интересы, работу, надежды, чувства и идеалы, мнение по "всем крупным и незначительным вопросам человеческого бытия", определить, в чем их сходство или различие с нами⁸. Вместе с

³ Маколей Т.Б. Полное собрание сочинений. СПб., 1862. Т.1. С.90.

⁴ Mill J.S. Collected Works. Toronto, 1985. V.XX. P.117.

⁵ Ibid., p. 114.

⁶ Ibid., p.260.

⁷ Mill J. The History of British India. New Delhi, 1972. V.1. P.3, 19.

⁸ Mill J.S. Collected works. V.XX. P.134-135.

тем для них обеих история имела практический характер. История, писал Джон Стюарт Милль, сама по себе не может служить учебным пособием для настоящего, "лишь настоящее дает нам более полные данные для рассуждений, чем все сведения прошлого"⁹. Она "полезна как помощник в поисках наиболее точного опыта", а ее ценность заключена в том, что знание прошлого является защитой от заблуждений и ошибок и на его основе можно наиболее полно и точно нарисовать картину нынешнего состояния общества и определить верный путь дальнейшего развития¹⁰. Такой утилитарный, интерес встречаем мы и у Джеймса Милля, отмечавшего неподготовленность чиновников Ост-Индской компании, полную их неосведомленность о той стране, в которой они жили и трудились. В своей "Истории Британской Индии" он видел тот "отчет о прошлом", который познакомит читателя с уровнем развития и особенностями индийского народа, позволит наладить управление страной так, чтобы избежать в будущем ошибок "скверного руководства"¹¹.

Всемирную историю Д.Милль рассматривал как непрерывный процесс прогрессивного развития¹². Он полагал, что народы проходят одни и те же стадии цивилизации и сравнивал их с большой семьей, в которой есть взрослые и дети разных возрастов, где одни призваны опекать и учить других, неспособных действовать самостоятельно. Задача историка, по его мнению, заключалась в определении уровня развития отдельных народов, их места в семье народов мира. Это мнение разделяли И.Бентам¹³ и Д.А.Робак¹⁴. По сути в работах утилитаристов была сформулирована идея о стадийном развитии человеческого общества, воспринятая и развитая позитивизмом. История Европы, по мнению Д.С.Милля, представляла несомненный интерес в связи с тем, что "среди населения земли, европейские нации являются единственными, которые продемонстрировали способность к усовершенствованию". Но законы исторического развития человечества, утверждал он, могут быть выяснены только при "совокупном анализе, насколько это возможно, всей истории и целой человеческой природы"¹⁵.

Джеймс Милль выдвинул свое понимание цивилизации, основанное главным образом на моральных факторах, "рациональных" судебных и политических институтах, зрелой науке и философии. К цивилизованным обществам он относил Древнюю Грецию и современную ему Европу. В древности, по мнению утилитаристов, особо выделялась история Афин, которая, с точки зрения Д.Грота, представляла собой стержень

⁹ Ibid., v. 1, p. XXVIII.

¹⁰ Ibid. v. XVIII, p. 93.

¹¹ Mill J. The History, v. 1, p. 1-2; v. 2, p. 2.

¹² Ibid., v. 2, p. 8.

¹³ Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства. // Избранные сочинения Иеремии Бентама. т. 1. СПб., 1867. С. 123, 159, 160.

¹⁴ Roebuck J.A. The colonies of England: A plan for government of some portion of our colonial possessions. L., 1849.

¹⁵ Mill J.S. Collected works, v. XVIII, p. 197.

всей древнегреческой истории. В своей двенадцатитомной "Истории Греции" он изложил, главным образом, политическую и культурную историю Афин, уделив при этом внимание экономическим и социальным аспектам. Политические конфликты рассматривались им как важный элемент развития демократических институтов. Идеализируя их, Грот в то же время стремился показать, что именно в рамках демократического государства были созданы условия для формирования высокой греческой культуры и ее ценностей¹⁶.

Индия, как и средневековая Европа, по мнению Джеймса Милля, не могли дать таких институтов, другими словами, они не относились к цивилизованным обществам¹⁷. Он подчеркивал, что в "претензии индусов на наличие древней культуры" проявилось скорее поэтическое видение прошлого, а не отражение реальной действительности¹⁸. Низшему уровню развития соответствует варварское общество, тогда как, по его мнению, индийцы достигли и остановились на первой ступени цивилизации, которой соответствует "первая форма политической организации" – деспотизм. В то время как европейские народы продвигались вперед, индийцы отставали от них. "Примитивные" политические и общественные институты являются ярким свидетельством этого¹⁹. Черты отсталости, грубости, неразвитости Д. Милль видел во всем, начиная с систем землепользования и налогообложения, которые, по его словам, применялись в Уэльсе еще до прихода бриттов, и заканчивая индийской поэзией. Вот один из наиболее типичных отрывков, в которых он характеризует религию: "Индусы совершили значительный шаг вперед за пределами самой низшей стадии человеческого общества по сравнению с другими народами в развитии своих религиозных взглядов"²⁰. Нет такого народа, который, как и они, "оставил бы нам памятники мысли в письменном виде" и при этом "нарисовал бы более грубую и отвратительную картину вселенной, чем это представлено в индийских писаниях. В их концепции нет связности, мудрости, красоты... – все беспорядок, каприз, страсть. Совершенно очевидно, что индийцы никогда не рассматривали вселенную как согласованную и совершенную систему, управляемую общими законами..." Признав некоторое продвижение индийского народа от "низшей стадии", Д. Милль отмечал его отсталость, характеризуя религию как "первобытный культ"²¹.

Итак, Д. Милль пришел к выводу, что Индия познала "цивилизацию", но не продвинулась далее первой ступени. В силу этого он отнес ее к тем народам, которых, как маленьких детей в семье, старшие должны

¹⁶ Grote G. History of Greece. L., 1846-1856. V.1-12; Историография античной истории. М., 1980, с. 65-67; Галеева А.А. Джордж Грот и английская либерально-буржуазная историография античности XIX в. Автореф. дис. к.и.н. Казань, 1982.

¹⁷ Mill J. The History. V. 1. P.24-27, 81.

¹⁸ Ibid., p.28.

¹⁹ Ibid., p.29-31.

²⁰ Ibid., p.167.

²¹ Ibid., p.187.

учить. Народ Великобритании, по его мнению, вынужденно взял на себя обязанности по управлению Индией, в связи с этим ему надлежит выполнить цивилизаторскую миссию “по обучению туземцев”, так как местные владыки были неспособны поддержать мир и порядок. История страны в его описании – это цепь бесконечных, бессмысленных и разорительных для нее войн, столкновений и междоусобиц, прекратившихся с приходом англичан²².

Книга Д.Милля была высоко оценена современниками. Маколей отзывался о ней, как о “самом большом историческом труде, который появился на нашем языке после труда Гиббона”²³. Большое влияние труд Милля оказал на формирование взглядов британского общества на Индию, Ост-Индскую компанию и ее политику на Востоке. А автор был принят на службу в управленческий аппарат компании в Лондоне.

Таким образом, изучение истории не-европейских народов, по мнению утилитаристов, позволяло не только определить их положение на шкале цивилизации, но и политику европейских народов по отношению к ним. В трудах Д.Милля нашла свое обоснование идея о “цивилизаторской миссии” Великобритании, которая легла в основу формировавшейся в XIX в. идеологии колониализма. Весьма важным, с точки зрения развития исторической науки, представляется выход утилитаристов за рамки политической истории. Стремление Д.Грота и Д.Милля дать максимально полную картину развития афинского или индийского общества воплотилось в анализе экономического, социального и культурного развития народов изучаемых стран. Тем самым были существенно раздвинуты рамки исторического исследования, которое обычно ограничивалось рассмотрением политической канвы событий или жизни и правления монархов.

В европейской истории наиболее привлекательными для утилитаристов были проблемы “революции” и “реформы”. В Великобритании в конце XVIII – первой половине XIX в., в силу нараставшей политической борьбы вокруг вопроса о парламентской реформе и в условиях развернувшихся революций на континенте, интерес к революционным событиям середины XVII в. и Славной революции конца XVII в. необычайно возрос. В середине XVIII в., накануне зарождения радикального движения, в историографии существовала вигская и торийская точки зрения на революционные события. “История” Кларендона, вышедшая в начале XVIII в., положила начало торийскому направлению. Кровавая гражданская война, как автор именует революцию, явилась результатом “измены” Долгого парламента. Д.Локк впоследствии выдвинул на первый план Славную революцию и ее достижения, его трактаты заложили основы традиционной либерально-вигской концепции. В восьмитомной “Истории Англии” Д.Юм сумел соединить обе концепции: в его изложе-

²² Ibid., p.452.

²³ Hansard's Parliamentary Debates, 1833, ser.3, v.19, p. 513.

нии революция изображена как “смута”, за которой последовал “славный” компромисс 1689 года.

Как и историки, политики обращались к событиям более чем вековой давности. Аргументация, базировавшаяся на историческом опыте страны, становится важным компонентом политических дискуссий второй половины XVIII – первой трети XIX в. по вопросу о парламентской реформе. Политики и авторы исторических произведений, придерживавшиеся торийских взглядов, отстаивали превосходство английских политических институтов и нежелательность каких-либо изменений в них. Реформы рассматривались ими как угроза существованию сложившегося порядка. Виги, опасаясь глубоких перемен и подчеркивая необходимость умеренности и постепенности в реформах, искали в истории Англии аргументы в пользу именно такой политики. К вигскому направлению в историографии приближалось и радикальное, однако не смыкалось с ним, что было обусловлено позицией радикалов по вопросу о парламентской реформе. Виги рассматривали Славную революцию как гарантию политической свободы, тори же подвергали сомнению достижения революции, право народа на смещение с трона короля и т.д. Необходимо отметить, что в общественном мнении преобладали все-таки вигские взгляды на историю страны²⁴.

С зарождением радикального движения появились и иные оценки событий. В конце 60-х гг. XVIII в. ежемесячный журнал “Политикэл Реджистер” заявил, что Славная революция не была доведена до конца, так как, ограничив власть короля, она в то же время сохранила и позиции земельной аристократии, что противоречило принципам свободы и естественным правам человека²⁵. В начале 70-х гг. пресса, анонимные памфлетисты и даже парламентские ораторы стали находить сходство между кануном Славной революции и переживаемым Англией историческим моментом²⁶. Подобную аналогию проводили и в XIX в. В 1837 г. Д.С.Милль отмечал тесную связь истории двух последних представителей династий Бурбонов и Стюартов, которая обусловила интерес французских исследователей к истории английской революции²⁷.

Джон Картрайт – один из идеологов радикального движения, в программном памфлете “Сделайте Ваш Выбор!” писал: “Революция, которая изгнала тирана с трона, славная по своему характеру и необходимая для безопасности народа, была несовершенна в своем исполнении”. Это “несовершенство” объяснялось тем, что при ее проведении не была продумана и заложена “защита общественной свободы и собственности”. Картрайт считал, что только изменение системы выборов в парламент, с одной стороны, и наличие депутатов, избранных народом

²⁴ Mitchell L.G. Charles James Fox and the disintegration of the Whig party. Oxford, 1971, p.1.

²⁵ Massoby S. English Radicalism, 1762-1785. L., 1955. P.85.

²⁶ Война за независимость и образование США. М., 1976. С.40.

²⁷ Mill J.S. Collected works. V.XX. P.187, 221.

– с другой, сможет обеспечить надежную гарантию прав собственности и свободы народа. Он писал: “Любой принц посягнет на собственность народа для того, чтобы обогатить своего министра, а тот, в свою очередь, будет попирает свободу, чтобы укрепить абсолютизм повелителя... Я утверждаю, что надежда не в принципах, ни тем более в министрах, надежда в вас самих и в представителях, избранных вами”²⁸. Так радикалы выступили против устоявшихся представлений о Славной революции, и заявили о том, что она не обеспечила равное представительство народа в парламенте, сохранив в нем господство аристократии и ущемив тем самым права остальной части нации.

Революция во Франции на первых ее этапах способствовала не только активизации радикального движения, но и усилению обращения политиков и философов к проблемам “революции и реформы”. Реформаторам – И.Бентаму, Р.Ромили и др. – Франция представлялась опытным полем для проведения экспериментов по переустройству политической или законодательной системы²⁹. Для И.Бентама, который разрабатывал теорию права, исторические события служили скорее яркими примерами, которые позволяли разъяснить те или иные положения его нравственно-этического учения. Так, убийство герцога Бэкингема он использовал для разъяснения таких понятий, как “обстоятельство” и “последствия”; смерть Вильгельма II – понятия “намерения”; столкновение “мотивов” он рассматривал, приводя историю покушения католика на протестанта Колины³⁰.

Анализ высказываний философа и приводимых им примеров позволяет определить его отношение к Английской революции. Бентам, как и его современники, рассматривал события середины XVII в. как “бурное время гражданской войны”, но в отличие от тори и части вигов считал ее следствием “неверного” управления Карла I. Король, заявлял он, нарушил конституцию и попытался править без парламента, в результате чего потерпел крах. Для Бентама ссылка на Карла и его судьбу становится одним из весомых подтверждений необходимости введения “верного”, “хорошего” законодательства, призванного ограничить власть правителя, вынудить его действовать в строгих рамках конституции³¹.

С позиций реформатора Бентам рассматривал и деятельность Оливера Кромвеля. Упомянув о намерении Кромвеля провести изменения в законодательной области и в положении англиканской церкви, Бентам писал, что для него только замысел о проведении реформ ставит “этого замечательного человека” на более высокую ступень, чем та, на кото-

²⁸ Cartwright J. Take Your Choice! // English Historical Documents. L., 1956. V.X. P.211.

²⁹ Подробнее об этом см.: Покровский П. Бентам и его время. Пг., 1916; Halevy E. The Growth of the Philosophic Radicalism. L., 1926.

³⁰ Избранные сочинения Иеремии Бентама. СПб., 1876. Т.1. С.72, 77-78, 81-81, 114-115 и т.д.

³¹ Bentham J. The works of Jeremy Bentham. L., 1846. V.II. P.444; V.IV. P.283.

рой отводилось ему место во всей литературе³². Для Бентама, обращавшегося к правителям различных стран с предложениями оказать помощь в переустройстве законодательной, судебной и тюремной систем и не встречавшего с их стороны отклика, приобретали особую ценность даже неосуществленные намерения главы государства. В связи с этим свой лестный отзыв о Кромвеле он впоследствии повторил³³. Отношение Бентама к Кромвелю резко расходилось с отзывами о нем не только торийской, но и вигской историографии, которые рассматривали последнего как цареубийцу и узурпатора. Недостатки правления Кромвеля, по мнению И. Бентама, явились следствием его аскетизма. Так, согласно теории утилитаризма, общее счастье народа страны способствует расцвету искусства, науки и литературы, которые являются не роскошью, а неременной и необходимой областью нравственной жизни людей. Кромвель, заявлял философ, не смог обратиться к этому источнику счастья и "не имел другой возможности занять умы сограждан, как втянуть нацию в войны"³⁴, которые не способствовали достижению главной, с точки зрения утилитаризма, цели любого правителя — "наибольшего счастья наибольшего числа людей".

Всеобщее счастье, по Бентаму, складывается из "счастья" отдельных людей. Исходя из этого принципа, он характеризовал и правление Карла II. Бентам полагал, что доходы любого должностного лица должны не только соответствовать его положению, но и обеспечить тот жизненный уровень, который предотвратил бы продажность и коррупцию, так как "счастье индивидуума зависит от удовлетворения его желаний". Доходы любого европейского короля должны соответствовать доходам других монархов, чтобы он мог на должном уровне содержать свой двор — иначе он почувствует себя униженным и несчастным: так Карл II, ограниченный экономической политикой парламента, был вынужден "продаться иностранному монарху, предложившему поддержать его роскошь". Интересно изменение мнения Бентама о Карле II, которое произошло к концу жизни философа. В первых его произведениях обвинения адресовались парламенту: "жалкая экономия парламента стоила англичанам двух войн и еще более губительного мира"³⁵. Позднее у Бентама меняется акцент, и он пишет, что неверная политика Карла, которого он с иронией называл "лучшим из королей", принесла народу бесполезные войны и гибельный мир³⁶. Таким образом, причиной несчастий он считает уже действия не парламента, а короля.

Реальную пользу британскому народу, по мнению Бентама, принесла Славная революция, которая "положила конец политической и религиозной тирании Стюартов: политическая тирания заключалась в прав-

³² Ibid., v. IV, p. 501.

³³ Ibid., v. XI, p. 28.

³⁴ Ibid., v. I, p. 541.

³⁵ Ibid., v. I, p. 549.

³⁶ Ibid., v. IX, p. 291.

лении без парламента, обложении народа налогами даже без видимости согласия депутатов, избранных им; религиозная – в том, что людей вынуждали исполнять обряды той церкви, которую они не считали истинной³⁷. Представления Бентама о расстановке сил в стране сводились к следующему: до революции было две партии; первая – это монарх, притеснитель и угнетатель; вторая – все остальные. Эта вторая партия, в свою очередь, состояла из привилегированной группы лордов, палаты общин и их приспешников, притесняемых, с одной стороны, королем, а с другой – угнетающих и обворовывающих народ. В 1688 г. расстановка сил изменилась: “К королю присоединились палаты общин и лордов и их приспешники”, ставшие отныне единой силой³⁸.

Полемизируя с вигами, которые превозносили свои заслуги перед народом в проведении этой революции, Бентам неоднократно подчеркивал, что она произошла в интересах аристократии, которая в ходе Славной революции добилась гарантий безопасности своей собственности и свободы. Приводимый ниже отрывок весьма характерен по интонации и доводам для памфлетного стиля Бентама, который отличался от слога философских трактатов и других работ: “Революция для народа? Нет: правильнее сказать, что революция 1688 г. – это революция для вигов. Это ваша революция – единственная, о которой можно вспоминать без содрогания и ужаса. Революция для свержения королей? Нет: всего лишь революция для их замены. Возможно, есть некоторая польза в их смене – что-то может быть достигнуто этим³⁹. Такое относительное достижение Бентам видел в том, что были признаны права собственности и безопасности, однако они распространились лишь на часть, а не на все общество; “была установлена независимость от деспотизма монарха, но не деспотизма аристократии, как тогда, так и вигов, которые остались в привилегированном положении”⁴⁰.

Интересна интерпретация Бентамом идеи “общественного договора”. Он полагал, что виги-монархисты, до 1688 г. входившие во “вторую партию”, от имени народа заключили с королем договор, который быстро превратился в фикцию, так как они же его и нарушали, действуя в своих интересах. В подписании контракта участвуют две стороны, и когда его нарушает одна из них, то вторая может отказаться от его выполнения. Народ вправе прибегнуть к крайней мере и, сместив монарха, заменить его представительной демократией, как это было сделано в Америке, где народ освободился от притеснения и угнетения⁴¹. Однако Бентам был противником революций даже в том случае, если они протекали без кровопролития и террора. Он считал, что правители и народ должны стремиться избегать их и идти реформаторским путем.

³⁷ Ibid., v. II, p.448.

³⁸ Ibid., v.IV, p.446-447.

³⁹ Ibid., v.II, p. 447.

⁴⁰ Ibid., p.448.

⁴¹ Ibid., v. IV, p.447-448; v.VIII, p.575.

В конце XVIII в., под влиянием известий, поступавших из Франции⁴², внимание Бентама привлек вопрос о предотвращении "революционной анархии". Он занялся разработкой проекта создания сети мелких частных банков по всей стране с тем, чтобы привлечь в них средства широких народных масс. Бентам был убежден, что, став собственником вклада в банке, любой человек, как лицо материально заинтересованное, встанет на сторону правительства, законности и порядка. Итак, мы видим, что, с одной стороны, Бентам свободно оперировал историческими событиями для разъяснения своего учения, а с другой – смотрел на них сквозь его призму, характеризуя политиков и их действия с точки зрения утилитаризма.

Джеймс Милль – один из самых последовательных учеников Бентама, писал свой труд под влиянием утилитаристской философии. В его изложении история Англии была фоном для отображения истории Ост-Индской компании, ее устройства, торговой и политической деятельности. В силу этого, революционным событиям уделяется мало внимания, и в нашем распоряжении оказываются лишь отдельные замечания, которые, тем не менее, позволяют понять его представления о причинах революционного взрыва. Характеризуя положение компании в 1630-е гг., когда отдельные купцы, не являвшиеся ее пайщиками, развернули активную торговлю с Востоком, нарушая тем самым ее монопольные привилегии, Д.Милль писал: "...борьба между Карлом и его парламентом уже достигла накала, и появилось мнение, что компании удастся избежать крушения старых институтов под влиянием усиливавшегося духа свободы только в том случае, если ее претензии будут благоразумно сдерживаться"⁴³. В отличие от Бентама, сводившего причины революции к нарушению Карлом конституции, Милль понимал их несколько шире. Он считал, что "усиливавшийся дух свободы" охватил весь народ, а не только парламент: "король решил поднять меч для того, чтобы положить конец разногласиям между ним и народом", а Ост-Индская компания, субсидировав Карла I, вынужденно встала на его сторону, так как лишь это давало гарантии сохранения ее монопольных привилегий, на которые посягали как "народ", так и сам монарх⁴⁴.

Излагая дальнейшие события, Милль подробно освещает положение компании в этот период: он описывает фонды, лицензии, завоевание различных привилегий в Индии, но избегает упоминания о развитии революции. В его "Истории" читатель найдет лишь отдельные фразы, относящиеся к ней: "парламент оказался сильнее", "разногласия между Кромвелем и голландцами", "смерть Карла I", "Кромвель умер и Карл II взшел на трон"⁴⁵. Создается впечатление, что автор стремится объяснить и обелить действия компании во время революции и в то же время

⁴² Глубокое впечатление на него произвели сентябрьские события 1792 г.

⁴³ Ibid., v.2, p.49.

⁴⁴ Ibid., p.50, 53, 54.

⁴⁵ Ibid., v.2, p.55, 57, 66, 67, 89.

избежать участия в политической полемике. Такая его позиция диктовалась скорее всего тем, что публикация "Истории Индии" должна была предоставить ему возможность выдвинуться в обществе и занять определенное положение и должность в Ост-Индской компании, а критика ее политики могла бы повредить ему.

Его взгляды на интересующие нас сюжеты мы найдем в статьях, которые Милль публиковал в либеральном журнале "Эдинбург Ревью" и других изданиях. В одной из статей он высказал свое мнение о революции, в значительной мере повторив и отчасти дополнив взгляды И.Бентама. Отдельные революции, по мнению Милля, принесли народам больше счастья, чем его было до их осуществления. К ним он отнес народы Швейцарии, восставшие против Австрии, Северной Америки, восставшие против монархии Великобритании; или, наконец, Великобритании, восставшие против тирании Стюартов. "Безусловно, все эти эксперименты закончились благополучно, и обеспечили, по крайней мере на долгое время, большую долю человеческого счастья в пределах деятельности людей, чем его было в то же время у других народов" – утверждал Милль. Увеличение счастья, по его мнению, проявилось в процветании британской экономики во второй половине XVII в. и активизации заморской торговли, в которую включались, помимо монопольных компаний, и отдельные торговцы, не являвшиеся их пайщиками.

"Но трудность революционных опытов состояла, главным образом, в обуздании излишка народной энергии" – писал Д.Милль, полагавший, что революция может быть удачна лишь тогда, когда активность масс не выходит из-под контроля буржуазии. С этой точки зрения революция во Франции потерпела неудачу: свержение короля должно было бы стать ее кульминационной точкой, а не очередным этапом разворачивавшихся событий. Тем не менее, Милль полагал, что изменение формы правления порой является бесполезным шагом, а иногда и просто необходимым⁴⁶. Главную задачу революции Милль видел именно в изменении формы правления, выработке верного направления действий, которые заключались в создании и соблюдении конституции. Это важное дело не может обойтись без участия народа, но после введения новой формы правления и конституции последняя должна стать препятствием для "любого незаконного порыва масс"⁴⁷. Народ, по мнению Милля, следовало использовать скорее для давления на правительство с тем, чтобы перед правящими классами был поставлен один выбор – уступка требованиям или революция. При этом следует стремиться к предотвращению революционного взрыва.

В истории революции неизбежны – утверждал Джон Стюарт Милль, – их осуществление не зависит от желания той или иной группы людей. Однако политическая революция, ниспровержение предшествовавшего правления, является лишь одним из следствий и внешним проявлени-

⁴⁶ Edinburg Review, 1809, v.XIII, p.304.

⁴⁷ Ibid., p.305.

ем более глубокой – моральной революции, свершаемой в обществе под воздействием интеллектуального развития⁴⁸. “Стремление избежать революции не может стать единственной целью политической жизни общества, так же как и попытки человека избежать смерти. Естественным является желание отворотить то или другое зло, когда оно угрожает, но нельзя сделать это главной целью. Бесспорно, возможно уменьшение зла за счет проведения политических реформ, которые опережали бы требования народа и направляли бы в соответствующее русло борьбу между различными классами общества: благодаря таким постепенным изменениям, можно достичь гармонии в жизни общества”⁴⁹. По Д.С.Миллю, “моральные революции” предшествовали политическим и, если первые были неизбежны, то вторых – политических – общество могло избежать, осуществляя разумные реформы, которые бы учитывали моральные и интеллектуальные запросы народа⁵⁰.

Таким образом, в период острых политических дискуссий, в которых споры о значении Славной революции занимали важное место, утилитаристы, с точки зрения пользы, выдвинули собственное представление о труде историка, задачах исторической науки, оценки исторических событий XVII в. Наиболее ярко утилитаристский подход к всемирной и английской истории проявился в работах И.Бентама и его ближайших сподвижников. Для характеристики их позиций удивительно подходит отзыв английских ученых об идеологии британского радикализма, который, по их мнению, представлял собой “странную смесь старого и нового”⁵¹. Заимствовав, например, тезис о пользе или цивилизаторской миссии, утилитаристы наполняли их новым содержанием.

Среди того позитивного и весьма важного, что внесли утилитаристы в развитие истории как науки, представляется осмысление ими прошлого человечества как единого процесса, охватывавшего не только европейские страны, и расширение рамок исторического исследования за счет обращения к экономической, социальной и культурной истории.

Вступив в политическую борьбу с реформаторским лозунгом “восстановления прав народа”, требуя “завершения” Славной революции, буржуазный радикализм, составной частью которого являлся и утилитаризм, признал ее положительное значение как акта, который положил конец “тирании Стюартов” и способствовал экономическому процветанию страны. Вместе с тем, обращение утилитаристов к историческому опыту служило скорее целям обоснования, либо подтверждения их морально-этического учения и политических взглядов.

⁴⁸ Mill J.S. Collected works, v. XX, p. 118.

⁴⁹ Ibid., p. 119.

⁵⁰ Ibid., p. 120.

⁵¹ *Thomas M.I., Holt P. Threat of revolution in Britain 1789-1848. Hamden, 1977. P. 5.*

ИСТОРИЯ И ПАМЯТЬ

Л.А.Фадеева (Пермь)

Образ викторианской эпохи в коллективной памяти англичан

Понятие “коллективная память” нередко имеет социальные границы: образы, представления, ассоциации одного социального слоя могут существенно отличаться от ментальных образований других страт в силу различий жизненного опыта, вариантов личных судеб, психического склада разных общностей. Однако образы отдаленных от современности эпох могут в значительной степени совпадать в мироощущении и реминисценциях различных групп. Более всего это относится к этническим или же национально-государственным общностям. Для Великобритании и проживающих в ней народов, прежде всего англичан, такой эпохой, создавшей определенную массовую идеологию и мифологию, систему ценностных ориентаций и коллективных образов, стала викторианская эпоха. Обычно ее идентифицируют со временем правления королевы Виктории, но понятие “викторианство” получило определенное содержание и символическое значение не с 1837 г., а лишь с 50-х гг.; начиная же с 80-х гг. можно говорить уже о трансформации викторианства. Причем, в отличие от понятий “викторианцы”, “викторианская”, термин “викторианство” современниками использовался крайне редко, он был введен в обиход после первой мировой войны интеллигентами, критиковавшими викторианские нормы и ценности.

Видение эпохи современниками, как правило, отличается от того представления, которое входит в коллективную память, и сама эта память, являясь совокупностью наиболее устойчивых психологических компонентов, вместе с тем способна меняться под воздействием новых ярких событий, радикальных процессов, социальных перемен, моральной и культурной эволюции общества. Образ викторианской эпохи формировался, трансформировался, корректировался в коллективной памяти англичан в зависимости от исторического опыта, изменения реалий повседневности и сопряженных с ними идейно-политических и социально-психологических сдвигов. Хотя существовали объективные (экономические и политические) факторы становления образа викторианской эпохи, субъективная сторона – формулирование принципов и определение стереотипов, оценка содержания и переоценка ценностей – определялась, прежде всего, “образованным классом”, интеллигентами, мыслителями, людьми, выполнявшими не только идеологические, но и просвещенческие, образовательные функции.

Слово «викторианство» было изобретено забытым ныне в Англии и практически неизвестным в мире писателем Эдвином Пакстоном Худом, автором книги «Век и его архитекторы». Он характеризовал викторианство как «наиболее замечательную картину, которую можно увидеть на поверхности Земли», имея в виду благополучие и процветание Англии в этот период¹. Картину процветания запечатлели также Джон Смит в книге «Социальные аспекты» и Д. Портер в «Прогрессе нации». «Благополучие», «процветание», «прогресс» стали магическими словами для определения викторианской эпохи и викторианского менталитета. Пусть материальное благополучие распространялось далеко не на всех, и повседневная жизнь миллионов британцев была очень далека от идеала, однако, все же она становилась лучше, нежели раньше и, что особенно важно, процветание и прогресс стали восприниматься как качества, присущие британскому обществу и британскому государству в силу особого трудолюбия, упорства, эффективности его граждан.

Не случайно своеобразной вехой в истории и в сознании стал 1851 год – год открытия первой Всемирной выставки в Лондоне, с которого, согласно статистике, начинается постепенное повышение общего уровня жизни англичан. С начала 50-х гг. потрясения времен чартизма сменяются периодом мирных преобразований, проводившихся как либералами, так и консерваторами, а королевская чета своим поведением придает особый ореол традиционным ценностям. Величие вечно освещенной солнцем Британской империи, расцвет литературы и интерес к наукам, филантропия и просветительская деятельность высших и средних классов, конформизм и комплекс почтительности низов создавали обрамление викторианской эпохи. В феномене викторианства и образе викторианской эпохи переплелись реалистические и мифические элементы. Анализ викторианского мифа позволяет нам проникнуть в тот глубокий слой реальной жизни, который его породил. Не менее интересны для исследователя и те изменения, наслоения и даже искажения, которые претерпевает викторианский миф в последующей британской истории, поскольку новые напластования, трактовки, расстановка акцентов, конкретное сочетание компонентов образа викторианской эпохи в коллективной памяти каждый раз связаны как с изменением исторических реалий, так и со сдвигами в массовом сознании, с новой социально-психологической ситуацией. Чем больше времени проходит с окончания той эпохи, тем большую роль играет в определении ее образа деятельность профессиональных историков и литераторов.

Современные историки осторожно и взвешенно трактуют феномен викторианской Англии, стремясь избежать как его идеализации, так и диффамации. А. Бриггс считает пиком викторианства 1851–67 гг., когда мироощущение англичан складывалось под влиянием экономического процветания и фритредерства, национальной безопасности, развития парламентской системы, стабильности государственных институтов,

¹ Briggs A. The Age of Improvement. 1783–1867. L., 1979 P.446.

постепенных и позитивных реформ.² И.М.Узнародов пишет, что викторианская эпоха захватила два поколения: поколение “могучих созидателей” и поколение продолжателей, не свершивших ничего героического, но сумевших сделать жизнь британцев комфортной и приятной, поднявших общество в своем развитии еще на одну ступень.³

Понятие “викторианство” относится прежде всего к менталитету эпохи, означает формирование нового мировоззрения и мироощущения человека, которые нашли воплощение в знаменитой викторианской системе ценностей. Исследователи викторианства вслед за современниками той эпохи называют компонентами этой системы религиозность и строгие моральные нормы, патриотизм и социальную дисциплинированность, веру в справедливость иерархической структуры общества и преклонение перед авторитетом, конформизм и подчинение установленным правилам. Серьезность характера, респектабельность, способность “стоять на своих собственных ногах”, лозунг работы не только как средства заработать себе на жизнь, но и как возможности добиться успеха, уважения, как значимой ценности самой по себе, также являются признаками викторианства в его мифологизированном виде. Знаменитое викторианское *improvement* понималось прежде всего как усовершенствование, моральное и нравственное, и дополнялось такими чертами, как оптимизм и энтузиазм, вера в неизбежность прогресса.

Важнейшей особенностью этой системы ценностей было то, что она формировалась в результате синтеза установок, понятий, представлений, норм и идеалов, свойственных различным социальным стратам. Известный викторианский журналист Т.Эскотт, анализируя трансформацию британского общества в 1850-90-е гг., отмечал: “Тенденция нашего времени – единообразие социальных и образовательных дисциплин, через которые проходит большинство англичан. Это сглаживает различия общепринятых градаций, по вкусам, целям, представлениям ассимилирует всех в один тип”.⁴

Современный британский историк Г.Перкин называет превращение англичан из буйной и агрессивной нации (в довикторианскую эпоху) в нацию сдержанных, ханжеских и лицемерных викторианцев моральной революцией.⁵ Оставим пока в стороне оценочный характер суждений Перкина, в данном контексте наибольшее значение имеет констатация тенденции к унификации британцев в психологическом отношении. Викторианство – один из кульминационных моментов глубоких изменений в национальном характере. “Все еще широко распространенный за рубежом образ англичанина, которому присущи такие черты, как невозмутимость, снобизм, практичность, бесстрастность, пуританская воздержанность, не был полностью карикатурой, когда он впервые получил хожд-

² Briggs A. Victorian People. A Reassessment of Persons and Themes. 1851-1867. Harmondsworth, 1970. P.9-12.

³ Викторианцы. Ростов-на-Дону, 1996. С.17-18.

⁴ Escott T.H. Social Transformations of the Victorian Age. L., 1897. P.193.

⁵ Perkin H. The Origins of Modern British Society. L., 1969. P.122-123.

дение. Он был довольно точным как описание среднего представителя правящего класса в середине и в конце викторианской эпохи... Это была модель, по которой большинство указанного класса строило свое поведение и по которой, как по некоему идеалу, оно воспитывало своих детей".⁶ Кроме того, викторианский Джон Буль имел свой взгляд на этот мир, считая, что экономические и моральные достижения обосновывают и превосходство Британца. Принц Альберт на открытии Всемирной выставки назвал ее символом "грядущего единства человечества". В том же году Б.Дизраэли писал: "Очень желательно, чтобы народ Англии пришел к определенному заключению относительно условий, на которых управление Европой могло бы осуществляться".⁷

В значительной степени эта унификация была целенаправленным процессом, в особенности в том, что касалось норм поведения. Общеобязательной нормой становилась религиозность. Протестантская аскеза вводилась в ранг наивысшей добродетели, а "инстинктивное наслаждение жизнью" (М.Вебер) – соответственно в ранг смертного греха. "Не заглушайте в себе сознание греховности!" – любил повторять Уильям Гладстон. Литературный критик и общественный деятель, один из интереснейших мыслителей своего времени Мэтью Арнольд, считал, что современный ему средний класс "добровольно заточил себя в тюрьму пуританизма".⁸ Добровольность эта была связана с необходимостью внушить всей нации ее предназначение и чувство долга. Подобное мироощущение иронически выразил в своих стихах А.Клаф:

Что есть долг? Повиновение
Тем, кто знает все за всех;
Долг – приличий соблюдение,
А иначе – смертный грех!
...Долг не терпит отступленья:
Он велит давить тотчас
Все вопросы и сомненья,
Что кипят в душе у нас.

В пуританском понимании долг человека заключался в служении Богу практическими делами – развитием бизнеса, коммерции, достижением конкретных результатов. Пуританское, а тем более евангелическое начало означало "жизненное, не книжное христианство", требование напряженного труда и индивидуальной моральной ответственности. Практицизм, бережливость, умение много и хорошо работать – качества, присущие средним классам, возводились викторианцами в абсолют и оценивались как национальные добродетели.

Известно, что средний класс в первую очередь является носителем национального характера. Середина викторианской эпохи – 1850-60-е гг. – это Англия мистера Домби, который считал, что "Земля была создана для Домби и сына, дабы они могли вести на ней торговые дела, а Солнце и Луна были созданы для того, чтобы давать им свет, планеты

⁶ Цит. по: В.Овчинников. Корни дуба. М., 1987 С.339-340.

⁷ Трухановский В.Г. Бенджамин Дизраэли. М., 1993. С.208.

⁸ Briggs A. Op.cit. (1979). P.476.

двигались по своим орбитам, дабы сохранить систему, в центре которой были они". Из буржуазного мироощущения в викторианскую систему ценностей перешли прагматизм и расчетливость, эгоизм и презрение ко всему непрактичному, неопределенному, непонятному.

В викторианскую эпоху тип арбетнотовского Джона Буля вытесняется пуританским после более чем трехсотлетнего противостояния. Новый Джон Буль – отнюдь не весельчак, и уж тем более не любитель пустых развлечений типа кукольного театра, он – человек практический. Как определял его Т.Карлейль, Джон Буль – “толстокожий Человек Практики, Бесчувственная Практичность с нахмуренными бровями”. Ч.Кингсли утверждал, что именно практицизм сделал англичан самой мощной и богатой нацией в мире. М.Арнольд также отмечал в викторианцах предпочтение действия размышлению. Т.Карлейль говорил о Джоне Буле: “Мысль, им высказанная, почти равняется нулю, девять десятых ее – очевидная бессмысленность, но мысль – им не высказанная, его внутреннее молчаливое чувство того, что истинно, что соответствует факту, что может быть сделано, – все это поищет равного в мире”. Культ характера и силы воли был знаменательной чертой викторианской ментальности, восхищавшей многих, вызывавшей критику некоторых, вошедшей в качестве важнейшей части образа эпохи.⁹

Культ мужественности в значительной мере был порожден системой воспитания в викторианских паблик-скулах. Как писал американский историк Мидлтон, публичные школы должны формировать характер, под чем подразумевается “правдивость, самодисциплина, способность брать на себя ответственность, верность классовым представлениям о национальных интересах, готовность руководить (включая убежденность в своей пригодности для роли руководителя и в том, что существуют люди, согласные, чтобы ими руководили)”. В викторианском бестселлере, романе Тома Хьюза “Школьные годы Тома Брауна” отец наказывал сыну: “Нас с матерью не заботит твое знание греческих суффиксов. Мы хотим, чтобы ты стал смелым, надежным, правдивым англичанином, джентльменом и христианином”.

Несмотря на то, что викторианская эпоха ассоциируется с умением вести дела, герой этой эпохи – отнюдь не бизнесмен. Викторианец – это прежде всего джентльмен (даже если он занимается бизнесом). Аристократические традиции в викторианском обществе не были еще ни изжиты, ни разрушены. Знатные титулы, аристократические привычки и образ жизни, манеры поведения еще долго оставались в Англии предметом восхищения и поклонения, о чем с досадой говорили многие английские писатели. Ч.Диккенс называл это свойство английского общества “островизмом”, относил к числу наиболее ярких странностей, замечая при этом: “О высоких достоинствах нашей аристократии можно

⁹ “Английский народ более всего поражает своей силою воли, энергией и выносливостью”, – отмечалось в очерке, написанном, правда, уже в эдвардианскую эпоху. – Пименова Э. Англичане и их страна. Петроград, 1916. С. 6.

судить хотя бы по тому, что она гораздо меньше заносчива и надменна, чем следовало ожидать, принимая во внимание всегдашнюю готовность нашей публики распластываться перед знатным титулом".¹⁰

М. Арнольд сетовал, что ни в какой другой стране средний класс не разделяет столь естественно и целиком аристократических идей, как в Англии. Впрочем, он считал, что в аристократической системе ценностей были такие положительные элементы, как достоинство; ощущение значимости великих дел, способность к управлению другими людьми. Негативными ценностными комплексами, по его мнению, были у аристократии отсутствие склонности к наукам и любви к систематическим знаниям.¹¹ Яростным критиком преклонения перед аристократией был У. М. Теккерей: он говорил, что "лордопоклонство вошло в символ веры, а Книга пэров стала второй Библией англичанина".¹² Теккерей ввел в обиход понятие "снобизм", важнейшими компонентами которого являются преклонение перед вышестоящими и пренебрежение по отношению к нижестоящим по социальной лестнице.

В викторианскую эпоху в этнический стереотип англичан, распространенный за рубежом, входит представление о нации снобов. Впрочем, когда русский еженедельник "Северная звезда" отмечал, что основу английских обычаев составляет "аристократическое чувство", имелся в виду более сложный комплекс психологических компонентов, нежели лордопоклонство. Не только иностранцы консервативного толка, но и англичане отмечали достоинства старинной английской аристократии. Вместе с тем, понятие "джентльмен", несомненно порожденное аристократией и присущее ей, стало неразрывно связанным со всем британским, собственно английским.

Но аристократические ценности тоже менялись. Уже в XVIII в. произошла серьезная трансформация понятия "джентльмен". В частности, в отличие от французского аналога, английский джентльмен, в идеале, должен был обладать практичностью и деловой хваткой. Новые веяния викторианского времени выразились в очередной трансформации идеала джентльмена, значительно приблизившегося к современному. Этот идеал стал подразумевать подлинно благородного человека, не имеющего меркантильного интереса, человека чести, способного даже пожертвовать собой ради тех, кем он руководит. Определению этого идеала было посвящено множество статей, выступлений, эссе. Само слово "джентльмен" чаще всего писалось с большой буквы. "Много качеств воплощено в Джентльмене, но он представляет собой не простое их соединение, а единое и гармоничное целое," – писал Д. Вернон.¹³

¹⁰ Диккенс Ч. Островизмы // Диккенс Ч. Собр. соч. Т. 28. С. 354-355.

¹¹ Arnold M. Schools and Universities in the Continent / Ed. By Super H. Michigan, 1964. P. 38.

¹² Теккерей У. Книга снобов // Теккерей У. Собр. Соч. Т. 3. С. 331.

¹³ Contemporary Review. V. 11. August 1869; Reform and Intellectual Debate in Victorian England. L., 1987. P. 59.

В викторианской этике ценность человека во многом связывалась с приверженностью к определенному кодексу поведения и свойствам личности, главными из которых были хорошие манеры, свобода в обращении, воспитанность. Именно эта совокупность черт делала человека джентльменом и возвышала над другими.¹⁴ Не случайно в коллективную память англичан викторианская эпоха вошла именно как эпоха джентльменов: в предыдущие эпохи джентльмены составляли незначительное по численности меньшинство, джентльменский кодекс действовал лишь среди высших классов, в викторианское же время он распространяется в качестве некоего идеала в более широких кругах, превращается в образец, следование которому определяет и респектабельность, и самоуважение разных категорий населения.

Целый раздел своей знаменитой книги "Самопомощь" посвятил идеалу джентльмена С.Смайлс. Этот шотландец, начинавший как врач, затем работавший журналистом, а после – секретарем железнодорожной компании, умел сочетать литературные и деловые интересы. Трехтомник биографий выдающихся инженеров, "Индустриальная биография", "Жизнь Джорджа Стефенсона", а также книги "Характер", "Долг", "Бережливость" сделали его известным литератором. Однако именно "Самопомощь" стала самой важной книгой в творчестве писателя и моралиста, прожившего долгую жизнь (1812-1904). Она выдержала рекордное число изданий, имела огромный успех, была переведена на другие языки и считалась квинтэссенцией моральных норм и ценности викторианской эпохи. В значительной степени можно считать Смайлса одним из создателей викторианского мифа.

Смайлс составил длинный перечень качеств, присущих Джентльмену: "Настоящий джентльмен – тот, чья натура соответствует самым высоким стандартам. Его качества зависят не только от манер и моды, но от моральной силы. Для джентльмена характерно самоуважение. Он ценит свои достоинства. Уважает себя и других. Гуманность священна в его глазах. За ней следуют вежливость и сдержанность, любезность и обаяние. Он честен и прям, его слово – закон... Превыше всего – честность и правдивость джентльмена".¹⁵ К присущим джентльмену свойствам Смайлс относил также смелость и негибамость. Идеал джентльмена он хотел бы распространить на все классы общества. Поэтому он утверждал, что и бедный человек может быть джентльменом по духу и поведению. Смайлс много рассуждал о необходимости хороших манер и моральных принципов, которые "придают жизни колорит". "Хорошие манеры – не больше и не меньше, чем хорошее поведение, состоящее из вежливости и любезности. Ничто не стоит нам так дешево и не ценится так дорого, как вежливость", – вещал Смайлс. Он убеждал Викто-

¹⁴ Rothblatt Sh. The Revolutions of the Dons. Cambridge and society in Victorian England. N.Y., 1968.

¹⁵ Smiles S. Self-Help. L., 1890. P.32.

рианцев: "Воспитание манер крайне необходимо человеку, который ведет переговоры с другими людьми по проблемам бизнеса".¹⁶

Книга "Самопомощь" может служить блестящим образцом синтеза буржуазных и аристократических ценностей. Так, Смайлс заложил один из краеугольных камней викторианства, провозгласив лозунг "работы". А. Бриггс считает, что этот лозунг был новым, невзирая на то, что значимость труда провозглашалась еще в Законе о бедных, популяризировалась Чамберсами в дидактических рассказах и сказках, являлась одним из важнейших положений философии Т. Карлейля: "Там, где Карлейль метал громы и молнии, Смайлс предостерегал и увещевал. То, что Карлейль пророчил, Смайлс вводил в проповедь".¹⁷ Идея *self-made man* выглядела у него как идея человека, который "сам строит собственный характер, создает венец и славу своей жизни". Лозунги "самопомощи" (*self-help*), необходимости "стоять на своих собственных ногах", ценность напряженной работы, деятельности, безусловно, были близки сердцу буржуа. Достоинства книги никак не связаны с литературными талантами автора: она написана скучно и нудно, полна тривиальных сентенций. Но Смайлсу удалось сказать то, что хотел слышать средний викторианец, прежде всего представитель среднего класса. Этим объясняются огромные для того времени тиражи книги: уже за первый год (1859) было продано 20 тыс. изданий, а к 1905 – 250 тыс.¹⁸

"Буржуазность" мышления и аргументации Смайлса выразилась в отношении к снобизму: "Проверка для характера – отношение к низшим и слабым. Тот, кто задирает стоящего ниже него по социальной лестнице, не может претендовать на роль джентльмена".¹⁹ "Буржуазность" нового идеала проявилась в том, что старинная аристократия приняла его во имя задач социального порядка. Подчиненность морального идеала "джентльмена" процессу трансформации подчеркивают как современники, так и историки. "Правящий класс требовал подчиниться их образу жизни как идеалу, – считает Н. Аннан. – Это стало возможным только потому, что большинство мыслящих людей соглашалось с этим образом".²⁰ "Мыслящие люди" в понимании Аннана – это прежде всего "интеллектуальная аристократия", которая сформировалась в Англии с начала XIX в. путем браков между выходцами из семей профессионалов. Их дети также становились обычно учеными и преподавателями, они занимались филантропической деятельностью, проповедовали евангелизм, выступали за реформу университетов и гражданской службы. И хотя они считали себя джентльменами, это вовсе не означало их

¹⁶ *Ibid.*, p.34-35.

¹⁷ Briggs A. Victorian People. P.149.

¹⁸ *Ibid.*, p.126.

¹⁹ Smiles S. Op.cit. P.36.

²⁰ Annan N. Our Age: Reflections on Three Generations in England // Generations / Ed. by Graubord. N.Y., 1979. P.84

самоидентификации с правящим классом или аристократией.²¹ Тем не менее, джентльменский этикет был для них обязателен.²²

В викторианской Англии доминировал аристократический идеал "либерального образования". Этот термин лучше всего разъяснил Д.Ньюман, сын банкира и преподаватель Оксфорда, впоследствии возглавивший католический Дублинский университет. В книге "Идея университета" он писал: "Процесс подготовки, при котором интеллект, вместо того, чтобы оказаться сформированным или принесенным в жертву какой-либо частной или случайной цели, какому-нибудь специальному ремеслу, или профессии, или исследованию, или науке, тренируется ради себя самого, ради самовосприятия и ради собственной высшей культуры, называется либеральным образованием".²³ Странники "либерального образования" настаивали на том, что существует "чистое знание", не дающее практической пользы, но являющееся по сути сокровищем и достойным воздаянием за годы работы. Они утверждали, что цели университета – в формировании "философской привычки ума", в воспитании джентльменов-интеллектуалов.

Новый идеал джентльмена вполне соответствовал устремлениям и ценностям профессионального "образованного класса", который играл все более существенную роль в викторианском обществе. В сочетании с идеей служения обществу, прежде всего клиенту, это помогало представителям профессий примирить концепцию джентльмена с необходимостью зарабатывать себе на жизнь. Чувство долга перед клиентом было важной частью новой профессиональной идеологии, и вместе с тем, оно было составным элементом викторианской мифологии.

Трансформацию претерпевали и другие элементы социальной психологии британцев, их жизненной философии, например – отношение к науке. Вера в прогресс, которая являлась важным элементом викторианской системы ценностей, естественно вызывала интерес к научным достижениям, новым возможностям, которые они открывали. Возникла своего рода мода на науку. Джонстон чрезвычайно иронически описывал желание публики знать последние новости в научном мире, стремление посещать научные лекции так, как ходят на спектакль.²⁴ В "Эдинбургском обозрении" также высмеивалась эта мода на науку: "Что планета Нептун для прагматичной публики и что публика для Нептуна? Ее появление на небесах не повлияет на налоги и товарооборот".²⁵

²¹ *Annan N. Intellectual Aristocracy // Studies in Social History / Ed. by J.Plumb. L., 1955.*

²² "Во всякой высокой профессии – будь то юрисдикция, медицина, военная служба или литература – есть определенные неписанные правила – джентльменский этикет, обязательный для всех", – писал об этом времени Дж.Д.Карр, выражая общепринятое среди викторианцев мнение. – *Д.Карр. Жизнь сэра Артура Конан Дойля. М., 1989. С.102.*

²³ Цит. по: *Захаров И.В., Ляхович Е.С. Миссия университета в европейской культуре. М., 1994. С.28.*

²⁴ *Johnston W. England as it is. L., 1851. P.129.*

²⁵ *Edinburgh Review. 1865. P.223.*

"Всеобщая вера в науку как во всемогущего великана" (Джонстон) сочеталась в сознании викторианцев с верой в Бога и не вступала с ней в противоречие. Священники старались доказать, что представления о враждебности церкви к науке несправедливы. Автор статьи в "Контемпорари ревью" указывал, в частности, на то, что в Англии трудно найти научное общество, в котором среди ведущих членов нет священников. Он приводил в пример Адама Сиджвика, известного геолога, пребендаря в Норидже, астронома Чарльза Причарда, Уильяма Вернона Харкорта, каноника в Йорке и президента Британской ассоциации по распространению научных знаний.²⁶

Формирование викторианского сознания как сплава свойств и психологических особенностей, присущих разным стратам, обусловило его противоречивость и эклектичность. Далеко не все компоненты викторианства были логически выстроены и обоснованы. И в философской системе этой эпохи, сочетаются весьма разнородные и даже антагонистические элементы. Викторианское сознание обращалось к самым разным философским, этическим, социологическим доктринам. Хотон считал, что викторианцы потому и эклектичны, что "их разум почти полностью сосредоточен на конкретном действии, и они как бы подверстывали те или иные идеи к практике повседневной жизни, полагая их основным критерием истинности и отвергая склонность к разного рода абстрактным рассуждениям".²⁷ Вот почему викторианство известно своим антиинтеллектуализмом и догматизмом. Вместе с тем, в викторианскую эпоху всякая тенденция имела и своего диалектического визави. Ригидность социальных, нравственных, религиозных суждений уже в 1860-е гг. была дополнена антидогматической тенденцией, формированием более широкого взгляда на жизнь, который позднее привел к появлению декаданса как мироощущения, декларирующего свою оппозиционность по отношению к викторианской стабильности.

Стабильность, удовлетворенность страной и собой, представление о том, что Британия дает образец всему миру, унификация различных сторон жизни и сознания имели в качестве обратной стороны медали усредненность и склонность к нивелировке. Эти свойственные викторианству черты проявлялись, прежде всего, в отношении к интеллектуальной, артистической среде, в требованиях, предъявляемых викторианцами к литературе и искусству. Своего рода образец создал Диккенс, в сорока романах которого, как говорили, нельзя было найти фразы, которую мать должна была бы утаить от подрастающей дочери. Как отмечает Д. Урнов, "даже Шекспира печатали "по-домашнему", без "грубых слов", чтобы "краской стыда не зажглись щеки молоденькой девушки".²⁸ "Щеки молоденькой девушки" были мериллом.

²⁶ The Contemporary Review. 1867. V.6.

²⁷ Houghton W. Victorian Frame of Mind. P.111.

²⁸ Урнов Д. Судьба Стивенсона // Олдингтон Р. Стивенсон. М., 1985.

У викторианства появились критики уже в викторианскую эпоху. Остроумно критиковал "кривобокость" эпохи М.Арнольд: "Среднему классу недостает и воспитанности, и образованности. Его члены, может быть, и соль нации, но они ограничены, полны предубеждений, обременены несовершенной религией, слабым чувством красоты, низким уровнем манер, и что всего хуже, они питают отвращение ко всему, способному помешать им наслаждаться их вульгарностью".²⁹ Арнольд был критиком ироничным, но либеральным. Некоторые интеллектуалы выражали свою неудовлетворенность более резко. Одни эпатировали ханжескую публику, как Ч.Суинберн или члены созданного в 1848 г. "Прерафаэлитского братства". Другие искали утешение в мире фантазии, остро ощущая ограниченность публики и силу условностей, как Л.Стивенсон, который жаловался: "Все мы как будто в намордниках, что мешает видеть нам и половину жизненных явлений, нас окружающих... Какие бы книги написал я сам! Но нам дают всего лишь ящик с игрушками и говорят: "Вот и играйте, и больше ни о чем не думайте!" Орудием буржуазии является голод. Если писатель приходит в столкновение с ее узкими понятиями, она просто и без разговоров лишает его средств к существованию. Сколько же талантов было уничтожено!"³⁰

Если Бейджот, Арнольд, Раскин критиковали викторианский антиинтеллектуализм, то Кингсли, Маколей, Карлейль, Фрод, возводя в абсолют практику и пользу, вносили лепту в антиинтеллектуальные настроения своего времени. Впрочем, Хотон считает, что антиинтеллектуальную традицию в такой же степени можно называть викторианской, в какой и английской. Однако, время перемен, активности в бизнесе, воспринимавшемся как жизненная цель, усиливали эту традицию. Ассоциация учености с образом джентльмена-бездельника или с профессурой старых университетов, ничего не делавших для нужд современного мира, также влияла на распространение антиинтеллектуализма. Но главным было то, что "викторианский здравый смысл и деловой инстинкт диктовали сужение мышления в интересах социальной стабильности".³¹ Левые, социалистически ориентированные историки критиковали викторианцев, прежде всего, за политический конформизм. Так, по мнению известного левого историка Дж.Сэвила, интеллектуалы в викторианской Англии оставались "некритичными, конформистскими и самодовольными".³² Говоря современным языком, для викторианской Англии было свойственно консенсусное сознание.

В поздневикторианском обществе среди интеллектуалов распространяются уныние и негодование по поводу снижения вкуса и разрушения традиций, а также стремление бросить вызов посредственности, серости, и вместе с ними – благопристойности и чопорности. Сложные чувства вызывало даже разрушение аристократических ценностей, за

²⁹ Briggs A. Op.cit. (1979) P.475.

³⁰ Олдингтон Р. Стивенсон. М., 1992. С.17.

³¹ Houghton T. Op.cit. P.128.

³² Saville J. The Labour Movement in Britain. L., 1988. P.21.

что ранее английский "образованный класс" активно ратовал. Так, Л. Стивен в своих произведениях выражал сожаление по поводу утраты аристократического этоса, который, разумеется, не был образцовым, но в котором было нечто невыразимо прекрасное. Как считает Т. Хейк, в это время впервые в истории Англии возник стратегический разрыв интеллектуалов с обществом для того, чтобы защитить искусство.³³

Носились в воздухе идеи формирования отдельного класса образованных людей, обладающих настоящим знанием и правильным мышлением. В словаре впервые появилось слово "интеллектуал" в современном значении. По мнению Т. Хейка, интеллектуалы поздневикторианской Англии создали особый социальный класс, оформили идеи относительно культурных функций "образованного класса", отношения к религии, экономике и пр. Он отмечает, что интеллектуалы, подобно профессиям, отделяли себя от правящего класса одним способом, но были его частью в других отношениях.³⁴ Однако, многие из направлений мысли этого времени в не таком уж далеком будущем выразились в конкретных социальных и политических действиях. Так или иначе, подходил к концу не только XIX век, заканчивалась и викторианская эпоха. Это ощущение конца эпохи великолепно запечатлел Дж. Голсуорси в главе "Саги о Форсайтах" с соответствующим названием "Век уходит": "Королева умерла, и в воздухе величайшей столицы мира стояла серая мгла непролитых слез... Хотя обычно всякие происшествия общественного характера мало волновали Сомса, это глубоко символическое событие, это завершение длительной блестящей эпохи произвело на него впечатление". "Век уходит!.. Все пошло совсем по-другому... Никогда уже не будет так спокойно, как при старой доброй Викки!" – эти чувства Форсайта разделяли многие.³⁵

Стремление сохранить хотя бы ощущение стабильности, а также запечатлеть в памяти достоинства викторианской эпохи нашли воплощение в многочисленных публикациях о ее символе – самой Виктории. Еще при жизни Виктории был опубликован ряд книг о ней и принце Альберте, в которых воспевались достоинства и добродетели королевской четы. После смерти Виктории была выпущена целая серия публикаций апологетического характера. С 1903 по 1932 г. вышло в свет девять томов писем и отрывков из ее дневников объемом 5 тыс. страниц.³⁶ Впрочем, формировалось уже поколение с новым мироощущением, для которого викторианство было принадлежностью прошлого. Так, Б. Рассел, вспоминая годы учебы в Кембридже, выделял новое поколение студентов, – значительно моложе него, – и сравнивал его со своим: "Мы были викторианцами, они – эдвардианцами. Мы верили в прогресс, упорядоченный средствами политики и свободной дискуссии. Некото-

³³ *Heysck T.W. The Transformation of Intellectual Life in Victorian England. L., 1982. P.207.*

³⁴ *Ibid., p.237.*

³⁵ *Голсуорси Д. Сага о Форсайтах. СПб., 1992. С.510.*

³⁶ *Викторианцы.., с.27*

рые из нас хотели быть лидерами толпы, но большинство предпочитало быть отдаленным от нее. Они стремились к жизни среди прекрасных теней и красивых чувств".³⁷ Но жить – и тем, и другим – предстояло в ином мире, характер которого был определен первой мировой войной, которую англичане предпочитают называть Великой.

Чувство долга и патриотизм, культ мужественности и ответственность джентльмена – эти викторианские ценности были реализованы в годы Великой войны и оплачены дорогой ценой.³⁸ Важнейшим элементом социально-психологической ситуации после войны было ощущение конца "прекрасной эпохи". "Война разрушила надежду на то, что человеческое бытие становится цивилизованным, надежду, которая не казалась неразумной в начале XX века", – грустно констатировал Леонард Вулф.³⁹ Слово "разрушение" было своего рода символом: оно встречается в большинстве мемуаров, и прежде всего – в отношении довоенного образа жизни. Вместе с этим образом жизни была разрушена и старая система ценностей, рухнули прежние запреты, не выдержали испытания временем идеалы. Н.Аннан отмечает две разновидности реакции в интеллектуальной среде на это "чувство уничтожения поколения": ощущение пустоты, горечи, духовный упадок, с одной стороны, а с другой – протест, направленный против этических принципов, прежде всего викторианских. "Это был бунт интеллигенции, – утверждает Аннан. – Именно интеллигенция называла вещи своими именами. Описывая и анализируя, часто протестуя и демонстрируя, она... идентифицировала причины социальных зол и моральной продажности".⁴⁰

Бунтарские настроения, стремление создать новый образ жизни, осмеивая старый, ханжеский и лицемерный, свойственны были членам так называемой Блумсберийской группы, в которую входили Вирджиния и Леонард Вулф, Л.Стрэчи, Б.Рассел, Д.Кейнс. Литтон Стрэчи одним из первых предпринял попытку переосмыслить викторианскую эпоху в целом, и прежде всего пересмотреть ее кумиров. В 1918 г. он опубликовал небольшую книгу очерков "Достопочтенные викторианцы" – о кардинале Маннинге, Флоренс Найтингейл, генерале Гордоне, Томасе Арнольде. Стрэчи удалось развеять ореол неземной возвышенности и благородства, который возводили над своими героями викторианцы. Существенной коррекции подверглись многие образы. Известная как "святая, самоотверженная женщина, деликатная пожилая леди", Флоренс Найтингейл, обладала, по мнению Стрэчи, не только острым умом и муже-

³⁷ The Autobiography of B. Russell. 1872-1914. L., 1967. P.70.

³⁸ Свой "налог кровью" заплатила аристократия, в рядах добровольцев был высоким удельный вес сыновей аристократических семей и образованного класса. По подсчетам Д.Стивенсона, в 1914-16 гг. он составлял 40%. За войну Англия потеряла убитыми 15,2% армейских офицеров и 12,8% рядовых и сержантов. – Оболонкова М.А. Сдвиги в социальной психологии английского общества в годы первой мировой войны. Дисс. [к.и.н.]. Пермь, 1987. С.43-44.

³⁹ Woolf L. The Journey not the Arrival Matters. L., 1969. P.21.

⁴⁰ Annan N. Our Age: Reflections on Three Generations in England // Generations..., 1979. P.87-88.

ством, но также желчным характером, убийственным сарказмом, ее "одолевали демоны". Томас Арнольд предстает в повествовании Стрэчи сложной и противоречивой личностью, сочетавшей в себе черты реформатора и сторонника телесных наказаний. Безжалостную характеристику Стрэчи дал генералу Гордону, которого он представил как жестокого карателя и пьяницу.⁴¹ Книга, имевшая преимущественно публицистический характер, вызвала серьезные нарекания со стороны историков, и следующее издание уже было построено на более серьезном круге источников. Была написана и внушительная биография королевы. Стрэчи отмечал интеллектуальную ограниченность королевы, отсутствие у нее любви к чтению. Он стремился также разрушить многие табу, касавшиеся сексуальной жизни своих героев. Стрэчи писал, что Виктория была в браке намного более счастлива, нежели Альберт, так как встреча с ним вызвала у нее "сексуальный взрыв"; он даже намеревался высказать предположение, что Альберт был склонен к гомосексуализму. Значимость публикаций Стрэчи ни в коей мере не ограничивается его вкладом в изучение викторианской эпохи. Главное было в другом – в ревизии присущих ей ценностей: сбрасывая покров святости с идеалов и идолов викторианцев, Стрэчи способствовал трансформации образа викторианства в сознании миллионов англичан.

В 1920 г. Голсуорси закончил новую книгу "Саги о Форсайтах", в которой дал блестящую характеристику викторианской эпохи, определив ее как эпоху фарисейства. Голсуорси отмечал, что в то время "изменились нравы, изменились манеры, люди еще на одну ступень отошли от обезьян, богом стал Маммона – Маммона такой респектабельный, что сам себя не узнавал". "Эпоха так позолотившая свободу личности, что, если у человека были деньги, он был свободен по закону и в действительности, а если у него не было денег, он был свободен только по закону, но отнюдь не в действительности; эпоха, так канонизировавшая фарисейство, что для того, чтобы быть респектабельным, достаточно было казаться им", – такой предстала в романе золотая викторианская пора.⁴² Наибольшую критику у интеллектуалов 1920-х гг. вызывали моральные запреты викторианской эпохи, "условия пошлой благопристойности, этой болезненной, беспринципной условности и притворной скромности века", согласно характеристике, данной Г. Уэллсом в "Новом Макиавелли". Его герой Ричард Ремингтон встречает фальшь везде: в школе и в Кембридже, в семье и парламенте. Уэллс поднял проблемы сексуального плана: существования в обществе сексуальных табу, необходимости воздержания, что было мучительно трудно для молодого и здорового человека. Итогом эпохи, по мнению героя "Нового Макиавелли" было то, что "огромное множество людей... отогнали от себя мечты и пошли на компромисс... Они отказались от мечтаний о глубокой и прекрасной любви, о захватывающем бла-

⁴¹ Strachy L. *Prominent Victorians*. L., 1928.

⁴² Голсуорси Д. *Сага о Форсайтах*. СПб., 1992. С. 511.

женстве и взамен этого приняли искусственно возвращенную учтивость и непоколебимое сознание своей правоты".⁴³

Представления о викторианской эпохе как о времени, когда господствовали ханжество и лицемерие, посредственность и покорность, распространяются в английском обществе, становясь расхожими клише. Для определения психологической атмосферы викторианской поры публицисты и писатели, мемуаристы и общественные деятели используют такие сильные выражения, как "сухая", "скучная", "заплесневелая", "замшелая".⁴⁴ В противовес викторианству, интеллектуалы 1920-х гг. выдвигали новые идеалы, эстетические и социальные, научные и моральные. Бунтарским антивикторианским духом были пронизаны романы Д. Лоуренса и другие произведения "литературы высшей интеллигенции, отвернувшейся от общества и поклоняющейся древнему сверхисторическому богу – Фаллосу".⁴⁵ Между тем, послевоенные реалии становились все более суровыми: не успев прийти в себя после потрясений Великой войны, английское общество оказалось ввергнутым в пучину "великой депрессии", а затем и второй мировой.

Новая волна интереса к викторианской эпохе возникает в 1950-е гг., когда английское общество ощутило потребность в чем-то проверенном временем. Стремление к переменам, свойственное для 30-40-х гг. сменялось тягой к стабильности и прочности. На 50-е гг. приходится всплеск псевдовикторианской литературы, в которой воспевались традиционные английские добродетели, порядок и почтительность, благонравие и благовоспитанность, реанимировался джентльменский комплекс. Ностальгия по джентльменству представляет собой феномен, в который наряду с компонентами исторического сознания вплетаются тоска по утраченному и мечта о возвышенном. "Такие вещи очень легко осуждать политически – нет ничего проще, – пишет об утраченном образе жизни Д. Фаулз, вовсе не поклонник викторианства. – Но они похожи на поэзию Эзры Паунда: строки и образы продолжают преследовать вас даже после того, как вы камнями на камне не оставили от философии автора".⁴⁶ Массовую публику привлекали картины процветания, стабильности, величия и порядка, которые рисовали многочисленные романисты и особенно романистки, вроде Барбары Картленд, "розовой леди", чьи произведения по числу и тиражам продолжают оставаться рекордными даже для нашего времени, пленяя сердца читательниц всего мира историями о достойных джентльменах, бедных, но благородных леди, всегда знающих свой долг и умеющих его выполнять.

В плане исторических исследований важную роль сыграла публикация в 1951 г. книги Дж.М. Янга "Портрет эпохи. Викторианская Англия". Янг противопоставил свое, оптимистическое видение эпохи резко критическому взгляду на нее, присущему многим интеллектуалам, которые

⁴³ Уэллс Г. Новый Макиавелли. Ленинград, 1926. С.36. 208.

⁴⁴ Edel L. Bloomsbury: a House of Lions. N.Y., 1979.

⁴⁵ Мирский Д. "Интеллиджентсия" Великобритании. М., 1934. С.50.

⁴⁶ Фаулз Д. Дэниэл Мартин // Иностранная литература. 1989. №10. С.68.

не ставили целью исследование викторианства, но стремились использовать насмешки над ним для эпатирования публики. Он отмечал преимущественно эмоциональный характер антипатии по отношению к викторианской эпохе, сложившийся в английском обществе как реакция на потрясения Великой войны. Анализируя различные стороны жизни в викторианской Англии, Янг заявлял: "Из всех десятилетий нашей истории умный человек выбрал бы для своей молодости пятидесятые годы XIX века".⁴⁷ Книга Янга была адресована широкой публике, она стала достоянием не только тех, кто специализируется на викторианской эпохе, но всех интересующихся британской историей. Эту книгу мне доводилось видеть на книжных полках в домах преподавателей и врачей, чиновников и юристов. Написанная живым и образным языком, книга Янга точно так же взрывала клише и стереотипы, ставшие привычными для поколения 1959-х гг., как в свое время публикации Стрэчи и Голсуорси разрушали викторианский миф своего поколения.

На отношении к викторианству сказываются не только временные факторы, но и политические пристрастия. Так, лейбористские историки продолжают критическую традицию в исследовании викторианства, в то время как авторы-консерваторы более склонны к позитивной его характеристике. "Когда царствовала королева Виктория, курс консолей был прочным. Господь несомненно был на небе, и все шло хорошо в этом мире", – с очевидной ностальгией писал консервативный историк Ш.Лесли.⁴⁸ Но по мере удаления от викторианской эпохи исследователи вглядываются в нее более пристально и судят менее пристрастно. "Мы начинаем приходить к мысли, что невзирая на ослепления и табу, викторианцы сделали потрясающе интересную попытку реорганизовать и углубить культуру... Они были озабочены тем, чтобы сказать не просто какие-то абстрактные вещи, но говорить о повседневном опыте обычного мира", – пишет Д.Холлоуэй.⁴⁹

Дж.М.Янг заложил традицию тонкой нюансировки в характеристике викторианской эпохи, отметив позитивные черты ее образа жизни: "Работа определяла мировоззрение, отдых украшал его, жизнь становилась богаче, легче и теплее".⁵⁰ Развивая эту традицию, А.Бриггс ищет истоки ностальгии по викторианской эпохе в ее особой психологической атмосфере, в ощущении внутреннего покоя и мира, свойственном среднему англичанину. По его мнению, в викторианской Англии ни границы, разделявшие разные слои общества, ни моральные и религиозные табу не были абсолютными, в жизни викторианцев было место для свободного обмена идеями, для личной удовлетворенности и личных бунтов, а также для юмора, для достижения компромиссов. Мир был прочным и наполненным привычными вещами и знакомыми лицами, семейными

⁴⁷ Young M. *Portrait of an Age. Victorian England*. L., 1951.

⁴⁸ Цит. по: Кертман Л.Е. Джозеф Чемберлен и сыновья. М., 1990. С.13.

⁴⁹ Holloway J. *The Victorian Sage*. N.Y., 1965. P.2, 297.

⁵⁰ Young M. *Op.cit.*, p.76.

связями и теплом домашнего очага.⁵¹ Это и обусловило своеобразие атмосферы, а также ее притягательность для последующих поколений после того, как другие моменты отошли в прошлое.

Впрочем, как уже отмечалось, политические составляющие образа викторианской эпохи продолжают играть существенную роль и в современной Британии. Не случайно, что с приходом к власти М.Тэтчер консерваторы обратились к таким ценностям викторианской эпохи, как самодисциплина, крепость семейных устоев, ответственность, приверженность религии. Известны декларации Тэтчер о том, что главная задача – изменить души людей, и ее призывы к личной ответственности и предприимчивости. Биографы "железной леди" неизменно напоминали о влиянии викторианских ценностей, которые господствовали в семье Маргарет в годы ее детства и отрочества, на формирование ее мировоззрения. Важные элементы консерватизма – стремление поддерживать социальную дисциплину, готовность большинства населения принять существование элиты на ее собственных условиях – напрямую перекликаются с одобрением социальной иерархии и дисциплинированностью викторианцев. Близки к викторианскому мироощущению и призывы Тэтчер превратить "маленькую Англию" вновь в Великую Британию, которые премьер-министр реализовала во время Фолклендского кризиса, давшего ей поддержку значительной части англичан. Нельзя, однако, считать тэтчеристские идеи тождественными викторианским, поскольку существует немало различий между ними, в частности, по линии оптимизм-пессимизм, патернализм-индивидуализм. Подобно тому, как сами викторианцы предпочитали оценивать себя как консерваторов-либералов, не придавая комплексу викторианства четкой политической окраски, современные британцы не сводят викторианство ни к одной из идейно-политических концепций. Содержание викторианской эпохи было несравненно богаче, многообразнее и затрагивало самые разные стороны жизни, политические и психологические струны, чтобы это можно было втиснуть в прокрустово ложе конкретной идеологии.

Популярность викторианской эпохи, ее место в коллективной памяти англичан ярко высветились в 1987 г., когда по случаю 150-летия восшествия королевы Виктории на престол, в стране была развернута пропагандистская кампания: публиковались новые книги, готовились передачи по радио и телевидению, были показаны телесериалы. Многие современные авторы не прочь вновь приукрасить образ королевы Виктории, считают несправедливым обвинять ее в недостаточной образованности, тогда как она говорила на нескольких иностранных языках, хорошо излагала свои мысли в письмах и дневниках. Как пишет К.Б.Виноградов, "поиски в архивохранилищах, "открытия" неких сенсационных текстов об отношениях Виктории с тем или другим политиком, споры о ее подлинной роли продолжают"⁵².

⁵¹ Briggs A. The Age of Improvement. L., 1979. P.446-447.

⁵² Викторианцы..., с.28.

Множатся и литературные трактовки викторианской эпохи. Одним из ее критиков можно считать Джона Фаулза, который использует любую возможность для того, чтобы разоблачить фарисейство и лицемерие викторианцев. Например, в романе "Дэниэл Мартин" появляется такое суждение: "Викторианцы преследовали и калечили театр именно потому, что понимали, насколько сцена ближе, чем роман, к неприличной действительности".⁵³ Подлинным шедевром Фаулза явился роман "Подруга французского лейтенанта", ставший бестселлером в Англии и во всем мире. Фаулз тщательно проработал историческую и мемуарную литературу о викторианской эпохе и предложил ее собственное видение, которое оказало воздействие на миллионы его читателей. Кажется бы, нет более убийственной характеристики викторианского двуличия, нежели информация о том, что в Англии в викторианскую эпоху было построено больше церквей, чем за всю историю страны, и одновременно в Лондоне на каждые 64 частных дома приходился один публичный. В то же время Фаулз отмечает: "Викторианцы относились все-речь к тем вещам, к которым мы относимся довольно пренебрежительно; и это серьезное отношение выражалось, в частности, в том, что говорить вслух об интимной стороне жизни не полагалось, было неправильно, в то время, как мы, выработав собственные правила, поступаем как раз наоборот... Отнюдь не исключено, что викторианцы способны были испытывать более глубокое и полное сексуальное удовлетворение, чем мы, — хотя бы благодаря тому, что испытывали его не часто, — и что они, смутно сознавая это, выработали строгую систему условностей и разных способов подавления и замалчивания — специально для того, чтобы сохранить остроту испытываемого наслаждения... Тайна, которая окутывала интимные отношения, глубочайшая пропасть между людьми разного пола... несомненно порождала большую активность, и очень часто большую прямоту во всех других жизненных сферах".⁵⁴

Жизненный опыт викторианцев нередко служит определенной точкой отсчета для рассуждений о сегодняшней жизни, для поисков вечных и нетленных истин, для того, чтобы не ограничиваться внешними характеристиками, но уметь видеть сущность, различать нюансы и оттенки. Викторианская эпоха продолжает прельщать исследователей, поскольку за ее кажущейся простотой и незатейливостью скрывается богатое многообразие внутренней жизни. Известно, что в Англии существуют викторианские центры при университетах, на протяжении нескольких десятилетий издается журнал "Викторианские исследования". Викторианский миф прочно вошел в национальное самосознание. Для рядовых англичан викторианская эпоха по-прежнему остается "золотым периодом" в истории страны, причем чем дальше отстоит она от современной жизни, тем ярче ее "золотой" отблеск.

⁵³ Фаулз Д. Дэниэл Мартин. С.82.

⁵⁴ Фаулз Д. Подруга французского лейтенанта // Роман-газета. 1991. №6. С.18-19.

А.И.Борозняк (Липецк)

Против забвения:

"Черная серия" немецкого издательства "Фишер"

*Надо все время напоминать о прошлом.
Оно было, оно оказалось возможным,
и эта возможность остается.
Лишь знание способно преодолеть ее.*
(Карл Ясперс)

...Лейпциг, март, международная книжная ярмарка, которая ведет свое начало с 1765 г., разместилась на семи этажах внушительного здания на углу Марктплац и Петерсштрассе, в двух шагах от исторической Старой ратуши. Ярмарочный дом гудит как улей, книгам и людям явно тесно: здесь представлено около полутора тысяч немецких и иностранных издательств. Книжная ярмарка (одновременно и биржа, и музей, и театр) – это событие номер один в культурной жизни Германии.

В нескольких залах непрерывно идут встречи с авторами книг и дискуссии, где-то за кулисами издатели заключают сделки с книготорговцами. В глаза бросаются прежде всего броско оформленные стенды фирм, производящих компакт-диски и видеокассеты, иллюстрированные календари, путеводители, географические карты, глобусы и атласы, телефонные и адресные книги, бесчисленные – на все вкусы – журналы мод, каталоги посылочной торговли, пособия по цветоводству и разведению домашних животных. Но мимо, мимо...

Я направляюсь на этаж, отведенный для серьезной литературы, к стендам издательств, выпускающих книги по истории. Изучая представленные публикации, можно составить – пусть беглое – представление не только о состоянии книжного рынка, но и о ситуации в германской исторической науке. Среди пестрых переплетов самых разнообразных изданий резко выделяются обложки, выполненные в строгой черно-белой гамме. Эти солидные – даже по внешнему виду – публикации составляют библиотеку "Время национал-социализма", которая также носит неофициальное название "черная серия".

Публикация книг этой серии – логическое продолжение демократических, антифашистских традиций известной издательской фирмы "Фишер". Основанная в 1886 г. Самуэлем Фишером, она поддерживала тесные связи с писателями и публицистами, являющимися гордостью немецкой культуры. Томас Манн так оценивал деятельность фундатора

---

* Автор выражает искреннюю признательность сотрудникам издательства "Фишер" Вальтеру Пеле и Аните Янцер, помощь которых сделала возможной подготовку материалов для этой статьи.

фирмы: "Мы всегда сходились характерами, я всегда чувствовал, что я рожден быть его автором, а он – моим издателем".¹

После нацистского государственного переворота, когда на площадях немецких городов запылали костры из книг, в огонь были брошены тысячи томов с маркой "Фишер". Издательство вынуждено было действовать в эмиграции – сначала в Австрии, затем в Швеции и, наконец, в США. После возвращения в Германию (уже не в Берлин, как прежде, а во Франкфурт-на-Майне) Готфрид Берман-Фишер, унаследовавший фирму от своего тестя, начал в 1952 г. выпуск серьезных книг в мягких обложках под девизом "Общедоступная хорошая книга". Среди публикаций нового "Фишера" было немало приобретших заслуженную популярность изданий антифашистского характера.

В 1976 г. на должность редактора отдела германской истории был приглашен доктор Вальтер Пеле – молодой историк, только что защитивший диссертацию под руководством Вольфганга Моммзена. В.Пеле начал подготовку к печати нескольких книг, разоблачавших преступления "третьего рейха". Первой из них был выпущенный в 1977 г. перевод "Нюрнбергского дневника" американского военного психолога Густава Джилберта, сотрудника Международного трибунала над главными немецкими преступниками.² Этот выбор, конечно же, не был случайным и диктовался тревожной ситуацией в общественной жизни ФРГ, нарастающей активностью неонацистских группировок. В условиях экономической и политической нестабильности сплелись в тугую тоску по "сильной руке", обманутые ожидания глубоких социальных реформ после прихода к власти правительства социал-демократов и свободных демократов, осознание упадка молодежного движения.

На 1977 г. приходится один из всплесков так называемой гитлеровской волны в массовой западногерманской культуре, чему в известной степени способствовала сопровождавшаяся шумной пропагандой демонстрация документальной ленты "Гитлер: история одной карьеры" (по сценарию Иоахима Феста). Уже в первые две недели фильм, шедший в переполненных залах, просмотрело более ста тысяч зрителей. Праворадикальная "Дойче националь-цайтунг", напечатавшая рецензию на фильм под шапкой "Подлинное величие Гитлера", провозгласила, что его воздействие "противостоит шаблонам антифашистской педагогики". Газета попутно объявила "фальшивками" документальные свидетельства о злодеяниях нацистского режима.³

Но сводились ли параметры массового сознания ФРГ только к пагубным последствиям подобных утверждений? Выдающийся знаток немецкой культуры, публицист и переводчик Л.В.Гинзбург, которому, по его словам, были ведомы не только вершины немецкого духа, но "бездны, мрачные закоулки и тупики немецкой истории", писал о неод-

¹ Манн Т. Письма. М., 1975. С.31.

² Gilbert G. Nürnberger Tagebuch. Frankfurt a.M., 1977.

³ Deutsche National-Zeitung. 1977. 15. Juli.

нозначной реакции западных немцев на упомянутый фильм: "Публика расходилась после сеанса молча, одни были озадачены, другие подавлены". "Интерес к фашистскому прошлому, — отмечал Гинзбург, — действительно крайне возрос", но вызван он и тем, что в течение трех десятилетий "непережеванное, загнанное вглубь прошлое набухало, превращалось в гнойник". О нацистском периоде "молчали школьные учебники, отмалчивались родители", а "молодежь, словно очнувшись, вопросительно взглянула на старших: Кем вы были? Кто вы?"⁴

Прежде всего к этой молодежи, к поколению, которое, говоря словами В.Пеле, "задавало другие вопросы, чем его предшественники", и были обращены последовавшие за "Нюрнбергским дневником" другие издания карманного формата, которые содержали жестокую правду о "третьем рейхе".⁵ Читательский успех "Нюрнбергского дневника" побудил издательство продолжить выпуск книг этой проблематики. Однотипно оформленные издания с документальными фотографиями на черных обложках (художники Ян Бухгольц и Рени Хирш) стали широко известной тематической серией, в которой, по оценке их бессменного редактора, "книги говорят друг с другом".⁶

Поначалу в "черной серии" преобладали перепечатки антифашистской литературы прежних лет, но с годами резко возрос удельный вес изданий, выполненных по прямому заказу редактора. Определилось жанровое многообразие серийных выпусков: это и научные исследования, и материалы дискуссий, и мемуары, и обращенные прежде всего к молодежи книги популярного и биографического характера. Пеле писал о задачах и принципах серии: "помочь тому, чтобы возникали споры и были заполнены пробелы в наших знаниях", способствовать развитию "самостоятельного мышления", "противостоять легендам, которые формируются там, где не достает света".⁷

В конце января 1979 г. по программе западногерманского телевидения ARD прошла трансляция американского художественного сериала "Холокост" ("Всесожжение"), рассказавшего потрясенным немцам — на материале истории еврейской семьи Вайс — о трагедии "окончательного решения еврейского вопроса" в нацистской Германии и в оккупированных странах Европы. К экранам собралось более 20 миллионов зрителей, узнавших страшную правду, задумывавшихся (те, кто мог задумываться) не только о судьбе евреев, но и о молчании или бездействии миллионов равнодушных сограждан, которые стали соучастниками преступлений. В течение четырех вечеров после телесеансов ведущие историки и журналисты отвечали на звонки зрителей (зарегистрировано более 30 тыс. звонков), шли длительные дискуссии в прямом эфире.

⁴ Гинзбург Л. Избранное. М., 1985. С.273, 290.

⁵ Pehle W. Die Leerstelle // Bücher, nichts als Bücher. Münster, 1994. S.191.

⁶ Ibid., S.186.

⁷ Pehle W. Verschwegen oder publizieren? // Juni. Magazin für Kultur und Politik. 1995. H.22. S.10, 14.

Едва ли не впервые западные немцы начали понимать, что, говоря словами известного историка Ганса Моммзена, "груз национал-социалистического прошлого не сброшен, а исторические последствия "тысячелетнего рейха" не преодолены".⁸ Именно тогда "черная серия" приобрела общенациональную известность: через четыре недели после телепоказа "Холокоста" большим тиражом был выпущен сборник, содержащий не только непосредственные взволнованные отклики авторитетных ученых и публицистов, но и сводку исторических фактов о преступлениях "третьего рейха" против еврейского народа. Вальтер Пеле нашел емкое и четкое название книги – "Нация потрясена".⁹

Авторы сборника были убеждены в том, что кипение страстей, связанное с "Холокостом", объяснялось не художественными качествами сериала, крепко сработанного по голливудским стандартам, а его тематикой, которая затронула внезапно проснувшуюся коллективную совесть западных немцев. Журналист Петер Мертесхаймер объяснял этот феномен следующими факторами: "особая ситуация в нашей стране, специфика нашей истории, нашего сознания и подсознания".¹⁰ Публицист, бывший узник Бухенвальда, автор ряда антифашистских книг Ойген Когон подчеркивал: сериалу присуща "внутренняя правда", и он может способствовать тому, "чтобы человечность стала при всех обстоятельствах масштабом нашего мышления и действия".¹¹ Тележурналист Иво Френцель так характеризовал ситуацию: "Весь народ неожиданно и болезненно вспомнил о своей истории..." "Трансляция сериала "Холокост" завершена, – продолжал он. – Но дискуссии о холокосте только начинаются".¹²

Издательство "Фишер" внесло существенный вклад в дело осознания античеловеческой сущности расовой политики гитлеровцев, в дело возрождения в немецком народе "способности скорбеть" (Т.Адорно). Западногерманские ученые приступили к созданию обстоятельных работ о холокосте, многие из которых вошли в библиотеку "Время национал-социализма". Основные цели и направления этих исследований были сформулированы позднее Гансом Моммзеном: "Изучать геноцид по отношению к евреям в рамках комплексной истории третьего рейха"; понять, "какие механизмы управляли антисемитской индоктринацией населения "третьего рейха", почему антисемитские акции не встретили никакого отпора".¹³

В 1988 г. под редакцией В.Пеле вышла книга, приуроченная к полувековой годовщине "хрустальной ночи" – организованного нацистским

⁸ Stichworte zur "Geistigen Situation der Zeit". Bd.1. Frankfurt a.M., 1979. S.164.

⁹ Im Kreuzfeuer: Der Fernsehfilm "Holocaust". Eine Nation ist betroffen. Frankfurt a.M., 1979.

¹⁰ Ibid., S.15.

¹¹ Ibid., S.66, 69.

¹² Ibid., S.219.

¹³ Holocaust: Die Grenzen des Verstehens. Eine Debatte über die Besetzung der Geschichte. Reinbek, 1992. S.93, 97.

государством общегерманского еврейского погрома.¹⁴ В рамках библиотеки "Время национал-социализма" в 1990 г. был осуществлен перевод классического трехтомного труда американского исследователя Р.Хилберга "Уничтожение европейских евреев"¹⁵, а через шесть лет опубликована являющаяся продолжением трехтомника новая работа Хилберга "Преступники, жертвы, свидетели".¹⁶ В 1998 г. "черную серию" пополнила основанная на многочисленных архивных источниках монография Гётца Али (Берлин) об "окончательном решении еврейского вопроса"¹⁷, а также изданный Ульрихом Гербертом (Фрайбург) сборник о практике холокоста на территориях оккупированных стран Европы.¹⁸

Авторы работ, опубликованных в "черной серии", и другие немецкие ученые разных поколений, сумели убедить общественное мнение ФРГ в том, что геноцид против еврейского народа был не единственным преступлением нацистского режима, но злодеянием, неразрывно связанным с другими криминальными акциями. Г.Моммзен указывал, что "окончательное решение еврейского вопроса" вытекало из характера войны против СССР и было "своего рода компенсацией" за поражения, нанесенные вермахту Красной Армией.¹⁹ В течение достаточно долгого времени, отмечал Детлеф Пойкерт, в коллективном сознании ФРГ доминировала "селекция жертв режима", что означало "вытеснение из памяти миллионов убитых русских, поляков, цыган, инвалидов, душевно больных, т.н. "асоциальных" узников концлагерей". "Этническому расизму", утверждал ученый, предшествовал "социальный расизм", т.е. "уничтожение "врагов общества" из среды собственного народа."²⁰

Значительный общественный резонанс вызвали издания о преступных врачебных экспериментах нацистов. Одним из первых выпусков "черной серии" стала основанная на документах книга Александра Мишерлиха и Фреда Мильке "Бесчеловечная медицина"²¹. Под редакцией Ойгена Когона в 1983 г. был опубликован свод документов о массовых убийствах узников концлагерей посредством ядовитого газа.²² Эти выпуски "черной серии" приобрели особое значение, потому что праворадикальная печать ФРГ непрерывно выступает с утверждениями, будто и сами лагеря, и газовые камеры были только инсценировками, необходимыми для дискредитации "невинных немцев".

¹⁴ Der Judenpogrom 1938. Von der "Reichskristallnacht" zum Völkermord. Frankfurt a.M., 1988.

¹⁵ Hilberg R. Die Vernichtung der europäischen Juden. Bd. 1-3. Frankfurt a.M., 1990.

¹⁶ Hilberg R. Täter, Opfer, Zuschauer. Die Vernichtung der Juden 1933-1945. Frankfurt a.M., 1996.

¹⁷ Aly G. "Endlösung". Völkerverschiebung und der Mord an den europäischen Juden. Frankfurt a.M., 1998.

¹⁸ Nationalsozialistische Vernichtungspolitik 1939-1945. Neue Forschungen und Kontroversen. Frankfurt a.M., 1998.

¹⁹ Der historische Ort des Nationalsozialismus, S.46.

²⁰ Ist der Nationalsozialismus Geschichte? S.54, 56.

²¹ Mitscherlich A., Mielke F. Medizin ohne Menschlichkeit. Frankfurt a.M., 1978.

²² Nationalsozialistische Massentötungen durch Giftgas. Frankfurt a.M., 1983.

Самое широкое распространение получила в ФРГ книга Эрнста Клее "Эвтаназия в национал-социалистическом государстве и составленное им же собрание документов по этой проблематике. Эвтаназия – практика насильственного ускорения смерти неизлечимо больных и т.н. "неполноценных". Жертвами этих злодеяний еще до начала войны стали в Германии сотни тысяч детей и взрослых в больницах, тюрьмах и концлагерях, что явилось, как неопровержимо показал Клее, лишь генеральной репетицией безжалостного истребления гражданских лиц и военнопленных в странах Восточной Европы и в Советском Союзе. Автор проследил также послевоенные судьбы нацистских врачей и юристов, виновных в осуществлении эвтаназии. Большинство из них остались безнаказанными и продолжили свою врачебную или юридическую практику в ФРГ.²³

В "черную серию" вошли издания, в которых анализировался механизм нацистской диктатуры. Значительное влияние на историографию ФРГ оказала книга эмигрировавшего в США выдающегося немецкого политолога, юриста, экономиста Франца Ноймана (1900-1954) "Бегемот: структура и практика национал-социализма".²⁴ Название книги восходит к трудам Томаса Гоббса, в представлении которого Бегемот олицетворяет "не-государство", основанное на хаосе, произволе и насилии. Базируясь на марксистской методологии и пытаясь творчески развить ее, Нойман исходил из того, что в Германии Гитлера господствовал "тоталитарный монополистический капитализм", "частнокапиталистическая экономика, регламентируемая тоталитарным государством".²⁵ Нойман выдвинул положение о неоднородности германского правящего класса, о конкурентной борьбе различных его группировок. Опираясь на доступные ему материалы, он выделил четыре "автономные блока власти": промышленность, нацистская партия, государственная бюрократия, вермахт, "конкурирующие между собой и заключающие компромиссы, формой которых может быть решение фюрера".²⁶ Автор констатировал: "цемент", который скрепляет "блоки власти" – это "прибыль, власть и прежде всего страх перед угнетенными массами". Процессы аризации и германизации (Нойман указывал на создание и функционирование концерна Геринга, на предприятия, действовавшие в рамках концлагерей Гиммлера) ведут, к тому, что "политическая власть партии полностью укореняется в сфере произ-

²³ Klee E. Die Euthanasie im NS-Staat. Die "Vernichtung lebensunwerten Lebens". Frankfurt a.M., 1985; *Idem*. Dokumente zur "Euthanasie". Frankfurt a.M., 1985; *Idem*. Was sie taten – Was sie wurden. Ärzte, Juristen und andere Beteiligte am Kranken- und Judenmord. Frankfurt a.M., 1986.

²⁴ Современники не сумели (или не захотели) понять значимость труда Ноймана, выпущенного на английском языке в США в 1942 г. Немецкий перевод был издан только после того, как на монографию Ноймана было вновь обращено пристальное внимание авторитетных американских исследователей. – Neumann F. Behemoth. Struktur und Praxis des Nationalsozialismus. Köln, 1977.

²⁵ *Ibid.*, S.312.

²⁶ *Ibid.*, S.422.

водства", "практики насилия в нарастающем темпе становятся предпринимателями, а предприниматели – практиками насилия".²⁷

В книге "Бегемот" содержалась научная трактовка проблемы массовой базы режима: "тоталитарной диктатуре удалось превратить часть своих жертв в своих сторонников, а всю страну – в скованный военной дисциплиной вооруженный лагерь", удалось "включить массы в войну – в идеологическом и организационном отношениях".²⁸ Противопоставляя свое видение настоящего и будущего страны достаточно распространенным в эмигрантской среде иллюзиям о "германской революции", Нойман предупреждал о "глубокой индоктринации масс, сочетаемой с почти абсолютной системой террора", о стабильном перевесе в обществе "добровольных и недобровольных сторонников режима", о "невозможности организовать тех, у кого иные мысли и чувства".²⁹

Публикация обобщающих трудов о гитлеровской диктатуре была продолжена. 90-е годы ознаменовались выпуском книги Вольфганга Бенца "Власть и общество в нацистском государстве"³⁰, сборника статей ведущих немецких ученых по проблематике национал-социализма (среди авторов Ганс Бухгайм, Лудольф Хербст, Герман Вайс, Ганс Воллер)³¹ а также основательного свода документов "Германская история 1933-1945 гг." (издатель Вольфганг Михалка)³². Особое место среди публикаций издательства "Фишер" занимает фундаментальный (около пятисот жизнеописаний) "Биографический лексикон третьего рейха"³³, составленный группой сотрудников Института современной истории (Мюнхен) под руководством Германа Вайса.

Книги "черной серии" сыграли немалую роль в том, что в общественном сознании ФРГ стало постепенно утверждаться – вопреки мифам периода "холодной войны" – понимание феномена антифашистского Сопrotивления как сложного процесса взаимодействия различных политических и идеологических течений. В антинацистской борьбе участвовали – на этом настаивают авторы "черной серии" – социал-демократы, коммунисты, католики, протестанты, военная оппозиция. Издательством "Фишер" в разное время были выпущены классическая работа одного из основателей Института современной истории Ганса Ротфельса о германском Сопrotивлении³⁴, книга Ганса Лангбайна об

²⁷ Ibid., S. 544.

²⁸ Ibid., S. 544.

²⁹ Ibid., S. 266, 556.

³⁰ Benz W. Herrschaft und Gesellschaft im nationalsozialistischen Staat. Frankfurt a.M., 1990.

³¹ Der Nationalsozialismus. Studien zur Ideologie und Herrschaft. Frankfurt a.M., 1994.

³² Deutsche Geschichte 1933-1945. Dokumente zur Innen- und Außenpolitik. Frankfurt a.M., 1994.

³³ Biographisches Lexikon zum Dritten Reich. Frankfurt a.M., 1998.

³⁴ Rothfels H. Deutsche Opposition gegen Hitler. Frankfurt a.M., 1977.

антинацистских акциях узников концлагерей³⁵, материалы об антифашистской организации мюнхенских студентов "Белая роза"³⁶.

Политики и публицисты консервативного толка активно требуют в последние годы отсечь от понятия "Сопrotивление" представителей левых сил, прежде всего коммунистов, действовавших в подполье и в эмиграции. Раздавались едва ли не ультиматумы в адрес руководителей Мемориального центра Сопrotивления в Берлине, включивших в выставочную экспозицию материалы о деятельности Национального комитета "Свободная Германия" и Союза немецких офицеров, в состав которых входили немецкие коммунисты, находившиеся в эмиграции в СССР и немецкие военнопленные. Вот почему принципиально важное значение имел выход в 1995 г. под редакцией Герда Юбершера основанного на архивных документах и ставшего бестселлером сборника о деятельности НКСГ и СНО.³⁷ Ценным оказался опыт совместного участия в подготовке книги немецких и российских исследователей. Под руководством Норберта Хаазе и Герхарда Пауля выпущен том, посвященный все еще рискованной для освещения теме протеста против фашизма и войны в форме дезертирства из войск вермахта.³⁸

Результаты дискуссий о германском антинацистском движении обобщены в сборнике "Сопrotивление в третьем рейхе"³⁹, составленном Германом Грамлем (Мюнхен). Событием научного и политического значения стал выпуск в 1994 г. под редакцией Вальтера Пеле и Вольфганга Бенца солидного "Словаря германского Сопrotивления".⁴⁰ Примерно половину объема книги составили обобщающие статьи об основных течениях антинацистской оппозиции. Издатели исходили из того, что борьба против гитлеровского режима опиралась на "политические или религиозные убеждения, понимание пагубной природы диктатуры, стыд за злодеяния, совершенные преступным государством, сочувствие его жертвам". Поэтому в словаре нашли отражение различные формы антинацистских акций – "от безмолвной оппозиции до попыток тираноубийства". При этом подчеркивается необходимость "отдать должное всем силам, противостоявшим диктатуре и ее идеологии".⁴¹

Особое место в библиотеке "Время национал-социализма" занимают издания последних лет о германской агрессии против Советского

³⁵ Langbein H. ...nicht wie die Schäfe zur Schlachtbank. Frankfurt a.M., 1980.

³⁶ Scholl I. Die Weiße Rose. Frankfurt a.M., 1982; Scholl H. u. S. Briefe und Aufzeichnungen. Frankfurt a.M., 1984; Graf W. Briefe und Aufzeichnungen. Frankfurt a.M., 1984.

³⁷ Das Nationalkomitee "Freies Deutschland" und der Bund der Deutscher Offiziere. Frankfurt a.M., 1995.

³⁸ Die anderen Soldaten. Wehrkraftzersetzung, Gehorsamsverweigerung und Fahnenflucht im Zweiten Weltkrieg. Frankfurt a.M., 1995.

³⁹ Widerstand im Dritten Reich. Probleme, Ereignisse, Gestalten. Frankfurt a.M., 1995.

⁴⁰ Lexikon des deutschen Widerstandes. Frankfurt a.M., 1994.

⁴¹ Ibid., S.9, 11.

Союза. Серия издательства "Фишер" повторила, в известной степени, общий ход эволюции исторической науки и исторического сознания ФРГ. В течение нескольких десятилетий там шло активное осмысление зла, причиненного гитлеровцами самим немцам, нарастало признание необходимости искупления преступлений против еврейского народа. Но восприятие устрашающей правды о "войне на Востоке" вызывало своего рода аллергию и у историков, и у достаточно широких слоев населения. Понятия "тоталитарная диктатура", "холокост" давно уже стали нарицательными и являются предостережением для миллионов немцев, однако признание реальности "другого холокоста" – злодеяний по отношению к народам СССР – отторгалось массовым сознанием.

Актом интеллектуального мужества явился выход в 1991 г. под редакцией Вольфрама Ветте и Герда Юбершера коллективной монографии "Германское нападение на Советский Союз". 22 июня 1941 г., констатируют издатели, вторая мировая война "вступила в самую разрушительную, трагическую для всех ее участников фазу".⁴² Отвергая распространную легенду о "незапятнанном вермахте", авторы отмечают, что немецкие генералы, превратив германские вооруженные силы в послушный инструмент нацистского режима, несут полную ответственность за планирование агрессии и за военные преступления на советской территории. "Многие не хотят знать об этом, – констатируют Ветте и Юбершер. – Но замалчивание или искажение исторической ответственности ведет нас в тупик. Мы можем двигаться вперед, только располагая точными знаниями об ужасных событиях, только обладая бесстрашием для того, чтобы высказать и воспринять правду".⁴³

В книге Гельмута Краусника с леденящими душу подробностями рассказано о преступлениях на советской земле айнзацгрупп СС – спецподразделений, следовавших по главным маршрутам движения немецких войск на восток и осуществлявших акции по "сортировке" и "особому обращению", то есть массовому уничтожению гражданского населения.⁴⁴ Айнзацгруппы, как убедительно показывает автор, пользовались абсолютной поддержкой командования вермахта и действовали на основе соглашения с немецкими генералами, подписанного за месяц до нападения на Советский Союз.

На основе впервые введенных в научный оборот архивных документов, Рольф-Дитер Мюллер рассматривает историю подготовки и реализации генерального плана "Ост" – программы уничтожения населения в оккупированных районах СССР, их колонизации и "германизации".⁴⁵ Неопровержимы выводы ученого о теснейшем сотрудничестве немец-

⁴² Der deutsche Überfall auf die Sowjetunion. "Unternehmen Barbarossa" 1941. Frankfurt a.M., 1991. S.7.

⁴³ Ibid., S.8.

⁴⁴ Krausnik H. Hitlers Einsatztruppen. Die Truppe des Weltanschauungskrieges 1938-1942. Frankfurt a.M., 1998.

⁴⁵ Müller R.-D. Hitlers Ostkrieg und die deutsche Siedlungspolitik. Die Zusammenarbeit von Wehrmacht, Wirtschaft und SS. Frankfurt a.M., 1991.

ких промышленников и аграриев с командованием вермахта и СС в разработке и в осуществлении преступной оккупационной политики.

Пауль Коль, журналист, соединивший хватку репортера с даром следователя, прошел несколько лет назад с записной книжкой и магнитофоном сквозь "оперативное пространство" группы армий "Центр" (Белоруссия, Смоленская, Тверская, Московская области). В его книге "Война германского вермахта и полиции в 1941-1944 гг." собраны свидетельства очевидцев и жертв злодеяний оккупационного режима: "Если молчат преступники, пусть заговорят жертвы".⁴⁶

"Сталинград: сражение – мифы и реалии". Под этим названием под редакцией Вольфганга Ветте и Герда Юбершера увидел свет один из самых значительных выпусков библиотеки "Время национал-социализма".⁴⁷ Публикация этой книги свидетельствует как о непреодоляющем интересе немецкой общественности к итогам и урокам Сталинградской битвы, так и о плодотворных поисках новых подходов к переломному событию второй мировой войны. Авторам коллективного труда удалось найти новое измерение битвы под Сталинградом, увидев картину войны глазами немецкого солдата, попавшего в колеса гитлеровской военной машины и выступавшего "в двойной роли преступника и жертвы".⁴⁸ Ученые опираются на значительный комплекс новых исторических источников – письма полевой почты окруженной 6-й немецкой армии, не доставленные адресатам и находившиеся в советских (до недавнего времени наглухо закрытых) архивохранилищах. Книга о Сталинградской битве стала для немецких историков едва ли не первым опытом плодотворного сотрудничества с российскими коллегами.

Могут ли ученые, может ли общественное сознание в России и в Германии найти совместную основу освещения сражений 1941-1945 гг., если "для каждого из бойцов Красной Армии они были частью справедливой, освободительной войны, а для немцев – вопреки пропагандистскому туману – эпизодами захватнической, преступной войны на уничтожение"? Ведь в этом "фундаментальном различии", по справедливой оценке Ветте и Юбершера, "за прошедшие полвека ничего не изменилось".⁴⁹ Но общая база исследований событий второй мировой войны, убеждены немецкие ученые, существует. Это – восприятие войны как трагедии обоих народов. Это – стремление к реконструкции правды о войне, какой бы горькой она ни была.

Изменение форм, в которых общество ФРГ воспроизводит и оценивает образ гитлеровского нацизма, неотделимо от постоянно возобновляющихся напряженных диспутов о его существовании и характере, об ответственности определенных социальных и политических групп за приход Гитлера к власти, за преступления тоталитарного режима. Именно в

⁴⁶ Kohl P. Der Krieg der deutschen Wehrmacht und der Polizei 1941-1944. Sowjetische Überlebende berichten. Frankfurt a.M., 1995. S.56.

⁴⁷ Stalingrad. Mythos und Wirklichkeit einer Schlacht. Frankfurt a.M., 1992.

⁴⁸ Ibid., S.14.

⁴⁹ Ibid., S.35.

ходе острейших дискуссий в германской исторической науке и в германском общественном сознании утверждался адекватный образ нацистской диктатуры, опровергались и отвергались постулаты историков и публицистов, поставивших перед собой неблагодарную и неосуществимую задачу оправдания гитлеризма или отдельных его проявлений. Содержание научных исследований и публичных дискуссий о "третьем рейхе", отношение к ним общества – это достаточно четкая проекция ведущих тенденций послевоенной истории Германии.

Но дискуссия, происходившая в 1986-1987 гг. и получившая название "спор историков", занимает в истории исторической мысли и исторического сознания ФРГ особое место. В эпицентре спора оказались неудобные, болезненные для западногерманского общества вопросы:

– Было ли установление и функционирование национал-социалистического режима результатом акций германской политической, экономической и военной элиты или же ответом на воздействие внешних раздражителей?

– Какой меркой мерить преступления "третьего рейха", считать ли их беспрецедентными, ни с чем не сравнимыми, самыми тяжкими преступлениями всемирной истории или же они вторичны, сопоставимы со злодеяниями иных эпох?

– Каким был характер второй мировой войны, кого следует считать виновным в ее возникновении и в поражении нацистской Германии?

Начавший дискуссию берлинский профессор Эрнст Нольте перекладывал главную ответственность за преступления "третьего рейха" на Россию и на большевиков. Фактически это была попытка оправдать нацистский режим, "обезвредить", "декриминализировать" самый зловещий период германской истории. Речь шла о том, чтобы снять с гитлеризма историческую вину, освободить немцев, прежде всего новое поколение, от комплекса ответственности. "Третий рейх" – Нольте был совсем не оригинален – трактовался как некое чужеродное вкрапление в структуру германской истории, но никак не продолжение реакционных тенденций немецкого прошлого.

"Спор историков" вышел далеко за пределы научного сообщества, выплеснулся на страницы массовых периодических изданий, стал темой выступлений политиков разных направлений, предметом жарких обсуждений на радио и телевидении. Никогда прежде полемика о коричневом прошлом не достигала такой остроты, никогда не возникало столь сильного резонанса в обществе. Г.А.Винклер, работавший тогда во Фрайбургском университете, писал: "В зал заседаний боннского правительства, в редакции газет, к письменным столам историков явился Каменный гость. Его имя – Прошлое, которое не уходит".⁵⁰

Издательский дом "Фишер" стал активным участником "спора историков". В состав "черной серии" вошли изданные под руководством Дана Динера (Эссен) книги "Стал ли национал-социализм историческим

⁵⁰ Frankfurter Rundschau, 14.XI.1986.

прошлым?" и "Разрыв с цивилизацией: мышление после Освенцима", а также составленный Вальтером Пеле сборник "Место национал-социализма в истории".⁵¹ На страницах этих изданий были опубликованы статьи Вольфганга Бенца, Ганса Моммзена, Лутца Нитхаммера, Детлефа Пойкерта, Вольфганга Шидера, Ульриха Герберта и других известных ученых, выступавших против любых форм прямого или косвенного оправдания нацистского режима и его преступлений.

Вопреки ожиданиям консервативных политиков и публицистов, дискуссия привела к формированию широкого фронта ученых, которые, придерживаясь различных политических взглядов, объединились на общей платформе постижения исторической правды о "третьем рейхе" и его злодеяниях. "Спор историков", по оценке Динера означал "качественный сдвиг в развитии политической культуры ФРГ", который должен сыграть немалую роль в определении "будущих основ и целей германской политики".⁵²

Через десять лет после "спора историков" дебаты о нацистской диктатуре вспыхнули в ФРГ с новой силой. Летом 1996 г. в Германии была опубликована монография американского политолога, преподавателя Гарвардского университета Дэниэла Голдхагена "Добровольные подручные Гитлера".⁵³ Книга обвиняет "самых обычных немцев" в преступном преследовании и массовом уничтожении евреев в годы фашистского режима и второй мировой войны. В центре внимания автора не нацистские фанатики типа Гейдриха или Эйхмана, но сотни тысяч, миллионы законопослушных, ничем не примечательных немцев, которые стали охранниками в лагерях, полицейскими, солдатами вермахта... Что заставило их усердствовать в выполнении преступных приказов? Каким был механизм воздействия диктатуры на простых людей, которые либо участвовали в злодеяниях, либо молча потакали палачам? В книге Голдхагена немцы предстают послушными исполнителями воли "фюрера", представителями преступной нации, главным качеством которой явился генетически присущий немцам антисемитизм. Автор именует антисемитизм и физическое истребление евреев "немецким национальным проектом", он сводит к холокосту весь комплекс нацистских преступлений.

Книга вызвала в ФРГ настоящий интеллектуальный шок. В переполненных залах состоялись открытые обсуждения книги Голдхагена с участием автора и известных немецких историков. Монография американского политолога и ее широкое обсуждение, оказавшись на перекрестке противотоков общественного мнения, оказавшись в центре напряженных поисков новой национальной идентичности, стала фактом герман-

⁵¹ Ist der Nationalsozialismus Geschichte? Zu Historisierung und Historikerstreit. Frankfurt a.M., 1987; Zivilisationsbruch. Denken nach Auschwitz. Frankfurt a.M., 1988; Der historische Ort des Nationalsozialismus. Annäherungen. Frankfurt a.M., 1990.

⁵² Ist der Nationalsozialismus Geschichte?, S.7-8.

⁵³ Goldhagen D.J. Hitlers willige Vollstrecker. Ganz gewöhnliche Deutsche und der Holocaust. Berlin, 1996.

ской историографии и германского исторического сознания. Немцы вновь оказались лицом к лицу с абсолютно нежелательным и как будто давно решенным вопросом – вопросом о национальной вине и национальной ответственности за чудовищные деяния гитлеровцев.

С критикой в адрес Голдхагена выступили некоторые авторитетные немецкие историки, внесшие немалый вклад в изучение проблематики нацистской диктатуры. Они упрекали американского политолога в присутствии его публикации определенном налете сенсационности, в неполном использовании источников, в упрощениях и в скороспелости некоторых выводов, в недостаточном пиетете по отношению к предшественникам. Замечания, безусловно, были справедливыми.

Но маститые исследователи, как мне представляется, не всегда учитывали то обстоятельство, что основная линия монографии, несмотря на ее очевидные слабости и несовершенства, совпадала с определенными ориентирами современного общественного сознания значительной части граждан ФРГ. Прежние разоблачения, касавшиеся преступной роли промышленников, финансистов, дипломатов, юристов и других представителей немецкой элиты в 1933-1945 гг., относились к ограниченному числу лиц и профессиональных групп. Должно было пройти полвека, чтобы германское общество начало воспринимать обвинения, относящиеся к миллионам и миллионам военнослужащих вермахта. Весь спектр мнений, высказанных в ходе "контroversы Голдхагена", сконцентрирован в одном из последних выпусков "черной серии" – сборнике "Историческая наука и общественность".⁵⁴

Популярность библиотеки "Время национал-социализма" постоянно растет. В 1979 г. было издано четыре книги "черной серии", в 1982 – 6, в 1988 – 9, в 1993 – 12. Из ста тридцати выпусков на книжном рынке представлено ныне более семидесяти (издательство "Фишер" регулярно допечатывает тиражи). Авторитетные представители германской исторической науки дали высокую оценку вкладу издательства "Фишер" и его "черной серии" в формирование антитоталитарного, демократического сознания. Ганс-Ульрих Велер назвал серию "впечатляющим издательским проектом, который за двадцать лет стал важным фактором раскрытия научной истины о национал-социализме". "В этой серии, – отметил Ганс Моммзен, – представлены существенные итоги исследований, что способствует продолжению дискуссий по проблемам современной истории".⁵⁵

Один из ведущих сотрудников еженедельника "Цайт" Фолькер Ульрих, писал в связи с выходом сотого выпуска библиотеки: "Без "черной серии" оказались бы вне сферы нашего внимания многие важные аспекты национал-социалистической диктатуры". По его оценке, серия стала "неотъемлемым компонентом историко-политической культуры

⁵⁴ *Geschichtswissenschaft und Öffentlichkeit. Der Streit um Daniel J. Goldhagen.* Frankfurt a.M., 1998.

⁵⁵ Тексты Г.-У. Велера и Г. Моммзена цит. по проспекту издательства "Фишер" (июнь 1994 г.).

ФРГ", "могучим заслоном против забвения, против вытеснения прошлого из исторической памяти". При этом Ульрих особо подчеркнул заслуги Вальтера Пеле, чья "богатая фантазия и умение осуществлять поставленные задачи" стали залогом незаурядного успеха "черной серии"⁵⁶.

"Публикуя правдивые книги о фашизме, – говорит В.Пеле, – трудно рассчитывать на всеобщее одобрение". На страницах консервативных изданий не раз раздавались призывы "подвести черту" под издательским проектом. Прямые угрозы в адрес Пеле со стороны "вечно вчерашних" последовали, в частности, в связи с изданием книги о Сталинграде, якобы "втапывающей в грязь достоинство немецкого солдата".⁵⁷

Ставшая уже традиционной "черная серия" активно противостоит возросшему в последние годы влиянию "новых правых" в германской историографии и в исторической публицистике, она явилась необходимым звеном длительного и предельно сложного процесса "преодоления прошлого" – общенационального извлечения уроков из истории "третьего рейха", идейно-нравственной самокритики, направленной на утверждение непримиримости к любым формам тоталитаризма и шовинизма.

⁵⁶ Die Zeit. 1994, 26. August.

⁵⁷ См.: Pehle W. Verschweigen oder publizieren? S.11.

ИЗ ИСТОРИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

М.С. Бобкова

Эпоха религиозных войн во Франции и рождение исторической науки Нового времени

*Толпа редко знает имя того, кто открыл
новый способ мыслить или чувствовать.
Она лучше запоминает того,
кто придал этому бессмертное выражение.
(Р.Шовирье)*

Религиозные гражданские войны, охватившие Французское королевство, длились более тридцати пяти лет. Это время было эпохой перелома, когда среди смерти, крови и слез из отчаяния и страха рождалось Будущее – будущее абсолютизма и революции, будущее республики и мощного интеллектуального взлета Просвещения, будущее не только Франции, но и почти всех европейских стран, прошедших через катарсис Реформации. Именно в XVI в. европейская цивилизация переступает порог Нового времени.

Таким рубежом в интеллектуальной сфере стало обобщение и закрепление в абстрактных целостных моделях всего, что в других цивилизациях являлось лишь суммой разбросанных фактов или опытов. Музыкальный слух многих народов тоньше, чем у европейцев, но только в Европе музыкальные интервалы оформили в контрапункты и ввели нотную запись; чиновничество появилось вместе с государством на Востоке, Запад же поставил всю общественную жизнь в зависимость от законов.¹ Наблюдения за природой, врачевание, правила поведения, прошлое есть у всех народов, но только в Европе закрепились философия, юриспруденция, наконец, наука история.

Истоки научной исторической мысли Нового времени нужно искать именно в Европе, и раньше всего во Франции – уже в XVI в. Рождение этой науки (тогда история мыслилась и создавалась именно как гуманитарная наука в противовес традиционному искусству истории) происходило не в схоластических диспутах и кабинетных дискуссиях, оно было предопределено практической необходимостью для человека найти выход из хаоса кровопролитий и войн, возродить дарованную гуманизмом надежду на способность не разрушать, а созидать свой мир – свою индивидуальность, свою страну, единую общность – Всемирное государство. Начало историзма Нового времени восходит к работам почти

---

¹ Вебер М. Избранные сочинения. М., 1990. С.47.

не известного в России французского мыслителя Луи Леруа, который впервые в 1562 г. поставил вопрос о методе истории, но его идеи не представляли собой целостной системы, потому что Леруа в большей степени интересовала категория "государства".

Обратим внимание на то, что трактат Леруа, в котором он задался вопросом о причинности в социальном движении, появился в год, когда Европа содрогнулась от резни в Васси, где было убито 23 протестанта и ранено более ста, в год, который положил трагическое начало отсчету времени гибели и возрождения французской нации. Протестанты поняли, что настало время отстаивать право на свою веру с оружием в руках. Еще в 1560 г. на Генеральных штатах Лопиталь, глава партии политиков, партии гражданского компромисса, призывал отложить "в сторону эти дьявольские слова – политические партии, гугеноты и паписты – будем называться просто христианами", но тогда урегулировать взрывоопасную обстановку не удалось. Преступление в Васси, ставшее прологом гражданских войн во Франции оказало колоссальное влияние на тогда еще совсем молодого человека, но в будущем выдающегося мыслителя, политического деятеля, ученого – Жана Бодена.

В 1566 г. появляется сочинение, в котором все аспекты человеческого бытия связываются воедино, на основе углубления в прошлое устанавливаются закономерности этого бытия и возможности прогнозирования будущего. Это трактат "Метод доступного познания истории" Бодена, судьба которого удивительным образом переплеталась с судьбой самой Франции. Личность Бодена многим современным исследователям представляется историческим парадоксом. С одной стороны, он – типичный человек своего времени – правовед, имеющий широкие познания в философии, экономике, истории, астрологии, математике. С другой – Жан Боден был "жителем многих эпох", совмещавшим в своих взглядах самые крайние и противоречивые точки зрения. Как интеллектual Боден впитал в себя дух, метод и сущность схоластического учения, но при этом последовал за Рамусом, восстал против пут авторитетов, выдвинул идею создания науки об обществе, опирающейся на эмпиризм и рационализм. Драматичность и противоречивость эпохи, в которую жил Боден, объясняла сложность не только его личности, судьбы, но и его произведений. Может быть модуль истины у Бодена находится где-то между тем, что он думал (увы, об этом нам никогда не узнать), что говорил, что писал, и тем, как действовал, как жил. У нашего героя, впрочем, как и у многих людей, эти вещи очень часто не совпадали. Но можем ли мы обвинять его в непоследовательности?

В историографии Боден имеет почти "фаустовскую" репутацию. П.Бейль назвал его одним из самых одаренных умов XVI в., который постиг и переработал почти все современные ему знания.² Хорошо знакомый с трудами Бодена М.Монтень отметил: "Жан Боден, выдающийся современный писатель, выделяется из толпы писак нашего времени

² *Beyle P. Dictionnaire historique et critique. Rotterdam, 1740.*

своим большим здравомыслием, заслуживает всяческого внимания и уважения".³ Известный исследователь Р.Флинт считал, что до Монтескье Боден не имел себе равных не только во Франции того времени, но и во всем мире. "Боден, – пишет он, – обладал огромной природной силой интеллекта, имел отличное образование, особенно в языках, юриспруденции, истории. К этому следует добавить и его обширный политический опыт".⁴ По мнению президента Академии братьев Гонкуров Франсуази Малле-Жорис, Боден – "утонченный интеллигент, искусный политик, скоростижный мудрец... Он любит сатану, как любят его еще более неистовой силой столько судей и палачей. Жан Боден – оратор, юрист, писатель – всего лишь одна из тех страстно увлеченных натур, которые хотят, умоляют сатану, чтобы он существовал, которые отдадут ему на заклятие многих. Жан Боден будет только писать – с внезапной страстью, которая распалит холодных, сухих, рассудительных. И они будут убивать, пытаться, никогда не уставая..."⁵

В 1604 г. один из читателей "Метода" на полях книги предостерегал: "Книгу Бодена о методе доступного познания истории нельзя читать без тщательной осторожности, ибо в ней повсюду хитро рассыпаны семена зловредного пагубного учения... Муж, как Куяс его называет, безрассудный и надменный..."⁶ Век Просвещения сохранил на полях одной из работ Бодена росчерк пера: "Скучный посредственный писатель Боден погиб". Очевидно, его затмил Рене Декарт, который во многих своих работах лишь развил и доступно изложил идеи Бодена.

Жан Боден родился в многодетной семье в 1530 г. в Анжере. Скромные доходы его отца Гийома Бодена не позволяли дать младшему сыну, не претендовавшему на наследство, хорошее образование. Поэтому в девять лет Жана отдали на воспитание в орден кармелитов. В 1547 г., отметив послушание, прилежание в занятиях и способности Бодена, братство направило его в кармелитский монастырь в Париже, благодаря чему он смог посещать занятия на теологическом факультете Сорбонны. Боден стал свидетелем окончания царствования Франциска I и вступления на престол Генриха II. Около двух лет, до 1549 г. Боден жил в монастыре своего ордена и изучал курс философии Гийома Прево. Эти занятия сформировали глубоко критическое отношение юноши к силлогическим рассуждениям и бесплодной дедукции. Но хотя и в дальнейшем его позиция была открыто противоположной схоластическим идеалам, тем не менее традиции средневековой логики были довольно сильны в его сочинениях. Поэтому в "Метод" часто возникают несоответствия между "опережающим" содержанием его идей и схоластической формой их выражения и организации.

³ Монтень М. Опыты, кн.2. М.-Л., 1958. С.465.

⁴ Flint R. The Philosophy of History in France and German. L., 1874. P.67.

⁵ Малле-Жорис Фр. Три времени ночи. М., 1992. С.7.

⁶ Bodin J. Methodus ad facilem historiarum cognitione. P., 1572 (Далее – Methodus).

В целом же время, проведенное в столице, укрепило гуманистическую направленность мировоззрения Бодена. Он стал свидетелем сложных и противоречивых событий интеллектуальной жизни Парижа середины XVI в. Среди ученых, профессоров, студентов, при дворе и среди просто образованных людей витали идеи Гийома Бюдэ, Мишеля Лопиталья, Левевра д'Этапля, Викомеркато, представителей блестящей "Плеяды". Но Боден появился в столице уже после того, как студент коллежа Монтегю Жан Кальвин открыто отрекся от католичества, опубликовав свои "Наставления в вере". После того, как на стенах королевского дворца появились призывы к уничтожению католического идолопоклонства, Франциск I приказал начать суровые преследования протестантов. Теперь любое культурное, философское новшество могло расцениваться как ересь. На площади Мобер уже казнен Этьен Доле, покончил с собой, не пережив изгнания, Доперае, обрушились преследования на членов гуманистического кружка Маргариты Наваррской.

Начало XVI столетия - "преисполненная радостных надежд заря французского Ренессанса" - сменялась бурной и катастрофической полосой экономических, политических и религиозных кризисов. Сам Боден так оценил это время: "С тех пор, как столь великий король Франциск покинул нас, происходят изменения к худшему... Тот, кому следовало бы собирать изобильные плоды наук, предпочитает их гноить... Я с наилучшими чувствами вспоминаю тех [людей], вспышки таланта которых осветили всю Францию, а теперь гаснут в разорении и мраке".⁷

В 1548 г. приор кармелитского монастыря из Тулузы Рене Гарнье и два духовных брата - Боден и Венот были арестованы по обвинению в ереси. Они предстали перед судом Огненной палаты, по решению которого Венота казнили, а Бодена отправили в тюрьму Парижского епископства. Вскоре он был освобожден благодаря протекции одного из своих покровителей Шарля Боувери. В 1549 г. в Анжере Боден отказался от монашеского обета и уехал в Нант, где помогал разбирать дела одному судье. Новые угрозы со стороны католической церкви заставили Бодена покинуть родину и искать убежища в Женеве.

В 1555 г. в Париже был опубликован выполненный Боденом блистательный перевод поэмы Аппиана "Об охоте", который высоко оценил король. Благодаря королевской привилегии и милости Боден вернулся во Францию в 1556 г. Он поступил на юридический факультет Тулузского университета, с которым были связаны имена таких выдающихся мыслителей и политических деятелей, сыгравших серьезную роль в разрешении религиозного конфликта и в становлении собственно французской культуры, как Анри де Мем, Гю дю Фор сеньор де Пибрак, Поль де Фуа, Мишель Монтень, Франсуа Санхец. Очевидно, что люди, преподававшие в университете и чуть позднее выбравшие Джордано Бруно профессором, обладали смелостью, умом и гражданским мужеством. Значительное влияние в этот период на Бодена оказывают ра-

⁷ Bodin J. Methodus... P.18.

боты Франсуа Бодузена и Франсуа Отмана. В 1561 г. (еще до работы Леруа, который также обучался праву в Тулузе) Бодуэн опубликовал трактат "Об основании всеобщей истории и ее соединении с юриспруденцией". Ценность истории, по Бодуэну, состоит не только в тех моральных уроках, которые она содержит, но и в заключенном в ней политическом опыте и правовых системах.⁸ Идеи, изложенные в этой работе, дали основу для формирования у Бодена сравнительного подхода к изучению права и привлекли его внимание к истории человеческого общества.

В 1556 г. Боден, подгоняемый желанием понять, как делается большая политика и вершатся государственные дела, отправляется в Монпелье, чтобы присутствовать на заседаниях штатов Лангедока. В 1559 г. он произносит речь на закладке фундамента Школы древностей в Тулузе⁹, цель которой состояла в том, чтобы убедить тулузцев довести до конца их благое начинание. Боден выступил в этой речи противником тех, кто считал ненужным и, более того, вредным для юридического образования углубленное изучение древних языков.

В 1562 г., уже после событий в Васси, когда для всех членов парламента Парижа и государственных чиновников, включая адвокатов, была введена присяга на верность католицизму, Боден оставил Тулузу. Приехав в Париж и начав свою карьеру при Парижской судебной палате, 10 июня 1562 г. Боден среди 367 адвокатов приносит эту клятву. Но судебная практика оставляла мало времени для научных и литературных занятий. По этой или по какой-то другой причине он оставляет службу при Судебной палате и начинает заниматься выполнением различных юридических поручений, то есть частной адвокатской практикой, которая не доставляла особых хлопот и обеспечивала средства к существованию. К этому времени у Бодена уже созрел замысел его первого труда — "Метода доступного познания истории", который вышел в свет в 1566 г. и сразу же принес ему общеевропейскую известность.

Противоречия реальной жизни толкали многие пытливые умы того времени к поискам ответов на вопросы: имеет ли история какие-то законы, подвластные пониманию человеческим разумом или это лабиринт без выхода? Являются ли основой изменений, происходящих в обществе, какие-то объективные причины или они определяются индивидуальным волеизъявлением? Обращение Бодена к истории обуславливалось также необходимостью понять, на основе каких механизмов развивается общество, существуют ли они реально, можно ли их познать и управлять ими. Решение этих вопросов позволило бы оценить события прошлого, понять настоящее и дало бы реальную возможность воздействовать на движение общества в будущем.

Боден, развивая гуманистические традиции, выбрал в качестве предмета своих исследований не просто человека, но — *деятельность*

⁸ Hauser H. La modernité du XVI-e siècle. P., 1930. P. 83.

⁹ Baudrillart H. Jean Bodin et son temps. P., 1883.

людей. Он выделил два вида деятельности: созерцание (нечто подобное речи) и делание (нечто, подобное письму). Идеал деятельности Боден находит в их разумном сочетании, поскольку созерцание направлено на поиск вечных истин и осмысление текущих событий, а делание реализует принципы, установленные в ходе созерцания, и обеспечивает материальное и политическое существование общества и государства в целом. При этом в трактате отмечается, что разумная деятельность всегда наполнена моральными добродетелями, она охватывает все возможные сферы жизни, поэтому предмет истории всеобъемлющ и универсален.

В этой работе Боден показал, что подлинный человеческий интерес состоит в том, чтобы получить реальные знания о природе, как окружающей среды, так и самого человека. Ведь успех практической деятельности и реализация человеческих потребностей, которые и толкают к деятельности, обеспечивается наличием объективных знаний о мире. Субъективно-деятельностное отношение человека к природе диктует ему необходимость объективного подхода к ее познанию. Законченная схема предмета истории у Бодена может быть представлена следующим образом:

деятельность людей

свободная воля

жизненные потребности

естественная природа человека

окружающая природная среда, космос

Бог

Боден одним из первых ввел в историю понятие "закономерности" и показал обусловленность развития народов и форм государственности природными факторами. Это имело колоссальное воздействие на его современников. В 1569 г. Антоний Випераний уже широко использует понятие "законы истории" (*leges historicae*). Он пишет: "Чем же иным является история, если не собранием примеров прошлого, из которого для будущего из памяти предшествующего устанавливается нечто подобное правилам".¹⁰

Метод изучения истории Бодена как способ теоретического осмысления прошлого человечества основан на следующих принципах: информативности, поскольку история несет в себе прежде всего знания; правдивости, фактографичности, а не на оценочности в подходе к материалу, которая характерна для философии, но не для истории; смысловой, а не дидактической оценки читателем истории; дифференци-

¹⁰ Viperani A. De seribenda historiae liber. Antv., MDLXIX. P.20.

рованного, сравнительно-критического подхода к изучению истории; обусловленного спецификой исторического материала; установления причинно-следственных связей; использования в объяснении истории закономерностей, открытых естественными науками и логикой Рамуса; на идее поступательного развития человеческого общества во временных рамках мира, установленных Творцом; единстве рассмотрения социальных, природно-климатических факторов, влияющих на ход исторического процесса; применении филологического анализа исторических источников; дедукции, анализе и синтезе (каждая из этих операций имеет свои специфические задачи в историческом труде); жесткой хронологической последовательности в исследовании материала; и, наконец, на доступной и увлекательной форме повествования.

История у Бодена имеет первостепенное значение в системе знаний и является наукой всех гуманитарных наук, поскольку все знания, которые добываются, например, правоведами или философами, находят свое основание именно в истории, и в ее копилку они относят свои открытия. Боден представил полную характеристику человека, способного написать хорошую историю. К нему предъявлены очень высокие требования – профессионализм, энциклопедическое общее образование, морально-нравственные добродетели, блестящее знание древних языков, сильный характер, талант, природная одаренность. Одним из первых Боден выдвинул предположение о том, что через личность автора исторического произведения, его политические, ценностные ориентиры можно определить некоторые черты того времени, когда это произведение создавалось. На основе уже разработанных общих требований к историческому сочинению Боден составил первый рекомендательный список для изучения истории. Отдельные попытки посоветовать, что читать интересующимся историей, предпринимались и раньше, например, Курионе. Но Боден составил подробнейшую библиографию по двум основаниям: по предмету и по соотношению частного и общего.

Как известно, Боден выделил четыре вида истории: человеческая, природная, божественная и математика. Традиционной была бы трихотомия в классификации истории, но Боден добавляет математику. Попробуем разобраться с какой целью он это делает? Вначале все-таки более подробно остановимся на исторической трихотомии, которая скорее всего создавалась не с целью изучения каждого вида истории отдельно, без всякой взаимосвязи с другими, что в действительности сузило бы и облегчило задачу познания, но одновременно упростило и исказило бы представления о человеческой истории, потому что был бы утрачен ее детерминистский характер. Главным, для Бодена, при делении истории было установить и показать – через синтез истории человеческого общества – всеобъемлющую связь с природой и Богом.

Специфика в предмете каждого из видов истории бесспорно есть, и ученый ее отмечает. В человеческой истории – это деятельность, человек, общество; детерминантами при этом выступают природа и Бог. В природной или естественной истории предметом познания является

сама природа, детерминанты – человек и Бог; в священной истории Бог – единственная сущностная составляющая. Но естественная и священная истории, их законы и смысл существуют, воплощаются и постигаются только в рамках истории человеческой. При этом Боден считает, что природа и человек суть “творения Божьи”; люди, наделенные душой и разумом, изучая естественную и человеческую истории, могут лишь приблизиться к представлениям о божественном замысле, о замысле творения и преклониться перед его величием. Боден считает, что главный шаг будет сделан тогда, когда поняв человеческие и природные дела, историк приблизится к божественному. На наш взгляд, совершенно очевидно, что одной из черт историографической модели Бодена является теологический монизм, отраженный в замкнутой соподчиненной системе:

БОГ

ПРИРОДА
ЧЕЛОВЕК

ОБЩЕСТВО

ТРИ ВИДА ИСТОРИИ:

божественная
(сверхъестественная)природная
(естественная)

человеческая

Из трех видов истории Боден оставляет божественную теологам, естественную – философам, в то время “как мы сами, – пишет он, – будем заниматься человеческими действиями и их правилами” (исторических факультетов тогда не было и первым теоретиком истории стал правовед). Но хотя в начале своего произведения Боден и делает это замечание, он, тем не менее, касаясь вопроса о периодизации, не мог обойти теологические дискуссии, например, проблему начала и конца мира.

В противовес христианским теориям периодизации истории (например, по империям) Боден выдвинул новую периодизацию, в основу которой были положены климатические условия окружающей среды и распространение цивилизации с юга на север. “Сила внутреннего тепла делает более сильными тех, кто находится на севере. По этой причине скифы всегда направляли свои набеги на юг. Точно так же и величайшие империи всегда возникали на юге”. Юг с мягким теплым климатом создавал более благоприятные условия для жизни людей и появления высокоразвитых форм социально-политических отношений. Боден выделяет три великих эпохи, каждая из которых продолжалась две тысячи лет. В первую – ведущая роль принадлежала народам, проживающим на юго-востоке, во вторую – народам Средиземноморья, в третью – жителям севера.

Почему Боден выбирает период в шесть тысяч лет? По форме этот подход почти полностью соответствовал провиденциальной периодизации по “шести векам” (возрастам мира), предложенной Августином и непосредственно не связываемой им с историей. Однако по мере уда-

ления от времени его жизни и накопления нового историко-политического опыта появилась задача придать элемент внутреннего динамизма уже существовавшей периодизации. В VIII в. Беда Достопочтенный дополнил унаследованную от Августина периодизацию священной истории внутренней характеристикой каждого из "шести веков мира". Так, например, первый день трудов Создателя начался с сотворения света, продолжился отделением света от тьмы и завершился наступлением ночи. Соответственно – первоначально появление человека, затем отделение праведников от грешников и, наконец, наказание грешников – потоп. По этой схеме развитие событий в пределах каждого "века" проходило через три этапа: становление, разделение (в развитии) и крушение.

Боденовская схема напоминает деление Беды, но только в масштабах регионально-климатической периодизации. Временные рамки своих эпох Боден определяет не исторически, а на основе Библии. Самая ранняя из них определяла процесс становления человеческой цивилизации; тогда южане занимались познанием религии, постижением мудрости, изучали движение небесных тел и всеобщую власть природы. В последующие две тысячи лет господство перешло к народам средней полосы. Вторая эпоха – это время мощного роста государственности, разработки законодательных систем, расцвета торговли. В следующие две тысячи лет первенство должно перейти к северянам, которым предстояло открыть неизвестные ранее ремесла и искусства, сделать новые изобретения. Затем, по мнению Бодена, по миру пройдет великая волна беспорядков, все будет подвергнуто гибели и крушению – начнется господство Марса. Первая из этих эпох уже миновала, а вторая, по Бодену, в его время подходила к середине.

Боденовская периодизация носит умозрительный, условный характер (как и всякая периодизация в принципе). Содержание периодизации определяется критериями этапов исторического движения. Это может быть, например, господство той или иной религии, рост производительных сил и характер их взаимоотношений с общественной надстройкой, преобладающее влияние той или иной идеологии. Боден же на основе кропотливого анализа всей истории человечества критерием своей периодизации выбирает объективные факторы. Природные характеристики (например, влажность и температура воздуха) определяют физический тип людей, их характер, темперамент, предрасположенность к тому или иному виду деятельности. Древность выделила народы юга – древние цивилизации Востока, затем античность – Средиземноморье, в Средние века, в эпоху Возрождения и чуть позднее расцветают общества, существующие в средней полосе, но третий этап, по Бодену, должен завершиться неминуемой всеобщей гибелью. С его точки зрения, историческое движение имеет следующую направленность: первая эпоха – души, вторая – разума, в третьей верх возьмет грубая сила. Следовательно мир, постепенно деградирующий и разлагающийся, ко-

нечен? Как же это соотносить с боденовскими идеями прогресса, с его критикой теории четырех монархий и “золотого века”?

Для объяснения этого противоречия необходимо подробнее остановиться на боденовской оценке влияния Бога и божественного на человеческую историю и хотя бы кратко – на божественной истории. Может создаться впечатление, что идеи Бодена характеризуются ярко выраженным рационалистическим детерминизмом. Для самого Бодена наиболее сложная задача состоит в том, чтобы установить характер и степень божественного влияния на судьбу человеческого общества. В связи с этим возникает вопрос о начале истории, что для Бодена равнозначно с вопросом о начале мира. В религиозно-философской мысли Боден подробно рассматривает три возможные точки зрения:

1. Мир вечен, не имел начала, а следовательно, не будет иметь конца;

2. Мир имел начало и будет иметь конец;

3. Мир имел начало, но никогда не будет иметь конца.

Все эти варианты решения вопроса о вечности мира подробно анализируются. Первым, кто высказал идею вечности мира, Боден считает Аристотеля, не согласившегося с Платоном в том, что Бог после грехопадения, свершенного первыми людьми, обратился ко всему сущему и объявил, что все смертно, хотя, по его святой воле, первоначально его творениям предназначалась вечность. Аргумент Аристотеля состоял в том, что данное невозможно доказать на практике. По Аристотелю, мир непрочен, не имеет начала постольку, поскольку вещи имеющие начало, неизбежно приходят к упадку, но умирая, они имеют продолжение.

Боден отвергает мнение Аристотеля как безрассудное. Он считает Бога Творцом мира в природе, в пространстве и времени. Мир, по своей природе, как материальное тело, является бранным. “По воле Всемогущего, приходя на землю, люди умирали, снова уходили в нее, бременную теплом и новым семенем”.¹¹ Движение любой сущности приближает ее к концу. Из этого Боден выводит некое правило для частного и общего. Ведь если составляющие мира превращаются в руины, то рано или поздно сам он целиком завершит свое существование. Конец мира наступит лишь тогда, когда целое обратится в руины. Но на месте погибшей части целого может возникать новая и, может быть, более совершенная, поэтому конец мира, по Бодену, еще далек.

Затем Боден рассматривает и компромиссную точку зрения о том, что мир имеет начало, ибо подчиняется необходимости, а не воле. Естественно возникает вопрос, что же тогда управляет миром и предопределяет ход событий? Боден находит три возможных варианта ответа: или необходимость, или воля, или случай. Боден не соглашается с Аристотелем, который наделил человека свободной волей, а природу и Бога связал необходимостью. “Что может быть более нечестивым, высокомерным, наконец, более безрассудным, чем желание брать на себя

¹¹ *Bodin J. Methodus...* P.82.

ответственность за происходящее, чем нежелание следовать тому, что исход дел предопределен Богом. Он не может остановить движение Солнца, не имеет власти над небесными светилами или какими-либо изменениями в Универсуме, точно также воля и побуждения человека могут не все. Но Бог изменяет то, что пожелает. Бог ограничен, но не силой; он управляет всеми вещами на основе чистейшего выбора, основанного на желании. Его воля определяет необходимость, заложенную в сотворенной им природе, развивающейся бесконечно”.¹²

Боден уверен, что природа совершенна, гармонична во всех своих частях, проявлениях и форме. Для него нет ничего более безрассудного, чем мысль о том, что мир существует по законам, диктуемым необходимостью, стоящей над Богом. Ведь тогда получается, что Творец, желает он этого или не желает, ограничен необходимостью. Бог создает не любые вещи, а лишь те немногие, к существованию которых он стремится. Поскольку необходимость определяет “божественным произволом”, желанием Бога, то мир, заключает Боден, был сотворен и имел начало: “Конкретным началом *времени* представляются события, изложенные в Святом писании. Попытка определить более древнюю точку отсчета времени была бы, вероятно, преступлением”.¹³ Сотворенный Богом мир должен быть бесконечным, если бы не существовало “божественного произвола”, в соответствии с которым мир может погибнуть, если на то будет воля Божья. В вечности мира заложена его латентная гибель. Поэтому Боден считает, что в истории возможен дальнейший прогресс и не обязательно конец мира должен быть подготовлен его разложением; катастрофа может наступить в расцвете, на пике взлета всего сущего, но тогда, когда Бог захочет этого.¹⁴

Одним из этапов творения мира Боден считает сотворение человека. “Глупо думать, что форма создается из сущности материи, подобно тому, как фигурка Меркурия сама бы себя создала из бревна, потому что она есть творение ума, знаний и сноровки ремесленника”.¹⁵ Есть нечто, потенциально заложенное в некоторой сущности и развивающееся не под воздействием внутренней силы этой сущности. Творец вышел из целомудренной тишины и приступил к Творению благодаря самовозбуждению. Боден уподобляет Бога архитектору, который имеет источником своего вдохновения не материал или пространство, но собственно замысел созидания.¹⁶ Итак, перед началом Сотворения мира Бог имел не только собственное желание, но и задуманный план действий.

Платон сравнивал мудрого человека с Богом; Аристотель считал, что счастливый человек самодостаточен, потому что несмотря на все неудачи, разочарования, заботы, он уверен в себе. А это определяется

¹² *Ibidem*.

¹³ *Bodin J. Methodus...* P.183.

¹⁴ *Bodin J. Methodus...* P.185.

¹⁵ *Ibidem*.

¹⁶ *Bodin J. Methodus...* P.272.

состоянием мыслей, благодаря которому человек возвышается над заботами, также уподобляясь Богу. Боден не соглашался с этими мнениями, потому что был уверен, что Бог не создал ничего более величайшего и совершеннейшего, чем он сам.

В мировоззрении Бодена дух рационализма был очень силен, этим и обуславливается попытка определить суть акта Божественного Творения. Он как бы сравнивает Бога с ученым, а Творение и существование мира – с величайшим экспериментом, который осуществляется на основе продуманной теории. Познание законов природы и механизмов, управляющих обществом, равнозначно для Бодена постижению божественного. Догматы ортодоксального христианства учат, что человек может соприкоснуться с божественной истиной только через веру. В Библии сказано: “Я есмь сушь” и ортодоксально-верующему этого достаточно, его душа не требует никаких пояснений – через благодать придет соприкосновение с божественным.

Поскольку для Бодена очевидно, что исторический факт существует не только в пространстве, но и во времени, то для него очень важен вопрос о соотношении понятий “время”, “вечность”, “движение”, которые можно определить, по его мнению, только в связи с божественным. Он считает, что понятие “времени” в истории существует *реально*. “Тот, кто думает, что можно понять историю вне времени, ошибается, подобно тому, кто отправляется в путешествие по запутанным лабиринтам. Он может блуждать очень долго, так и не найдя какого-либо выхода в этой путанице. Время, подобно нити Ариадны, ориентир для всех историков, не только предостерегает от бесполезных блужданий, но и помогает заблудившимся вернуться к верному пути”.¹⁷ Боден выдвигает идею всеобщего времени, в рамках которого должна изучаться всеобщая история. Свою задачу он видит в установлении противоречий, которые имеются в определении древности событий и их последовательности. Он мечтает о создании такого *универсального* календаря, в котором для любого народа то или иное историческое событие соотносилось бы с одной датой (это касается и религиозных праздников). Боден признает неверным мнение о том, что время может управлять движением: ведь, если остановить часы, то само время не остановится – движение не зависит от времени. Время же отделяется от Вечности, ибо Вечность – это движение, а время – лишь его характеристика, способ его фиксации. Движение есть Бог, а “он не может не двигаться, не может отдыхать”.

Боден считает, что историческое движение имеет свои законы. Но любая гипотеза хороша лишь тогда, когда получит подтверждение с помощью математики. Ярким проявлением божественного участия в человеческой истории, по Бодену, является то, что мир сотворен Богом по законам математической гармонической пропорции. У исследователей творчества Бодена эти идеи всегда вызывали большой интерес и

¹⁷ Bodin J. Methodus... P.211.

еще большую путаницу. Одни характеризовали их, как “магию чисел”, выростившую на средневековых предрассудках, другие называли высшим достижением всей историографической модели Бодена.

Идея гармонии как антитеза идее Хаоса имеет тысячелетнюю традицию. Впервые термин “гармония” встречается в поэмах Гомера “Илиада” и “Одиссея”. В “Илиаде” оно обозначает “мир, согласие”, в “Одиссее” – “скрепы, шипы”, с помощью которых Одиссей соединял различные части строящегося корабля. Учение о гармонии возникло приблизительно в VI в. до н.э. в трудах Пифагора и его учеников. Сущностью и носителем гармонии является, по пифагорейцам, число, числовые пропорции и отношения. Отправным пунктом в пифагорейском учении о числе была музыкальная гармония: созвучия зависят от длины струны, издающей звуки. Гармония мироздания виделась пифагорейцам в математических соотношениях. Гераклит считал основой гармонии соединение противоположностей. Для Платона гармония есть основа прекрасного, согласие разногласного. При этом мера, симметрия и пропорция составляли единое целое гармонии.

В эпоху Возрождения математическое понимание гармонии вытесняется эстетическим идеалом, получает развитие мысль Платона о связи гармонии с прекрасным. Боденовское понимание гармонии основано не на магии чисел, а скорее на учениях Падуанской школы натурфилософии. В 1568 г. Боден написал стихи, посвященные Курцию. Вот их прозаическое изложение:

Творец мира трех измерений, Величайший из всех,
Он способен изменять мир и устанавливать гармонию,
Он отмеряет каждой вещи из ее собственного ковша,
Определяя ее существование в числе, в системе, во времени.
Он с замечательной мудростью соединяет внутренними цепями
Две противоположные вещи в одном,
Являющемся условием существования обеих.
Он складывает мелодию из различных звуков и голосов для того,
Чтобы удовлетворить самый изысканный слух,
Чтобы излечить болезнь, соединив
Грубость с утонченностью,
Горечь с радостью,
Тьму со светом,
Покой с движением,
Горе со счастьем...
Он соединяет ненависть с согласием,
Друга с врагом,
Создавая всеобщую гармонию мира,
Состоящую в разнообразии форм существования.

Для обоснования законов социального движения Боден принимает математическую последовательность Платона и основывается на значении пифагорейских чисел. Бессмертный Бог приводит все в порядок в числах, математической последовательности и соразмерности.¹⁸ Зави-

¹⁸ Bodin J. Methodus... P.260.

симось развития общества от математики, по мнению Бодена, может показаться абсурдом, если математические действия производить беспорядочно. Когда же "симфония измерений складывается в соответствии с гармонической пропорцией, то разногласий быть не может". Таким образом, математика становится четвертым видом истории, который несет в себе расчеты закономерностей общественного развития.

Боден принимает пифагорейское положение о том, что в музыке гармония создается в случае, если длины струн соотносятся как целые числа первой четверки 1:2; 2:3; 3:4. Он указывает на то, что никто из его предшественников не смог убедительно экстраполировать власть и силу чисел в отношении зарождения, форм правления, роста, изменений и гибели государств.¹⁹ Боден считает постоянным влияние математики на судьбы как отдельного человека, так и всего государства, находит возможным *рассчитывать* кризисные периоды, периоды расцвета и гибели. Вот почему Боден выделяет математику как один из видов истории. Он соотносит развитие человека и государства с такими математическими детерминантами, как отношение 3:4, образование полных, сферических чисел различными действиями, производимыми с 3, 6, 9 и 7, с совершенным платоновским числом 12, с арифметической, геометрической и, главным образом, гармонической пропорцией (это пропорция, средние члены которой равны, а последний представляет собой разность между первым и средним: $A:B=B:(A-B)$), отметим, что разложение числа *A* на два слагаемых *B* и *A-B* является гармоническим делением или золотым сечением). На основе гармонической пропорции, по Бодену, развивается история человеческого общества.

С точки зрения онтологии, исторический метод Бодена оценивается неоднозначно. Бодриар, например, подчеркивая ее дуализм, указывал на то, что ученый выделял природное и божественное начало в истории.²⁰ Флинт²¹ и позднее Келли²², считали, что в основе метода Бодена лежал монизм, ибо природа – это и есть проявление божественного. Нет сомнения в том, что система Бодена определяется ярко выраженным теизмом. Бог является Творцом и Создателем космоса, природы и человека, как части этой природы. На основе гармонической пропорции Творец задал путь движения природы, определяющий и развитие человеческого общества. Но между космосом, природой, человеком и социумом установлены закономерные и неизменные связи, которые вполне познаваемы человеческим разумом. Таким образом, исследуемая нами модель истории характеризуется, как это ни парадоксально, рационалистическим теизмом: сотворенная система развивается на основе разумных закономерностей. В этом очевидно сказывается переходный характер эпохи, в которую создавался "Метод".

¹⁹ Ibidem.

²⁰ Baudrillard H. Op.cit.

²¹ Flint R. Op.cit.

²² Kelley D. Development and Context of the Bodin's "Methodus" // Verhandlungen der internationalen Bodin Tagung im Munchen. Munchen, 1973. P.123-180.

Идея гармонии как всепроникающего единства разнородных и разнообразных начал лежала в основе осознания Боденом единства двух полярных высокоорганизованных миров микрокосма и макрокосма. Он устанавливает соответствие между микро- и макрокосмом через мировое государство (*Respublica mundana*). Традиционно макрокосм определялся как "большой мир, Вселенная", микрокосм – "малый мир, человек". У Бодена понимание микро- и макрокосма имеет некоторое своеобразие. Для него макрокосм – это Вселенная и душа человека. К микрокосму он относит не только человека, как физическое существо, но и объединенные по регионам этнические общности с их природными склонностями к той или иной деятельности.

Первоначально Боден намечает соответствие в составляющих микрокосма – между жителями определенных климатических поясов и частями человеческого тела, его правой и левой стороной. Он пишет, что левая рука менее сильна в сравнении с правой. И вообще вся левая сторона человеческого тела ассоциируется по своим характеристикам с некоторыми качествами стариков или женщин. Левая часть, более слабая, заключает селезенку с меланхолической жидкостью, она соответствует югу. Селезенка подвержена влиянию Сатурна. "Правая сторона более сильная, уподобляется мужскому организму, несет в себе печень с желчью, на деятельность которых влияют Луна и Марс".²³ Правая рука выполняет большую часть механической работы, поэтому Боден уподобляет ее северянам. Он сопоставляет части человеческого организма и мирового государства. Южане с их мудростью представляют мозг, в структуре *Respublica mundana* они являются священниками и учеными. Северяне с их физической силой и ловкостью помещаются в печени и уподобляются ремесленникам и солдатам. Сердце мирового государства представляют жители средней полосы – чиновники, наделенные благоразумием. Жизненная сила сердца побуждает к деятельности, установлению порядка и к контролю над всеми. Таким образом, в *Respublica mundana* "благоразумные люди (жители средней полосы), взяв власть в свои руки, стали бы управлять, религиозные, мудрые и философичные – размышлять, заниматься созерцанием и религией, а северяне развивали бы военное дело, сельское хозяйство и механические и ручные ремесла".²⁴

Боден считает, что законы истории являются общими для всех народов, объединенных под властью одного правителя – *Разума*. Они могут иметь различия в языке, традициях и религии, но когда все люди объединятся на основе универсального закона, то они "поймут, что имеют одну кровь и подчинены единой власти разума".²⁵ По форме политического управления мировое государство Бодена – монархия. Это отличает его от Платона, который представлял идеальное государство

²³ Bodin J. Methodus... P.113.

²⁴ Bodin J. Methodus... P.121.

²⁵ Bodin J. Methodus... P.127.

как полис. *Respublica mundana* Бодена, как идеал всемирного объединения, значительно отличалась от *Respublica christiana*. Его модель идеального государства основана на особенностях различий окружающей среды.

Вообще разработка в середине XVI в. теорий мирового государства – утопий – сама по себе являлась алогичной. Появление во Франции подобной модели во время религиозных гражданских войн противоречило всей социально-политической и экономической истории; к тому же в этот период шел бурный процесс формирования национального самосознания, складывания национальных государств. Скорее всего, идея *Respublica mundana* является одним из аргументов, направленных против концепции “экономической изолированности или замкнутости” государств и теорий “национального превосходства”. Боден считал необходимым экономическое объединение различных наций, потому что каждый регион земного шара, исходя из природных условий, специализируется на каких-то конкретных видах продукции. Следовательно для процветания человечества необходима интеграция, экономическое сотрудничество, союз всех народов – мировое государство, основой формирования которого должна стать торговля: “Торговля уже сейчас внезапно так связала все народы, что они неожиданно для самих себя оказались работниками единого мирового государства”.²⁶

Боден устанавливает связи между мировым государством и планетами, то есть макрокосмом. Он следует учению Николая Коперника о том, что Солнце – центр Вселенной, расположено в центре планет и в центре мира. В *Respublica mundana* Солнце, уподобленное сердцу и мозгу, соответствует месту жителей средней полосы. Он, однако, оговаривается, что признание гелиоцентризма естественно приводит к выводу о том, что Солнце должно быть общим для всех.

В “Метод” Бодена намечаются и более широкие параллели. Тройное деление народов – северяне, жители средней полосы и южане – соответствует тройному делению макрокосма: духовный мир разума, небесный мир звезд и элементарный мир рождения и смерти всех вещей. Вокруг этого намечается еще один ряд трихотомии, касающейся свойств души – знания, государственная мудрость и практические искусства, находящие свое выражение в созерцании, политических действиях и практических делах.²⁷ Вслед за Аристотелем Боден сравнивает южан, жителей средней полосы и северян с тремя возрастными категориями человека – юностью, зрелостью и старостью: “Когда я более внимательно смотрю на южан, жителей средней полосы и северян, то мне кажется, что все они имеют характеры и нравы соответственно стариков, мужчин и юношей. Точны древние строки: молитвы – старости; поступки – молодости; планы и размышление – зрелости.”²⁸ Симпатии Бодена на сто-

²⁶ Bodin J. Methodus... P.130.

²⁷ Bodin J. Methodus... P.176.

²⁸ Bodin J. Methodus... P.173.

роне жителей умеренной полосы, которым соответствует зрелость, имеющая опыт старости и еще исполненная юношеских сил и задора.

***

Подводя итоги, отметим, что становление метода истории, основывалось на опыте древней, средневековой и ренессансной историографии. Уже в начале переходной эпохи от Возрождения к Новому времени историки занимались не только описанием судеб конкретных народов, государств, отдельных людей, но и теоретическим осмыслением многообразных связей между человеком, природой и Богом, и пытались создать целостную теорию исторического процесса. Через десять лет после первой публикации трактата Бодена, почти вся Западная Европа была наводнена трактатами о теории истории как самостоятельной дисциплине, о чем свидетельствует и издание двухтомного сборника из двадцати произведений по этой проблематике, начиная с литературно-го эссе "учителя всех историографов" Лукиана из Самосаты.²⁹

История (человеческая, природная, божественная) является предметом исследований во всех трудах Бодена. Каждому из видов истории он посвятил специальное произведение или несколько работ: человеческая история – "Ответы на "Парадоксы" господина Мальтруа", "Об универсальной юриспруденции", "Парадаксон"; естественная (природная) история – "Театр природы"; священная история – "Демонотомания колдунов", "Семигласный разговор". "Метод доступного познания истории" содержит в себе основные, возможно, не вполне развернутые и ясно выраженные подходы к изучению всех видов истории. Целостное представление о методе доступного познания истории Бодена возможно только в результате комплексной оценки всех его произведений. Очевидно, что оно будет много сложнее тех набросков, которые содержатся в "Метод".

Но уверенно шагая – в ходе всего своего развития – путем создания "нового", историческая наука подобной задачи не выдвигала, и только XIX век осмелился заявить о новой науке истории, а в конце XX столетия это заявление многими вновь взято под сомнение. Тем не менее историко-социологический метод, разработанный Боденом, в эпоху Просвещения был осмыслен и изложен Рене Декартом, который считается основоположником теории географического детерминизма, а в XIX веке фактологический подход к историческому исследованию был взят на вооружение позитивизмом.

²⁹ Artes Historicae Penus. Geneva, 1576.

Курт Брейзиг – еретик исторической науки

Берлинский историк, социолог и теоретик Курт Брейзиг сегодня является малоизвестной, даже полузабытой Фигурой, хотя, по оценке его ученика, одного из основателей немецкой социологии Леопольда фон Визе, это был "гениальный теоретик истории", творчество которого большинство коллег по профессии совершенно не понимало и просто-напросто игнорировало. Правда, этому способствовали и особенности личности Брейзига, человека крайне индивидуалистического и отличавшегося несколько мессианскими чертами. Историки видели в нем конструктора искусственных построений и даже дилетанта, который пренебрегает истинно историческим методом и постоянно "колеблется между трезвым позитивизмом и пророческим упоением".¹ Но, пожалуй, к Брейзигу в полной мере приложима иная характеристика, та, которую сам он дал выдающемуся итальянскому мыслителю, одному из основоположников историзма Джамбаттисте Вико (1668-1744): "Такие люди далеко опережают свою эпоху и не становятся хозяевами бьющих в них ключом новых идей настолько, чтобы те отстоялись в прозрачную и единую систему, а тем самым смогли бы получить всеобщее признание. Обычно их прославляют через сто, а то, если судьба к ним неблагоприятна, и через двести лет после смерти, тогда как при жизни их коллеги по профессии до отвращения часто твердили им, что они – никуда не годные глупцы, а их произведения абсолютно ненаучны".²

Творчество Брейзига стоит особняком в немецкой исторической науке первой трети XX в. в силу нескольких обстоятельств. Начиная в 90-е гг. XIX в. свою научную карьеру в русле политически ангажированной прусско-националистической историографии и в рамках новой исторической школы в политэкономии, он одним из первых германских историков обратился к новой социальной истории и истории культуры, выходящим за пределы традиционного ранкеанства и консерватизма. Затем был сделан следующий шаг. Первоначальный предмет исследований Брейзига – сравнительная социальная и конституционная европейская история – расширился до сравнительной, структурированной как процесс развития, универсальной истории с явно позитивистскими элементами. Она предполагала столь же универсальную историческую теорию, перераставшую в конечном счете в философию истории вообще. Объектом изучения Брейзига становится история человечества, что

¹ Brocke vom B. Kurt Breysig. Geschichtswissenschaft zwischen Historismus und Soziologie. Lübeck, 1971. S.111.

² Breysig K. Die Historiker der Aufklärung // Die Zukunft. 1897. Hf.19. S.703.

и повлекло за собой его обращение в 20-е гг. к социологии. Еще в конце XIX в. он начал читать первые лекции по социологии в Берлинском университете, а в 1923 г. стал первым немецким историком, возглавившим созданную специально для него кафедру социологии.

Многочисленные работы Брейзига по бранденбургско-прусской истории, социальной и универсальной истории, по теории и философии истории, социологии, социальной психологии, этнологии ярче всего отражали поворот немецкой историографии от политической событийной истории, доминировавшей в XIX в., к структурной истории, понимаемой как социальная наука. В широте подхода Брейзигу мог составить конкуренцию только его коллега по университету, выдающийся ученый Отто Хинтце, хотя следует признать, что такая широта имела и негативную сторону, приводя в ряде случаев к поверхностным и даже сомнительным суждениям, которые действительно пахвалили дилетантизмом.

В отличие от более удачной попытки Хинтце Брейзигу так и не удалось органически синтезировать две важнейшие в Германии историографические традиции – историзм, подчеркивающий принцип индивидуальности, с одной стороны, и направленную по своим интересам, методам и концепциям на генерализацию и создание теории новую историческую школу в политэкономии, с другой. Впрочем, это и в принципе вряд ли было возможно реализовать, ибо сочетать "немецкий историзм" и "позитивистскую социологию", идеи Ранке и Конта, Ницше и Маркса можно было только эклектически, то есть соединить несовместимое или, по меньшей мере, малосовместимое.

***

Курт Брейзиг родился 5 июля 1866 г. в Позене (Познань) в семье преподавателя гимназии Альфреда Брейзига (1831-1901), классического филолога и известного издателя римских авторов, и его жены Клары, волевой и энергичной женщины, оказавшей на духовное становление сына значительное влияние. Через два года после рождения Курта семья переехала в Эрфурт, где он и закончил гимназию, уже тогда проявив большой интерес к истории. Поступив в 1884 г. по настоянию матери, желавшей видеть сына государственным чиновником, на юридический факультет Берлинского университета, Брейзиг начал посещать и лекции знаменитого Генриха фон Трейчке (1834-1896), страстного и темпераментного, тогда уже почти оглохшего человека, воспитавшего целое поколение немецких историков и ставшего для них истинным кумиром. Под его влиянием Брейзиг обратился от юриспруденции к истории и политэкономии, получив превосходную подготовку в семинарах известнейших ученых того времени – Рейнхольда Козера, Ганса Дельбрюка и, наконец, самого Густава Шмоллера, мэтра новой исторической школы и лидера катедер-социалистов. Именно Шмоллер познакомил своего ученика с основными положениями позитивизма О. Конта и Г. Спенсера, натурализмом Ч. Дарвина, этносоциологическими исследованиями Г. Л. Моргана.

В семинаре Шмоллера Брейзиг познакомился с молодым социоло-

гом, ставшим одним из его ближайших друзей, Георгом Зиммелем, а также с небольшим кружком последователей известного смутьяна среди немецких историков, одиозного для Берлина лейпцигского ученого Карла Лампрехта, которые с 90-х гг. начали исследования в области социальной истории. Одновременно Брейзиг обучался и в семинаре крупного аграрного историка Августа Мейтцена, который был наставником и студента Макса Вебера.

Защитив в 1888 г. под руководством Шмоллера диссертацию по истории прусско-бранденбургской финансовой системы, в 1892 г. Брейзиг в возрасте всего двадцати шести лет получает за свои работы степень доктора наук, а в феврале 1896 г. он становится экстраординарным профессором Берлинского университета со специализацией по истории Пруссии нового времени. Перед молодым профессором самого престижного университета Германии открываются перспективы блестящей академической карьеры. Его приглашают занять кафедру в других немецких университетах. Но Брейзиг отказался от всех предложений и предпочел остаться в столице.

Дело в том, что уже в это время у него зарождается пока еще смутный, но грандиозный замысел создания истории всего человечества, наилучшие условия для реализации которого имелись именно в Берлине с его богатой духовной и культурной жизнью, крупнейшими библиотеками, музеями и прекрасными картинными галереями.³ Этот план во многом определился под влиянием идей таких выдающихся личностей и своеобразных мыслителей как историк культуры Я.Буркхардт, великий философ Ф.Ницше и поэт-символист С.Георге, страстный проповедник "чистого искусства" и его мессианской роли в истории.

Брейзиг посетил Буркхардта во время своей первой поездки в Италию в 1896 г. и был совершенно очарован остротой ума и оригинальностью суждений базельского профессора. В этом же году он опубликовал большую статью о социологических и этических воззрениях Ницше⁴, познакомился и подружился с его сестрой Элизабет Фёрстер-Ницше, не раз посещал ее в Веймаре, где близко видел несчастного безумца, а спустя четыре года в траурной речи над могилой этого трагического гения поставил его в один ряд с Буддой, Заратустрой и Христом.⁵ Долгие годы дружбы связывали Брейзига со Стефаном Георге, оказавшим значительное воздействие на стиль его письма и эстетический дух его произведений, пока в 1910 г. их отношения не охладели из-за неприятия Брейзигом преувеличения иррационального начала в искусстве и истории, которое было органически присуще Георге.

Научно-теоретическая переориентация Брейзига была негативно воспринята большинством коллег по историческому цеху. Его попытка в

³ Breysig K. Aus meinen Tagen und Träumen. Berlin, 1962. S.91-94.

⁴ Breysig K. Nietzsches ethische und soziologische Anschauungen // Schmollers Jahrbuch. 1896. Bd.20. S.349-371.

⁵ Breysig K. An Friedrich Nietzsche Bahre. Gedenkrede // Die Zukunft. 1900. Hf.32. S.409-419.

1907-9 гг. создать в Берлинском университете "семинар по сравнительному исследованию истории" с ординарной профессурой, аналогичный возникшему в те же годы в Лейпциге лампрехтовскому институту, несмотря на поддержку Г.Шмоллера и В.Дильтея, а также и О.Хинтце, провалилась из-за сопротивления большинства факультетских историков во главе с видным исследователем античности Э.Мейером. Еще раз Брейзиг попытался создать в университете "семинар по сравнительному историческому исследованию, историоучению и общественной науке" в 1920 г., но из-за политического и финансового хаоса первых послевоенных лет осуществить это опять не удалось. Лишь в 1923 г. по инициативе статс-секретаря К.Г.Беккера специально для Брейзига была организована кафедра социологии. В 1925 г., вероятно, по предложению его близкого знакомого В.Зомбарта, Брейзиг был принят в "Немецкое социологическое общество" и избран в его совет. В 1929 г. он стал членом "Международного института социологии" в Женеве.

В сентябре 1934 г. Брейзиг вышел на пенсию и проживал в своем загородном доме в Ребрюкке близ Потсдама, где и скончался 16 июля 1940 г. Его вдова Гертруда смогла опубликовать некоторые рукописи покойного мужа, прежде чем была как еврейка отправлена в концлагерь, но, к счастью, ей удалось уцелеть. От архива Брейзига, конфискованного гестапо, сохранилась только сравнительно небольшая часть, а его огромная библиотека в 15 тыс. томов после войны была вывезена в Польшу.

***

В научном творчестве Брейзига можно выделить три основных периода. В конце 80-х – первой половине 90-х гг. он занимался проблемами бранденбургско-прусской конституционной, административной и финансовой истории, придерживаясь в своих исследованиях традиционной национально-политической точки зрения, хотя и расширяя ее за счет обращения к социально-экономическим аспектам в стиле Шмоллера.

С середины 90-х гг. Брейзиг начинает работу над "Историей культуры нового времени", которая привела его к переориентации на позитивистски окрашенную сравнительно-универсальную историю. Последняя должна была стать, по его мнению, одновременно и философско-теоретической, и эмпирической социальной наукой, своего рода исторической социологией.

После войны в Брейзиге над историком берет верх социолог и философ. История человечества, расширяется до истории универсума, вселенной, изучение которой, по его замыслу, должно дать методологическую, философскую, социологическую и психологическую основу для создания подлинно единой всемирной истории.

Работы Брейзига первого периода – "Организация бранденбургских комиссариатов в 1660-1697 гг." (1891), "Государственный бюджет Бранденбурга во второй половине XVII в." (1892) и "История бранденбургских финансов в 1640-1697 гг." (1894) – были написаны на основе скру-

пулезного изучения обширного архивного материала и как специальные исследования сохранили свое значение до настоящего времени, хотя, разумеется, сейчас они способны привлечь внимание только ограниченного круга специалистов, а не широкого читателя. Красной нитью через эти сочинения проходит идея об исторической прогрессивной направленности княжеского абсолютизма в его борьбе против "сословного антигосударственного настроения", преследующего свои узкокорыстные интересы.

Но уже тогда интересы Брейзига не ограничивались запыленными архивными папками. Когда в 1889-1891 гг. между известными историками Дитрихом Шефером и Эберхардом Готхайном разгорелась дискуссия о том, что должно быть подлинным объектом исторического познания – политика ли, как утверждал Шефер, или культура, как считал Готхайн, Брейзиг выступил против любой односторонности в подходе к истории. Он полагал, что настоящей историей может быть только интеграция культурных, политических и социально-экономических компонентов в единое синтетическое целое. Такой подход наметился в лекционном курсе "Социальное развитие ведущих народов Европы в новое и новейшее время", начатом Брейзигом зимой 1892 г. На базе сравнения уже изученного им социально-экономического расслоения в Бранденбурге-Пруссии с аналогичными процессами в Англии и Франции Брейзиг вынашивает план создания сравнительной социальной истории Европы. Одновременно под влиянием Ницше у него растет интерес к духовно-этическим проблемам, всплывает идея социологии как "учения об обществе, государстве и нравах", в котором "должны быть использованы тысячи мыслей Ницше, дополненные Спенсером, и перемещен весь центр тяжести исторических исследований".⁶ Сознывая, что новый подход вряд ли встретит радушный прием со стороны немецких историков, Брейзиг не решился писать отдельную книгу, а опубликовал серию статей общим объемом почти в четыреста страниц.⁷

Брейзиг недвусмысленно высказался за расширение традиционной, ориентированной преимущественно на изучение политических сюжетов и статистской историографии: "Новый период экономических конфликтов принес нам специфически экономическую стадию нашей историографии..., будущее, видимо, принадлежит прежде всего социально-историческому исследованию"⁸, которое Брейзиг объявил основой прочих подходов к истории. Позднее, в первом томе "Истории культуры нового времени", который явился теоретическим изложением проблемы, он подробно осветил понятие и задачи этой истории, ее предмет, методы, конструирование социально-исторических понятий и типов. В его трактовке социальная история понималась не как самостоятельная

⁶ Breysig K. Aus meinen Tagen..., S.91-92.

⁷ Breysig K. Über die soziale Entwicklung der führenden Völker Europas in der neueren und neuesten Zeit // Schmollers Jahrbuch. 1896. Bd.20; Bd.21; 1898. Bd.22.

⁸ Breysig K. Über Entwicklungsgeschichte // Deutsche Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. 1896. Hf.1. S.164-165.

дисциплина в узком смысле, т.е. история классов, сословий, социальных групп, ориентированная на изучение обособившегося от государства гражданского экономического общества XIX века, а как "социологический, специфически социально-исторический способ рассмотрения"⁹ внутри всей исторической науки. Уже после второй мировой войны такую точку зрения восприняли и подробно обосновали видные историки ФРГ Отто Бруннер и Вернер Конце.¹⁰ Признание того, что экономика является одной из основ общественного развития, что деление на социальные классы проистекает из отношений собственности, а социальные и политические конфликты по своей сущности являются классовыми конфликтами показывает, что в эти годы Брейзиг близко подошел к марксистско-материалистическому пониманию истории, хотя и недвусмысленно отвергал его односторонний "экономизм".

С 1897 г. социально-экономический аспект становится органичной составной частью лекций и семинаров Брейзига. А следующим шагом явилось постепенное расширение истории культуры до всеобщей социологической морфологии и социальной психологии. Теперь все социальные феномены – государство, общество, классы, сословия – понимаются как "находящиеся в потоке непрерывного изменения продукты социальных движений".¹¹ Свое начало они берут только в индивидууме, который в свою очередь включен в процесс эндогенного космического развития и детерминирован им. Поскольку только человек может быть источником и носителем исторического развития, то целью социального историка, задающего вопрос о создателе "социальных феноменов", должно стать исследование человеческой души. Универсальная наука становится, таким образом, социальной психологией, "историей души в процессе становления человечества" или, еще проще, "психологией истории".¹² Но Брейзиг так и не перешел от общей социальной морфологии к "формальной социологии" как науке о социальных феноменах и отношениях. Это в 20-е гг., отталкиваясь от теории социальной истории Брейзига, сделал его ученик Леопольд фон Визе.¹³

Осенью 1896 г., опубликовав работу об истории как процессе развития, Брейзиг включился в знаменитую методологическую дискуссию вокруг новых идей культурно-исторического синтеза К.Лампрехта, в целом поддержав его, но вместе с тем отмежевываясь от его односторонних для Брейзига "коллективистских" воззрений. И хотя человеческое действие всегда детерминировано, а это позволяет в значительной мере "элиминировать из исторического рассмотрения" свободу человеческой воли, но все-таки, по убеждению Брейзига, история оставляет достаточный простор для свободы действий человека в определенных пре-

⁹ Breysig K. Kulturgeschichte der Neuzeit. Bd. 1. Berlin, 1900. S.28.

¹⁰ Brunner O. Neue Wege der Sozialgeschichte. Göttingen, 1956; Conze W. Sozialgeschichte // Die Religion in der Geschichte und Gegenwart. 1962. Bd.6.

¹¹ Breysig K. Kulturgeschichte der Neuzeit. Bd. 1. S.106-110.

¹² Ibid., S. 31-32.

¹³ Wiese von L. Soziologie, Geschichte und Hauptprobleme. Berlin, 1926.

делах. На известный риторический вопрос Трейчке: "Люди или время делают историю?" – Брейзиг давал, пожалуй, наиболее резонный ответ: "Не одни только люди, не одно только время, а и люди, и время".¹⁴

В книге об истории как развитии Брейзиг в первый раз четко сформулировал ее предмет, методы и цели. История как развитие была призвана упорядочить и включить в общую взаимосвязь единой исторической науки частные дисциплины – политическую, конституционную, социальную, экономическую, культурную историю под собственным углом зрения. В отличие от их дескриптивного (описательного) метода, присутствующего особенно политической истории, она ориентирована на социальные науки и на основе сравнительного подхода вырабатывает типологическую систему развития как упорядочивающего принципа. Поэтому ее целью является образование структур, что позволяет анализировать исторические периоды в их временной протяженности и в поперечном разрезе.

В 1900-1901 гг. Брейзиг опубликовал трехтомное произведение "История культуры нового времени" с подзаголовком "Сравнительная история развития ведущих народов Европы и их социальной и духовной жизни". Затем в 1905 г. появилась его книга "Ступенчатое строение и законы всемирной истории" как "предварительный эскиз" будущей универсальной истории. Книга выдержала несколько изданий и является наиболее известным и самым спорным произведением Брейзига, вместе с тем зачастую истолковываемым совершенно превратно.

Брейзиг, опираясь на идеи известного историка и наследника кафедры Ранке в Берлинском университете К.В.Нича, изложенные в его посмертно изданном трехтомном труде "История немецкого народа до Аугсбургского религиозного мира" (1883-1885), выделил в европейской истории две крупнейшие эпохи, каждая продолжительностью около семисот лет – Греция/Рим и германо-романский мир, расчленив эти эпохи на отдельные периоды развития общества, и государства. В этой книге Брейзиг также перенес свою схему европейского развития на всемирную историю. Используя идеи Гердера о единстве человечества, несмотря на все различия в пространстве, времени и крови, он подчеркивал, что тем самым найден универсальный ключ к объяснению мировой истории. Согласно этому все народы и расы Земли развиваются одним путем, а их различия обусловлены только неодинаковой скоростью, "с какой отдельные части человечества прошли эти свои пути".

Брейзиг разделил всемирную историю на шесть социально-экономических ступеней развития – доисторический период, древность, раннее и позднее средневековье, новое и новейшее время. Первые два периода прошли все народы, средневековье – европейские и индийские, новое и новейшее время – только Европа, сначала в период античности, затем – в романо-германскую эпоху. Это и определило превосходство Европы над прочими регионами. Каждая из ступеней отри-

¹⁴ Breysig K. Über Entwicklungsgeschichte, S.200.

цает своего непосредственного предшественника и воспроизводит в измененном виде черты более ранней ступени. В теории ступеней Брейзиг был одним из прямых предшественников морфологического строения мировой истории О.Шпенглера. Не случайно, после появления знаменитого "Заката Европы" Брейзиг раздраженно настаивал на своем приоритете и в рецензии на книгу Шпенглера едва ли не впрямую объявлял его плагиатором, выкравшим его собственные идеи.¹⁵

"История человечества" Брейзига во многом определялась влиянием на него построений немецкого этнографа Адольфа Бастиана (1826-1905) о единстве культуры всех народов на основе общности человеческой психики и швейцарского ученого Иоганна Якоба Бахофена (1815-1887), создателя концепции матриархата как типичной стадии развития, не говоря уж о теории единого общественного развития Г.Л.Моргана, которая с 80-х гг. становилась все более популярной среди этнологов, юристов и экономистов, а также, "к сожалению", как недовольно замечал ведущий в Германии "Исторический журнал", и среди некоторых историков.¹⁶ Рассматривая ее как полезную научную гипотезу, Брейзиг положил теорию Моргана в основу своей схемы исторического развития.

Брейзиг намеревался создать шеститомную "Историю человечества", но обескураженный крайне негативной реакцией на свою "искусственную конструкцию", он выпустил в 1907 г. только первый том, посвященный американским индейцам севера и северо-запада континента. Негодование историков против "еретика" достигло апогея, когда Брейзиг на дрезденском съезде немецких историков в 1907 г. оказался единственным участником, в принципе поддержавшим доклад Лампрехта¹⁷, а на Международном конгрессе историков в Берлине в 1908 г. заявил о намерении разработать, наряду с историей человечества, и историческую теорию как "науку о сущности и правилах становления и чередования этапов истории".¹⁸ В отличие от традиционной, чисто описательной истории новая наука должна была стать своего рода "кинематикой" истории, освобожденной от "оков времени и пространства", и упорядочить весь ее ход в виде структур и законов, позволяющих охватить все неисчислимое многообразие исторического материала.

На основе "интенсивного и экстенсивного применения идеи развития" в сравнительном универсально-историческом исследовании Брейзиг считал возможным создать "родословное древо человеческой истории" как "боковой побег" древа биологической интерпретации, что очень

¹⁵ *Breysig K. Der Prophet des Unterganges // Velhagen und Klasingsmonatshefte, 1921. Hf.35. S.261-270.*

¹⁶ *Historische Zeitschrift. 1893. Bd. 71. S.463-464.*

¹⁷ *Bericht über die 10. Versammlung deutscher Historiker zu Dresden. Leipzig, 1908. S.23.*

¹⁸ *Breysig K. Weltgeschichte. Vortrag auf dem Internationalen Kongreß für historische Wissenschaften zu Berlin. 1. Teil. – Der Tag. 12.09.1908. № 306; 13.09.1908. № 307. 2. Teil. – Schmollers Jahrbuch. 1908. Bd. 32. S.1403-1421.*

напоминало механистический позитивизм Конта и эволюционистскую социологию Спенсера, да именно так почти всеми историками и воспринималось. Сдержанной, но наиболее весомой критике подверг построения Брейзига выдающийся ученый Э.Трельч, не без основания упрекнувший его в "нефилософском манипулировании понятием развития без достаточного представления о содержащихся в нем логических и метафизических проблемах"¹⁹. Действительно, Брейзиг не имел фундаментальной философской подготовки, а саму философию в значительной мере воспринимал через призму взглядов биолога и философа Г.Дриша, который рассматривал историю как хаотичное нагромождение изменений. В исторической науке Дриш признавал только Бокля и Тэна, Лампрехта и Брейзига, считая остальную литературу всего лишь назидательно-морализаторским чтением. Он способствовал отходу Брейзига от механистического позитивизма и повороту к биологической органологии.

Поворот проявился в новых работах Брейзига – трехтомном труде "Об историческом становлении" (1925-1928) и психологизирующем сочинении "Структура личности Канта" (1931), где он попытался ответить на вопрос о носителях исторических событий, о взаимоотношениях индивида, коллективных сил и принципа развития. Считая истоком исторического развития "витальную мощь" творческой личности, Брейзиг тем не менее настаивал на том, что даже деяния величайших героев внесли в ход истории лишь крохотные изменения. Что же касается коллективных сил, то они как правило своей инерцией противятся творческим новациям личности, чаще даже отвергая их как пример для подражания. Эту мысль Брейзига о подражании как основе для исторического становления почти буквально воспроизвел А.Д.Тойнби в своей концепции "мимесиса".

Наиболее полно свои новые мысли Брейзиг изложил в книге "История души в процессе развития человечества" (1931). Он исходил из убеждения в том, что носителями исторического развития являются люди, а следовательно, история человечества – "это история души, ключом к пониманию которой должна стать социальная психология на биологическом фундаменте. Чувства, фантазия, воля, разум, инстинкт являются столь же формообразующими историей силами, как и война, государство, экономика, географическая Среда. В трудах "История природы и история человечества" (1933) и "Ход развития человечества от природного к духовному состоянию" (1935) Брейзиг обратился к истории человечества уже как к составной части истории космоса. Этому способствовали его увлеченные занятия физикой, астрономией, биологией, личные контакты и беседы с крупнейшими физиками того времени, основателем квантовой теории М.Планком и одним из будущих создателей атомной бомбы Дж.Франком, работавшим тогда в Геттингенском университете.

¹⁹ Göttingische Gelehrte Anzeigen. 1906. S.688-698.

Теперь Брейзиг настаивал на том, что процесс развития истории от неорганического через органическое к человеческому состоянию – это единый неделимый процесс, основным принципом которого является эволюция от природы к душе. Человеческая история – часть космического хода развития, а универсальная история становится элементом истории Вселенной. Эта концепция явно отходила от контовской "социальной физики", скорее напоминая пантеизм Спинозы, выходящий за пределы материализма и спиритуализма. Сам Брейзиг называл ее "монокосмической точкой зрения", он подчеркивал: "если меня упрекают в том, что мои воззрения проистекают из чересчур натуралистического подхода, то я могу возразить, что они коренятся в сильной религиозности".²⁰ Ее Брейзиг понимал в духе Гете – как благоговение перед величием мироздания, признание непреложности его вечных законов.

Все это получило отражение в последнем, незаконченном труде Брейзига – "О бытии и познании исторических событий". В задуманных восьми томах он намеревался дать завершенную картину истории человечества. К 1936 г. Брейзиг в основном закончил работу над первыми четырьмя книгами, но работа прервалась из-за внешних обстоятельств и пошатнувшегося здоровья. Издатель книг Брейзига Теодор Маркус, выпустивший в 1935-36 гг. два первых тома, был вынужден эмигрировать в Прагу. Позднее вдове Брейзига Гертруде удалось опубликовать в 1940 и 1944 гг. в берлинском издательстве Де Грютер третий и четвертый тома, прежде чем она была отправлена в концлагерь.

В своем труде Брейзиг исследовал логические и теоретико-познавательные основы исторической науки, прежде всего – границы причинности и пределы познаваемости мира. Он утверждал, что в конечном счете в основе исторического развития лежит тайна, загадка, нечто непостижимое. Так, по мнению Брейзига, мы никогда не сможем проникнуть ни в тайну движения и взаимодействия электронов, ни в тайну возникновения жизни из неживой субстанции неорганического мира, ни в загадку превращения живого мира в мир духовный, ибо между ними лежит пропасть, через которую невозможно перебросить мостик рационального научного объяснения. Но, тем не менее, Брейзиг подчеркивал, что даже если человеческому познанию недоступно постижение развития в строго закономерном смысле, да и вообще законы истории, то это вовсе не означает, что их нет или не может быть.

Исходя из убеждения в неразрывной связи неорганической, органической и духовно-человеческой сферы в едином процессе их развития, Брейзиг отвергал как неокантианское формально-логическое разделение наук на номотетические и идиографические, так и разработанное Дильтеем противопоставление понимания и объяснения в познании жизни и природы. Он утверждал принципиальное единство и тождество методов и средств познания во всех науках и выступал за сочетание в

²⁰ Breysig K. Naturgeschichte und Menschheitsgeschichte. Breslau/Berlin. 1933. S.VII.

историческом исследовании генерализирующего и индивидуализирующего методов. Обосновывая свою трактовку истории как процесса развития, Брейзиг подробно изложил концепции тех ученых, которых он считал наиболее значительными теоретиками принципа развития – от Аристотеля и Ибн Халдуна до Гердера, Буркхардта и Шмоллера. В духе контовского закона трех стадий в развитии знания Брейзиг говорил о теологическом (Августин, Боссюэ), философско-идеалистическом (Кант, Гегель) и позитивистско-социалистическом (Конт, Маркс) периодах развития исторической мысли.

Мировоззрение Курта Брейзига, определялось довольно причудливым сочетанием элементов позитивизма, механицизма, натурализма, монизма, объединяемых его отклонением трансцендентального, априорного начала и признанием свободы индивида и возможности – до определенных пределов – рационально-аналитического познания мира, но с сильной примесью исторического скептицизма и ценностного релятивизма. Центральным понятием и главным элементом исторической теории Брейзига являлась идея развития, второго – наряду с принципом индивидуализации – краеугольного камня немецкого историзма. "Хаосу" внутри человека, и в окружающем его мире (в силу которого история, говоря словами философа и историка культуры Т.Лессинга, это "придание смысла бессмысленному") Брейзиг противопоставлял веру в единый, хотя и до конца непостижимый, лежащий в основе всех явлений в природе и истории процесс закономерного развития. Оно представляло для Брейзига как выражение самой действительности, так и упорядочивающий ее принцип познания. Но если понимать развитие как реальный закономерный процесс, лежащий в основе всего бытия и становления, то это неминуемо ставит под сомнение свободу человеческого действия и даже ее принципиальное отрицание.

В сущности, на протяжении всей жизни Брейзиг старался разрешить эту антиномию свободы и необходимости. В конечном счете, в 30-е гг. он сконструировал дуалистическое понятие "эволюционного", но одновременно и "вулканического", т.е. дискретного развития, в котором индивидуальность и развитие являются равнозначными элементами, двумя сторонами одной и той же медали. Но в его концепции все же осталось неясным разведение идеи развития как упорядочивающего принципа и как мировоззренческой категории, поэтому историко-логические и теоретико-познавательные критерии у Брейзига зачастую смешаны между собой. Поэтому схема ступеней истории, которую он толковал как эмпирически доказуемый и исторически прослеживаемый процесс, могла быть только гипотетическим средством ориентации.

Брейзиг – и это было принципиальной слабостью его концепции – не всегда четко разграничивал специальные исторические дисциплины, предметом изучения которых являются человеческие творения (правовая и экономическая системы, институты, язык, религия, искусство, наука), и собственно историю как таковую, как процесс объективного

и независимого от человека развития. Но он сознательно настаивал на "окончательном синтезе двух принципов исследования"²¹, хотя можно усомниться в правомерности перенесения методики системных наук на событийный мир человека, его поступков и решений. У Брейзига же, объектом истории которого являлись сами люди, она становилась историей человеческих форм, грандиозной морфологией духа. Впрочем, и сегодня эту проблему сциентизации истории ученые решают по-разному.

***

В творчестве Брейзига с его интересом к философско-теоретическим конструкциям и тяготением к эстетизации истории отчетливо прослеживается склонность к "чистой науке", да он и сам называл себя "человеком созерцания", проводя ясное разграничение науки и "политической педагогики" и рассматривая актуальные проблемы с позиции известной отстраненности, хотя и не чураясь их совершенно".²² В отдельные периоды жизни он активно занимался и животрепещущей политической публицистикой. Будучи в бисмарковскую эпоху убежденным монархистом, в 90-е гг. Брейзиг саркастически отзывался о "новом курсе" и амбициозном "личном правлении" Вильгельма II. Один из его ближайших друзей, некоторое время – социал-демократ, критик и драматург О.Э.Хартлебен, которого за легкий и элегантный стиль называли "немецким Мопассаном", познакомил Брейзига с социалистическими идеями, что помогло тому освободиться от влияния пропрусского консерватизма и ново-германского национализма.

С середины 90-х годов Брейзиг рассматривал национальное государство как преходящую форму социальной жизни и надеялся на "постепенное затухание межнациональных противоречий, обеспечение прочного и длительного мира в Европе" и ее "мирную цивилизаторскую миссию" на земном шаре. Однако нарастание волны национализма и империалистических устремлений на рубеже XIX-XX вв. посеяло в душе Брейзига сомнения и привело его к мысли о "приближении эпохи мировых войн как неизбежного следствия всеобщей экспансии ведущих держав". Во внутривполитической сфере надежды на лучшее будущее Брейзиг связывал с реформаторским курсом государственного социализма, создающего равенство исходных стартовых позиций для всех людей и устраняющего классовые различия и аграрно-ремесленный романтизм.²³

Изменилось и отношение Брейзига к Бисмарку и его детищу – Германской империи. В 1904 г. в статье "Классовая история новейшего времени" он впервые открыто заявил, что "железный канцлер" в своем стремлении "оградить старотрадиционное королевско-дворянское госу-

²¹ Breysig K. Vom Sein und Erkennen geschichtlicher Dinge. Bd. 4: Das neue Geschichtsbild im Sinne der entwickelnden Geschichtsforschung. Berlin, 1944. S.120.

²² Breysig K. Sozialismus und Persönlichkeit // Die Zukunft. 1901. Bd.34. S.17.

²³ Breysig K. Aus meinen Tagen..., S.98-100.

дарство от требований установления народной власти" закончил тем, что "постепенно сломал хребет буржуазии, лишив ее всякой власти в государстве и, что хуже всего, любого гордого самосознания".²⁴ Любопытно, что это было почти дословное воспроизведение вряд ли известного Брейзигу высказывания крупнейшего либерального историка Теодора Моммзена, который в частном письме к лидеру катедер-социалистов Л.Брентано писал: "Бисмарк сломал нации хребет".²⁵

Но увлечение Брейзига государственным социализмом длилось не очень долго. Под влиянием Ницше он перешел на позиции "аристократического индивидуализма", стремившегося сохранить и защитить свободу личности от "демократической волны эпохи" и социалистической "фантазии равенства".²⁶ Поэтому, когда в 1910-12 гг. в Германии развернулась оживленная полемика о необходимости демократизации трехклассного прусского избирательного права, Брейзиг в ряде статей определенно выступил против введения в Пруссии имперской избирательной системы с ее "механически уравнительными" тенденциями. Он защищал теперь социально-романтические концепции "индивидуально-аристократического" народного представительства с сильным руководством, основанного на принципе вождизма и подчинения. Лишь в начале 1918 г., в преддверии краха империи Брейзиг стал высказываться в пользу теперь неизбежного, по его мнению, введения равного и прямого избирательного права в Пруссии, вместе с тем подчеркивая в качестве необходимой предпосылки соответствующее политическое воспитание "сейчас еще неготовой к осуществлению своих прав массы избирателей".

Первую мировую войну Брейзиг, как и почти вся немецкая интеллектуальная элита, воспринимал вначале как чисто оборонительную со стороны Германии и до 1917 г. мог с полным правом считаться аннексионистом. Так, он был в числе тех профессоров, которые в июне 1915 г. подписали "Заявление интеллектуалов", почти дословно повторявшее программу агрессивного Пангерманского союза. Но с 1919 г. Брейзиг пишет ряд политических статей, где утверждает, что немецкое руководство сознательно подталкивало к войне Австро-Венгрию, а тезис о провоцировании войны со стороны Великобритании является односторонним упрощением сложного комплекса причин, которые привели к военному конфликту. Считая, что главная доля ответственности ложится на "весьма многочисленных, готовых к войне и жаждущих ее немецких военных и политиков", Брейзиг констатировал, что поистине "роковым стал ультиматум Сербии, независимо от того, позволила ли его Германия или активно ему способствовала".²⁷ Опубликовав в 1932 г. книгу "О немецком духе и его сущности", Брейзиг, хотя и в смягченной форме, вновь подчеркнул, что основная доля ответственности лежит на

²⁴ Vossische Zeitung. 24.01.1904.

²⁵ Heuss A. Theodor Mommsen und das 19. Jahrhundert. Kiel, 1956. S.210.

²⁶ Kurt Breysig – Stefan George: Gespräche – Dokumente. Amsterdam, 1960. S.24.

²⁷ Breysig K. Der deutsche Fehler // Der Tag. 13.12.1919.

Германии. Эта книга еще раз показала автора белой вороной среди немецких историков и вызвала множество негодующих откликов и ожесточенных нападок.

Брейзиг принял и поддержал Веймарскую республику. Отвергая "радикально-коммунистический радикализм", а еще больше – "окоченелый и бесплодный цезаризм и империализм", он выражал очевидные симпатии "умеренно-социалистическому демократизму". Себя Брейзиг называл "радикальным либералом", которому глубоко претит "коллективизм социалистов, но не социализм как таковой".²⁸ После отставки канцлера Г. Брюнинга Брейзигу казалось, что для Германии наиболее приемлемой политической фигурой является Гитлер, а не "трехглавая (милитаристски-капиталистически-монархистская) гидра" в лице Гинденбурга, Папена и Шлейхера. Поэтому он приветствовал "национальную революцию" нацистов, надеясь, что она положит конец "социальной войне, этой ужаснейшей из всех битв". Приход Гитлера к власти казался Брейзигу "прорывом от либерально-демократической к национально-социалистической эпохе", призванной ликвидировать все социально-классовые антагонизмы.²⁹ С другой стороны, примечательно, что даже в 1940 г. Брейзиг не побоялся включить Маркса, несмотря на "крупные ошибки в его учении", в ряд наиболее значительных социальных мыслителей наряду с Августином, Кантом, Гегелем, Сен-Симоном и Контом.³⁰

***

Брейзиг не создал собственной историко-социологической школы. Для этого он был слишком большим индивидуалистом, который даже свои книги писал не столько для читателей, сколько для самого себя, стараясь уяснить в процессе размышления те проблемы, о которых шла речь. Но его творчество принадлежит к одной из наиболее оригинальных страниц в истории исторической науки в процессе ее перехода от политической событийно-описательной истории XIX в. к современной структурной истории. Не во всем удавшаяся и не всегда убедительная попытка Брейзига связать историю с экономической наукой, социологией, социальной психологией и социальной антропологией и создать на этой основе новую широкую социальную науку в значительной части так и осталась заявленной, но не реализованной программой. Тем не менее Брейзиг одним из первых ступил на незнакомую историкам, зыбкую и непрочную почву социального исследования, что было чревато практически неизбежными упущениями и ошибками. В этом пионерском начинании и заключается важное и непреходящее значение его творчества и его места в исторической науке.

²⁸ Breysig K. Aus meinen Tagen., S.137.

²⁹ Breysig K. Psychologie der Geschichte. Breslau, 1935. S.119-120.

³⁰ Breysig K. Vom Sein und Erkennen geschichtlicher Dinge. Bd.3.: Gestaltungen des Entwicklungsgedanken. Berlin, 1940. S.184.

В.Д.Жигунин, Г.П.Мягков

(Казань)

Между монизмом и плюрализмом: русская историческая мысль на рубеже XIX–XX вв.

Типичная позиция современной историографии, оценивающей традиции исторической мысли – стремление редуцировать эти традиции к двум-трем направлениям, природа которых была обусловлена марксистским пониманием структуры общества: социально-экономическое направление, политическое направление, культурно-историческое направление. Особенно внятно классификация выражена применительно к русской исторической науке второй половины XIX – начала XX в.

Естественно, в условиях господства марксистской социологической доктрины историографы выделяли в качестве первенствующего социально-экономическое направление, что корреспондировалось с марксовым тезисом, гласившим, что “подлинный прогресс в современной историографии был достигнут только тогда, когда историки с поверхности политических форм спустились в недра социальной жизни”.¹ Напротив, в отступлении от этих “недр”, в перемещении интереса в область культуры усматривали проявление реакционных черт и кризисных явлений. При такой классификации искусственно расчленялись идеи, “растаскивалось” научное творчество историков по доменам, которые подчас имели мало общего с подлинной природой исторического знания, тем более что отнесение историка к тому или иному научному направлению, школе и т.п. до известной степени – процедура усложненная. Относительность разграничения социально-экономического и культурно-исторического направлений особенно обнаруживает себя в истолковании такого сложного феномена как “русская историческая школа”.

Эволюция современной русской историографии, выросшей из “определенности” марксистской парадигмы, демонстрирует процесс движения к другой “определенности” – культурно-исторической, что описано А.Я.Гуревичем.² Но соотносить подобную творческую эволюцию с процессами в исторической науке России рубежа XIX–XX вв. было бы неправильно, представляло бы собой “модернизацию историографии”.

Принципиальное различие между современной историографической ситуацией и ситуацией конца XIX – начала XX вв. заключается в разном понимании проблемы монизма и плюрализма, детерминизма и индетерминизма.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 12. С. 434.

² См.: Гуревич А.Я. Европейское средневековье и современность // Европейский альманах. История. Традиции. Культура. М., 1990.

В основе многих "позитивистских", "неокантианских" и прочих историософий XIX в. утверждался "организмический" подход к объекту, как и у сторонников чистого "монизма" Г.Гегеля и К.Маркса. Несомненно, позитивистам XIX в. свойственны были и детерминистические подходы. Г.Спенсер и его последователи, по существу, трактовали исторический объект с позиций биологического детерминизма, мальтузианцы рассматривали социокультурную целостность с позиций демографической предопределенности. Широко был распространен географический детерминизм (А.Гумбольдт, К.Риттер, Э.Реклю и др.)³ Однако в этом потоке "организмической" историософии постепенно возникли свои противоречия, ибо выделение того или иного фактора в качестве ведущего неизбежно порождало вопрос о "праве" данного фактора быть ведущим.

В системах гегельянства и марксизма этот вопрос решался легко, ибо соотносительность тех или иных факторов с детерминирующим фактором представлялась аксиомой, не требующей доказательств в рамках догматически замкнутой на себя философии истории. Позитивистские, да и некоторые другие системы взглядов, не могли так легко обойти этот вопрос. Нарастание скептицизма относительно ведущих "детерминант" исторического процесса неизбежно вело к принятию постулатов плюрализма и к признанию так называемой "теории факторов". Иногда ее основоположником признают даже О.Конта, который рассматривал исторический процесс как попеременную смену ведущих факторов – религии, философии, науки и техники. Плюралистом в этом смысле был и М.Вебер, и многие другие западные мыслители XIX в.⁴ "Теория факторов", конечно, пришлась по душе многим социологам и историкам-эмпирикам, для которых объяснение того или иного факта могло быть основано лишь на рассмотрении многих причинных механизмов, совокупным результатом которых данный факт и являлся.

Однако "теория факторов", служившая объяснительным средством для развивавшейся исторической и социологической науки XX столетия, сама по себе достигла пределов совершенствования с того момента, когда исторический объект был раздроблен ею на бесчисленное множество элементов, взаимоотношения между которыми обуславливались все больше субъективными мотивациями исследователя. Типичным примером подобного процесса является диалектическая социология Ж.Гурвича, в представлении которого социальная реальность образует "целостный социальный феномен", но она делится на "слои", "этажи", "глубинные уровни", которых Ж.Гурвич насчитывает не более и не менее как 10. Поскольку Ж.Гурвич плюралист, для него все уровни равнозначны и значимость каждого из них меняется в зависимости от конкретных об-

³ См.: Спенсер Г. Прогресс, его закон и причина. Т. 1. СПб., 1866; он же. Классификация наук. М., 1897; Мальтус Т.Р. Опыт о законе народонаселения. Т. 1–2. СПб., 1868. Ср.: Социологическая мысль в России. Л., 1978. С.87; История теоретической социологии. Социология XIX века. М., 1998. С. 228–269.

⁴ См.: Конт О. Курс положительной философии. Т. 1. СПб., 1899; Вебер М. "Объективность" социально-научного и социально-политического познания // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С.345–415.

стоятельств.⁵ При таком подходе "теория факторов" в значительной мере утрачивает объясняющий потенциал и порождает лишь стремление умножать сами "факторы", что заводит теорию окончательно в тупик. Невольно в голову приходит аналогия с судьбой геоцентрической системы Птолемея, сторонники которой выискивали разнообразные искусственные способы приведения в соответствие теории с наблюдаемыми явлениями вместо того, чтобы менять самую теорию.

Особенно болезненно этот факторный плюрализм стал сказываться на исторической мысли во второй половине XX в., когда гуманитарии начали все больше ориентироваться на те аспекты исторического объекта, которые связаны с феноменом культуры. Культура как феномен, с одной стороны, способна расчленяться до бесконечности (и тем самым для теоретиков факторного анализа возникает соблазн такого расчленения, ведущий исследователя в тупик). С другой стороны, культура при всех условиях остается целостностью, "втягивающей" в себя как свои собственные компоненты, так и все "чужеродные" системы (например, элементы природы). С точки зрения "теории факторов", эти свойства культуры представляются необъяснимыми. Гораздо естественнее факторный анализ "ведет себя" в рамках социологического и политологического материала. И это опять-таки создает определенные границы применимости "теории факторов". Простой возврат в этих условиях к традиционному детерминизму, конечно, был невозможен. Но некий "неодетерминизм" явно прослеживается во всем спектре современных западных теорий "общественного развития". Продолжая по форме быть беспредельно расширенными социологиями, они по существу выделяют культуру как определяющий исторический фактор (разумеется, с учетом особенностей культуры как абсолютной целостности, не всегда дифференцирующейся от социальных и политических компонентов).

В этих рамках можно рассматривать разнообразные новации исторической мысли Запада в XX в.: прежде всего, традицию "школы Анналов", и в такой же степени, казалось бы, далекие от нее концепции структурализма, постструктурализма и даже разнообразные теории индустриального и постиндустриального общества.⁶ Едва ли этот феномен можно назвать культурным детерминизмом, но совершенно определенно, что с помощью культуры как некоего "базиса" пытаются объяснить разнообразные социальные и политические явления. В этом же направлении эволюционировала и марксистская культурология, для которой понятия "базис" и "надстройка" были, разумеется, более привычны. Культуролог Л.Г. Ионин, констатируя новую роль культуры в системе исторической целостности, критикует вместе с тем марксизм за неправильные представления о компонентах "базиса" и "надстройки": "Как известно, согласно марксистской доктрине, культура относилась к сфере надстройки, определяемой экономическим базисом общества. Если воспользоваться марксистской философской терминологией, определявшей, что важно, а что

⁵ См.: *Gurvitch G. The Spectrum of Social Time.* Dordrecht, 1964. P.6-7.

⁶ Подробнее об этом см.: *Жигунин В.Д. Философия истории: формирование и эволюция основных идей.* Самара, 1997. С.50-53.

неважно, то можно сказать, что культура была не первична, как базис, то есть экономика и экономические отношения, а вторична. Статус "вторичности" культуры, науки, духовной сферы вообще сыграл с нашим обществом дурную шутку: на основе философского по своей природе постулата о вторичности были сделаны совершенно однозначные выводы: то, что было вторично, получало вторичное внимание, вторичное финансирование, а чаще всего этим "вторичным" просто пренебрегали, как пренебрегали правом, культурой".⁷

Гуманитаристика Запада в XX в. прошла весьма тернистый путь, пока не "набрела" на эти культурологические детерминанты. Вместе с нею и российская наука ныне испытывает ту же самую эволюцию. Но, возвращаясь к выдвинутым в начале статьи постулатам, мы хотели бы предложить в качестве рабочей гипотезы следующее. Российская историческая мысль конца XIX – начала XX вв. обладала некоторыми особенностями, сложившимися в конкретной исторической ситуации, которые позволяют говорить, что большинство историков считали культурную детерминанту ведущей "силой" истории, независимо от того, к какому направлению мы традиционно причисляем этих историков или они сами себя причисляли (за исключением "чистых" марксистов).

Фонообразующим началом раннего "культурологизма" российских историков являлась богатая национальная философская традиция, особенно традиции универсалистской философии, философии космизма и т.д. (В.С.Соловьев, С.Н. и Е.Н.Трубецкие, Н.А.Бердяев, В.В.Розанов, С.Н.Булгаков и др.). Б.В.Емельянов и А.И.Новиков в недавно опубликованном курсе лекций "Русская философия серебряного века" справедливо отмечают, что "русская социально-философская мысль первой половины XX в. глубоко исследовала проблемы культуры в целом, ее место в современном мире. Эти размышления о культуре были первыми в мировой философской мысли, они во многом предопределили культурологические работы виднейших западных мыслителей, таких как О.Шпенглер, Х.Ортега-и-Гассет, М.Хайдеггер".⁸ В качестве примеров новых подходов к культуре авторы курса лекций приводят взгляды П.Флоренского и Н.Бердяева, в особенности отмечают представления Н.Бердяева о культуре как сфере осуществления новых ценностей, отличающихся от механического способа существования цивилизации.⁹

Нечто подобное современные исследователи обнаруживают в философско-методологических установках К.Н.Леонтьева, для которого "жизнь народов выступает в трех основных формах: культура, народность и государство. Главное место в этой схеме отводится первой форме – культуре, развитие которой, конечно же, связано с народным творчеством и государством".¹⁰ К.Н.Леонтьев не случайно полагает, что "знание и незнание были (до сих пор, по крайней мере) равносильными

⁷ Ионин Л.Г. Социология культуры. М., 1996. С.3.

⁸ Емельянов Б.В., Новиков А.И. Русская философия серебряного века. Екатеринбург, 1995. С.189.

⁹ Там же, с.191.

¹⁰ Дорошенко Н.М. Философия и методология истории в России (конец XIX – начало XX в.). СПб., 1997. С.88.

двигателями исторического развития. Ибо под развитием, понимается, надо понимать не одну ученость, как думают (опять-таки по незнанию) многие, а некий весьма сложный процесс народной жизни, процесс в значительной степени бессознательный и до сих пор еще не ясно постигнутый социальной наукой".¹¹ С точки зрения Н.М.Дорошенко, культурологический подход К.Н.Леонтьева имеет определенные недостатки, среди которых "недооценка специфики социального познания".¹² На наш взгляд, это, скорее, достоинство К.Н.Леонтьева, для которого социально-политический фактор есть лишь инобытие и формальная квинтэссенция феноменов культуры.

Обнаружение этих теоретических мотивов в русской историографии второй половины XIX – начала XX вв. не кажется поэтому неожиданным. Но наиболее существенно то, что данные мотивы присутствуют в весьма заметном виде не только у историков, воспринимаемых традиционно как носители культурологических интерпретаций исторического процесса, но и у историков так называемого "социально-экономического" направления. Рассмотрим сначала воззрения М.С.Корелина. Справедливо отмечает Б.Г.Сафронов, что в трудах М.С.Корелина имела место недооценка социально-экономического фактора.¹³ Между прочим, он при этом ссылается на интерпретацию корелинских взглядов Н.И.Кареевым, который, действительно, писал, что гуманистическое движение в Италии, по Корелину, мало обуславливалось причинами чисто политического и социального характера. Критика Н.И.Кареева, однако, выглядит здесь не столько как критика с позиций социально-экономического направления, сколько как указание на необходимость учета социальных факторов, что никоим образом не означает несогласия Кареева с Корелиным в понимании культурно-исторических оснований эволюции итальянского гуманизма. Б.Г.Сафронов пишет, что, согласно Корелину, "влияние гуманистических идей на политические, экономические и социальные обстоятельства было настолько значительнее, что они, по сути дела, даже могут рассматриваться как причины".¹⁴ Под этими словами мог бы подписаться и Н.И.Кареев, разумеется, с известными оговорками.

"Что же может взять историк, – пишет Н.И.Кареев, – за центр, около которого должны группироваться все элементы культуры? Это нечто – есть человеческая личность, ибо все в истории существует через человека, в ней и для нее... Это альфа и омега изучения общества и его истории".¹⁵ Интерпретируя это место в философско-исторических воззрениях Кареева, Ю.Г.Коргунюк в свое время писал, что "реализация... возможностей [прогресса], по мнению Кареева, зависела, прежде всего, от усилий человеческих личностей, которых Кареев и считал главными

¹¹ Леонтьев К.Н. Византизм и славянство // Россия глазами русского. СПб., 1991. С.205.

¹² Дорошенко Н.М. Указ соч. С.89.

¹³ Сафронов Б.Г. Вопросы исторической теории в работах М.С.Корелина. М., 1984. С. 38.

¹⁴ Там же, с.40.

¹⁵ Кареев Н.И. Основные вопросы философии истории. М., 1883. Т. I. С.285.

субъектами, творцами всемирной истории".¹⁶ Весьма широко и, на наш взгляд, совершенно справедливо трактует в этой связи философию истории Н.И.Кареева И.Д.Осипов: "...Кареев раскрывал особенности культуры — важнейшей категории в его философии истории... Русский историк неоднократно пояснял, что культура — форма надорганической среды. Она есть совокупность духовных и материальных форм и общественного быта, и отличие одной культуры от другой проявляется в языке, идеях, обычаях и технике... Общечеловеческая эволюция направлена на сглаживание социальных и культурных противоречий, но существует и объективное препятствие на пути интеграции культур — базис общества. Он состоит из совокупности инстинктов, привычек, навыков, обычаев, нравов, объективируемых в политические, юридические и экономические отношения".¹⁷

Весьма показательно, что Кареев фактически угадывает проблематику "школы Анналов" и других направлений исторической мысли XX в., ставя на первый план для всякого историка изучение так называемой ментальности, психического строя личности и формирующейся на этой основе культуры. Отсюда становятся понятными и чрезвычайно внимательные экскурсы историков "русской исторической школы" в сферы психологии и в исследование так называемого психологического фактора. Этот вопрос обстоятельно изучен в монографии В.А.Алексеева и М.А.Маслина "Русская социальная философия конца XIX — начала XX века: психологическая школа". Авторы приходят к выводам, кажущимся чрезвычайно радикальными, но в действительности отражающим ту духовную реальность, которая была свойственна российской исторической мысли, опережавшей свое время на десятилетия. В.А.Алексеев и М.А.Маслин пишут: "На деле абсолютизация психологического фактора была присуща социологам позитивизма конца XIX — начала XX века, — Карееву, Хвостову, П.Сорокину, Л.Петражицкому... В этом плане можно констатировать, что попытки понять природу общества и истории, основываясь только на принципах плюрализма, оказывались в меньшей степени состоятельными, чем монистический или субстанциальный подход. Фактически же в своих многочисленных социологических этюдах и введениях Кареев, Ковалевский, Хвостов, Сорокин, Тахтарев приходили к выводу о примате психологического фактора, тем самым проводили субстанциально-монистическую линию в социологии".¹⁸

Не рухнет ли при такой трактовке методологии исследователей "русской исторической школы" их традиционная оценка (и самооценка) как носителей плюрализма, отрицавших монистические представления? В известном смысле, да, рухнет. Ибо об историке нельзя судить только на основании его собственных представлений о применяемой им методологии. Но с другой стороны, игнорировать плюралистический компо-

¹⁶ Корзунков Ю.Г. Разработка вопросов методологии истории в творчестве Н.И.Кареева. М., 1990. С.12.

¹⁷ Осипов И.Д. Философия русского либерализма (XIX — начало XX в.). СПб., 1996. С.144—145.

¹⁸ Алексеев В.А., Маслин М.А. Русская социальная философия конца XIX — начала XX века: психологическая школа. М., 1992. С.51.

нент этой методологии у нас также нет оснований. Соотношение монизма и плюрализма у Н.И.Кареева, М.М.Ковалевского, П.Г.Виноградова и др. подлежит особому исследованию и, как нам представляется, может быть объяснено вполне конкретными характеристиками тех вопросов, которые изучались в трудах каждого из этих историков. Для узкого специалиста прагматический элемент играл немаловажную роль. Иными словами, там, где это было выгодно, исследователь прибегал к плюралистическим методикам; там, где речь шла о более фундаментальных обоснованиях своих позиций, на первый план выступали монистические объяснения. Возможно, именно так следует трактовать весьма сложный вопрос о соотношении монизма и плюрализма в трудах исследователей русских историков конца XIX – начала XX вв., в том числе и представителей “русской исторической школы”.

Ярчайшим адептом плюрализма, несомненно, следует считать М.М.Ковалевского, который прямо утверждает, что сами факты развития науки не говорят “в пользу признания первенствующего значения ни за одним из так называемых факторов развития”.¹⁹ Ковалевский даже подчеркивает, что исследователи в этом случае прибегают к “добровольной односторонности”²⁰, т.е. к сознательному прагматическому интерпретируемому монизму. С точки зрения ученого, этот “недостаток” есть всего лишь продукт “незрелости” самой социологии, которая (незрелость) будет преодолена ходом дальнейшего развития науки. Перспектива самим Ковалевским связывается не с победой “теории факторов”, а скорее с успехами “теории фактов”, за которой стоит общий принцип психологической интерпретации этих фактов. Ибо факт, в трактовке Ковалевского, как, впрочем, и любого историка, есть нечто единичное, требующее соответствующего объяснения через другие факты; всякое такое объяснение предполагает отбор фактов, их классификацию, интерпретацию.

Рано или поздно в этом исследовательском процессе историк натывается на психологические мотивы толкуемых явлений. Потому и Ковалевский, несмотря на свой плюрализм, не видит ничего “зазорного” в придании психологическим мотивациям (а значит и общекультурным оценочным суждениям) более универсального статуса, чем это было бы допустимо в рамках привычной “теории факторов”. Именно поэтому Ковалевский полагает возможным утверждать, что “происходящий в настоящее время переворот в сфере психологии, ее все больший и больший разрыв с метафизикой и переход, частью в психофизику, частью в психосоциологию, в которой субъективный метод самонаблюдения уступает место более объективному, – наблюдению над психикой кружков, толпы, наций и т.д., – в свою очередь, вызывает необходимость пересмотра многого из того, что считалось уже более или менее установленным в социологии”.²¹

Все сказанное позволяет уточнить некоторые акценты относительно того направления, в рамках которого существовала и развивалась

¹⁹ Ковалевский М.М. Современные социологи. СПб., 1905. С. XIII.

²⁰ Там же. С. 14.

²¹ Там же. С. VII.

“русская историческая школа”. Одним из важнейших характеризующих признаков этой школы был явно выраженный интерес к социально-экономической и социально-политической тематике, что сказалось на формулировках тем статей, монографий, диссертаций. Этим же объясняется определенная близость выводов, которые были сделаны некоторыми русскими историками, к выводам К.Маркса и Ф.Энгельса. Но это отнюдь не означает, что с такой же степенью уверенности можно говорить о близости методологии и философии истории представителей “русской исторической школы” к марксизму и историческому материализму. Гораздо больше оснований считать, что в своих конкретно-исторических исследованиях они практиковали плюралистическую методологию. Что касается монистического понимания истории, которого они не чуждались, то именно в этом вопросе у представителей “русской исторической школы” отнюдь не было тесной близости с историческим материализмом. Понимая возрастание значимости изучения человека в истории, историки школы, как правило, обращались для анализа поведенческих мотивов тех или иных личностей, групп, классов к изучению не столько “материального базиса”, сколько духовно-психологических и культурных компонентов жизненной среды. В этом отношении установки “русской исторической школы” заметно приближаются к трактовкам, свойственным другим направлениям российской историософской мысли.

Подчас смешение тематики и политической ориентации историков с их общей методологией и философией истории как раз и порождает путаницу при установлении тех или иных классификаций историков по школам и направлениям. Хотим еще раз обратить внимание на то, что в определенном смысле правы ученые, которые полагали, что историки “русской школы” “являлись крупными социальными историками”, что “социальные вопросы стояли на первом месте в исследованиях этих историков”.²² Но еще и еще раз приходится согласиться с Б.Г.Сафроновым, который подчеркивает, что “нельзя путать экономическое направление в истории с экономическим материализмом... Сторонники экономического направления в исторической науке – это просто историки, много внимания уделяющие или даже специально занимающиеся историко-экономической проблематикой”.²³ Д.М.Петрушевский, признанный представитель так называемого социально-экономического направления в русской медиевистике, в книге, посвященной истории *экономической* жизни Европы, тем не менее дает следующее определение исторической науки: “История есть индивидуализирующая наука о культуре, перерабатывающая свой материал, культурные явления в их индивидуальности, конкретности и однократности”.²⁴ Трудно, пожалуй, придумать более ясный пример, который бы показывал тематические ориентации историка в сфере экономики, наряду с типичным культурологическим объяснением исторического процесса.

²² Нечухрин А.Н. Смена парадигм в российской историографии всеобщей истории (80-е гг. XIX в. – 1917 г.). М., 1993. С. 31.

²³ Сафронов Б.Г. Н.И.Кареев о структуре исторического знания. М., 1995. С. 237.

²⁴ Петрушевский Д.М. Очерки из экономической жизни Европы. М.; Л., 1928. С. 41.

С.В.Ляляев

Эстетика истории: “История Англии” Т.Б.Маколея

Исследование эстетического пространства “Истории Англии” Маколея наталкивается на сложности, о которых нельзя не упомянуть. Во-первых, в тексте “Истории” сочетаются различные смысловые наслоения и функции: нарративные, политические, дидактические, этические и пр. Выделение одного критерия неизбежно ведет к разрушению их единства. Поэтому все перечисленные позиции, в той степени, в какой они связаны с эстетической основой текста, должны войти в сферу рассмотрения исследователя. Таким образом, изучение эстетического аспекта “Истории” Маколея приобретает комплексный характер.

Другая сложность заключается в том, что исследователь, имеющий свой взгляд на указанную проблему, находится, тем не менее, под влиянием огромной интеллектуальной традиции¹ изучения наследия Маколея, в рамках которой интерпретация “Истории” Маколея оказывалась по преимуществу эстетической, а созданный ее представителями² образ Маколея-историка напоминал скорее портрет художника или писателя.³ В качестве основного эстетического критерия рассматривалась словесная организация текста, особый характер языка, придающий “Истории” красоту, ясность, единство и способный вызвать эмоциональную реакцию читателя. При этом никто из критиков не занимался морфологическими проблемами эстетики “Истории”. Учитывая это, целесообразно, вместо того, чтобы рассуждать об изысканности стиля, метафоричности языка Маколея и его личных достоинствах, попытаться дать иную, отличную от традиционной, трактовку эстетической выразительности “Истории”. Это вовсе не означает, что необходимо вы-

¹ Имеется в виду отечественная традиция изучения сочинений Маколея, сложившаяся во второй половине XIX в.

² Сопоставление взглядов различных историков (Г.Визинский, М.Н.Петров, П.Д.Погодин, М.М.Стасюлевич), литературных критиков (Д.И.Каченовский, К.К.Арсеньев, Г.Е.Благосветлов, М.В.Барро, Н.Г.Чернышевский и др.) позволяет прийти к выводу о значительной типологической общности их воззрений и, следовательно, причислять к одной интеллектуальной традиции.

³ Подобное прочтение сочинений английского историка явилось следствием общего развития эстетической мысли России второй половины XIX в., для которой характерными оказываются следующие черты: историософичность, практичность, нравственная напряженность, литературоцентризм (т.е. выделение из всех видов искусства литературы и опора на нее) и др. — Кантор В.К. Русская эстетика второй половины XIX столетия и общественная борьба. М., 1978.

страивать исходную теоретическую модель, в соответствии с которой можно было бы подбирать подходящие места из текста Маколея. Вполне естественным представляется обратный ход, то есть движение от авторского текста к исследовательской схеме. Трудность состоит в том, что важнейшие теоретические положения, высказанные Маколеем в *essays*, не составили единой концепции. Поэтому, с одной стороны, основные представления Маколея об истории следует соотносить с его исследовательской практикой, а с другой – выбор эстетических категорий/отношений, необходимых для анализа текста "Истории" должен осуществляться только в соответствии с установленной "программой" ее автора. Смею надеяться, что полученная с учетом указанных приемов модель будет представлять собой не умозрительную конструкцию, но реконструкцию первоначальных смыслов и связей, составляющих "Историю Англии" Маколея.

Среди ранних работ Маколея есть статья под названием "История". Она была опубликована в майском выпуске "Эдинбургского обозрения" (*Edinburgh Review*) за 1828 г. и содержала многие из теоретических предпосылок, которыми руководствовался Маколей при создании "Истории Англии от восшествия на престол Якова II"⁴. В своих рассуждениях я буду ссылаться на нее и на некоторые другие работы Маколея, проясняющие его позицию в отношении того, как следует писать историю. "История, – пишет Маколей, – это страна противоречий, лежащая на границе двух совершенно разных областей. Она подчинена двум враждующим силам и, как водится в таком случае, плохо разграничивается и плохо управляется. Вместо того, чтобы быть поровну разделенной между двумя своими властителями – Разумом и Вдохновением, она попеременно попадает под единственную и абсолютную власть одного из них и оборачивается то сочинительством, то умозрительной системой."⁵ Как видно из приведенного отрывка, Маколей занимает проблема соотношения двух начал в истории: научного и художественного. Эта проблема интересует его с практической точки зрения: как написать безупречную историю, которая не отклонялась бы ни в ту, ни в другую сторону, а именно – соединяла в себе научную точность и литературные достоинства. По мнению Маколея, с подобной задачей способен справиться лишь идеальный историк. Перечислим основные черты, выделенные Маколеем для характеристики идеального историка, и попытаемся сопоставить полученный портрет с самим автором.

"Идеальный историк показывает в миниатюре дух и характер века".⁶ В данном высказывании, как мне представляется, показана одна из особенностей подхода Маколея к написанию истории. Этот подход в

⁴ *Macaulay Th.B. The History of England from the Accession of James the Second. In 5 vols. L., 1848-1861.*

⁵ *Macaulay Th.B. History // Macaulay Th.B. Critical, historical and miscellaneous essays. In 6 vols. Vol.1. N.Y.; Boston, 1864. P.374-377.* Мною использован также перевод статьи, выполненный Д.Соловьевым // Звезда. 1996. №3. С.124-129.

⁶ *Ibid.*, p.427.

полной мере проявился в "Истории Англии", а также в *essays*. Все они – свидетельство его мастерства в миниатюрном описании, в подробном рассказе. Выполненные им наброски отличаются краткостью содержания, но вместе с тем вполне исчерпывают предмет. Так, в статье, написанной по поводу истории пап Ранке (1840 г.), он успевает на сорока страницах изобразить всю историю противостояния католицизма с протестантизмом. В статье по поводу работы Галлама (1828 г.) изложены основные направления развития истории Англии. В очерке о Фридрихе Великом (1842 г.) изображен весь ансамбль войны за австрийское наследство и Семилетней войны.

Как видим, в небольших по объему отрывках Маколею удается описать эпохальные события в истории человечества. Другое дело – "История Англии", главы томов которой охватывают лишь последнюю четверть XVII в. – с 1665 по 1702 г. Однако принцип изложения остается прежним. Взять, к примеру, первую часть "Истории", посвященную характеристике положения Англии при Карле II. Эта проблема раскрывается Маколеем с помощью своеобразных зарисовок, миниатюр, определяющих структуру тома и одновременно создающих многогранный образ эпохи.

Историк начинает свое изложение с особенностей политической ситуации, сложившейся при Карле II. Он подробно останавливается на характеристике государственных деятелей того времени: графа Кларедона, Данби, Галифакса, Сондерленда, лорда Гилфорда и многих других. Таким образом, перед читателями предстает целая галерея портретов исторически значимых лиц. Не случайно в русском издании сочинений английского историка последний шестнадцатый том специально отведен для подобной галереи, состоящей из двухсот портретов знаменитостей, упоминаемых в "Истории Англии" и других работах Маколея.⁷ Далее автор "Истории" рисует картину экономической жизни Англии второй половины XVII в. В кратких, но наполненных богатейшим материалом, очерках он рассказывает о развитии городских центров. Каждый такой центр в изображении Маколея приобретает неповторимые черты и своеобразие. Описание городской жизни сменяется заметками о культуре, в которых также проявляется мастерство Маколея в подробном живописном рассказе.

Для того, чтобы увязать сжатость изложения с полнотой изображения, историк прибегает к отбору материала. Теоретическое обоснование подобного подхода Маколей дает в уже упоминавшейся мною статье об истории: "Он [идеальный историк] не позволит себе сослаться ни на один факт или высказать какое-либо суждение, которые не подтверждены убедительными свидетельствами. Но зато благодаря взвешенному отбору и расположению материала он придает истине привлекательность, свойственную одному лишь вымыслу".⁸

⁷ Маколей Т. Б. Полн. собр. соч.: В 16-ти тт. СПб.: изд. Н. Тиблена, 1866. Т. 16.

⁸ *Macauley Th. B. Op. cit. P. 427-428.*

Следует отметить, что приступая к созданию "Истории Англии", Маколей изучил огромное количество опубликованных и архивных материалов не только официального характера, но также мемуары, письма, народные песни, памфлеты и сатиры.⁹ Он посетил почти все местности, связанные с главными событиями списываемой им эпохи.¹⁰ У него не было недостатка в сведениях, скорее перед ним стояла проблема отбора. И Маколей выбирает, с его точки зрения, самые яркие черты, наиболее характерные оттенки предмета. Историк господствует над обширным материалом, упорядочивает его. Для объяснения отобранных фактов он прибегает к многочисленным примерам, сравнениям и аналогиям, заимствованным из разных областей знаний. Интеллектуализм в высшей степени присущ "Истории Англии", а удивительно легкое *a propos*, часто встречающееся в ней, увеличивает ясность и наглядность изложения.

В *essay* об истории Дж.Макинтоша (1835 г.) читаем: "Задача историка не в том, чтобы создавать новый мир и населять его новыми существами. Цель историка – подражание не тому, что находится внутри его, а тому, что вне. Историк изображает не мир внутренний, а внешний. Это не видения красоты и величия, различаемые только его собственными глазами, а постоянно существующие образцы, которые не им сделаны и не им могут быть изменены. Но изображение не должно быть механическим. Торжество его искусства в том, чтобы выбрать те части, которые производят впечатление целого, подчеркнуть характеристические черты, положить свет и тень так, чтобы эффект увеличился."¹¹ Где же проходит граница, отделяющая научную строгость от художественного вымысла? Маколей проводит различие между воображением, необходимым для создания художественного произведения, и воображением историка. Это последнее он называет воображением "низшего порядка" ("lower kind").¹² В статье "История" он пишет: "Идеальный историк должен обладать таким воображением, которое делало бы его повествование живописным и действующим на чувства. В то же время ему необходимо достаточное самообладание, чтобы довольствоваться только имеющимися материалами и удерживать себя от восполнения недостающего из собственной фантазии".¹³

Рассуждения Маколей о воображении, а также отмеченные особенности его работы над "Историей" позволяют сделать первое замечание. Эстетика в "Истории" – не необходимость пользоваться фантазией в отсутствие достаточного количества материалов. Напротив, историк

⁹ Татаринова К.Н. Маколей как историк // Исторический журнал. 1945. №5. С.44.

¹⁰ Trevelyan G.O. The life and letters of Lord Macaulay. In 4 vols. Vol. 3. Leipzig, 1876. P.259-261.

¹¹ Macaulay Th.B. Sir James Mackintosh // Macaulay Th.B. Critical, historical and miscellaneous essays. Vol. 1. N.Y.; Boston, 1864. P.261.

¹² Ibidem.

¹³ Macaulay Th.B. History. P.377.

предстает перед нами в качестве писателя там, где обилие достоверного материала дает ему возможность пустить в ход воображение и нарисовать яркую картину прошлого. Важно подчеркнуть, что изобразительный уровень, играющий огромную роль в "Истории", не оттесняет на задний план повествовательные задачи. В Предисловии Маколей настаивает на своем желании рассказать историю, которую он называет повествованием (*narrative*).¹⁴ Он хочет проследить (*trace*) ход этой истории и записать (*record*) ее основные события.¹⁵ Как в теории, так и на практике Маколей придавал особое значение изобразительности в истории. Для того, чтобы передать "дух и характер времени", писал он, необходимы "живые образы, выступающие на каждой странице".¹⁶ Однако именно повествование, – это "умение затронуть чувства и дать пищу для воображения",¹⁷ – является, согласно Маколею, основой для хорошей истории. Можно сказать, что изобразительная форма в "Истории" сливается с излагаемым содержанием, образуя тем самым единство эстетического и познавательного. Чем же определяется сопряженность знания о предмете с эстетическим отношением к нему? Ответ заключен в специфике самого предмета (история), а также в особенностях его изучения историком.

Кажется очевидным тот факт, что появление эстетической эмоции не обязательно вытекает из чувственного контакта с предметом. Как правило, художественное наслаждение достигается посредством восприятия и переработки смыслов и образов, составляющих произведение. Иными словами, эстетическая эмоция возникает через понимание, и эстетические отношения не лишены познавательного характера. С другой стороны, знание о прошлом не ограничивается суммой фактов, не сводится к их запоминанию. Маколей выразил это следующим образом: "Если такой человек (имеется в виду идеальный историк – С.Л.) вознамерится писать историю Англии, он, конечно, не упустит ни сражений, ни переговоров, ни мятежей, ни смены министерств. Но при этом он сопроводит их такими подробностями, которые придают неповторимое очарование историческому роману."¹⁸

Таким образом, эстетическое наполнение "Истории" заключается не в том, что она становится идентичной эстетической концепции – ее историческая основа не подменяет художественной. Однако ее исторические идеи воплощаются средствами художественной выразительности, которые, в свою очередь, не являются лишь внешним оформлением, декором. То, что мы склонны называть эстетикой истории¹⁹, есть опре-

¹⁴ *Macaulay Th.B. The History of England from the Accession of James II. In 3 vols. V. 1. L.; N.Y., 1934. P.9.*

¹⁵ *Ibidem.*

¹⁶ *Macaulay Th.B. History. P.428.*

¹⁷ *Ibid., p.423.*

¹⁸ *Ibid., p.428.*

¹⁹ Это представление имеет в своей основе общую теоретическую позицию, высказанную А.Ф. Лосевым в статье "Эстетика" // *Философская энциклопедия. Т.5. М., 1970.*

деленного рода равновесие между внутренним состоянием предмета и его внешним выражением. Это – определенная достигнутость предназначенного, гармония внутреннего, поставленного в виде цели, и внешнего, данного как достижение этой цели. Эстетическое описывается с помощью особых категорий и отношений. Эти исходные позиции могут быть самыми разнообразными. Что касается меня, то, ориентированный на анализ конкретного произведения, я следую заданной автором “программе”. Это означает, что все необходимые для исследования теоретические предпосылки соизмеряются с теми, которые были высказаны самим Маколеем. В то же время нельзя утверждать, что подобный анализ “Истории” способен полностью воспроизвести замысел ее создателя. Такое “окончательное” прочтение навряд ли осуществимо, ибо оно ведет к изъятию произведения из поля культуры, к его забвению. Поэтому важно подчеркнуть, что предложенная схема рассмотрения “Истории” Маколея – лишь одна из возможных.

В качестве исходного понятия следует использовать категорию возвышенного, суть которой состоит в нарушении привычной меры, в стремлении подняться над обыденным. “История” заключает в себе двойную систему видения: видение прошлого и настоящего. Настоящее – это фиксированная позиция, от которой идет отсчет назад. Настоящее позволяет освоить прошлое, лучше рассмотреть его. Оно определяет роль прошедших событий в зависимости от их участия в общем движении к совершенству. Не ставя перед собой задачу принизить значение прошлого, Маколей восхваляет настоящее, берущее свое начало в истории. Историк хочет “представить англичанам XIX века истинную картину жизни их предков”.²⁰ Он восстанавливает прошлое во всех подробностях, и оно оживает, становится актуальным, превращается в “нереальную” реальность – в “роман, основанный на фактах”.²¹

Для того чтобы увидеть возвышенное, историк, согласно Маколею, должен “пережить” описываемые события и заставить читателя “пережить” их.²² Когда историку удастся встать вровень с событиями, он становится частью прошлого. Вместе с тем на нем лежит ответственность за настоящее, поскольку созданные нравственные образцы имеют своей целью направлять и воспитывать читателя. “Ни одно событие, – писал Маколей, – не является важным само по себе. Оно имеет цену только в той мере, насколько позволяет нам правильно предвидеть будущее”.²³ История – это “философия, обучающая на примерах”.²⁴ Чем ярче и выразительнее примеры, тем эффективнее обучение: “Написанная таким образом история дает яркие и в то же время практические познания. Она воспринимается и воображением, и умом, ложась

²⁰ *Macaulay Th.B. History of England. Vol.1. P.11.*

²¹ *Macaulay Th.B. History. P.390.*

²² *Ibid.*, p.428, 429-430.

²³ *Ibid.*, p.424.

²⁴ *Ibid.*, p.377.

не поверхностным слоем, а глубоко запечатлеваясь. Многие истины могут быть поняты только так и никак иначе".²⁵

Мир "Истории" – это мир справедливости, в котором добродетель всегда вознаграждается, порок наказывается. В борьбе между Англией и ее врагами, верностью и предательством, добром и злом неизменно побеждает добро. Тема добра и зла проходит через все сочинение, объединяя различные уровни повествования. Воспитательное начало, основывающееся, по замыслу Маколей, на сопереживании нравственных образцов, сопряжено в "Истории" с началом художественным. Эстетическое через категорию возвышенного смыкается с этическим.

Изучение эстетики "Истории" не может обойтись без понятия типического. Чтобы показать своеобразие описываемой эпохи, Маколей пытался выявить характерные черты, присущие ей, и типическое, связанное с повторяющимся, общим, позволило историку приблизиться к пониманию сущности эпохи, которая заключается, по его мнению, в крупных исторических событиях и в выдающихся личностях. В то же время известны высказывания Маколей, в которых он отказывает человеку в способности сколько-нибудь влиять на естественный ход истории: "Внимательно читавшие историю знают лживость тех панегириков, которые приписывают отдельным личностям совершение великих нравственных и интеллектуальных переворотов, ниспровержение установившихся систем и изменение характера времени... В действительности время формирует людей, а не люди время."²⁶

Историк убежден, что выдающегося человека можно понять только посредством знакомства с эпохой, в которую он жил. Так Макиавелли, по Маколей, несет определенную нравственную вину, вырастающую из общего состояния морали его времени: "В каждой нации в определенное время преобладают характерные пороки, в которых едва ли кто-нибудь может признаться и которые даже строгими моралистами порицаются слабо." По этой причине "тот только читает историю верно, кто наблюдает, как могущественно влияют обстоятельства на чувства и мнения людей, как часто пороки переходят в добродетели, а парадоксы в аксиомы. Это позволяет отличать случайное и преходящее в человеческой природе от существенного и непреложного."²⁷ Впрочем, как было отмечено, подобные высказывания Маколей не составили единой концепции, которая бы оказала значительное воздействие на его исследовательскую практику. В "Истории" представлены два характера, существенно влияющие на ход истории — мужеством и силой (Вильгельм), слабостью и глупостью (Яков).

Центральное событие "Истории" – революция 1688 г. во многом представлена с позиций двух персонажей – Якова II и Вильгельма III Оранского. История их противостояния осмысливается Маколеем как

²⁵ *Ibid.*, p.431.

²⁶ *Macaulay Th.B. Dryden // Critical... essays. Vol.1. P.322.*

²⁷ *Macaulay Th.B. Critical... essays. Vol. 1. P.290.*

борьба прошлого с настоящим, определившая общее направление движения Англии "из состояния позорного вассалства... до степени посредника между европейскими государствами".²⁸ Думается, однако, что "Историю" нельзя свести к такой простейшей формуле. Морисон в своей книге о Маколее писал: "За ровной и гладкой поверхностью, слой за слоем можно разглядеть второстепенные повествовательные линии (*narratives*), переплетающиеся, как части партитуры оратории."²⁹

Возможно, самым замечательным примером, демонстрирующим способность Маколея соединить разнородный материал в связную повествовательную канву, является девятая глава "Истории", рассказывающая о попытках Вильгельма завоевать трон. Повествование выстраивается вокруг личности Вильгельма, чей взгляд обрамляет все описываемые события. Остальные действующие лица и сам автор отступают на второй план: "Континентальные политики видели только одну часть этих трудностей, британские политики – другую. Один лишь могучий и восприимчивый ум Вильгельма сразу постиг всю их совокупность и решил преодолеть".³⁰ Фигура Вильгельма доминирует на протяжении всего повествования вплоть до момента его вступления на трон. Интересно, что вместо сухого перечисления событий, описываемых в двух пространных главах, автор кратко излагает их содержание, используя этот материал в характеристике Вильгельма.

Задача, которую ставит перед собой историк, не сводится к тому, чтобы рассмотреть личность на фоне эпохи как своего рода иллюстрацию для ее лучшего понимания. Маколей пытается представить саму эпоху, отразившуюся в индивидуальной судьбе человека. Впрочем, персонификация – не единственное условие исторических образов, созданных Маколеем. Картина прошлого вырастает в "Истории" и вне всякой связи с личностным началом. В предисловии к "Истории" он пишет: "Я попытаюсь рассказать историю народа наравне с историей правительства, проследить развитие полезных и изящных искусств, описать возвышение религиозных сект и перемены литературных вкусов, изобразить нравы сменяющих друг друга поколений и не оставить без внимания даже перевороты, которые произошли в одежде, обстановке, еде и общественных увеселениях".³¹

Маколей исполнил свое намерение лишь отчасти. В этом отношении интересна третья глава "Истории", в которой автор рассматривает вопросы, связанные с особенностями повседневной жизни англичан последней четверти XVII в. Он знакомит читателей с устройством городов, центральных и провинциальных, перечисляет названия улиц, местечек и площадей, описывает их застройку. Отдельно осматривает каждый район Лондона. Пишет о состоянии дорог и придорожных гостиниц, о работе почты и т.п. Маколей прослеживает развитие науки и ли-

²⁸ *Macaulay Th. B. History of England. Vol. 1. P. 9.*

²⁹ *Morison C. Macaulay. L., 1882. P. 144.*

³⁰ *Macaulay Th. B. History of England. Vol. 2. P. 25.*

³¹ *Ibid., v. 1. P. 10.*

тературы, упоминая при этом об особенностях мужского и женского образования. Историк рассказывает о быте сельских джентльменов и городских обитателей, аристократов и бедняков.

Одним словом, "История" открывается для огромной сферы быденного, которая утверждает за собой право свидетельствовать о прошлом, участвовать в воссоздании его "подлинной картины". Материально-пространственная и предметная области пребывания человека включаются в историю великих событий и знаменитых людей. Подробности повседневной жизни призваны создавать ощущение реальности всего происходящего в "Истории": великие события также реальны как предметы обихода. Таким образом, быденное, отражаясь в исключительном, становится равным возвышенному, подлинность которого, в свою очередь, подтверждается жизненно-реальными подробностями повседневного существования человека. Как видим, в основе единства обоих взаимодействующих начал – возвышенного и быденного, – лежит еще одна эстетическая категория – подлинное.

Теперь, когда выделены основные эстетические категории, можно перейти к некоторым обобщениям. В "Истории Англии" сосуществуют два плана повествования – фактологический и образный. Эта двусоставность повествования имеет определенные теоретические основания: представления Маколея об истории как науке и истории как процессе. История как наука, согласно Маколею, представляет собой сложную комбинацию научной строгости и художественной выразительности. Подобно литературе, история является искусством подражательным. Отличие заключается в том, что литература создает мир вымышленный, нереальный, тогда как история имеет дело с объективно существующим миром прошлого. Историю как процесс можно представить в виде последовательно сменяющихся друг друга законченных картин, которые не зависят от исследователя, но доступны для наблюдения. Задача историка – как можно точнее воспроизвести готовые образцы. Но его мастерство не сводится к механическому копированию: метафоричность используемого им языка, а также искусная группировка материала придают истории образность, свойственную художественным произведениям.

В соответствии с этим Маколей конструирует в "Истории Англии" мир должного, который, как всякий идеал, отличен от действительности исторической, но одновременно укоренен в ней и в ней проявляется. Эта эстетически преображенная реальность возвышается над реальностью исторической, хотя и обнаруживается в ней. Соотнесенность эстетической нормы с исторической переменной, ее воплощенность в художественной форме – одна из центральных проблем в изучении "Истории Англии" Маколея. В данной статье мы остановились на выявлении специфических категорий, необходимых для исследования эстетического пространства "Истории". Намеченный подход оказывается продуктивным: он позволяет установить особенности методологии Маколея и произвести комплексный анализ "Истории".

В.В.Зверева

Беда Достопочтенный в историографической культуре XIX-XX вв.: четыре интерпретации

Среди людей, определивших “славное прошлое” Британии, особое место занимает фигура Беда Достопочтенного. Комментарии к Библии, жития святых, труды по истории, космологии, грамматике, написанные англосаксонским монахом, экзегетом и историком Бедой (672/3-735), были распространенными и читаемыми произведениями на латинском Западе.¹ Хотя в средние века и раннее новое время Беда был известен в основном как богослов и христианский учитель, позднее его имя стало ассоциироваться преимущественно с “Церковной историей англов”, его историческим сочинением. Приведенные Бедой сведения о ранней истории Британии от римского завоевания до начала VIII века легли в основу историографических представлений о прошлом англосаксов.

Интерес к личности и трудам Беда Достопочтенного неизменно сохранялся в британской культуре. Особое значение его образ приобрел в английской историографии второй половины XIX-XX в. В викторианской Англии “учитель средневековой Европы”, “отец английской истории” обрел свое новое рождение. Откликом на признание его как историка в британском гуманитарном знании может служить причисление Беда-теолога к лику святых римской католической церковью в 1899 г.

На протяжении ста лет вышли в свет многочисленные исследования сочинений Беда, в которых наибольшее внимание уделялось анализу “Церковной истории англов”. Об этом произведении и о его авторе так много написано и высказано столько мнений, что они уже не выступают как “внешний” фактор по отношению к тексту. Некоторые суждения слились воедино с “Церковной историей” и с Бедой. Складывается впечатление, что попытка их вычленения и описания должна быть исходным пунктом любого анализа трудов англосаксонского монаха.

Работы, посвященные Бедо Достопочтенному, имеют самостоятельный интерес для изучения. Остановимся подробнее на особенностях репрезентации Беда как историка в британской историографии второй половины XIX-XX в. Общим для исследователей, пишущих об англосаксонском авторе и о “Церковной истории англов”, является не-

---

¹ На это, в частности, указывают многочисленные копии сочинений Беда, цитаты и ссылки на них в трудах средневековых писателей, упоминания названий книг Беда в монастырских библиотеках в Британии и на континенте. См.: *Whitelock D. After Bede // From Bede to Alfred. L., 1980*; *Davis R.H.C. Bede after Bede // Studies in Medieval History presented to R.A.Brown. Wolfboro, 1989.*

обходимость представления читателю героя повествования, конструирования его образа. Для этого осуществляется тщательный отбор исторических свидетельств, достойных того, чтобы репрезентировать героя. В данном случае о Бедде, его жизни, окружавших его людях, о его мире историкам известно немного. В исследованиях все сведения упорядочены и разделены на более и менее "важные", прямо или косвенно относящиеся к Бедде, дающие возможность составить представление об этом человеке.

Таким образом, при прочтении различного рода текстов о Бедде Достопочтенном выделяется повторяющийся в разных сочетаниях набор фактов, цитат и суждений, составляющий основу знания, которым располагает современный исследователь. В костяк "редуцированного знания" входит короткий рассказ о вехах жизненного пути Бедды, помещенный им в конце "Церковной истории англов", обзор сочинений, сведения о монастыре, его учителях, извлеченные из "Истории аббатов", запись о последних днях Бедды, выполненная учеником Кудбертом, письма англосаксонских миссионеров с просьбами отправить его книги на континент. Сведения о жизни автора "Церковной истории англов" приводятся на фоне исторического контекста, знание о котором базируется, в основном, на этом труде. Перечень может быть расширен за счет фрагментов, повествующих о жизненном пути Бедды, из его писем и комментариев на Св.Писание, из поздних легенд и других немногочисленных источников.

Так или иначе, этот материал воспроизводится в тех работах, в которых автор представляет читателю Беду Достопочтенного. Но ограничиться этим подбором данных источников трудно. Во многом это связано с эффектом, который вызывают тексты самого Бедды, и в частности, "Церковная история англов". Предметом отдельного изучения могло бы стать то, каким образом текст англосаксонского историка производит впечатление постоянного присутствия Бедды, его общения с читателем. События "Церковной истории англов" изложены как часть индивидуального опыта, собственного переживания, знания, чтения, памяти; создается ощущение "теплоты" текста и вневременного, "личного" обращения к читателю. Благодаря этому, из "Церковной истории англов" исследователями вычитывалось не только "историческое свидетельство", сведения для реконструкции прошлого, но и образ ее автора. Интересно отметить, что многие историки рассматривали Беду Достопочтенного как человека, который не укладывался в рамки своего века, "общался с любимым поколением".² Однако черты, благодаря которым это стало возможным, описывались каждым исследователем по-своему ("здравый смысл", присущий, по мнению У.П.Кера, Бедде – качество, объединяющее его с людьми любой эпохи; поэтический дар, который ставит Беду в один ряд с Моцартом или Ренуаром, по словам П.Хантера Блэйра, и Т.Д.).

² Chambers R.W. Man's Unconquerable Mind. L., 1939. P.26.

Один из вопросов построения исследовательского нарратива заключается в том, как передать читателю свое впечатление от чтения и собственный опыт "разговора" с Бедой. Для этого в текст включаются "живые" цитаты из "Церковной истории англов" (источнику предлагается "говорить самому за себя"), или приводится ее пересказ. Пространство текста может заполняться различными "вещами", не принадлежащими сочинениям Беды. Образ англосаксонского историка частично складывается за счет отсутствия Беды, создается из метафор, высказываний, апелляций к разделяемым в культуре значениям, из элементов разнообразных контекстов, не относящихся к самому герою повествования.

На примере нескольких работ, посвященных Бедо Достопочтенному, попытаемся проследить, какими "вещами" наполняются исследовательские тексты, и какое значение они имеют для изображения Беды. Речь пойдет не о содержательной стороне интерпретаций "Церковной истории", а о репрезентации образа Беды, о моменте его "оживления". Здесь интерес представляет то, что находится в "зазоре" между минимумом знаний-фактов о нем и авторским анализом его труда. При этом все рассуждения будут строиться на опыте чтения, изучении возможностей читательского восприятия исследовательского нарратива.

Рассмотрим четыре текста, относящиеся к разным жанрам и написанные в разное время: "Комментарии" на "Церковную историю англов" Ч.Пламмера (1896 г.), лекцию о Бедо Р.У.Чамберса (1936 г.), книгу "Нортумбрия во времена Беды" П.Хантера Блэйра (1976 г.), статью "Цари Ветхого Завета у Беды" Дж.Мак-Клур (1983 г.). В данных работах представлены различные способы репрезентации образа англосаксонского автора. В каждой из них по-своему отразилось время, в которое они были созданы. На примере этих текстов можно не только увидеть, какие подходы к изучению "Церковной истории англов" предлагались в исторической науке в изучаемый период, но и проследить, как приоритеты и ценности историографической культуры того или иного времени повлияли на интерпретацию образа Беды.

Трудно переоценить, насколько XIX век определил восприятие прошлого в последующем столетии. Можно сказать, что Беда Достопочтенный, таким каким он известен в историографии XX века, появился на свет сто лет назад. Наибольший вклад в создание образа Беды в гуманитарном знании конца XIX в. внес английский историк, публикатор англосаксонских древностей, преподаватель и капеллан колледжа Тела Христова в Оксфорде преподобный Чарльз Пламмер. Вышедший в свет в 1896 г. двухтомный труд Пламмера содержал критическую научную публикацию "Церковной истории". Вторую часть издания составили комментарии Пламмера к тексту Беды. В историографии XX в. за этим сочинением закрепилась репутация наиболее фундаментального исследования, лучшей работы, когда-либо написанной о Бедо.

"Я вполне удовлетворен тем, что некоторый след моих личных чувств и обстоятельств остается в том, что я написал о нем". Этими словами Ч.Пламмер предварял подготовленное им комментированное

издание "Церковной истории англоv".³ Из всех возможных способов построения научного текста он избрал такую форму, в которой исторический источник сосуществует в одном пространстве с исследовательским текстом. Публикация и комментарий⁴ – таким, по мысли ученого, был предпочтительный способ представления читателю исторического сочинения. На первый взгляд, эта форма дает меньше возможностей для привнесения авторской интерпретации в текст источника, чем, к примеру, жанр монографии или научной статьи. С другой стороны, два текста оказываются рядоположенными; комментарий, адресованный читателю, предлагает помощь и систему ориентиров в публикуемом тексте, и, одновременно содержит утверждение о нем, задает его нормативное прочтение. Текст комментария выступает посредником между источником и читателем. Через истолкование, добавление сведений и фактов, поясняющих отдельные слова или фрагменты источника, комментатор дописывает то, что в источнике отсутствует, включает его в новые контексты, придает ему черты, соотносимые с ценностями той культуры, к которой принадлежит сам.

Из разнообразных трудов Беда Пламмер, несмотря на свой духовный сан, выбрал именно "историю", предпочтя ее экзегетическим сочинениям и гомилиям. "Я испытываю некоторую ревность за честь английского исторического исследования", – писал он.⁵ В историоцентричном знании XIX в. история как дисциплина обладала большим авторитетом и значимостью. В представлении Пламмера эти черты соединялись с викторианской гордостью за "высокое имя" английской национальной истории.⁶ Беда трактовался Пламмером прежде всего как основоположник национальной историографической традиции.

Рассматривая "Комментарии", следует отметить глобальность принятого Пламмером труда. В изучаемом издании примечаниями сопровождаены все имена собственные, встречающиеся в пяти книгах "Церковной истории", – названия книг, географические названия, имена людей, а также любые указания Беда на время действия (включая такие фразы как "немного погодя", или "через некоторое время"), многие реалии англосаксонской истории и культуры. Некоторые уточняющие заметки автора разрослись до отдельных статей ("экскурсы" о способах исчисления даты Пасхи, о форме тонзуры). В комментариях оговаривалось употребление ряда терминов, упоминались источники, в которых то или иное слово звучало аналогичном контексте. Комментарий Пламмера создает впечатление сложности, многослойности "Церковной истории", нагруженности каждого слова дополнительным смыслом. Следуя за комментатором, читатель начинает угадывать, какое слово ока-

³ *Plummer Ch. Venerabilis Baedae Opera Historica*. 2 Vol. Oxford, 1896. V.1. P.iii.

⁴ Помимо "Церковной истории" к большим трудам Пламмера относится издание "Англосаксонской хроники".

⁵ *Plummer Ch. The Life and Times of Alfred the Great*. N.Y., 1970. P.vii.

⁶ Об этом подробнее см.: *Plummer Ch. A Sermon, Preached before the University of Oxford on Sunday, January 27, 1901* // *The Life and Times of Alfred the Great*.

жется “ловушкой”, требующей остановки, прерывания связного чтения, пристального внимания и обращения ко второму тому издания, каким непредсказуемым толкованием сопровождает его автор. В этой игре комментатора с читателем последний неминуемо оказывается сбитым с “верного” пути: каждый следующий раз “необходимым”, то есть открываемым, оказывается иное, неожиданное значение.

Текст Беды представлен в виде бесконечного лабиринта, “сада разветвляющихся тропинок”. Логика построения примечания, ведущая от разъяснения конкретной детали к ссылке на новый текст, позволяла Пламмеру включать в свое повествование сюжеты, отстоящие довольно далеко от первоначального. На основе авторских ассоциаций складывались длинные “цепочки” текстов-источников, направляющих читателя к разным областям обширного эрудитского знания комментатора. Дополнительным эффектом такого построения нарратива было и то, что “подтекст”, скрытый за словами “Церковной истории англов”, воспринимается не как произвольно привнесенный извне, но в качестве неотъемлемой части сочинения Беды. Связи, которые устанавливал комментатор между текстом “Церковной истории” и датами, событиями, биографиями и документами, становятся неразрушимыми. Беда и его труд раз и навсегда вписываются в метанарратив знания о прошлом.

В “Комментарии” вкраплены фрагменты, написанные как минимум на трех языках (помимо английского), с которых не делается перевода. Знание читателем латинского, греческого и древнеанглийского языков подразумевалось. В книге Пламмера языки обрели особый вес и “материальность”; наряду с изобилием собранных в коллекции фактов, дат и имен они создали атмосферу сочинения – мир премудрости, учености, достойной Беды.

Комментатор выступал и в роли первого читателя “Церковной истории”, давал пример неторопливого, внимательного следования за Бедой по тексту; его чтение то и дело перебивалось остановками, необходимыми для скрупулезной проверки всех деталей, сопоставления их с данными других источников. Особое место отводилось определению этимологии отдельных слов. Так, Пламмер мог остановиться на уточнении смысла и этимологии названий рыб, которых упоминал Беда, прослеживая их в диалектах англосаксов, в древнем валлийском, корнуэльском и ирландском языках.⁷ Такой метод заставляет оценить важность, неслучайность любого слова Беды, каждое из которых может быть рассмотрено отдельно и сопровождено комментарием.

“Церковная история англов” изучалась Пламмером в нескольких контекстах. Сочинение рассматривалось в кругу предшествовавших и более поздних источников; все известные автору исторические источники, происходившие из Британии, Ирландии или с континента, выделялись как бы “апостериори”, в одной вневременной плоскости. Через соположение британских средневековых “историй” – сочинений Уильяма

⁷ Ibid., p.6.

Мальмсберийского, Симеона Даремского и других, менее известных – выстраивалась непрерывная традиция английского историописания, в которой Беда занимал место “отца-основателя”. Наконец, текст включался в контекст всего новоевропейского знания об этом источнике. Постоянные указания Пламмера на известные ему (и, как подразумевалось, читателю) споры по вопросам, связанным не только с изучением работ Беды, но и с исследованием истории церкви, англосаксонской истории и культуры, отсылки к разнообразным научным трудам создали эффект присутствия в тексте “Комментариев” множества авторов, среди голосов которых звучит и голос самого ученого. Беда рассматривался не сам по себе, но включенным в сообщество всех ученых, людей Науки. Суждения средневековых писателей оценивались Пламмером таким же образом, как и мнения исследователей XIX в.; Симеон Даремский и Уильям Стаббс могли представлять разные стороны в одной полемике, несмотря на разделяющие их семь столетий. Мир книжного знания, мир идей и теорий составлял в “Комментариях” некое особое пространство, в котором “свидетелями” Беды могли выступать люди различных эпох, а сам Пламмер имел возможность опровергнуть или присоединиться к любому суждению Беды.

Примечания написаны от первого лица. Авторское “я” постоянно сопровождает читателя; при указании на позицию какого-либо историка по отношению к разбираемой проблеме Пламмер подчеркивал свое личное знакомство, или расположение к нему, например: “мой друг м-р Т.А.Арчер...”.⁸ Образ Беды дополнялся образом его истолкователя; в тексте конструировалась устойчивая пара: “Он и Я”.

Текст Беды Достопочтенного, с его опорой на свидетельства источников, аккуратным цитированием документов, с видимым стремлением автора к достоверности побуждал комментатора XIX в. придать ему черты еще большей точности, восполнить все пробелы в фактах и в хронологии. “Комментарии” достраивали средневековый текст, ориентируя его на образцы научного историописания. Если примечание составлялось к имени человека, появляющегося на страницах “Церковной истории”, то о нем собирались данные из всех известных исторических текстов; когда это не удавалось, комментатор констатировал: “об этом человеке ничего не известно”. Восполнялись и отсутствующие у Беды конкретные даты событий. Так, на слова “немного спустя...” Пламмер давал сноску: “а именно, около семнадцати лет”.⁹ Акцент комментатора на точности приводимых свидетельств о прошлом превращался в особенность видения, свойственную самому Беде Достопочтенному.

Следует отметить также избирательность отношения Пламмера к тому, что составляло “историю” для Беды. Комментировалось прежде всего то, что могло быть понято как реальный “исторический факт”. Разнообразные чудеса, рассказы Беды о деяниях святых, демонстри-

⁸ Ibid., p.4.

⁹ Ibid., p.34.

рующие проявление Божественной силы и премудрости в человеческой жизни, не находили отклика у автора XIX в. Подобные места “Церковной истории” не рассматривались в примечаниях, в качестве “неважного” оценивалось то, что казалось недостоверным.

Интересным примером тому, как преподобный Чарльз Пламмер прочитывал агиографические главы “Церковной истории англов”, может служить его замечание о любимом герое Беде, Св.Кудберте: “Едва ли можно усомниться в том, что рассудок Кудберта был расстроен из-за чрезмерного аскетизма”¹⁰. Обращает на себя внимание не только рациональное объяснение чуда, которое давал комментатор – священник оксфордского колледжа Тела Христова, но и то доверие, которое он оказывал тексту Беде. Пламмер, рассуждавший о герое текста как о “живом” человеке, толковал чудо в книге “отца английской истории” как свидетельство болезни Кудберта. Он исключал возможность того, что Беда составил главу в соответствии с агиографическим канонам, а не следуя “реальным фактам”.

“Комментарии” представляют читателю своеобразный пример этики научного исследования – тщательности и точности в обращении с текстом, самоотверженности и ответственности, с которыми Пламмер подходил к изучению “свидетельства о прошлом”, а также большой эрудиции, без которой не мыслилась работа историка. Все эти черты присущи и созданному им образу Беде. В книге Ч.Пламмера Беда изображен человеком, в котором соединились лучшие черты христианина и ученого, не историком-святым, но святым историком. “Церковная история” Беде интерпретировалась Пламмером как труд современника, которому было свойственно то же видение мира и склад ума, что и самому комментатору. Интересно, что в историографии XX в. англосаксонский историк и его викторианский издатель воспринимались нераздельно, черты одного проецировались на облик другого, и текст “Комментариев” стал практически неотделим от текста “Церковной истории”. Изучаемая книга привела к удивительному результату: Чарльз Пламмер стал настолько же Бедой Достопочтенным, насколько Беда стал Пламмером.¹¹

Две следующие работы, которые рассматриваются в этом исследовании, – лекция Р.У.Чамберса, посвященная Беде, и книга П.Хантера Блэйра – вышли в свет в 1930-е и 1970-е гг. Эти десятилетия были отмечены оживлением интереса к Беде Достопочтенному. В 1935 г. в Британии отмечалось 1200-летие со дня смерти англосаксонского учителя-святого; в 1973 г. праздновалось 1300 лет со дня его рождения. К обеим датам было приурочено издание сборников, участие в которых приняли исследователи из различных областей знания.

Лекция под названием “Беда. Ежегодная лекция, учрежденная фондом *Master Mind* Британской Академии” была прочитана 27 мая 1936 г., в день святого Беде, профессором английского языка в Лондонском

¹⁰ *Ibid.*, v. I, p. xxx.

¹¹ *Chambers R.W. Op.cit.*, p.51.

Университетском колледже Р.У.Чамберсом.¹² В рассуждении автор сформулировал намерение говорить о Бедѣ Достопочтенном как о человеке, личности, о *"master mind"* – выдающемся, первом уме своего времени. "У меня были большие сомнения относительно моей способности справиться с ним..." – отмечал Чамберс. Для преодоления этой трудности в текст вводился образ Британского Музея, места, где автор, по его словам, обретал особый настрой для работы над темой.¹³

Образ Музея сопровождает читателя на протяжении всего нарратива, представляя собой то метафорическое пространство, в котором разворачивается повествование. Вещи-экспонаты и обстановка Музея служат автору для репрезентации "его" Беды. При этом дополнительные, непроговариваемые вслух смыслы и характеристики "Беды Чамберса" добавляются за счет общих, разделяемых ассоциаций и значений, связанных с культурой музейной экспозиции и коллекций. "Пробелы" в тексте, приводящем факты из жизни Беды, их оценку и интерпретацию, наполняются разнообразными предметами: китайскими вазами, этрусской скульптурой, свитками, рукописями, буддийскими фигурками, бюстами римских императоров, а также музейной пылью, перемешанной с "пылью столетий". Рядом соседствуют вещи, собранные со всего мира; Чамберс упоминает о достижениях средневекового Тибета, Аравии, Японии, Китая.¹⁴

Все эти вещи попадают в текст не случайно; им придается особый смысл, они подтверждают и иллюстрируют определенное понимание истории, присущее автору. С их помощью выстраивается картина целостного мира, в котором независимо от эпохи и географии проявляет себя единый по своей природе великий человеческий дух, который реализуется в созидательном творчестве, в накоплении знания, в стремлении передать его другим людям. Музей собирает вместе следы-свидетельства возможностей человеческого разума, представляет собой идеальное пространство для общения с прошлым. "Здесь, (в Британском Музее) сказал я себе, черты выдающихся людей всего мира... И с новыми силами я вернулся к моей работе".¹⁵

В Музее, таким образом, представлен "пантеон" личностей – от Цезаря до Данте. "Героями" человеческого духа автор именует и неизвестных творцов древности и средних веков. Среди них почетное место отведено Бедѣ Достопочтенному, – *"they were the men who mattered"*.¹⁶ Подобный подход позволяет автору как рассматривать отдельные деяния уникальных личностей ("героев"), так и мыслить глобальными общностями ("Восток", "Запад", "цивилизация", "Темные Века"). Одно не

¹² Позднее этот текст вошел в сборник его статей "Непобедимый разум человека", посвященных английской литературе. Этот письменный текст и анализируется в настоящей работе.

¹³ Ibid., p.27.

¹⁴ Ibid., p.24.

¹⁵ Ibid., p.27.

¹⁶ Ibid., p.34.

противоречит другому; "герои" представляют эти большие целостности, дают возможность их понять, свидетельствуют в их защиту и оправдание перед неким подразумеваемым высшим судом – будь то ответ перед Богом, или перед взыскательным взглядом историка.

Особенности этого видения хорошо соотносятся со структурой музейного собрания. "Великие люди" описываются автором как экспонаты коллекций, составленных из остатков разнообразных культур прошлого. Беда в тексте рассматривается как представитель "Запада" и "Темных Веков", свидетельствующий в пользу "непобедимого разума человека". "Это самая прекрасная вещь, которую мог создать Запад в это столетие, [Линдисфарнские Евангелия] так же как и Беда – величайший продукт (*product*) Запада в области знания".¹⁷

Музей Британской Империи, храня древности из многих стран мира, утверждал свою власть над ними, "присваивая" знания о них вместе с дошедшими до новейшего времени предметами. Упорядоченные по залам экспонаты-вещи, так же как и "выдающиеся личности", репрезентируют те культурные миры, из которых они происходят. Мысленное обращение от "Запада" к "Востоку", от Европы к Тибету и Японии столь же легко, как переход из одного зала музея в другой, где по соседству расположены "следы" разных государств и эпох. "Китайская керамическая скульптура буддийского апостола восседает в центре галереи Короля Эдуарда VII более чем в натуральную величину. В его великой простоте, крайней удаленности от всех земных дел апостол устремляет взгляд в вечность... Он показывает нам, что Дальний Восток мог сделать в Век Беды. Он служит символом, напоминая нам, что самый темный период Западной цивилизации совпадает со славой династии Тан в Китае".¹⁸ Будучи включенным в широкий контекст, давая свое имя столетию, и принимая, таким образом, за него ответственность, Беда Достопочтенный становится сопоставим с представителем любой культуры. Сопоставление возможно на основе общей человеческой природы, превосходящей культурные различия. Оценка, в этом случае, дается по заслугам, вкладу в развитие "цивилизации"¹⁹, по деяниям, совершенным для отвоевания человеческого пространства у тьмы.

Для создания образа Беды в лекции Чамберса часто воспроизводятся метафоры света и тьмы. Будучи употребленными в тексте, они, прежде всего, отсылают читателя ко множеству смыслов, связанных с ними в христианской культуре. По отношению к Бедке Достопочтенному, как к учителю Божественного Слова, метафора светильника, зажженного свыше для рассеивания мрака, была употреблена сразу после его смерти и прочно утвердилась в связи с именем англосаксонского автора. "Беда..., монах, который светил среди вас как лампада знанием Писания", "мы просим тебя утешить нас..., присылая нам луч от лампы"

¹⁷ *Ibid.*, p.29.

¹⁸ *Ibid.*, p.28.

¹⁹ *Ibid.*, p.41.

Церкви, что Дух Святой зажег в твоей земле – Беды”, – с этими словами обращались к архиепископу Йорка, и к аббату монастыря Ярроу англосаксонские миссионеры с континента.²⁰

Проследим, как Чамберс выстраивает и “освещает” пространство исторического прошлого в своем тексте. По мере углубления в прошлое, взгляду историка открываются погруженные во мрак, освещенные усилиями отдельных людей эпохи, или столетия, озаренные ровным светом “цивилизации”. Точкой отсчета для современного западного мира служит время максимального сгущения мрака – “Темные Века”.²¹ Жизни Беды “предшествовал и последовал за нею период великой тьмы. Седьмой век, в который родился Беда, называли “надиром человеческого разума”... Посреди европейской темноты VII и VIII веков жизнь Беды далеко “бросает свои лучи”, она сияет...”²² В качестве подтверждения Чамберс цитирует Данте, отмечая, что последующие шесть столетий после смерти этого поэта уже нельзя назвать временем понастоящему темным.²³

Христианский свет, сотворенный Богом, дарованный людям источник добра, свет Божественного Слова осмысливается в тексте как сияние человеческого разума, ассоциированного с добром и истиной. При этом “темнота” для автора – не только незнание, невежество, “варварство”, но и отсутствие “цивилизованности”, разумности – то есть человечности человека. Смысл метафоры заключается еще и в том, что свет везде имеет одну природу, равен самому себе в любые времена независимо от географии. “Хотя в Европе дела обстояли плохо, начало седьмого столетия было золотым веком в Аравии, Тибете, Китае и Японии”.²⁴ Вновь на уровне других слов и образов повторяется та же мысль: свет Беды равен свету творцов и ученых Востока; Беда встает в один ряд с другими светочами – где бы и когда бы они ни появились, чтобы рассеивать тьму. “Моральное” прочтение текста Чамберса, – в соответствии с историческим, аллегорическим, моральным и анагогическим прочтениями текстов, которые различал сам Беда, – позволяет извлечь следующий смысл: “тьма” относительна, не всеобъемлюща. Даже густой мрак отступает перед огнем “непобедимого разума” отдельного человека. Уместно вспомнить о том, что изучаемый текст был опубликован в 1939 г., в то время, которое Чамберс оценил бы как новые “Темные Века”.

Наконец, отметим важность понятия “традиции” и следующего из него образа “связи” для текста Чамберса. Благодаря “традиции” (“английской традиции”) усилия отдельных людей не пропадают после их смерти. “Свеча знания” должна быть “передана” потомкам,²⁵ человек

²⁰ Ibid., p.44.

²¹ Ibid., p.24-26.

²² Ibid., p.24.

²³ Ibid., p.25.

²⁴ Ibid. P.24.

²⁵ Ibid. P.41.

может оцениваться историком по степени его вклада в "цивилизацию". Среди темноты, над "пропастями" между "светлыми" столетиями возводятся мосты, с помощью которых сохраняются и передаются знания; (Беда, по этой логике, связует VI и XII века). Время Чамберса, таким образом, связано со временем Беды посредством традиции ученичества: "Беда научил Эгберта, Эгберт научил Алкуина, следовательно, мы можем рассматривать Алкуина как духовного внука Беды. Духовный внук Беды служил внуку Карла Мартела в новом установлении образования в Европе. С Карлом Великим кончается период Тьмы: Цивилизация снова постепенно продвигается вперед".²⁶ "Вся Европа была его [Беды] школой, и его влияние распространилось на Фульдву, Тур, Реймс, на многие другие места, пока потоки не объединились в Парижском университете и не потекли дальше в университет Оксфорда. Пропуская некоторые ступени, я перейду к трем нашим современникам из Оксфорда, кто близко (*intimately*) знал их Темные Века и их Беду".²⁷ Возможность писать о Бедe, само знание о нем обосновано у Чамберса опытом его личного общения с этими людьми, последними звеньями в цепи "учитель-ученик", тянущейся с VIII в.: оксфордскими профессорами У.П. Кером, С. Дж. Кроффордом, Ч. Пламмером.

На этот момент следует обратить особое внимание; в данном случае речь идет о восприятии дистанции между пишущим и тем временем и героем, которые он изучает. Складывается ощущение, что в конце XIX в. дистанция между викторианскими исследователями и англосаксонскими героями значительно сократилась.²⁸ Особенно хорошо это заметно на примере текстов Пламмера, от его "Комментариев" до проповеди на смерть королевы Виктории, в которой англичане конца XIX в. уподобляются англосаксам времен Альфреда Великого.²⁹ В тексте Чамберса отчетливо прочитывается его отношение к упомянутым профессорам как к людям, стоящим ближе к Бедe, нежели он сам или кто-либо другой. Подобная близость — как духовного, так и временного и пространственного свойства. Все эти условия для автора оказались реализованными в личности Ч. Пламмера, которого Чамберс называл "реинкарнацией Беды".³⁰

Действительно, Пламмер принадлежал к викторианскому поколению, "присвоившему" англосаксонскую историю, и приблизившему (хотя бы на уровне риторики) две эпохи друг к другу. Историк XIX в. "родился в нескольких милях от того места, где родился, жил и умер Беда"; церковный сан, "обширные познания, его смирение и благочестие, его за-

²⁶ *Ibid.* P.42-43.

²⁷ *Ibid.*, p.50.

²⁸ Английский исследователь Эйза Бриггс в свое время избрал темой отдельной лекции значение образа англосаксонского прошлого для викторианской культуры. См.: *Briggs A. Saxons, Normans and Victorians*. Bexhill-on-sea, 1966.

²⁹ *Plummer Ch. A Sermon, Preached before the University of Oxford on Sunday, January 27, 1901 // The Life and Times of Alfred the Great.*

³⁰ *Chambers R.W. Op.cit.*, p.51.

бота о молодых” роднили Пламмера с его любимым героем. В конце своего рассуждения Чамберс “встраивал” себя в созданную им же пару – Беда и Пламмер, – подтверждая свое право говорить о них. “...Пламмер не был всецело удовлетворен тем, как каменноугольные копи и печи изменили то, что во времена Беды было лесистыми берегами реки Тайн. И я сам вспоминаю, как стоя на крыше отеля “North Eastern” в Ньюкасле, размышлял, что если бы Беда мог увидеть эти клубы дыма, которыми я был окружен, он все равно без сомнения узнал бы это место...”³¹

Если Ч.Пламмер представлял читателю “своего” Беду через толщу эрудитского знания, которое составляло и фон, и контекст, и содержание текста, а Р.У.Чамберс строил рассуждение на разделяемых, укорененных в культуре метафорах, то в книге П.Хантера Блэйра в качестве средства репрезентации образа англосаксонского писателя выступает общность чувственного восприятия и повседневного опыта автора, читателя и Беды.

“Нортумбрия во времена Беды” (1976 г.) одна из последних и, пожалуй, самых необычных работ известного британского историка.³² Написанные ранее книги Хантера Блэйра – “Введение в англосаксонскую Англию” (1956 г.), “Мир Беды” (1970 г.) представляют собой классические научные труды, укладывающиеся в рамки исторической дисциплины.³³ “Нортумбрию...” сложно рассматривать в этом же ряду “академических” текстов. Складывается впечатление, что создание подобной книги было вызвано не только желанием изложить раннюю британскую историю в популярном, доступном для широкого круга читателей виде. Можно предположить, что оно было необходимо самому автору для того, чтобы индивидуальное прочтение “Церковной истории”, свежесть ее восприятия не остались погребенными под весом важных, но безличных археологических и исторических “свидетельств”, воспроизводимых во многих трудах, посвященных англосаксонскому прошлому. Помимо “Церковной истории”, на материале которой в основном написана эта книга, Хантер Блэйр обратился также к англосаксонской поэзии, загадкам Альдхельма, текстам ранних британских авторов.³⁴ В настоящем исследовании рассматриваются самые общие подходы Хантера Блэйра к репрезентации образа Беды. Метод его интерпретации сочинения англосаксонского историка достаточно сложен и заслуживает отдельного изучения.

³¹ Ibidem.

³² Hunter Blair P. Northumbria in the Days of Bede. L., 1977.

³³ Hunter Blair P. An Introduction to the Anglo-Saxon England. Cambridge, 1956; Idem. The World of Bede. Cambridge, 1970.

³⁴ Подобранные таким образом источники редко соседствуют в английских исследованиях. Ранние британские тексты, написанные на латыни, изучаются преимущественно историками, англосаксонская поэзия остается “вотчиной” литературоведов. Написанные практически в одно и то же время эти тексты анализируются, за редкими исключениями, отдельно друг от друга и методами разных дисциплин.

Книга адресована "паломнику", путешествуящему по местам и временам, связанным с Бедой Достопочтенным. Текст направлен на то, чтобы "сделать видимыми физические очертания Нортумбрийского королевства как ландшафта, населенного людьми и чудовищами".³⁵ Автором была предпринята попытка поймать и зафиксировать ускользающий мир Беды, найти форму личного знания о нем и предложить его читателю так, чтобы оно могло стать и его личным знанием.

Как передать ощущение теплоты, которое создает текст "Церковной истории"? Как среди многократно прочитанных слов отыскать человека, который их написал? Подобная проблема прямо не формулировалась Хантером Блэйром, но каждый фрагмент книги содержит долю ответа на этот вопрос.

Отдельные эпохи, благодаря историческим романам, поэзии, изобразительному искусству, музыке, связаны с их устойчивыми образами, разделяемыми в культуре; благодаря этому, прошлое делается "знакомым", "своим". Несмотря на относительную изученность, ранняя англосаксонская история в меньшей степени обладает таким "образом". Она отделена не только временем, но и отсутствием "узнаваемой повседневности". Для воссоздания и оживления облика "века Беды" автор обратился к реконструкции отдельных элементов материального мира англосаксов. В тексте Хантера Блэйра окружающие людей вещи, нерукотворные и сотворенные, предстают не только в физическом, но и как бы в духовном измерении, увиденные, названные, осмысленные современниками Беды, описанные их словами.

П. Хантер Блэйр попытался приблизить эпоху Беды к своей; черты специфики англосаксонской культуры представлены в тексте через иное переживание хорошо знакомых вещей обыденной жизни, понятных человеку XX века. К воображению читателя "взывают" плодовые деревья, рыбы, которых ловят монахи, зимние холода, библиотеки, устройство монастыря и т.п. "Можно точно сказать, что во времена Беды в тех краях было множество овец, и что Кудберт был не единственным пастухом, хотя только спустя столетия Чевиотские горы приобрели тот травяной покров, в который они одеты сегодня".³⁶

Окружающий человека природный мир изменился не сильно; перед глазами Беды предстала та же земля и небо, что и перед взором сегодняшнего "паломника". В этом, в какой то мере, Хантер Блэйр усматривал то общее, что связывало людей разных столетий и содержало залог возможного понимания прошлого. "...Глен не сильно изменил свое течение с тех пор как люди отправились к нему, чтобы быть окрещенными Паулином. До сих пор там есть места, где находят гранат. Несмотря на ущерб, причиненный песчаными дюнам от вторжений туристов, Святой Остров все еще защищен от натиска моря таким же про-

³⁵ Hunter Blair P. Northumbria..., p.16.

³⁶ Ibid., p.19.

тяжелым месторождением темного базальта, как и тот, что спас королевскую крепость в Бамбурге от атак Пенды, короля Мерсии”.³⁷

Способ репрезентации “Нортумбрийского королевства” связан с использованием эстетических категорий, таких как “радость”, “красота”, “чувство”. Читатель приглашается к сопереживанию и вчувствованию в мир Беда, к пониманию и разделению того, что составляло *радость*, прекрасное и обыденное для англосаксонского монаха. История также представлена в тексте через личный опыт Беда Достопочтенного. Область знания исследователя – сведения, факты, описания, приводимые в “Церковной истории”, – показаны автором так, как, по его мнению, они могли переживаться Бедой.

Проследим, как разворачивается повествование Хантера Блэйра.

“Многое можно узнать из рассказа Беда об острове Британия. Он говорит нам, что реки изобилуют рыбой, особенно лососем, что часто попадаются тюлени. Лососи ловятся до сих пор в изобилии в хороший сезон в реках Нортумбрии – Тайн, Кокет или Твид... Мы узнаем также, что иногда ловились киты. Теперь они попадаются не часто, но в заливе Колдинхэм, неподалеку от монастыря Эббе, путешественник может изредка увидеть норвежское китобойное судно на якорю. Всю свою жизнь – достаточно долгую, по англосаксонским мерам, – Беда прожил рядом с морем и поэтому, без сомнения, он писал о мидиях, моллюсках, лососе, тюленях, дельфинах и китах. Он описывал алый краситель, который изготавливали из моллюсков, “самый красивый красный цвет, что не тускнеет ни от солнечного жара, ни от выставления под дождь, что становится все прекраснее со временем”.³⁸

Логика нарратива ведет автора от констатации “свидетельства” Беда, обращенного “к нам”, читателям другого столетия, к ссылке на нашу обыденную практику, которая соседствует с повседневной практикой англосаксонского историка. За эпизодом объяснения текста “Церковной истории” следует упоминание о красоте, находимой ее автором в том фрагменте “реальности”, который только что был представлен читателю как знакомый. Далее повествование не останавливается на Бедо, но движется от него обратно – к морю, холмам, к “человеческой географии” Нортумбрии.³⁹

На первый взгляд, в тексте довольно редко заходит речь о самом Бедо. Несмотря на это, все вещи, привлеченные в текст для воссоздания “ландшафта Нортумбрийского королевства”, описывают Беду, подобно свите, “играющей” короля. Подчеркнутый перенос внимания с главного героя нарратива на все, что его окружало, заставляет найти Беду во всех частицах мира, которые “увидены” его глазами.

В книге Хантера Блэйра целый ряд значений выстраивается с помощью приема отрицания, утверждения “от отсутствия”, от обратного.

³⁷ *ibid.*, p.17.

³⁸ *ibid.*, p.18.

³⁹ *ibid.*, p.17.

Так, для того, чтобы создать в тексте картину англосаксонского прошлого, автор последовательно "вычитает" из культурного опыта современного человека как вещи, отсутствовавшие в дни Беды, так и разделяемые, стереотипные образы других столетий. Во вводной главе книги то и дело попадают газеты, географические карты, элементы домашнего комфорта и другие предметы обихода, от которых автор заставил отказаться читателя. Затем "изымаются" понятия и представления, связанные с культурой романтизма: "романтическое настроение", поэтизация природы. Писатели англосаксов, по словам автора, "ничего не говорят о наслаждении, которое находили в горах, вересковых долинах и море более поздние поколения поэтов... Кони Вальтера Скотта были приучены останавливаться перед любимым местом их хозяина, откуда он мог созерцать прекрасную реку Твид... Но отрадой Дриктхельма, монаха старого монастыря Мелроз было стоять в этой же реке Твид глубокой зимой, когда рядом с ним кружили плавучие льдины".⁴⁰ Следом за образом XIX века автор "убирает" общеизвестные картины более раннего времени: "Устье Хамбера... было Границей между Англией и Шотландией... Мы вызываем в памяти обширные пространства вересковых пустошей и болот от Твида до *Solway*, родину Стальных Берегов шестнадцатого века, страну баллад, распрей, романсов и всего варварства английских и шотландских походов. В дни Беды все было иначе. Долина Твида лежала в самом сердце его королевства..."⁴¹

Сопоставляя времена, автор стремился не только аккуратно воссоздать облик англосаксонского мира, но и показать, что ему была присуща своя особая красота. Неслучайным выглядит упоминание Беды в одном текстовом пространстве с поэтами, писателями, музыкантами и художниками разных эпох. Для Хантера Блэйра был важен взгляд на Беду как на создателя художественного образа англосаксонской истории. Возвращаясь к приведенному выше суждению автора, "правда Беды" не может быть понята только из анализа текста "Церковной истории" методами научных дисциплин. По своей природе эта "правда" соотносима с истинами Моцарта и Ренуара, воспринимаемыми не рассудком, но душой, через вчувствование и сопереживание.⁴²

В заключение, коротко остановимся на статье Джудит Мак-Клур "Цари Ветхого Завета у Беды", опубликованной в 1983 году.⁴³ Эта работа важна для понимания того, что собой представляет "облик Беды" в гуманитарном знании 80-90 гг. XX в. Приведем первую фразу статьи, выделяя в ней курсивом некоторые слова: "Одним из наиболее значительных *недавних достижений* в изучении "Церковной истории" было установление того, что труд Беды как *историка* не может рассматриваться

⁴⁰ Ibid., p. 16.

⁴¹ Ibid., p. 21.

⁴² Ibidem.

⁴³ McClure J. Bede's Old Testament Kings // *Ideal and Reality in Frankish and Anglo-Saxon Society*. Oxford, 1983.

отдельно от его комментариев на Писание".⁴⁴ За этим предложением можно увидеть целое столетие в исследовании произведений англосаксонского автора.

Отдельные работы 30-40-х гг., в которых интерпретировались теологические труды Беда или говорилось о нем как о толкователе Библии, не оказали большого влияния на восприятие и репрезентацию его образа.⁴⁵ Беда Достопочтенный в конце XIX-XX в. был и остается прежде всего историком, средневековым историком, наделенным всеми лучшими чертами ученого Века Науки.⁴⁶ Голоса, которые "реабilitируют" инаковость мышления англосаксонского монаха, оказались услышанными только к началу 80-х гг.; "недавнее достижение" указывает прежде всего на некоторые изменения в облике истории как дисциплины, "присвоившей" Беду Достопочтенного.

В статье Дж.Мак-Клур предпринимается попытка прочитать "Церковную историю" в контексте книг Ветхого Завета и корпуса христианских комментариев на Писание. Перед этим текстом можно поставить те же вопросы, которые задавались предыдущим: как Беда представлен читателю и каким образом "обустроено" пространство текста? Но необходимо сделать оговорку: изучаемая работа посвящена конкретной проблеме, и задача репрезентации Беда не ставится автором как самостоятельная. Все же в тексте складывается его образ, связанный с новым прочтением "Церковной истории".

Репрезентация Беда Достопочтенного в статье Мак-Клур обусловлена двумя исходными положениями. Первое заключается в авторском подходе к интерпретации трудов ее героя. Исследователем была сделана попытка, по ее же словам, избежать "рационализации" Беда.⁴⁷ Подразумевая, что историческое сознание тоже имеет свою историю, Дж.Мак-Клур отмечала, что "все исторические...изыскания Беда были в конечном счете подчинены его религиозной цели", и то, "что может показаться в его описаниях объективной реальностью англосаксонской королевской власти" было следствием и воспроизведением модели нарратива, заимствованной из Ветхого Завета⁴⁸. Дж.Мак-Клур создала образ *раннесредневекового христианского учителя*, обратив особое внимание на отличительные черты его способа чтения и письма.

Второй момент определяется тем, что в авторских рассуждениях о "Церковной истории" постоянно присутствует Беда-человек, не раство-

⁴⁴ Ibid., p.76.

⁴⁵ Jenkins C. Bede as exegete and theologian // Bede: His Life, Times, and Writings. Ed. A.H.Thompson. Oxford, 1935; Carroll M. Venerable Bede: His Spiritual Teachings. Washington, 1946.

⁴⁶ Отметим, что из почти 40 сочинений, упомянутых Бедой в списке своих трудов, к "истории" можно отнести два – "Церковную историю англов" и "Хронику, или о шести возрастах мира". Большую часть его трудов составляют толкования на книги Ветхого и Нового Заветов.

⁴⁷ Bede. The Ecclesiastical History of the English People. Ed. J.McClure, R.Collins. Oxford, 1994. P.XIX.

⁴⁸ Ibid., p. 98, 90.

ренный и не слитый со своим текстом. В исследовании немало места занимают размышления о целях, о намерениях Беда как историка и комментатора книг Писания. "Он, по всей видимости, собирался выполнить...комментарий", "читая Первую Книгу Царств, он конечно же видел, что...", "он не мог сомневаться в том, что...", "его поиск точного знания и понимания", "его дидактические цели", "его забота о точности"⁴⁹, – подобные многочисленные предложения, связующие фрагменты анализа "Церковной истории", создают эффект присутствия Беда.

В тексте возникает ощутимая двойственность: героем повествования остается Беда, хотя речь идет о его нарративе. В одном пространстве соседствуют два способа рассуждения. Подход, при котором читателю представлен Беда как писатель, христианин, учитель, иначе говоря, как человек, предполагает взгляд автора, обращенный вовне текста. Такое видение позволяет зафиксировать окружающие предметы, события, даты – исторический контекст. Другой подход, также присутствующий в статье, соединяет "Беду" с его произведением. По этой логике, взгляд направлен внутрь текста, отыскивая структуру нарратива, отмечая употребление и семантику слов. "Церковная история англов" рассматривается в соотнесенности с книгами Библии и с ее истолкованиями. Внимание автора сосредоточено на том уровне, где система образов, формул, речевых оборотов одного текста проникает в другой, воспроизводит себя в новом произведении. Одним из следствий такого видения является то, что в работе Мак-Клур не используются метафоры для репрезентации героев. Как тенденцию можно отметить использование слов в роли предметов, фона, на котором изображается Беда. Из "Церковной истории" и параллельно анализируемых источников выборочно извлекаются и сравниваются термины, выражения, обозначения места и времени, – слова из особого интертекстуального пространства.

Одинаковая значимость этих способов изучения проблемы задает условия репрезентации Беда Достопочтенного. Он предстает как автор текста, увиденный на фоне других прочитанных и написанных им текстов. Беда Мак-Клур располагает немалой свободой в выборе того, как писать, свободой от собственного нарратива. Своеобразная интрига: станет ли Беда словом?, – заставляет взгляды в каждый следующий шаг автора. Но такого слияния не происходит: неизменно анализ текста, "Беда-текст" приводится для аргументации авторской точки зрения на "Беду-человека". В 1994 г. Дж.Мак-Клур опубликовала английский перевод "Церковной истории", предварив "речь" англосаксонского историка вводной статьей.⁵⁰ В ней уже действует единственный герой – созданный автором Беда Достопочтенный.

В трудах историков конца XIX-XX в. Беда предстает наделенным лучшими качествами, добродетелями христианского учителя, правед-

⁴⁹ Ibid., p.79, 81-83, 87.

⁵⁰ Bede. The Ecclesiastical History of the English People. Ed. J.McClure, R.Collins. Oxford, 1994.

ника и ученого. Личностные, человеческие достоинства Беды, как правило, оказываются слиты с его заслугами как историка.⁵¹ Но, помимо воспроизведения этих устойчивых черт, авторы исследовательских работ создают свой образ Беды Достопочтенного. Способы его представления могут быть различными: каждый интерпретатор вчитывает в этот образ часть самого себя; в текстах рождается и живет своей жизнью новый, "авторский" Беда, иной и свой для каждого читателя. Черты этого героя в рассмотренных текстах соотносимы с нормами и ценностями времени, культуры пишущего, с установлениями и правилами исторической дисциплины. На примере этих работ можно убедиться в том, что эстетический подход к текстам исторических источников составляет важную часть исследований, что представления о "должном" и прекрасном, свойственные их авторам, влияют на язык, систему образов, метафор, на то, какие темы выбираются для изучения, как они интерпретируются и каким, в результате, оказывается образ Беды.

В конце XX столетия Беда по-прежнему продолжает привлекать внимание исследователей, заставляет совершать подвиги новых публикаций и комментариев "Церковной истории", вызывает желание "присваивать" его текст, и, отстояв свое право быть рядом с Бедой, читать вместе с ним книги, прогуливаться по берегу моря и наблюдать течение времени.

См. также: Зверева В. В. Беда Достопочтенный: четыре интерпретации. М.: Издательство «Восток-Запад», 2010.

(...)

В настоящее время в отечественной науке и культуре наблюдается процесс, который можно назвать «реинтерпретацией» образа Беды Достопочтенного. Этот процесс связан с тем, что в последние десятилетия в отечественной историографии и культурологии наблюдается интерес к личности Беды Достопочтенного. В частности, в последние десятилетия в отечественной историографии и культурологии наблюдается интерес к личности Беды Достопочтенного. В частности, в последние десятилетия в отечественной историографии и культурологии наблюдается интерес к личности Беды Достопочтенного.

В настоящее время в отечественной науке и культуре наблюдается процесс, который можно назвать «реинтерпретацией» образа Беды Достопочтенного. Этот процесс связан с тем, что в последние десятилетия в отечественной историографии и культурологии наблюдается интерес к личности Беды Достопочтенного. В частности, в последние десятилетия в отечественной историографии и культурологии наблюдается интерес к личности Беды Достопочтенного.

⁵¹ "Он был человеком высоких чувств и кроткого нрава, полный доброго сострадания, обладавший редкостной свежестью восприятия, которая вдыхала жизнь и сообщала красоту его рассказам" (*Dictionary of National Biography*). "Изучение трудов Беды... раскрывает его неизменные великолепные качества: его искренность, ясность, вкус, эрудицию, сдержанность и рассудительность... Направляемый глубоким и смиренным стремлением к истине, уравновешенным мудрой осторожностью, Беда делает их своим достоянием". — *Brown G.H. Bede the Venerable*. Boston, 1985.

ИСТОРИОГРАФИЯ НА ПОРОГЕ XXI ВЕКА

Г.И. Зверева

Обращаясь к себе: самопознание профессиональной историографии в конце XX века

Нормальный научный дискурс может рассматриваться двумя разными способами: как успешный поиск объективной научной истины или как один из многих дискурсов, один из многих проектов, в которые мы вовлечены. ...Вторая точка зрения – это та, где мы задаем вопросы вроде...“Что нам делать с нами самими, когда мы знаем о законах нашего поведения?”. (Р.Рорти. Философия и зеркало природы.)

*Скажи мне, кто ты на этот раз?
(Том Уэйтс. Кто ты.)*

Самопознание историков как проблема изучения

Знание о прошлом складывается и запечатлевается в обществе в различных формах. Историческое знание, создаваемое в профессиональном сообществе, строится на собственных основаниях и обладает специфическими способами репрезентации. Вместе с тем, оно сохраняет в себе некоторые черты и признаки публичной истории, непосредственно связанной с установками коллективного обыденного сознания, а также обладает свойствами личной истории – памяти. В коллективных представлениях профессионального исторического сообщества обычно разграничиваются понятия истории как академической дисциплины (в числе других в современной системе академических дисциплин) и истории как историописания, конкретной исследовательской практики, неотчужденной дисциплинарной системе, хотя и подчиненной ей.

Проблемы содержания и формы исторического знания, их взаимосвязи с общенаучными нормами и предписаниями неизменно значимы в академической среде, но многим профессионалам, занимающимся изучением конкретных тем, их специальное рассмотрение представляется чем-то “внешним” по отношению к практическим задачам исторического исследования. В последней трети XX в., когда историческая профессия на Западе оказалась вовлечена в “постмодернистское состояние”, понимание этих тем в сообществе историков осложнилось ощущением кризиса профессиональной идентичности и потребностью

исследователей прошлого в личной саморефлексии. Одновременно профессиональные историки испытывали возрастающее давление со стороны тех гуманитариев, которые вторгались в академическое сообщество "извне" и вносили в него элементы маргинального (по отношению к профессии) и внедисциплинарного знания.

Смещение привычных установок и приоритетов в академическом мире актуализировало для исторического сообщества проблему самопознания, которая была преимущественно предметом рассуждений философов и методологов исторической науки. В итоге историки стали заново обсуждать вопросы содержания историографии, формы и направления исследовательской работы, систему академических правил, которые, в основе своей, определяют существо индивидуального труда членов профессионального сообщества.¹ Этот интеллектуальный поиск соответствовал потребности в переосмыслении сложившегося порядка генерации, сохранения и передачи исторического знания.

Развитие этой тенденции в историографии 80-90-х гг. в значительной мере формировалось под воздействием исследований по истории и современному состоянию академических профессий. В них представлен богатый спектр современных подходов к феноменам профессии, профессионализации, академической жизни, многообразные способы их изучения в контекстах институциональной, научной, интеллектуальной культур XX в. Новые базовые понятия и концепты, разрабатываемые авторами, создают возможности описания историографии в общем контексте ценностей и предписаний западной академии.²

¹ См.: *Veyne P. Comment on écrit l'histoire: Essai d'épistémologie*. P., 1971; *Le Roy Ladurie E. La territoire de l'historien*. P., 1973; *Faire de l'histoire / J.Le Goff, P.Nora*. P., 1974; *Certeau M. de. L'écriture de l'histoire*. P., 1975; *Essais d'ego-histoire / Re-unis et présentes par P.Nora*. P., 1987; *Ginzburg C. Clues, Mythes, and the Historical Method*. Baltimore, 1989; *Marwick A. The Nature of History*. L., 1989; *Elton G. Return to Essentials: Some Reflections on the Present State of Historical Study*. Cambridge, 1991; *Beloff M. An Historian in the Twentieth Century: Chapters in Intellectual Autobiography*. New Haven; L., 1992; *Tosh J. The Pursuit of History. Aims, Methods, and New Directions in the Modern history*. L., 1991; *Development in Modern Historiography / Ed. H.Kozicki*. L., 1993; *Appleby J., Hunt L., Jacob M. Telling the Truth about History*. N.Y., 1994; *New Perspectives on Historical Writing / Ed. P.Burke*. L., 1995; *Chartier R. On the Edge of the Cliff*. Baltimore, L., 1997; Споры о главном. Дискуссии о настоящем и будущем исторической науки вокруг французской школы "Анналов" / Отв.ред. Ю.Л.Бессмертный. М., 1993; Диалог со временем. Историки в меняющемся мире / Отв.ред. Л.П.Репина. М., 1996; Одиссей – 1996. М., 1996; Культура и общество в Средние века – ранее Новое время. Методология и методики современных зарубежных исследований / Отв.ред. А.Л.Ястребицкая. М., 1998.

² *Bledstein B. The Culture of Professionalism*. N.Y., 1976; *Cullen J. Structure of Professionalism*. N.Y., 1978; *Educational Research and Development in Britain, 1970-1980 / Ed. L.Cohen et al.* Oxford, 1982; *Perkin H. The Rise of Professional Society: England since 1880*. L.; N.Y., 1989; *Professions in Theory and History. Rethinking the Study of the Professions / Eds. M.Burridge, R.Torsteadahl*. L.; Newbury Park, 1990; *Textual Dynamics of the Professions. Historical and Contemporary Studies of Writing in Professional Communities / Ed. Ch.Bazeman, J.Paradis*. L., 1991; *Rothblatt Sh. The Modern University and Its Discontents*. Cambridge, 1997.

Важное место в формулировании проблем самопознания историографии принадлежит тем работам, в которых освещаются отдельные аспекты складывания истории как дисциплины, процессы профессионализации и создания исторических сообществ в странах Европы и США.³ Особо следует отметить работы тех авторов, которые занимаются изучением современного состояния академических сообществ историков-профессионалов. Проблематика их трудов весьма разнообразна – от обобщения новейших тенденций западной историографии до обзоров конкретных образовательных или научных учреждений и организаций, периодических изданий, архивной и библиотечной служб.⁴

Тема самопознания профессиональной историографии заметно выражена и в работах, содержащих детальный анализ исследовательских областей и концепций современного исторического знания. Авторы – члены академического сообщества историков – в своих рассуждениях наглядно демонстрируют общие ментальные установки профессии.⁵ Прочтение таких текстов позволяет составить живое представление о характере и содержании внутриакадемических дискуссий, о том, каким образом в профессиональном сообществе вырабатывается общность языка, определяются параметры исследовательских областей, обозначаются границы профессионального исторического знания.

Пространства историографии: история концепций – форма интеллектуальной самоорганизации – способ представления знания о прошлом

Образы исторического знания формировались в академическом сообществе историков в соответствии с нормами модернистской парадигмы. Они согласовывались с соответствующей эпистемологией, по-

³ См.: *Fussner F.* The Historical Revolution. L., 1962; *Keylor W.* Academy and Community: The Foundation of the French Historical Profession. Cambridge (Mass.), 1975; *Engel A.* From Clergymen to Don: The Rise of the Academic Profession in Nineteenth Century Oxford, 1983; *Levine Ph.* The Amateur and Professional. Antiquarians, Historians, and Archaeologists in Victorian England, 1838-1886. Cambridge, 1986; *Slee P.* Learning and a Liberal Education. The Study of Modern History in the Universities of Oxford, Cambridge, and Manchester, 1800-1914. Manchester, 1986; *Ringer F.* Fields of Knowledge. French Academic Culture in Comparative Perspective, 1890-1920. Cambridge, 1992.

⁴ *Iggars G.* New Directions in European Historiography. Middletown (Conn.), 1975; *Iggars G.* The Social History of Politics. Critical Perspectives in Historical Writing since 1945. Leamington Spa, 1985; *Foster J., Sheppard J.* British Archives. L., 1983; Development in Modern Historiography / Ed. H.Kozicki. L., 1993; History-Making. The Intellectual and Social Formation of a Discipline / Eds. R.Torstendahl, I.Veit-Brause. Stockholm, 1996.

⁵ См. например: *New Movements in the Study and Teaching of History* / Ed. M.Ballard. L., 1970; *The Past Before Us: Contemporary Historical Writing in the United States* / Ed. M.Kammen. Ithaca; N.Y., 1980; *New Directions in the Study of Foreign Policy* / Ed. Ch.Hermann et al. Boston, 1987; *Riley D.* Am I That Name?: Feminism and the Category of "Women" in History. L., 1988; *Post-Structuralism and the Question of History* / Ed. D.Attridge et al. Cambridge, 1987; *Past the Last Post: Theorizing Post-Colonialism and Post-Modernism* / Eds. I.Adam, H.Tiffin. N.Y., 1991; *Re-Thinking Social History* / Ed. A.Wilson. Manchester, 1993; *New Perspectives on Historical Writing* / Ed. P.Burke. Oxford, 1995.

рядком и смыслом вещей, картиной мира, которая утвердилась в ново-европейской культуре XIX-XX вв. Многолетние споры в сообществе историков о возможности и границах применения к историческому знанию понятия "наука", поиск исторических закономерностей и гипостазирование концептов генерализирующей историографии, равно как событийность индивидуализирующей историографии и ее обращение к уникальному, неповторимому в истории, отнюдь не означали, что между этими представлениями существует непреодолимая пропасть.

Рассуждения о теории и методах исторического познания в конечном счете выстраивались в западном академическом сообществе в каркас конвенционального порядка, предписываемого модернистской парадигмой. В соответствии с ним в историографии предполагался определенный набор подвижных оппозиций: материализм – идеализм, объективизм – субъективизм, генерализация – индивидуализация истории, историография – наука / искусство и пр. Правила, задаваемые этой парадигмой, позволяли определять историю исторического знания как историю мысли в пределах высокой культуры, соотносимую с определенным историческим временем, культурно-историческим пространством и, в конечном счете, с социально-исторической реальностью.

Долгое время история исторического знания изучалась с помощью генетического, сравнительно-исторического, структурного, типологического и других опробованных методов. Исследователь историографического процесса полагал необходимым выявление из текстов источников объективных сведений о возникновении и развитии теорий, методов, концепций, определение сущности мировоззрения историка, направления или школы, к которой его следовало отнести.⁶ Выбор методов и постановка задач оказывались тесно взаимосвязанными. Уточняя, корректируя эту связь, историк очерчивал для себя определенные границы познания этой предметной области и встраивался, таким образом, в сложившуюся историографическую культурную норму.

Ко второй половине XX в. такая познавательная практика была существенно скорректирована введением в историю историографии науковедческого подхода. Исследователи исторического знания в значительной степени усвоили понятийный аппарат и методики анализа из философии и социологии науки 50-70-х гг. (работы П.Фейерабенда, Т.Куна, М.Полани, К.Поппера, И.Лакатоса и др.).⁷ В их лексиконе укорре-

⁶ Это представление об историческом знании остается устойчивым на протяжении XX в. См.: *Vanegas H.A. History of Historical Writing.* Oklahoma City, 1937; *Thompson J. A History of Historical Writing.* 2 vols. N.Y., 1942.; *Essays in Modern Historiography* / Ed. S.Halperin. Chicago, 1970; *Hay D. Annalists and Historians.* L., 1977; *Momigliano A. Essays in Ancient and Modern Historiography.* Oxford, 1977.

Kuhn Th. The Structure of Scientific Revolutions. Chicago, 1962 (рус. пер.: *Кун Т. Структура научных революций.* М., 1975); *Feyerabend P. Against Method.* L., 1988 (*Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки.* М., 1986. С.125-466); *Polanyi M. Personal Knowledge. Towards a Post-Critical Philosophy.* L., 1958 (*Полани М. Личностное знание. На пути к постнеклассической философии.* М., 1985); *Popper K. Criticism and the Growth of Knowledge.* L., 1970 (*Поппер К. Логика*

нились понятия научной парадигмы (с поправкой на специфику исторического знания), научного исторического сообщества, научных коммуникаций. Науковедческий подход позволил увидеть многообразие историографического процесса – его системность, изменчивость, относительность. Он обнаружил значимость специального изучения институциональных и организационных основ исторического знания для понимания способов выработки теорий, методов, установления проблемных полей. В сознании историков произошло усложнение образов профессионального исторического знания. Возникла потребность в детальном описании факторов, которые воздействовали на формирование и функционирование исторического знания: имманентных, обуславливающих строение и внутреннюю логику историографии, и – внешних по отношению к науке, влияющих на ее направления и динамику.⁸

В 70-90-е гг., когда гуманитарии стали специально заниматься изучением свойств профессионального сознания и поведения участников академических сообществ, в содержании историко-историографической проблематики произошел заметный сдвиг.⁹ В среде историков получила распространение идея о важности такой функции академического сообщества, как обеспечение его членам высокого статуса на основе обладания правом занятия избранной профессией. Отсюда – внимание историков к ритуальным и церемониальным аспектам в историографической практике, придающим профессии магические черты в глазах общества. Из социологии науки историками была воспринята идея о том, что коллективные установки профессионального сообщества основываются на обладании символическим капиталом (теория П.Бурдьё) и разделяемом знании.¹⁰ Использование экономических интерпретаций профессионализма, в соответствии с которыми любая профессиональная организация рассматривалась как известное ограничение в рыночных отношениях и монополия на компетенцию, давало историкам возможность по-новому представлять производство профессиональной экспертизы и сущность экспертной власти профессионалов.¹¹ Применение таких подходов к изучению академического исторического сообщ-

и рост научного знания. М., 1983); *Lacatos I. History of Science and its Rational Reconstructions // Boston Studies in the Philosophy of Science / Ed. R.Cohen, R.Buck. Vol.8. 1972. P.174-182 (Лакатос И. История науки и ее рациональные реконструкции // Структура и развитие науки. М., 1978. С.203-269).*

⁸ Это нашло свое выражение в таких работах, как: *New Movements...; Iggers G. New Directions...; International Handbook of Historical Studies. Contemporary Research and Theory / Eds. G.Iggers, H.Parker. Westport (Conn.), 1979; Breisach E. Historiography. Ancient. Medieval and Modern. Chicago; L., 1983.*

⁹ *Larson-Sarfatti M. The Rise of Professionalism: A Sociological Analysis. Berkeley, 1977; Cullen J. Op.cit.; Merton R. Social Research and the Practising Professions. Cambridge (Mass.), 1982; Intellectuals, Universities, and the State in Western Modern Societies / Ed. R.Eyerman et al. Berkeley, 1987; etc.*

¹⁰ См. например: *Bourdieu P., Passeron J.C. Reproduction: in Education, Society and Culture. Beverly Hills, 1970; Bourdieu P. Homo Academicus. P., 1984; The Formation of the Professions: Knowledge, State and Strategy. L., 1990.*

¹¹ *Collins R. The Credential Society. An Historical Sociology of Education and Stratification. N.Y., 1979; The Authority of Experts/ Ed.Th.Haskell. Bloomington, 1984.*

щества позволяло акцентировать внимание на культурной релятивности и конвенциональности базовых установок, ценностей, ориентаций профессионалов.

Процессы, происходившие в академической историографии в последней трети XX в., побуждали к "многомерному" анализу самого феномена исторического знания в контексте академической культуры. Новации в понимании и описании сферы профессиональной историографии в значительной степени связаны с распространением идей М.Фуко, Р.Барта, Ж.Деррида, Г.Гадамера, П.Рикера, Р.Рорти и некоторых других известных европейских и американских интеллектуалов.¹² Намерение изучать способы смыслополагания внутри исторической профессии, процессы производства культурных значений, которые определяют историографическую практику, а также стремление представить академическое сообщество не только в качестве социальной, но и своеобразной когнитивной структуры со своими правилами и процедурами, – все это обуславливало потребность в дальнейшем обновлении методологических приоритетов. Процессы, происходившие в академической историографии в последней трети XX в., побуждали исследователей сосредоточивать внимание именно на познавательных и социокультурных процессах, которые содействовали преобразованию традиционной практики историописания в сложную совокупность дисциплинарных норм и предписаний. Сдвиг в методологии выражался, в частности, в том, что историки начали трактовать академическую историографию как определенный способ представления (репрезентации) знания.¹³

Историки все чаще рассматривали профессиональное историческое знание как открытую, подвижную социокультурную систему, бытование которой во многом определялось согласительными "значениями", обладающими властными функциями. В академической среде складывалось понимание того, что познавательные модели историографии и семантика ее базовых концептов историчны, относительноны, культурно обусловлены. Обнаружилось также, что актуальная практика профес-

¹² Foucault M. Les Mots et les choses. Une archeologie des sciences humaines. P., 1966 (рус.пер. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб., 1994); *Idem.* L'Archeologie du savoir. P., 1969 (рус.пер.: Фуко М. Археология знания. Киев, 1996); Foucault M. Language, Counter-Memory, Practice. N.Y., 1977; Foucault M. Power / Knowledge: Selected Interviews and Other Writings, 1972-1977. N.Y., 1980; Barthes R. The Discourse of History // Structuralism: A Reader / Ed. P.Wexler. L., 1970. P.145-155; *Idem.* The Reality Effect // French Literary Theory Today / Ed. T.Todorov. Cambridge, 1983. P.11-17; (рус.пер. трудов Р.Барта: Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994); Derrida J. Of Grammatology. Baltimore, 1976; Derrida J. The Writing and Difference. Chicago, 1978; Derrida J. Margins of Philosophy. Brighton, 1986; Gadamer H. Truth and Method. N.Y., 1996 (рус.пер. Гадамер Г. Истина и метод. М., 1988); Ricoeur P. De l'interpretation. P., 1965 (см.: П.Рикер. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М., 1995); Rorty R. Philosophy and the Mirror of Nature. Princeton, 1979 (Рорти Р. Философия и зеркало природы. Новосибирск, 1997).

¹³ Об этом подробнее см.: Knowledge and Reflexivity. New Frontiers in the Sociology of Knowledge / Ed. S.Woolgar. L., 1988; Gardner H. The Mind's New Science. A History of the Cognitive Revolution. N.Y., 1989.

сиональной историографии неизбежно включала в себя существенные элементы методологии и концептуальных построений из "прошлой" науки. Это "единство множества" историографического процесса обеспечивалось стабильностью и, одновременно, гибкостью и культурно-исторической релятивностью академических представлений о содержании труда историка-профессионала и его общественных функциях. Совокупность профессиональных предписаний формировала "кластерное" видение объекта историографии – исторической реальности, обуславливала принципиальную общность языка и дискурсивных практик. Коллективные представления профессионалов, определявшиеся предметом исторической дисциплины, распространялись на содержание познавательных процедур в процессе работы с историческими свидетельствами и верификацию результатов исследования.

Воздействие познавательных "поворотов" на самосознание историков

Изучение членами академического сообщества институтов и структуры исторического знания, исследовательских областей, проблемных полей и концептов в связи с нормами и правилами историографической культуры побуждает их все более сосредоточиваться на обсуждении проблем профессиональной самоидентификации. В условиях переопределения оснований модернистской научной и культурной парадигмы историкам становится важно понимать сами способы формирования и закрепления различных образов исторического знания в академической среде, их преемственность и изменения на протяжении XX в. Эти образы – своего рода культурно-исторические образцы познавательных и текстуальных стратегий, профессионализма в точном значении слова. Меняющиеся во времени, они содержат в себе определенные нормативные представления об исторической реальности, источнике, содержании и результатах исследования, способах представления и передачи исторического знания, наконец, – о читателе исторических трудов.

Специфика "содержания формы" профессиональной историографии как открытой нестабильной системы – динамично-изменчивой, культурно-исторически обусловленной – выражает себя через дискретные напряженные состояния, порождаемые многообразными познавательными "поворотами", "кризисами", "разрывами" в общенаучной и гуманитарной познавательной стратегии. В конце 50-х – 60-е гг. ощущение теоретико-методологического кризиса историографии в значительной мере было преодолено "социологическим поворотом" и рождением аналитической "новой исторической науки". Ее формирование в академическом сообществе сопровождалось критическим пересмотром базовых конвенций в профессии, утверждением новых подходов, исследо-

вательских областей, открытием проблемных полей, а также модификациями опыта "нового" социоисторизма.¹⁴

Существенное воздействие на самосознание профессиональной историографии оказал "антропологический поворот", происшедший в западной интеллектуальной практике в 70-80-е гг.¹⁵ Историки в полной мере использовали многообразные познавательные новации структурной и интерпретативной антропологии.¹⁶ Антропологическое понятие культуры как определенного способа целеполагания и коммуникаций, образа жизни на основе разделяемых представлений, символов, ритуалов стало широко применяться историками не только в конкретно-исторических исследованиях, но и для понимания жизни исторической профессии. При этом особое значение имело выяснение властных и символических функций профессиональных правил, образующих академическую общность.¹⁷ Последующие познавательные "повороты" в социально-гуманитарном знании – "лингвистический", "когнитивный" и др. – еще более разнообразили теоретико-методологический, категориальный и концептуальный арсенал западной академической историографии.¹⁸ Постепенно утверждалась мысль о том, что профессиональную историографию можно плодотворно изучать в "текстуальном" контексте, иначе говоря, учитывать, что история как академическая дисциплина включена в систему науки, знания, культуры, социума.

Историография все более представлялась историкам в виде совокупности "культурных практик", природа, содержание и форма которых определяется временем, местом, условиями порождения и закрепления

¹⁴ *Burke P. Sociology and History. L., 1980; People's History and Socialist Theory / Ed. R.Samuel. L., 1981; Stone L. A History of the New History. The Past and Present. Boston, 1981; Perkin H. The Structured Crowd. Essays in English Social History. Sussex, 1981; The New History: The 1980 and beyond. Studies in Interdisciplinary History / Ed. T.Rabb. Princeton, 1982; Reliving the Past. The Worlds of Social History / Ed. O.Zunz. Chapel Hill; L., 1985; Lloyd Chr. Explanation in Social History. Oxford, 1986; Re-Thinking Social History. Manchester, 1993; Репина Л.П. "Новая историческая наука" и социальная история. М., 1998.*

¹⁵ *Geertz C. Local Knowledge. Further Essays in Interpretive Anthropology. N.Y., 1983; Marcus G., Fischer M. Anthropology as Cultural Critique: An Experimental Moment in the Human Sciences. Chicago, 1986.*

¹⁶ *См.: Evans-Pritchard E. Anthropology and History. Manchester, 1970; Macfarlane A. Witchcraft in Tudor and Stuart England. L., 1970; Thomas K. Religion and the Decline of Magic. L., 1971; Idem. Man and the Natural World. L., 1983; Sider G. Culture and Class in Anthropology and History. Cambridge; P., 1986; Burke P. Popular Culture in Early Modern Europe. L., 1975; История ментальностей, историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. М. 1996.*

¹⁷ *См., например: New Directions in American Intellectual History / Eds. J.Higham, P.Conkin. Baltimore. 1979; The Past before Us.; Certeau M. de. Heterologies: Discourse on the Other. Minneapolis. 1986.*

¹⁸ *Textual Strategies: Perspectives in Post-Structuralist Criticism / Ed. J.Harari. Ithaca, 1979; Wallace M. Recent Theories of Narrative. Ithaca, 1986; Gardner H. Op.cit.; The Cognitive Turn: Sociological and Psychological Perspectives on Science / Eds. S.Fuller et al. Dordrecht, 1989; History-Making.; Societies Made Up of History. Essays in Historiography. Intellectual History, Professionalisation, Historical Social Theory, and Proto-Industrialisation / Eds. R.Bjork, K.Molin. Edsbruk, 1996; Аллахвердян А., Мошкова Г., Юревич А., Ярошевский М. Психология науки. М., 1998.*

знания о прошлом. Повышенное внимание к текстуальным стратегиям профессиональной историографии побуждало к специальному изучению способов производства общих культурных значений и их трансформаций в академической практике. Такой подход предполагал осознанный выбор исследователем рабочих дефиниций, культурно-историческое понимание их содержания и границ применения. Изучение взаимозависимости исторического знания и социокультурного контекста, который сам выглядит как текст, содержащий множество смыслов и возможностей истолкования, позволял рассуждать о профессиональной историографии посредством понятий и терминов, используемых в современном гуманитарном дискурсе при характеристике культурно-исторических феноменов. Это, в свою очередь, делало возможным комплексное исследование самого процесса порождения профессионального исторического знания, передачи и изменения его содержания в динамичных институциональных, организационных, социокультурных формах.¹⁹

Каждый новый "поворот" содействовал освоению историками возможностей, которые открывались в методологической сфере, расширению и изменению их представлений о содержании и объеме предметной области, составлявших академическую историю. Многие теоретико-познавательные проекты и модели, составляющие корпус современного социально-гуманитарного знания, оказались востребованы академической историографией.²⁰ По мере их усвоения в историческом сообществе утверждалась мысль о том, что саморепрезентация истории как дисциплины связана с определенными способами производства знания, его институциональными и организационными аспектами, способными проявлять себя в пределах дисциплинарной системы по-разному, в зависимости от социокультурных условий ее бытования.

Облики исторической профессии в XX веке

В процессе становления западного академического сообщества историков во второй половине XIX – XX в. сформировались и утвердили

---

¹⁹ White H. *Metahistory: The Historical Imagination in Nineteenth-Century Europe*. Baltimore, 1973; *Idem*. *Tropics of Discourse: Essays of Cultural Criticism*. Baltimore, 1978; *Idem*. *The Content of the Form. Narrative Discourse and Historical Representation*. Baltimore, 1987; *Ankersmit F.* *Narrative Logic. A Semantic Analysis of the Historian's Language*. The Hague, 1983; *Idem*. *History and Topology: the Rise and Fall of Metaphor*. Berkeley, 1994; *Novick P.* *That Noble Dream. The "Objectivity Question" and the American Historical Profession*. Cambridge; N.Y., 1988; *Knowledges. Historical and Critical Studies in Disciplinarity / Eds. E.Messer-Davidow et al.* Charlottesville; L., 1993; *A New Philosophy of History / Eds. F.Ankersmit, H.Kellner.* L., 1995; etc.

²⁰ *Dijk Teun A. van.* *Text and Context: Explorations in the Semantics and Pragmatics of Discourse*. L., 1977; *Gombrich E.* *Art and Illusion. A Study in the Psychology of Pictorial Representation*. L., 1977; *Lyotard J.-F.* *The Postmodern Condition: A Report on Knowledge*. Minneapolis, 1984; *Eco U.* *The Role of the Reader. Explorations in the Semiotics of Texts*. Bloomington, 1984; *Danto A.* *Narration and Knowledge*. N.Y., 1985; *Hassan I.* *The Postmodernist Turn: Essays in Postmodernist Theory and Culture*. N.Y., 1987.

себя базовые признаки исторической профессии – с присущими ей особенностями понимания предметной области и дисциплинарных границ, упорядоченным набором и последовательностью познавательных процедур, приверженностью социально-научной теории и историческому методу, известной строгостью профессионального языка, определением социальных функций историка.

Эти признаки профессии получили легитимность через академические учреждения и средства научных коммуникаций, которые складывались в общую институциональную систему на протяжении многих десятилетий. Состояние и динамика жизни академического объединения в значительной степени определялись “интертекстуальностью” бытования норм интеллектуального труда, направлений всей исторической профессии. Правила производства исторического знания и его легитимизации внутри профессии, средства “нормализации”, сохранения и передачи его последующим поколениям историков, академическая иерархия, профессиональный контроль и ритуал – все это формировалось в институтах, образующих в совокупности каркас академического исторического сообщества. Вместе с тем, генерация, закрепление и передача исторического знания внутри сообщества и вовне его нередко совершались разными путями и выражали себя в отдельных странах Запада в специфических конкретных формах.

Изменения в институциональной структуре академической историографии происходили на протяжении всего существования исторической профессии. Они во многом обуславливали существо и направления инноваций в историческом знании, содержание коммуникаций внутри академии, равно как и взаимоотношений исторического сообщества с внешним социокультурным миром. Как известно, профессиональное историческое знание на Западе в значительной мере сформировалось в университетских стенах и с помощью университетских преподавателей. Постепенное осознание обществом необходимости подготовки профессиональных кадров историков содействовало укреплению университетов в качестве главных центров исторического знания и основы академического исторического сообщества. Важное место в институциональной системе профессионального знания заняли исторические общества, специализированные научные журналы. Оформление исторической профессии на Западе было тесно связано с реорганизацией учреждений, занимающихся сохранением и использованием исторических свидетельств – библиотек, архивов, музеев. Во второй половине XX в. профессиональная историография представляла собой высоко организованную институционализированную систему. Такая система основывалась на определенных правилах порождения, закрепления, сохранения и передачи исторического знания, когнитивном и функциональном порядке, отношениях академической иерархии и конвенции.

Определенный парадокс заключается в том, что западные университеты (с их факультетами, департаментами, кафедрами, семинарами), а также учебно-научные институты, центры, специализированные об-

щества и журналы — на протяжении XX в. выступали для профессиональной историографии одновременно в двух, на первый взгляд оппозиционных друг другу ролях. Соединяя интеллектуальные силы в профессию, академические учреждения содействовали преодолению любительства, глубокому и всестороннему изучению исторического прошлого, производству научного исторического знания и его обогащению. В своем намерении изжить черты и свойства любительского историописания, ранние профессионалы стремились последовательно придерживаться правил и предписаний формировавшегося исторического сообщества. Повышенная строгость к самим себе побуждала их с осторожностью относиться к нововведениям в историографии, прежде всего к тем, которые, как казалось, не проясняли, а, наоборот, затуманивали предмет исторической науки, размывали его очертания.

В процессе складывания исторической профессии утверждалась автономность историографии от других областей социально-гуманитарного знания и одновременно формировалась идентичность ее базовых академических характеристик. Оформление профессионального исторического знания сопровождалось разделением “сфер влияния” с литературой, политической наукой, социологией, антропологией и выражало себя в рационализации исследовательских практик и технологий. Вместе с тем, по мере “дисциплинизации” истории и складывания внутри профессионального сообщества основ академической культуры (интерсубъектной, конвенциональной, властной), образовательно-научные учреждения и средства научных коммуникаций все более обнаруживали базовое свойство устанавливать определенные ограничения в процессах исторического познания, оформления и передачи исторического знания. Характер таких ограничений обуславливался констатацией особенности, автономности, уникальности самого исторического способа мышления, возвышением значимости общего исторического (научного) метода, а также необходимостью выработки, а затем, и поддержания, четких принципов объединения историков в профессию.

Установление “презумпции единства” внутри профессии (по выражению А.Мегилла) способствовало укоренению в сообществе коллективных представлений о научной теории, методологическом инструментарии, языке исторических исследований и ритуале научного общения. В самосознании современных историков имплицитно присутствует понимание того, что в ходе профессионализации историописание оказалось подчинено строгому режиму процедур, применяемых для изучения прошлого. Введение историографии в параметры дисциплины означало установление ее границ, равно как норм, предписаний для научного сообщества. Сама предметная область истории оформлялась, подчиняясь, в конечном счете, логике дисциплинарности.

“Дисциплинизация” истории имела также внешний, социокультурный выход, поскольку профессиональная историография оказалась способна не только контролировать способы порождения и фиксации знания внутри профессии, но и выполнять корректирующие функции в общест-

ве, закрепляя определенным образом формы публичной памяти. Она содействовала стабилизации (или, в зависимости от обстоятельств, разрушению) индивидуальных и общественных исторических представлений, могла определять их отбор и направление.²¹

В процессе формирования структурных частей исторического знания и его содержательных модификаций вырисовывались "национальные" особенности историографий Германии, Франции, Великобритании, Италии, США, других стран Запада. В то же время, несмотря на увеличение объема исторического знания, многообразие специализированных профессионально-образовательных программ, члены исторических сообществ неизменно декларировали приверженность либерально-гуманитарным ценностям в интеллектуальном труде. Все это, в конечном счете, согласовывалось с утверждением идеи о том, что западное академическое сообщество призвано выполнять общую задачу в рамках единого большого "проекта" – созидать научную историографию.²² Современная профессиональная историография неизменно отстаивает статус научной дисциплины, со своей идентичностью и автономией в системе гуманитарных дисциплин. Более того, сама академическая практика историков оказывается способна поддерживать этот статус и контролировать профессиональную идентичность. Не случайно внутри сообщества поддерживается образ историографии как настоящей науки – "равной" с прочими, но "другой".

Диверсификация исторического знания в субдисциплины – политическая, экономическая, социальная, культурная история – с их сложными внешними и внутренними взаимосвязями и взаимозависимостями, не только не опровергала, но, наоборот, подчеркивала его нормативность. "Нормальное" состояние исторической профессии задавалось и присущей ей гетерогенностью – сосуществованием в рамках академического сообщества историков, которые идентифицировали себя с разными методологическими, идейно-политическими, социальными, половозрастными и прочими группировками.

Разрастание и обогащение структуры исторического знания в последней четверти XX в. обусловило усложнение внутривнутридисциплинарных отношений между отдельными его частями. Исторические субдисциплины переживали состояние качественного переопределения в связи с тем, что члены исторического сообщества живо воспринимали познавательные "повороты" в социально-гуманитарном знании. Переопределение содержания исследовательских направлений и проблемных полей, которое происходило в "новой" экономической, социальной, политической историографии, обуславливало переконцептуализацию, переос-

²¹ См.: *Veit-Brause I. The Disciplining of History. Perspectives on a Configurational Analysis of Its Disciplinary History // History-Making... p.7-29; Sarfatti-Larson M. Reflections on the Precarious Orders // Societies Made Up of History... p.111-130.*

²² См.: *Textual Dynamics of the Professions...; Development in Modern Historiography...; Megill A. "Grand Narrative" and the Discipline of History // A New Philosophy of History / Eds. F.Ankersmit, H.Kellner. L., 1995. С.151-173.*

мысление семантики категорий и понятий исторической науки, вытеснение и замещение "старых" концептов "новыми" словами. В конце 80-90-е гг. конкретная историографическая практика историков сделала еще более "прозрачными" границы между академическими субдисциплинами.²³

В поле многосоставных субдисциплин стихийно втягивались исследовательские области из искусствоведения (истории искусств), литературной критики (филологических исследований и истории литературы), философии (истории философии), психологии (истории психологии), науковедения (истории науки). В большой степени эта близость задавалась сохранением общей историцистской ориентации дисциплин социально-гуманитарного знания, которая утвердилась еще в XIX в.; в период господства научно-исторического метода и его модификаций – генетической, компаративной, типологической. В процессе дисциплинарного переопределения возникли гибридные и смешанные предметные области, для которых не всегда и не сразу находились названия. Ведущие субдисциплины, остро ощущая их конкуренцию (в выборе подходов, языка, проблемных полей), вынуждены были, тем не менее, сосуществовать с ними в новом дисциплинарном конгломерате. В соответствии с институциональными и организационными предписаниями исторической профессии отношения между "старыми" и "новыми" частями исторического знания должны были строиться по "концертному" принципу. Однако на практике происходил постепенный сдвиг в пользу принятия теоретико-методологических новаций (средствами частичной адаптации и пр.).

Профессиональная историография как интеллектуальная практика

Укрепление в гуманитарной среде антиобъективистских и релятивистских воззрений на науку в целом и историческую науку в отдельности, вхождение в историографию новых теорий – информационной, литературной, гендерной, постколониальной и пр., познавательных приемов из постструктурализма и деконструктивизма, других "внедисциплинарных" новаций, – все это заметно усилило явления эпистемологической неопределенности и социокультурной разнородности в академическом сообществе. В процессе длительных дискуссий в западных академических журналах и на международных симпозиумах были актуализированы такие фундаментальные темы, как содержание исторической реальности и его соотношение с текстом историка, роль литературной теории и художественного способа познания в исторической науке, авторская индивидуальность в "интертекстуальном" пространстве профессио-

²³ Проблемы переосмысления "дисциплинарного порядка" в социально-гуманитарном знании специально рассматриваются в работах: Knowledge and Reflexivity.; Knowledges.; The New Production of Knowledge: The Dynamics of Science and Research in Contemporary Societies. L.; Thousand Oaks, 1994.

нальной историографии и др.²⁴ Внешне это выглядело как новый кризис научной рациональности и угроза профессионализму.

Сдвиги в историографической культуре в связи с изменениями общенаучной и культурной парадигмы обнаружили значимость обсуждения проблем адаптации исторического сообщества к "постмодернистскому состоянию" и потребность защиты историками своей профессии от постмодернистских влияний.²⁵ Защита исторической профессии от эпистемологического релятивизма осуществлялась на теоретическом и конкретно-практическом уровнях. Тем не менее, к концу XX в. в профессиональной историографии произошло частичное принятие общенаучных новаций, а также "присвоение" важных элементов, которые входили в историческое сообщество из сопредельных областей социального и гуманитарного знания и даже из внедисциплинарной сферы. При этом историческая профессия сумела во многом сохранить верность историографической традиции, устоям объективизма и социально-научным правилам западного академического сообщества.²⁶

Усвоение современной историографией отдельных приемов и находок антиобъективистской "новой интеллектуальной истории" и "новой философии истории", повышение внимания к семантике базовых понятий и концептов, отрефлексированное стремление академических историков вернуться к написанию чисто событийной истории не изменило главного в их суждениях – представления о тексте нарратива как выражении исторической реальности (опосредованном познавательной деятельностью субъекта, неполном, в большей или меньшей степени приближенном к тому, как это было). По-прежнему академическое сообщество не стремится к проблематизации тем, которые заявлены дискуссионными в работах антиобъективистских реформаторов историографии: границы интерпретации источника текста, основания и крите-

²⁴ The Writing of History, Literary Form and Historical Understanding / Eds. R.Canary, H.Kozicki. Madison; L., 1982; *La Capra D. History and Criticism*. Ithaca; L., 1985; *White H. Content of the Form.; Knowing and Telling History: The Anglo-Saxon Debate / Ed. F.Ankersmit // History and Theory*. Beiheft 25. 1986. №4; *Ankersmit F. The Reality Effect in the Writing of History*. Amsterdam; N.Y., 1989; *Novick P. Op.cit.; Gossman L. Between History and Literature*. Cambridge (Mass.), 1990; *Bann S. The Inventions of History: Essays on the Representation of the Past*. Manchester, 1990; *Rethinking Objectivity / Ed. A.Megill*. Durham, 1994; *Berkhofer R. Beyond the Great Story: History as Text and Discourse*. Cambridge (Mass.), 1995; *Hunt L., Appleby J., Jacob M. Op.cit.; A New Philosophy of History...*; etc. См. об этом: *Зверева Г.И. Историческое знание в контексте культуры конца XX века: проблема преодоления власти модернистской парадигмы // Гуманитарные науки и новые информационные технологии*. М., 1994. Вып.2. С.127-142; *Зверева Г.И. Реальность и исторический нарратив: проблемы саморефлексии новой интеллектуальной истории // Одиссей-1996*. М., 1996. С.11-24; *Релина Л.П. Вызов постмодернизма и перспективы новой культурной и новой интеллектуальной истории // Там же*, с.25-38.

²⁵ См. например: *Elton G. Return to Essentials...*; *Marwick A. "A Fetishism of Documents"? The Saliency of Source-based History // Development in Modern Historiography...*

²⁶ См.: *New Perspectives...*; *Iggers G. Historiography in the Twentieth Century. From Scientific Objectivity to the Postmodern Challenge*. Hanover, 1997.

рии отбора слов-концептов для историографического дискурса и их легитимизация в профессиональном сообществе. В значительной степени вне рефлексии академических историков остается и такой герменевтический тезис новаторов как “культурный перевод” историком слов из одного “режима истины” (исторического источника) в “другой режим” (исторический нарратив), посредством которого формируется образ реальности.

Защищая укоренившееся понимание природы исторического знания, академические историки нередко упрекают своих новых оппонентов в разрушении основ профессии. За этим упреком стоит невысказанный, но подразумеваемый вопрос: возможно ли написать историю профессионально на новых теоретико-познавательных основаниях. Между тем, для “новаторов”-антиобъективистов, как правило, не существует привычного деления истории на политическую, экономическую, социальную, культурную и пр. История (отличаемая от прошлого) в их понимании может быть представлена историком лишь как историография-историописание, исторический (гуманитарный) дискурс. История, выражаемая посредством историописания, выглядит как интеллектуальная в точном значении слова, как рассуждение, выполняемое по определенным правилам, задаваемым исторической профессией и жанром исторического нарратива (в отличие от литературного произведения, обладающего своими жанровыми предписаниями, параметрами и атрибутами). Именно следование этим правилам – корректно сформулированной теории, методу и концепции, строгому языку – придает историческому нарративу свойства intersубъективности и предопределяет направление поиска истины.

Как ни парадоксально, но при явной несовместимости воззрений академических “модернистских” историков и реформаторов исторической профессии на проблемы взаимодействия историка и прошлого, соотношения интеллектуального труда историка и результата исторического исследования, запечатленного в тексте исторического нарратива, их суждения оказываются близки друг другу. Так, определенное сходство позиций обнаруживается в характеристике формальных основ исторической профессии и указании на нормативность языка, которая определяет сущностные свойства исторического нарратива.

Внимание к когнитивным, институциональным и социокультурным установкам, которые вырабатываются внутри дисциплины, открывает историкам новые пути понимания самого феномена современной исторической профессии. Изучение “интеллектуального измерения” исторического сообщества, особенностей самосознания историков в контексте меняющейся академической культуры дает основание полагать, что проблемы личностной и групповой идентификации (идейно-политической, социально-культурной, ментальной) внутри этого сообщества во многом определяют облик профессиональной историографии – выбор тех или иных методологических, языковых и концептуальных приорите-

тов, приверженность разработке определенных исследовательских областей и проблемных полей, формы научных коммуникаций.

Репрезентация феномена профессионального исторического знания в XX в. во взаимосвязи с научными нормами и правилами, которые сложились в мировом академическом сообществе, позволяет по-новому осмыслить направления и средства взаимодействия отдельной национальной историографии, с присущими ей особенностями морфологии и динамики, и современной западной академии, с ее общими властными предписаниями профессии. В "национальной" историографической практике постоянно дает о себе знать адаптационный элемент – сложные заимствования, приспособления и творческая переработка теоретико-методологических и конкретно-исследовательских новаций, порождаемых академическими сообществами разных стран в разное время. Повышенная критическая саморефлексия, в большинстве своем свойственная современным историкам, побуждает их в конкретной исследовательской работе делать осознанный выбор той или иной познавательной и текстуальной стратегии, уделять повышенное внимание семантике концептов, составляющих каркас авторской интерпретации темы, и стилистике научного письма.

При исследовании сущностной трансформации самосознания исторической науки XX в. в нем обнаруживается сдвиг от предпочтения репродуктивной функции исторического знания ("история как таковая", "история ради нее самой") к возвышению роли согласительных дискурсивных практик и релятивных культурных значений, констатации значимости в историографии конвенциональных познавательных и текстуальных стратегий. Вместе с тем, обладая внешней устойчивостью и приверженностью "дисциплинарному порядку", академическое сообщество историков как подвижная социокультурная система, органично включает в себя нестабильные состояния, внедисциплинарные влияния и возможности качественных преобразований.

Обращение современных историков к изучению собственного интеллектуального опыта – организационных и методологических поисков, разработки новых исследовательских областей и проблемных полей, творческой работы над языком профессии, трудностей личностной и групповой идентификации в условиях постоянного изменения и обновления академической культуры, сложностей внутрикорпоративного и междисциплинарного общения – позволяет говорить об фундаментальности и внутренней устойчивости профессиональной историографии, ее способности к критической саморефлексии и известной открытости. Органичная включенность сообщества историков в современную профессиональную культуру и, вместе с тем, сохранение собственных представлений о содержании и направлениях исследовательской работы свидетельствуют о том, что в самом феномене академического профессионализма содержится значительный потенциал возможностей для интеллектуальной самореализации творческой личности.

Е.Б. Рубинштейн (Казахстан)

**Роберт Дарнтон:
"интеллектуальная история снизу"**

Уже тридцать лет имя Роберта Дарнтона находится в центре дискуссий об эпохе Просвещения. Его творчество – перу Дарнтона принадлежит двенадцать книг и свыше ста двадцати статей – вызывает жаростные споры: "постмодернист", "популист", "антиэлитист", "манускриптный сноб" и даже "маскулинист" – это только часть высказанных в его адрес эпитетов. Кульминацией попыток разобраться, к какому из направлений современной историографии отнести Дарнтон, стала книга "Спор о Дарнтоне", вышедшая в 1998 г. и представляющая статьи ведущих историков – Д.Попкина, Д.Гордона, Э.Эйзенштейн и др. В ней Дарнтон обвинили в стремлении "обойти" или преуменьшить значение Просвещения, или даже найти некую альтернативу ему. Поэтому, в заключении, сам герой столь горячей дискуссии попытался еще раз обозначить свою позицию.¹

Роберт Чэт Дарнтон родился 10 мая 1939 г. в Нью-Йорке в семье журналистов, эмигрантов первого поколения. Со стороны отца – он потомок ирландцев, со стороны матери – англичанин. Его отец, Байрон Дарнтон родился в штате Мичиган, а мать, Элеонора Чэт – в Филадельфии. В годы второй мировой войны Байрон Дарнтон был военным корреспондентом, и в 1942 г., когда его сыну исполнилось три года, трагически и нелепо погиб от шальной пули, случайно выпущенной американским солдатом в Новой Гвинее. "В своем воображении я представлял, что сам Гитлер убивал моего отца, и в своих фантазиях я видел его, пришедшим забрать меня. Он обычно появлялся через окно с ножом в зубах. До сих пор меня преследуют нацистские кошмары..."² Эта трагедия стала решающей в становлении системы ценностей и жизненных ориентиров Роберта Дарнтон, его неприятия насилия вообще и фашизма и тоталитаризма, в частности.

После потери отца долгое время семья жила в крайне стесненных материальных условиях. Элеонора Дарнтон пыталась предпринять издание собственного журнала, но, увы, неудачно. Это раннее приобщение к издательской деятельности через семью также сказалось впоследствии на выборе тем исследования, определив тот ракурс, под которым будет трактоваться проблема литературного труда: возможно ли жить только литературным заработком, сочетая высокие идеалы и принципы с обеспечением хлебом насущным. Сам Роберт, уже посту-

---

¹ The Darnton Debate. Oxford, 1998.

² Darnton R. Berlin journal. 1989-1990. N.Y., 1991. P.34.

пив в Гарвардский университет, а потом продолжая образование в Оксфорде, был вынужден работать все летние каникулы репортером в газете. Сначала это была "Newark Star Ledger" – Дарнтон в эссе "Журнализм: все новости, которые годятся, мы печатаем" описал свой первый день и последующие, когда он был оставлен, фактически в качестве мальчика на побегушках. Нередко ему приходилось часами читать вслух "газетные простыни" – сводки уголовной хроники, в то время как ветераны-журналисты играли в покер и выискивали в этом чтении сюжеты для своих будущих репортажей.³ В дальнейшем он работал уже в "Нью-Йорк Таймс", своего рода корреспондентом в Оксфорде и Лондоне. Так перед Дарнтоном открылись две дороги – он стоял на перепутье, стать профессиональным историком или журналистом? Уже защитив в Оксфорде докторскую диссертацию в 1964 г., он все-таки решил этот вопрос в пользу журналистики, но через три месяца понял, что не может без истории и преподавания. Так был сделан окончательный выбор жизненного пути.⁴

Все испытанное Дарнтоном в жизни предопределило его интерес к тем группам населения, которые принято называть "маргинальными", и особенно к "интеллектуальным маргиналам", интеллектуальному андеграунду Старого режима во Франции, открытие которого и принесло ему первую известность в мире исторической науки. Хотя первоначально он занимался американской историей, прекрасное знание – еще со школьной скамьи – французского языка позволило ему "последовать" за Томасом Джефферсоном в предреволюционный Париж и там открыть для себя совершенно захватившую его тему. Он обнаружил странную группу французских интеллектуалов, помешанных на культе Америки. Так родилась тема его докторской диссертации "Радикальные течения в публицистике предреволюционного десятилетия". В Оксфорде ему повезло встретиться с крупнейшими специалистами и знатоками эпохи Просвещения Исайей Берлиным, Франко Вентури, а также Робертом Шеклтоном, который стал его научным руководителем и сыграл огромную роль в его судьбе. Эти люди стояли у истоков Международного общества по изучению XVIII века. Шеклтон впоследствии избранный его президентом, привлек Дарнтон к активной работе в нем.

Р.Дарнтон начинал свое исследование общественного мнения накануне революции в период увлечения социальной историей и "историей снизу". Он с самого начала ставил целью показать *историю идей снизу*, отойти от великих и общепризнанных имен эпохи Просвещения и открыть *terra incognita* литературного дна. Вплотную занявшись памфлетной литературой, он обнаружил то, что назвал "конфликтом поколений", критику молодыми неудовлетворенными литераторами, вчерашними провинциалами, признанных властителей дум, обосновав-

³ The Kiss of Lamourette. Reflections in Cultural History. N.Y., 1990. P.84-86.

⁴ Эти сведения и другая информация получены автором в личной беседе с Р.Дарнтоном в Принстоне в октябре 1998 г.

шихся в "Комеди Франсез", Академии и других корпоративных и закрытых для неизбранных культурных институтов Старого режима.

"Сосредоточившись на конфликте поколений и... исследовании карьер, я пытался развить социальную историю идей... Это было то, что впоследствии французы назовут "коллективной ментальностью". Но в 1960 г., когда я впервые соприкоснулся с предметом, это еще не имело имени. Чуткое ухо улавливало эхо Дюркгейма... Я столкнулся только со странным культурным тоном: гнев, страсть, бешеная ненависть к институтам типа Французской академии и факультету медицины. Эти эмоции значили много для Бриссо и Марата, но они не имели смысла для меня. Я представлял, что радикалы должны были бы направить свой гнев прямо на правительство. Но "тирания" и "аристократия", которую они обличали в своих предреволюционных памфлетах, казалось, существовали непосредственно в мире культуры. Что-то бурлило на дне литературного мира. И, приняв себя, я смог уловить этот запах, и я выдвинул тезис: революционные страсти были вскормлены низшей жизнью в литературе, люди, которые вынесли все тяготы на дне иерархии... в результате стечения обстоятельств сыграли ведущие роли в революции".⁵

Сейчас, спустя 26 лет, с точки зрения умудренного опытом историка, этот тезис выглядит подозрительно просто. Вернувшись в Гарвард в 1967 г., Дарнтон пережил увлечение фрейдистскими интерпретациями и психоисторией в семинаре Эрика Эриксона. Но этот путь перестал казаться перспективным, и он предпочел ему семиотику, плодотворность которой, по его мнению, блестяще продемонстрировали труды Ю.Лотмана и Б.Успенского, сами берущие начало от Бурхардта и Хейзинги.⁶ Все "психологические" изыскания нашли выражение в его первой монографии, посвященной памяти родителей, "Месмеризм и конец эпохи Просвещения во Франции".⁷

Одним из героев диссертации Дарнтон был Бриссо. Стремясь написать его предреволюционную биографию, историк обратился к переписке будущего революционера с издателем и открыл богатейший, прежде никем не исследованный уникальный исторический источник – архивы Топографического Общества Навшателя (STN) в Швейцарии, содержащие 50 тысяч писем из переписки между издателями и продавцами, а также бухгалтерские отчеты. Этот необычный источник открыл перед ним заманчивую перспективу: показать социальную историю идей в новом ракурсе: уже десятки книг были написаны об идеях Вольтера, Руссо, энциклопедистов, но вопрос, как они проникали в общество, как и кем распространялись книги этих авторов, оставался открытым. Бизнес, по его глубочайшему убеждению, такое же интеллектуальное занятие, как и литература и наука. Исследуя деятельность швейцарских издателей Освальда и Бертрана, он открывал для себя мир невероятной сложности. Так родился замысел трилогии по истории

⁵ *Darnton R. Two paths through the social history of ideas // The Darnton Debate. P.252.*

⁶ *Ibidem.*

⁷ *Darnton R. Mesmerism and the End of the Enlightenment in France. Cambridge (MA), 1968.*

издательского дела и книжной торговли во Франции XVIII в. На первую ее часть, посвященную истории издания знаменитой *Энциклопедии*, у Дарнтона ушло десять лет. Она была опубликована в 1978 г.⁸

Когда Элизабет Эйзенштейн в своем эссе на страницах "Спора о Дарнтоне", обвинила его в антиинтеллектуализме из-за пренебрежения самими идеями энциклопедистов, Дарнтон ответил, что сделал это совершенно сознательно: "Никто ничего не знал о самом издании *Энциклопедии*, сколько копий существует, какова их цена, и кто покупал их. Фактически никто не знал ничего о способах, которыми издатели делали свой бизнес в эпоху Просвещения. Когда я обнаружил тысячи документов *in-quarto* и *in-octavo* изданий энциклопедии... я решил писать историю издательского дела и трактовать издательство как бизнес".⁹

Дарнтон начал исследовать во всех деталях сам процесс производства: какая использовалась бумага, как набирались рабочие, какими были печатные станки, как переплетались книги и как удовлетворялся читательский спрос по всей Европе. Дополнительная информация из навшательского архива позволила проследить распространение *Энциклопедии* в эпоху революции и наполеоновских войн. Не отрицая необходимости изучения взглядов издателей и уровня их образования, Дарнтон все же предпочитает ставить и решать иные вопросы, а именно: как издатели вели себя в качестве предпринимателей, как они удовлетворяли спрос и предложение, в какой степени их собственные идеи и вкусы искажали их видение рынка или влияли на их роль как культурных посредников. Бумаги Топографического общества оказались достаточно богаты, чтобы ответить на эти вопросы. Книгопродавцы докладывали о предложениях своих читателей в тысячах писем, по которым можно проследить систему спроса и предложения: издатели *STN* создали то, что, по мнению Дарнтона, можно было бы назвать исследованием рынка. Сообщения агентов, которые объезжали книжные лавки по всей Франции, дают богатейший материал для этого.

"Проблема, как я ее понимаю, не в том, чтобы набросать общий интеллектуальный портрет издателя, хотя и это может быть полезно, но понять путь, которым он мыслит, когда делает свой бизнес".¹⁰ По мнению историка, это требует большего, чем обычные методы интеллектуальной истории, — чего-то близкого к этнографии. "Нам необходима *интеллектуальная история не-интеллектуалов* (курсив мой — Е.Р.): это означает изучение путей, которыми они мыслили и осмыслили мир, даже пытаясь делать деньги. Если это и звучит как антиинтеллектуализм для некоторых историков идей, я надеюсь, это не бессмысленно".¹¹

⁸ *Darnton R. The Business of Enlightenment: a Publishing History of the Encyclopedie, 1775-1800. Cambridge (MA), 1979.*

⁹ *Darnton R. Two paths...*, p.281.

¹⁰ *Ibid.*, p.283.

¹¹ *Ibid.*, p.285.

Отвечая на эти вопросы, Дарнтон делает интересный и парадоксальный вывод о том, как изменилась эта предпринимательская деятельность в годы революции, когда издатели столкнулись с резким изменением читательских вкусов и соответственно спроса. С прежними философскими бестселлерами эпохи Просвещения, последним образцом которых является *Энциклопедия*, начинает соперничать политическая публицистика Камилла Демулена, Марата, Эбера и других властителей дум нового времени. Дарнтон описывает и объясняет растерянность издателей, убедившихся в негодности прежних методов работы. В разделе "Культурная революция" он утверждает, что хотя *Энциклопедия* и явилась признанным бестселлером предреволюционной Франции, но этот факт ни в коей мере не предлагает легких ответов на вопрос об идейных истоках Великой французской революции¹². Хотя Панкук, издатель *Энциклопедии*, в те годы, горячо приветствовал революцию, очень скоро после падения Бастилии он отчетливо осознал опасность, грозящую его любимому детищу. В 1790 г. наступает конец всем его приглашениям с авторами, издателями и подписчиками, а к 1794 г. он оказался просто на грани банкротства и в состоянии сильнейшей нервной депрессии. Конечно, его личная судьба никоим образом не может отождествляться с судьбой *Энциклопедии*, но она очень точно отражает подспудный процесс – фундаментальные изменения в роли печатного слова, оказавшего глубочайшее воздействие на *Энциклопедию* и революцию в целом.

После падения Бастилии правительство стало применять совершенно иные методы контроля над печатным словом. В период "старого режима" издатели и книгопродавцы были объединены в некое подобие гильдии с исключительным правом издания и продажи книг. Историки, по мнению Дарнтона, слишком увлекаясь политикой, никогда не обращали должного внимания на революцию в печати.

Основная проблема Панкука, как он ее описал в 1791 г., состояла в том, что он планировал издание своих книг в системе, которая полностью оказалась разрушенной. С точки зрения нового поколения журналистов – Мирабо, Бриссо, Демулена, Эбера, – он представлял некую специфическую разновидность аристократа – барона прессы¹³. Панкук не приветствовал революцию как возможность для неограниченной свободы торговли на литературном рынке. Он требовал ограничения, так как принадлежал целиком и полностью к старой корпоративной культуре, разрушенной революцией – к культуре гильдий, академий и всех привилегированных групп, которые доминировали в искусстве, музыке, архитектуре, драме, науке и литературе. Панкук научился жить в системе привилегий, обращать ее себе на пользу, используя влияние и манипулируя покровителями в мире, который рухнул в 1789 г. Он при-

¹² Darnton R. The Business..., p.539.

¹³ Ibid., p.543.

звал к возврату старых форм, не вынеся конкуренции с политической журналистикой.

"Революция уничтожила привилегии, фундаментальные традиции Старого режима, и затем создала новые порядки на основе свободы и равенства. Эти абстракции могут представляться пустыми сегодня, но они были полны значения для революционного поколения французов. История *Энциклопедии* показывает, как они самовыражались в прессе, размещались в истории и приспособлялись к новому видению мира"¹⁴.

Одновременно с началом работы над архивами STN, Дарнтон знакомится с человеком, чьи взгляды оказали огромное влияние на его последующее творчество. С 1972 г. он начинает вести в Принстонском университете совместный семинар по истории с Клиффордом Гирцем. По его собственному признанию, именно у него он почерпнул все свои познания в антропологии и научился использовать антропологические методы в историческом исследовании. Результатом этого семинара и сотрудничества явилась самая шумевшая книга Дарнтонна "Великая резня котов и другие эпизоды французской культурной истории"¹⁵, в которой он поставил ряд провокационных вопросов, способствующих, по его мнению, выявлению общего культурного кода. Почему подмастерья парижской типографии, повесив всех котов в округе, потом раз двадцать представляли это действие в пантомиме, покатываясь со смеху? Почему в народной версии сказки о Красной шапочке XVIII в. волк в конце съедает девочку? Как читатели Руссо пытались строить свою жизнь в соответствии с его философией? Дарнтон утверждает, что здесь он исследует способы мышления во Франции XVIII в. Во Введении он предваряет возможные вопросы скептиков о применении антропологических методов к материалам французских архивов XVIII в. "Такое чтение пронизывает все главы, так как один "читает" ритуал или город так, как другой может прочесть сказку или философский текст"¹⁶. Дарнтон попытался избежать обычного противопоставления элитарной и массовой культуры и показал, как интеллектуалы и простые люди справляются с одними и теми же проблемами.

Провокационные вопросы Дарнтонна вызвали ожесточенную полемику на страницах научных журналов Европы и Америки. Первым выступил Роже Шартье, утверждавший, что книга Дарнтонна переполнена неверно понятыми символами, что каждый символ имеет строго определенное значение, например, "лев является олицетворением храбрости, как говорят энциклопедические словари XVIII в."¹⁷ Дарнтон ответил

¹⁴ Ibid., p. 545.

¹⁵ *Darnton R. The Great Cat Massacre and Other Episodes in French Cultural History.* N.Y., 1984.

¹⁶ Ibid., p. 5.

¹⁷ *Chartier R. Text, Symbols and Frenchness // Journal of Modern History.* № 57. 1985. P.682-695; *La Capra D. Chartier, Darnton and the Great Symbol Massacre; Fernandes J. Historian Tells Tales of Cartesian Cats and Gallic Cockfights // Journal of Modern History.* № 60. 1988. P.95-127.

блестящей статьей на страницах того же журнала "Journal of Modern History". Позднее она была под названием "История и антропология" напечатана в собрании эссе "Поцелуй Ламоретто".

Историк убедительно утверждает свое понимание символа и ритуального действия. Он справедливо указывает на нелепость предположения, что вращающиеся в парижских салонах, утонченные авторы могут служить "естественными информаторами" о тех символах, которые приняты в среде далеких от литературы рабочих людей. Приводя примеры из этнографии и антропологии и ссылаясь на многочисленные работы, Дарнтон, показывает, "что символы несут множество значений, и значение понимается по-разному разными людьми"¹⁸. Антропологи иногда впадают в формализм, признает Дарнтон, но когда диаграмма сочетается с этнографическим материалом, мы извлекаем урок, видя, что символы "работают" не из-за какой-то своей метафизической власти, но в силу занимаемой ими позиции в культурной раме. Хозяйская кошка имела огромную "ритуальную ценность" в контексте растущей враждебности между рабочими и хозяевами. Воспоминания бывшего подмастерья, который и рассказывает об этом эпизоде, начинаются с жалобы об ушедшем золотом веке, когда рабочие и хозяева выполняли одинаковую работу, разделяли помещение и пищу. Олицетворением наступления новых времен и буржуазного уклада, навсегда разделившего хозяев и рабочих, явились домашние коты, занявшие вблизи хозяев то место, которое принадлежало ранее подмастерьям. Поэтому убийство хозяйской кошки носит ритуальный характер, символизируя возвращение на круги своя перевернутого вверх тормашками мира.

Начиная с 80-х гг., Дарнтон входит в соприкосновение с новым для себя культурным миром Восточной Европы. В мае 1981 г. он посещает Польшу в самый разгар борьбы Солидарности с правительством. Здесь, по его собственному признанию, он испытывает эмоциональный шок от понимания истории рабочими Гданьска. Он заявляет: "Историки последних поколений "Анналов" с презрением отвернулись от событийной истории. Но попробуйте сказать докеру из Солидарности, что даты не имеют значения и события тривиальны"¹⁹. Надпись на могиле солдата в Варшавской церкви: Катень, 1940. Для поляков даты 1940 и 1941 – вопрос жизни и смерти. Согласно официальной историографии того периода, убийство в Катени – дело рук фашистской Германии. Согласно неофициальной версии, резня произошла на год раньше, и это плоды сталинизма. Столкновение официальной и подпольной версий истории событий в Восточной Европе оказало влияние на Дарнтон в его исследовании культурного андеграунда Старого режима во Франции и запрещенных бестселлеров той эпохи. Во Введении к своей книге, говоря об актуальности темы, он даже вводит термин самиздат и тамиздат²⁰.

¹⁸ Damton R. The Kiss of Lamouretto..., p.330.

¹⁹ Ibid., p.XX.

²⁰ Damton R. The Literary Underground of the Old Regime. Cambridge (MA). 1982. P.V.

В 1987 г. Дарнтон избирают председателем Международного общества по изучению XVIII века на VIII конгрессе по Просвещению, который впервые за всю историю существования этого общества собрался в социалистической стране, в Будапеште. В новом качестве Дарнтон стремится укрепить культурные связи и обмен идеями между Западом и Востоком. Благодаря его неустанным усилиям и способностям организатора, создаются новые формы сотрудничества – семинар Восток – Запад, финансируемый фондом Эндрю Меллона. Целью его являлось объединение молодых ученых, посвятивших себя изучению XVIII века: по 10 человек с Запада и Востока. Под руководством Дарнтон этот семинар работал с 1989 по 1995 г. в европейских городах – Берлин, Париж, Оксфорд, Неаполь, Мюнстер и др. На обсуждение выносились такие темы, как "идеи в социальном контексте", "веротерпимость в XVIII в." и др. Каждый участник семинара, пройдя конкурс, должен был представить оригинальную работу по теме объемом 20 страниц на английском или французском языке. Свыше сотни человек из Восточной Европы, бывшего Советского Союза и даже Китая стали участниками этого семинара.²¹

Празднование 200-летия Великой французской революции для Дарнтон совпало с потрясениями в Восточной Европе, так как 1989-1990 гг. он провел в Западном Берлине, ГДР и Чехословакии, став очевидцем крушения Берлинской стены и объединения Германии. Впечатления от увиденного были столь сильны, что в нем вновь просыпается журналист, и, отложив монографию о запрещенной литературе XVIII в., он пишет блестящую публицистическую работу "Берлинский дневник". Его волнуют те же проблемы, он проводит невольные параллели между культурной ситуацией Старого режима и социалистической ГДР. Та же игра символов в повседневной жизни и политической борьбе: когда один из новых "демократических" лидеров, претендовавший на завоевание голосов избирателей, рассказал по телевизору, как он пришел домой и открыл банку с пивом, на карьере демократа был поставлен крест²². Баночное, то есть западное пиво, недоступное в те годы рядовому немцу, выступило в данном случае как символ принадлежности к закрытому и привилегированному миру "аппаратчиков".

В начале 90-х гг., обратившись к написанию второй части задуманной трилогии, посвященной книжной торговле, Дарнтон объясняет своим критикам, что его целью не было создание собственной истории Просвещения сквозь призму STN. "Моя цель состояла в том, чтобы раскрыть реальные читательские потребности французов XVIII века. Их литературная диета включает очень много Вольтера, а также удивительно большую порцию скандальных биографий и новейшей истории. Мои критики оценили в целом это как попытку обойти или обесценить

²¹ Среди российских участников – К.Андерсон, А.Чудинов, Т.Артемьева, Е.Марасинова, Л.Кириллина, А.Петинова, А.Микешин. Единственным представителем Казахстана был автор этих строк.

²² *Darnton R. The Berlin journal...*, p.295.

Просвещение, а потом, обратившись к ранним работам о Граб-стрит, поставили клеймо – антиинтеллектуализм²³. Первый подступ к данной теме был сделан в “Литературном андеграунде старого режима”, где детально объясняется само это понятие – Граб-стрит²⁴.

Действительно, реальная география Парижа XVIII в. не знает улицы с таким названием: оно позаимствовано исследователем из Лондона. Под “Граб-стрит в Париже” он подразумевал общность писателей, занимающихся поденным литературным трудом, чтобы найти средства к существованию. С точки зрения Дарнтон, эта мифическая улица имеет самое прямое и непосредственное отношение к идейным истокам Великой французской революции. Он пишет о необходимости исследования эмоционального аспекта революционной ситуации: “Был ли Марат безумен или нет, но он мобилизовал страсти тысяч французов, и то же можно сказать об Эбере, Дантоне, Демулене – всех тех интеллектуалах, которые стояли по меньшей мере одной ногой на Граб-стрит. Именно на Граб-стрит Эбер вкусил язык “Пера Дюшена” и Дантон открыл власть популистских эмоций”²⁵.

В названной монографии Дарнтон снова обращается к литературной биографии Бриссо в дореволюционный период, выдвигая экстравагантное предположение о службе последнего в качестве полицейского шпиона, задачей которого являлись донесения об умонастроениях в литературной среде²⁶. Этот спорный тезис, основанный на воспоминаниях начальника полиции, пострадавшего от революции и потому уже в эмиграции возможно решившего опорочить одного из видных революционеров, вызвал и до сих пор вызывает многочисленные нарекания оппонентов Дарнтон²⁷. Он же старательно их опровергает²⁸. Им уже написана, но еще не опубликована объемная монография о предреволюционных годах жизни Бриссо. Переписка Бриссо со швейцарскими издателями скоро будет опубликована Дарнтоном в сети Internet²⁹. Отвечая своим критикам, Дарнтон объясняет, что, выдвигая этот тезис, стремился не развенчать лидера жирондистов, но, напротив, показать, каким непростым и тернистым бывает путь мысли и как чувство унижения может стимулировать революционную энергию.

“Литературный андеграунд” вместе с двумя другими книгами на французском языке³⁰ явился подступом к главному на сегодняшний день труду Дарнтон “Запрещенные бестселлеры предреволюционной

²³ *Darnton R. Two paths...*, p.289.

²⁴ *Darnton R. The Literary...*, p.17.

²⁵ *Darnton R. Two paths...*, p.254-255.

²⁶ *Darnton R. The Literary...*, p.41-70.

²⁷ *Eisenstein E. Grub Street abroad: aspects of the French cosmopolitan press from the age of Louis XIV to the French Revolution. Oxford, 1992.*

²⁸ *Darnton R. Forum: interpreting Brissot // French Historical Studies. № 17. 1991. P.159-205.*

²⁹ Из беседы автора с Робертом Дарнтоном.

³⁰ *Edition et sediton. L'Univers de la Litterature clandestine au XVIII siecle. Paris, 1991; Gens de lettres, gens de liore. Paris, 1992.*

Франции"³¹. По его глубокому убеждению, большие вопросы в истории часто кажутся неразрешимыми. Что рождает революции? Почему меняется система ценностей? Как общественное мнение влияет на события? Его монография "Запрещенные бестселлеры предреволюционной Франции" пытается найти ключ к этим казалось бы неразрешимым проблемам, ответив на маленький вопрос: что читали французы в XVIII в.?

Дарнтон, используя все те же материалы STN, исследует тот предмет, который прежде не интересовал историков, а именно запрещенную литературу Франции XVIII в. В дополнение к этому богатейшему источнику он использует архивы, касающиеся регулирования книжной торговли и архивы полиции. Монография посвящена книгам как таковым – их идентификации, распространению и текстам. История книг является новой гуманитарной дисциплиной и дает возможность получить более широкий взгляд на литературу и культурную историю в целом. По мнению Дарнтон, открывая, как книги достигали читателей и как читатели воспринимали их, можно изучать литературу как часть общей культурной системы. Анализируя некоторые из них в деталях, он надеется показать, что текстуальный анализ принадлежит к истории книг как дисциплине. И это не случайно, так как французская традиция истории книг предпочитает исследовать распространение, отрицая необходимость анализа их текстов³². Кроме того, Дарнтон показывает, как история книг входит в более обширный раздел истории коммуникаций, что открывает возможность изучать формирование общественного мнения.

Исследуя запрещенную литературу, Дарнтон выделяет несколько ее разделов – антиклерикальную литературу, утопии и скандальную хронику. Книги, возглавляющие каждый из этих списков – "Тереза-философ", "2440 год", и "Мемуары о мадам Дюбарри", приводятся в английском переводе полностью в конце монографии. Многие нелегальные бестселлеры исполняли специфическую функцию: они упрощали, драматизировали и популяризировали идеи философов. Скандальные книги о текущих событиях содержали огромный объем информации о том, что действительно происходило в будуарах и коридорах власти, но фактически они обеспечивали только одну версию, возможную в печати, поскольку новейшая история не была разрешена в легальной книжной торговле. Как пронизательно замечает Дарнтон, читателям, которые желали узнать о событиях правления Людовика XV, ничего не оставалось, как обратиться к его частной жизни и к вышеназванным книгам.

Дарнтон сравнивает культурную ситуацию во Франции в XVIII в. и в предшествующий период, справедливо полагая, что в XVI-XVII вв. вспышки антиправительственных публикаций совпадали с периодами политической нестабильности, например Фрондой. Качественное отли-

³¹ The Forbidden Bestsellers of Pre-Revolutionary France. N.Y., 1995. Как дополнение к этой книге идет Corpus Clandestine Literature in France, 1769-1789. N.Y., 1995.

³² Ibid., p.170.

чие культурного ландшафта Франции XVIII в. в том, что существовал целый корпус литературы, систематически подвергавшей сомнению все идейные ценности Старого режима, начиная от церкви и кончая королевской властью. Дарнтон констатирует процесс эрозии прежних ценностей. По его мнению, к началу революционных событий, режим уже потерял в глазах многих современников свою легитимность³³. Он предостерегает от поспешных выводов о том, что парижане пошли штурмовать Бастилию, начитавшись запрещенной литературы³⁴. Вместо того, чтобы утверждать прямую связь между литературным опытом и революционным действием, необходимо исследовать несоответствие между ними. Изучению этой проблемы посвящена третья часть под красноречивым названием "Вызывают ли книги революцию?".

Работа Даниэля Морне об интеллектуальных истоках французской революции (1933) послужила отправной точкой всех последующих исследований школы "Анналов" о культурной жизни Старого режима – провинциальных академиях, образовании, масонстве, интеллектуалах, журналистах, библиотеках, общественном мнении, а также издательском деле и книжной торговле. Однако его конечный тезис о прямой и линейной связи между Просвещением и Революцией Дарнтон не может принять: ему проблема представляется гораздо более сложной. Поэтому он вступает в полемику с Р.Шартье, который утверждал, что истоками революции были споры не интеллектуальные, но культурные.

С точки зрения Шартье, революционеры использовали Просвещение в стремлении легитимизировать свою власть, обеспечив ее респектабельной интеллектуальной родословной. Но по Дарнтону, чтобы объяснить историю революции, требуется выйти на совершенно другой уровень осмысления культуры, широко понятой – очень отличной от той модели распространения идей, которую предлагают Морне и Шартье.³⁵ Углубляясь в этот вопрос, он утверждает, что многие значения не пришли в революцию из предреволюционных источников, а рождались в самом революционном процессе: например, даже разделение на правых и левых произошло в ходе дебатов об ответственном перед Национальной Ассамблеей правительстве.³⁶ До этого события политическая теория не оперировала такими понятиями, как "правый" и "левый".

Дискуссия с Шартье о распространении запрещенных книг и о понимании их читателями фактически продолжает давний их спор о "Великой резне котов". Шартье утверждает, что мнений и смыслов, вкладываемых читателями в книгу, может быть бесконечное множество. Дарнтон отвечает, что они сортируются в соответствии с определенными рамками, которые определяются культурой. Стремясь понять книгу, мы должны найти свой путь через символическое поле, так как все в книге несет на себе печать культурного соглашения – не только

³³ Ibid., p.246.

³⁴ Ibid., p.82.

³⁵ Ibid., p.173.

³⁶ Ibid., p.178.

язык, на котором она написана, но формат, размещение текста, переплет, даже объявление о ее продаже. Каждый из этих элементов ориентирует читателя соответствующим образом, направляя его или ее ответ. Читатель тоже привносит очень многое в текст – ожидание, отношение, ценности, и мнения, – и это также имеет культурную предопределенность. Таким образом, чтение обусловлено двояко – природой книги как средства коммуникации и общим кодом, который интериоризован читателем³⁷. Дарнтон предлагает свою схему коммуникаций в предреволюционной Франции, прослеживая, каким образом событие дворцовой жизни превращалось в сплетню на улицах и в салонах (устные новости), записывалось, потом попадало в памфлеты и периодические издания (печатные новости), потом в книги, которые оседали в домашних библиотеках.³⁸

Книга "Запрещенные бестселлеры..." была представлена на очередной книжной выставке в 1995 г. в Мюнстере в рамках IX конгресса по Просвещению, на котором Дарнтон выступил с блестящей публичной лекцией "Media в Париже XVIII века". В 1997 г. на страницах "New York Review of Books" появляется статья "Искусственные зубы Джорджа Вашингтона", в которой в полной мере проявилась свойственная исследователю парадоксальность. Он предлагает общую характеристику Просвещения и пытается определить, в какой степени оно несет ответственность за последовавший в XX в. тоталитаризм. Здесь же Дарнтон отвечает на часто задаваемый вопрос, хотелось ли ему, историку, изучающему XVIII век, самому жить в этом столетии. В связи с этим он обращается к фигуре Вашингтона, указывая на то, что первый президент США, несмотря на заслуги перед страной, отнюдь не стал по-человечески близок американцам из-за своего слишком угрюмого вида на всех известных портретах. Дарнтон вспоминает, как его внезапно осенило во время посещения музея Вашингтона, когда он увидел его вставные зубы и понял страдания этого человека, не позволявшие ему даже улыбнуться. Поэтому он согласился бы родиться в XVIII в. только при условии наличия здоровых зубов и принадлежности к среднему классу.³⁹

Профессор Принстонского университета Роберт Дарнтон воспитал блестящую плеяду молодых исследователей, которые ныне занимают ведущие позиции в исследованиях по французской истории XVIII в. в США (Сара Мейза, Дэвид Белл и др.). Сейчас он читает лекционный курс "Франция в 1685-1800 гг." и ведет семинар "Социальная история идей в Европе XVIII в." С 1996 г., став почетным профессором Оксфордского университета, Дарнтон проводит половину академического года в Англии. В 1997 г. он стал участником цикла передач французского телевидения, посвященных общим проблемам демократии (на осно-

³⁷ Ibid., p.187.

³⁸ Ibid., p.189.

³⁹ Darnton R. George Washington's False Teeth // New York Review of Books. March 27. 1997. P.34-38.

ве этих материалов в 1998 г. была издана книга "Демократия"). У него обширные, иногда неожиданные планы: например, книга о цензуре в Британской Индии XIX века. Он также надеется завершить свой давний спор об истоках Великой французской революции в новой книге.

И последнее, на ежегодном собрании Американской исторической ассоциации 8 января 1999 г. он был избран президентом. Уже в этом новом качестве Дарнтон выступил в журнале новостей этой ассоциации ("*Perspectives*") со статьей о состоянии дел в издании исторической литературы. В этой статье, без всякого сомнения, сказался опыт историка, чьей областью специализации является книжная торговля. В своем анализе он прежде всего указывает на обнаружившуюся в практике библиотек тенденцию к сокращению приобретения специальных монографий в пользу журналов, стоимость которых значительно возросла в последнее время. С тревогой он вынужден констатировать, что в 90-е гг. "периодические издания вытесняют монографии из библиотек". Он приводит неутешительную статистику по библиотекам американских университетов: на Гавайях 75% средств было потрачено на периодику и только 17 – на монографии, в Иллинойсе – соответственно 78% и 21%. Если в 1957 г. было приобретено 8047 экземпляров первого тома издания бумаг Б.Франклина, то в 1997 г. было продано библиотекам только 753 копии тридцать третьего тома. Дарнтон, досконально изучивший законы книжного рынка и психологию издателей, объясняет, что раньше, учитывая спрос со стороны университетских библиотек, издательства возмещали свои расходы. Сейчас же ситуация изменилась. Всё вышесказанное вызывает вопрос, а не исчезнет ли научная монография как жанр вообще и не лишатся ли историки своего хлеба насущного? В статье приводятся данные о том, что первоклассные монографии, которые заслужили множество престижнейших наград, расходятся в мизерных количествах. Дарнтон проницательно видит и следствие такого положения: начинающему историку все труднее становится опубликовать свою первую книгу, а часто это является решающим для его дальнейшей академической карьеры и профессионального роста. Идя в ногу со временем, Дарнтон предлагает использовать систему Internet и публиковать электронные монографии.⁴⁰

Согласно традиции Американской исторической ассоциации в следующем 2000 году Роберт Дарнтон обратится к членам этого общества с президентским посланием.

---

⁴⁰ *Darnton R. Three Problems in Search of Solution // Perspectives. V.37. № 2. February 1999. P.2.*

ИЗ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

А.Ю.Серегина

Идея народного договора в елизаветинской Англии: Роберт Парсонс и его “Рассуждение о наследовании английского престола”

Идея народного договора – один из основополагающих принципов теории конституционализма, сформулированной в Англии во второй половине XVII в. Но своим возникновением эта идея обязана бурным событиям предшествовавшего столетия, с его религиозными конфликтами, которые сопровождались памфлетными войнами. Для XVI в. представление о передаче власти, первоначально находившейся в руках общества, монарху, было общепринятым, ибо уходило корнями в томистскую традицию. Эта посылка объединяла авторов разных направлений, как сторонников идеи абсолютной власти монарха, так и тираноборцев, поскольку допускала разные варианты трактовки – если для абсолютистов акт передачи власти означал, что общество лишилось своего суверенитета навсегда, передав полномочия монарху, избранному божественным провидением, то их оппоненты склонны были говорить, что договор оставлял высшую власть обществу и подлежал расторжению в случае невыполнения монархом своих обязательств.

Возникновению идеи договора способствовало распространение соборного движения. Его идеологи доказывали, что высшая духовная власть была передана Христом всей церкви как сообществу верующих; а поскольку и церковь, и светское государство рассматривалось в качестве представителей одного и того же рода политических обществ, то и к светской власти был применим тот же принцип¹. Произведения галликанских теологов вдохновлялись идеями соборного движения и после того, как оно пережило свой закат. Примером тому могут служить труды Жака Альмэна и Джона Мэйра², которые пользовались огромной популярностью в XVI в. и оказали существенное влияние на развитие европейской политической мысли – от тираноборцев середины и конца XVI

---

¹ Oakley F. Almain and Major: Conciliar Theory on the Eve of the Reformation // American Historical Review. V. 70. 1964-65. Pp.673-690.

² Tractatus de auctoritate ecclesiae et conciliorum generalium, 1512; Expositio de potestate ecclesiastica et laica, 1516.

столетия до английских парламентариев XVII в.³ Под их воздействием создавались наиболее значительные труды французских монархомахов – *Vindiciae contra tyrannos* (1579), *De jure magistratum* (1574) Теодора Беза, – а также трактат Джорджа Бьюкенена *De Jure regni apud Scotos* (1579), пользовавшиеся огромной популярностью на континенте.

Влияние идей Альмэна и Мэйра не обошло стороной и Англию, как явствует из произведений эмигранта-протестанта Джона Понета, и прежде всего, из его трактата *A Shorte Treatise of Politike Power* (1556). Помимо этого, прекрасное знакомство с идеями поздних представителей соборного движения демонстрируют и памфлеты середины XVII в., которые зачастую прямо апеллировали к идеям своих католических предшественников для обоснования собственного права расторгнуть договор с королем и восстать против него как тирана⁴. Однако это влияние отнюдь не ограничивалось только протестантскими авторами.

Тем не менее, согласно давней традиции, которая до сих пор господствует в англоязычной историографии, историки склонны были исключать католическую составляющую при анализе развития английской политической мысли вообще и идеи договора в частности. Между тем такая посылка представляется некорректной, обедняя и попросту искажая картину формирования теории конституционализма, поскольку обращаясь к трудам континентальных богословов-католиков, англичане, естественно, были прекрасно знакомы и с произведениями своих соотечественников, отделенных от них конфессиональным барьером. И именно католик сформулировал в Англии XVI в. теорию народного договора, которая обосновывала право подданных на сопротивление монарху и отстранение его от власти.

Этим автором был Роберт Парсонс (1546-1610). Он происходил из протестантской семьи; получив образование в Оксфорде, он в 1574 г. эмигрировал на континент и стал католиком, а несколько позже вступил в орден иезуитов. Будучи префектом Английской миссии ордена, он руководил всей деятельностью иезуитов, так или иначе связанной с Англией; современникам он был известен и в качестве блестящего публициста, чутко реагировавшего на любое изменение политической ситуации. Всего Парсонсом было написано около 20 памфлетов, адресованных его оппонентам из числа как англиканских теологов, так и собственных единоверцев в Англии и за рубежом. Но, пожалуй, самым известным его произведением стал впервые изданный в Антверпене в 1594 г. и трижды переиздававшийся на протяжении XVII в. трактат "Рассуждение о наследовании английского престола" [*A Conference about the next Succession to the Crowne of England*].

³ Oakley F. On the Road from the Constance to 1688: The Political Thought of John Major and George Buchanan // *Journal of British Studies*. V. 2. 1962. P.4.

⁴ Bridge W. The Wounded Conscience Cured. London, 1642. P.7-8; Prynne W. The Sovereigne Power of Parliaments and Kingdoms. London, 1643. Pt.I. P.31, 68, 73. См. также Oakley F. On the Road..., p.4-5.

Трактат состоит из двух частей, которым предпосланы посвящение и предисловие. "Рассуждение" посвящено графу Эссексу; его Парсонс как бы противопоставляет тем самым правительству (и, прежде всего, его основному сопернику в борьбе за влияние на королеву Роберту Сесилу). Предисловие трактата излагает вымышленные обстоятельства его создания. Парсонс пишет, что весной 1593 г. в Амстердаме собралось несколько путешественников, обсуждавших между собой вопрос о предполагаемом наследнике английского престола. Среди них было два правоведа, один — англичанин, юрист общего права, а второй — юрист гражданского права. В их уста Парсонс и вкладывает свои идеи.

В первой, теоретической, части приводятся причины, делающие вопрос о наследовании английского престола трудноразрешимым. Собственно, именно эта часть и является политическим трактатом. Во второй части Парсонс устами юриста общего права перечисляет всех возможных претендентов на английский престол, и указывает наиболее предпочтительного, на его взгляд, наследника, которым оказывается инфанта Изабелла, дочь Филиппа II (собственно, ради этого и был написан весь трактат).

В первой части своего труда Парсонс, руководствуясь традиционной схоластической схемой, излагает теорию происхождения государства и власти, цели их существования и анализирует проблему взаимоотношений подданных и монарха. Он воспроизводит посылку Фомы Аквинского о естественном происхождении самого принципа власти, а также о праве общества передать ту власть, которой оно изначально обладало, наиболее подходящему правителю. Как замечает Парсонс, "не может быть сомнений в том, что общество имеет власть избрать собственную форму правления, а также изменить ее по разумным причинам, ...и Господь... одобряет то, что общество решит"⁵. Однако это не означает, что общество передает свою власть раз и навсегда. "Все общество... является не подчиненным, но, напротив, высшим по отношению к государю. Общество никогда не передает власть таким образом, чтобы полностью лишиться ее, поскольку нужда может потребовать ее для защиты, ради чего она и существует"⁶. Напротив, народ возобновляет свой договор в момент прихода к власти очередного правителя, каким бы способом этот приход не осуществлялся — через избрание или наследование престола. Момент возобновления договора Парсонс усматривал в коронационной церемонии, поэтому ей отводилась ключевая роль в его построениях.

Коронация или "признание" [*admission*] государя (в тех государствах, где нет обряда коронации) есть "форма соглашения и договора [*convention*] между обществом и его христианским главой и правителем"⁷. В трактате описывается ряд церемоний, имевших место в Визан-

⁵ Ibid., p.12.

⁶ *Idem*. A Conference, I, 72.

⁷ A Conference about the next succession to the crowne of Ingland, I, 84.

тии (коронации императоров Афанасия и Михаила I), Священной Римской империи (коронации Оттона I и Фридриха III), порядок коронации в Польше, Испании, Франции (здесь Парсонс упоминает две церемонии – коронации Филиппа I и Филиппа II) и Англии. Что касается последней, то Парсонс не смог найти описания этого обряда, относящегося к периоду более раннему, чем XV в. (коронация Эдуарда IV), однако ссылается на упоминания о коронационной клятве Генриха II и Генриха IV.

Парсонс показывает, что во всех случаях сначала государь произносит слова клятвы вслед за совершающим церемонию архиепископом. Текст любой из них включал обещание защищать церковь и ее привилегии, отправлять правосудие, быть справедливым и беречь мир в стране. Парсонс подчеркивает, что только после этого на нового правителя возлагалась корона, ему вручались остальные регалии, совершалось миропомазание; народ же криками одобрения должен был выразить свое согласие и признать его королем. Таким образом, в обряде коронации присутствуют и элементы избрания⁸. Присяга на верность новому государю тоже происходит после того, как тот даст свою клятву, и потому первое является условием второго⁹. Коронация, следовательно, есть договор или брак государя со своей страной, что подразумевает наличие взаимных обязательств¹⁰. "Через эту клятву государь и подданные... приходят к соглашению относительно их долга и обязанностей друг перед другом, а также перед Богом и родной страной"¹¹.

Текст клятвы, которая давалась при коронации монархом, содержит все основные цели правления: мирское благополучие подданных, чьему служат справедливый суд, защита слабых и сохранение мира внутри страны, и забота о спасении их душ, выражающаяся в попечении о церкви. Если же правитель нарушает данную им клятву, он впадает в тиранию, а подданные могут с чистой совестью отказаться от своей части обязательства – присяги на верность – и выступить против него¹².

Таким образом, подчинение подданных правителю обусловлено соблюдением последним договора, заключенного во время коронации. Но общество может и не заключать договора с наследником, если это угрожает общему благу. Наследование престола, по мнению Парсонса, таит в себе опасности для государства, поскольку по праву первородства к власти может прийти человек, неспособный управлять в силу своих моральных или физических качеств; такой правитель ведет свою страну к гибели. Средство против этого Парсонс видит в "избрании" наследника – общество в лице своих представителей выражает согласие или несогласие признать его своим правителем.

Показательна в этом отношении и терминология Парсонса: говоря о приходе к власти, он в большинстве случаев употребляет термины

⁸ Ibid., I, 82-121.

⁹ Ibidem.

¹⁰ Ibid., I, 73.

¹¹ Ibid., I, 81.

¹² Ibid., I, 76.

admission и *approbation*, подразумевающие признание, согласие, одобрение народа, но не *succession*. Идея "избрания" наследника весьма примечательна. Если его рассуждения о происхождении государства и его формах вполне традиционны, то данная посылка была для XVI в. нетипична и даже радикальна, поскольку право общества определять, в конечном счете, престолонаследие Парсонс выводит из его суверенитета и из цели власти – общего блага. "Общество не обязано закрывать глаза и избирать по воле случая или необходимости ближайшего по крови..., но должно как следует рассмотреть этого человека – сможет ли он выполнить свои обязанности и заботиться о том, что ему поручено, или же нет, ибо в таком положении избрать того, кто является врагом государства или не годится управлять им, значит погубить государство и его вместе..."¹³. Общество должно принять меры, чтобы отвести подобную угрозу – связать наследника законами и ограничениями, а в случае необходимости – отвергнуть его и призвать другого, более подходящего для управления государством¹⁴. Парсонс уподобляет наследника обрученному, настоящий же брак государя со своей страной заключается лишь в момент коронации. Поэтому "общество по справедливости не обязано верностью и подчинением наследнику до тех пор, пока он не будет коронован или признан..."¹⁵. Следовательно, если ближайший наследник не способен управлять государством, можно и должно передать корону иному претенденту.

Итак, общество может отклонить кандидатуру наследника по разумным и справедливым причинам. Но что же представляется автору справедливым или законным? Прежде всего следует отметить, что, согласно его мнению, судить о законности или незаконности таких причин может лишь общество. "Если мы признаем..., что королевство или общество имеет власть признать или отвергнуть государя либо претендента на престол, то мы должны признать и то, что общество имеет власть оценить законность причин..."¹⁶. Это право порождается тем, что общество само создает правительство в той или иной форме. Суждение общества справедливо, так как "всё королевство никогда не согласится, принимая свое решение..., отстранить или отвергнуть прямого наследника, не приняв во внимание разумной причины."¹⁷ И даже если общество многократно меняет свое решение (как это случилось в войне Роз), это не значит, что оно охвачено суетными страстями, но, напротив, каждый раз руководствуется разумом.

Критерий, при помощи которого можно определить пригодность того или иного наследника к делам управления, вытекает из той цели, ради которой создаются общества и государства – общего блага. "Тот, кто более всего способен защищать, хранить и обеспечивать процветание

¹³ Ibidem.

¹⁴ Ibid., p.149.

¹⁵ Ibidem.

¹⁶ Ibid., p.198.

¹⁷ Ibid., p.199.

государства и подданных, является наиболее подходящим, так как удовлетворяет той цели, во имя которой было создано правительство.¹⁸ Правитель должен быть справедливым судьей, обеспечивать подданным защиту закона внутри страны и хранить их от внешних врагов. Поэтому тех претендентов, кто по физическим и умственным качествам, или даже в силу возраста, неспособны выполнять эти обязанности, подданные часто и справедливо отвергают. Возможен также случай, когда наследника отстраняют не из-за его собственных грехов, но из-за преступлений предков¹⁹. В качестве примеров Парсонс приводит отстранение от престола законной наследницы Педро I Кастильского и попытку английских баронов передать власть в стране принцу Людовика Французскому в обход прямого наследника короля Джона, его сына Генриха.

Таковы основные причины, по которым случались перечисленные Парсонсом изменения в порядке наследования. Однако они вторичны по сравнению с другим соображением, которое, в сущности, и должно, по его мнению, определять решение общества. Это – благочестие и религиозное рвение наследника, а также его конфессиональная принадлежность. Приоритет данного критерия Парсонс обосновывает тем, что высшая цель человеческого существования сверхъестественна, это не телесное благо, как считают современные ему правители и политики, но счастье души, которое достигается лишь в стремлении к Господу²⁰. Следовательно, цель общества – служение ему, а первая и самая важная обязанность государя – обеспечить это служение со стороны подданных, ради чего он должен защищать церковь и духовенство, а также бороться с еретиками²¹. Все остальные его задачи подчинены главной. Поэтому именно на отношении наследника к вере и нужно смотреть.

"Она [вера] есть первый, высший и необходимый предмет, какой следует рассматривать, признавая какого-либо государя ради блага подданных. Без нее он всё разрушит, а с ней, хотя бы он не был безупречен в отношении справедливости и мужества, дело поправимо;... если он не имеет страха божьего и не печется о делах веры, или придерживается неверных убеждений, ущерб для общества неоценим."²²

Вторую часть теории сопротивления Парсонса составляет обоснование права подданных выступить против тирана, который злоупотребил своей властью (и тем самым нарушил договор). Примером тирана такого рода становится для него Ричард II – правитель, угрожавший жизни и имуществу подданных без всяких справедливых причин, не заботившийся об их интересах, подчинявшийся корыстным советникам²³.

¹⁸ Ibid., p. 201.

¹⁹ Ibid., p. 143.

²⁰ Ibid., p. 204.

²¹ Ibid., p. 207.

²² Ibid., p. 203.

²³ A Conference, II, 58-72.

Подданные имеют право не соблюдать клятву в верности такому государю и восстать против него.

Парсонс оговаривает два случая, в которых "клятва и обещание верности подданных государю может быть нарушена. Первый – когда государь не выполняет своего обещания и клятвы, данных обществу при вступлении на престол или коронации; другой же – когда это может привести к значительному ущербу для общего блага (только ради сохранения которого и существуют государи)."²⁴ Это не просто право, но, скорее, обязанность общества – если государь отрекается от своего долга.

"Общество не только свободно от своих клятв в покорности и верности таким недостойным государям, но, более того, обязано во спасение целого тела воспротивиться, покарать и отсечь дурные головы, если оно будет на это способно, ибо иначе дело дойдет до разрушения, падения и общей гибели."²⁵

В тексте трактата нет непосредственных указаний на способ, с помощью которого общество реализует свое право на смещение тирана. Однако, если проанализировать исторические примеры отстранения монархов от власти, приведенные Парсонсом, можно отметить, что во всех случаях действуют разного рода собрания (знати или представителей сословий). Так, если речь идет о Риме, он пишет о сенате, если это вестготская Испания – то о Толедских соборах, на которых присутствовали знать и духовенство. Говоря о других европейских странах и о более поздних периодах истории Испании, он упоминает сословия (*estates*)²⁶. Иногда встречается и термин *parliaments*, но его Парсонс обычно применяет лишь к английской истории. Он подчеркивает роль парламента в ряде эпизодов: смещении Эдуарда II (1327 г.), отрешении от власти Ричарда II (1399 г.), сопровождавшемся его осуждением, признании прихода к власти Эдуарда IV Йорка (1470 г.)²⁷. В последнем примере показательно то, что Эдуард IV был признан в качестве монарха сначала только общинами, без участия представителей знати, а лишь затем появился соответствующий парламентский акт, и тем не менее, для Парсонса он – законный монарх уже с момента признания²⁸.

На основе исторических примеров можно судить и о том, какие средства борьбы с тиранами Парсонс допускает. Прежде всего, как это вытекает из уже упоминавшихся эпизодов смещения Эдуарда II и Ричарда II, – это публичный акт о смещении государя, принятый парламентом; вводится в действие он обычно военным путем: "Поскольку тиран или упорствующий во зле государь есть вооруженный враг, попирающий ногами главу королевства, ясно, что его нельзя отстранить от

²⁴ Ibid., I, p.76.

²⁵ Ibid., p.77.

²⁶ Ibid., p.37-61.

²⁷ Ibid., p.58-61.

²⁸ Ibidem.

власти или призвать к порядку иначе, чем силой оружия.²⁹ Это, так сказать, нормальный путь. В том случае, если у представительства нет достаточных сил для отстранения тирана, допустимо обращение к другому государю или предполагаемому наследнику с просьбой о военной помощи. (Примером могут служить призывание в Англию Генриха Тюдора, обращение римского сената к Константину и смерть Максенция)³⁰.

Идея договора, сочетавшаяся с теорией сопротивления тирании, к концу XVI в. уже была отнюдь не нова. Многие французские публицисты эпохи Религиозных войн (например, Отман и Дюплесси-Морнэ) упоминали в своих произведениях о договоре между правителем и подданными, возобновляемом при каждой смене монарха. Высказывалась эта идея и Дж.Бьюкененом³¹. Таким образом, Парсонс может быть причислен к наиболее радикальным в данном отношении авторам XVI в.

Однако англичанам подобная радикальность была чужда. Не случайно именно идею договора в интерпретации Парсонса сделали объектом своих нападок его оппоненты, издавшие ответы на "Рассуждение" – Генри Констебл, протестанты Джон Хейворд и Томас Крейг³² – его версия представлялась чем-то чуждым, несвойственным английской традиции. И в самом деле, здесь явно прослеживается влияние французской политической мысли³³. Но спустя почти полвека, в годы Английской революции именно идея договора привлекла к его трактату новых читателей – сторонников парламента, искавших в нем оправдания своим действиям.

На протяжении XVII в. трактат переиздавался трижды. Первое из этих изданий вышло в 1648 г. Оно носило весьма показательное название "Несколько речей, произнесенных на совете по поводу прав парламента преследовать короля за дурное управление". Исходный текст Парсонса был слегка отредактирован (изъяты все указания на конфессиональную принадлежность автора). В 1655 г. увидел свет "Трактат о нарушенном праве наследования английского престола", который представлял собой выжимки из содержания отдельных глав "Рассуждения" в виде либо краткого утверждения, либо исторических примеров. Наконец, в 1681 г., в ходе полемики вокруг Билля об исключении, отстранявшего от престолонаследия католика герцога Йоркского, было опубликовано новое переиздание "Рассуждения", полностью воспроизво-

²⁹ A Conference, op. cit., p. II, p.68.

³⁰ Ibid., p.I, p.61.

³¹ Skinner Q. The Foundations of Modern Political Thought. V. 2. Cambridge, 1979. P.274, 312, 316; Salmon J.H.M. An Alternative Theory of Popular Resistance // *Idem*. Renaissance and Revolt: Essays in the Intellectual and Social History of Early Modern France. Cambridge, 1987. P.136-154.

³² Constable H. A Discoverie of a Counterfete Conference. 1600. Hayward J. An Answer to the first part of a certaine conference. 1603. Craig T. The right of succession to the kingdom of England. 1603 (Publ. 1703).

³³ Представляется, что на Парсонса повлияли не непосредственно публицисты-гугеноты или Бьюкенен (хотя он, безусловно, был знаком с их произведениями), а их общий источник – идеологи Соборного движения в интерпретации Дж. Мэйра и Ж. Альмэна (См. Oakley F. On the Road..., p. 11-31).

дившее текст 1594 г. Появление нового издания "Рассуждения" вызвало целую серию роялистских откликов³⁴. В этих памфлетах идеи, содержащиеся в трактате, отождествляются с идеологией Революции. Например, Эдвард Пеллинг, упоминая издание 1648 г., называет его "той самой книгой, что заложила основы Мятжега, той самой, что помогла привести лучшего из королей на плаху, той, что помогла им [цареубийцам] оправдать свое злодейское и ужасное деяние"³⁵, а Маккензи помещает имя автора трактата в один ряд с Бьюкененом и Мильтоном³⁶.

Внимание к трудам Парсонса, проявленное его соотечественниками в XVII в., объясняется тем, что он, несмотря на очевидное влияние континентальных, и прежде всего, французских политических теорий, мыслит категориями, свойственными английской политической традиции. Трактат Парсонса, оперирующий привычными для каждого англичанина понятиями, одновременно знакомил своих соотечественников с континентальными политическими теориями. Содержавшиеся в нем идеи порой вызвали негативную реакцию, провоцировали настоящие памфлетные сражения, но их, безусловно, знали. Трактат Парсонса фактически стал одним из каналов, при помощи которых достижения континентальной мысли адаптировались английской традицией.

***

Роберт Парсонс

Рассуждение о наследовании английского престола

Глава IV. В которой говорится о законности выступлений против государя, а также о том, имеют ли государи права на жизнь и имущество своих подданных, должны ли соблюдаться клятвы подданных в верности правителям, или их можно нарушить, наконец, о разнице между монархом и тираном.

Когда цивилист¹ закончил свою речь, его собрат по профессии² взглянул на слушателей, чтобы понять, хочет ли кто-нибудь ответить. Увидев, что никто не собирается нарушать молчания, он начал говорить следующим образом. Дорогой сэръ, вы сослались на множество примеров, подтверждающих то, что вы заявляли сначала, а именно, что государи, упомянутые вами, были смещены за дурное управление, а их места заняли достойные преемники. Я не сомневаюсь в том, что общество имеет право так поступать, ибо, в конце концов, они это соверши-

³⁴ Brady R. The great point of succession discussed. 1681; Comber T. Religion and Loyalty. 1681; Pelling E. The apostate protestant. 1682; Assherton W. The royal apology. 1684; Mackenzie G. Jus regum. 1684.

³⁵ Pelling E. The Apostate Protestant. London, 1682. P.4.

³⁶ Mackenzie G. Jus Regum. London, 1684. P.4, 85, 134 etc.

ли *de facto*, и ныне ставить их действия под сомнение значит запутывать дело и разрушать все христианские государства, как вы заметили. Но поскольку по ходу рассказа вы многократно произнесли слово "законно", я хотел бы, чтобы вы сказали, согласно какому закону они так поступали. Следует принять во внимание, что Беллуа и некоторые другие авторы, придерживающиеся того же мнения, утверждают, что хотя от природы общество имеет власть над государем, власть избирать и принимать его вначале, как вы доказали, ссылаясь на Аристотеля, оно передает правителю эту власть³. После этого государя нельзя ни порицать, ни ограничивать, он остается абсолютным монархом, не подчиняющимся никому, кроме Бога. Данное утверждение сторонники Беллуа доказывают, приводя в пример любого человека, который имеет право сделать подчиненного своим хозяином или правителем, но не может потом свергнуть его или лишить той власти, какую дал ему, хотя бы хозяин и поступал не благородно, но грубо и несправедливо по отношению к тому, кто дал ему первоначально эту власть.

Они ссылаются также на слова пророка Самуила из 1 книги Царств. Народ Израиля требовал себе царя, чтобы подчиниться ему, как было у всех народов вокруг него, и стремился оставить правление первосвященников, под чьей властью тогда жил. Это требование сильно оскорбило самого Господа и Самуила, и Самуил по велению Бога сказал евреям следующее: *"Хорошо, вы будете иметь царя, послушайте же, что я вам скажу. Такова будет сила и власть царя, который станет вами править, что он возьмет у вас ваших детей, сыновей и дочерей, ваши поля и виноградники, ваш урожай и доходы, ваших слуг и служанок, ваш скот, и даст их своим слугам, и вы возопите к Господу в тот день перед лицом царя, коего вы себе избрали, и Господь не услышит вас, ибо вы просили царя править себе"*. Так сказал пророк.

Из слов пророка они заключают, что монарх ничем не сдерживается в своей власти и не ограничен законом, как вы утверждали, но что закон для него — его желание, а общество не имеет права карать его или смещать за превышение власти или своеволие, ибо Господь предсказал, что государи часто будут грешить произволом и несправедливостью. Однако Он не хотел, чтобы подданные порицали или свергали правителей, но велел им терпеливо сносить все за собственные грехи и обращаться за помощью и защитой к Нему, хотя бы Он не услышал их сразу и не даровал немедленного облегчения.

На это цивилист ответил, что Беллуа и прочие сочинители наших дней, писавшие льстивые сочинения правителям, утверждают не только то, что государи не подлежат ничьему осуждению и исправлению, как бы они ни поступали, но также (что гораздо более абсурдно и опасно для общества) что все движимое имущество, владения и прочие мирские блага подданных принадлежат монарху, а подданные лишь пользуются ими, не обладая правом собственности. Поэтому монарх может, если пожелает, отнять их по закону, не совершая несправедливости

или преступления⁵. Подобные соображения противоречат самой природе и сущности государства.

Первое утверждение, — что монарх не подчиняется никакому закону и ограничению, а может делать все, что пожелает, — противоречит всему, на что я ссылался ранее, говоря об основании государства для совместной жизни в справедливости и порядке. Как писал Цицерон, *“правители были созданы в древности из мужей праведной жизни для защиты справедливости”*⁶. Если же они не связаны справедливостью, а им следует подчиняться и покоряться, то даже будь они не преступниками, цель существования государства и власти не может быть достигнута. Тогда мы способны возвысить откровенных убийц, насильников, воров и грабителей вместо защитников и позволить им уничтожать нас, ибо именно таковы монархи, следующие не законам, но страстям и похоти, творящие несправедливость своей властью. Наконец, если все упоминавшиеся правители евреев, язычников и христиан были смещены не по праву, а их преемники незаконно завладели престолом, то все ныне живущие государи христианского мира, происходящие от них, являются самозванцами, но не законными государями.

Второе высказывание — о том, что все мирские блага принадлежат государю, а его подданные лишь пользуются ими, — порождает не меньше нелепостей, чем предыдущее. Ибо, во-первых, оно противоречит главному принципу и основанию гражданского права, которое с самого начала проводит разделение имущества: одно от природы принадлежит всем — воздух, море и т.п., другое — городу или стране — реки, порты и т.д., третье — городской коммуне или республике, но не отдельным гражданам — общественные доходы и здания, театры, четвертым не могут владеть светские лица — церквями, священными предметами, пятое принадлежит частным лицам⁷. Это деление Юстиниана и его ученых юристов неверно, если государь есть собственник всего, а император нанес ущерб самому себе, приписав другим то, что, по мнению Беллуа и его последователей, принадлежало ему самому.

Говорить так нелепо, поскольку подобное утверждение противоречит природе государства и делает подданных рабами. Ведь рабы и зависимые, как пишет Аристотель, тем отличаются от свободных, что лишь пользуются вещами, но не имеют собственности и не могут приобрести или получить какое-либо имущество или право на какую-нибудь вещь, ведь чтобы они ни получили, это достанется их хозяину, а не им⁸. Их положение напоминает вола или осла, так как вол или осел ничего не приобретает для себя, но лишь для хозяина, и не является господином того, над чем трудится. Аристотель мудро говорит: *“Вол или осел бедному человеку вместо раба”*⁹. Получается, что Беллуа считает положение подданных именно таким, раз они ничего не имеют в собственности, но лишь в пользовании, а все имущество принадлежит государю. Это делает их не только рабами, но волами и ослами, *resota campii*.

Наконец, если все имущество подданных есть собственность правителя, почему же тогда Илия укорял Ахава и Иезавель, царя и царицу Израиля, и Бог покарал их за захват виноградника Навуфея¹⁰, ведь они взяли то, что принадлежало им? И почему Навуфей не был обвинен в мятеже и измене за то, что не подчинился и не отдал виноградник, когда этого потребовали государи, если виноградник был не его, но их собственностью? Почему короли Англии, Франции и Испании просят деньги у подданных в парламенте, если могут взять их, как свои? Почему эти деньги называются субсидиями, помощью, благодеяниями, займами, контрибуциями и т.п., если они – должное, а не добровольное приношение со стороны подданных? Как могут парламенты столь часто отказывать государям в денежной помощи? Почему судьи разбирают тяжбы государя и подданных, если все принадлежит правителю, а подданные не имеют ничего своего? Наконец, почему каноническое право, признанное в большинстве стран мира, строго запрещает государям под страхом отлучения вводить новые налоги и поборы с народа без необходимости и всеобщего согласия, если все принадлежит государю и ничего – подданным? Почему всем нынешним правителям запрещено изменять права короны без согласия народа, если они повелевают всем, а народ ничего не имеет?

Пророк Самуил, угрожая евреям бесчинствами царей, которые должны были ими править, имел в виду отнюдь не то, что эти бесчинства законны и совершаются истинными государями. Но евреи отказались от умеренного правления первосвященников, которых им давал Господь, и требовали себе царей, подобных языческим государям Египта, Вавилона, Сирии и Персии, чей образ правления все историки и философы, включая Аристотеля, описывают как тиранический¹¹. Евреи хотели иметь более славное и блестящее правление, нежели то, что у них было. Самуил же сначала объяснил им, что языческие цари обычно совершали преступления против своего народа, отнимая детей, жен, слуг, имущество, и что многие цари Израиля станут поступать так же, посчитав это своим правом, будут подавлять их и тиранить, вынуждая звать к Господу о помощи. И они не найдут спасения, так как настойчиво требуют перемены правления, неугодной Господу всемогущему. Именно в этом заключается смысл данного места, а вовсе не в оправдании несправедливых и греховных поступков правителя. Основной закон, данный государям и правителям в Писании, велит им любить правосудие и справедливость, поддерживать порядок и поступать в соответствии с истиной. В этом и состоит приказание Господа евреям относительно их царей, данное во Второзаконии¹². Таково и предостережение Давида, высказанное им на смертном одре своему сыну и наследнику Соломону¹³, а через него – всем монархам и правителям. За пренебрежение к правосудию, порядку и истине были сурово наказаны не только Ахав и Иезавель¹⁴, но и многие другие цари – Охозия¹⁵, Манасия¹⁶, Иоаким¹⁷, – и наказание было бы несправедливым, если они по-

ступали с подданными по закону, как утверждают сегодня преступные защитники государей.

На вопрос же, по какому закону подданные карали своих дурных государей, я ответил вам ранее — по закону Божественному и человеческому. Божественному, ибо Господь одобряет ту форму правления, какую каждое общество принимает для себя, а также те условия и ограничения, которые оно налагает на государей. Человеческому, поскольку право естественное, позитивное, и право наций говорят нам, что государи — подданные закона и порядка, а общество, давшее им власть ради общего блага, может ограничить ее или взять обратно, если они станут использовать ее во зло.

Эти люди говорят, что поскольку отдельный человек может сделать равного себе или нижестоящего государем, но не может затем ограничить его власть, так и общество, однажды вручив свою власть, не имеет больше на нее права. Я отвечаю, что сравнение неточно, так как отдельный человек, хотя бы он отдал свой голос при создании государя, не творит правителя, в отличие от общества в целом. Поэтому не во власти отдельного человека развенчать его. Помимо этого, один человек, подав голос за признание государя, остается подданным и подчиненным, тогда как все общество, хотя и управляется монархом, является не подчиненным, но, напротив, высшей властью по отношению к государю. Общество никогда не передает власть таким образом, чтобы полностью лишиться ее, поскольку нужда может потребовать использовать ее для защиты, ради чего власть и существует.

Наконец, власть, которую государь получает от общества, на самом деле не абсолютна, но есть *potestas vicaria* или *delegata*, как говорим мы, юристы, т.е., власть делегированная, власть по поручению общества, каковая дается с такими ограничениями, предостережениями и условиями, с такими оговорками, обещаниями и клятвами (приносимыми обществом и королем в день его признания и коронации), что если они будут своевольно нарушены одной стороной, то другая не обязана выполнять свои обещания, как бы торжественно ни клялась. Ибо при любых сделках, соглашениях и контрактах одна сторона связана с другой клятвой, обетом или условием, и когда она отказывается от обещания, то другая сторона не обязана его выполнять. Это положение вытекает из естественного права и права наций, соответствует разуму и справедливости, включено в свод гражданского и канонического права, гласящего: *“Тот напрасно требует соблюдения обещания, данного ему другим человеком, кто сам не выполняет то, что обещал этому человеку”* и далее: *“Человек не обязан соблюдать то, что клятвенно обещал, если другая сторона не выполняет того, в чем поклялась”*¹⁸. Например, если бы двое поклялись помогать друг другу в пути, а затем встретились с врагами, приходящимися родственниками или друзьями одному из них, и тот перешел бы на их сторону против своего товарища, ясно, что последний не должен соблюдать клятву, данную тому, кто столь преступно ее нарушил.

Не только в этом очевидном случае, но и во многих других следует законно и честно нарушить клятву, а именно, когда ее исполнение нанесет явный вред вере, благочестию, справедливости, общему благу, или же тому, кто ее давал, если бы он, например, поклялся отдать меч сумасшедшему или одержимому, способному убить себя и других. Цицерон приводит подобные примеры и говорит, что в таких случаях исполнение обещаний противоречит долгу доброго и честного человека¹⁹.

Наши богословы приводят в пример Ирода, который поклялся дочери Иродиады дать ей то, что она попросит. Она попросила голову Св. Иоанна Крестителя, и хотя Ирод очень сожалел, но, как гласит текст Писания, приказал сделать это²⁰. Никто не станет отрицать, что лучше было бы оставить это обещание неисполненным, лучше было бы нарушить клятву, нежели сдерживать ее, согласно закону, говорящему: *«Не следует выполнять обещания при дурных замыслах»*²¹. Наконец, в своде канонического права существует целый титул, содержащий 36 глав, где говорится о том, можно ли по закону нарушить клятву; там приводятся случаи, выделенные Григорием I и другими папами²², а во второй части Декреталий содержится сентенция Исидора: *«При дурном обещании не держите своего слова, незаконного обета или клятвы, которую нельзя исполнить, не согрешив»*²³. Таково же и содержание следующего раздела.

Итак, гражданское и каноническое право подробно рассматривают вопрос о том, как, когда и почему можно нарушить обещание и клятву. Если применить это к нашему предмету – правителям, то станут очевидными два ясных случая, когда клятва подданных в верности может быть не выполнена. Первый – когда государь не выполняет своего обещания и клятвы, данных обществу при вступлении на престол или коронации; другой же – когда это может повлечь за собой значительный ущерб для общего блага (только ради сохранения которого и существуют государи).

Оба эти случая сошлись при смещении Хильперика, последнего короля Франции из рода Фарамона. Ибо, как утверждают Павел Эмилий, Бельфоре, Жирар и другие французские историки²⁴, епископ Вюрцбурга, который от имени знати и подданных Франции обратился с речью к папе Захарию, сослался на них, сказав:

«Правда, что франки поклялись в верности Хильдерику как их истинному и природному королю с тем, однако, условием, чтобы он, со своей стороны, исполнял то, что подобаает его положению, т.е., защищал государство, покровительствовал церкви Христовой, карал злых, помогал добрым и т.п. И если бы он поступал так, франки были бы готовы сохранять покорность и верность ему; но поскольку он не склонен к этому и неспособен быть ни военачальником в битве, ни правителем в мирное время, так как от него нельзя ждать ничего, кроме вреда для государства, позора для нации, угрозы для христианской веры, и гибели общего блага, то, без сомнения, законно для вас, святейший отец, освободить франков от оков этой клятвы и

признать, что этот народ нельзя связать обещанием, которое может нанести ущерб всему христианскому миру". Речь епископа была одобрена, Хильдерика сместили, а королем вместо него стал Пипин²⁵.

Здесь вы видите основание, из которого исходит правое и законное смещение и наказание нечестивых государей, а именно, невыполнение клятв и обещаний, данных ими при вступлении на престол, – править справедливо, согласно закону, совести и вере. Когда они нарушают их или своевольно уклоняются от их исполнения, отбрасывая уважение к обязанностям и долгу, во имя которых они были сделаны государями и вознесены над другими, общество не только свободно от клятв в повиновении и верности, таким недостойным правителям, но, более того, обязано во спасение целого тела воспротивиться, покарать и отсечь дурные головы, если оно будет на это способно, ибо иначе дело дойдет до разрушения, падения и общей гибели.

Мы приведем здесь соображения древних философов и законодателей, писавших о государстве, о различии государя и тирана. Ибо государь, который однажды уклонился от своего долга, становится тираном, т.е., из лучшего и высшего на земле становится худшей и опаснейшей тварью под небесами, так как если цель и обязанность правителя состоит в счастье своего государства, то тиран стремится к его разрушению. Вся разница сводится к одному положению, о коем я уже упоминал, а именно: государь правит в соответствии со справедливостью, коронационной клятвой, совестью и законами, предписанными ему, тиран же есть враг этих условий. Если же вы пожелаете прочесть о других особенностях, отличающих тирана, я отошлю вас к специально об этом написанной книге Бартоло, знатока канонического права, в которой говорится о том, как похвально восстать против тирана²⁶. В конце своего труда Бартоло соглашается с Цицероном, говорившим, что добрый государь принимает во внимание то, что он стоит над народом, но законы стоят над ним²⁷, а тиран поступает наоборот. Похвальны также и слова императоров Феодосия и Валентиниана, ставшие частью нашего гражданского права: *"Величия правящего достойно признать, что оно связано законами"*²⁸. Напротив, высказывание тирана Гая Калигулы заслуживает лишь презрения. Он сказал однажды, как сообщает Светоний: *"Помни, что я могу сделать все, что хочу, с кем угодно"*²⁹. Вечной памяти и хвалы достойны также слова знаменитого императора Траяна. Он, вручая меч претору или губернатору Рима, во имя справедливости прибавил следующее: *"Возьми этот меч, и если я правлю справедливо, используй его ради меня, если же нет – против меня"*³⁰. По сути своей и на деле это те же самые слова, какие произносят наши христианские государи при вступлении на престол и коронации в соответствии с законами, статутами и ордонансами их стран, и на таких условиях они принимают клятвы в верности от своих подданных, оговаривая, что если они этого не исполнят, их подданные будут свободны от присяги, и тогда общество и магистраты могут использовать меч против того, кто им его дал, если возникнет необходимость...

Примечания

- ¹ Цивилист – юрист гражданского права
- ² Юрист общего права
- ³ *Belloy P. Apologie catholique contre les libelles, declarations, advis et consultations faictes, écrites et publiées par les Liguers, perturbateurs du Royaume de France. 1585, p.2, c.9. De l'autorité du Roy. 1587, c.9.* В произведениях юриста Пьера де Беллуа, принадлежавшего к тулузской школе права, последовательно излагалась абсолютистская доктрина. Они были избраны Парсонсом в качестве главной мишени, потому, по всей видимости, что Беллуа развил высказанную Боденом идею о короле как естественном руководителе религиозной жизни своих подданных. Для англичанина-католика подобная посылка была совершенно неприемлема.
- ⁴ 1 Царств, 8.
- ⁵ *Belloy P. Apologie catholique, p.2, c.7; De l'autorité du Roy, c.6, 24, 26.*
- ⁶ Цицерон. Об обязанностях, II.
- ⁷ *Codex Juris Civilis. Institut. II, I.*
- ⁸ *Аристотель. Политика, I, IV-V.*
- ⁹ *Аристотель. Политика, I, III.*
- ¹⁰ 3 Царств, 21.
- ¹¹ *Аристотель. Политика, V, XI.*
- ¹² См. Второзаконие, 17, 18-20: "Но когда он сядет на престол царства своего, должен списать для себя список закона сего с книги, находящейся у левитов, и пусть он будет у него..., дабы научался бояться Господа, Бога своего, и старался исполнять все слова закона сего и постановления сии; чтобы не надмевалось сердце его пред братьями его, и чтобы не уклонялся он от закона ни направо, ни налево..."
- ¹³ 3 Царств, 2, 3-4.
- ¹⁴ 3 Царств, 22, 34-38; 4 Царств, 9, 32-33.
- ¹⁵ 4 Царств, 9, 25-27.
- ¹⁶ 2 Паралипоменон, 33, 11.
- ¹⁷ 4 Царств, 24, 1-4.
- ¹⁸ *Decretum Gratiani, 75, q.69.*
- ¹⁹ Цицерон. Об обязанностях, III.
- ²⁰ Матф., 14, 6-11.
- ²¹ *Decretum Gratiani, 68, q.6.*
- ²² *Decretales, 2, q.24.*
- ²³ *Decretales, p.2, c. 22, q. 4; c.5, q. 5.*
- ²⁴ В качестве своих источников Парсонс указывает 2-ю книгу "Истории франков" Павла Эмилия, "Большие анналы Франции" Франсуа Бельфора и "Всеобщую историю французских королей" Бернара Дюгайана. Однако приведенная им речь епископа не является цитатой ни из одного из этих произведений; она была сочинена самим Парсонсом. В тех случаях, когда Парсонс цитирует других авторов, он приводит сначала отрывок на языке оригинала, а затем дает свой перевод. Здесь же у Парсонса только английский текст.
- ²⁵ Последний король из династии Меровингов, Хильдерик III был возведен на престол в 743 г., а уже в 751 г. майордом Нейстрии Пипин, заручившись поддержкой папы Захария, созвал ассамблею франкской знати, которая возвела его на королевский трон. Хильдерик III был свергнут и пострижен в монахи монастыря Сен-Бертен, где и умер в 755 г.
- ²⁶ Имеется в виду трактат известного юриста, знатока римского права Бартоло да Сассоферрато (1313-1357) "О тирании", пользовавшегося огромной популярностью в XVI в., прежде всего у французских тираноборцев.
- ²⁷ Цицерон. О Законах, II.
- ²⁸ *Codex Juris Civilis, I, 14.*
- ²⁹ Светоний. "Жизнь двенадцати цезарей", 4.
- ³⁰ Всемирная Хроника Иоанна Зонары, 2.

ИЗ ИСТОРИИ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

М.С.Петрова

Грамматическая наука в поздней античности и в средние века: *Ars Minor* Доната

Реконструкция прошлого любой науки, в частности науки о языке, неизбежно подразумевает чтение основных источников. Но документы – это не собрания однозначных данных, они – часть дискурсивного¹ поля и ставят герменевтическую проблему, которая требует учета внеязыкового контекста. *Ars grammatica* (грамматическая наука, или в современной инкарнации – лингвистика), как дисциплина в поздней античности и в раннее средневековье включала в себя не только исследование языка, но также обучение грамоте, диалектике и критике текстов. В раннем средневековье грамматика была одновременно и организующим принципом монашеского образования, и фокусом споров о педагогике, теории языка, о верном прочтении текста.

Более того, поскольку нынешнее членение наук не соответствует античному, отдельные тексты (например, *Ars minor*² Доната) следует рассматривать в контексте не только грамматики, но и смежных дисциплин, среди которых – риторика и диалектика (т.е. дисциплины тривиума). К тому же, современная историография науки отказывается от понятия прогресса и от того, чтобы писать историю дисциплины с точки зрения нынешних представлений в этой области знаний. Таким образом, ставится под вопрос обязательное до недавнего времени разведение “научного” и “ненаучного” (в частности, науки и поэзии)³. К примеру, *Этимологии* Исидора можно изучать только выйдя за пределы подобных противопоставлений⁴: тогда мы будем не столько проводить деление на *научное/ненаучное*, сколько рассматривать вместо него последовательность возможных парадигм – от “очевидной” до “вероятной”,

¹ Здесь, мы понимаем слово *дискурс* не в узком смысле, как рассуждение, выраженное в словах и понятиях, а в более широком, как связанный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими, экзистенциальными и др. – факторами. См. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С.136-137.

² В русской традиции этот трактат упомянут под названием *Малая грамматика* (например, см. Словарь античности. М.: Прогресс, 1989. С.191).

³ Кун Т. Структура научных революций. М., 1975; Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб., 1994.

⁴ О таком подходе к *Этимологиям* Исидора сказано в книге: Уколова В.И. Античное наследие и культура раннего средневековья. М.: Наука, 1989. С.200.

отчасти в зависимости от того, чему имеется больше или меньше свидетельств.

Исходные посылки, высказывания и критерии прежних лингвистических практик находятся вне пределов того, что теперь считается легитимной наукой: их относят к полю метафорического языка, фольклора, дискурса о сновидениях или языковой игре. Недавние работы по грамматике, особенно Лефшtedта, Кернера, Хольтца, Лоу и Амслера⁵, дали общий обзор первичных источников и филологических сложностей этого предмета. Следующей задачей является детальное изучение и реконструкция исследовательских процедур, педагогики, интересов придворных кружков и содержания учения ранней средневековой лингвистики, ее отношения к более широким интеллектуальным практикам, включая историографию, поэзию и экзегезу.

Мы попытаемся рассматривать грамматику как составную часть общего гуманитарного знания, что не потребует узкоспециальных рассуждений. Наша задача сводится не только к изучению грамматической традиции (т.е. процесса чтения и разбора самих текстов), описанию истории жизни авторов-грамматиков, перечню источников на них повлиявших и др., но и выявлению того, как такие грамматики воспринимались в обществе. Этот проект потребует ряда статей. Предлагаемая здесь работа посвящена Донату и его трактату *Ars minor*. Но прежде упомянем важнейших латинских авторов, писавших о грамматике, их главные тексты, наметим ключевые периоды развития этой дисциплины и опишем существовавшие типы грамматик⁶.

Первыми известными латинскими грамматиками были Элий Преконий Стилон (ок. 154-74 гг. до н.э.); ученик Стилона – Марк Теренций Варрон (116-27 гг. до н.э.), написавший *De lingua latina* (О латинском языке), первую основополагающую книгу по грамматике на латинском языке, которая впоследствии дала материал многим авторам-грамматикам; Реммий Палемон (перв. пол. I в.) – автор первого учебника (ныне утраченного) латинского языка. Дальнейшую историю развития грамматики можно разделить на четыре периода⁷. Первый охваты-

⁵ Löfstedt B. *Der hibernolateinische Grammatiker Malsachanus*. Stockholm: Almqvist and Wiksell, 1965; Koerner E. *Toward a Historiography of Linguistics: Selected Essays*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 1978; Holtz L. *Donat et la Tradition de l'Enseignement grammatical*. Paris: Centre National de la Recherche Scientifique, 1981; Law V. *The Insular Latin Grammarians*. Woodbridge: Boydell Press, 1982; *Grammar and Grammarians in the Early Middle Ages*. L.; N.Y.: Longman, 1997; *Amsler M. Etymology and Grammatical Discourse in Late Antiquity and the Early Middle Ages*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1989.

⁶ Мы не претендуем на полноту перечня авторов-грамматиков и не отделяем их от ученых широкого профиля, посвятивших грамматике одну из своих работ или включавших в свои произведения на самые разнообразные темы специальные разделы по грамматике. Наша задача – показать, что грамматическая традиция не прерывалась.

⁷ Law, p.260-261. Эти четыре периода развития грамматики условно соответствуют историческим периодам: первый период охватывает позднюю античность, второй – раннее средневековье, третий – зрелое, четвертый – позднее.

ваает четыреста лет (200-600 гг.). Это время, когда создавались учебники грамматики и латинского языка. Основные представители этого периода – Донат (350 г.), написавший *Ars grammatica*; его современники Диомед и Харисий (IV в.); ритор Марий Викторин (fl. 350-360 гг.), написавший трактат с тем же названием – *Ars grammatica*; комментатор Вергилия Сервий (fl. ок. 400 г.); Марциан Капелла (V в.)⁸; политический деятель Макробий Феодосий (fl. V в.), написавший *De differentiis et societatis graeci latiniqve verbi* (О различиях и сходствах греческого и латинского глаголов); Присциан (500 г.), автор *Institutiones grammaticae* (Установления грамматики), Евтихий (VI в.), автор *О глаголах*. Второй период длился лишь двести лет (600-800 гг.). В этот период латинский язык начинает изучаться уже как неродной. Его представители: Исидор Севильский (570-636 гг.), автор *Этимологий*; Татуин (734 г.); Бонифаций (754 г.). Следующий, третий период, продолжался триста лет (800-1100 гг.). В это время создавались грамматические комментарии. Авторы таких работ: Муредак (fl. 840 г.); его современник Седулий Скотт, написавший комментарий на *Ars minor*, Ремигий из Осерра (ум. 908 г.). Последний период, четвертый, охватывал также триста лет (1100-1400 гг.). Одна из его характерных особенностей – развитие теоретической грамматики – лексикографии и этимологии. Представители – Александр Некман (ум. 1217 г.), Фома из Эрфурта (1300 г.).

В целом, все *Граматики*⁹ могут быть распределены по четырем типам. Граматики первого типа, называемые “элементарными” (или “школьными”), посвящены описанию частей речи. Они характеризуются последовательностью и систематичностью изложения, наличием дефиниций. Как правило, в них описываются свойства и изменения каждой части речи по очереди, что сопровождается примерами. Граматики второго типа – “регулятивные” (*regula grammatica*) – противоположны первому. Они сосредоточены на многочисленных правилах (*regulae*), подтверждаемых примерами. Части речи излагаются в них менее систематично и полно, чем в аналогичных грамматиках “школьного” типа. Зачастую обсуждается только одна часть речи (например, имя), или две (имя и глагол). Внутренняя структура обеспечивается не посредством обсуждения свойств части речи, но другими критериями – алфавитным порядком, родом, склонением, спряжением, или же сочетанием и того и другого. Такие грамматики производят впечатление справочника, больше приспособленного для обучения, чем школьные учебники первого типа¹⁰. Граматики третьего типа предназначались для совершен-

⁸ Имеется в виду третья книга *De arte grammatica* из произведения *О свадьбе Филологии и Меркурия* (*De nuptiis Philologiae et Mercurii*), см. Martianus Capella (*Dijk*, 1925).

⁹ За исключением работы Варрона *De lingua latina*, которую мы намеренно не относим к какому-либо грамматическому типу, поскольку она более теоретизирована и отличается по своей структуре.

¹⁰ Law, pp. 54-57; pp. 130-134.

ствования латинского языка и представляют собой "сравнительно-описательные рассуждения". В них систематизируются и сравниваются родовые окончания частей речи (например имени), определяются сходства (иногда и различия) между одной и той же частью речи в латинском и греческом языках и т.д. Отметим, что не каждую из грамматик можно четко отнести к тому или другому типу – возможны пограничные случаи. Четвертый тип – грамматики в виде "комментариев" к авторитетному или каноническому тексту.¹¹ Они особенно развились в средние века, потеснив "школьные" и "регулятивные".

* * *

Ниже основное внимание уделяется Донату и его *Ars minor*. Сведения об авторе скудны. Донат был учителем в Риме приблизительно около 350 г.н.э. Возможно, у него было второе имя – *Aelius* (Элий)¹², которое появляется лишь в поздних манускриптах. Наше знание о нем, как об учителе, получено, главным образом, из двух мимолетных упоминаний¹³, сделанных его знаменитым учеником – Иеронимом (347-419/20), отцом церкви, давшим латинянам *Вульгату*. Иероним, цитируя слова комедиографа "все хорошее до нас уже было сказано"¹⁴, написал: "Мой наставник Донат, бывало, говорил такие слова: *Да сгинут те, которые все сказали раньше нас*"¹⁵.

В средние века преимущественно использовалась лишь часть грамматического труда Доната, которая в качестве самостоятельного трактата циркулировала под многими названиями¹⁶. Наиболее часто

¹¹ Мы рассматриваем "комментарии" как самостоятельные произведения, ибо они находятся в двойственном отношении к искомому тексту. С одной стороны, "комментарий" зависит от авторитетного текста, от имени которого говорит, с другой стороны, он также преобразует и перестраивает ситуацию, внутри которой предполагалось читать искомый текст.

¹² Следует отличать Элия Доната от Тиберия Клавдия Доната, автора, вероятно, жившего в конце IV в. и написавшего *Interpretationes Vergilianae*. См.: Donatus, *Aelius* // *Encyclopedia Britannica* (CD-ROM, version 1997).

¹³ Иероним, *Commentarius in Ecclesiasten*, cl.583, cap.I, ver.9, linea 233: *praeseptor meus Donatus* (мой наставник Донат); *Eusebii Caesariensis Chronicon. Hieronymi continuatio*, cl.616c, pag.239, linea 12: *Victorinus rhetor et Donatus grammaticus praeseptor meus* (ритор Викторин и мой наставник грамматик Донат), см. *Cetedoc Library of Christian Latin Text*, (Tombour P., 2nd ed., 1994) или *Corpus Christianorum, Series Latina* 72.

¹⁴ Теренций, *Евнух* 41.

¹⁵ Иероним, *Commentarius in Ecclesiasten*, cl.583, cap.I, ver.9, lin. 230-33: *huic quid simile sententiae et comicus ait: "nihil est dictum, quod non sit dictum prius", unde praeseptor meus Donatus, cum istum versiculum exponeret: "pereant", inquit, "qui ante nos nostra dixerunt"*. Об этом Chase W. *Introductory sketch // The Ars Minor of Donatus*. Madison: University of Wisconsin Studies, 1926. P.4.

¹⁶ До создания учебников грамматики, Донат написал *Комментарии* на Теренция и Вергилия. Авторская версия *Комментария* на Теренция утрачена, вторая же частично сохранилась. *Комментарий* Доната на Теренция – продукт великолепного знания источника, он содержит интересные сравнения с греческими оригиналами. Из *Комментария* на Вергилия сохранились лишь вступление, посвящение, сведения о жизни Вергилия, введение к *Буколикам* и отдельные отрывки. – Donatus, *Aelius* // *Encyclopedia Britanica*.

встречаемый заголовок: *Donati de partibus orationis ars minor* (Донат. *Краткая наука о частях речи*). Полный титул четко показывает содержание трактата – рассуждение о частях речи. Со временем, заголовок приобрел более краткую форму, превратившись в употребляемое и ныне *Ars minor*, или же просто был назван по имени автора в различном написании: *Donatus* (Донат), *Donat* или *Donet*, *Ars minor* – первая часть полной *Грамматики* автора, состоящей из двух частей. Вторая, превышающая размером первую более чем в пять раз, известна под названием *Donati grammatici urbis Romae ars grammatica* (Донат, *грамматик города Рима. Грамматическая наука*) или *Ars maior*¹⁷.

Некоторые выражения из *Ars grammatica* Доната схожи с изложением Диомеда, а в последней части – также и Харисия. Это означает, что все три автора использовали одни и те же источники. Скорее всего это ныне утраченный трактат *Ars grammatica* Реммия Палемона. В основу грамматики самого Палемона была положена известная работа автора-грамматика Дионисия Фракийского (ок. 170-90 гг. до н.э.) и его учителя Аристарха Самофракийского, который жил в Александрии в 217-143/5 гг. до н.э., и был среди первых, кто четко выделил восемь частей речи¹⁸. Таким образом, *Ars minor* Доната опосредованно восходит к аналогичным работам Александрийской грамматической школы.

Трактат *Ars minor* написан в форме “вопросов” и “ответов”. Это диалог ученика и учителя, в котором учитель на каждый поставленный вопрос дает подробнейший ответ, подтверждая примерами то или иное положение. Этот принцип не нарушается на протяжении всей работы. В целом, “ответы” выстраиваются в четкое и ясное изложение. Так, после перечисления восьми частей речи, Донат переходит к разбору каждой в отдельности, начиная с описания “имени”. Прежде всего автором дается общее определение имени, затем обозначаются его свойства, указываются падежи, употребляемые при степенях сравнения, описываются род, число, способы составления слов. В конце раздела Донат перечисляет все шесть падежей и дает примеры склонения пяти имен. Далее он переходит к описанию местоимений, затем – к глаголу, причастиям, остальным частям речи. В целом, автор краток и последователен в своем изложении (отсюда и название трактата). По этим признакам трактат *Ars minor* может быть отнесен к “элементарным” грамматикам, предназначенным для начального периода обучения.

Здесь отметим, что изложение Доната имеет свои особенности. Так, он не рассматривает имя числительное как часть речи; не разделяет имена существительные и прилагательные, объединяя их в одну часть речи – “имя”. Донат классифицирует имена не по пяти склонениям (для имен существительных) или по трем склонениям (для имен прилагательных) – что имеет место в современной морфологии – а по пяти родам – мужскому, женскому, среднему, общему двух-родовому и

¹⁷ Или *Большая грамматика*, см. прим.2.

¹⁸ Chase, p.12.

общему трех-родовому. Что касается словообразования, то оно дано весьма подробно: рассмотрены пять возможных вариантов. В современной терминологии это два вида словообразования – “словосложение” и “аффиксация”. Демонстрируя изменения окончаний при склонении имен, автор дает местоимения, которые являются показателем того или иного рода имени¹⁹. При описании самих местоимений, Донат делит их на определенные (*finita*) и неопределенные (*infinita*), а затем добавляя еще и “менее определенные” (*minus quam finita*). У глагола выделяется шесть наклонений (изъявительное, повелительное, желательное, сослагательное, неопределенное, безличное) – вместо трех, как в современной морфологии – и только три спряжения. К тому же при описании спряжений глаголов, Донат дает лишь один пример – спряжение глагола *legere* (в современной классификации, глагола третьего спряжения). Этот выбор определяется целями автора – глагол *legere* (читать) пригоден более, чем какой-нибудь другой, чтобы показать приступающему к изучению латыни какие формы были выражением таких грамматических категорий как “третье лицо множественного числа” или “повелительное наклонение будущего времени”. Тем не менее, имея перед собой только *Ars minor*, ныне невозможно проспрягать глаголы других спряжений (или выучить четвертое или пятое склонение имен существительных), так как в ней охвачена лишь часть современной латинской флексивной морфологии.

Другое сочинение Доната – *Ars maior* – состоит из трех книг. Первая книга о фонетике. Ее основные темы таковы: звуки (*uox*), буквы (*littera*), слоги (*syllaba*), стихотворные стопы (*pedes*), ударение (*tonor*), положение (*positurae*). Вторая – описывает части речи (*partes orationes*): имя (*nomen*), местоимение (*pronomen*), глагол (*uerbum*), наречие (*aduerbium*), причастие (*participium*), частица (*coniunctio*), предлог (*praepositio*), междометие (*interiectio*). В третьей книге речь идет о стилистике. Эта часть посвящена совершенствованию речи и говорит о неправильностях языка – варваризмах (*barbarismus*), солецизмах (*soloecismus*), других ошибках и неправильностях языка (*cetera uitia*), метаплазмах (*metaplasmus*), а также о риторических фигурах (*schemata*) и тропях (*tropi*)²⁰. Если сравнивать *Ars maior* и *Ars minor*, то последний труд очень похож на вторую книгу *Ars maior*, посвященную учению о частях речи. Но, как было отмечено, *Ars minor* написана в форме вопросов-ответов и ориентирована на обучающихся основам; *Ars maior*, напротив, в виде пространного изложения, предназначенного для тех, кто совершенствует свои знания в языке.

¹⁹ Эти местоимения впоследствии “переродились” в артикли в новых языках, например, в немецком, французском, итальянском и др.

²⁰ В средние века добавился четвертый раздел, состоящий из орфографии (*ortographia*), просодии и теории стиха (*prosodia*), этимологии (*ethimologia*), синтаксиса (*diasinastica*). – Law. p.260-261.

*Ars minor*²¹ широко использовалась в течение всех Средних веков. Это было связано с тем, что единственным способом овладеть мастерством чтения, речи и письма на латыни было изучение грамматики этого языка, а потому прежде всего были необходимы именно “элементарные” грамматики²², которые могли удовлетворить нужды обучающихся латинскому языку, как неродному. Составленная в виде диалога грамматика *Ars minor* для таких целей очень подходила. Свидетельства использования донатовской грамматики и ее широкого распространения имеются в большом количестве: это и литературные ссылки на нее, и включение работы в библиотечные перечни, и повсеместные упоминания имени автора, и записи средневековых учеников²³.

Мы не можем сказать, на каком из этапов начального обучения использовался учебник *Ars minor* в Средние века. Осваивался ли учебником материал учебника параллельно с запоминанием слов из *Символа веры* или псалмов, или же он тратил какое-то время только на Доната? Очевидно лишь одно, методы обучения были основаны на зубрежке²⁴. Учителя стремились передать и объяснить ученикам *Ars minor* – слово за словом и предложение за предложением – используя для этого как уже приобретенный учениками латинский вокабуляр, так и

²¹ Насколько трактат *Ars minor* Доната был востребован при жизни автора – остается вопросом. Скорее всего он не использовался латино-язычными учениками, поскольку им были необходимы более сложные грамматики. Приведем пример подобного вида обучения из трактата Присциана *Partitiones duodecim uersuum Aeneidos principalium* по разбору первой строки из *Энеиды*: *Троя* – какая часть речи? – Имя. Какое? – Собственное. Какого вида? – Дериват, ведь *Троя* названа по имени царя *Трояна*. Назови другие дериваты от него. – *Троянский*, *Тройский*. (*Troiae* quae pars orationis est? – Nomen. Quae? – Proprium. Cuius speciei? – Deriuatiuae: a *Troë* enim rege nominata est *Troia*. Dic ab eo alia deriuata. – *Trojanus*, *Troicus*). См.: *Grammatici latini* / Ed. Keil. 8 vols. Leipzig, 1961. III, 467,7-9.

²² Здесь мы имеем в виду то, что были восприняты не авторитетные грамматические работы, как например *De lingua latina* Теренция, а те, которые могли быть приспособлены к изменившейся программе обучения языку.

²³ Подробный перечень см. Chase, pp. 4-24.

²⁴ Средневековый мальчик, в общем, начинал свое образование между пятью и семью годами (для сравнения: в Древней Греции – только с семи лет. – *Marry A.-I.* История воспитания в Античности (Греция). М.: ГЛК, 1998. С.201-224. Как только он научался распознавать буквы, их образование в слоги, то приступал к запоминанию латинских слов и фраз из *Символа веры*, молитвы *Отче наш* и других основных текстов церковной службы. Учебниками служили переписанные от руки книги. Практика обучения у священников или монахов была следующей: учителя произносили слова для запоминания, ученики повторяли их вслед за ними до тех пор, пока слова, которые часто не имели для них никакого смысла, не были выучены наизусть. Ученики могли записывать слова, используя для этого восковые таблички. Записанное быстро выучивалось наизусть, так как запись должна была быть вскоре стерта для написания нового диктанта на этой же самой табличке на следующий день. Когда несложная часть текстов церковной службы была должным образом выучена, переходили к изучению псалмов. На этом этапе хорошие учителя добивались знания учеником латинского языка как родного. Благодаря такой системе обучения выходила двойная польза. Во-первых, появилась возможность проговаривать, декламировать или петь службу в церкви и у мальчиков в хоре, и у самих верующих. Во-вторых, люди овладевали вокабуляром латинских слов. См. Chase, p.12-13.

слова их родного языка. Можно лишь догадываться о том, как велика должна была быть неприязнь, которую средневековый ученик ощущал к латыни в течение ее ежедневного и однообразного изучения, и как неутомимо было его трудолюбие и усердие – ведь у него не было текста самой грамматики, сверяясь с которым было легче припомнить забытое правило или парадигму. Но даже будь у ученика текст, в нем все равно отсутствовали многие облегчающие запоминание иллюстративные средства, которые содержатся в современных учебниках. Ни одна из дошедших до нас копий *Ars minor*, датируемая временем ранее 1500 г., не содержит даже попытки упорядочить материал в форме таблиц – во всех манускриптах текст идет строка за строкой, без разбивки на предложения. Таким образом, собственная память была единственной надеждой и опорой ученика. К тому же на латинском языке ученик должен был говорить и на это были направлены все его усилия. Вопросно-ответная форма изложения Доната весьма способствовала достижению намеченной цели²⁵.

В Средние века правила Доната не всегда принимали безоговорочно. Отвержение могло происходить по идеологическим причинам. Например, Григорий Великий (ок.540-604 гг.) в предисловии к проникнутым духом монашеского аскетизма *Моралиям на Иова*, полагал, что не следует подгонять язык *Библии* под нормы классического языка Доната²⁶. Позже того же мнения придерживался Годскалк (805-868 гг.), считавший, что когда речь идет о *Святом Писании*, Донат должен уступить Святому Духу, ведь Дух Святой есть *Ars artium* (*Наука наук*): это под его водительством написана *Библия*, язык которой выше правил Доната²⁷. Для других была важна не только лингвистика. Так, *Грамматика* Аспера²⁸ очень похожа на *Ars minor* Доната, но традиционные слова-примеры из грамматических парадигм классической латыни были заменены на слова из монашеской жизни. Так, вместо *Musa* (*Муза*) склоня-

²⁵ В этом примере виден метод школьного обучения: Ты школяр? Да, я школяр. Что ты читаешь? Я не читаю, но слушаю. Что ты слушаешь? Таблицу Доната, или Александра, или логику, или музыку (*Es tu scolaris? Sum. Quid legis? Non lego sed audio. Quid audis? Tabulam, vel Donatum vel Alexandrum vel logicam vel musicam*). Насколько скоро и легко средневековый ученик начинал говорить и писать на латыни хорошо демонстрирует письмо родителям, написанное около 900 г. мальчиком из монастырской школы. После распросов о различных несущественных вещах, появляются слова: Своим родителям А., отлученный ягненок [посылает] полное любви бляение (*Parentibus suis A agnus ablatus pium balatum*) – *Robertus Matensis* (Migne), vol.132, col.533; цит. по Chase, p.14.

²⁶ *quia indignum uehementur existimo, ut uerba caelestis oraculi restringam sub regulis Donati* (я полагаю совершенно недостойным стеснять слова божественного откровения правилами Доната), см. Григорий Великий, *Moralium Libri. PL* (Migne), vol.75, col.516.

²⁷ *non per omnia sequendus est Donatus* (не во всем надлежит следовать Донату), см.: *Oeuvres théologiques et grammaticales de Godescalc d'Orbais* / Ed.Lambot. Louvain, 1945. P.499.

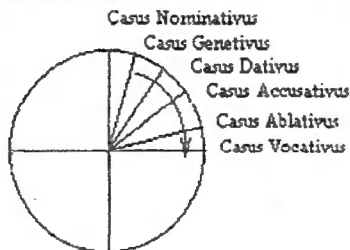
²⁸ Об этом авторе практически нет сведений. Его учебник, озаглавленный *Ars Asporii* (или *Asperi*) – первый ирландский учебник латинского языка, см. *Ó Cróinín D. Early Medieval Ireland 400-1200. L.; N.Y; Longman, 1997. P.175-76.*

ется²⁹ слово *ecclesia* (церковь), а *ieiunium* (пост) заменило *scamnum* (скамья). В перечне глаголов примерами были *ieiunare* (поститься), *orare* (молиться), *legere* (читать)³⁰. Сам же Аспер пишет о том, что его *Грамматика* более правильная, поскольку в ней даны примеры из христианской жизни. Таким образом, если упрощенность и схематичность изложения Доната отвечали запросам изменившейся системы образования, то примеры – уже не всегда.

* * *

Предлагаемый текст учебника Доната поможет составить более полное представление о принципах обучения латинскому языку в Средние века. Перевод³¹ выполнен по изданию "*Donati de partibus orationis ars minor*" // *Grammatici latini*. Vol.IV. (Leipzig, 1864); reprint. Georg Olms Verlagsbuchhandlung Hildesheim 1961, 1981, по этому же изданию при-

²⁹ Отметим, что Донат, следуя своим грамматическим предшественникам, использует термин "*declinatio*" (склонение), присваивая падежные формы именам, местоимениям, прилагательным в единственном и множественном числе. Ранние учителя представляли падежи в графическом виде, посредством радиуса, проведенного в первой четверти круга. На таком чертеже именительный падеж был вертикалью, а другие падежи, были линиями, проведенными от центра все дальше и дальше направо и вниз, и таким образом отклонялись от вертикали, т.е. склонялись (цит. по Chase. p.23).

³⁰ См.: Ó Cróinín, p.175; Holtz, pp.142-46; 272-83. Обсуждение см.: Law V. The Insular Latin grammarians. Studies in Celtic History. Woodbridge, 1982. III. P.35-41.

³¹ Отметим, что *Ars minor*, была переведена на церковнославянский язык Дмитрием Герасимовым (1522 г.). Первоначальный перевод Дмитрия утрачен. Сохранилось несколько его вариантов, возможно, переработанных, из которых выделяется один (1562-63 г.), представляющий собой "странную смесь латинского с русским – латинский остов в русском облачении" (подробнее об этом см. Ягич И.В. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке. Спб., 1895. С.524-585). Видимо, Д.Герасимов ставил перед собой задачу не столько перевести *Грамматику* Доната, сколько, написать собственную и придать латинским парадигмам славянские эквиваленты (кратко о сравнении некоторых аспектов двух *Грамматик* см. Успенский Б.А. "*Grammatica sub specie theologiae*" // *Ego* же. Избранные труды. Т.III. Общее и славянское языкознание. М., Языки русской культуры, 1997. С.379-381. Однако, по такому тексту невозможно получить представление о подлинном *Ars minor* Доната.

водится латинский текст. Для сверки использован английский перевод *Ars minor* of Donatus, translated from the Latin with introductory sketch by W.J. Chase.

Почти все языковые категории, выделяемые Донатом, имеют современные терминологические соответствия. Однако, некоторые из них не поддаются точному переводу на русский язык. Например, *qualitas* обозначает: 1) деление имен – на собственные и нарицательные, 2) местоимений – на определенные (*qualitas finita*) и неопределенные (*qualitas infinita*); у глагола *qualitas* – это изменение по наклонениям и видам. *Genus* употребляется в двух значениях: это "род" (для имен) и "залог" или "категория" (для глаголов). *Figura* (фигура) у всех частей речи обозначает деление на простые и составные. *Forma* – подразделение по видам, при описании глаголов. Чтобы не затемнять эту специфику, мы не переводили перечисленные выше термины. Для удобства восприятия латинский текст разбит на дополнительные абзацы, примеры выделены курсивом, введена дополнительная пунктуация.

Для комментария к переводу использованы издания: *Линдсей В.М.* Краткая историческая грамматика латинского языка / Пер. Ф.А.Петровского. М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1948; *Эрну А.* Историческая морфология латинского языка / Пер. М.А.Бородиной под ред. И.М.Тронского. М.: Изд-во иностранной литературы, 1950; *Соболевский С.И.*, Грамматика латинского языка. М.: Учпедгиз, 1938. За советы и пожелания при работе над примечаниями к переводу, мне хотелось бы выразить искреннюю признательность Ольге Игоревне Варьяш.

ЧЕТЫРЕ ПЕРИОДА РАЗВИТИЯ ГРАММАТИЧЕСКОЙ НАУКИ

II в. до н.э.

Элий Преконий Стилон

Марк Теренций Варрон

I в.

Реммий Палемон

I период IV — VI вв. Создание учебников

IV в. н.

Элий Донат

Марий Викторин

Диомед

Харисий

V в.

Сервий

Макробий Амвросий Феодосий

Марциан Капелла

VI в.

Присциан

Евтихий

II период VI — VIII вв. Изучение языка как народного

Исидор

Татуин

Бонифаций

III период VIII — XI вв. Создание грамматических комментариев

Муредак

Седулий Скотт

Ремигий из Скотра

IV период XI — XIV вв. Дальнейшее развитие языка

Александр Некман

Фома из Эрфурта

DONATI DE PARTIBVS ORATIONIS ARS MINOR

Partes orationis quot sunt? – Octo.

Quae? – Nomen pronomen verbum adverbium participium coniunctio
praepositio interiectio.

De nomine

Nomen quid est?

– Pars orationis cum casu corpus aut rem proprie communiterve
significans.

Nomini quot accidunt? – Sex.

Quae? – Qualitas comparatio genus numerus figura casus.

Qualitas nominum in quo est?

– Bipertita est: aut enim unius nomen est et proprium dicitur, aut
multorum et appellativum.

Comparationis gradus quot sunt? – Tres.

Qui? – Positivus, ut *doctus*, comparativus, ut *doctior*, superlativus, ut
doctissimus.

Quae nomina comparantur?

– Appellativa dumtaxat qualitatem aut quantitatem significantia.

Comparativus gradus cui casui servit?

– Ablativo sine praepositione: dicimus enim '*doctior illo*'.

Superlativus cui? – Genetivo tantum plurali: dicimus enim '*doctissimus
poetarum*'.

Genera nominum quot sunt? – Quattuor.

Quae?

– Masculinum, ut *hic magister*, femininum, ut *haec Musa*, neutrum, ut *hoc
scamnum*, commune, ut *hic et haec sacerdos*. Est praeterea trium generum,
quod omne dicitur, ut *hic et haec et hoc felix*; est epicoenon, id est
promiscuum, ut *passer, aquila*.

Numeri nominum quot sunt? – Duo.

Qui? – Singularis, ut *hic magister*, pluralis, ut *hi magistri*.

Figurae nominum quot sunt? – Duae.

Quae? – Simplex, ut *decens, potens*; composita, ut *indecens, inpotens*.

Quibus modis nomina componuntur?

Quattuor: ex duobus integris, ut *suburbanus*; ex duobus corruptis, ut
efficax, municeps; ex integro et corrupto, ut *insulsus*; ex corrupto et integro,
ut *nugigerulus*; aliquando ex conpluribus, ut *inexpugnabilis, inperterritus*.

Casus nominum quot sunt? – Sex.

Qui? – Nominativus genetivus dativus accusativus vocativus ablativus.
Per hos omnium generum nomina pronomina participia declinantur hoc
modo.

Magister nomen appellativum generis masculini numeri singularis figurae
simplicis casus nominativi et vocativi, quod declinabitur sic: nominativo *hic
magister*, genetivo *huius magistri*, dativo *huic magistro*, accusativo *hunc
magistrum*, ablativo *ab hoc magistro*; et pluraliter nominativo *hi magistri*,
genetivo *horum magistrorum*, dativo *his magistris*, accusativo *hos magistris*,
vocativo *o magistri*, ablativo *ab his magistris*.

ДОНАТ КРАТКАЯ НАУКА О ЧАСТЯХ РЕЧИ

Сколько частей речи? – Восемь.
Какие? – Имя, местоимение, глагол, наречие, причастие, союз, предлог, междометие.

Об имени

Что такое имя?
– Часть речи с падежом, обозначающая или живое существо или предмет, в собственном значении или общем.

Сколько атрибутов у имени? – Шесть.

Какие? – Качество, сравнение, род, число, фигура, падеж.

В чем состоит качество имен?

– В двойном [разделении]: или имя есть у одного и называется собственным, или у многих и [называется] нарицательным.

Сколько степеней сравнения [у имени]? – Три.

Какие? – Положительная, как *doctus*, сравнительная, как *doctior*, превосходная, как *doctissimus*.

Какие имена сравниваются?

– Только нарицательные, обозначающие качество или количество.

С каким падежом употребляется сравнительная степень?

– С аблативом¹ без предлога, ибо мы говорим *'doctior illo'*.

С каким падежом [употребляется] превосходная степень?

– Только с родительным множественного числа. Ибо мы говорим *'doctissimus poetarum'*².

Сколько родов у имен? – Четыре.

Какие? – Мужской род, как *hic magister*, женский как *haec Musa*, средний как *hoc scamnum*, общий как *hic sacerdos* и *haec sacerdos*. Кроме того, есть трех-родовой [род], который относится ко всем [именам], как *hic*, *haec* и *hoc felix*³. Есть эпитен, то есть смешанный [род], как *passer* и *agula*⁴.

Сколько чисел у имени? – Два.

Какие? – Единственное, как *hic magister* [и] множественное, как *hi magistri*.

Сколько фигур у имени? – Две.

Какие? – Простая, как *decens*, *potens* и составная, как *indecens*, *inpotens*.

Каким образом составляются имена?

Четырьмя [способами]: из двух неизменных [форм], как *suburbanus*; из двух изменившихся [форм], как *efficax*, *municipes*; из неизменной [формы] и изменившейся, как *insulsus*, из изменившейся [формы] и неизменной, как *nugigerulus*; иногда, из сочетания многих [форм], как *inexpugnabilis*, *inperterritus*⁵.

Сколько падежей у имени? – Шесть.

Какие? – Именительный, родительный, дательный, винительный, звательный, аблатив. Посредством [этих падежей] имена всех родов, местоимения, причастия склоняются таким образом:

Magister – имя нарицательное, мужского рода, единственного числа, простое по фигуре, в именительном и звательном падежах, будет склоняться так: в именительном – *hic magister*; в родительном – *huius magistri*; в дательном – *huic magistro*; в винительном – *hunc magistrum*; [в звательном – *o magister*]; в аблативе – *ab hoc magistro* и во множественном числе: в именительном – *hi magistri*; в родительном – *horum magistrorum*; в дательном – *his magistris*; в винительном – *hos magistros*; в звательном – *o magistri*; в аблативе – *ab his magistris*.

Musa nomen appellativum generis feminini numeri singularis figurae simplicis casus nominativi et vocativi, quod declinabitur sic: nominativo *haec Musa*, genetivo *huius Musae*, dativo *huic Musae*, accusativo *hanc Musam*, vocativo *o Musa*, ablativo *ab hac Musa*; et pluraliter nominativo *hae Musae*, genetivo *harum Musarum*, dativo *his Musis*, accusativo *has Musas*, vocativo *o Musae*, ablativo *ab his Musis*.

Scamnum nomen appellativum generis neutri numeri singularis figurae simplicis casus nominativi accusativi et vocativi, quod declinabitur sic: nominativo *hoc scamnum*, genetivo *huius scamni*, dativo *huic scamno*, accusativo *hoc scamnum*, vocativo *o scamnum*, ablativo *ab hoc scamno*; et pluraliter nominativo *haec scamna*, genetivo *horum scamnorum*, dativo *his scamnis*, accusativo *haec scamna*, vocativo *o scamna*, ablativo *ab his scamnis*.

Sacerdos nomen appellativum generis communis numeri singularis figurae conpositae casus nominativi et vocativi, quod declinabitur sic: nominativo *hic* et *haec sacerdos*, genetivo *huius sacerdotis*, dativo *huic sacerdoti*, accusativo *hunc* et *hanc sacerdotem*, vocativo *o sacerdos*, ablativo *ab hoc* et *ab hac sacerdote*; et pluraliter nominativo *hi* et *hae sacerdotes*, genetivo *horum* et *harum sacerdotum*, dativo *his sacerdotibus*, accusativo *hos* et *has sacerdotes*, vocativo *o sacerdotes*, ablativo *ab his sacerdotibus*.

Felix nomen appellativum generis omnis numeri singularis figurae simplicis casus nominativi et vocativi, quod declinabitur sic: nominativo *hic* et *haec* et *hoc felix*, genetivo *huius felicitatis*, dativo *huic felici*, accusativo *hunc* et *hanc felicem* et *hoc felix*, vocativo *o felix*, ablativo *ab hoc* et *ab hac* et *ab hoc felice* vel *felici*; et pluraliter nominativo *hi* et *hae felices* et *haec felicia*, genetivo *horum* et *harum* et *horum felicitum*, dativo *his felicibus*, accusativo *hos* et *has felices* et *haec felicia*, vocativo *o felices* et *o felicia*, ablativo *ab his felicibus*.

Quaecumque nomina ablativo casu singulari a vel o fuerint terminata genetivum pluralem in quid mittunt?

– In *-rum*, dativum et ablativum in *-is*.

Quaecumque nomina ablativo casu singulari *-e* vel *-i* vel *-u* fuerint terminata genetivum pluralem in quid mittunt?

– Si *-e* correpta fuerit, in *-um*; si producta, in *-rum*; si *-i* fuerit, in *-ium*; si *-u*, in *-uum* geminata u littera.

Dativum et ablativum in quid mittunt?

– In *-bus* omnia.

De pronomine

Pronomen quid est?

– Pars orationis, quae pro nomine posita tantundem paene significat personamque interdum recipit.

Pronomini quot accidunt? – Sex.

Quae? – Qualitas genus numerus figura persona casus.

Musa – имя нарицательное, женского рода, единственного числа, простое по фигуре, в именительном и звательном падеже, будет склоняться так: в именительном – *haec Musa*; в родительном – *huius Musae*; в дательном – *huic Musae*; в винительном – *hanc Musam*; в звательном – *o Musa*; в аблативе – *ab hac Musa* и во множественном числе: в именительном – *hae Musae*; в родительном – *harum Musarum*; в дательном – *his Musis*; в винительном – *has Musas*; в звательном – *o Musae*; в аблативе – *ab his Musis*.

Scamnum – имя нарицательное, среднего рода, единственного числа, простое по фигуре, в именительном, винительном и звательном падежах, будет склоняться так: в именительном – *hoc scamnum*; в родительном – *huius scamni*; в дательном – *huic scamno*; в винительном – *hoc scamnum*; в звательном – *o scamnum*; в аблативе – *ab hoc scamno* и во множественном числе: в именительном – *haec scamna*; в родительном – *horum scamnorum*; в дательном – *his scamnis*; в винительном – *haec scamna*; в звательном – *o scamna*; в аблативе – *ab his scamnis*.

Sacerdos – имя нарицательное, общего рода, единственного числа, составное по фигуре, в именительном и звательном падежах, будет склоняться так: в именительном – *hic et haec sacerdos*; в родительном – *huius sacerdotis*; в дательном – *huic sacerdoti*; в винительном *hunc et hanc sacerdotem*; в звательном – *o sacerdos*; в аблативе – *ab hoc* и *ab hac sacerdote* и во множественном числе: в именительном – *hi et hae sacerdotes*; в родительном – *horum et harum sacerdotum*; в дательном – *his sacerdotibus*; в винительном – *hos et has sacerdotes*; в звательном – *o sacerdotes*; в аблативе – *ab his sacerdotibus*.

Felix – имя нарицательное, всех родов, единственного числа, простое по фигуре, в именительном и звательном падежах, будет склоняться так: в именительном – *hic, hac et hoc felix*; в родительном – *huius felicis*; в дательном – *huic felici*; в винительном – *hunc et hanc felicem, hoc felix*; в звательном – *o felix*; в аблативе – *ab hoc, ab hac et ab hoc felice* или *felici* и во множественном числе: в именительном – *hi, hae felices et haec felicia*; в родительном – *horum, harum et horum felicium*; в дательном – *his felicibus*; в винительном – *hos, has felices [и] haec felicia*; в звательном – *o felices* и *o felicia*; в аблативе – *ab his felicibus*.

На что изменится окончание в родительном падеже множественного числа у тех имен, [у которых] в аблативе единственного числа было окончание *-a* или *-o*?

– На *-rum* [в родительном], в дательном падеже и в аблативе на *-is*⁸.

На что изменится окончание в родительном падеже множественного числа у тех имен, [у которых] в аблативе единственного числа было окончание *-e* или *-i* или *-u*?

– Если *-e* была краткой – на *-um*; если долгой – на *-rum*; если было *-i* – на *-ium*; если *-u* – на *-uum*, с удвоенной буквой *u*.

На что изменится [окончание] в дательном падеже и в аблативе?

На *-bus* в обоих случаях.

О местоимении

Что такое местоимение?

– Часть речи, которая ставится вместо имени, обозначает то же [самое] лицо и иногда принимает [его].

Сколько атрибутов у местоимения? – Шесть.

Какие? – Качество, род, число, фигура, лицо, падеж.

Qualitas pronominum in quo est?

– Bipertita est: aut enim finita sunt pronomina aut infinita.

Quae sunt finita? – Quae recipiunt personas, ut *ego, tu, ille*.

Quae sunt infinita? – Quae non recipiunt personas, ut *quis, quae, quod*.

Genera pronominum quae sunt?

Eadem fere quae et nominum: masculinum, ut *quis*, femininum, ut *quae*, neutrum, ut *quod*, commune, ut *qualis, talis*, trium generum, ut *ego, tu*.
Numeri pronominum quot sunt? – Duo.

Qui? – Singularis, ut *hic*, pluralis, ut *hi*.

Figurae pronominum quot sunt? – Duae.

Quae? – Simplex, ut *quis*, composita, ut *quisquis*.

Personae pronominum quot sunt? – Tres.

Quae? – Prima, ut *ego*, secunda, ut *tu*, tertia, ut *ille*.

Casus item pronominum quot sunt?

– Sex, quem ad modum et nominum, per quos omnium generum pronomina inflectuntur hoc modo.

Ego pronomem finitum generis omnis numeri singularis figurae simplicis personae primae casus nominativi, quod declinabitur sic: *ego, mei, vel mis, mihi, me, a me* et pluraliter *nos, nostrum vel nostrī, nobis, nos, o, a nobis*:

personae secundae generis omnis numeri singularis *tu, tui vel tis, tibi, te, o, a te* et pluraliter *vos, vestrum vel vestri, vobis, vos, o, a vobis*:

personae tertiae generis masculini numeri singularis *ille, illius, illi, illum, ab illo* et pluraliter *illi, illorum, illis, illos, ab illis*; generis feminini numeri singularis *illa, illius, illi, illam, ab illa* et pluraliter *illae, illarum, illis, illas, ab illis*; generis neutri numeri singularis *illud, illius, illi, illud, ab illo* et pluraliter *illa, illorum, illis, illa, ab illis*.

Minus quam finita generis masculini numeri singularis *ipse, ipsius, ipsi, ipsum, ab ipso* et pluraliter *ipsi, ipsorum, ipsis, ipsos, ab ipsis*; generis feminini numeri singularis *ipsa, ipsius, ipsi, ipsam, ab ipsa* et pluraliter *ipsae, ipsarum, ipsis, ipsas, ab ipsis*; generis neutri numeri singularis *ipsum, ipsius, ipsi, ipsum, ab ipso* et pluraliter *ipsa, ipsorum, ipsis, ipsa, ab ipsis*.

Item minus quam finita generis masculini numeri singularis *iste, istius, isti, istum, ab isto* et pluraliter *isti, istorum, istis, istos, ab istis*; generis feminini numeri singularis *ista, istius, isti, istam, ab ista* et pluraliter *istae, istarum, istis, istas, ab istis*; generis neutri numeri singularis *istud, istius, isti, istud, ab isto* et pluraliter *ista, istorum, istis, ista, ab istis*.

Item articulare praepositivum vel demonstrativum generis masculini numeri singularis *hic, huius, huic, hunc, o, ab hoc* et pluraliter *hi, horum, his, hos, o, ab his*; generis feminini numeri singularis *haec, huius, huic, hanc, o, ab hac* et pluraliter *hae, harum, his, has, o, ab his*; generis neutri numeri singularis *hoc, huius, huic, hoc, o, ab hoc* et pluraliter *haec, horum, his, haec, o, ab his*.

В чем [состоит] качество местоимений?

— В двойном [разделении]: ведь есть или определенные местоимения, или неопределенные.

Какие определенные? — [Те], которые принимают лица, как *ego, tu, ille*.

Какие неопределенные?

— [Те], которые не принимают лица, как *quis, quae, quod*.

Сколько родов у местоимений?

— Почти столько же, как у имени: мужской [род], как *quis*, женский, как *quae*, средний, как *quod*, общий, как *qualis, falis*. [Есть] трех-родовое местоимение, как *ego, tu*.

Сколько чисел у местоимений? — Два.

Какие? — Единственное, как *hic* и множественное, как *hi*.

Сколько фигур у местоимений? — Две.

Какие? — Простая, как *quis* и составная, как *quisquis*.

Сколько лиц у местоимений? — Три.

Какие? — Первое [лицо], как *ego*, второе, как *tu*, третье, как *ille*¹⁰.

Сколько падежей у местоимений?

— Шесть, также как у имен, благодаря которым у местоимений всех родов изменяются окончания таким образом.

Ego — определенное местоимение, всех родов, единственного числа, простое по фигуре, первого лица, в именительном падеже, будет склоняться так: *ego, mei* или *mis, mihi, me, a me* и во множественном [числе]: *nos, nostrum* или *nostrī, nobis, nos, o [nos]*¹¹, *a nobis*.

[Местоимение] второго лица, всех родов, единственного числа [так]: *tu, tui* или *tis, tibi, te, o [tu]*, *a te* и во множественном числе: *vos, vestrum* или *vestrī, vobis, vos, o [vos]*, *a vobis*.

[Местоимение] третьего лица, мужского рода, единственного числа [так]: *ille, illius, illi, illum, ab illo* и во множественном числе: *illi, illorum, illis, illos, ab illis*; женского рода, единственного числа: *illa, illius, illi, illam, ab illi*, и во множественном числе: *illae, illarum, illis, illas, ab illis*; среднего [рода], единственного числа: *illud, illius, illi, illud, ab illo* и во множественном числе: *illa, illorum, illis, illa, ab illis*.¹²

Несколько менее определенного¹² [местоимение] мужского рода, единственного числа [так]: *ipse, ipsius, ipsi, ipsos, ab ipso* и во множественном числе: *ipsi, ipsorum, ipsis, ipsos, ipsis*; женского рода, единственного числа: *ipsa, ipsius, ipsi, ipsam, ab ipsa* и во множественном числе: *ipsae, ipsarum, ipsis, ipsas, ab ipsis*; среднего рода единственного числа: *ipsum, ipsius, ipsi, ipsum, ab ipso* и во множественном числе: *ipsa, ipsorum, ipsis, ipsa, ab ipsis*.

Также несколько менее определенного¹³ [местоимение] мужского рода, единственного числа [так]: *iste, istius, isti, istum, ab isto* и во множественном числе: *isti, istorum, istis, istos, ab istis*; женского рода, единственного числа: *ista, istius, isti, istam, ab ista* и во множественном числе: *istae, istarum, istis, istas, ab istis*; среднего рода, единственного числа: *istud, istius, isti, istud, ab isto* и во множественном числе: *ista, istorum, istis, ista, ab istis*.

Также [склоняется] впереди стоящий член или указательное местоимение мужского рода, единственного числа: *hic, huius, huic, hunc, o [hic]*, *ab hoc* и во множественном числе: *hi, horum, his, hos, o [hi]*, *ab his*; женского рода, единственного числа: *haec, huius, huic, hanc, o [haec]*, *ab hac* и во множественном числе: *hae, harum, his, has, o [hae]*, *ab his*; среднего рода, в единственном числе: *hoc, huius, huic, hoc, o [hoc]*, *ab hoc* и во множественном числе: *haec, horum, his, haec, o [haec]* *ab his*.

Item subiunctivum vel relativum generis masculini numeri singularis *is, eius, ei, eum, ab eo* et pluraliter *ei, eorum, eis, eos, ab eis*; generis feminini numeri singularis *ea, eius, ei, eam, ab ea* et pluraliter *eae, earum, eis, eas, ab eis*; generis neutri numeri singularis *id, eius, ei, id, ab eo* et pluraliter *ea, eorum, eis, ea, ab eis*.

Item infinita generis masculini numeri singularis *quis, cuius, cui, quem, a quo* vel *a qui* et pluraliter *qui, quorum, quis vel quibus, quos, a quis vel a quibus*; generis feminini numeri singularis *quae, cuius, cui, quam, a qua* vel *a qui* et pluraliter *quae, quarum, quis vel quibus, quas, a quis vel a quibus*; generis neutri numeri singularis *quod, cuius, cui, quod, a quo* vel *a qui* et pluraliter *quae, quorum, quis vel quibus, quae, a quis vel a quibus*.

Item possessiva finita ad aliquid dicta ex utraque parte singularia generis masculini *meus, mei, meo, meum, o, a meo* et pluraliter ex altera parte *mei, meorum, meis, meos, o, a meis*; generis feminini numeri singularis *mea, meae, meae, meam, o, a mea* et pluraliter *meae, mearum, meis, meas, o, a meis*; generis neutri numeri singularis *meum, mei, meo, meum, o, a meo* et pluraliter *mea, meorum, meis, mea, o, a meis*:

personae secundae generis masculini numeri singularis *tuus, tui, tuo, tuum, a tuo* et pluraliter *tui, tuorum, tuis, tuos, a tuis*; generis feminini numeri singularis *tua, tuae, tuae, tuam, a tua* et pluraliter *tuae, tuarum, tuis, tuas, a tuis*; generis neutri numeri singularis *tuum, tui, tuo, tuum, a tuo* et pluraliter *tua, tuorum, tuis, tua, a tuis*:

personae tertiae generis masculini numeri singularis *suus, sui, suo, suum, a suo* et pluraliter *sui, suorum, suis, suos, a suis*; generis feminini numeri singularis *sua, suae, suae, suam, a sua* et pluraliter *suae, suarum, suis, suas, a suis*; generis neutri numeri singularis *suum, sui, suo, suum, a suo* et pluraliter *sua, suorum, suis, sua, a suis*.

Item possessiva finita ad aliquid dicta ex altera parte pluralia generis masculini *noster, nostri, nostro, nostrum, o, a nostro* et pluraliter ex utraque parte *nostri, nostrorum, nostris, nostros, o, a nostris*; generis feminini numeri singularis *nostra, nostrae, nostrae, nostram, o, a nostra* et pluraliter *nostrae, nostrarum, nostris, nostras, o, a nostris*; generis neutri numeri singularis *nostrum, nostri, nostro, nostrum, o, a nostro*, et pluraliter *nostra, nostrorum, nostris, nostra, o, a nostris*:

personae secundae generis masculini numeri singularis *vester, vestri, vestro, vestrum, a vestro* et pluraliter *vestri, vestrorum, vestris, vestros, a vestris*; generis feminini numeri singularis *vestra, vestrae, vestrae, vestram, a vestra* et pluraliter *vestrae, vestrarum, vestris, vestras, a vestris*; generis neutri numeri singularis *vestrum, vestri, vestro, vestrum, a vestro* et pluraliter *vestra, vestrorum, vestris, vestra, a vestris*.

Также [склоняется] сослагательное [subjunctivum] или относительное [местоимение] мужского рода, единственного числа: *is, eius, ei, eum, ab eo* и множественного числа: *ei, eorum, eis, eos, ab eis*; женского рода, единственного числа: *ea, eius, ei, eam, ea* и множественного числа: *eae, earum, eis, eas, ab eis*; среднего рода, единственного числа: *id, eius, ei, id, eo* и во множественном числе: *ea, eorum, eis, ea, ab eis*.

Также [склоняется] неопределенное [местоимение] мужского рода единственного числа: *quis, cuius, cui, quem, a quo* или *a qui* и во множественном числе: *qui, quorum, quis* или *quibus, quos, a quis* или *a quibus*; женского рода, единственного числа: *quae, cuius, cui, quam, a qua* или *a qui* и во множественном числе: *quae, quarum, quis* или *quibus, quas, a quis* или *a quibus*; среднего рода, единственного числа: *quod, cuius, cui, quod, a quo* или *a qui* и во множественном числе: *quae, quorum, quis* или *quibus, quae, a quis* или *a quibus*¹⁵.

Также [склоняются] притяжательные определенные [слова]¹⁶, употребляемые по отношению к чему-то, [состоящие] из обеих частей, [каждая из которых] единственного числа, в мужском роде, [в единственном числе]: *meus, mei, meo, meum, o [mi], a meo* и во множественном числе, [состоящие] из одной части [единственного числа]¹⁷: *mei, meorum, meis, meos, o [mei], a meis*; женского рода, единственного числа: *mea, meae, meae, meam, o [mea], a mea* и во множественном числе: *meae, mearum, meis, meas, o [meae], a meis*; среднего рода, единственного числа: *meum, meorum, meo, meum, o [meum], a meo* и во множественном числе: *mea, meorum, meis, mea, o [mea], a meis*.

[Местоимение] второго лица, мужского рода, единственного числа [склоняется так]: *tuus, tui, tuo, tuum, a tuo* и во множественном числе: *tui, tuorum, tuis, tuos, a tuis*; женского рода, единственного числа: *tua, tuae, tuae, tuam, a tua* и во множественном числе: *tuae, tuarum, tuis, tuas, a tuis*; среднего рода, единственного числа: *tuum, tui, tuo, tuum, a tuo* и во множественном числе: *tua, tuorum, tuis, tua, a tuis*.

[Местоимение] третьего лица, мужского рода, единственного числа [склоняется так]: *suus, sui, suo, suum, a suo* и во множественном числе: *sui, suorum, suis, suos, a suis*; женского рода, единственного числа: *sua, suae, suae, suam, a sua* и во множественном числе: *suae, suarum, suis, suas, a suis*; среднего рода, единственного числа: *suum, sui, suo, suum, a suo* и во множественном числе: *sua, suorum, suis, sua, a suis*.

Также [склоняются] притяжательные определенные [слова], употребляемые по отношению к чему-то, [состоящие] из одной части [из двух] множественного числа, в мужском роде: *noster, nostri, nostro, nostrum, o [noster], a nostro*. Во множественном числе, [они состоят] из обеих частей [множественного числа]: *nostri, nostrorum, nostris, nostros, o [nostri], a nostris*; женского рода единственного числа [так]: *nostra, nostrae, nostrae, nostram, o [nostra], a nostra* и во множественном числе: *nostrae, nostrarum, nostris, nostras, o [nostrae], a nostris*; среднего рода единственного числа: *nostrum, nostri, nostro, nostrum, o [nostrum], a nostro* и во множественном числе: *nostra, nostrorum, nostris, nostra, o [nostra], a nostris*.

[Местоимение] второго лица, мужского рода, единственного числа [склоняется так]: *vester, vestri, vestro, vestrum, a vestro* и во множественном числе: *vestri, vestrorum, vestris, vestros, a vestris*; женского рода, единственного числа: *vestra, vestrae, vestrae, vestram, a vestra* и во множественном числе: *vestrae, vestrarum, vestris, vestras, a vestris*; среднего рода, единственного числа: *vestrum, vestri, vestro, vestrum, a vestro* и во множественном числе: *vestra, vestrorum, vestris, vestra, a vestris*.

Da horum composita.

Egomet, tute, illic, istic, idem masculino genere productum, neutro correptum, *quisquis, quisnam, quispiam, aliquis* et cetera.

De verbo

Verbum quid est?

– Pars orationis cum tempore et persona sine casu aut agere aliquid aut pati aut neutrum significans.

Verbo quot accidunt? – Septem.

Quae? – Qualitas coniugatio genus numerus figura tempus persona.

Qualitas verborum in quo est? – In modis et in formis.

Modi qui sunt?

– Indicativus, ut *lego*, imperativus, ut *lege*, optativus, ut *utinam legerem*, coniunctivus, ut *cum legam*, infinitivus, ut *legere*, impersonalis, ut *legitur*.

Formae verborum quot sunt? – Quattuor.

Quae?

– Perfecta, ut *lego*, meditativa, ut *lecturio*, frequentativa, ut *lectito*, inchoativa, ut *fervesco, calesco*.

Coniugationes verborum quot sunt? – Tres.

Quae? – Prima secunda tertia.

Prima quae est?

Quae indicativo modo tempore praesenti numero singulari secunda persona verbo activo et neutrali *-a* productam habet ante novissimam litteram, passivo communi et deponenti ante novissimam syllabam, ut *amo – amas, amor – amaris*; et futurum tempus eiusdem modi in *-bo* et in *-bor* syllabam mittit, ut *amo – amabo, amor – amabor*.

Secunda quae est?

– Quae indicativo modo tempore praesenti numero singulari secunda persona verbo activo et neutrali *-e* productam habet ante novissimam litteram, passivo communi et deponenti ante novissimam syllabam, ut *doceo – doces, doceor – doceris*; et futurum tempus eiusdem modi in *-bo* et in *-bor* syllabam mittit, ut *doceo – docebo, doceor – docebor*.

Tertia quae est?

Quae indicativo modo tempore praesenti numero singulari secunda persona verbo activo et neutrali *-i* correptam vel *-i* productam habet ante novissimam litteram, passivo communi et deponenti pro *-i* littera *-e* correptam vel *-i* productam habet ante novissimam syllabam, ut *lego – legis, legor – legeris, audio – audis, audior – audiris*; et futurum tempus eiusdem modi in *-am* et in *-ar* syllabam mittit, ut *lego – legam, legor – legar, audio – audiam, audior – audiar*.

Haec in imperativo et in infinitivo statim discerni possunt, utrum *-i* littera correpta sit an producta. Nam correpta *-i* littera in *-e* convertitur; producta si fuerit, non mutatur.

Quando tertia coniugatio futurum tempus non in *-am* tantum sed etiam in *-bo* mittit?

Приведи из них составные местоимения.

*Ego*met, *tute*, *illic*, *istic*, *idem*, удлинённые в мужском роде [и] уменьшённые в среднем: *quisquis*, *quisnam*, *quispiam*, *aliquis* и другие.

О глаголе

Что такое глагол?

— Часть речи [изменяемая] по времени и лицам, без падежа, обозначающая что кто-то или совершает действие или претерпевает его, или ни то и не другое.

Сколько атрибутов у глагола? — Семь.

Какие? — Качество, спряжение, род, число, фигура, время, лицо.

В чем качество? — В наклонениях и видах.

Какие существуют наклонения?

— Изъявительное, как *lego*, повелительное, как *lege*, желательное, как *utinam legerem*, сослагательное, как *cum legam*²⁰, неопределённое, как *legere*, безличное, как *legitur*²¹.

Сколько видов у глагола? — Четыре.

Какие?

— Совершенный, как *lego*, средний, как *lecturio*²², учащательный, как *lectito*²³, начинательный, как *fervesco*, *calesco*²⁴.

Сколько спряжений у глаголов? — Три.

Какие? — Первое, второе, третье.

Первое это какое?

В котором в изъявительном наклонении, настоящем времени, единственном числе, втором лице у действительного и среднего глаголов имеется долгая -a²⁵ перед самой последней буквой; у страдательного, общего и депонентного — перед самым последним слогом, как *amo* — *amas*, *amor* — *amaris*; в будущем времени в том же самом наклонении [такой глагол] меняет последний слог на -bo и на -bor, как *amo* — *amabo*, *amor* — *amabor*.

Второе это какое?

В котором в изъявительном наклонении, настоящем времени, единственном числе, втором лице у действительного и среднего глаголов имеется долгая -e перед самой последней буквой; у страдательного, общего и депонентного — перед самым последним слогом, как *doceo* — *doces*, *doceor* — *doceris*; в будущем времени в том же самом наклонении [такой глагол] меняет [последний] слог на -bo и на -bor, как *docseo* — *docebo*, *doceor* — *docebor*.

Третье это какое?

— В котором в изъявительном наклонении, настоящем времени, единственном числе, втором лице у действительного и среднего глаголов имеется краткая -i или долгая -i перед самой последней буквой; у страдательного, общего и депонентного — вместо буквы -i имеется краткая -e или долгая -i перед самым последним слогом, как *lego* — *legis*, *legor* — *legens*, *audio* — *audis*, *audior* — *audiris*; в будущем времени в том же самом наклонении [такой глагол] меняет [последний] слог на -am и на -ar, как *lego* — *legam*, *legor* — *legar*, *audio* — *audiam*, *audior* — *audiar*²⁷.

Это четко проявляется [у глаголов] в повелительном наклонении и в неопределённом [в зависимости от того] является ли -i краткой или долгой. Ибо краткая буква -i меняется на -e, если [же] -i была долгой, то она не меняется.

В каких случаях в третьем спряжении [глагол] в будущем времени имеет не только [слог] -am, но и [слог] -bo?

– Interdum. Cum *-i* litteram non correptam habuerit sed productam, ut *eo, is, ibo; queo, quis, quibo*.

Genera verborum quot sunt? – Quinque.

Quae? – Activa passiva neutra deponentia communia.

Activa quae sunt?

– Quae in *-o* desinunt et accepta *-r* littera faciunt ex se passiva, ut *lego – legor*.

Passiva quae sunt?

– Quae in *-r* desinunt et ea dempta redeunt in activa, ut *legor – lego*.

Neutra quae sunt?

– Quae in *-o* desinunt, ut activa, sed accepta *-r* littera Latina non sunt, ut *sto – curro: stor – curror* non dicimus.

Deponentia quae sunt?

Quae in *-r* desinunt, ut passiva, sed ea dempta Latina non sunt, ut *luctor, loquor*.

Communia quae sunt?

– Quae in *-r* desinunt, ut deponentia, sed in duas formas cadunt, patientis et agentis, ut *osculor, criminator*. dicimus enim *osculor te* et *osculor a te, criminator te* et *criminator a te*.

Numeri verborum quot sunt? – Duo.

Qui? – Singularis, ut *lego*; pluralis, ut *legimus*.

Figurae verborum quot sunt? – Duae.

Quae? – Simplex, ut *lego*; composita, ut *neglego*.

Tempora verborum quot sunt? – Tria.

Quae? – Praesens, ut *lego*; praeteritum, ut *legi*; futurum, ut *legam*.

Quot sunt tempora in declinatione verborum? – Quinque.

Quae?

– Praesens, ut *lego*, praeteritum imperfectum, ut *legebam*, praeteritum perfectum, ut *legi*, praeteritum plusquamperfectum, ut *legeram*, futurum, ut *legam*.

Personae verborum quot sunt? – Tres.

Quae? – Prima, ut *lego*, secunda, ut *legis*, tertia, ut *legit*.

Da declinationem verbi activi.

– *Lego* verbum activum indicativo modo dictum temporis praesentis numeri singularis figurae simplicis personae primae coniugationis tertiae correptae, quod declinabitur sic: *lego, legis, legit* et pluraliter *legimus, legistis, legunt*: eodem modo tempore praeterito imperfecto *legebam, legebas, legebat* et pluraliter *legebamus, legebatis, legebant*: eodem modo tempore praeterito perfecto *legi, legisti, legit* et pluraliter *legimus, legistis, legerunt* vel *legere*: eodem modo tempore praeterito plusquamperfecto *legeram, legeras, legerat* et pluraliter *legeramus, legeratis, legerant*: eodem modo tempore futuro *legam, leges, leget* et pluraliter *legemus, legetis, legent*.

- Иногда. Когда у глагола не краткая буква *-i*, а долгая, как *eo, is, ibo* [и] *queo, quis, quibo*²⁸.
- Сколько родов у глаголов? – Пять.
- Какие?
- [Глаголы бывают] действительными, страдательными, средними, отложительными, общими.
- Какие [глаголы] действительные?
- Которые оканчиваются на *-o* и становятся страдательными, посредством присоединения к себе буквы *g*, как *lego – legor*²⁹.
- Какие страдательные?
- Которые оканчиваются на *-r* и возвращаются в действительные, отвергая эту [букву], как *legor – lego*³¹.
- Какие средние?
- Которые оканчиваются на *-o*, как действительные, но в латинском языке они не употребляются с буквой *-r*, [например], как *sto* [и] *curro*. Мы не говорим *stor* [и] *curror*³².
- Какие отложительные?
- Которые оканчиваются на *-r*, как страдательные, но в латинском языке они не употребляются без этой буквы, как *luctor, loquor*³³.
- Какие общие?
- Которые оканчиваются на *-r*, как отложительные, но они совпадают, в двух формах, [и обозначают] претерпевающего и осуществляющего [действие], как *osculator, criminor*. Ибо мы говорим *osculator te* и *osculator a te*, *criminor te* и *criminor a te*³⁴.
- Сколько чисел у глаголов? – Два.
- Какие? – Единственное, как *lego*; множественное, как *legimus*.
- Сколько фигур у глаголов?
- Две. Простая, как *lego*; составная, как *peglego*.
- Сколько времен у глаголов? – Три.
- Какие?
- Настоящее, как *lego*, предшествующее, как *legi*, будущее, как *legam*.
- В каких временах спрягаются глаголы? – В пяти.
- В каких?
- В настоящем, как *lego*, в предшествующем незаконченном, как *legebam*, в предшествующем законченном, как *legi*, предшествующем предпрошедшем, как *legeram*, будущем, как *legam*.
- Сколько лиц у глаголов? – Три.
- Какие? – Первое, как *lego*; второе, как *legis*; третье, как *legit*.
- Приведи спряжение действительного глагола.
- *Lego* – действительный глагол, в изъявительном наклонении, настоящем времени, единственном числе, простой по фигуре, первого лица, третьего спряжения, с краткой [гласной] будет спрягаться так: [в единственном числе] – *lego, legis, legit* и во множественном числе – *legimus, legitis, legunt*³⁵. В том же наклонении в предшествующем незаконченном времени [в единственном числе] – *legebam, legebas, legebat* и во множественном числе – *legebamus, legebatis, legebant*³⁶. В том же наклонении в предшествующем законченном времени [так]: [в единственном числе] – *legi, legisti, legit* и во множественном числе – *legimus, legistis, legerunt* или *legere*³⁷. В том же наклонении в предшествующем предпрошедшем времени [так]: [в единственном числе] – *legeram, legeras, legerat* и во множественном числе – *legeramus, legeratis, legerant*³⁸. В том же наклонении в будущем времени [так]: [в единственном числе] – *legam, leges, leget* и во множественном числе – *legemus, legetis, legent*³⁹.

Imperativo modo tempore praesenti ad secundam et tertiam personam *lege vel legas, legat* et pluraliter *legamus, legite vel legatis, legant*: eodem modo tempore futuro *legito vel legas, legito vel legat* et pluraliter *legamus, legitote vel legatis, legant* vel *legunto, vel leguntote*.

Optativo modo tempore praesenti et praeterito imperfecto *utinam legerem, legeres, legeret* et pluraliter *utinam legeremus, legeretis, legerent*: eodem modo tempore praeterito perfecto et plusquamperfecto *utinam legissem, legisses, legisset* et pluraliter *utinam legissemus, legissetis, legissent*: eodem modo tempore futuro *utinam legam, legas, legat* et pluraliter *utinam legamus, legatis, legant*.

Coniunctivo modo tempore praesenti *cum legam, legas, legat* et pluraliter *cum legamus, legatis, legant*: eodem modo tempore praeterito imperfecto *cum legerem, legeres, legeret* et pluraliter *cum legeremus, legeretis, legerent*: eodem modo tempore praeterito perfecto *cum legerim, legeris, legerit* et pluraliter *cum legerimus, legeritis, legerint*: eodem modo tempore praeterito plusquamperfecto *cum legissem, legisses, legisset* et pluraliter *cum legissemus, legissetis, legissent*: eodem modo tempore futuro *cum legero, legeris, legerit* et pluraliter *cum legerimus, legeritis, legerint*.

Infinitivo modo numeris et personis tempore praesenti et praeterito imperfecto *legere*, praeterito perfecto et plusquamperfecto *legisse*, futuro *lectum iri* vel *lecturum esse*.

Verbo impersonali tempore praesenti *legitur*, praeterito imperfecto *legebatur*, praeterito perfecto *lectum est* vel *lectum fuit*, praeterito plusquamperfecto *lectum erat* vel *lectum fuerat*, futuro *legetur*.

Gerendi vel participialia verba sunt haec, *legendi, legendo, legendum, lectum, lectu*.

Participia trahuntur a verbo activo duo, praesentis temporis et futuri, praesentis *legens*, futuri *lecturus*.

Legor verbum passivum indicativo modo dictum temporis praesentis numeri singularis figurae simplicis personae primae coniugationis tertiae correptae, quod declinabitur sic: *legor, legeris* vel *legere, legitur* et pluraliter *legimur, legimini, leguntur*: eodem modo tempore praeterito imperfecto *legebar, legebaris* vel *legebare, legebatur* et pluraliter *legebamur, legebamini, legebantur*: eodem modo tempore praeterito perfecto *lectus sum, es, est* et pluraliter *lecti sumus, estis, sunt*; et ulteriore modo *lectus fui, fuisti, fuit* et pluraliter *lecti fuimus, fuistis, fuerunt* vel *fuere*: eodem modo tempore praeterito plusquamperfecto *lectus eram, eras, erat* et pluraliter *lecti eramus,*

В повелительном наклонении в настоящем времени для второго и третьего лица [единственного числа – так]: *lege* – или *legas*, *legat* и во множественном числе – *legamus*, *legite* или *legatis*, *legant*. В том же наклонении в будущем времени [для единственного числа] *legito* или *legas*, *legito* или *legat* и для множественного числа – *legamus*, *legitote* или *legatis*; *legant* или *legunto* или *leguntote*.

В желательном наклонении настоящего времени и предшествующем незаконченным, [так]: [в единственном числе] – *utinam legerem*, *legeres*, *legeret* и во множественном числе – *utinam legeremus*, *legeretis*, *legerent*. В том же наклонении в предшествующем законченном времени и предшествующем предпрошедшем [так]: [в единственном числе] – *utinam legissem*, *legisses*, *legisset* – и во множественном числе – *utinam legissemus*, *legissetis*, *legissent*. В том же наклонении в будущем времени [так]: [в единственном числе] – *utinam legam*, *legas*, *legat* и во множественном числе – *utinam legamus*, *legatis*, *legant*.

В сослагательном наклонении настоящего времени [так]: [в единственном числе] – *cum legam*, *legas*, *legat* и во множественном числе – *cum legamus*, *legatis*, *legant*. В том же наклонении в предшествующем незаконченном времени [так]: [в единственном числе] – *cum legerem*, *legeres*, *legeret* и во множественном числе – *cum legeremus*, *legeretis*, *legerent*. В том же наклонении в предшествующем законченном [так]: [в единственном числе] – *cum legerim*, *legeris*, *legerit* и во множественном числе – *cum legerimus*, *legeritis*, *legerint*. В том же наклонении в предшествующем предпрошедшем [так]: [в единственном числе] – *cum legissem*, *legisses*, *legisset* и во множественном числе – *cum legissemus*, *legissetis*, *legissent*. В том же наклонении в будущем времени [так]: [в единственном числе] – *cum legero*, *legeris*, *legerit* и во множественном числе – *cum legerimus*, *legeritis*, *legerint*.

В неопределенном наклонении во [всех] числах и лицах в настоящем времени и в предшествующем незаконченном – *legere*, в предшествующем законченном и предшествующем предпрошедшем – *legisse*, в будущем – *lectum iri* или *lecturum esse*.

В безличном наклонении в настоящем времени – *legitur*, в предшествующем незаконченном – *legebatur*, в предшествующем законченном – *lectum est* или *lectum fuit*, в предшествующем предпрошедшем – *lectum erat* или *lectum fuerat*, в будущем – *legatur*.

Герундий или глаголы, схожие с причастием, такие: *legendi*, *legendo*, *legendum*; *lectum*, *lectu*.

Два причастия получают от действительного глагола: [причастие] настоящего времени и будущего, [например], настоящего – *legens*, будущего – *lecturus*.

Legor – страдательный глагол, в изъявительном наклонении, произнесенный в настоящем времени, единственном числе, простой по фигуре, первого лица, третьего спряжения, с краткой [гласной] будет спрягаться так: [в единственном числе] – *legor*, *legeris* или *legere*, *legitur* и во множественном – *legimur*, *legimini*, *leguntur*. В том же наклонении в предшествующем незаконченном времени так: [в единственном числе] – *legebar*, *legebaris* или *legebare*, *legebatur* и во множественном числе – *legebamur*, *legebamini*, *legebantur*. В том же наклонении в предшествующем законченном времени так: [в единственном числе] – *lectus sum*, *es*, *est* и во множественном числе – *lecti sumus*, *estis*, *sunt* и таким способом: [в единственном числе] – *lectus fui*, *fui*, *fuit* и во множественном числе – *lecti fuimus*, *fui*, *fuerunt* или *fuere*. В том же наклонении в предшествующем предпрошедшем [так]: [в единственном числе] – *lectus eram*, *eras*, *erat* и во множественном – *lecti eramus*,

eratis, erant; et ulteriore modo lectus fueram, fueras, fuerat et pluraliter lecti fueramus, fueratis, fuerant. eodem modo tempore futuro legar, legeris vel legere, legetur et pluraliter legemur, legemini, legentur.

Imperativo modo tempore praesenti ad secundam et tertiam personam *legere vel legaris, legatur et pluraliter legamur, legimini vel legamini, legantur.* Eodem modo tempore futuro *legitor vel legaris, legitor vel legatur et pluraliter legamur, legimini vel legimino, legantur vel leguntor.*

Optativo modo tempore praesenti et praeterito imperfecto *utinam legerer, legereris vel legerere, legeretur et pluraliter utinam legeremur, legeremini, legerentur.* eodem modo tempore praeterito perfecto et plusquamperfecto *utinam lectus essem, esses, esset et pluraliter utinam lecti essemus, essetis, essent; et ulteriore modo utinam lectus fuisset, fuissetis, fuisset et pluraliter utinam lecti fuissetis, fuissetis, fuissent.* eodem modo tempore futuro *utinam legar, legaris vel legare, legatur et pluraliter utinam legamur, legamini, legantur.*

Coniunctivo modo tempore praesenti *cum legar, legaris vel legare, legatur et pluraliter cum legamur, legamini, legantur.* eodem modo tempore praeterito imperfecto *cum legerer, legereris vel legerere, legeretur et pluraliter cum legeremur, legeremini, legerentur.* eodem modo tempore praeterito perfecto *cum lectus sim, sis, sit et pluraliter cum lecti simus, sitis, sint; et ulteriore modo cum lectus fuerim, fueris, fuerit et pluraliter cum lecti fuerimus, fueritis, fuerint.* eodem modo tempore praeterito plusquamperfecto *cum lectus essem, esses, esset et pluraliter cum lecti essemus, essetis, essent; et ulteriore modo cum lectus fuisset, fuissetis, fuisset et pluraliter cum lecti fuissetis, fuissetis, fuissent.* eodem modo tempore futuro *cum lectus ero, eris, erit et pluraliter cum lecti erimus, eritis, erint et ulteriore modo cum lectus fuero, fueris, fuerit et pluraliter cum lecti fuerimus, fueritis, fuerint.*

Infinitivo modo numeris et personis tempore praesenti et praeterito imperfecto *legi*, praeterito perfecto et plusquamperfecto *lectum esse* vel *fuisse*, futuro *lectum iri*.

Participia trahuntur a verbo passivo duo, praeteriti temporis et futuri, praeteriti *lectus*, futuri *legendus*.

Activi verbi regulam neutrale verbum sequitur, passivi commune et deponens.

*eratis, erant*⁵⁷ и таким образом: [в единственном числе] – *lectus fueram, fueras, fuerat* и во множественном числе – *lecti fueramus, fueratis, fuerant*. В том же наклонении будущего времени [так]: [в единственном числе] – *legar, legeris* или *legere, legetur* и во множественном числе – *legemur, legemini, legentur*⁵⁸.

В повелительном наклонении в настоящем времени для второго и третьего лица, [в единственном числе] – *legere* или *legaris, legatur* и во множественном числе – *legamur, legimini* или *legamini, legantur*⁵⁹. В том же наклонении в будущем времени [так]: [в единственном числе] *legitor* или *legaris, legitor* или *legatur* и во множественном числе – *legamur, legimini*⁶⁰ или *legimino, legantur* или *leguntor*.

В желательном наклонении в настоящем времени и предшествующем незаконченном, [в единственном числе] – *utinam legerer, legereris* или *legerere, legeretur* и во множественном числе – *utinam legeremur, legeremini, legerentur*⁶¹. В том же наклонении в предшествующем законченном и предшествующем предпрошедшем [так]: [в единственном числе] – *utinam lectus essem, esses, esset* и во множественном числе – *lecti essemus, essetis, essent*⁶² и таким образом: [в единственном числе] – *utinam lectus fuisset, fuisses, fuisset* и во множественном числе – *utinam lecti fuissetis, fuissetis, fuissent*. В том же наклонении в будущем времени [так]: [в единственном числе] – *utinam legar, legaris* или *legare, legatur* и во множественном числе – *utinam legamur, legamini, legantur*⁶³.

В сослагательном наклонении в настоящем времени [в единственном числе] – *cum legar, legaris* или *legare, legatur* и во множественном числе – *cum legamur, legamini, legantur*⁶⁴. В том же наклонении – в предшествующем незаконченном времени, [в единственном числе] – *cum legerer, legereris* или *legerere, legeretur* и во множественном – *cum legeremur, legeremini, legerentur*⁶⁵. В том же наклонении в предшествующем законченном, [в единственном числе] – *cum lectus sim, sis, sit* и во множественном числе – *cum lecti simus, sitis, sint*⁶⁶ и таким образом, [в единственном числе] – *cum lectus fuerim, fueris, fuerit* и во множественном числе – *cum lecti fuerimus, fueritis, fuerint*. В том же наклонении предшествующего предпрошедшего времени, [в единственном числе] – *cum lectus essem, esses, esset* и во множественном – *cum lecti essemus, essetis, essent*⁶⁷ и таким образом, [в единственном числе] – *cum lectus fuisset, fuisses, fuisset* и во множественном числе – *cum lecti fuissetis, fuissetis, fuissent*. В том же наклонении в будущем времени [так]: [в единственном числе] – *cum lectus ero, eris, erit* и во множественном числе – *cum lecti erimus, eritis, erint*⁶⁸ и таким образом, [в единственном числе] – *cum lectus fuero, fueris, fuerit* и во множественном – *cum lecti fuerimus, fueritis, fuerint*.

В неопределенном наклонении у [всех] чисел и лиц в настоящем времени и в предшествующем незаконченном – *legi*⁶⁹, в предшествующем законченном и предпрошедшем – *lectum esse* или *fuisse*⁷⁰, в будущем – *lectum iri*⁷¹.

Два причастия получают от страдательного глагола: [причастие] прошедшего времени и будущего, [например], в прошедшем – *lectus*⁷², в будущем – *legendus*⁷³.

Средний глагол следует правилу действительного глагола, общий и отложительный – страдательному.

De adverbio

Adverbium quid est?

– Pars orationis, quae adiecta verbo significationem eius explanat atque inplet.

Adverbio quot accidunt? – Tria.

Quae? – Significatio comparatio figura.

Significatio adverbiorum in quo est?

– Quia sunt aut loci adverbia aut temporis aut numeri aut negandi aut affirmandi aut demonstrandi aut optandi aut hortandi aut ordinis aut interrogandi aut similitudinis aut qualitatis aut quantitatis aut dubitandi aut personalia aut vocandi aut respondendi aut separandi aut iurandi aut eligendi aut congregandi aut prohibendi aut eventus aut comparandi.

Da adverbia loci. – Vt *hic* vel *ibi*, *intus* vel *foris*, *illic* vel *inde*.

Da temporis.

– Vt *hodie*, *nuper*, *aliquando*;

numeri, ut *semel*, *bis*; negandi, ut *non*; affirmandi, ut *etiam*, *quinni*; demonstrandi, ut *en*, *ecce*; optandi, ut *utinam*; hortandi, ut *eia*; ordinis, ut *deinde*; interrogandi, ut *cur*, *quare*, *quamobrem*; similitudinis, ut *quasi*, *ceu*; qualitatis, ut *docte*, *pulchre*; quantitatis, ut *multum*, *parum*; dubitandi, ut *forsitan*, *fortasse*; personalia, ut *mecum*, *tecum*, *secum*, *nobiscum*, *vobiscum*; vocandi, ut *heus*; respondendi, ut *heu*; separandi, ut *seorsum*; iurandi, ut *edepol*, *ecastor*, *hercle*, *medius fidius*; eligendi, ut *potius immo*; congregandi, ut *simul*, *una*; prohibendi, ut *ne*; eventus, ut *forte*, *fortuito*; comparandi, ut *magis* vel *tam*.

Comparatio adverbiorum in quo est?

– In tribus gradibus comparationis, positivo comparativo superlativo.

Da adverbium positivi gradus.

– Vt *docte*; comparativi, ut *doctius*; superlativi, ut *doctissime*. *Magis doctius* et *tam doctissime* non dicimus, quia *magis* et *tam* positivo gradui tantum iungitur, licet veteres dixerint *tam magis* et *quam magis*.

Figurae adverbiorum quot sunt? – Duae.

Quae?

– Simplex et composita, simplex, ut *docte*, *prudenter*, composita, ut *indocte*, *inprudenter*. Adverbia localia vel *in loco* sunt vel *de loco* vel *ad locum*. Sed *in loco* et *de loco* eandem significationem habent, ut *intus sum*, *intus exeo*, *foris sum*, *foris venio*. *Ad locum* aliam significationem habent, ut *intro eo*, *foras eo*. *De intus* autem et *de foris* sic non dicimus, quo modo *in foras* vel *ad foras*.

De participio

Participium quid est?

– Pars orationis partem capiens nominis, partem verbi; nominis genera et casus, verbi tempora et significationes, utriusque numerum et figuram.

Participio quot accidunt? – Sex.

Quae? – Genus casus tempus significatio numerus figura.

О наречии

Что такое наречие?

– Часть речи, объясняющая, а также насыщающая значение того слова, к которому оно прибавляется.

Сколько атрибутов у наречия? – Три.

Какие? – Смысл⁷⁴, сравнение, фигура.

В чем смысл наречий?

– В обозначении [ими] или места, времени, числа; или для выражения отрицания, подтверждения, объяснения, выбора, побуждения; или [обозначения] порядка; или [они служат] для вопрошания, или [обозначения] подобия, качества, количества, или [употребляются] для выражения сомнения, или лично, или для призыва, ответа, отделения, принесении клятвы, выбора, объединения, или при запрете, результате, сравнении.

Приведи наречия места. – Как *hic*⁷⁵ или *ibi*, *intus* или *foris*, *illic* или *inde*.

Приведи [наречия] времени.

– Как *hodie*, *nuper*, *aliquando*;

[наречия] числа, как *semel*, *bis*; отрицания, как *non*; подтверждения, как *etiam*, *quinni*; объяснения, как *en*, *esse*; выбора, как *utinam*; побуждения, как *eia*, порядка, как *deinde*; [наречия] при вопросе, как *cur*, *quare*, *quamobrem*; при подобии, как *quasi*, *seu*; [при указании] качества, как *docte*, *pulchre*, количества, как *multum*, *parum*; при выражении сомнения, как *forsitam*, *fortasse*; [наречия] личные, как *tecum*, *tecum*, *secum*, *nobiscum*, *vobiscum*; [наречия, употребляемые] при призыве, как *heus*; при ответе, как *heu*; при отделении, как *seorsum*; при принесении клятвы, как *edepol*, *ecastor*, *hercle*, *medius fidius*; при выборе, как *potius*, *immo*; при объединении, как *simul*, *una*; при запрете, как *ne*; при результате, как *forte*, *fortuito*; при сравнении, как *magis* или *tam*.

В чем состоит сравнение наречий?

– В трех степенях сравнения: положительной, сравнительной, превосходной.

Приведи наречие в положительной степени.

– Как *docte*; в сравнительной, как *doctius*; в превосходной – *doctissime*. Мы не говорим *magis doctius* и *tam doctissime*, потому что *magis* и *tam* соединяются только с положительной степенью, хотя древние говорили *tam magis* и *quam magis*.

Сколько фигур у наречий? – Две.

Какие?

– Простая и составная. Простое [наречие], как *docte*, *prudenter*, составное, как *indocte*, *inprudenter*⁷⁶. Наречия [обозначающие] место могут быть или *in loco* или *de loco* или *ad locum*. Но *in loco* и *de loco* имеют одно и то же значение, как *intus sum*, *intus exeo*, *foris sum*, *foris venio*. *Ad locum* имеет другое значение, как *intro eo*, *foras eo*. Ведь мы не говорим *de intus* и *de foris*, хотя [мы говорим] *in foras* или *ad foras*⁷⁷.

О причастии

Что такое причастие?

– Часть речи, частично принимающая [признаки] имени, частично – глагола: от имени – род и падежи, от глагола – времена и смысл и от обоих – число и фигуру.

Сколько атрибутов у причастия? – Шесть.

Какие? – Род, падеж, время, смысл, число, фигура.

Genera participiorum quot sunt? – Quattuor.

Quae?

Masculinum, ut *hic lectus*, femininum, ut *haec lecta*, neutrum, ut *hoc lectum*; commune tribus generibus, ut *hic et haec et hoc legens*.

Casus participiorum quot sunt? – Sex.

Qui?

Nominativus, ut *hic legens*, genetivus, ut *huius legentis*, dativus, ut *huic legenti*, accusativus, ut *hunc legentem*, vocativus, ut *o legens*, ablativus, ut *ab hoc legente*.

Tempora participiorum quot sunt? – Tria.

Quae? – Praesens, ut *legens*, praeteritum, ut *lectus*, futurum, ut *lecturus et legendus*.

Significationes participiorum in quo sunt?

– Quia ab activo verbo duo participia veniunt, praesens et futurum, ut *legens, lecturus*; a passivo duo, praeteritum et futurum, ut *lectus, legendus*; a neutro duo, sicut ab activo, praesens et futurum, ut *stans, staturus*, a deponenti tria, praesens, praeteritum et futurum, ut *loquens, locutus, locuturus*; a communi quattuor, praesens, praeteritum et duo futura, ut *crimians, criminatus, criminaturus, criminandus*.

Numeri participiorum quot sunt? – Duo.

Qui? – Singularis, ut *hic legens*, pluralis, ut *hi legentes*.

Figurae participiorum quot sunt? – Duae.

Quae? – Simplex, ut *legens*, composita, ut *neglegens*.

Da declinationem participii.

– *Legens* participium veniens a verbo activo temporis praesentis generis omnis numeri singularis figurae simplicis casus nominativi (accusativi) et vocativi, quod declinabitur sic: nominativo *hic et haec et hoc legens*, genetivo *huius legentis*, dativo *huic legenti*, accusativo *hunc et hanc legentem et hoc legens*, vocativo *o legens*, ablativo *ab hoc et ab hac et ab hoc legente vel legenti* et pluraliter nominativo *hi et hae legentes et haec legentia*, genetivo *horum et harum et horum legentium*, dativo *his legentibus*, accusativo *hos et has legentes et haec legentia*, vocativo *o legentes et o legentia*, ablativo *ab his legentibus*.

Lecturus, lectura, lecturum participia venientia a verbo activo temporis futuri generis masculini feminini et neutri numeri singularis figurae simplicis casus nominativi et vocativi, quae declinabuntur sic: nominativo *lecturus, lectura, lecturum*, genetivo *lecturi, lecturae, lecturi*, dativo *lecturo, lecturae, lecturo*, accusativo *lecturum, lecturam, lecturum*, vocativo *lecture, lectura, lecturum*, ablativo *ab hoc lecturo, ab hac lectura, ab hoc lecturo* et pluraliter nominativo *lecturi, lecturae, lectura*, genetivo *lectorum, lecturarum, lectorum*, dativo *lectoris*, accusativo *lecturos, lecturas, lectura*, vocativo *lecturi, lecturae, lectura*, ablativo *ab his lectoris*.

Сколько родов у причастия? – Четыре.

Какие?

Мужской, как *hic lectus*, женский, как *haec lecta*, средний, как *hoc lectum*, общий из трех родов, как *hic, haec, и hoc legens*.

Сколько падежей у причастий? – Шесть.

Какие?

Именительный, как *hic legens*, родительный, как *huius legentis*, дательный, как *huic legenti*, винительный, как *hunc legentem*, звательный, как *o legens*, аблатив, как *ab hoc legente*.

Сколько времен у причастий? – Три.

Какие?

– Настоящее, как *legens*⁷⁸, предшествующее, как *lectus*⁷⁹, будущее, как *lecturus*⁸⁰ и *legendus*⁸¹.

В чем состоит смысл причастий?

– В том, что от действительного глагола происходят два [причастия] – [причастие] настоящего времени и будущего, как *legens, lecturus*; от страдательного глагола [также] два – предшествующего времени и будущего, как *lectus, legendus*; от среднего [также] два, как от действительного глагола – настоящего времени и будущего, как *stans, staturus*; от отложительного глагола три [причастия] – настоящего времени, предшествующего и будущего, как *loquens, locutus, locuturus*; от общего глагола четыре [причастия] – настоящего, предшествующего и два будущего времени, как *criminans, criminatus, criominaturus, criminandus*.

Сколько чисел у причастий? – Два.

Какие? – Единственное, как *hic legens* и множественное, как *hi legentes*.

Сколько фигур у причастий? – Две.

Какие? – Простая, как *legens* и составная, как *neglegens*.

Приведи склонение причастий.

– *Legens* – причастие, образованное от действительного глагола настоящего времени, всех родов, единственного числа, простое по фигуре, в именительном (винительном) и звательном падежах, будет склоняться так: в именительном – *hic, haec, hoc legens*; в родительном – *huius legenti*; в дательном – *huic legenti*; в винительном – *hunc, hanc legentem* и *hoc legens*; в звательном – *o legens*; в аблативе – *ab hoc, ab hac, ab hoc legente* или *legenti* и во множественном числе: в именительном: *hi, hae legentes* и *haec legentia*; в родительном – *horum, harum* и *horum legentium*; в дательном – *his legentibus*; в винительном – *hos, has legentes* и *haec legentia*; в звательном – *o legentes* и *o legentia*; в аблативе – *ab his legentibus*.

Lecturus, lectura, lecturum – причастия, образованные от страдательного глагола будущего времени, мужского, женского и среднего рода, единственного числа, простое по фигуре, в именительном и звательном падежах, будут склоняться так: в именительном – *lecturus, lectura, lecturum*; в родительном – *lecturi, lecturae, lecturi*; в дательном – *lecturo, lecturae, lecturo*; в винительном – *lecturum, lecturam, lecturum*; в звательном – *lecture, lectura, lecturum*; в аблативе – *ab hoc lecturo, ab hac lectura, ab hoc lecturo* и во множественном: в именительном – *lecturi, lecturae, lectura*; в родительном – *lecturorum, lecturarum, lecturorum*; в дательном – *lecturis*; в винительном – *lecturos, lecturas, lectura*; в звательном – *lecturi, lecturae, lectura*; в аблативе – *ab his lecturis*⁸².

Lectus, lecta, lectum participia venientia a verbo passivo temporis praeteriti generis masculini feminini et neutri numeri singularis figurae simplicis casus nominativi et vocativi, quae declinabuntur sic: nominativo *lectus, lecta, lectum*, genetivo *lecti, lectae, lecti*, dativo *lecto, lectae, lecto*, accusativo *lectum, lectam, lectum*, vocativo *lecte, lecta, lectum*, ablativo *ab hoc lecto, ab hac lecta, ab hoc lecto* et pluraliter nominativo *lecti, lectae, lecta*, genetivo *lectorum, lectarum, lectorum*, dativo *lectis*, accusativo *lectos, lectas, lecta*, vocativo *lecti, lectae, lecta*, ablativo *ab hoc lectis*.

Legendus, legenda, legendum participia venientia a verbo passivo temporis futuri generis masculini feminini et neutri numeri singularis figurae simplicis casus nominativi et vocativi, quae declinabuntur sic: nominativo *legendus, legenda, legendum*, genetivo *legendi, legendae, legendi*, dativo *legendo, legendae, legendo*, accusativo *legendum, legendam, legendum*, vocativo *legende, legenda, legendum*, ablativo *ab hoc legendo, ab hac legenda, ab hoc legendo* et pluraliter nominativo *legendi, legendae, legenda*, genetivo *legendorum, legendarum, legendorum*, dativo *legendis*, accusativo *legendos, legendas, legenda*, vocativo *legendi, legendae, legenda*, ablativo *ab his legendis*.

De coniunctione

Coniunctio quid est? – Pars orationis adnectens ordinansque sententiam.

Coniunctioni quot accidunt? – Tria.

Quae? – Potestas figura ordo.

Potestas coniunctionum quot species habet? – Quinque.

Quas? – Copulativas disiunctivas expletivas causales rationales.

Da copulativas. – *Et, que, at, atque, ac, ast*.

Da disiunctivas. – *Aut, ve, vel, ne, nec, neque*.

Da expletivas.

– *Quidem, eundem, saltem, videlicet, quamquam, quamvis, quoque, autem, porro, porro autem, tamen*.

Da causales.

– *Si, etsi, etiamsi, si quidem, quando, quando quidem, quin, quin etiam, quatinus, sin, seu, sive, nam, namque, ni, nisi, nisi si, si enim, etenim, ne, sed, interea, licet, quamobrem, praesertim, item, itemque, ceterum, alioquin, praeterea*.

Da rationales.

Ita, itaque, enim, enimvero, quia, quapropter, quoniam, quoniam quidem, quippe, ergo, ideo, igitur, scilicet, propterea, idcirco.

Figurae coniunctionum quot sunt? – Duae.

Quae? – Simplex, ut *nam*, composita, ut *namque*.

Ordo coniunctionum in quo est?

– Quia aut praepositivae coniunctiones sunt, ut *ac, ast, aut* subiunctivae, ut *que, autem*, aut communes, ut *et, igitur, ergo*.

De praepositione

Praepositio quid est?

– Pars orationis quae praeposita aliis partibus orationis significationem earum aut complet aut mutat aut minuit.

Lectus, lecta, lectum – причастия, образованные от страдательного глагола предшествующего времени, мужского, женского и среднего рода, единственного числа, простое по фигуре, в именительном и звательном падежах, будут склоняться так: в именительном – *lectus, lecta, lectum*; в родительном – *lecti, lectae, lecti*; в дательном – *lecto, lectae, lecto*; в винительном – *lectum, lectam, lectum*; в звательном – *lecte, lecta, lectum*; в аблативе – *ab hoc lecto, ab hac lecta, ab hoc lecto* и во множественном числе: в именительном – *lecti, lectae, lecta*; в родительном – *lectorum, lectarum, lectorum*; в дательном – *lectis*; в винительном – *lectos, lectas, lecta*; в звательном – *lecti, lectae, lecta*; в аблативе – *ab hoc lectis*.

Legendus, legenda, legendum – причастия, образованные от страдательного глагола будущего времени, мужского, женского и среднего рода, единственного числа, простое по фигуре, в именительном и звательном падежах, будут склоняться так: в именительном – *legendus, legenda, legendum*; в родительном – *legendi, legendae, legendi*; в дательном – *legendo, legendae, legendo*; в винительном – *legendum, legendam, legendum*; в звательном – *legende, legenda, legendum*; в аблативе – *ab hoc legendo, ab hac legenda, ab hoc legendo* и во множественном числе: в именительном – *legendi, legendae, legenda*; в родительном – *legendorum, legendarum, legendorum*; в дательном – *legendis*; в винительном – *legendos, legendas, legenda*; в звательном – *legendi, legendae, legenda*; в аблативе – *ab his legendis*.

О союзе

Что такое союз? – Часть речи, связывающая и приводящая в порядок предложение. Сколько атрибутов у союза? – Три.

Какие? – Назначение, фигура, положение.

Сколько видов у союза по назначению? – Пять.

Какие?

– [Существуют] соединительные, разделительные, дополнительные, причинные, относительные.

Приведи соединительные [союзы]. – *Et, que, at, atque, ac, ast.*

Приведи разделительные. – *Aut, ve, vel, ne, nec, neque.*

Приведи дополнительные.

– *Quidem, equidem, saltem, videlicet, quamquam, quamvis, quoque, autem, porro, porro autem, tamen.*

Приведи причинные.

– *Si, etsi, etiamsi, si quidem, quando, quando quidem, quin, quin etiam, quatinus, sin, seu, sive, nam, namque, ni, nisi, nisi si, si enim, etenim, ne, sed, interea, licet, quamobrem, praesertim, item, itemque, ceterum, alioquin, praeterea.*

Приведи относительные.

Ita, itaque, enim, enimvero, quia, quapropter, quoniam, quoniam quidem, quippe, ergo, ideo, igitur, scilicet, propterea, idcirco.

Сколько фигур у союзов? – Две.

Какие? – Простая, как *nam* и составная, как *namque*.

Порядок союзов в чем проявляется?

– Есть союзы или препозитивные, как *ac, ast*, или связующие, *que, autem*, или общие, как *et, igitur, ergo*.

О предлоге

Что такое предлог?

– Часть речи, которая стоит перед другими частями речи, [и] наполняет или изменяет, или опровергает их смысл.

Praepositioni quot accidunt? – Vnum.

Quid? – Casus tantum.

Quot? – Duo.

Qui? – Accusativus et ablativus.

Da praepositiones casus accusativi.

– *Ad, apud, ante, adversum, cis, citra, circum, circa, contra, erga, extra, inter, intra, infra, iuxta, ob, pone, per, prope, secundum, post, trans, ultra, praeter, propter, supra, usque, penes.*

Quo modo?

– *Dicimus enim ad patrem, apud villam, ante aedes, adversum inimicos, cis Renum, citra forum, circum vicinos, circa templum, contra hostem, erga propinquos, extra terminos, inter naves, intra moenia, infra tectum, iuxta macellum, ob augurium, pone tribunal, per parietem, prope fenestram, secundum fores, post tergum, trans ripam, ultra fines, praeter officium, propter rem, supra caelum, usque Oceanum, penes arbitros.*

Da praepositiones casus ablativi.

– *A, ab, abs, cum, coram, clam, de, e, ex, pro, prae, palam, sine, absque, tenus.*

Quo modo?

– *Dicimus enim a domo, ab homine, abs quolibet, cum exercitu, coram testibus, clam custodibus, de foro, e iure, ex praefectura, pro clientibus, prae timore, palam omnibus, sine labore, absque iniuria, tenus pube, quod nos dicimus pube tenus.*

Da utriusque casus praepositiones.

In, sub, super, subter.

In et sub quando accusativo casui iunguntur?

– *Quando vel nos vel quoslibet in locum ire, isse, ituros esse significamus.*

Quando ablativo?

– *Quando vel nos vel quoslibet in loco esse, fuisse, futuros esse significamus.*

In accusativi casus, 'itur in antiquam silvam'; in ablativi casus, 'stans celsa in puppi'; sub accusativi casus, 'postesque sub ipsos Nituntur gradibus', sub ablativi casus, 'arma sub adversa posuit radiantia quercu'.

Super quam vim habet?

– *Vbi locum significat, magis accusativo casui servit quam ablativo; ubi mentionem alicuius facimus, ablativo tantum, ut 'multa super Priamo rogitans'.*

In quam vim habet?

– *Etiam tum accusativo casui servit, cum significat contra, ut in adulterum, in desertorem.*

Subter quam vim habet?

– *Eandem quam superiores ad locum et in loco significantes.*

Quae praepositiones sunt quae dictionibus serviunt et separari non possunt?

– *Di, dis, re, se, am, con.*

Сколько атрибутов у предлога? – Один.

Какой? – Только падеж.

Сколько [падежей]? – Два.

Какие? – Винительный и аблатив.

Приведи предлоги с винительным падежом.

– *Ad, apud, ante, adversum, cis, citra, circum, circa, contra, erga, extra, inter, intra, infra, iuxta, ob, pone, per, prope, secundum, post, trans, ultra, praeter, propter, supra, usque, penes.*

Каким образом [они употребляются]?

– Ведь мы говорим: *ad patrem, apud villam, ante aedes, adversum inimicos, cis Renum, citra forum, circum vicinos, circa templum, contra hostem, erga propinquos, extra terminos, inter naves, intra moenia, infra tectum, iuxta macellum, ob augurium, pone tribunal, per parietem, prope fenestram, secundum fores, post tergum, trans ripam, ultra fines, praeter officium, propter rem, supra caelum, usque Oceanum, penes arbitros.*

Приведи предлоги с аблативом.

– *A, ab, abs, cum, coram, clam, de, e, ex, pro, prae, palam, sine, absque, tenus.*

Каким образом [они употребляются]?

– Ведь мы говорим: *a domo, ab homine, abs quolibet, cum exercitu, coram testibus, clam custodibus, de foro, e iure, ex praefectura, pro clientibus, prae timore, palam omnibus, sine labore, absque iniuria, tenus pube*, все же мы говорим: *pube tenus.*

Приведи предлоги с двумя падежами.

– *In, sub, super, subter.*

Когда *in* и *sub* соединяются с винительным падежом?

Тогда, когда мы обозначаем или себя [самих] или любого [другого], идущего, находящегося, или намеревающегося пройти в [какое-либо] место.

Когда с аблативом?

Тогда, когда мы обозначаем или себя [самих] или любого [другого], находящегося, бывшего или намеревающегося быть в [каком-нибудь] месте. [Например], *in* с винительным падежом: *'itur in antiquam silvam'*⁸⁷; *in* с аблативом: *'stans celsa in puppi'*⁸⁸; *sub* с винительным падежом: *'postesque sub ipsos Nituntur gradibus'*⁸⁹; *sub* – с аблативом: *'arma sub adversa posuit radiantia quercu'*⁹⁰.

Super какое значение имеет?

– При обозначении места, он больше употребляется с винительным падежом, чем с аблативом. Там, где мы упоминаем кого-то, только с аблативом, как *'multa super Priamo rogians'*⁹¹.

In какое значение имеет?

– Он даже тогда сохраняет употребление винительного падежа, когда обозначает *promus*, как *in adulterum, in desertorem.*

Subter какое значение имеет?

– Такое же, как [предлоги, приведенные] выше, он обозначает [движение] к [какому-то] месту или [нахождение] в [каком-то] месте.

Какие существуют предлоги, которые связываются со словами [вместе] и не могут [употребляться] отдельно от них?

– *Di, dis, re, se, am, con'*⁹².

Quo modo?

– Dicimus enim *diduco, distraho, recipio, secubo, amplexor, congregior*.

Quae sunt quae coniungi non possunt?

– *Apud et penes*.

Quae coniunguntur et separantur? – *Reliquae, omnes*.

De interiectione

Interiectio quid est?

– Pars orationis significans mentis affectum voce incondita.

Interiectioni quid accidit? – Tantum significatio.

Significatio interiectionis in quo est?

– Quia aut laetitiam significamus, ut *evax*, aut *dolorem*, ut *heu*, aut *admirationem*, ut *papae*, aut *metum*, ut *atfat*, et siqua sunt similia.

Каким образом [они употребляются]?

– Ведь мы говорим: *diduco, distraho, recipio, secubo, amplector, congredior*.

Какие предлоги нельзя употреблять в сочетании со словами?

Apud и *penes*.

Какие предлоги употребляются в сочетании [со словами] и отдельно? – Все остальные.

О междометии

Что такое междометие?

– Часть речи, выражающая эмоциональное состояние души взволнованным голосом. Сколько атрибутов у междометия? – Только смысл.

В чем смысл междометия?

Мы обозначаем ими или радость, как *evah*, или страдание, как *heu*, или удивление, как *parae*, или страх, как *attat* и всякий раз в подобных случаях.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В латинском языке *Ablativus* соединил в себе значения трех древних падежей: а) собственно *ablativus* (отделительный), отвечающий на вопрос “откуда?”, который в русском языке слился с родительным; б) *instrumentalis*, равный русскому творительному; в) *locativus* (местный), равный русскому предложному. Для сравнения отметим, что в греческом языке собственный *ablativus* слился с родительным падежом; *instrumentalis* и *locativus* – с дательным. Из-за отсутствия русского эквивалента мы оставляем *ablativus* без перевода.

² *Doctior illo* – учение того – *Ablativus Comparationis*.

³ *Doctissimus poetarum* – ученейший из поэтов – *Genetivus Partitivus*.

⁴ Это прилагательные, которые имеют одно и то же окончание в *Nom. Sing.* для всех трех родов.

⁵ Эпицен, видовое слово, объединяющее в себе понятия самца и самки (*passer* – воробей; *aquila* – орел).

Имеются в виду различные способы образования слов (аффиксация и словосложение): *suburbanus* (*sub+urbanus*) – пригородный; *efficax* (*ef+facio*) – верный, надежный; *municeps* (*munus+capio*) – согражданин; *insulsus* (*in+salsus*) – несоленый, безвкусный; *nugigerulus* (*nugi+gerulus*) – болтун, пустомеля; *inexpugnabilis* (*in+ex+pugnabilis*) – непобедимый; *inperterritus* (*in+per+territus*) – неустрашимый.

⁷ В качестве примеров приводятся имена существительные, относящиеся к первому, второму и третьему (согласная группа) склонениям: *magister, i (m)* – учитель, *Musa, ae (f)* – Муза, *scamnum, i (n)* – скамья, престол, *sacerdos, sacerdotis (m, f)* – жрец, жрица, а так же имя прилагательное третьего склонения одного окончания: *felix, is* (счастливый). Все имена даны в сочетании с указательным местоимением – *hic* (этот), *haec, hoc*.

⁸ Здесь отчетливо видна система латинского склонения. Так *Abl. Sing.* имен с основой на гласный совпадает с такой основой (I скл. – *Musa*, II скл. – *scamno*). В родительном падеже множественного числа к основе таких имен добавляется окончание *-rum* (I скл. – *Musarum*, II скл. – *scamnorum*). *Dat. Pl.* и *Abl. Pl.* всегда совпадают и имеют окончание *-is*. Если обратиться к исторической грамматике латинского языка, то можно увидеть что у имен, относящихся к первому склонению, окончание *-is* происходит от окончания *-ais*, перешедшее в *-eis*, а затем в *-is*. Соответственно, у имен второго склонения изменения в окончаниях были такими: *-ois, -eis, -is*.

⁹ Речь идет об именах существительных, относящихся к III, IV и V склонениям.

¹⁰ *Ego, tu* – личные местоимения, *ille* – указательное местоимение.

¹¹ Буква -o обозначает форму звательного падежа, которую мы воспроизводим здесь и далее в квадратных скобках.

¹² По-видимому, речь идет о тех местоимениях, которые занимают "промежуточное" положение между определенными и неопределенными. Согласно современной терминологии это определительное местоимение (*Pronomen Determinativum*) – *ipse-ipsa-ipsum*.

¹³ *Iste, ista, istud* – указательное местоимение (*Pronomen Demonstrativum*).

¹⁴ *Pronomen Demonstrativum*.

¹⁵ Это относительные местоимения (*Pronomina Relativa*), употребляемые в качестве прилагательных (со значением *который, которая, которое*) и существительных (со значением *кто, что*). Эти местоимения так же могут употребляться в функции вопросительных местоимений (*Pronomina Interrogativa*). В этом случае такие местоимения имеют только значения прилагательных: *который?, которая?, которое?, какой?, какая?, какое?*

¹⁶ Притяжательные местоимения в сущности не местоимения, а прилагательные.

¹⁷ Видимо, Донат рассматривает это местоимение как составное. Тогда в единственном числе оно состоит из двух частей (основы, которая остается неизменной и всегда стоит в единственном числе, и падежного окончания для единственного числа), например: *me-us, me-i, me-o* и т.д. Аналогично, во множественном числе, первая часть (т.е. основа) остается неизменной, вторая (падежное окончание) уже во множественном числе, например: *me-i, me-orum, me-is* и т.д.

¹⁸ Аналогично местоимению *teus* (см. прим. 17). Местоимение *noster* рассматривается как составное из двух частей. Первая часть *nos* представляет собой самостоятельное личное местоимение (мы), которое употребляется только по отношению ко множественному числу. Отсюда первая часть всегда стоит во множественном числе, а вторая часть, представляющая собой падежное окончание, может быть или в единственном числе (например, *nos-ter, nos-tri, nos-tro* и т.д.), или во множественном (например, *nos-tri, nos-trorum, nos-tris*).

¹⁹ Имеется в виду неопределенная форма глагола.

²⁰ Многозначность латинского конъюнктива в известной степени объясняется тем, что он включает в себя (по значению и форме) два индоевропейских наклонения: сослагательное и желательное. Например, *cum legam* можно перевести так: *когда я прочитал бы*. Как видно из текста, Донат выделяет желательное наклонение (*Modus Optativus*). *Ultimam legeram* – можно перевести здесь *о, как бы я [хотел] прочитать*, или *о, если бы я прочитал*.

²¹ Форма 3 лица единственного числа, страдательного залога в предложении с неназванным или неопределенным субъектом. *Legitur* – прочитанный [кем-то].

²² *Lecturio, ire* (*desiderat. к lego*) – иметь желание читать. Глаголы типа *lecturio* относятся к группе желательных (*Verba Desiderativa*), которые обозначают *желание или предрасположение к действию*.

²³ *Lectito, are* (*intens. к lego*) – усердно читать. Такие глаголы относятся к группе учащательных (*Verba Frequentativa*) и обозначают *действие, повторяющееся или (иногда) только интенсивное*.

²⁴ *Fervesco, ere* (*inchoat. к ferveo*) – начинать кипеть, вскипать, закипать; *calesco, ere* (*inchoat. к caleo*) – нагреваться, разгорячаться. Такие глаголы относятся к группе начинательных (*Verba Inchoativa*) и обозначают *начало действия или состояния*.

²⁵ Варрон, который, по-видимому, первый занимался этим вопросом, различал, исходя из гласной второго лица единственного числа изъявительного наклонения настоящего времени три спряжения: первое на -a (долгое), второе на -e (долгое), третье на -i (долгое или краткое). В императорскую эпоху последнее расщепилось на два в зависимости от количества -i. Упоминание о четвертом спряжении впервые появляется у грамматика Сацердота (III в.), который, вероятно, заимствовал его у своего предшественника Ремгия Палемона: *tertia producta quam quidam quartam vocant* (третье, с долгой [гласной], которое также называется четвертым), см. *Grammatici Latini* IV, 434К, (Keil). В VI в. Присциан принимал и распространил эту классификацию; она удержалась до наших дней с

некоторым дополнением к третьему спряжению (тип *cario, facio, jacio* и др. – III спряжение на *-io*). Цит. по Эрну А., сс.145-146.

²⁶ Имеется в виду окончание инфекта.

²⁷ В современной грамматической теории это спряжение делится на три самостоятельных спряжения – III, III на *-io* и IV. См. прим.26.

²⁸ Речь идет о тематическом гласном глаголов III спряжения и гласной, входящей в основу глагола IV спряжения.

²⁹ Речь идет о неправильных глаголах: *eo* (inf. – *ire*), *queo* (inf. – *ire*). Их особенность – чередование основы инфекта: *-e* (краткой) – перед гласной буквой, *-i* – перед согласной. Формы *Futurum Primum Indicativi Activi* у таких глаголов образуются при помощи суффикса *-b*, как у глаголов I и II спряжений. В архаической латыни и изредка в классическую эпоху встречались формы будущего времени глаголов IV спряжения, также образованные при помощи суффикса *-b*, например: *audi-b-o*.

³⁰ Это переходные глаголы (*Verba Transitive*).

³¹ Страдательный залог имеет безличное значение, когда нет указания на действующий субъект, а также значение, которое показывает, что субъект заинтересован (или не заинтересован) в действии, выраженном глаголом.

³² Непереходные глаголы (*Verba Intransitive*), которые не имеют страдательного залога и обозначают действие или состояние, не переходящее на другой предмет: *sto* – стою; *curro* – бегу. Ср. в русском языке: *стоять, бежать*, которые также непереходные.

³³ Отложительные глаголы, имеющие действительное или близкое к действительному значению. Здесь: *luctor* – борюсь, *loquor* – говорю, рассказываю. Ср. в русском языке: *нравлюсь, смеюсь, боюсь*.

³⁴ *Osculor a te; crimino a te, a te* – Abl. Auctoris.

³⁵ *Praesens Indicativi Activi*.

³⁶ *Imperfectum Indicativi Activi*.

³⁷ *Perfectum Indicativi Activi*.

³⁸ *Plusquamperfectum Indicativi Activi*.

³⁹ *Futurum Primum Indicativi Activi*.

⁴⁰ Донатом приводятся формы повелительного наклонения в сочетании с формами сослагательного наклонения (*Praesens Coniunctivi Activi*).

⁴¹ *Imperfectum Coniunctivi Activi*.

⁴² *Plusquamperfectum Coniunctivi Activi*.

⁴³ *Praesens Coniunctivi Activi*.

⁴⁴ Также *Praesens Coniunctivi Activi*. Донат различает желательное и сослагательное наклонения, приводя соответствующие союзы, например, *utinam legam* (о, если бы я прочитал) и *cum legam* (когда бы я прочитал).

⁴⁵ *Perfectum Coniunctivi Activi*.

⁴⁶ *Futurum Secundum (Exactum) Indicativi Activi*.

⁴⁷ *Infinitivus Praesentis Activi*.

⁴⁸ *Infinitivus Perfecti Activi*.

⁴⁹ *Infinitivus Futuri Passivi et Activi*.

⁵⁰ *Gerundi Modus*, т.е. наклонение действия (*gerundi* – от глагола *gero* (действовать) с архаической формой суффикса *-und*). Термины *Gerundium* и *Gerundivum* – позднего происхождения.

⁵¹ *Supinum* (супин). Можно сравнить супин в Acc. с достигательным наклонением, имеющим окончание *-t* в древнерусском языке. В некоторых северорусских говорах до сих пор сохраняются выражения типа: *иду пахать*.

⁵² *Participium Praesentis Activi*.

⁵³ *Participium Futuri Activi*.

⁵⁴ *Praesens Indicativi Passivi*.

⁵⁵ *Imperfectum Indicativi Passivi*.

⁵⁶ *Perfectum Indicativi Passivi*.

⁵⁷ *Plusquamperfectum Indicativi Passivi*.

⁵⁸ *Futurum Primum Indicativi Passivi*.

⁵⁹ Здесь вместе с формами повелительного наклонения Донатом приводятся и формы сослагательного наклонения (*Praesens Coniunctivi Passivi*), которые также употребляются при передаче повеления.

⁶⁰ *legamini* – согласно манускрипту *Codex Berolinensis Santenii* 66.4.

⁶¹ *Imperfectum Coniunctivi Passivi*.

⁶² *Plusquamperfectum Coniunctivi Passivi*.

⁶³ *Praesens Coniunctivi Passivi*.

⁶⁴ *Praesens Coniunctivi Passivi*.

⁶⁵ *Imperfectum Coniunctivi Passivi*.

⁶⁶ *Perfectum Coniunctivi Passivi*.

⁶⁷ *Plusquamperfectum Coniunctivi Passivi*.

⁶⁸ *Futurum Secundum Indicativi Passivi*.

⁶⁹ *Infinitivus Praesentis Passivi*.

⁷⁰ *Infinitivus Perfecti Passivi*.

⁷¹ *Infinitivus Futuri Passivi*.

⁷² *Participium Perfecti Passivi*.

⁷³ *Gerundivum*.

⁷⁴ То есть обозначение образа действия.

⁷⁵ Наречия *hic, ibi, inde, illic* возникли из местоимений. Их называют местоименными наречиями.

⁷⁶ *In+docte, in+prudenter*.

⁷⁷ Здесь Донат объясняет употребление наречий, обозначающих нахождение лица или предмета внутри какого-либо места (*in loco*), снаружи (*de loco*) или приближение к такому месту (*ad loco*). Далее он говорит, что нахождение *внутри* или *снаружи* передается одним и тем же способом. Так, *intus sum* – я нахожусь внутри [дома]; *intus exeo* – я вхожу вовнутрь [дома]; *foris sum* – я нахожусь снаружи [дома]; *foris venio* – выхожу из [дома]. Донат выделяет наречия, употребляемые при обозначении *приближения* (*ad locum*) какого-либо лица или предмета: *intro eo* – я вхожу туда; *foras eo* – [выхожу] наружу.

⁷⁸ *Participium Praesentis Activi*.

⁷⁹ *Participium Perfecti Passivi*.

⁸⁰ *Participium Futuri Activi*.

⁸¹ *Gerundivum*.

⁸² *Participium Futurum Activi*.

⁸³ *Participium Perfecti Passivi*.

⁸⁴ *Gerundivum*.

⁸⁵ Союзы тесно связаны с местоименными наречиями, так же как и предлоги с наречиями места.

⁸⁶ Предлоги – это наречия, которые стали употребляться особым образом в сочетании с некоторыми падежами имен существительных или в соединении с глаголом. На ранней ступени развития индоевропейских языков для передачи определенных оттенков значения было вполне достаточно одних только падежей, но при ослаблении значимости падежных суффиксов или при осознании необходимости более точных определений, падежные суффиксы стали усиливаться прибавлением к ним наречий. Наречия, которые по своему значению постоянно соединяются с определенными падежами имен существительных или употребляются в сочетании с глаголами, называются предлогами.

⁸⁷ "идти в древний лес" (Вергилий, *Энеида* VI,179), здесь и ниже пер. С. Ошерова.

⁸⁸ "встав на высокой корме", (*Энеида* III,527).

⁸⁹ "по ступеням лезут все выше они", (*Энеида* II,442-3).

⁹⁰ "и положила пред ним под дубом доспех лучезарный", (*Энеида* VIII,616).

⁹¹ "все о Приаме расспросив" (*Энеида* I,750).

⁹² Префиксы.

Воспоминания Е.В.Тарле о работе в западных архивах

Евгений Викторович Тарле (1874-1955) на протяжении почти шестидесяти лет занимался в архивах, русских и зарубежных. Многие лучшие его работы о Французской революции, Наполеоновской эпохе и истории международных отношений сплошь основаны на архивных разысканиях. "Можно поразиться неимоверным количеством материалов, которые разыскал Е.В.Тарле в архивах и рукописных хранилищах Франции, Англии и других стран и которые легли в основу целого ряда его капитальных исследований", — писал такой строгий и компетентный судья, как С.Н.Валк.¹

С 1898 по 1914 г. Е.В.Тарле почти ежегодно ездил летом в Западную Европу для работы в архивах и библиотеках и хорошо изучил основные архивохранилища Парижа, Лондона, Милана, Берлина, Гамбурга, Стокгольма, Гааги, Бордо, Амьена и других городов. Позднее он много работал в русских архивах, а в первые послереволюционные годы вместе с С.Ф.Платоновым, А.Е.Пресняковым и другими виднейшими историками принимал непосредственное участие в деятельности Петроградского отделения Центрархива, где некоторое время заведовал историко-экономической секцией. Вновь в западных (преимущественно французских) архивах Е.В.Тарле смог поработать в 1924-29 гг. во время своих ежегодных поездок за границу. Ему принадлежат и специальные статьи "Национальный архив в Париже"² и "Архивное дело на Западе"³.

После ареста в 1930 г. Тарле на Запад не пускали, но до последних лет жизни он продолжал с увлечением работать в ленинградских и московских архивах, о чем сохранилось много свидетельств. Так, 11 декабря 1946 г. Тарле писал А.Д.Люблинской: "Пока я занят по горло подготовкой 2-го издания "Талейрана". Неожиданно это меня увлекло и я сижу с утра до вечера на Серпуховской в тесном ремонтируемом помещении и работаю над написанными курячьим почерком (и подлейшими по содержанию) письмами Талейрана к Александру I и Румянцеву".⁴ В 1948 г., заполняя обычную анкету на предмет занятий в архиве, Тарле

¹ Валк С.Н. Е.В.Тарле и литература советского архивоведения. // Проблемы истории международных отношений. Сборник статей памяти академика Е.В.Тарле. Л., 1972. С.18.

² В изд.: История архивного дела классической древности, в Западной Европе и на мусульманском Востоке. Пг., 1920. С.155-202. Переизд. в кн.: Тарле Е.В. Сочинения. М., 1958. Т.IV. С.589-624.

³ Архивное дело. 1927. N 11-12. С.92-104. Переизд. в кн.: Тарле Е.В. Сочинения. М., 1961. Т.XI. С.606-614.

⁴ Возможность ознакомиться с этим письмом я обязан Е.В.Бернадской.

на вопрос: "По заданию какого учреждения ведется работа?", – ответил: "По собственному желанию".⁵

С.Н.Валк завершал статью о Е.В.Тарле словами: "Можно только пожалеть, что в составе его литературной деятельности неизбежные наблюдения за состоянием архивов, существующими в разных странах архивными порядками, нравами и деятелями не послужили предметом особого очерка".⁶ Такой очерк, однако, обнаружился. В архиве Тарле сохранилась стенограмма лекции "Архивы Запада", прочитанной им 2 декабря 1939 г. в Историко-архивном институте в Москве. Архивные воспоминания и наблюдения Е.В.Тарле, как ясно из вышеизложенного, относятся к периоду до I мировой войны и – применительно к Франции – к 1920-м гг. Тарле не питал склонности к теоретическим вопросам архивоведения, но, конечно, отдельные его суждения в этой области связаны с тогдашней ситуацией в архивном деле. Таково, в частности, утверждение о принципиальной невозможности архивных каталогов.

Стенограмма сохранила устную речь – и в этом заключается ее особая ценность. Она дает наглядное представление о том, насколько талантливым докладчиком и рассказчиком, способным увлечь любую аудиторию, был Тарле. Вместе с тем в ней, конечно, отразились присущие устной речи структура фразы, повторы, некоторая раскрепощенность и излишняя определенность суждений, иной раз жертвующих деталями и диссонансами для проведения основной мысли (последнее почти неизбежно в лекциях, рассчитанных на восприятие студентов).

Отдельные утверждения Тарле приходится оставить на совести автора: в частности, заявление о том, что во Франции "профессоров министр может без особого труда выгнать вон, когда ему заблагорассудится", преувеличение недоступности Ватиканского архива для исследователей, ряд рассказов, выдержанных в стиле "архивных анекдотов". Читатель без труда заметит также некоторые ритуальные формулы, повторяемые Тарле в 1939 г. – это прежде всего заявления об "упадке буржуазной исторической науки", напуганной Октябрьской революцией (по официальной советской номенклатуре Тарле сам считался буржуазным историком), и о полном пренебрежении, в котором якобы находилась во Франции социальная и экономическая история (в действительности в 30-е гг. она интенсивно развивалась, что было связано, в частности, с начинавшейся тогда деятельностью школы "Анналов").

Думается, однако, что необыкновенно яркий и живой очерк Е.В.Тарле, описывающий архивные учреждения, традиции и нравы различных стран Европы, как они предстали глазам русского историка, должен быть опубликован. Текст печатается по стенограмме, хранящейся в фонде Е.В.Тарле⁷, с устранением явных ошибок стенографистки. Пояснения и уточнения даются в комментариях.

Б. С. Каганович

⁵ Цит. по статье: *Рутенбург В.И.* Тарле – ученый и общественный деятель // *Проблемы истории международных отношений.* Л., 1972. С.6.

⁶ Валк С.Н. Указ. соч. С.25.

⁷ Архив Российской Академии Наук. Ф.627. Оп.1. Д.269^а. 38 л. машинописи.

Е. В. Тарле. Архивы Запада*

Товарищи, я хочу с вами поделиться теми впечатлениями, которые я вынес от своей работы в архивах Запада. При этом я остановлюсь на тех моментах, которые, как мне кажется, больше всего могут вас, будущих архивных деятелей, заинтересовать в смысле организации дела. Я начну с одного из самых огромных мировых архивов Запада – с Национального Парижского архива. Если у меня хватит времени, я коснусь английского архива, голландского, германского, итальянского, швейцарского – тех архивов, в которых я работал.

Я начну с самого большого, очень образцово в некоторых отношениях поставленного архива – Национального архива. Это один из главнейших архивов мира, который включает в себе, в сущности, всю документацию всей французской истории, оставшуюся от прежних веков, и постоянно пополняемую, согласно существующему закону. Каждый год все ведомства без исключения обязаны делать заявку в Национальный архив. Национальный архив посылает к ним своих служащих, и эти служащие получают (не в виде любезности, а ведомство обязано это сделать) всю документацию этого ведомства, которой стукнуло 50 лет от роду. Всякий документ, которому 50 лет, не должен оставаться в ведомственном архиве и должен быть отдан в Национальный архив. Это происходит каждый год. Национальный архив таким образом необычайно растет из года в год.

Одним из правил архива является закон (архивные законы были установлены впервые Наполеоном и затем они постоянно пополнялись распоряжениями правительства первой половины XIX в.), согласно которому архив не имеет права ни покупать, ни принимать в дар или в завещание документы. Если есть документы, хотя бы имеющие огромную историческую ценность, оказавшиеся в обладании какого-либо частного лица, то это частное лицо может продать их кому угодно, может продать Национальной библиотеке, у которой имеется свой рукописный отдел, но не Национальному архиву. Всякий документ должен поступать в Национальный архив из правительственного учреждения.

Национальный архив занимает колоссальную площадь так называемого дворца Субизов. Это огромный дворец, который выходит на четыре квартала и который уже теперь доверху набит документами (и архиву, вероятно, придется отводить новое помещение). Дворец Субизов был отведен под Национальный архив по приказу Наполеона I.

Служащих в огромном Национальном архиве сравнительно очень мало. Этих служащих, когда я там работал, было всего 46 человек. С тех пор их число не увеличилось, а убавилось, потому что наступили трудные финансовые времена и правительство стало беспощадно

---

* Стенограмма лекции, прочитанной в Историко-архивном институте 2 декабря 1939 г. Публикация и комментарии Б. С. Кагановича.

уничтожать штатные места. А так как во главе министерства стояли люди, совершенно не знакомые с этим делом, то они легче всего стали сокращать архивных работников. Было примерно 46 человек. Теперь, кажется, 40 или 42. Это, конечно, крайне мало.

Но тем не менее эти люди имеют некоторый плюс, положительное свойство: это все старослужащие. Дело в том, что архивная служба считается службой чрезвычайно почетной и сравнительно с другими чиновничьими службами относительно выгодной. В Национальный архив может поступить человек, прошедший большой служебный курс: он должен кончить высшее учебное заведение, затем он должен пройти через *Ecole des Chartes* ("Школу хартий"), соответствующую вашему институту, но в которой учение укладывается в два года. Я думаю, что если бы вас заставили эти два года так работать, как заставляют работать их, у вас вероятно появилось бы отвращение к архивной службе; там действительно исключительно тяжелые условия и, в частности, свирепейшие экзамены, совершенно бессмысленно строгие экзамены, — не думайте, что я хвалю такую преувеличенную строгость экзаменов — словом, там люди два года каторжно работают, потому что там свирепейшие полукурсы, полугодовые экзамены, на которых очень многие вылетают благодаря беспощадности экзаменаторов, а иногда даже люди, которые проработали эти два года благополучно, проваливаются на последнем экзамене; там устраиваются экзамены по целому ряду специальных наук и искусств, которые там преподаются и которые действительно занимают все время.

Человек, прошедший эту школу и получивший диплом Школы хартий, получает сначала место где-нибудь в далекой провинции, иногда в колониях, в Алжире. Словом, если его карьера идет успешно, он, только прослужив 10-15 лет в провинции, может попасть в Национальный архив. Но при этом служба архивиста прочно обеспечена. Архивист обеспечен по закону прочнее, чем, скажем, профессор. Профессора министр может без особого труда выгнать вон, когда ему заблагорассудится, а архивиста выгнать нельзя. Архивист может быть или удален по суду, или его отставка должна пройти через очень сложные бюрократические формальности, когда он может защищаться и протестовать. Словом, его удалить в высшей степени трудно. Люди обычно поступают в архив и кончают свою служебную жизнь на этом деле.

И это неспроста. Дело в том, что во Франции распространено воззрение — и это воззрение отчасти правильно — что архив радикально отличается от библиотеки; в библиотеке можно в крайнем случае менять служащих, потому что сделаться библиотекарем данной библиотеки сравнительно не так трудно и, кроме того, в библиотеках есть каталоги. В архивах прежде всего нет настоящих каталогов, да и быть их не может. Вы приходите в Национальный архив, и вам подают списки. Представьте себе эти два толстых тома, в которых обозначено, например, "Торговля и промышленность", "Commerce et Industrie", и потом дальше стоит буква F-12, потом 1 и дальше — 46000. Это значит — 46

тысяч документов подразумевается под этой одной строчкой! И затем в скобках обозначены годы, приблизительные годы, к которым эти документы относятся. Вот извольте тут что-нибудь понять!

Вы говорите, зачем вы пришли в архив, какая именно "коммерция и индустрия" вас интересует, за какой период. Вы подаете свое требование, и вам служащий находит. Но для того, чтобы найти, он-то должен знать этот фонд, а для того, чтобы знать этот фонд, он должен действительно полжизни проработать здесь, иначе нельзя. Таким образом служащие заменяют собой каталоги, заменяют собой целый такого рода справочный институт, который никто другой заменить не может. Архивный документ очень прихотлив. Архивы не составлялись для историков, а составлялись в процессе служебной необходимости. Поэтому в одних и тех же папках собраны разнообразные массы документов, и надо знать, где что находится. Этого никто решительно не может знать, кроме архивиста данного отдела.

Теперь я хочу рассказать вам, как проходит эта работа. Опишу день ученого, который там работает. Я беру в данном случае Национальный архив не только потому, что я его знаю, но и потому, что он служит образцом для целого ряда западноевропейских архивов.

Когда вы приходите впервые в этот архив (допуск в этот архив обставлен некоторыми трудностями, особенно для иностранца), вы должны непременно иметь от своего полпредства удостоверение, и тогда вас допускают. Вам заводят особый архивный паспорт, куда вписывается ваша фамилия. Там лежит большой лист, к которому постепенно подшиваются другие листы. Вас спрашивают, что вам угодно. Вы занимаетесь тем-то, занимаетесь Бабефом или промышленностью за такой-то период или дипломатией времен Луи-Филиппа, и вы пишете это. Вам предлагают придти на другой или третий день, в зависимости от вашей просьбы. Ваше требование вшивается в ваш архивный паспорт. Вы приходите. Ваша тема занимает документы, находящиеся в десяти папках или в десяти картонках. Вы пишете, какой картон вам нужен, и на вашем столе (для вас заводится определенное место) вам ставят этот картон. При этом, надо указать, что никогда не ставят двух картонов — это ошибка, которая у нас допускается. Не знаю, как у вас в Москве, но в Ленинграде очень недавно это еще допускалось. Нельзя ставить два картона сразу. В Национальном архиве считалось это уголовным преступлением и изгнанию со службы подвергался тот архивист, который ставил два картона. Вы понимаете, почему? Потому что вы можете не по злоупотреблению, а по небрежности переложить один документ из одной папки в другую, и тогда этот документ навеки пропал, его никогда не разыщешь. Поэтому ставится только один картон. И вы его можете использовать.

Когда вы вынимаете из этого картона один документ за другим, вы замечаете, что по коврам, которыми покрыты залы Национального архива, прохаживаются разные люди: молодые и среднего возраста, и даже старички в особых треуголках злокачественного вида и мундирах,

они гуляют между столами. Они не стесняют вас, потому что все покрыто войлоком и коврами, чтобы не было слышно, но вы чувствуете себя под непрерывным бдительным надзором. Надо сказать, что это правило не лишено своего положительного достоинства. У нас, например, это плохо организовано, неправильно, надо сказать. Почему? Потому что прежде, чем допустить вас в архив, вы проходите через формальности. Но эти формальности ничуть не помогают сохранению архива. Да, у вас есть паспорт, и вас допускают, но дальше вам предоставляется делать с документом что угодно, за вами никто не следит. И если вы ученый, добросовестный человек, это не беда, но всюду в архив приходят разные люди. Кража документов, эта смертельная опасность, которая преследует каждый архив, должна быть устранена. Можно уменьшить формальности в смысле спрашивания паспортов милиционерами при входе в архив, но непременно нужно усилить бдительность относительно самих картонов и относительно самой работы над этими картонами, потому что расхищения, конечно, возможны.

Теперь дальше: что бы вы ни спросили в этом году, в будущем году, через десять лет, все это записывается в ваш список, так что ваша ученая биография изображена в этом списке, поскольку она касается Национального архива. Вы сами можете проследить, что вы требовали хотя бы 20 лет тому назад, какие картоны у вас были, каких не было. Все это навеки остается в вашем архивном паспорте, который, впрочем, вам на руки не выдается, а остается, конечно, в архиве.

Вот приблизительно как организована работа и как организован надзор за работающими в самом архиве. Дальше особо стеснительных правил нет. Переписывать документы вы можете. Вы не должны только перекладывать документы, не должны менять место документа в картоне. Вообще картон – это наиболее деликатная часть дела, даже перекладывать в них ничего нельзя. Можно лишиться права посещения архива, если вы не так положите документы, потому что при этом они тоже могут затеряться, и бывали случаи, когда документ, вложенный в другой документ, терялся для целых поколений следующих историков. Кроме картонов, есть так называемые регистры. Во Франции регистрами называются переплеты, в которые влетены документы. Их вам могут выдать несколько, потому что вы их перепутать не можете. Их можно получить два-три сразу, но картон только один.

Так организована работа в Национальном архиве. В праве посещать Национальный архив вам обыкновенно не отказывают по политическим причинам. Считается принципиально, что документы выдаются старые, которым минимум 50 лет, и значит, выдавать их безопасно. Но на деле это не всегда обстоит так. Некоторые ведомства, например, министерство иностранных дел, не выдает свои документы через 50 лет, для него этот срок расширен до 75 лет, да и такие документы не всегда выдаются. Парижский архив министерства иностранных дел – это тоже богатейший архив, колоссально богатый архив, хотя и не такой богатый, как Национальный, но специфически богатый в части всей дипломатиче-

ской истории Франции, и в нем занятия обставлены более строго. Там, конечно, и выдается далеко не все, и выдается с ограничениями. Вот одно из этих ограничений я вам опишу.

Это было довольно давно. Был я тогда молод и неопытен, а посему пошел в Национальный архив¹, потребовал там то, что мне было нужно. Я тогда, помню, интересовался донесениями французских послов при Николае I. Меня интересовало, как отражались в их донесениях попытки аграрной реформы и т.п.² Словом, мне необходимы были эти документы. Мне их дали. Между прочим, там нет папок, а только тома. В эти тома вплетены были разного формата бумаги: и большие меморандумы, и маленькие бумажки. И я заметил в один из первых же дней работы, что сквозь некоторые страницы в недрах этого тома, сквозь специально устроенные дырочки продет шелковый шнурочек и приложена печать. Так что нельзя посмотреть, что находится внутри. Томом вы можете пользоваться, но внутренними страницами этого тома вы не можете пользоваться. Не скрою, что я сначала пытался технически обойти это, то есть сунуть свой нос внутрь. Но эта попытка не увенчалась успехом, потому что предвидели такие усилия со стороны научных работников и предусмотрели их.

Тогда я, сдавая их вечером того же дня, когда меня поразило это неожиданное явление (повторяю, я тогда был молод и неопытен), наивно обратился к лицу, сидевшему за столом: "Почему это запечатано?". Он мне ответил текстуально: "Потому что запечатано". Я удовлетворился этим объяснением. Затем я спросил лицо, рекомендовавшее меня в этот архив (туда была нужна специальная рекомендация) — покойного Олара, известного историка Французской революции³, и он мне сказал, что это определенное правило: это донесения на основании шпионов. Ведь французское посольство в Петербурге имело, как и во всякой другой столице, своих шпионов, не демократического склада и вида, а состоящих при дворе людей из аристократических фамилий, родовитых, у которых, предполагалось, должно быть потомство и которые хотели, чтобы в будущем никто не знал и не мог поставить в упрек их детям, что их предки занимались прибыльным ремеслом, то есть шпионством. Поэтому всякий соглядатай, который продавал тайны своего отечества французскому посольству, получал от последнего удостоверение, что его имя никогда не будет оглашено и даже в архивных документах тайна его имени будет обеспечена.

И я спросил Олара, есть ли на свете лицо, которое может рассматривать эти документы, потому что эти документы имеют большое историческое значение. Он ответил, что по закону такого рода страницы могут быть распечатаны, показаны и сейчас же снова запечатаны только по личному приказу президента Французской республики. Сейчас же после того, как он просмотрит эти страницы, он должен их запечатать.

Таких вещей в Национальном архиве нет, потому что там нет такого рода деликатных документов, которые желательно скрыть.

Архивная работа в Национальном архиве связана организационно с архивами департаментскими. Во Франции прекрасно организованы департаментские провинциальные архивы. Если вы получаете доступ в Национальный архив, вы можете получить доступ в департаментский архив. Мало того, архив может выписывать любой документ из любого места, который будет вам выдаваться на тех же правах, как документ самого архива, и потом будет возвращаться на место. Там это приведено в очень стройную систему, и эта машина действует бесперебойно — это деловая машина.

Вы можете спросить, как справляются при таком ничтожном количестве служащих, правда, всю жизнь служащих там. Они, конечно, очень загружены работой. И еще вас может заинтересовать вопрос, как они обеспечены материально. В этом смысле нужно сказать, что дело обстоит очень неутешительно. Дело в том, что есть определенное правило, по которому архивист не имеет права ни на какое совместительство. Он не имеет права даже быть штатным доцентом, не говоря уже о том, что он не имеет права быть профессором, если он служит в архиве. Он не имеет права нигде занимать штатное место. И я знаю одного архивиста — могу даже назвать имя: Жорж Буржен, — у которого имеется целая горка книг, написанных им об архиве, об архивном деле — это один из ученейших архивистов.⁴ И вот как он проводит свои ночи: днем он работает в архиве, а на ночь берет какую-то работу по сведению каких-то бухгалтерских счетов в какой-то частной сыроварне. Словом, он не спит, а подводит цифры для какого-то частного предприятия, потому что ему не на что существовать, ему не хватает тех денег, которые он получает. Таким образом, в этом отношении дело поставлено убийственно плохо.

Я помню прекрасно, как я привлек к сотрудничеству в нашем "Архивном деле" архивиста Шарля Шмидта, а это — большой человек в архиве, это помощник директора этого самого Национального архива⁵ — и он написал статью для "Архивного дела" несколько лет тому назад⁶ и получил соответствующий гонорар. Так он буквально глазам своим не поверил, что ему перевели столько денег. И он потом все метался по Парижу и разглагольствовал по этому поводу. Между прочим, одновременно он написал статью для какого-то американского журнала и ровно ничего оттуда не получил. И вот он все время разглагольствовал, что по-настоящему собственность соблюдается именно в СССР, а уничтожена в Америке. Он был в полном восторге и признавался, что он думал, что получит по крайней мере в 10 раз меньше того, что получил в качестве гонорара. Это прямо перевернуло весь его бюджет. Вот каково положение вещей, вот как обстоит дело с этим самым большим архивом.

Кроме этого архива, я хотел бы указать еще на некоторые хранилища, имеющие особый, специфический интерес. Вот я только что упоминал об архиве министерства иностранных дел. Это — богатейший, колоссальный архив, без которого тоже историк обойтись не может. За-

тем существует так называемый архив Арсенала, военный архив, архив военного ведомства, тоже громадный, но там также очень подозрительно относятся к посетителям, особенно к иностранцам, и туда проникнуть очень трудно, да и работать там менее удобно. Там уже надзор ведется совершенно непосредственно. Например, я работал там, и у меня все время было такое чувство, что кто-то стоит за спиной. Я оглянулся, и действительно, буквально над моим плечом стоял какой-то бородатый дядя и глядел мне на руки, в рот, в глаза, так что работать там очень трудно.

Кроме этих архивов, есть еще огромное хранилище особого порядка. У нас этого нет, потому что у нас существует специальная часть архива, называемая архивом частных фондов, коллекцией частных архивов. А там в Национальной библиотеке (как вы знаете, Национальная библиотека считается вторым в мире книжным хранилищем: первым считается Британский музей, вторым Национальная библиотека и третьим – наша Публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде) верхний этаж занят так называемым департаментом рукописей. Вы спросите, чем отличается этот департамент рукописей от Национального архива? Он отличается именно происхождением этих бумаг. Все богатейшие частные архивы, архивы, покупаемые по случаю, жертвуемые, находимые, все то, что не может по закону поступать в Национальный архив, так как там запрещено получать документы иначе как от ведомств, все идет в этот департамент рукописей. Там имеются интереснейшие вещи. Туда обыкновенно завещают разные политические деятели свои архивы, так как они не желают, чтобы пропала память об их деятельности. Иногда они делают оговорку, и эта оговорка строго соблюдается. Например, такая оговорка была сделана Тьером (известный президент Французской республики и палач Коммуны), который завещал свой прекрасный архив в Национальную библиотеку с тем, чтобы через 50 лет после его смерти это было вскрыто. И действительно, выждали 50 лет после смерти Тьера и открыли богатейшие залежи. Эти рукописи дают большой бытовой материал, мемуарную литературу, весь тот подсобный материал, который не является официальным документом, но имеет огромную историческую важность.

Таковы центральные хранилища. У меня не будет времени говорить об архивах департаментских, потому что я хочу рассказать о других интересных архивах, не только о французских, но и об архивах других стран. Я хочу познакомить вас с их некоторыми характерными чертами.

Работа в Национальных архивах продолжается с 10 часов до 5 часов дня – это время, в течение которого там можно быть. Но это время иногда ограничивается: архив очень часто закрывают для внутренней работы, для перерегистрации или для упорядочивания громадных новых залежей. При наличии такого ничтожного количества архивистов и при постоянно вливающихся массах нового материала нужно время для того, чтобы все это расставить, распределить.

Еще один момент, крайне важный: там дебатировался вопрос о том, как эти документы распределить: распределять ли их по сюжетам, по темам, из какого бы ведомства они ни приходили, или даже в недрах одного и того же ведомства, которое вкатило в архив очередную массу документов; т.е. распределять ли их по темам или нет, чтобы удобнее было пользоваться. Мнения разделились. Например, покойный Ланглуа, бывший директор Национального архива⁷, считал, что нельзя распределять по темам, хотя распределение по темам (вы понимаете, что это значит – это складывать картонки одной темы и ставить их отдельно) для занимающихся гораздо удобнее; но это может лишить документ его исторической точности и ценности, ибо эти документы оказываются разбросанными. Ведь сама жизнь выявлялась в этой разбросанности: они подкладывались в том порядке, как поступали в данное ведомство. Они были в живой связи с данным ведомством. Надо ставить в таком виде, как поступали из ведомства. Так они и решили.

Насколько они – эти архивы – полны? Относительно XIX века они бесспорно полны. Что касается прошлых столетий, то они стоят несравненно ниже, чем наши. Такого архива, как здешний бывший архив министерства юстиции, такого богатейшего кладезя там нет (нет того, что у нас имеется с начала XVIII в.), ничего подобного там нет. Во время революции масса документов была истреблена. Я помню, когда приезжал сюда Ланглуа, советское правительство его очень хорошо принимало. Хотели, чтобы я показал ему ленинградские архивы, и я его водил по архивам⁸. Он – мой знакомый. Это старый архивист – он теперь уже умер – знаменитый археограф и историк, строгий ученый, всю свою жизнь посвятивший науке, и первейший специалист архивного дела. И вот я его водил по нашим архивам и, между прочим, по архиву бывшего Синода. Те из вас, которые были в Ленинграде, знают это великолепное здание Синода и Сената, соединенное колоннадой. В бывшем здании Синода помещается громадный синодальный архив, где заключено буквально всё, что касается русской церкви и других церквей, существовавших в России с начала XVIII столетия и до самой революции. И вот точная фраза, которую он сказал, любуясь этим великолепным громаднейшим архивом: "Ваша революция была умнее нашей". Дело в том, что у них во время революции истребляли документы. Было заявлено, что это документы фанатизма, и их сжигали на площадях и вообще всячески уничтожали, не понимая, что для истории это очень важно и что документы сами по себе уже безвредны. "А у вас, – говорил он, – сохранилось решительно всё, ваша революция была умнее нашей" (он сравнивал с великой буржуазной революцией XVIII столетия).

Значит, Национальный архив богатейший, громаднейший, но тем не менее относительно прошлых веков он беднее, гораздо беднее наших. И вообще, насколько мне известны западноевропейские архивы, только одни архивы могут быть еще богаче наших в смысле старины: это архивы английские. Англия со времен норманнов не подвергалась наше-

ствиям, и поэтому там сохранилось еще больше. Но если исключить Англию, то из континентальных стран московские и ленинградские архивы в части документов прошлых столетий являются сейчас первыми, в этом смысле они гораздо богаче богатейшего и великолепного Национального архива, в этом никакого сомнения нет.

И надо сказать, что во время нашей революции – вот Ланглуа сказал, что она была умнее их революции, – не только синодальные архивы были сохранены. Вообще только случайно пропадали отдельные документы. Например, во время интервенции часть документов переправлялась из Ленинграда, тогдашнего Петрограда, кое-что там уничтожалось, но это капля в море – то, что уничтожалось – по сравнению с тем, что было сохранено.

Таковы эти огромные, богатейшие хранилища. И еще кое-что скажу вам о том, как они используются и на что, но это будет касаться просто интересов современной буржуазной науки и это в высшей степени характерно. А после этих замечаний я перейду к характеристике других западных архивов, с которыми я знаком.

Я хотел бы коснуться того огромного вопроса, который не только вас как архивистов, но как историков должен занимать. Во-первых, что можно в этих архивах (пока мы касались только французских архивов) получить для историка, и во-вторых, что фактически получается? О том, какое значение имеют документы для историка, незачем много распространяться. С 1820 г., с начала деятельности Ранке, был установлен принцип, против которого никто не спорит: что из двух родов документов, на которых мы, историки, строим науку, из двух категорий – документ и мемуары (воспоминания), разумеется, документу надо отдать первенство без всяких размышлений, полное первенство. Мемуары часто дают те детали, которых не дает документ, но мемуары несравненно менее доказательны. Документ писался не для вас, не для историка, и поэтому вы ему должны верить гораздо больше, а мемуары сплошь и рядом писались для историка, чтобы вас обмануть, чтобы представить дело не так, как оно было. Совершенно ясно, и исходя из этих общих принципов, вы понимаете, что значит для историка то колоссальное хранилище, которое расположено в Париже и которое тесно связано с провинциальными архивами. Что может советский ученый там почерпнуть, ученый, занимающийся русской историей, историей Советского Союза? По русской истории там имеются огромные массы документов, кладези, почти непочатые. По любой другой отрасли истории, не только Франции, но и всех стран, связанных с Францией, там колоссальные богатства.

Достаточно вам сказать, как обстоит дело по некоторым эпохам, например, по революции. Имеются не только хранящиеся там клэды документов, касающиеся революции, но там есть такие обрывки серой пожелтелой бумаги, которая выделялась, когда не было материала для выработки бумаги, материалы 1792-94 г., все то, что исчезло бы навсегда, если бы не этот единственный экземплярчик того или иного доку-

мента, сохранившийся в архиве. Если мы возьмем наполеоновскую эпоху, возьмем, например, наполеоновский секретариат, то там имеется огромная масса всего того, что касается Первой Империи, то есть всего, что касается России. Там есть масса донесений о России согладатаев, донесений шпионов и посылавшихся специальных экспедиций для изучения России. Я уже не говорю о военных материалах, о войнах 1807-14 гг. Это огромные массы документов.

Другой вопрос, как эти документы используются. И здесь я определенно вам скажу: все это богатство очень мало и очень плохо пока использовано. И не потому, что там не было историков, а потому что эти историки намеренно в подавляющей своей массе не занимаются теми предметами, которыми должны бы заниматься и для которых все документы есть. Этот социальный заказ, если можно так выразиться, который ставит современное общество французскому историку, имеет специфические черты. Историк не может там работать по экономической истории, по социальной истории по той простой причине, что никто не напечатает того, что он напишет, и, во-вторых, решительно никакой научной карьеры он на этом не сделает. Они не хотят этого знать и не хотят этого читать.

Я помню прекрасно, как я спросил по этому поводу покойного Альбера Матьеза. Дело в том, что я прочел там в Сорбонне реферат, даже лекцию на тему о жерминале и прериале, о двух восстаниях, которыми я занимался и историю которых я написал. Я тогда изложил свои главные выводы, и Альбер Матьез⁹ указал во время прений на абсолютную новизну использованных мною документов. Когда же я его спросил: "А почему не занимались этим вопросом у вас, ведь все документы есть и об этом можно написать не одну книгу, а двадцать книг", то он рассмеялся и упрекнул меня в наивности: "Неужели вы думаете, что кто-нибудь станет печатать книги о двух рабочих восстаниях, что кто-нибудь будет это читать? Этим можно добиться только того, что человека из профессоров произведут в сверхштатные доценты, а для этого незачем много работать". Вот что он мне сказал.

Чем же там занимаются? А ведь вы видите, что там сидят, работают. Если исключить двух-трех иностранцев, над чем же они работают, что они выпускают? Посмотрите на их продукцию послевоенного времени. Вот, к сожалению, наш журнал "Историк-марксист", который теперь стал выправляться, с тех пор, как он попал в руки тов. Ярославского¹⁰, до сих пор не исполнял своих прямых функций. В 20-х и начале 30-х гг. он не ставил вас, историков, в круг того, что там делается. И вы, конечно, не знаете, какое чудовищное падение западноевропейской научной культуры произвела наша Октябрьская революция, какую реакционную враждебность вызвала там эта революция, насколько двинулась назад буржуазная наука.

Вот, например, недавно скончался некий Жорж Ленотр.¹¹ Этот Жорж Ленотр написал целую массу книг на основе этого самого Национального архива. Он написал столько книг, что хватило бы до потолка, если бы

положить одну книгу на другую. Но о чем он писал? Это очень характерно. Он писал о разных анекдотах, приводил реакционные анекдотики о разных похождениях и приключениях каких-то маркиз, каких-то графов, каких-то княгинь и князей, которые при революции терпели от революционеров. Это – анекдотическая история, которая шла нарасхват. Нечего и говорить, что его выбрали в Академию, во Французскую Академию. Положим, это еще ничего не доказывает; недаром, когда скончался Фюстель де Куланж, знаменитый ученый, гордость французской науки¹², один из авторов некрологов, правда, в радикальной независимой газете, выразился так, что Фюстель де Куланж доказал, что и академики могут умные вещи говорить. Вот приблизительно отношение. И вот, когда выбрали в академики маршала Фоша¹³, то буржуазная пресса возмущалась и говорила: "Можно ли выбирать в академики человека, который слово *"taman"* пишет через букву "о"? Вот общее отношение.

Эти книги нарасхват читаются, они читаются и учеными, хотя ровно ничего общего между наукой и Жоржем Ленотром нет и не может быть. В лучшем случае там занимаются политической историей, но придавая этому чисто внешний характер, с легкой руки Тэна¹⁴ занимаются обличительной историей Французской революции, то есть выбирают из документов то, что требуется, для того чтобы осквернить или очернить (так или иначе) революционеров. Наука переживает сейчас период развала. Ставятся определенные задания, которые никогда не ставила буржуазная либеральная наука до революции. Делаются попытки и выходят трехтомные книги, оправдывающие инквизицию и самый зверский, жесточайший царизм; возвеличивают до небес Людовика XIV и даже пишут о Людовике XV, который в распутстве и глубокой лени провел весь свой век. И даже о нем, ничтожнейшем из королей, вышла недавно книга некоего Гаксотта, полная похвал Людовику XV, который написал, что был король, но не сумели его оценить.¹⁵ Это был наиболее гнусный и презренный из всех французских королей XVIII столетия, и о нем выходит восторженная книга на основании Национального архива.

Вы видите, каковы эти бесценные сокровища и как ими пользуются. Но используют эти сокровища в зависимости от направления. Сейчас воинствующая реакция, боясь Октябрьской революции, принялась извращать задним числом историю, и дело дошло до того, что Мариус Андрэ, французский историк, писавший об эпохе открытий и изобретений, писавший о Колумбе, стал чернить Колумба и возвеличивать инквизицию.¹⁶ И кончает он тем, что Колумб был вреден, что эта беспоконная личность (точная фраза Мариуса Андрэ) сенсацией этого открытия, нарушением старого благочинного быта Средних веков одна из первых столкнула Европу с правильного пути, с правильной колеи. Таким образом выходит, что все началось с Колумба, а кончилось большевиками. Любое прогрессивное явление в истории, будь это эпоха Возрождения, будь это радикальная Реформация, вроде движения Томаса Мюнцера, будь это просветительная французская литература или

нидерландская борьба против Филиппа II – всякое явление сколько-нибудь прогрессивного характера – по их мнению было чревато тем, что приводило к Октябрьской революции. Вот под каким углом они рассматривали мировую историю. Вы понимаете, конечно, что пока это поколение не пройдет или пока не произойдут те сдвиги, которые когда-нибудь да произойдут во Франции, эти бесценные сокровища архива лежат втуне, они самими французами не используются.

Я тороплюсь сказать вам хоть несколько слов о других архивах. Я буду касаться только тех, в которых самолично работал.

Record Office – английский архив.¹⁷ Это тоже – колоссальное собрание. Я вам только что сказал, что самые богатые архивы – английские, но в том-то и дело, что в Англии вследствие того, что там никогда не было централизации, как во Франции, английская провинция всегда жила самостоятельной жизнью и там провинциальные архивы – самостоятельные и богатейшие архивы, причем они сплошь и рядом очень плохо связаны с центральным ведомством. В Англии до сих пор настоящей бюрократической централизации нет. Но *Record Office*, центральный английский архив, очень богат и обширен.

Я вам укажу относительно этого *Record Office* только основное. Доступ туда легче, чем доступ во французские архивы. Надзор там тоже есть, зоркий надзор, не такой внимательный, как во французских архивах, но все-таки надзор самый бдительный и определенный. Ученых архивистов там меньше, чем во Франции, и там это дело не поставлено в такие твердые рамки. Там нет *Ecole des Chartes*, там вообще имеется некоторое кустарничество. Государственная служба для этих архивистов не обеспечена и хороших архивистов как-то мало. Вообще все это отзывается большим любительством. Но самый архив – громадный.

Вас может заинтересовать то, что недавно в их архивы вкатилась масса документов, касающихся мировой войны 1914-18 гг. Они высчитывают просто по полкам, по залам, что вся документация английской истории, начиная с нормандского завоевания, то есть с XI столетия до 1914 г. занимает меньше зал, чем документация с 1914 г. до настоящего времени – настолько новейшая документация колоссально превосходит прежнюю.

Здесь меньше бюрократических задержек, документы выдаются более либерально. Вообще в этом смысле кое-какие остатки буржуазной свободы, которые всюду на континенте совершенно исчезли, в Англии все-таки сохранились. Там либеральнее относятся и к архивным работникам. Есть некоторые стеснения, между прочим, такие, на которые были большие нарекания. Там позволено писать только карандашом. Чернил в зале нет, и нельзя их с собой приносить. Человек подвергается изгнанию из *Record Office*, если он пользуется чернилами. Печатать они могут все, что они переписывают, но они должны, уходя, каждый раз показать президенту зала, который сидит там на некотором возвышении и осматривает окрестности, содержимое своего портфеля и все то, что они там сделали.

Record Office, между прочим, разделяется на две главные части: древность – это приблизительно до XV в., и потом период более новый. Древность там представлена богатейшим образом. Между прочим, интересно еще и вот что: там есть штат палеографов, к которым вы можете обратиться за помощью и которые вам довольно охотно ее оказывают: читают с вами те документы, которые вы не можете прочесть. Это помощь, которая нигде в других архивах никому не оказывается.

Для русских историков *Record Office* дает очень много. Между прочим, там есть отдел, который, конечно, едва ли настоящее поколение увидит, может быть, внуки советских историков его увидят. Это – архив английской интервенции в России в 1918-21 гг. Это специальные шкафы с массой документов, но шкафы наглухо запертые. Я не говорю о русских исследователях, но туда близко не допускают англичан, вообще никого не допускают. Это считается настолько деликатным вопросом, что он остается в стороне.

Я не работал в провинциальных английских архивах. Скажу только, что они являются богатейшими, по отзывам, причем архивы тредюнионов, архивы рабочих союзов очень богаты. Их использовали супруги Сидней и Беатриса Уэбб.¹⁸ Там богатейшая масса документов того же типа, по которым Маркс и Энгельс работали, знакомясь с Англией; отчеты фабричных инспекторов и вся документация, по которой Энгельс написал свою прекрасную книжечку, до сих пор не устаревшую, "О положении рабочего класса". Вся эта документация находится в провинциальных архивах, и только небольшая часть хранится в *Record Office*. Для английской экономической истории там богатейший материал. Но, как и всегда, экономической историей больше всего занимались русские исследователи. Лучшие книги по экономике Англии написаны русскими исследователями: покойными Максимом Ковалевским и Павлом Гавриловичем Виноградовым, бывшими профессорами Московского университета.¹⁹ Интерес к социальной экономике в английской истории пробудили русские исследователи.

В Англии реакция последних лет также сказалась, но меньше, чем во Франции, в Италии, в Германии и в других местах. Она была меньше и умереннее, но все же эта реакция была в высшей степени велика. Оживился интерес к старым английским восстаниям и к английской революции, причем английскую революцию по мере сил извращают старые либеральные традиции, установленные Маколеем, который был очень умеренным либералом и прямым врагом демократии.²⁰ Это тот самый Маколей, о котором Маркс сказал совершенно точно и совершенно правильно, что "Маколей подделывал историю в интересах партии вигов". Но Маколей держался на той позиции, что английская революция в XVII в. была необходима, что она дала простор новым силам и т.д. Теперь это берется назад: был прав Карл I, напрасно изгнали Стюартов. То есть история сделала чудовищный шаг назад даже и в Англии. Но повторяю, в Англии это меньше и не так всеобще, как во Франции.

Чтобы успеть рассказать еще кое о чем, я пока Англию брошу. Я обращусь теперь к другим архивам, любопытным по-своему и интересно организованным. Я обращусь к итальянским архивам. В Италии, в Милане, существует большой Государственный архив, *Archivio di Stato*. Существует отдел этого архива в Генуе, отдел этого архива в Венеции, отдел этого архива во Флоренции. Это основные государственные архивы. Вы не удивляйтесь, что они находятся не в Риме, а в этих городах. Для того, чтобы понять это, достаточно вспомнить, что Италия объединялась постепенно, что Милан при Наполеоне был средоточием Ломбардского государства, Флоренция была столицей, пока Рим не был завоеван. Словом, исторически было естественно, что именно там оседали архивы.

Я работал в Италии до фашистского режима. Не знаю, как сейчас там обстоит дело. Фариначчи²¹, который считается у них "мужем науки", потому что он почти окончил народную школу (его выгнали вон за дурное поведение), и который является сейчас главой итальянского фашизма, Фариначчи мыслит так, что архивы – это что-то излишнее. О том, что такое архивы, едва ли ему когда-нибудь приходилось думать. Но вот была такая мысль, что архивы нужно закрыть, а средства бросить на более полезные предприятия. По-видимому, это пока не удалось провести, но как сейчас обстоит это дело, я не знаю, может быть, эта мысль привьется и архивы закроют.

Я работал там, повторяю, до фашизма. И итальянские архивы показались мне довольно богатыми, хотя, конечно, не такими, как наши, как французские или английские – ничего подобного там нет. Масса документов в Италии была истреблена. Ведь Италия подвергалась постоянно нашествиям, а в промежутках между нашествиями некоторые архивисты воровали документы и продавали их. Это был, правда, более мирный, спокойный способ уничтожения, но от этого архивам было не легче. Архивы там хранятся очень небрежно. Беспорядок очень большой. Служащие не подготовлены – в прямую противоположность Франции. Тут даже не кустарничество, как в Англии. В Англии все-таки туда идут люди, которые желают быть поближе к документам и которые настолько обеспечены, что не очень нуждаются в довольно маленькой заработной плате, а в Италии туда сдают, как хлам, всякого, кто не годен ни к какой другой службе.

Я помню, когда я работал по истории континентальной блокады в Италии²², я там бился и бился с каким-то подслеповатым старикашкой, который всячески мне мешал: от всей души хотел помочь, но путался и мешал. В конце концов я уже перестал его пускать туда, сам стал брать с полки то, что мне нужно. Но потом оказалось, что он вообще находился на склоне своей умственной жизни, потому что он стал меня принимать за свое начальство, даже не сообразил, что я просто пришел со стороны и завтра же уйду. И он был там один. Вот в каком положении находился один из богатейших архивов – миланский *Archivio di Stato*.

Нечего и говорить, что там царит полный хаос. Каталогов, даже в том виде, в каком вообще возможны каталоги, там нет, — в архиве вообще невозможны настоящие каталоги, вроде библиотечных, как я уже вам сказал, — но даже простых списков, простой регистрации там не существует. Ни о каком пополнении документов, как во Франции, речи быть не может, так что как этот архив застыл приблизительно в 60-х гг. XIX столетия, так он и существует, ибо в сущности он вовсе не пополняется. Между прочим, когда я, интересуясь уже в другой свой приезд документацией по Крымской войне, в которой, как вы знаете, Италия участвовала, спросил относительно этой документации, то уже не этот старичок, а другой служащий помоложе ответил мне текстуально: "Так ведь она уже давно кончилась!" Повергло меня в недоумение, что он имел в виду и как он представляет архивную работу.

Кроме этих архивов существуют богатейшие, нетронутые архивы Ватикана. Ватикан — это особое государство, другими словами — необъятный дворец в 1200 комнат с пристройками, в которых неисчислимое количество других помещений. Это колоссальный дворец с садом и тут же Собор св. Петра. Все это принадлежит как государство папе римскому, у которого отняли Рим, но оставили эту часть. Это почти игрушечное государство. Там содержится огромная библиотека и архив. Этот архив имеет колоссальное значение. Дело в том, что туда попали донесения папских агентов и агентов инквизиции, агентов иезуитского ордена, действовавшего во всей Европе и продолжающего действовать. Иезуитский орден существует и теперь. Вы знаете, что в этом ордене были высокоинтеллигентные люди, которые, зная, что от них требуют, умели наблюдать и доносить обо всем в Рим.

Доступ в этот архив в высшей степени затруднен. Член-корреспондент нашей Академии Шмурло (он теперь скончался)²³ долгое время подбирался к этому архиву и делал все, что от него зависело. Например, он вспомнил, что его бабушка была католичкой, и на этом основании он увесил всю комнату католическими иконами (хотя сам был неверующий) и приглашал к себе библиотекарей. Но все это не помогло²⁴. Но некоторым удалось попасть туда, например, лица из иезуитского ордена попали. Например, ученый Пирлинг, написавший о Димитрии Самозванце, о Смутном времени²⁵. Он написал ценнейшее исследование не потому, что он был большим историком, а потому что он собрал очень ценный материал.

Там есть особая зала, куда никого не допускают, кроме кардиналов и высших лиц иезуитского ордена по личному распоряжению всякий раз папы. Это так называемый Архив пропаганды, *Archivum Propagandae Fidei*. Этот архив заключает в себе богатейшую массу документов, начиная с древних веков, обо всяких черных деяниях, обо всех ухищрениях и преступлениях, которые делались святыми отцами для пропаганды католицизма. Они здесь откровенно были описаны. И для истории не только церкви, но и для истории любой страны это бесценные сокровища. И даже по тому немногому, что мы знаем, а нам известна не-

большая часть, крупица, капля в море – там большие кладези. И Пирлинг, который в Париже читал реферат, рассказывал, что там есть много материалов об Иване Грозном, о первых Романовых, о Смутном времени, то, чего никто не знает и, пока туда не проникнет луч света, никто и не узнает. Загадочная история с первым самозванцем, еще более загадочная история со вторым самозванцем, который, как вы знаете, целый ряд лет владел половиной России, был сильнее Василия Шуйского и т.д. – вся эта огромная масса сложнейших событий, которые представляются какой-то фантазмагорией, какой-то сказкой, если вы просто так о них читаете, – все это там есть и только там, потому что у них были замечательные наблюдатели и люди, интересовавшиеся этим, так как было затеяно обращение России в католичество и думали через самозванца это осуществить. Поэтому там масса таких сведений о России, которых ни в одном русском архиве и нигде вообще нет.

И эти архивы ничего общего не имеют с *Archivio di Stato*. Они и оберегаются иначе, и управляются иначе. Тот самый Шмурло и другие счастливыцы, которых хотя бы отдаленно подпустили туда, говорят, что заведуют этими архивами ученые археографы из иезуитского ордена или из других орденов. Иезуитский орден имел и целый ряд замечательных естествоиспытателей. Например, знаменитый изучатель Солнца Саккио²⁶ был иезуитом. За последние 25-30 лет он издал целый ряд ценных вещей, конечно, очень тенденциозных, но основанных на свежих документах. Например, о Лютере была написана, кажется, целая библиотека. А вот иезуит Гартман Гризар написал три тома о Лютере²⁷, и все это было абсолютно новым, и вся старая литература о Лютере полетела прочь. Эта работа, конечно, враждебна Лютеру. Конечно, на каждом шагу вы чувствуете, что пишет иезуит, который вас обманывает, но его примечания и документация по тем частям, где он не заинтересован во лжи, таковы, что вы прямо руками разводите: как это, не зная таких вещей, другие могли писать. Другой иезуит, Людвиг Пастор, написал историю пап²⁸, опять-таки в самом лживом католическом духе, по-иезуитски, но это тоже несколько томов, без которых обойтись нельзя: такая бездна там новых фактов, которые вы можете толковать не так, как он, но которых вы без него вообще бы не знали.

Эти архивы управляются и сохраняются очень хорошо и, к сожалению, сохраняются очень зоркими людьми, так что их никакими католическими иконами не обманешь, и они никого не пускают. Вот таковы самые древние, самые старые архивы в Европе – архивы Рима.

Я хотел бы теперь еще сказать вам хоть несколько слов об архивах Германии²⁹. Германские архивы не имеют никакого объединения. Есть архив берлинский, есть архив гамбургский. Германия долго была разьединена, как вы знаете, жила в виде отдельных государств. Самое малое, что было в ее составе, это 38 государств. Во всех этих 38 государствах, на маленькой территории Германии существовавших, были всюду свои архивы, они и остались. Там есть, конечно, очень ценные архивы. Но архив в Берлине тоже не приведен в систему. Там, например,

пускают более либерально, чем во Франции. Это, правда, для архива минус, а не плюс, потому что там в связи с этим были пропажи, так что такому либерализму нельзя подражать. Но архивы эти так разъединены, что если вам хочется навести справку по документам, вы должны отправиться в Готу или в Вюртемберг, так как в самом Берлине нет ничего. В Германии приходится путешествовать по архивам, чтобы что-то заполучить. По экономической истории богат Гамбургский архив. Гамбург долго был самостоятельной торговой республикой, и там сохранилось, в частности, много документов, касающихся торговли с Новгородом. Это все перешло от Ганзы, Гамбурга, Бремена, Любека и острова Висби, и там кое-какие документы сохранились. К сожалению, они русскими историками мало использованы. А между тем, там есть чему поучиться.

Кроме этого Берлинского официального архива существует еще (я не знаю его участи сейчас) так называемый Архив Гогенцоллернов. Это архив царствовавшей королевской прусской фамилии. Там очень много документов, касающихся русской истории. Частично этот архив использовал Теодор Шиман, написавший четырехтомную историю Николая I³⁰. Она сплошь написана по неизданным документам. Теодор Шиман был любимцем Вильгельма II и благосклонно допускался в русские императорские архивы Николаем II. Поэтому его книга основана на самых разнообразных неизданных данных. Это – дворцовый архив, до сих пор очень плохо обследованный. Гогенцоллерновский архив до сих пор, несмотря на то, что там Гогенцоллернов нет, оставался до пришествия фашизма мало доступным. Там интимнейшая история обоих царствующих домов – Гогенцоллернов и Романовых. Этот архив очень интересен и когда-нибудь будет обследован.

Затем интересен объединенный архив Габсбургов, так называемый *Hofburg Archiv* императорского замка Габсбургов в Вене. Здесь сосредоточены правительственные дела. Это богатейший архив. После Венской революции 1918 г., после изгнания Габсбургов был период очень важный для науки. Уже не было Габсбургов и еще не было фашизма, и в этот период была издана масса интересных вещей. Например, была издана документация такого рода, которая для историка очень важна, но которая почти никогда историку не попадает на глаза, до такой степени она считается до сих пор сокровенной. Вы, вероятно, знаете историю дела Дрейфуса. Вы помните начало этого дела. Обгорелый документик вытащил из камина у немецкого военного атташе Шварцкоппена его лакей, подкупленный французским штабом, и передал во французский штаб. Это было началом дела Дрейфуса.

Такие обгорелые бумажки, такие выбрасываемые документы, такие рвущиеся на части записочки – весь этот материал, обыкновенно исчезающий, в Венском архиве существует. Императоры и представители господствующего класса получали от своих агентов в большом количестве этот выкраденный из чужих квартир, у дипломатов и т.д. материал. Недавно были изданы и получены в Ленинградской библиотеке два ог-

ромных тома, касающиеся только Венского конгресса за время с сентября 1814 г. по апрель или по 15 июня 1815 г.³¹ За несколько месяцев были напечатаны огромные тома, где в хронологическом порядке, по дням мы видим такие бумажки, краденые записочки, подслушанные разговоры – все то, что доносилось императору его тайным агентом Хагером. То, что целые столетия хранилось в самых тайных сундучках в архивах, – это теперь напечатано. Только за несколько месяцев – два огромных тома, в высшей степени важные. Слежка была за Александром, слежка была за всеми решительно монархами, и сами съехавшиеся установили свой шпионаж за другими. А этот Хагер был сверхшпионом, он перекупал всех шпионов. Он им доставлял, чтобы их не прогнали со службы, разные ложные сведения, которые они передавали своим господам, а они зато давали ему настоящие сведения, и он доносил их своему императору. Этот материал имеет огромное значение для дипломатической и политической истории.

Венский архив – это тоже непочатый край, и он тоже сравнительно мало использован. Из русских историков только покойный Митрофанов написал две очень хорошие диссертации: одну об императоре Иосифе, другую о Леопольде – на основании документации Венского архива.³²

Вас может заинтересовать, существуют ли архивы для истории социалистического движения, для истории социал-демократических партий. Существуют, но сейчас участь их в высшей степени сомнительна. То, что успели спасти у нас, то есть то, что переправили к нам в ИМЭЛ – Институт Маркса, Энгельса, Ленина, – это, конечно, спасено, но что сейчас делается с архивами, оставшимися в руках социал-демократической партии, которая почти сплошь перешла на сторону буржуазии против коммунизма, этого мы не знаем. Я знаю, что в печать проникли некоторые известия, что, например, в Голландии определенно уничтожен архив Домела Ньювенгуса³³ и некоторые другие. Эти архивы никем не управлялись, они не поступали в государственные архивы, и их участь сейчас в высшей степени сомнительна. Можно думать, что многие из них будут уничтожены. Еще до революции этими архивами пользовался Бернштейн для своей истории берлинского рабочего класса. Но, как вы знаете, Бернштейн – глава ревизионизма, внутренний враг революционного марксизма и, конечно, он эти документы обрабатывал и осваивал по-своему, так что тут вы опять-таки в руках исследователя, которому вы верить не можете.³⁴

Вот то небольшое, что я мог сказать вам сегодня в этой маленькой беседе относительно западноевропейских архивов. Я кончу тем, что сейчас, видя вас в таком количестве, видя вас в этом учреждении, специально созданном для повышения квалификации будущих архивных деятелей, конечно, я могу сказать, что нигде в настоящее время не делается таких усилий, какие делаются советским правительством для того, чтобы поставить архивное дело на должную высоту. Это, конечно, находится в зависимости от того, что руководители партии и правительства и в том числе тот огромный деятель, который делает историю

и так хорошо ее делает у нас, понимают значение истории, значение архивов и дают вам все возможное, чтобы вы в свое время принесли пользу на этом в высшей степени важном участке, потому что без архивов и без вас, без вашей помощи, нет истории, нет возможности работать будущим поколениям историков. Когда я слышу о том, что не только вас так много, но что правительство делает все зависящее от него, чтобы обеспечить за вами возможность спокойной работы, я вспоминаю тех заслуженных архивистов, имеющих уже большой стаж, имеющих за собой чуть ли не целые библиотеки ими написанных архивных произведений, людей, которым за 60 лет и которые должны по ночам работать, брать нищенски оплачиваемую работу, чтобы не умереть голодной смертью. Сравнивая вот эти два наудачу выхваченных момента, лишний раз убеждаешься в том, насколько ваше поколение на вашем поприще счастливее тех, кто должен бороться за существование, добывая себе хлеб вот этим, в высшей степени важным, общественно и государственно нужным трудом, каким является труд архивиста. Могу только от души пожелать, чтобы вы эти возможности всю использовали. От этого только выиграет та наука, которой все мы служим, наука истории.

Комментарии

- ¹ Вероятно, оговорка вместо: Архив министерства иностранных дел.
- ² См.: Тарле Е.В. Император Николай I и крестьянский вопрос в России по неизданным донесениям французских дипломатов 1842-1847 гг. // Тарле Е.В. Запад и Россия. Статьи и документы по истории XVIII-XX вв. Пг., 1918. С.7-27.
- ³ Альфонс Олар (1849-1928) – французский историк, профессор Сорбонны, глава либерально-республиканской школы историков Французской революции.
- ⁴ Жорж Буржен (1879-1958) – французский историк, специалист по XIX в.
- ⁵ Шарль Шмидт (1872-1958) – французский историк.
- ⁶ См.: Шмидт Ш. Французские архивы и их техническая организация // Архивное дело. 1927. N 11-12. С.105-127; Он же. Методы работы в Национальном архиве // Там же. 1928. N 3 (16). С.81-85.
- ⁷ Шарль Виктор Ланглуа (1863-1929) – французский историк-медиевист, профессор Сорбонны, с 1912 г. директор Национального архива.
- ⁸ Ш.В.Ланглуа приезжал в СССР в 1928 г.
- ⁹ Альбер Матьез (1874-1937) – французский историк, глава левой школы в изучении Французской революции XVIII в.
- ¹⁰ Е.Ярославский был ответственным редактором журнала «Историк-марксист» с 1938 г.
- ¹¹ Жорж Ленотр (1857-1935) – французский историк и литератор, представитель так называемой «малой истории».
- ¹² Н.Д.Фюстель де Куланж (1836-1889) – знаменитый французский историк, специалист по античности и генезису феодализма.
- ¹³ Фердинанд Фош (1851-1929) – французский маршал, главнокомандующий войсками Антанты в I мировой войне.
- ¹⁴ Ипполит Тэн (1828-1893) – знаменитый французский историк и литератор. Имеется в виду его труд "Происхождение современной Франции".
- ¹⁵ Пьер Гаксотт (1895-1982) – французский историк и журналист правых убеждений. Речь идет о его книге "Le Siècle de Louis XIV" (Paris, 1933).
- ¹⁶ Мариус Андрэ (1868-1927) – французский историк. Имеется в виду его книга "La véritable aventure de Christophe Colomb" (Paris, 1927).

¹⁷ Ср.: Любименко И.И. Архивы Великобритании в их прошлом и настоящем. // История архивного дела классической древности, в Западной Европе и на мусульманском Востоке. Пг., 1920. С.217-304.

¹⁸ Сидней Уэбб (1859-1947) и его жена Беатрис Уэбб (1858-1943) – английские общественные деятели, левые лейбористы. Имеется в виду их книга "История тред-юнионизма".

¹⁹ М.М.Ковалевский (1851-1916) и П.Г.Виноградов (1854-1925) – крупнейшие русские медиевисты.

²⁰ Томас Маколей (1800-1859) – знаменитый английский историк, автор "Истории Англии от восшествия на престол Иакова II".

²¹ Роберто Фариначчи (1892-1945) – один из лидеров итальянского фашизма, был генеральным секретарем фашистской партии. Расстрелян партизанами.

²² См.: Тарле Е.В. Экономическая жизнь королевства Италии в царствование Наполеона I. С приложением неизданных документов. Юрьев, 1916.

²³ Е.Ф.Шмурло (1853-1934) – русский историк, профессор Юрьевского университета (1891-1903), с 1903 г. ученый корреспондент Российской Академии Наук в Риме. Умер в эмиграции.

²⁴ Е.Ф.Шмурло много работал в Ватиканском архиве, который был открыт для исследователей в 1880 г. См., в частности, подготовленное им издание: Россия и Италия. Сборник исторических материалов и исследований, касающихся сношений России с Италией. СПб., 1907-1927. Т.1-4.

²⁵ Поль Пирлинг (1840-1922) – ученый иезуит, специалист по истории отношений Ватикана с Московской Русью.

²⁶ Вероятно, имеется в виду М.Сакки (1863-1897).

²⁷ Гартман Гризар (1845-1932) – немецкий историк. Речь идет о его книге: *H. Grisar. Luther. Freiburg, 1911-1912. Bd.1-3.*

²⁸ Людвиг Пастор (1854-1928) – австрийский историк, автор многотомного исследования: *Geschichte der Päpste seit dem Ausgang des Mittelalters (1477-1799). Freiburg, 1886-1938. Bd.1-21.*

²⁹ Ср.: Полиевктов М.А. Архивное дело в Германии и Австрии // История архивного дела классической древности, в Западной Европе и на мусульманском Востоке. С.305-356; Венцке П. Архивное дело в Германии // Архивное дело, 1928. № 4 (17). С.10-28.

³⁰ См.: Тарле Е.В. Теодор Шиман. 1841-1921 // Дела и дни. 1921. Кн.2. С.180-198.

³¹ См.: *Les dessous du Congrès de Vienne. Paris, 1917. T.I-II.*

³² См.: Митрофанов П.П. Политическая деятельность Иосифа II, ее сторонники и ее враги (1780-1790). СПб, 1907; Он же. Леопольд II Австрийский. Внешняя политика. Пг., 1916. Т.1.

³³ Ф.Д.Ньвенгейс (1846-1919) – деятель голландского рабочего движения.

³⁴ Имеется в виду издание Э.Бернштейна: *Geschichte der Berliner Arbeiterbewegung. Berlin, 1907-1910. Bd.1-3.* В начале XX в. Тарле солидаризовался с основными ревизионистскими тезисами Бернштейна. См.: Каганович Б.С. Евгений Викторович Тарле и петербургская школа историков. СПб, 1995. С.11.

Summaries

Pyama P. Gaidenko. The Concept of Time in Ancient Philosophy

The article examines the concepts of time in Zeno of Elea, Plato, Aristotle and Plotinus. Zeno believed that the universe is a single, undifferentiated substance beyond the understanding of human senses. According to him, the only knowable reality is immutable being, and change is the subject of mere opinion. Zeno attempted to discredit the senses through a series of paradoxes on time and space which postulated impossibility of motion in the sensible world. For Plato the Being and the One are not synonyms, and Time is a cosmic category related to eternity. Time appears together with Cosmos and is subject to the law of Number.

Zeno's paradoxes which presuppose actual infinity of space segments and time durations are solved by Aristotle who separates actual and potential infinity. For him space and time are continual potentially. Time requires motion and is the measure of motion. Aristotle analyses time in the context of physics. He approaches the question of connection between time, memory and sensible soul but does not elaborate this topic. Plotinus returns from Aristotle to Plato and considers Time from the point of Eternity. Time becomes the life of the cosmic Soul. This Soul creates the sensible universe in the imitation of the One, and the whole world moves within the Soul.

Olga G. Kolosova. The Vision of the Time in *De oratoribus* by Tacitus

As is universally recognised, Tacitus deals in the *Dialogue* with the difference between historico-cultural epochs, between that of the Roman Republic and that of the Empire. But this difference can not be regarded as the central problem of the *Dialogue*. Focusing on the vision of the time by Tacitus on the basis of the analysis of temporal notions in the *Dialogue* as a whole and especially in its Prologue, such as *aetas*, *saeculum* etc., the author of the paper claims that it is necessary to include the data of *Dial. 1.1* into a broader context of intellectual life of the late 1 c. A.D. A number of evidence in *Institutio oratoria* by Quintilian shed light on the nature of the notion of *aetas* and *saeculum* in Prologue to *Dialogue*. Despite their difference in some other aspects, both Tacitus and Quintilian have absolutely the same opinion about the time. A life of the man and not abstract processes or objective events was an exclusive criterion for dividing of history. The subjective, personal vision of time and history of both authors was imprinted by the Roman common consciousness.

Valery V. Petroff. Epilogue of John Scottus' *Aulae sidereae* (vv. 72-101) and the Earlier Poetic Tradition

The article discusses the models which John Scottus (Eriugena) (IX c.) might follow while writing the epilogue of the poem *Aulae sidereae* (Starry Temple). The epilogue describes the building by Eriugena's patron, the king of Franks Charles the Bald, a beautiful church and contains the appeal to Christ and Virgin Mary to protect the king. The article examines the tradition of poetic addresses to goddess with a request to protect a poet's patron. The bright start to this tradition was given by the prologue of Lucretius' *De rerum natura*, which reveals typological similarity to vv. 82-91 of the *Aulae sidereae*. It is shown that the initial lines of Lucretius' poem could influence Eriugena both directly and implicitly. History of the use of the epithet *genitrix* in Latin poetry from Lucretius to Alcuin is traced. It is shown that Christian poetic tradition inherited the ancient prehistory of the word. The general conclusion of the article: the

direct model for the epilogue of *Aulae sidereae* (vv. 72-101) were the dedicatory poems of Alcuin, in which the formula *dei genitrix* occurs chiefly in verse inscriptions for the altars and churches dedicated to Virgin Mary. Therefore, the hypothesis according to which vv. 82-101 previously might have existed as an independent poem should be rejected. It is pointed out, that the vocabulary of the description of the church interior in John Scottus derives from the Vulgate and Bede's *De tabernaculo* and *De templo*. The author concludes that *Aulae sidereae*'s epilogue describes not a real Christmas mass once served by Charles the Bald in Aachen, but provides the design of an ideal temple for Christian emperor.

Irina V. Vedyushkina. The Biblical Tradition on the Division of the Earth in the Patristic and Byzantine Literature

The article deals with the problem of role and significance of the traditional biblical ethno-geographical excursus about the division of the earth among the sons of Noah (Gen. X.1-32) in the works of Hellenistic, Patristic and Byzantine authors. As it was shown by the scholars of the 18-20th cc. (A.Schlözer, A.v.Gutschmid, A.Bauer), this subject sprang from the same sources (Josephus Flavius and Hippolytus of Rome) in Early Christian, Western, Byzantine, Old Russian and Arabic literature. The chief aim of this study is to examine the intellectual innovations, which were expressed by the compilers within the traditional text. In spite of the common origin, the meaning of this excerpt is quite different in the works of Epiphanius of Cyprus, Hieronymus of Stridon, Hisidorus of Seville, Arnobius the Junior, Cosmas Indicopleustus, Anastasius of Sinai, John Malalas, the author of the *Chronicon Paschale*, Georgius Syncellus, Georgius Monachus and the author of the Russian Primary Chronicle.

Oleg M. Kozick. The Definition of "Riches" in the Context of History: St.Cyril of Turov's Teaching

Two major problems: the mere essence of Paganism as a universal type of world outlook and pre-religion - and historical roots and foundations of Early and Medieval Christian Saint Poverty Apology phenomenon meet each other in the article on St. Cyril of Turov (Kirill Turovsky) (1130-1182), famous and unknown, highly esteemed and obscurely understood, brightly talented poet in prose and profound (though brief in words) philosopher, a great peaceful fighter against Paganism.

On the ground of his own "Vitality Language Consciousness Mechanism" theory being worked out in the previous works the author shows how didactical prose of a bishop from an old Russian town Turov opens door to a new comprehension of historical foundations for a common European historical phenomenon of Christian Saint Poverty Apology and to a new understanding of Paganism as a universal phenomenon. "Riches" is one of the most important definitions of a Pagan world outlook, a reflection of it's "sacred core". O.M.Kozick shows St.Cyril's talented attack on the strongholds of Pagan world outlook, on the basis of this definition, correlating with other important Pagan world outlook definitions and images. The results of this investigation being of value for better comprehension of a European Saint Poverty Christian Theories. Historical retrospection leads to a conclusion about undoubted benefit of "strengthening" a "unifying" look on a History of Christianity in Europe, both in Russian and in Western European studies.

Pavel M. Smirnov. Defending the Rights of an Artist: Bernard Shaw on Relations between Art and Power

The article is dedicated to Bernard Shaw's participation in the debate on the censorship in the Edwardian England. It traces the links between Shaw's activity as an adversary of the censorship and his works written at the same period (1909-1910).

The comparison of Shaw's public speeches and plays reveals that the use of plain, disagreeable language and shocking opinions helped to draw attention to the problems which were in some way ignored by contemporaries.

**Ilya E. Andronov. Intellectuals of Naples:
Fausto Nicolini, His Friends and Characters**

The article is devoted to one of the leading Italian historians of the XX century Fausto Nicolini (1879-1965). His special attention was paid to the reconstruction of the cultural atmosphere of the capital of the Italian South at the time before Napolitan Enlightenment. Offspring of the Napolitan noble family of state officer, Nicolini became a historian by chance, first of all thanks to his friendship to the great Italian philosopher B.Croce. The acquaintance of Croce's friends let him become one of the city intellectual elite and begin a splendid career completed by the Nicolini's nomination to the post of General Inspector of Italian archives. Nominated to it few months before the Mussolinian "March to Rome" (1922), Nicolini as General Inspector lived through fascism and retired only in 1947.

One of the main subjects of this article is the Napolitan intellectual life at the end of the XIX and the earlier XX-th century, when Fausto Nicolini's thinking manner and research preferences were formed. It deals mainly with the highest intellectual circles, with the group of the most prominent scholars, Croce's friends, as well as some representatives of the highest nobility. Among the Nicolini's colleagues we meet, for example, the greatest Napolitan poet S. Di Giacomo, philosophers as Gentile, editors as R.Ricciardi and G.Laterza, historians as M.Schipa and B.Capasso and others. The state and policy of the Napolitan Frederic II University, the most remarkable journals on history and culture of Naples, intellectual societies and various "academies" are explicitly characterized.

The last part of the article refers to biographies of the favourite characters of Nicolini's historical study and archive research, lawyer and political thinker Pietro Giannone (1676-1748) and philosopher Giambattista Vico (1668-1744). The special Nicolini's attention to these two characters can be explained by their belonging to the same social class. They matched perfectly to the Nicolini's perception of historical writing as "narration of the facts of the ethico-political nature".

Marina P. Aizenshtat.

The Historical Views of the British Utilitarians

The author analyses historical writings and ideas of the intellectuals belonging to the circle of the philosopher-utilitarian Jeremy Bentham (J.Mill, J.S.Mill, J.A.Roebuck, J.Grote) who played an important role in the making of the ideology of radicalism and in the shaping of the government policy in 1830-1840. The author concludes that the utilitarians' appeal to the historical experience substantiated or confirmed their own moral doctrine and political views. They supported the theory of successive development of society. The application of this theory became an important component in the framing of the concept of the civilizing mission of Britain.

**Ljubov A. Fadeeva. The Image of the Victorian Age
in the Collective Memory of Englishmen**

The author deals with the creating of the myth of Victorian age and its transformation in the XX-th century. She defines the main features of the Victorian mentality: rigid morality, social discipline, gentleman's code, belief in hierarchy and in the progressive role of science, and political conformity, snobbism and distrust in intellectuals. Victorian hypocrisy and stiffness led to the revolt of intellectuals at the beginning of the XX-th century and especially after the First World War. In 1920-50 Victorian was another name for hypocrite. But later, in the second half of the century, the lack of stability

forces Englishmen to feel a sort of nostalgia towards Victorian period. It is considered now to be a "golden age" in English history.

Alexander I. Boroznjak. Against Oblivion: the "Black Series" of the 'Fischer' Publishing House

The article deals with the edition of the books of the 'Black series' dedicated to the period of Nazism in Germany. This series existed since 1977, and in the last decades it presented results of researches on different problems of the Nazi past: the Holocaust and the Nazi genocide towards other nations and the "enemies of society", the shaping of the Nazi regime and its functioning, different strata of the Resistance (Communists, social-democrats, Catholics), the war against USSR etc. The Fischer's publications form an opposition to the efforts to proclaim Germans non-guilty in crimes of the Nazism. The debate on the German history of 1933-1945 reflected in the "Black series" became an important point in the process of the "overwhelming the past".

Marina S. Bobkova. Jean Bodin's Historical Method as a Way of Theoretical Comprehension of the Past

The article is based on the analysis of Jean Bodin's treatise "Methodus ad faciliorem historiarum cognitionem" (1566). Historical research of this thinker's ideas permits to understand the mentality of the XVI-th century people (to be more exact, their comprehension of historical experience), gives an opportunity to define mental, social, political preconditions of the formation of history as humanitarian science. The historical method of Bodin is founded on the reserved system's elements: God-Nature-Person-Society. J. Bodin's historical method is unique, this method let him to be called the "first theorist of history" of the Modern Time.

Alexander I. Patrushev. Kurt Breysig: the Heretic of the History Discipline

The author studies the works by Kurt Breysig (1866-1940), a half-forgotten figure in the German historiography of the XIX-th century whose ideas were not accepted by his contemporaries. In his works Breysig tried to create links between history, economics, sociology, social psychology and anthropology. The major part of his ambitious program was not realized, but it formed the first step on the way from the traditional descriptive historiography of the XIX-th century to the analysis of the social structures and transformations.

Vladimir D. Jigunin, German P. Myagkov.

Between Monism and Pluralism:

Russian Historical Thought on the Verge of the XIX-th and XX-th Centuries

In modern Russian historiography there is no precise partition of a historical science on schools, directions, currents. If such partition exists, it until now, actually, bases on abstraction of the class approach. The authors use an example of Russian historiography of the end of the XIX-early XX c. in considering the diverse methods of differentiation of directions in historiography. They came to a conclusion about methodological convergence of various schools and directions in Russian historiography with the essential variety of political and thematic orientations of the works of historians. Monism and pluralism in the methodology of the scholars of "Russian historical school" were closely interlaced, ensuring various methods of explanation within the framework of the tendencies to historical synthesis. The interest of the contributors of "Russian historical school" to a socio-economic problematics did not mean at all adherence to ideas of economic materialism. Cultural and anthropological explanatory procedures, to which resorted N.I. Kareev, M.M. Kowalewski, P.G. Vinogradov etc., rather clearly testify to paradigmatic specificity of "Russian historical school".

**Sergey V. Ljaljaev. The Aesthetics of History:
T.B.Macaulay's 'The History of England'**

The paper is devoted to the analysis of the aesthetics of T.B.Macaulay's *'The History of England'*. Its main features and peculiarities are examined with the help of specific aesthetic categories, such as, "lofty", "typical", "ordinary", "authentic". These characteristics are treated in the article as closely connected and influencing each other. The author pays most attention to "the double perspective of narration" - factual and figurative. This logic of narration has in its basis Macaulay's notion of history. An attempt at clarifying the historical and aesthetic views of Macaulay is also made in the article. According to Macaulay's theory, history is "the art of interesting the affections and presenting pictures to imagination". Both in theory and in practice Macaulay emphasized the pictorial quality for history. And he could do this best by turning with fiction to the trivial details of ordinary life or the life of some outstanding characters and great events. For Macaulay, practical common sense, clarity, decorum, empiricism and moral were the guiding ideals. The world of *'The History'* is a world of justice and fantasy. Although the fantasy world is created with extraordinary density of fact.

The correlation of the aesthetic norm and the historical variable is one of the major problems in study of Macaulay's *'The History of England'*. The author thinks that the set approach could be very productive in complex analysis of *'The History'*.

**Vera V. Zvereva. Bede the Venerable in the British Historiographical Culture
of the XIX-XX-th Centuries: Four Interpretations**

This article deals with the ways and modes of representation of Venerable Bede in the works of four British historians of XIX-XX-th centuries: Ch.Plummer, R.W.Chambers, P.Hunter Blair, J.McClure. The study focuses on the main and special features of Bede's image of a christian saint, a scholar and a teacher. The interpretation of these works shows the importance and inevitability of the aesthetic approach to the texts of historical sources for an author who attempts to «reveal» the individuality of the character of his narrative. The ideas of «due» and «beautiful» influence the language of historian's study, the system of metaphors, the subjects chosen for a description. Every historian creates his own «Bede the Venerable». Aspects of Bede's image significant for its author correlate with the standards and values of the author's time and culture, with the changing rules of the historical discipline.

**Galina I. Zvereva. Self-Knowledge of the Professional Historiography
at the End of the XX-th Century**

The article deals with typical and special features of the self-knowledge of the academic historiography of the 1970s-1990s. The problem of the content and the form of the historical knowledge, their intercommunication with the rules and standards of the academic science is the subject of continuous discussions in the association of the western professional historians. The debates became more acute with the sensation of the crisis of a professional identity when the historical profession was involved in the "postmodern condition".

The article represents the spectrum of contemporary approaches to the phenomenon and the rules of the historical profession in the context of the scientific, institutional, intellectual culture of the XX-th century. The article shows how the historians have studied the characteristics of the professional consciousness and behaviour of members of the academic association in connection with the broadening of the structure of the historical knowledge, cognitive "turns" of the second half of the 20-th century, with the change of the notions of theory, methodology, language of historical narrative. The article draws attention to the tendency of contemporary historians of historiography to study ways of creation of senses within historical profession, the processes of production of cultural meanings, that determines the historiographical prac-

tice, their desire for representing Academy not only as a socio-cultural phenomenon, but as a kind of cognitive structure with it's own rules and procedures.

Elena B. Rubinstein. Robert Darnton: "Intellectual History from Below"

The article is devoted to outstanding American historian Robert Darnton. A specialist in early modern French history, he is the author of many acclaimed books, including *'The Great Cat Massacre and Other Episods in French Cultural History'* and *'The Kiss of Lamourette'*. Having thoroughly mined the sources, Darnton provides a trove of information on the illegal literature of Old Regime France. The result is the invaluable resource for specialists in French cultural history, in the history of the books, the social history of ideas, and for eveybody who explores the problems of censorship and state control of ideas.

Anna Yu. Seregina. The Idea of Popular Consent in Elizabethan England: Robert Persons and the "Conference about the Next Succession to the Crown of England"

The paper deals with the concept of popular consent in Elizabethan political thought. The author shows the catholic component of its development that has been underestimated by English historiography. The treatise written in 1594 by a Jesuit Robert Persons combined the notion of the popular consent with the resistance theory in a way, which looked extremely radical for Elizabethans. But this radicalism made the *'Conference'* popular in the XVII-th century, in the years of Revolution. The tract was written under the direct influence of the French monarchomachs, but Persons translated the continental ideas into the language of English political tradition. Thus the Persons' *'Conference'* became an instrument of planting the best achievements of continental thought in English soil.

Maya S. Petroff. Grammar in the Late Antiquity and the Middle Ages: *Ars Minor* of Donatus.

This is the first Russian translation of Donatus' *Ars Minor*, the most widely used grammar manual between 600 and 1100, with an introduction and notes. The introductory article discusses the place of Donatus among other grammarians of the Late Antiquity and the Middle Ages, the distinctives of Latin in the age of Donatus, the privelege place it held in the curriculum of the Early Middle Ages. The four periods in the history of Latin grammar studies (II - XIII-th A.D.) are under consideration and respectively four principle types of grammar: *elementary (school) grammar, regulative grammar, grammar commentaries, comparative and discriptive grammar*. The method of propaedeutic pedagogy and the principles of elementary training in Latin in the Middle Ages are described.

СОДЕРЖАНИЕ

Что такое интеллектуальная история?.....	5
(Предисловие Л.П.Репиной)	

Идея Времени

<i>П.П.Гайдэнко</i> Понятие времени в античной философии.....	13
<i>О.Г.Колосова</i> Восприятие времени в диалоге Тацита "Об ораторах".....	36

Интеллектуальные традиции средневековья

<i>В.В.Петров</i> Эпигл <i>Aulae siderææ</i> Иоанна Скотта (vv.72-101) и предшествующая поэтическая традиция.....	46
<i>И.В.Ведюшкина</i> Библейское предание о разделении земли в раннехристианской и византийской традиции.....	60
<i>О.М.Козик</i> Понятие "богатства" в контексте истории: учение св.Кирилла Туровского.....	84

Интеллектуалы и общество

<i>П.М.Смирнов</i> Защищая права художника: Бернард Шоу об отношениях Искусства и Власти.....	109
<i>И.Е.Андронов</i> Интеллектуалы Неаполя: Фаусто Николини, его друзья и герои.....	120

История и политика

М.П.Айзенштат

Исторические взгляды британских утилитаристов.....139

История и память

Л.А.Фадеева (Пермь)

Образ викторианской эпохи
в коллективной памяти англичан.....152

А.И.Борозняк (Липецк)

Против забвения:
"Черная серия" немецкого издательства "Фишер".....170

Из истории исторической мысли

М.С.Бобкова

Исторический метод Жана Бодена
как способ теоретического осмысления прошлого.....184

А.И.Патрушев

Курт Брейзиг - еретик исторической науки.....201

В.Д.Жигунин, Г.П.Мягков (Казань)

Между монизмом и плюрализмом:
русская историческая мысль на рубеже XIX-XX вв.....215

Эстетика истории

С.В.Ляляев

Эстетика истории:
"История Англии" Томаса Бабингтона Маколея.....223

В.В.Зверева

Беда Достопочтенный
в историографической культуре XIX-XX вв.:
четыре интерпретации.....232

Историография на пороге XXI века

Г.И.Зверева

Обращаясь к себе: самопознание профессиональной историографии конца XX века.....250

Е.Б.Рубинштейн (Казахстан)

Роберт Дарнтон: "интеллектуальная история снизу".....266

Из истории политической мысли

А.Ю.Серегина

Идея народного договора в елизаветинской политической мысли: Роберт Парсонс и его "Рассуждения о наследовании английского престола".....279

Из истории гуманитарного знания

М.С.Петрова

Грамматическая наука в поздней античности.....295
и средние века: *Ars minor* Доната.

Донат. Краткая наука о частях речи.....306
(Перевод и примечания *М.С.Петровой*)

Публикации

Воспоминания Е.В.Тарле о работе в западных архивах.....335
(Вступительная статья, публикация и примечания *Б.С.Кагановича*)

SUMMARIES.....357

CONTENTS

What is Intellectual History?	5
(Introduction by <i>L.P.Repina</i>)	

Idea of Time

<i>P.P.Gaidenko</i> The Concept of Time in Ancient Philosophy.....	13
<i>O.G.Kolosova</i> The Vision of the Time in <i>De oratoribus</i> by Tacitus.....	36

Intellectual traditions of the Middle Ages

<i>V.V.Petroff</i> Epilogue of John Scottus' <i>Aulae sidereae</i> (vv.72-101) and the Earlier Poetic Tradition.....	46
<i>I.V.Vedyushkina</i> The Scriptural Legend about the Division of the Earth in the Early Christian and Byzantine Tradition.....	60
<i>O.M.Kozick</i> The Definition of "Riches" in the Context of History: St.Cyril of Turov's Teaching.....	84

Intellectuals and Society

<i>P.M.Smirnov</i> Defending the Rights of an Artist: Bernard Shaw on Relations between Art and Power.....	109
<i>I.E.Andronov</i> Intellectuals of Naples: Fausto Nicolini, his Friends and Characters.....	120

History and Politics

- M.P.Aizenshtat*
The Historical Views of the British Utilitarians.....139

History and Memory

- L.A.Fadeeva*
The Image of the Victorian Age in
the Collective Memory of Englishmen.....152
- A.I.Boroznjak*
Against Oblivion: the "Black Series"
of the 'Fischer' Publishing House.....170

History of Historical Thought

- M.S.Bobkova*
Jean Bodin's Historical Method as
a Way of Theoretical Comprehension of the Past.....184
- A.I.Patrushev*
Kurt Breysig: the Heretic of the History Discipline.....201
- V.D.Jigunin, G.P.Myagkov*
Between Monism and Pluralism:
Russian Historical Thought on the verge of the XIX and XX cc.....215

Aesthetics of History

- S.V.Ljaljaev*
The Aesthetics of History:
T.B.Macaulay's 'The History of England' 223
- V.V.Zvereva*
Bede the Venerable in the British
Historiographical Culture of the XIX-XX cc.:
Four Interpretations.....232

Historiography on the eve of the XXI century

G.I.Zvereva

Self-Knowledge of the Professional Historiography
at the End of the XX-th Century 250

E.B.Rubinstein

Robert Darnton: "Intellectual History from Below" 266

History of Political Thought

A.Yu.Seregina

The Idea of Popular Consent in Elizabethan England:
Robert Persons and the 'Conference about
the Next Succession to the Crown of England'.....279

History of Human Knowledge

M.S.Petroff

Grammar in the Late Antiquity and Middle Ages.....295

Donatus. *Ars minor*.....306
(Transl. and notes by *M.S.Petroff*)

Publications

E.V.Tarle's Recollections of his Work in Western Archives.....335
(Intro., publ. and notes by *B.S.Kaganovich*)

SUMMARIES.....357

Диалог со временем
Альманах интеллектуальной истории
1/99

Утверждено к печати
Институтом всеобщей истории РАН

Л.Р. № 020915 от 23 сентября 1994 г.

Подписано в печать 22.06.1999
Гарнитура Ариал. Объем – 23,125 п.л. Тираж 600 экз.

ИВИ РАН. Ленинский пр., д.32а

Уважаемые читатели! Уважаемые авторы!

Издательство **УРСС** специализируется на выпуске учебной и научной литературы, в том числе монографий, журналов, трудов ученых Российской академии наук, научно-исследовательских институтов и учебных заведений.

Основываясь на широком и плодотворном сотрудничестве с Российским гуманитарным научным фондом и Российским фондом фундаментальных исследований, мы предлагаем авторам свои услуги на выгодных экономических условиях. При этом мы берем на себя всю работу по подготовке издания — от набора, редактирования и верстки до тиражирования и распространения.

Среди недавно вышедших книг мы предлагаем Вам следующие.

Цимбаева Е.Н. Русский католицизм. Забытое прошлое российского либерализма.

Рудницкая Е.Л. Поиск пути. Русская мысль после 14 декабря 1825 года.

Балуев Б.П. Споры о судьбах России:
Н.Я. Давыдовский и его книга "Россия и Европа".

Эйдельман Н.Я. Свободное слово Герцена.

Антонов В.Ф. А.И. Герцен. Общественный идеал анархиста.

Тихонова Е.Ю. Мировоззрение молодого Беллинского.

Твардовская В.А., Итенберг Б.С. Русские и Карл Маркс: выбор или судьба?

Культурные связи России и Польши XI–XX вв. Ред. *Щавелева Н.И.*

Приговоры и наказания крестьян Центральной России 1905–1907 гг.
Сборник документов. Ред. *Семчакова Л.Т.*

Маши В.С. Искусство в резервации.
Художественная жизнь России 1917–1941 гг.

Седов В.В. У истоков восточнославянской государственности.

Роль религии в формировании южнославянских наций. Ред. *Чуркина И.В.*

Средневековая Русь. Ч. I, II. Ред. *Горский А.А.*

Очерки феодальной России. Вып. 1–4. Ред. *Кистерев С.Н.*

Нерсисянц В.С. Политико-правовые ценности: история и современность.

Павлович Н.В. Словарь поэтических образов. В двух томах.

Полный каталог содержит более 500 наименований.

Наши книги можно приобрести в магазинах:

«Библио-Глобус» (м. Лубянка, ул. Мясницкая, 6. Тел. 928–87–44)

«Московский дом книги» (ул. Новый Арбат, 8. Тел. 290–45–07)

«С.-Пб. дом книги» (Невский пр., 28)

а также в книжных киосках МГУ (Воробьевы горы)

По всем вопросам Вы можете обратиться к нам:

тел./факс 135-44-23, тел. 135-42-46

или электронной почтой urss@urss.ru

Полный каталог изданий представлен

в *Internet-магазине*: <http://urss.ru>

